Михаил Лост

ПРИНЦЕССА КРОВИ

фэнтезийный роман
I часть

© Авторские права защищены

Оглавление:

Часть I 3
– 1 – 3
– 2 – 25
– 3 – 51
– 4 – 86
– 5 – 111
– 6 – 149
– 7 – 179
– 8 – 206
– 9 – 231
– 10 – 255
– 11 – 290
– 12 – 336
– 13 – 378
– 14 – 414
– 15 – 452
– 16 – 491
– 17 – 532
– 18 – 561

Часть I
ЧУЖОЕ ДИТЯ

Одни дети вырастают в тех, кем их воспитали.
Другие становятся теми, кем они были рождены.

– 1 –

Пески. Сколь далеко они простираются вдаль и вширь, и сколь безжизненным кажется все среди их владычества, особенно когда палящее солнце старается расплавить тихо шуршащие белые крупинки, словно всерьез вознамерилось изготовить самое громадное стекло на свете. Легкая дымка из этих крупинок, поднятая налетавшим легким ветерком, вилась над гребнями обширных барханов, длинными рядами уходивших к горизонту. Колыхавшееся марево искажало его и без того неровную линию до совсем уж причудливого вида, не давая возможности разглядеть хоть что-либо отчетливо. Впрочем, по правде говоря, и рассматривать то там было особо и нечего. Пейзаж вокруг оазиса был привычно однообразен. Да, оазиса, мирно раскинувшегося вдали от торговых маршрутов и крупных центров цивилизации. Эти же песчаные волнистые холмы опоясывали непокорно раздвинувший их островок буйной свежей зелени, словно в насмешку над жгучим захватчиком шелестевшим перед ним сочными листьями и отдававшим мягкой прохладой, столь резко контрастировавшей с лучами палящего светила. Многочисленные высокие пальмы тянулись к голубому небу, а под их раскидистыми лапами тенились пышные заросли цветущих кустарников, уступавших место лишь обширным лужайкам, щедро покрытым густым травяным ковром и усеянным благоухающими цветами, да различным постройкам, творению рук человеческих. Занятого травой пространства было так много, а отрастала она при этом настолько быстро, что недостатка питания для домашних животных ни разу не ощущалось, при неизменной численности поголовья. Деревья, кусты и иные посадки плодоносили несколько раз в году, принося обильный урожай. Уютно расположившееся примерно в самом центре цветущей благодати небольшое, но отнюдь не мелкое озеро содержало в себе достаточно живительной влаги, чтобы обосновавшаяся вокруг него флора и фауна чувствовала себя в покое и достатке. Даже стаи птиц время от времени навещали его, держа путь из одних дальних краев в другие, и их появление всегда ознаменовывалось соответствующими криками и хлопаньем многочисленных крыльев. Водоплавающие тут же принимались курсировать по

прозрачной глади и нырять, в надежде поживиться обитавшей в водах озера рыбой, а прочие располагались на деревьях как при хорошем постоялом дворе, то и дело наведываясь вниз за плодами, если оных им не хватало среди ветвей. Пернатые чувствовали себя в достаточной безопасности, хотя совсем уж без охоты на них не обходилось. Но в разумных пределах — так, чтобы не отбить желания и впредь навещать утопающий в зелени островок среди бескрайних белых песков пустыни. Это прекрасное и умиротворенное место носило название Нирелин.

Высокий старик с испещренным глубокими морщинами загорелым лицом и длинной седой бородой, облокотившись на две уложенные в изголовье широкой скамьи шелковые подушки, с вершины высокой башенки перестал обводить задумчивым взглядом песчаные горизонты и посмотрел вниз, в самое сердце оазиса. Там, в отличие от безмолвных дюн, бурлила жизнь. Погонщики неторопливо перегоняли гурты коз и верблюдов на очередное пастбище, следуя строгой их смене, дабы дать травяному покрову полностью восстановиться. Козы радостно блеяли в предвкушении грядущей трапезы, а двугорбые верблюды сохраняли неизменное спокойствие, будто им никогда ни до чего нет дела. Тут и там сновали слуги: кто с кувшинами для воды, кто с ковром, требующим чтобы его хорошенько вытрясли, а кто и с садовыми инструментами — проявить заботу о посадках сельскохозяйственных растений. В большой дворовой печи уже вовсю пекли лепешки, и их запах приятно щекотал ноздри, вызывая вполне справедливый аппетит. Старик не страдал чревоугодием, предпочитая ограничиваться лишь необходимой пищей, но аромат был слишком соблазнителен; к тому же простые, но вкусные лепешки уж никак нельзя было назвать излишеством. Потянувшись к стоявшему подле скамьи столику, он взял с серебряного блюда несколько фиников и неторопливо принялся их жевать, попутно вооружившись чашей с чистой и холодной водой. Натянутый над смотровой башенкой в синюю и белую полоску тент надежно укрывал увенчанную тонкой скуфьей седую голову от палящих лучей солнца, но жара все равно давала о себе знать, и прихлебывать холодную воду было поистине приятно. Поставив чашу обратно и продолжая воздавать финикам должное, старик вновь опустил глаза вниз.

Помимо слуг виднелись и другие люди. Некоторые из воинов, сидя в теньке навеса, неторопливо занимались оружием, натачивая и без того острые как бритва клинки и проверяя наконечники стрел. Другие несли караул на внешней стене, опоясывавшей постройки не очень высокой, но вполне уверенной преградой. Прямой необходимости в их дежурстве не было, поскольку пара до-

зорных с башен прекрасно обозревала все окрестные пески вокруг до самого горизонта, и ожидать чьего-либо неожиданного появления попросту не приходилось. Тем не менее, воины стояли на своих местах, время от времени перемещаясь по стене: и дисциплина, и устоявшиеся с незапамятных времен традиции. Тут и там с визгом резвилась детвора, из тех что не помогали взрослым по хозяйству, и их беготня, пожалуй, была одним из немногих на что воины не без улыбки обращали внимание. За ней старались приглядывать как некоторые из многочисленных родственников старика, так и слуги, но в этом занятии они не слишком-то усердствовали. Мирно соседствовавшие между собой кошки и собаки иногда даже принимали участие в детских играх, особенно последние. Кошки, как правило, держались в зарослях или на хозяйских лежанках, в перерывах между сном, кормлением и присмотром за популяцией грызунов предпочитая взирать на все это шумное безобразие исключительно со стороны. Однако и кое-кто из них, в основном кто помоложе, иной раз вдруг принимал участие в догонялках-пряталках, не без явного удовольствия демонстрируя что такое настоящие ловкость и веселье. Дети всегда играли вместе, и никакого разделения на слуг или родственников не было. Кстати, родичей у старика действительно хватало — около трети от всего населения оазиса, а в нем постоянно проживало порядка семи сотен человек. Львиная доля мужчин являлась воинами, и их численность редко опускалась меньше двухсот человек. При этом быть воином отнюдь не означало совсем ничего не делать по хозяйству — практически все хорошо преуспевали в каком-нибудь деле, каковым и занимались в свободное от дежурства и отдыха время. Что, в конечном счете, оказывалось немаловажно, когда отправлялся очередной караван дабы продать произведенные товары и закупить того, чего сам оазис производить не мог. Такое значительное количество родных у возлежавшего на подушках старика не представляло собой что-либо удивительное. Старик этот был ни кто иной, как шейх Арбах ан-Бакир, а сам оазис Нирелин являлся исконным владением его рода. Шейху в текущем году стукнуло восемьдесят шесть лет, а главой семьи он стал наследуя своему отцу, дожившему до глубокой старости, на коем поприще уже и прибывал без малого около двадцати лет. Арбах не был старшим сыном, учитывая многочисленную родню, но, согласно воле отца, шейхом стал именно он за высоко оцененные родителем качества. Воля шейха — закон, и перечить ей никто не осмелился, тем более что мнение насчет этой кандидатуры разделяли многие. И с тех пор как Арбах ан-Бакир возглавил свой род и взял бразды правления Нирелином в свои руки жизнь в оазисе по-

текла еще лучше, чем прежде, и за все прошедшие годы мало на что можно было пожаловаться. Шейх сумел повысить благополучие всех проживающих в цветущем островке людей, да и сам островок, благодаря его дальновидным стратегическим решениям, стал еще более ухоженным и развитым чем прежде. Производительность труда выросла, что напрямую сказалось на благосостоянии, постройки обновились и даже сам оазис чуть расширился из-за возведенных барьеров на пути движения песков и более эффективного землепользования. Всему этому можно было только порадоваться, и обитателям Нирелина ни о чем тужить не приходилось. Тем не менее, возлежавший на подушках шейх нет-нет да отчего-то хмурился, а его взгляд то и дело возвращался к далеким волнистым горизонтам и вновь задумчиво затуманивался.

Причины волноваться у старика действительно имелись. И гораздо более глубокие, нежели основательно затянувшееся возвращение уж сколько недель назад как отправленного торговать каравана. Ему давно следовало вернуться, и в этом беспокойство ан-Бакира разделяли и некоторые его люди. Но лишь совсем доверенные лица знали, что есть и другие поводы для тревоги, и они могут оказаться связанными. Шейх на эту тему особо не распространялся, надеясь, что все подозрения это исключительно плод его старческой подозрительности. Однако здравый смысл тихонько и справедливо нашептывал Арбаху, что у него, к сожалению, для волнений действительно имеются все основания. И вот уже третий день он подолгу пребывал на вершине давным-давно облюбованной башенки, высматривая у горизонта что-то уж слишком запропастившийся караван и оставаясь наедине со своими мыслями. Шейха лишний раз старались не беспокоить, поскольку он отлично устроил все процессы в оазисе, обращаясь к нему лишь за самым необходимым, да докладывая о текущем положении дел. Поэтому ему действительно подвернулась прекрасная возможность спокойно поразмыслить в одиночестве. Наверное, все решили что он попросту хочет как следует отдохнуть, удовлетворенно созерцая с высоты своей башни собственные же владения. Ну, это ему только на руку. Но куда же подевался караван?..

Учитывая продолжительность путешествия, естественная задержка около недели не могла считаться чем-то серьезным, но прошло уже больше двух с момента его предполагаемого возвращения, а каравана нет как не было. О разбойниках можно было особо не волноваться — значительных ценностей люди ан-Бакира не возили, поставляя на продажу изделия общепотребительского характера; при этом сопровождавшие верблюдов воины своим видом и численностью очевидным образом давали понять всю не-

выгодность с ними связываться. Обратно же ценностей возили не намного больше. Другое дело непогода — вот она могла существенно повлиять на задержку. Но чтобы настолько? Ох, куда вероятнее, что нечто, чем бы там оно ни было, приключилось именно в краях назначения… С некоторых пор к людям ан-Бакира могут проявлять особый интерес, и чем дальше, тем больше вероятность, что этот интерес станет отнюдь не доброжелательным.

Вечерело. Солнце нехотя клонилось к горизонту, словно не желало вот так просто взять и прекратить попытки хорошенько поджарить все, что не укрылось от него в подходящем убежище. От раскаленных песков еще поднимался жар, но совсем скоро ему на смену придет ночная прохлада, которая быстро сменится на пронизывающий холод. Обитателям Нирелина он, впрочем, не грозил, зато у по каким-либо причинам не имеющих источника обогрева путников появятся все основания скучать по столь недавно адски пылавшему светилу. Точно так же как днем, изнемогая от зноя, они почти наверняка тоскуют по его отсутствию.

Шейху принесли ужин. Обедать он не любил, предпочитая ограничиваться более плотным завтраком и менее обильной пищей ближе к ночи. Перед сном, правда, он тоже старался особо не есть, но обычно после ужина у него до сна проходило минимум часа три-четыре в чтении книг, неторопливых беседах со старейшими и иными людьми, или просто в спокойных размышлениях. Небольшая порция сыра, несколько ложек душистого бульона и половина лепешки вполне утоляли голод старческого тела, снабжая его всей необходимой энергией. Питьем традиционно служила все та же чистейшая вода, куда по желанию шейха временами добавляли сок свежевыжатых ягод и фруктов, и немного сахара.

Поднос принес один из молодых родственников. Тихонько поставив его на стол, он сообщил, что день, как обычно, прошел без происшествий, а затем поинтересовался, не будет ли каких распоряжений и не нужно ли уважаемому шейху еще чего-нибудь. Ан-Бакир коротко поблагодарил юношу, попросил его сложить становившийся ненужным тент и жестом руки отпустил. Затем, бросив очередной долгий взгляд на горизонт, чинно принялся за вечернюю трапезу.

Разбудил его непривычный шум громко затопотавших ног, сопровождавшихся металлическим лязгом. Шейх быстро открыл глаза, тут же сообразив, что незаметно для себя так и задремал на своей скамье вскоре после ужина. Подле него, выскочив с лестницы, объявился Радул, начальник воинов Нирелина.

— Досточтимый отец, огни! Должно быть, возвращается караван Захира! — изрек он, стараясь говорить ровно и без волнения.

При лицезрении могучей фигуры Радула природа металлических звуков перестала вызывать вопросы. Воин был облачен в кольчугу и шлем, вдобавок на его поясе бряцала внушительных размеров сабля. А вот созерцание высыпавших на темнеющее небо звезд также недвусмысленно сообщило ан-Бакиру, что задремал-то он довольно прилично. Это для него было не слишком характерно, видимо сказывалось излишнее волнение. Солнце уже скрывалось за горизонтом, и лишь его край все еще виднелся вдали над цепочкой барханов. Шейх немедленно вскочил на ноги, всю дремоту как рукой сняло.

— Если это они, Радул, то это отличная новость — им уже давно пора вернуться, — сказал старик, невольно ища взглядом предмет своих ожиданий. — Идем, — затем коротко добавил он, заприметив то, о чем сообщил воин.

Башня опустела.

К Нирелину быстро приближалась цепочка огней. Воины традиционно пришли в полную боевую готовность и заняли свои посты. С наибольшей вероятностью, исходя из очевидного ожидания и внешних признаков, это был долгожданный караван, но мало ли кого там несет. Захир был четвертым из шести сыновей шейха, поставленный старшим в такие экспедиции за свои выдающиеся качества по части торговли, риторики и налаживания контактов с людьми. Пятидесятилетний, невысокого, в отличие от отца, роста мужчина был действительно докой на своем поприще, и если Арбах ан-Бакир отлично управлял делами оазиса, то четвертый сын не менее прекрасно справлялся с возложенными на него обязанностями. Явно по его приказу еще загодя сигнальные огни выстроили особым строем, дабы заранее дать понять наблюдателям что приближаются свои. Радул все равно поднял людей и привел их в боевой порядок, но все бы сильно удивились, если бы вместо своих посланцев к ним таким образом явился кто-либо еще. Караван приближался. Навьюченные верблюды уверенно бежали трусцой, а рядом с ними, ощущая прилив сил при виде родного дома, ни на секунду не сбавляя хода, на своих двоих поспешала вооруженная стража. Теперь уже, в свете уходившего солнца, невооруженным глазом можно было разглядеть передние ряды и узнать знакомые фигуры.

По команде Радула массивные, не хуже чем в иных крепостях ворота разошлись в стороны, уйдя своими половинами в наиболее толстую в этом месте стену. Передовые воины выстроились в две шеренги, по одной с каждой стороны ведущей от ворот короткой дороги. В другом конце этой дороги в белых одеяниях виднелся шейх, стоявший в середине вымощенной прогалины между

стройными рядами пальм, эдакой своеобразной гостевой площадью, и поджидавший долгожданный караван. Позади шейха гурьбой толпились встречающие. На первом же пробежавшим ворота верблюде восседал Захир. За ним, в десятке ярдов, следовали остальные. Подъехав к отцу, он гулко спрыгнул на землю и произнес чинное приветствие.
— Оставь эти формальности, сын, — улыбнулся шейх.
На лице Захира отчетливо читалась сильная усталость, однако в остальном на нем не проявлялось ничего такого, что заставило бы сердце сжаться в горестном предчувствии.
— Отец, — кивнул Захир и проследовал в его раскрытые объятия.
— Отчего вы так долго? — спросил шейх, когда сын наконец-то вновь высвободился из его рук, и стараясь чтобы его вопрос прозвучал не слишком пытливо. — Мы вас заждались.
Вокруг уже стоял радостный гомон. Спешивавшихся наездников и их сопровождающих окружила целая толпа. В поднявшемся хоре голосов трудно было расслышать что-либо членораздельное. Ворота успели закрыть и свободные от дежурства воины присоединились к общей массе. На площади стало не протолкнуться.
— Эй, полегче! — добродушно прикрикнул Захир. — Разгрузите верблюдов и отведите их в стойло. Там ими займутся. После этого все свободны, болтайте и отдыхайте сколько влезет, я сам обо всем доложу отцу.
Это возымело некоторое действие. Отделить прибывших от встречающих, правда, все равно не удалось, но они хотя бы все вместе занялись делом, ни на секунду не прекращая разговоры.
— Пройдем в мои покои? — предложил ан-Бакир, понимая, что здесь им толком поговорить сейчас не удастся, а отойти в сторону для беседы будет слишком немилосердно к уставшему сыну. — Приляжешь, поешь и заодно обо всем расскажешь.
Захир согласно кивнул, и они вместе потихоньку удалились, предоставив остальным галдеть сколько душе угодно.

Быстро переодевшийся с дороги караванщик не без наслаждения полулежал на подушках в отцовской гостиной возле низкого столика, щедро уставленного разной снедью и напитками, появившимися с поистине баснословной быстротой, стоило только шейху хлопнуть в ладоши. Частично притупив жажду, Захир незамедлительно впился зубами в хорошо прожаренную баранью ногу и усерднейшим образом принялся ей заниматься, делая перерывы только на то, чтобы отправить в свой рот что-нибудь еще. Ан-Бакир устроился напротив, терпеливо ожидая, когда сын утолит первый голод. Тот, разумеется, все понимал и старался не затягивать, просто уж больно соскучился по нормальной свежей пи-

ще. Тем более, что его ждала собственная семья, и сразу после отца она будет иметь полное право на его внимание.
— Уф, — наконец-то выдохнул Захир, оставляя в покое еду и сделав еще один большой глоток. — Прости, отец, что заставил ждать. Итак, о деле.
Шейх весь обратился в слух.

Захир, не слишком разглагольствуя, но и без краткой сухости поведал о результатах своей поездки. В целом, все прошло хорошо. Товары выгодно продали, на вырученные деньги закупили все что требовалось, и даже чуть больше. Никто не захворал, все живы-здоровы. Остатки выручки в крупном тугом кошеле вместе с бумагами, где тщательно было расписано что и почем продали, а так же что и почем купили в процессе монолога караванщик вручил ан-Бакиру, и тот просмотрел их достаточно бегло, вполне доверяя сыну. Слушая последнего, он удовлетворенно кивал, поскольку поездка и впрямь получилась удачная. Пользуясь тем, что отец немного отвлекся на бумаги, Захир, в свою очередь, вновь переключил внимание на столик с угощением.
— Славно, славно, — удовлетворенно подытожил шейх. — Но почему вы так задержались? Признаться, я уже начал беспокоиться.
— Да, теперь и об этом, — согласился Захир. — Задержка действительно вышла аж на две с лишним недели. И на то есть две причины.
Всем своим выражением Ан-Бакир дал понять, что слушает еще даже более внимательно, чем прежде. Сын сунул руку за пазуху, выудил оттуда какой-то свиток, перевязанный лентой увенчанной большой красной печатью, и протянул отцу.
— От хана, — коротко сказал он.
На и без того морщинистом лице старика появилось несколько новых черточек. Он уже и по характерной печати догадался кто был отправителем сего документа. Приняв свиток, шейх посмотрел на Захира с немым вопросом.
— Мы выступили на пять дней позже, — стал объяснять сын. — Все наши дела уже подходили к концу, как вдруг ко мне подошел хорошо одетый господин и попросил уделить ему немного внимания. Он пригласил меня в роскошную чайхану и на угощение не поскупился. Это оказался человек хана. Он сообщил, что очень рад этой встрече, поскольку у него появилась отличная возможность передать для уважаемого шейха ан-Бакира послание от его повелителя. Я разумеется, не нашел ничего предосудительного в таком пожелании и сказал, что с радостью передам это послание своему отцу. Здесь-то и возникла заминка. Человек хана стал много говорить. Он том, какого хорошего мнения его господин о моем отце, о

том, каким мудрым и справедливым правителем является сам хан, о том, какая большая честь лично ему, говорившему, выпала служить такому владыке и прочее в таком же духе. В конечном счете, ни много ни мало выяснилось, что прямо сейчас послания у него с собой попросту нет, а за ним уже отправлен вестовой. Понадобится четыре или пять дней, чтобы он успел съездить в столицу хана и вернуться обратно, привезя послание. Честно говоря, такого поворота я вовсе не ожидал, и выразился в том смысле, что в мои планы такая задержка никак не входила. Человек хана стал говорить еще больше. Уж на что у меня самого язык подвешен, а слух привычен к разного рода людям, но даже я удивился его болтовне. Вместе с тем я понимал, что болтовня эта отнюдь не пустая. Наконец собеседник высказал все, что посчитал нужным. В сухом остатке он предлагал полностью оплатить все вынужденное пребывание нашей группы, если мы согласимся обождать. И на этом обстоятельстве он очень сильно настаивал, поскольку его милостивый и справедливый господин может сильно расстроиться, если мы покинем Далабад без его послания, и может прискорбно обойтись со своим верным слугой, каковой от его имени и просит сына благородного шейха Арбаха ан-Бакира задержаться. В итоге, я согласился. Вся эта история мне, скажем прямо, не очень-то понравилась, но я решил, что в делах, где замешан хан Гийюр ад-Сейдин надо проявлять осторожность.

— Ты поступил правильно, сын, — кивнул головой старик, все еще не распечатывая письмо. — В таких делах действительно стоит быть весьма и весьма осторожным. Ко всему что исходит от хана Гийюра надо относиться очень и очень внимательно.

— Благодарю, отец, — сказал Захир, явно удовлетворенный прозвучавшим одобрением. — Итак, мы прождали пять дней. Человек хана не солгал — все расходы нам были возмещены без каких-либо нареканий. По истечении означенного срока, видимо, прибыл гонец, потому что мне наконец-то вручили то самое послание, которое ты теперь держишь в своих руках. И мне безумно интересно, уж прости, отец, за любопытство, что в нем говорится. Человек хана пожелал нам доброго пути и вообще просто рассыпался в любезностях, вознося хвалу небесам за столь счастливую случайную встречу. Да вот только мне показалась, что встреча эта была отнюдь не случайной, а сам он, хоть и желал нам доброго пути, человеком являлся как раз отнюдь не добрым.

— Вот сейчас и узнаем что там написано, — пробормотал шейх, поняв, что повествование сына окончено.

Сломав печать, старик погрузился в чтение.

Теперь уже Захир не сводил глаз с отца так же, как незадолго

до этого ан-Бакир смотрел на него самого. Разве что не отказывал себе в удовольствии заодно потихоньку уплетать предложенное угощение, перемежая это дело хорошими глотками душистых прохладительных напитков. И времени у него на это оказалось достаточно, да настолько, что караванщик наконец-то почувствовал подлинную сытость и утратил интерес к большей части выставленного на столе, ограничившись фруктами и тихонько запивая их ставшими совсем маленькими глотками излюбленного питья. Не то чтобы послание от хана оказалось настолько большим, просто шейх неторопливо и вдумчиво читал каждое слово, а затем, когда закончил, немного поразмыслил и перечитал написанное еще раз.

— Слишком много лести, — наконец изрек он неопределенным тоном, прервав затянувшееся молчание, нарушаемое только работой челюстей Захира.

— И все? — не скрывая удивления, смешанного с разочарованием, протянул караванщик.

— Да, среди всей этой лести хан оказывает нам большую честь: его официальные посланцы прибудут в Нирелин через три месяца. Так что нам, пожалуй, стоит как следует подготовиться, — уточнил шейх, сообразив, что для сына главная суть может отличаться то того, что видел он сам.

— Ого! — воскликнул Захир, невольно привставая на ложе. — Какое внимание со стороны самого хана. Да соседи от зависти почернеют! Теперь понятно, почему его человек так настаивал подождать пока гонец доставит это письмо. Причина и впрямь уважительная. Только вот с чего бы вдруг такое внимание?

— То-то и оно… — протянул шейх. — И, по правде сказать, не так уж и трудно предположить, зачем мог обратить свой взор такой властитель как Гийюр ад-Сейдин сюда, на Нирелин.

Впрочем, видимо, вторую часть фразы Арбах произнес про себя, потому что сын не задал ни единого естественного в таком случае вопроса, а судя по выражению его лица уже успел погрузиться в тонкости предстоящего визита. И сейчас, наверняка не без некоторого тщеславия, уже вовсю соображал какую выгоду можно извлечь из столь знаменательного события. Ведь даже посредственный делец постарался бы не упустить подобную возможность.

— Так, с этим пока разобрались, — молвил шейх, возвращая сына с небес на землю. — А какова вторая причина?

— А? — не понял Захир, действительно успевший основательно поселиться в облаках своих грез о предстоящем мероприятии и уже прикидывавший несколько интересных и сулящих неплохую выгоду вариантов.

— Ты сказал, что причин вашей задержки было две, — напомнил старик. — С одной мы все прояснили. Пока что. Какова вторая? Пять дней — не две с лишним недели.
— Ах да! — спохватился смутившийся караванщик. — Прости, отец, что-то я отвлекся.
— Итак? — коротко изрек шейх, понимающе улыбнувшись.
— На обратном пути мы попали в песчаную бурю. Да такую, что, по правде говоря, многие из нас уж и не чаяли увидеть родной дом, — сказал Захир, невольно содрогаясь при подступившем воспоминании. — Я такого никогда прежде не видел! Да и не только я. С черного как ночь небо грохотало так, будто вот-вот разверзнется преисподняя, ветер оглушительно ревел, а сами барханы будто ожили и принялись передвигаться с места на место.
— Ну, хвала небесам, все живы и здоровы, не так ли? — развел ладони Ан-Бакир, несколько удивляясь выражению лица сына. — А это главное. Буря вас задержала. Видимо, очень серьезная, раз настолько.
— Подожди, отец, это еще не все, — заметил Захир. — Точнее, не все так просто.

Обратный путь пролегал действительно не столь гладко как хотелось бы. Впереди, у горизонта, начали скапливаться подозрительные облака, медленно но верно собираясь в не суливший ничего хорошего фронт. Это же явление стало наблюдаться и восточнее, и с каждым часом продолжало набирать силу. Двигавшийся на юго-восток караван остановился. Захир, посовещавшись со своими людьми, принял решение взять западнее, поскольку сбиравшиеся тучи, кажется, если куда и двигались, то как раз на восток, и появлялись неплохие шансы обойти занимавшуюся непогоду, пусть даже и сделав приличный крюк. Прибавив ходу, караван взял правее.

Не тут-то было. Поначалу казалось, что незатейливый маневр сработает, и им удастся обойти ненастье, пусть даже для этого придется пройти лишние несколько десятков миль. Вот только утром стало ясно, что тучи медленно приближаются, причем не только приближаются, но и продолжают расти вширь. Прежний маршрут теперь вел прямиком на окраину разросшегося грозового фронта и, хочешь не хочешь, ему требовалась корректировка. В процессе непродолжительного совещания караванщики решили уклониться еще правее, до последнего надеясь, что им-таки удастся обойти занимавшуюся бурю. Да, бурю, ибо медленно, но неумолимо приближавшиеся с юго-востока тучи уже перестали смахивать на грозовые, всем своим видом обещая нечто куда более неприятное. А посему желания отправляться прямиком в их объятия

не возникало ни у кого.

Через два дня караван спешно двигался уже прямо на запад, оставив все надежды еще хоть как-то забирать в направлении цели своего путешествия. И если раньше еще рассматривался вариант как следует укрепиться на месте и переждать, то теперь не только люди, но наверняка и верблюды полагали что это плохая идея. Растянувшиеся тучи превращались во что-то совсем уж пугающее. Образовывая форму полумесяца, они уже затягивали не только весь восток, но и протянулись далеко с юга и с севера, оставляя единственный свободный путь — на запад. И все что оставалось караванщикам — это до последнего пытаться избежать встречи с ними, поскольку в этом случае все еще оставались хоть какие-то шансы остаться невредимыми. Куда большие, чем благополучно пережить то, что неумолимо приближалось с каждым часом, хоть счет этим часам и шел уже на дни. Ведь даже смотреть на подступавшую стихию становилось попросту страшно. Это уже были не тучи с несущимися под ними ураганами песка — это была иссиня-черная мгла, которую насквозь, сверху донизу, сотнями перемежали ослепительные ветвящиеся молнии. Доносившийся пока еще издали гул начал отдаваться под ногами, вибрируя в будто пробуждающихся от глубокого сна песчаных дюнах. Надежда благополучно выбраться из назревающей катастрофы непрерывно таяла, но выбора у путников не оставалось. И одно время люди даже воспрянули духом, когда стало заметно, что они все же потихоньку стали обгонять жуткую бурю, ползущую вперед на удивление неторопливо. Повеселев, они даже прибавили ходу, хотя казалось, что идти еще быстрее чем прежде попросту невозможно. Только радость эта была недолгой. Один из погонщиков вдруг тревожно вскрикнул, выбросив руку вперед. Там, у горизонта, стало появляться нечто похожее на то, что столь неумолимо следовало за отчаянно убегавшим от него караваном. Какое-то время люди, не сбавляя хода, продолжали идти прежним курсом, опасливо всматриваясь вдаль и стараясь верить, что это лишь небольшая туча отбилась от своих и теперь жаждет присоединиться к общей массе. Только вскоре от этой веры ничего не осталось. Оттуда, с запада, самым непостижимым образом наступал точно такой же кошмар, объятий которого люди изо всех сил старались избежать. Люди сбавили ход, погонщики перестали гнать верблюдов. Идти было больше некуда. Через несколько часов караван остановился. Восточный и западный фронты бури сомкнулись, образовав вокруг испуганных людей плотное кольцо бушующей мглы.

Шейх невольно подался вперед, заслушавшись повествованием. На своем веку он повидал достаточно ненастий, и не одно из

них унесло многие человеческие жизни, поэтому его трудно было удивить рассказом о каком-то отдельном из них. Но было что-то в голосе Захира и его лице, что приковывало к себе внимание, а слова, которые он при этом употреблял, неплохо передавали всю атмосферу происходящего. Градус истории накалился и самое время было вспомнить, что рассказчик и его люди вышли из этой передряги живы-здоровы, так что вроде бы и волноваться особо не о чем. Захир, сделав небольшую паузу дабы промочить слегка пересохшее горло, продолжил.

Сомкнувшееся кольцо не оставляло никаких шансов. Теперь немыслимая буря наступала со всех сторон, и становилось очевидно, что вскоре она накроет караван, все еще остававшийся в эпицентре теперь уже быстро сокращавшегося свободного пространства. Все что оставалось делать людям — приготовиться принять удар. Все-таки у бывалых путешественников через пески определенные средства и навыки для этого имелись. Да и делать хоть что-то было в любом случае лучше, чем ничего не делать.

Описать словами то, что творилось, когда мгла наконец-то сомкнулась над головами в ужасе сжавшихся караванщиков, было весьма непросто, если вообще возможно. Ревело так, что уши едва выдерживали болевой порог. Пески будто ожили и принялись ходить ходуном, а в воздух швыряло и носило целые барханы. Молнии не сверкали — они взрывались, на мгновения превращая непроглядный мрак в ослепительное белое сияние. В таких случаях принято говорить, что вся жизнь проносится перед глазами. Возможно, зачастую так и бывает, но в данном случае люди не думали уже ни о чем, а просто застыли, скрючившись в страхе в своих незамысловатых убежищах, не способные связно мыслить хоть о чем-либо. Все ждали конца.

Никто не знал сколько прошло времени, но неожиданно все действительно кончилось. Совсем. Чудовищная буря вдруг улеглась так, будто ее никогда и не было. Она не ушла за горизонт, не поднялась высоко вверх, дабы там продолжить свое демоническое неистовство. В какой-то момент, будто достигнув своего пика и вдоволь натешившись, она окончательно перемешала небо с землей, а потом просто исчезла. Расталкивая слои песка, караванщики осторожно выглядывали из своих убежищ и оглядывались вокруг, боясь поверить своему счастью. Кругом, насколько хватало глаз, виднелось лишь самое обычное голубое небо, где невозмутимо сияло не менее обычное палящее солнце, стоявшее в фазе позднего утра. Его лучи приветливо жарили отряхивавшихся от песка, пребывавших вне себя от счастья людей и не менее радостных верблюдов, а так же какие-то невесть откуда взявшиеся неподалеку

развалины.

На них и обратили внимание караванщики, когда ко всеобщему изумлению и радости выяснилось, что все целы и невредимы, как люди, так и животные. И куда меньшее ненастье способно погубить даже опытных путешественников, а тут уж и вовсе никто не рассчитывал выжить в том аду, что буквально недавно бушевал так, словно настал конец света. Нетрудно предположить, что после того, как Захир и его люди более-менее привели себя и поклажу в порядок, они проявили вполне понятный интерес к неожиданному соседству. Необычные цвет и блеск этих развалин уже приковывали внимание, не говоря уже о том, откуда они вообще взялись. Ведь прежде на том месте не было ничего кроме самых обычных дюн. Впрочем, неистово лютовавший ураган, поднимавший в небо целые барханы, вполне мог обнажить эти камни, доселе скрытые под толщей песка.

Судя по внешнему виду, развалины являли собой некую прежде единую постройку, и постройку явно не хозяйственного типа. Точнее, некоторую ее часть, если исходить из того, что еще оставалось. Уцелевшие фрагменты стен и колонн удивляли своей отделкой и до сих пор сохранявшимся великолепием. Почти черные, с фиолетовым оттенком камни поблескивали в солнечном свете, открывая взору изящные узоры и лепнину, высеченные рукой искусного мастера. Проемы наполовину утопавших в песке окон еще хранили в себе части изумительной работы рам, сделанных из неизвестного белого металла, своей затейливостью заставлявших предположить, что некогда в них были вставлены сложные, не менее искусные витражи. Изнутри стены так же оказались покрыты великолепно выполненной резьбой, а некоторые плиты все того же темного, с фиолетовым отливом блестящего камня несли на себе подлинные художественные шедевры, открывая взору целые панорамы изображений, будто потрясенно осматривавшиеся вокруг караванщики попали в галерею искусств. Должно быть, расступившиеся пески обнажили остов какого-то старинного дворца, ибо разве что дворцу и могло быть присуще все то, что, высвобожденное из глубин песков, попадалось на глаза Захиру и его людям. Ближе к центру развалин пески отступали окончательно, открывая плиты пола из голубого мрамора с врезанным в него белым металлическим узором. Крыша, очевидно, нигде не уцелела, но уровень колонн и стен каскадом поднимался к некоей точке, где, похоже, и находился центр удивительных развалин. Туда, потрясенно оглядываясь по сторонам, потихоньку и продвигались изумленные караванщики. Даже говорили они вполголоса, впечатленные красотой и величественностью вдруг открывшегося им места,

пусть даже от него осталось совсем немногое.

Центром развалин, видимо, являлся некогда большой круглый зал с высокими стенами, сводчатый потолок которого подпирали могучие колонны. Песок заполонял зал почти весь, обильно высыпаясь из все таких же пустых проемов окон, и лишь срединная часть постепенно освобождалась от его массы, докуда доходил лишь ее тонкий слой, а потом исчезал и вовсе. Гравировка стен в этом зале поражала воображение. Облаченные в непривычные богатые одежды люди взирали с них на пришельцев, и вырезаны они были столь потрясающе, что, казалось, еще вот-вот, и они придут в движение и заговорят. По соседству с ними расположились огромные вырезанные на камне полотна каких-то неизвестных мест и битв, производивших неизгладимое впечатление своей детализацией. Уже встречавшихся, частично разбитых и засыпанных песком изумительных статуй здесь было мало, разве что кое-где виднелись их незначительные осколки, зато в стенных креплениях сохранились огромные, доселе никогда невиданные светильники странной формы. Вид этих светильников заставлял предположить, что они сделаны из драгоценных металлов. Впрочем, узор в мраморе пола и оконные рамы почему-то тоже наводили на эти же мысли. Должно быть, некогда этот зал являл собой подлинные красоту и величие, ведь даже теперь его остатки приковывали к себе внимание, заставляя, затаив дыхание, вновь и вновь обводить его расширенными глазами. Правда, вовсе не это окончательно сразило воображение застывших с открытыми ртами караванщиков. В самом центре этого удивительного зала, в очерченном узором кругу, свободном от стелившегося песка, сидел и беззвучно озирался вокруг маленький ребенок.

— Чего? — только и вырвалось у шейха возгласом, с которым он окончательно утратил всю присущую ему степенность.

Захир загадочно улыбнулся. В его глазах блеснули хитрые искорки.

— Мы сами потом долго гадали откуда там взялся этот ребенок, — сказал он, не то продолжая, не то таким образом отвечая на реплику отца. — И это уже потом, когда вновь обрели дар речи. По правде говоря, приемлемого ответа ни у кого так и не нашлось. Единственным хоть каким-то правдоподобным вариантом была версия о том, что только это дитя и уцелело из всей погибшей в буре некой группы. А сама группа нашла себе пристанище с невидимой нам стороны бархана, где вполне могли торчать из песка какие-то фрагменты этих самых развалин. Возможно, в толще песка даже существовал проход внутрь, чем и воспользовались эти люди. Правда и такая версия не особо выдерживает критику, хотя бы потому что не совсем ясно куда же эти люди подевались, а уце-

левший ребенок как ни в чем не бывало вдруг оказался в самом центре неведомого дворца. Но другой-то у нас все равно нет.
— И где этот ребенок теперь? — вопросил ан-Бакир, не в силах отделаться от ощущения, что сын рассказывает ему не детали своего похода, а некую подцепленную среди множества народов Далабада сказочную байку.
— Надеюсь ты не думаешь, что мы его бросили там же, где нашли? — усмехнулся Закир. — Далина! — воскликнул он, вдруг повернув голову в направлении двери.
По всей видимости, этого возгласа ожидали, поскольку дверь тут же отворилась и в гостиную, откинув полог, вошла невысокая смуглая женщина с убранными в тугой узел на затылке темными волосами. Открытыми, по локоть, загорелыми руками она мягко, но уверенно подталкивала перед собой девочку в голубом платьице, лет четырех от роду. Малышка, впрочем, особо и не упиралась, просто не слишком уверенно чувствовала себя в незнакомой обстановке. Женщина, которую и звали Далиной, подвела девочку поближе к беседовавшим мужчинам. Арбах ан-Бакир удивленно воззрился на подошедшее дитя. В ответ шейха встретил взгляд больших сиреневых глаз.

С первого же взгляда становилось понятно, что ребенок вряд ли был уроженцем местных краев. Ни в одном известном шейху племени не встречалась настолько светлая кожа. Лишь немного смуглая, она была куда больше присуща жителям иных земель, с которыми обширные владения народов степей и пустынь граничили далеко на севере. Золотистые светло-русые волосы так же отнюдь не свидетельствовали в пользу родства ни с кочевниками, ни с жителями ближайших больших и малых поселений. Такие можно было увидеть разве что в крупных городах, начиная с того же Далабада, да и то их обладатели, как правило, являлись людьми пришлыми. Для какой-нибудь большой столицы, возможно, такая внешность и не в диковину, но уж точно не для Нирелина и не для самого сердца южных песков. Помимо прочего черты лица девочки, несмотря на столь юный возраст, заставляли предположить отнюдь не самое простое происхождение. И все это ну никоим образом не вязалось с тем местом, где ее нашли, не говоря уже об обстоятельствах. Удивленный и заинтригованный, ан-Бакир наклонился к малышке так близко, что мог бы увидеть собственное отражение в ее распахнутых, но отнюдь не от испуга глазах. Девочка в свою очередь изучала высокого старика и, видимо, приходила к выводам, что это старый и добрый дедушка.
— Как ее зовут? — вымолвил, наконец, шейх, оторвав взгляд от ребенка и воззрившись на сына.

— Ты вполне можешь спросить и ее, — усмехнулся Захир.
— Как тебя зовут, дитя? — спросил старик, снова взглянув на девочку.
— Илиана, — ответила та, и ее лицо озарилось улыбкой.
— Откуда ты? Кто твои родители? — невольно вырвалось у шейха, поскольку при всем желании он в данный момент был не в силах думать о чем-нибудь другом.
Улыбка тут же померкла. Девочка наморщила лобик и быстро-быстро захлопала глазами. По ее лицу разлилась сильная растерянность. Ответом старику было тихое сопение.
— Мы уже пытались ее расспрашивать, — заметил Захир. — Если бы нам удалось хоть что-нибудь узнать, я бы не стал держать тебя в неведении касательно вопроса откуда она взялась в тех странных развалинах. Даже Далина ее не разговорила, а уж она умеет обращаться с детьми. Весь оставшийся путь она заботилась о малышке и не отходила от нее ни на шаг, но так и не смогла ничего прояснить.
— Я не думаю, что девочка не хочет говорить, — вступила в разговор женщина, отвечая на безмолвный вопрос шейха. — Не знаю почему, но похоже, что она просто ничего не помнит. Впрочем, учитывая какая бушевала буря, я бы не удивилась, что это повлияло на такую кроху. Сильный испуг вполне способен сотворить нечто подобное, особенно если девочка видела как что-то произошло с ее спутниками. Возможно позже, когда она придет в себя, мы сможем от нее что-нибудь узнать. Во всем остальном это совершенно здоровый ребенок.
— Испуганной она точно не выглядит, — согласился шейх, оглаживая бороду.
— Возможно, медальон сможет пролить свет на ее происхождение, — добавила Далина. — Он красивый и достаточно приметный. Но пока это единственное что у нас есть.
— Медальон? Какой медальон? — переспросил старик.
— А, не успел сказать, — с досадой поморщился Захир. — Все ждал, когда ты сам увидишь. На шее у девочки нашли действительно любопытную побрякушку. Не думаю, что такую можно купить в первой же попавшейся лавке.
— Да? — заинтересовался шейх. — И где эта вещь?
— У девочки. Висит где висела. Ты же не думаешь всерьез, что мы бы отобрали у малышки ее единственную собственность? — пожал плечами караванщик. — Спроси у нее.
— Илиана, могу я взглянуть на твою замечательную висюльку? — ласково произнес шейх, машинально ища глазами.
Малышка с готовностью сунула ручонку под воротничок и, выта-

щив что-то из-под голубого платьица, протянула это старику на раскрытой ладошке. Глазам шейха представился украшенный жемчугом круг из белого металла на длинной цепочке явно из того же материала, в центре которого поблескивал красивый кроваво-красный камень в форме капли. Ан-Бакир машинально отметил, что цепочка наверняка рассчитана на взрослого человека, поскольку у маленького ребенка медальон висит очевидно не на уровне груди, а гораздо ниже. Возможно, семейная реликвия или подарок на вырост. Согнувшись только что не в дугу, старик аккуратно взял с ладошки белый диск и покрутил в пальцах. Да, определенно изящная вещица, на обратной стороне которой обнаружился узор из весьма затейливой вязи. Вязь была настолько тонка и сложна, что глаз терялся в хитросплетении линий, будучи никак не в силах уловить общую концепцию гравировки. Но что это за металл? Неужели платина? Камень-то, судя по всему, не подделка, а настоящий рубин, и рубин достаточно редкий. Любопытно…

— У тебя очень красивый медальон, Илиана, — честно сказал шейх, вкладывая вещицу обратно в ручку девочки и про себя решив, что как-нибудь позже надо будет обязательно рассмотреть ее получше. — Не потеряй его.

— А тебя как зовут, дедушка? — бесхитростно спросила малышка, пряча свою висюльку обратно и даже засветившись от комплимента.

Далина, смутившись, наклонилась к ребенку, спешно пытаясь объяснить, что к сидящему перед ней старику надо обращаться "досточтимый отец".

— Ничего-ничего, — улыбнулся в бороду ан-Бакир. — Меня зовут Арбах, — сказал он непосредственно девочке.

— Ар-бах, — протянула по слогам малышка, явно запоминая имя.

— Дедушка Арбах. Дедушка Арбах, а что это за место?

— Вот тебе на! — рассмеялся старик, веселясь, в том числе, и над окончательно растерявшейся женщиной. — Расспросил, называется. Хочешь персик?

Последнее он прибавил, заметив какие взгляды бросала девочка на содержимое серебряного блюда. Та без обиняков закивала. Взяв фрукт, шейх протянул его ребенку. Фрукт тут же подвергся нещадному вниманию, но взгляд малышки красноречиво свидетельствовал о том, что она ожидает ответа.

— Это место называется Нирелин. Это оазис и наш дом. Дом всех, кто живет здесь одной большой и дружной семьей… — заговорил ан-Бакир, стараясь подбирать слова так, чтобы крохе было понятно, и одновременно прикидывая в уме что делать дальше.

Слабый расчет на то, что рассказ об оазисе и его обитателях вызовет у ребенка хоть какие-нибудь знакомые ассоциации, не оправдался. Зато в процессе непродолжительного повествования малышка очевидным образом демонстрировала отличную понятливость. Она была явно развита и, несмотря на столь юный возраст, обладала приличным словарным запасом, судя по задаваемым ей из нескрываемого любопытства вопросам. Про себя шейх отметил это немаловажное обстоятельство. Не по части количества слов, разумеется, хотя и это вызывало у него определенное удивление, а касательно самого языка. Девочка не выказывала никаких трудностей в общении, а ведь на свете наречий и диалектов — тьма-тьмущая. Стало быть, даже если этот язык для нее и не родной, то наверняка один из очень привычных, и это должно было сильно сузить круг ее возможного происхождения. Ведь вряд ли житель далеких северных земель в ее-то годы будет столь непринужденно болтать с окружающими так, как ребенок это делает прямо сейчас. Хотя остальным это явно не пришло в голову, особенно Далине. Та лишь заботливо посматривала на совсем освоившуюся малышку, которую шейх, продолжая необычную беседу, усадил подле себя, и наверняка не задумывалась о таких пустяках.
— Ну так что, хочешь у нас пожить? — ласково спросил Ан-Бакир, заканчивая рассказ.
Малышка согласно закивала. Подступившая Далина аккуратно вытерла платком с ее личика следы аппетитной схватки с персиком.
— Тебя никто не будет искать? Может быть, тебя где-нибудь ждут? — не удержался шейх от искушения забросить еще одну удочку.
Девочка вновь наморщила лобик, и в ее только что весело блестевших глазах появилась растерянная задумчивость. Что бы она ни пыталась припомнить — у нее ничего не выходило, так что никакого другого ответа кроме мотания головой старик не получил.
— Ну, нет так нет, — подытожил он, скрывая вздох. — Мы и сами о тебе отлично позаботимся. Тут тебе будет хорошо.
Лицо малышки вновь оживилось. Но не потому, что ей столь по сердцу пришлись слова дедушки Арбаха. Занавесь на входной двери колыхнулась, кого-то пропуская, и в гостиную степенно вошел крупный распушившийся кот. Шелковистая черная шерсть мягко поблескивала в рассеянном свете ламп, а грудка и кончики лапок только что не сияли аристократической белизной. Размеры животного впечатляли. Исходя из них можно было сделать нехитрый вывод, что оно явно не бедствует, а его самомнение, видимо, под стать габаритам. Ибо кот столь важно, даже и не думая приветственно приподнять хвост, прошествовал к столу с самым не-

возмутимым выражением морды, будто именно он здесь и являлся подлинным хозяином. Впрочем, как минимум отчасти это действительно было так, поскольку этот котяра принадлежал лично ан-Бакиру и считал его покои своим законным домом. Причем весь остальной оазис, возможно, тоже. Раз уж его хозяин первый человек в Нирелине и всем заправляет, разве не должен его любимый питомец занимать точно такую же главенствующую позицию среди своей (да и не только своей) братии? Дирх — а именно так звали черно-белого красавца, — должно быть именно так и считал. И окружающие имели возможность неоднократно убеждаться в очевидно доминирующем положении любимца шейха.

Остановившись подле стола, кот чуть дернул хвостом и пристально воззрился зелеными глазами на маленькую незнакомку, тщательно принюхиваясь к новому запаху. Мол, что это за явление в его вотчине? Никто и глазом не успел моргнуть, как малышка соскочила с места, и в следующую секунду хвостатый барон оказался в объятиях ее маленьких ручонок. Поднять крупное животное малышка еще была не в силах, однако передние лапы от пола все же оторвала и, счастливо пыхтя в пушистый мех, громко засопела от прилива эмоций. Присутствующие ахнули. Далина инстинктивно потянулась к своей подопечной, стараясь упредить грядущие неприятности. Ведь Дирх не то что на руки — гладить себя не позволял никому кроме шейха, и лишь у последнего милостиво сиживал на коленях, разрешая, так и быть, погружать пальцы в свою ухоженную шерсть. А личности, допускавшие по отношению к нему бесцеремонные вольности, быстро сталкивались с полной неучтивостью и с его стороны, о чем тут же и жалели. Однако вмешательство Далины не потребовалось. Кот, прикрыв глаза и немного прижав уши, да и то не от возмущения, а дабы они не пострадали от слишком жарких объятий, вел себя вполне смирно и даже не пытался вырваться. Ни утробного урчания, ни мотаний хвостом — вообще ноль реакции, будто он вполне себе привык именно к такому обращению. Даже ноздри перестали раздуваться, усиленно втягивая воздух. Дирх лишь косил глазом на обхватившего его ребенка, то и дело снова прищуриваясь, и начинало казаться, что все это ему вполне нравится.

— Дирх, малыш, ты в себе? — нарушая воцарившуюся паузу, удивленно поднял седые брови шейх.

Захир изумленно крякнул.

— Валерьянки что ли нализался? — оторопело предположила Далина.

— Его зовут Дирх? — вопросила девочка, отпуская кота, но лишь затем чтобы тут же приняться его гладить.

— Да, так его зовут, — кивнул ан-Бакир, чуть не прибавив, что не совсем в этом уверен, поскольку у него появились сомнения тот ли это самый кот.
Малышка что-то ласково залопотала, обращаясь к черно-белому красавцу, будто ручеек зажурчал. Дирх отколол что-то уж совсем невиданное: раскатисто замурлыкал, поднял пышный хвост и стал тереться об нее то одним, то другим боком. А мурлыкающим, надо сказать, видели его крайне редко, даже на коленях у шейха.
— Светопреставление… — пробормотал Захир.
Сам он некогда пару раз хорошенько получил от кота лапой и с тех пор оставил всякие попытки приласкать отцовского любимца. Да и вряд ли кто-то из присутствовавших в гостиной мог припомнить что-либо подобное. Некоторое время взрослые молча созерцали доселе не представлявшуюся возможной сцену. Может кто другой на месте ан-Бакира и приревновал своего гордого питомца к свалившемуся невесть откуда на голову незнакомому ребенку, но только не старый шейх. Он наконец-то пришел к определенному умозаключению и посчитал, что и момент сейчас очень подходящий. Огладив длинную седую бороду, шейх кашлянул, привлекая к себе внимание, доселе сосредоточенное исключительно на девочке и коте.
— Я вижу в этом добрый знак, — изрек Ан-Бакир ровным голосом, каким обычно объявлял все свои решения. — Если уж сам Дирх принял это дитя столь благосклонно, то у меня нет никаких оснований не доверять его мнению. Илиана останется у нас под моим покровительством. Пусть пока о ней заботится Далина, а я подумаю кому именно поручить опеку. Если родные девочки со временем так и не сыщутся, Нирелин станет ей домом, а мы — новой семьей. Захир, может быть тебе удастся что-нибудь разузнать о ней и обо всей этой истории, когда ты снова будешь в разъездах. Но об этом после. А пока сообщите всем мое решение. И если кто обидит малышку, то, видимо, будет иметь дело с Дирхом.
Последнее ан-Бакир добавил с невольной улыбкой, и Захир с Далиной оценили шутку по достоинству. С Дирха, пожалуй, станется.
— На сегодня, полагаю, все, — подытожил шейх. — Ступайте, у вас есть свои дела.
Захира действительно заждалась собственная семья. Попрощавшись с отцом, он немедленно удалился. Следом ушла Далина, уводя насилу расставшуюся с черно-белым котом малышку, все же не забывшую вежливо сказать "до свидания" дедушке Арбаху. Старик остался один.

Разумеется, девочку шейх разместил бы где-нибудь в Нирелине в любом случае, куда ж ее еще прикажете девать? Оазис же,

кругом пески. Другое дело: смотря на сколько и на каких правах. Продержав найденыша какое-то время у себя, можно было отправить его с караваном в тот же Далабад или иной крупный город, и отдать в сиротский приют, рассказав об обстоятельствах обнаружения. Многие, возможно, именно так бы и поступили, не отягощая себя заботой о невесть чьем ребенке. При этом сделка с совестью выглядела просто замечательно: у малышки наверняка кто-нибудь есть, и присваивать ее себе попросту недопустимо. А уж в приюте обязательно постараются разыскать кого-нибудь из родных столь примечательного дитя. Вот только лично ан-Бакир в последнее не слишком-то верил. Конечно, какие-то меры к розыску там примут, но и излишне усердствовать тоже вряд ли станут, особенно если это будет стоить денег. А давать на эти цели деньги не стоит, поскольку они наверняка осядут в чьих-нибудь глубоких карманах и, в конечном счете, ничего не изменится, а то служители приюта и сбагрят куда-нибудь ребенка для отвода глаз, и не факт что в хорошие руки. А драгоценный медальон и вовсе присвоят.

В ином варианте оставалось приютить найденыша у себя и организовать поиски самостоятельно до тех пор, пока что-нибудь не выяснится, и приметный медальон — хорошая зацепка. Но разве шейх именно это и не сделал? Нет. Он, разумеется, попытается разузнать о девочке все, что в его силах, ведь не исключено, что действительно удастся разыскать кого-то из ее родных. Но изначально предоставить ей кров лишь на время в ожидании, что поиски увенчаются успехом, или же принять в свой дом и расстаться с ней только если вдруг происхождение потеряшки прояснится и ее захотят забрать — совсем не одно и тоже. К тому же и оставить девочку можно было на разных условиях. А быть ничейным найденышем на побегушках или подопечным шейха под его покровительством — тоже совершенно отличные вещи.

Старик покосился на Дирха. Кот, подобравшись к нему поближе, с комфортом развалился и принялся неторопливо намываться, блюдя внешний вид соответствующий его высокому положению. Пожалуй, не стоит никому говорить, что он, шейх, всерьез воспринял реакцию кота как достаточно убедительный аргумент для принятия решения. Даже такую необычную. Ведь хватает и суеверных дураков, которые в обстоятельствах появления найденыша увидят нечто дурное. И если Арбах ан-Бакир решил, что это дитя, возможно, послало небо, раз уж даже такой надменный ханжа как Дирх принял его столь благосклонно, то кто-нибудь другой вполне может посчитать совершенно иначе. Слово шейха — закон, но и ядовитую силу суеверий никто не отменял. Впрочем,

ладно, с этой милой светловолосой малышкой сейчас все более-менее ясно. Беспокоиться ни ей, ни за нее теперь особо не приходится. В доме ан-Бакира о ней как следует позаботятся и здесь пока особо размышлять не о чем. Чего, увы, отнюдь не скажешь о другом. Мысли шейха вновь вернулись в прежнее русло. Зашелестев бумагой, он развернул письмо за большой красной печатью и вновь неторопливо перечитал его содержание. Затем, невидящими глазами уставившись на огонек светильника, глубоко и надолго задумался.

– 2 –

За богато убранным тронным залом из черного, в золоте, испещренного белыми прожилками мрамора сразу начинались обширные личные покои. Там, однако, роскошь резко шла на убыль. Владелец предпочитал использовать богатство и могущество как некий фасад, должным образом воздействующий на умы. Сам же старался обходиться без особых излишеств, ибо справедливо полагал, что они слишком расслабляют и способны отвлекать от претворения в жизнь всех его замыслов. Изнеженный, возлежащий на ворохе шелковых подушек повелитель, больше уделяющий внимания яствам и женщинам, а не армии и управлению государством, вряд ли способен даже продолжительно удерживать имеющуюся власть, не то что многократно расширить свои владения. Лучше спать с саблей под рукой, чем хоть с дюжиной девиц разом, предпочесть сотне льстецов десяток преданных военачальников и иметь твердыню наполненную снизу доверху секретными механизмами и тайными ходами, а не роскошью и сокровищами. Впрочем, последнее можно и нужно было совмещать. И как раз сейчас, оставив великолепие тронного зала позади, смуглый, среднего роста мужчина потянул замаскированный рычаг и скрылся в ненадолго образовавшемся темном зеве потайного хода.

На узкой, пронизывающей весь дворец винтовой лестнице царила кромешная тьма, но вошедшего это не смутило. По привычке протянув руку куда-то в сторону, он уверенно нащупал некий находившийся на своем привычном месте предмет. В следующую секунду что-то щелкнуло, и встроенный механизм запалил огонь в крытом переносном фонаре, выхватив из темноты лицо с аккуратно подстриженной короткой бородкой от уха до уха, тонкий орлиный нос и пронзительные серые глаза. Такие же короткие усы обрамляли рот с почти бескровными губами, сливаясь с вьющейся бородкой. В прядях черных волос поблескивали серебряные нити характерные для около сорокалетнего возраста.

Эти вкрапления серебра можно было наблюдать и на творении придворного брадобрея. Резким движением поправив короткие, чуть сбившиеся на лоб волосы, мужчина зашагал вниз по ступенькам.

Потайная лестница вела не только глубоко вниз и высоко наверх. На каждом этаже от нее змеились низкие проходы, проложенные в толще дворцовых стен, а тщательно замаскированные двери позволяли беспрепятственно входить и выходить на любом желаемом уровне. Мастерски же расположенные смотровые глазки давали возможность притаившемуся наблюдателю свободно обозревать окрестности, ничем не выдавая своего присутствия. Сейчас, однако, спускавшегося мужчину явно не интересовало ни подсматривание, ни подслушивание. Игнорировал он и все боковые коридоры, уверенно шагая все ниже и ниже. По мере этого продвижения воздух становился все более затхлым, а вокруг ощутимо начинало попахивать плесенью. Возможно, стоило озаботиться вопросами улучшенной вентиляции, но мужчина либо давно уже привык к здешней атмосфере, либо ему было безразлично.

Лестница кончилась, уперевшись последней ступенькой в позеленевшие от времени плиты небольшой площадки с выходившими к ней тремя железными дверями. Толкнув одну из них, отворившуюся практически бесшумно, черноволосый бородач прошел в сводчатый коридор и направился прямо к его противоположному концу. Там уже не обитал кромешный мрак. Возле последней двери, у которой заканчивался этот довольно длинный проход, висела небольшая медная лампа, дававшая на удивление много света, и при этом совершенно не чадившая. Быстрым шагом мужчина подошел к этой двери, и та неожиданно распахнулась. У порога объявилась фигура в плотном черном балахоне, расшитом многочисленными серебряными и золотыми символами. Капюшон был низко опущен, скрывая большую часть лица. Голос, раздавшийся из-под капюшона, был низким, с чуть заметной хрипотцой.

— Я ждал тебя, повелитель, — произнес этот голос, и фигура отступила в сторону.

Погасив фонарь, пришелец повесил его на специальное крепление и проследовал внутрь.

Пространный сводчатый зал изобиловал весьма специфическим убранством. Алхимические принадлежности соседствовали с книжными стеллажами и каббалистическими знаками, многочисленные колбы и реторты делили столы и этажерки с чародейскими кристаллами и замысловатыми амулетами. Все помещение наполняло невообразимое количество запахов, исходивших как от мно-

жества самых разнообразных ингредиентов, так и лабораторных столов и чучел, примостившихся тут и там невесть для каких целей. Дабы компенсировать получавшуюся лихую смесь, весьма далекую от изысканных образчиков парфюмерии, кое-где в плошках курились благовония, разложенные не иначе как в преддверии визита высокого гостя. Сам-то обитатель этого зала давно перестал обращать внимание на такие пустяки, но ради повелителя можно было и расстараться. Ибо чернобородым человеком в дорогом парчовом халате, прошедшим к самой середине зала и остановившимся у Кристального Каскада, был сам хан Гийюр ад-Сейдин, гордый и могущественный владыка множества земель и городов. Обитателем же одного из самых глубоких подвалов дворца, фигурой в балахоне с низко надвинутым капюшоном был его личный чародей. На деле черный колдун Дегонис.

— Где твои люди? — спросил хан, оглядывая Каскад.

Круглый, как у небольшого уличного фонтана каменный парапет в ярд высотой и ярда четыре в диаметре, увенчивало множество крупных разноцветных кристаллов, выстроенных двумя рядами в некой определенной последовательности. Между этими рядами расположилась глубокая металлическая канавка, соединявшая встроенные в нее металлические же углубления в виде различных знаков и символов. Пространство внутри парапета заполняла какая-то жидкость, по цвету и виду напоминавшая больше смолу, нежели воду. Удивительно было то, что в этой жидкости не отражалось ровным счетом ничего: ни содержимое парапета, ни потолок, ни центральный, возвышающийся в центре Каскада руничеcкий столб с еще одним, огромным и бесцветным, кристаллом на конце.

— Я отослал их, — отозвался колдун.

Хан удовлетворенно кивнул. Дегонису в его работе, безусловно, требовалась помощь, и помощь такая, какую не сыщешь абы где. Поэтому повелитель предоставил чародею определенную свободу действий, однако сам вел дела лишь с ним, предпочитая не встречаться с другими обитателями данной части подземелья и не особо расспрашивая Дегониса где он их набрал и чем они тут занимаются. В собственных же интересах колдуна, в конечном счете, было блюсти интересы повелителя, ибо пока Дегонис находился под защитой столь могущественного покровителя, он мог спокойно практиковать свое ремесло и не опасаться ничьих преследований. Разумеется, пока проделывал все это в тайных подвалах дворца и не без прямой пользы для хана Гийюра.

— У тебя все готово? — спросил ад-Сейдин, переводя взор с Каскада на чародея.

— Ты принес то, о чем я говорил? — ответил вопросом на вопрос Дегонис.
Хан сунул руку за пазуху и извлек прямоугольную лакированную коробочку черного дерева с маленьким золотым замочком. Внутри коробочки на зеленом бархате покоилась большая платиновая печать с массивной ручкой и выгравированным на ней гербом. Вынув печать, фамильный наследственный знак ханской власти, ад-Сейдин протянул ее чародею.
— Положи ее в воды Каскада, — указал тот.
Хан замялся, с сомнением глянув на черную поверхность и машинально сжав пальцами драгоценный предмет.
— Не волнуйся, она вернется к тебе после того, как мы закончим, — успокоил повелителя колдун.
Сделав над собой усилие, хан Гийюр вытянул руку, поднеся печать к гладкой как зеркало непроглядной поверхности, затем разжал пальцы. Не издав ни малейшего звука, знак ханской власти исчез в недрах чародейского сооружения.
— Приступим, — тихо молвил колдун.

Слов, произносимых Дегонисом, хан не понимал. Древние, некоторые давно уже мертвые языки ожили сейчас под мрачными сводами подземелья, и ему было совершенно не обязательно их знать. Особенно если учесть, что в публичном месте за подобную риторику можно было поплатиться головой, и если они еще где-то и произносились, то в особых закрытых монастырях да на какой-нибудь тайной ворожбе вроде той, что разворачивалась прямо сейчас. Эта речь неприятно воздействовала на слух, и от нее становилось здорово не по себе. Однако от ее гулкого звучания в глубине кристаллов стал разгораться слабый свет, и чем дольше колдун оглашал в пространство свои слова, тем ярче он становился. Разведя руки так, будто хотел охватить ими Каскад, Дегонис смотрел прямо в его воды невидящим взором, а его пальцы медленно выделывали странные пассы, выглядевшие не намного более привлекательно, чем заведенные речи. Непроглядная поверхность пришла в движение. Тихо заволновавшись, она пошла кругами, а затем подернулась легкой дымкой. В определенный момент Дегонис поднес пальцы к глубокой металлической канавке, успевшей заполниться какой-то жидкостью, и вокруг его кистей неожиданно появились маленькие язычки пламени. Пальцы колдуна продолжали двигаться, и вскоре каждый из них вдруг окутался слабым ореолом огня. Дегонис прикоснулся к канавке, и наполнявшая ее жидкость тут же ярко вспыхнула. Полыхнув под руками колдуна, вспышка стремительно рванулась в стороны, и всего через секунду между вмиг засиявшими кристаллами разожглось

пламенеющее алое кольцо, перемежаемое раскалившимися металлическими символами. Гул пламени нарастал, а кристаллы, достигнув апогея своего сияния, стали издавать все более отчетливо слышимый звон, будто каждый из них вибрировал на своей строго определенной частоте в общем хоре одновременно звучащих нот. Когда мелодичный, переливчатый звон множества светившихся изнутри кристаллов наполнил пространство, колдун воздел руки вверх и что-то хрипло прокаркал на колдовском наречии, аж мурашки по коже пошли. Сверкнувшая всего на мгновение ослепительная молния озарила весь зал от края до края, ударив откуда-то из-под свода в самое сердце увенчивавшего колонну Каскада большого бесцветного кристалла. В следующую секунду тот неожиданно пошел всеми цветами радуги, а из него в волнующуюся темную поверхность сотнями, тысячами ручейков заструились маленькие гудящие молнии. Поверхность словно вскипела. Пойдя пузырями, она стала выбрасывать из себя столбы пара, быстро заполонившего весь Каскад. Его серые клубы становились все гуще, поднимаясь до самого верхнего кристалла и выплескиваясь за пределы каменного бордюра к ногам стоявших подле людей. Пар все лился и лился, распространяясь вверх и вширь, и постепенно Каскад скрылся в его плотном облаке, обильно выливавшемся на пол, но не распространявшемся дальше некой невидимой черты у самых ног. Вскоре он весь превратился в одну сплошную завесу серой мглы, и сквозь нее лишь верхний кристалл все еще переливался разноцветными огнями. Эта мгла не издавала ни жара, ни холода. Она вообще не имела собственной температуры. Это был Колдовской Туман.

Колдун сделал повелителю знак приблизиться. Встрепенувшись, хан сообразил, что в процессе проведения чародейского ритуала он невольно отступил на пару шагов назад, подальше от полыхавших огней и гудевшего пламени. Теперь же наступила какая-то поистине нездоровая тишина, будто все звуки напрочь поглотила клубящаяся завеса. Следуя поданному знаку, Ад-Сейдин придвинулся вплотную к бордюру, едва не коснувшись серой мглы.

— Спрашивай, — шепнул Дегонис. — Спрашивай о чем желал узнать.

Воззрившись в пелену Каскада, хан глубоко вздохнул и твердо сказал, отчеканивая каждое слово:

— Если что-то в этом мире может помешать моим планам, я, Гийюр ад-Сейдин, властелин Железных земель, наследный хан Ста городов и законный владелец родовой платиновой печати, желаю увидеть это здесь и сейчас!

Едва он закончил, колдун раскатисто произнес несколько фраз на своем жутковатом наречии.
— Теперь смотри внимательно, — вновь шепнул Дегонис.
Но хан и так прекрасно знал для чего все это затевалось, а посему, практически не мигая, напряженно уставился в дымящуюся серую мглу и без особого наставления.

Кристальный Каскад показывал видения. Немногие вообще слышали про его существование, а уж лицезрели в действии и подавно. Тем более что в несведущих руках от него не было ни малейшего толку, а носителей силы, способных пробудить в нем желаемый отклик, на свете становилось все меньше и меньше. Разные это были видения. То что есть, то что будет, то что могло бы быть... В зависимости от вопроса Каскад мог что-то показать вопрошающему, но лишь сам вопрошающий решал как истолковать увиденное. И чем более расплывчат был вопрос, чем более обширный и отдаленный промежуток времени он охватывал, тем призрачнее и туманнее становились образы, способные скорее запутать, нежели что-либо прояснить. Вместе с тем, что бы ни явил Колдовской Туман, Каскад никогда не ошибался. Ошибались люди, неправильно интерпретируя открывшиеся видения, Каскад — никогда.

Серая мгла долго оставалась без изменений. Лишь когда даже колдун стал проявлять признаки недоумения, пытаясь сообразить, все ли идет как надо, или же такое отсутствие результата и есть искомый результат, в глубине Тумана наконец-то что-то появилось. Появилось, и стало разрастаться, выступая из серых глубин, обретая черты и форму, наливаясь красками и светом. Поначалу зыбкое и едва различимое, видение уверенно ширилось и вскоре заполонило собой весь Колдовской туман. Оно выглядело настолько реальным, будто в Каскаде разверзлось сквозное окно, настоящая дыра куда-то в иные земли, и стоит протянуть руку, как кончики ее пальцев окажутся там, где эти земли проплывали с высоты птичьего полета. Однако это было лишь видение, очень правдоподобная, но все же картинка, хотя казалось, что если шагнуть из мрачного сводчатого зала в это чародейское объемное окно, то можно немедленно очутиться там, среди открывавшейся панорамы. Очутиться — и немедленно ухнуть с головокружительной высоты навстречу земле и неминуемой гибели.

Хан, застыв на месте, жадно всматривался в явившуюся иллюзию. Высокие стройные пальмы покачивали своими верхушками в порывах налетавшего ветерка, в лучах солнца блестели покрытые рябью голубые воды раскинувшегося между ними озера, тут и там виднелись какие-то постройки, гурты домашнего скота,

люди... Их силуэты были размыты, будто на них смотрели через заливаемое дождем стекло, но и этого было вполне достаточно, чтобы определить и принадлежность к культуре, и возможный род занятий. Особенно когда видение, следуя не то какому-то повелению, не то собственной прихоти, начинало приближаться к земле и складывалось ощущение, что кокосы с пальм, задетые окном Каскада, вот-вот посыплются прямиком в зал. Покружив вблизи от земли, видение снова взмывало вверх, иногда очень и очень высоко, и тогда становилось видно, что зеленые берега неизвестного озера с каким-то живописным поселением со всех сторон окружены бескрайними песками. Затем, неторопливо паря в небесной выси, оно вдруг снова двигалось вниз, но уже под другим углом и ракурсом. И такие перемены панорамы продолжались довольно долго, словно Колдовской туман то ли хотел показать все как можно подробнее со всех сторон, то ли никак не мог на чем-то сфокусироваться. Затем видение исчезло. В какой-то момент оно вдруг потускнело, в считанные секунды начало слабеть, подернулось дымкой и, задрожав, растаяло. Колдовской Туман развеялся. Кристальный Каскад погас.

Хан некоторое время молчал, погруженный в свои мысли. Колдун не решался его беспокоить. Достав теперь уже с обычного, без всяких признаков темной жидкости каменного дна Каскада покоившуюся на нем платиновую печать, Дегонис застыл в ожидании. Лишь когда ад-Сейдин повернул голову и посмотрел на чародея, тот осмелился негромко спросить, одновременно протягивая ему извлеченный предмет.

— Повелитель доволен тем что увидел?

— Я знаю это место, — задумчиво изрек хан Гийюр, принимая печать и убирая ее обратно в лакированную коробочку.

— Вот как? — оживился колдун.

— Да. Точнее, я знаю ЧТО это за место, — уточнил ад-Сейдин. — Сам я там никогда не бывал, но мне нетрудно догадаться что я сейчас видел.

— Это хорошо, когда образы из Каскада сразу просты и понятны, — удовлетворенно отметил колдун. — Обычно все бывает совсем иначе. Могу я осмелиться спросить повелителя что это было?

— То, об чем я уже давно размышляю, — отозвался хан. — То, чего очень желаю заполучить и то, что действительно способно как дать мне еще большее могущество, так и встать на моем пути. Я узрел то единственное, что может мне помешать, и показанное Каскадом полностью совпадает с моими собственными предположениями. И теперь я точно знаю, что должен овладеть этим любой ценой!

— Я могу как-то помочь? — спросил колдун.
— Это пока терпит, — качнул головой ан-Сейдин. — Ты, Дегонис, и так отлично потрудился! Как, впрочем, и всегда. Я этого не забуду.
Колдун приложил руку к груди и наклонил скрытую капюшоном голову, отдавая должное словам повелителя.
— Я скажу, если ты понадобишься, — продолжил хан. — Конечно, чем быстрее я решу этот вопрос, тем лучше, но сегодня в тронном зале будут ждать моего решения, и теперь у меня нет никаких сомнений в том, что я там объявлю.
— Значит ли это?..
— Да, — тут же сказал хан. — Можно начинать.

Когда повелитель удалился, колдун еще долго стоял подле Каскада, опершись на него руками и иногда задумчиво поглаживая пальцами теперь уже совсем безжизненные кристаллы. Гийюр ад-Сейдин ушел в отличном расположении духа, намереваясь вершить судьбы мира, уверенный в своих планах и будущем. Но мог ли и Дегонис разделить эту уверенность до конца? Он и сам сейчас толком не мог сказать. Хмурясь и размышляя, колдун вновь и вновь обращался мыслями к проведенному ритуалу, всматриваясь в пустой Кристальный Каскад так, словно надеялся опять узреть явившиеся там давеча образы и хорошенько их изучить. Что-то будто не давало ему покоя, хотя что именно — у него никак не получалось определить. Просто что-то. Мог ли он что-либо упустить? Ведь все прошло хорошо, и даже сам повелитель быстро определил к чему было показано видение, совпавшее с его собственными ожиданиями. Возможно, что лишь важность момента и его многолетняя привычка не быть ни в чем уверенным до конца сыграли сейчас с ним, Дегонисом, такую шутку, заставляя его сомневаться там, где поводов для сомнения попросту не имелось? Да, наверное, так и есть, ведь как он ни старался, как ни прокручивал в голове все детали, а так ничего вразумительного этим своим сомнениям и не нашел. Что ж, стало быть, все в порядке. Видимо, возраст берет свое, да и ремесло его спокойным уж точно не назовешь. Встрепенувшись как ото сна, колдун глубоко вздохнул, бросил еще один долгий взгляд на Кристальный Каскад и занялся своими делами.

* * *

Раскинувшись на вершине высокого плоского холма, просторный ханский шатер сиял белизной вперемешку с алыми полосами. Жаркое полуденное солнце, наконец-то расставшись с ушед-

шими на запад облаками, щедро заливало округу своими лучами, и эту белизну можно было заприметить за множество миль издали, а вблизи так она и вовсе слепила глаза. У шатра, на длинном, потемневшем от времени древке, плескался в порывах ветра двухвостый стяг ад-Сейдинов: красная саламандра на железном молоте, обвивавшая его хвостом. От подножия холма, сколько хватало глаз, точно такой же символ реял на многочисленных больших и малых знаменах, колыхался на несметном количестве поблескивавших поверх легких кольчуг и кожаных панцирей нагрудных знаков. Гийюр ад-Сейдин, восседая на породистом гнедом жеребце, неторопливо обозревал окрестности. Несколько позади него выстроилась свита: высшие военачальники, вельможи и дюжина воинов из личной гвардии. К свите то и дело подъезжали вестовые с донесениями и, получив ответ, тут же уносились обратно — туда, где у основания холма стремительно разрастался огромный палаточный город и туда, откуда еще только подходили все новые и новые войска. А им все не видно было конца и края, и до самого горизонта пыль стояла столбом от множества мерно шагавших пеших и конных соединений, длинных верениц обозов и гуртов покорно плетущегося скота. Военачальники хана отлично знали свои обязанности, поэтому не было ни малейшей нужды тревожить его в связи с появлением очередного вестового. Они принимали все донесения и раздавали необходимые приказы, следуя выработанному вместе с повелителем плану. Войска прибывали в строгом порядке и размещались там, где было задумано еще давным-давно. В назначенный день, выступив по всем Железным землям из мест своих дислокаций, они почти одновременно подходили в пункт назначения, собираясь в огромную армию. И теперь, явившись куда было велено, вставали лагерем вокруг Заячьего холма, у небольшой мирно текущей неглубокой речки, по которой проходила северо-восточная граница. Время от времени поглядывая в складную подзорную трубу, хан, казалось, более ни на что не обращал внимания, хотя не мог не слышать ни разговоров свиты, ни докладов зачастивших гонцов. Для ближайшего окружения это было хорошим знаком: все идет как надо, раз ад-Сейдин не считает нужным во что-либо вмешиваться. Вместе с тем хан, судя по тому, как он то и дело трогал поводья гнедого коня и иной раз вскидывал трубу в одном и том же направлении, проявлял и некоторые признаки нетерпения. Однако на сей счет приближенные могли быть спокойны: даже если повелитель разгневается, то отнюдь не на своих людей, а на тех кого он поджидал с самого утра и кто явно не мог похвастаться такой же хронометрической точностью, как верные и вышколенные воины Же-

лезных земель.
— Хивран! — вдруг позвал ад-Сейдин.
Командующий легкой кавалерией, невысокий гладко выбритый мужчина в отливавшей серебром кольчуге и остроконечном шлеме немедленно приблизился.
— Да, мой хан!
— Отправь небольшой отряд к Змеиному улусу. Я желаю знать куда запропастились эти вояки, — приказал ад-Сейдин раздраженным тоном.
— Полагаю, в этом нет необходимости, мой хан, — вдруг сказал военачальник.
Повелитель, изумившись услышанному, невольно повернулся, грозно сдвинув брови. Командующий красноречиво вытянул руку, куда-то указывая. Ад-Сейдин машинально проследил направление взглядом и понял, что Хивран совершенно прав: по одной из дорог, причем совсем не по той, откуда ожидалось, обгоняя шагавшие отряды Железных земель, в клубах пыли во весь опор несся всадник. Герб на развивавшемся вымпеле недвусмысленно сообщал, что в посыльных надобность действительно отсутствует.
— Немедленно проводите гонца ко мне в шатер, — сказал ад-Сейдин спрыгивая с коня и бросая поводья словно из-под земли появившемуся слуге.
— Да, мой хан.

Ад-Сейдин предпочел встретить посланца в официальной обстановке, в окружении своего военного совета. Видимо, нарочито хотел подчеркнуть царившую у него в войсках образцовую дисциплину, столь резко контрастировавшую с образовывавшейся досадной задержкой. Вошедший гонец, с ног до головы покрытый толстым слоем желтой пыли, вежливо поклонился, сдерживая запыхавшееся дыхание. Его взмыленный конь, с которого он гулко спрыгнул у самого красно-белого шатра, и вовсе только что не падал от усталости.
— Мой господин выражает тебе свое почтение, Великий хан, — сказал вошедший, выпрямляясь. — Выражает почтение и приносит извинения за то, что не смог прибыть в условленное время.
— Мы ждали его с утра, — заметил хан Гийюр ровным голосом, кивнув в ответ на приветствие. — Могу я узнать что послужило тому причиной?
— Непредвиденная случайность, Великий хан, — ответил гонец. — Всего одна, но крайне неприятная.
При себе у гонца было письмо, которое он незамедлительно вручил тому, кого называл Великий хан, таким образом отделяя его от всех прочих. И помимо содержавшегося в спешно написанных

строках на словах дополнил всю картину.

Мост, через который собиралось переходить шедшее на условленную встречу войско, сгорел от удара молнии, сверкнувшей из мимолетом пронесшейся грозы. Сгорел дотла, а трава с одного берега поди и до сих пор тлеет. Строители в поте лица возводят переправу, и к ночи обещанная армия обязательно прибудет, но вряд ли раньше. Ведь даже отправленному к хану Гийюру гонцу пришлось сделать очень большой крюк из-за крутых речных берегов, и добираться другой дорогой. В частности, через маленькую паромную переправу, отнюдь не предназначенную для доставки многочисленных пеших и конных воинов.

Уяснив себе причину произошедшего, ад-Сейдин заметно подобрел и теперь глядел на гонца куда более милостиво. Что ж, такое действительно невозможно предвидеть. Досадно, конечно, но ничего не поделаешь. К тому же если ожидаемое пополнение прибудет хотя бы к ночи, то на завтрашнее утро планы остаются неизменными.

— Рахман! — позвал хан, легонько барабаня пальцами по подлокотнику резного кресла из черного дерева, в котором он сидел.

— Слушаю, повелитель, — отозвался выдвинувшийся из свиты сановник.

— Распорядись осмотреть эту переправу. Как только пройдут войска, надо немедленно привести ее в порядок, — приказал ад-Сейдин.

— Да, повелитель, — коротко кивнул сановник и тут же направился к выходу из шатра.

— Только на сей раз мост должен быть каменным, — уточнил хан едва заметно изменившимся голосом. — Я больше не потерплю, чтобы столь важная дорога, связывающая нас с нашим добрым соседом, подвела снова.

Вельможа поклонился и покинул шатер. Следом за ним на свежей лошади вскоре отбыл и гонец.

Уже вовсю темнело, когда с искомого направления наконец-то показались множественные огни. Переправу, как и было обещано, удалось восстановить без посторонней помощи, тем более что пока эту помощь пошлешь, да пока она доберется, глядишь уже и без нее управятся. Восстановить, очевидно, временно, но главное что войско сумело продолжить путь, а уж наведение нового моста — это забота властителя Железных земель. И к полуночи палаточный город у Заячьего холма стал разрастаться еще больше, пополняясь последними только что прибывшими отрядами ад-Сейдина и теми, кто задержался из-за происшествия с мостом. Рядом с красной саламандрой взвились знамена желтой степной

пумы.

Хан принял долгожданного визитера все в той же официальной обстановке, в которой, впрочем, судя по лицам ханской свиты, отчетливо витал доброжелательный настрой. В красно-белый шатер, мимо застывших как изваяния гвардейцев, через гостеприимно распахнутый полог, звеня металлом вошел крепкий мужчина в золоченых доспехах, в сопровождении нескольких суровых воинов с разными знаками отличия. На груди у вошедшего красовалась эмблема в виде застывшей в прыжке пумы из чистого золота.

— Приветствую, Гийюр ад-Сейдин, властелин Железных земель, хан Ста городов! Долгие тебе лета! — церемонно произнес пришелец, приложив руку к груди и чуть наклонив седеющую голову с узкой бородкой и глубоко посаженными узковатыми глазами.

— Приветствую, Аюджин Тал Дауд, эмир Аешский, владыка Семи долин. Приветствую, друг мой, — ответил хан.

Встав с кресла, символизирующего походный трон, он чуть развел руки ладонями наружу, с улыбкой подошел к посетителю и заключил его в объятия, на которые тот, так же улыбнувшись, немедленно ответил. Лица сопровождавших эмира воинов прояснились. Утратив представительский вид, они приняли более расслабленные позы, как, впрочем, и свита хана Гийюра. Официальная часть закончилась едва начавшись.

— Предлагаю продолжить в более непринужденной обстановке, — сказал ад-Сейдин, делая жест к выходу из шатра — туда, где под широким тентом с сетчатыми пологами уже был гостеприимно накрыт большой стол, ломившийся от угощения, и вовсю сновали слуги.

— Ничего не имею против, — живо откликнулся эмир. — Из-за злополучной задержки мы вынуждены были спешить во весь опор, так что времени ни подкрепиться, ни отдохнуть и вовсе не было.

— Понимаю. Эй, кто-нибудь, проследите чтобы шатер эмира Аешского поставили рядом с моим, — приказал хан Гийюр. — Если, конечно, сам эмир не возражает.

— Почту за честь, — кивнул Тал Дауд, звякнув золотой пумой.

— Вот и отлично! — заключил ад-Сейдин. — А завтра утром с флагштоков этого холма гордые стяги красной саламандры и желтой пумы вместе встретят восход солнца, знаменуя начало нового могучего союза!

Да, союза. Эмираты Аеш и Дирзун откликнулись на предложение властелина Железных земель, согласившись выступить на его стороне. Гийюр ад-Сейдин вел тайные переговоры уже не первый год, нащупывая союзников и выявляя врагов. Для его амби-

циозных планов первые бы уж точно не помешали, особенно если удастся переманить к себе потенциальных противников. Последних же тоже стоило определить побыстрее, дабы для каждого разработать свою стратегию, исходя из обстоятельств и возможностей. С прибытием войск эмира Аешского численность армии ад-Сейдина сразу выросла почти на четверть. К тому же и осадная техника владыки Семи долин придется весьма кстати в дополнение к уже имеющейся. Шахты в Шан-Бэньском горном хребте, часть которого и образовывала пресловутые долины, в изобилии снабжали эмират множеством металлов, что самым продуктивным образом сказывалось на оружии и боевых машинах. Эмират Аеш был достаточно сильным государством, чтобы хан Гийюр возжелал увидеть его даже не в виде ленника, а именно в качестве союзника. Раздор с Тал Даудом представлялся крайне нежелательным, зато объединение сулило большую выгоду. В случае с эмиром Аюджином ад-Сейдин сыграл на его честолюбии и страстном желании расширить свои владения. У эмирата Аеш с давних времен тянулись распри с восточным соседом из-за обширных пограничных земель, за многие века переходивших то в одни, то в другие руки. И Тал Дауд желал бы раз и навсегда не только окончательно присоединить к себе изобилующие реками плодородные пастбища, но и свергнуть раздражавшего как кость в горле соседа. Поэтому тайные переговоры, инициированные ханом Гийюром, в итоге привели к желаемому результату: эмир Аешский согласился на предложение властелина Железных земель. Ведь новый союз сулил ему не только возможность забрать себе спорные территории. Все пограничные с эмиратом государства отойдут ему во владение, а сам эмир Аюджин станет ханом объединенных под его властью новых земель. Все что от него требовалось взамен — быть верным союзником и принести присягу Гийюру ад-Сейдину как Великому хану и верховному владыке. Тщеславие Тал Дауда не смогло устоять. Да и подняться столь высоко под знаменами амбициозных планов ад-Сейдина уж точно лучше, чем так и остаться эмиром, с бессильной жадностью наблюдая как другие делят земли и богатство.

Несколько иначе дело обстояло с эмиратом Дирзун. Не столь его военные возможности, хотя и отнюдь не призрачные, сколь само местонахождение являлось для ад-Сейдина стратегически важным. Расположенный вблизи от крупных торговых маршрутов, он одновременно граничил с последовательно интересующими хана Гийюра землями. Иметь в качестве готовой и надежной базы для своих войск крепости и форпосты этого эмирата было значительно лучше, чем пройтись по нему опустошительной войной. Ес-

ли эмир Дирзунский в нужный момент его поддержит и эффективно станет выполнять все приказы, это существенным образом повлияет на ход всей кампании. Хасан аль-Дани, эмир Дирзунский, после продолжительных раздумий все же изъявил согласие тайно присоединиться к образовывавшемуся союзу, но присоединился он скорее из страха. Ведь Ад-Сейдин учел это обстоятельство, происходившее из нерешительности трусоватого эмира, и предложил ему подходящий случаю вариант. Аль-Дани отнюдь не обязательно будет тут же начинать непосредственные военные действия — этим до поры займутся армии союзников. Ему, соблюдая внешний нейтралитет, надо будет выждать определенный момент и лишь тогда выступить на сцену, сыграв отведенную роль. Хан Гийюр отлично сыграл на колебаниях эмира, вполне способного некстати переметнуться на другую сторону: вариант был почти беспроигрышный. С одной стороны аль-Дани прекрасно понимал, что, в случае чего, он будет не в силах выдержать натиск могучей армии завоевателей. С другой — совершенно не хотел ввязываться в большую войну с неизвестным результатом. Если уж и придется выступать, то выступать лучше на стороне победителя, а пока еще неизвестно как повернется дело. Предложение властелина Железных земель как раз и принимало во внимание такой ход рассуждений. Эмир Дирзунский открыто выйдет на сцену лишь когда союзные армии приблизятся к его владениям, достигнув ключевой точки, таким образом дав им возможность совершить мощный и неожиданный для всех маневр, не говоря уже об экономической составляющей. Такой вариант для полного сомнений аль-Дани действительно был весьма удобен. Если армия ад-Сейдина в самом деле успешно доберется до назначенного места, то тогда с ним однозначно лучше не ссориться. Если же нет, и воинственные планы хана Гийюра застопорятся где-то на подходах, то с него, эмира, и взятки гладки. Иметь возможность выбрать сильнейшего в нужный момент — что может быть лучше? Так что отнюдь не посулы ад-Сейдина в случае успеха сделать эмират Дирзун новым крупным торговым центром в итоге склонили осторожного Хасана аль-Дани на его сторону. Во всяком случае, до поры. Однако хан Гийюр был уверен, что даже если трусоватый эмир будет заодно вести переговоры с кем-то еще, то в случае успешного приближения союзных армий к его границам он безоговорочно поступит так, как договаривались.

Вместе с тем были и менее удачные переговоры, и властелин Железных земель принимал в расчет лишь наиболее надежные. А посему мог твердо основывать свой альянс лишь с Желтой пумой и Зеленой ящерицей, являвшейся символом эмирата Дирзун. Тем же

кто, по разным причинам, так и не принял его предложение, либо же вел себя подозрительно или до сих пор колебался, он дал понять, что пока еще его двери открыты. Всем кто успеет к нему присоединиться гарантируется дружеское и справедливое отношение. Завоеванным же землям на его снисхождение рассчитывать точно не придется.

Слухи о тайных переговорах, разумеется, сдержать было невозможно. Политические дрязги, подкуп и шпионаж, временные союзы и заурядное вероломство создавали определенную практику, где, в той или иной степени, однажды становилось известно обо всех интригах. И вопрос заключался лишь в промежутке времени и тому, насколько этим слухам верили, насколько серьезно их воспринимали, ведь было обыденным явлением, когда разные властители и государства периодически то образовывали какие-то альянсы, то вступали в междоусобные стычки. Поэтому для ад-Сейдина не было ничего удивительного, что из месяца в месяц по городам и весям все больше ползли разные вести. По большей части смутные и неопределенные, оставаясь на уровне базарных сплетен и кривотолков, они все же обычно сходились в одном: кажется, затевалось что-то серьезное, вот только никто толком не знал что именно, где и когда. Но хана Железных земель это ничуть не волновало. Он будет готов выступить еще до того как всем станет ясно что происходит. Поэтому даже его войска до последнего оставались разрозненными соединениями по всей стране, дабы до последнего не привлекать ненужное внимание, и лишь получив долгожданный приказ выступили все разом, стремительно сливаясь в одну огромную армию.

Тепло распрощавшись с удалившимся на покой эмиром Аешским, чей желто-белый шатер теперь возвышался вблизи от ханского, ад-Сейдин отпустил свиту. С ним остались лишь трое верных телохранителей, включая начальника личной гвардии, но они держались в сторонке, стараясь находиться в тени, в том числе и из стратегических соображений, и не докучать повелителю. Наступила глубокая ночь, и выросший всего за одни сутки огромный палаточный город спал, светясь тысячами огней чуть не до самого горизонта. Лишь часовые бдительно несли свою вахту, перекликаясь условными сигналами, да невидимые в темноте дозорные обходили лагерь по периметру. Многочисленные кони всхрапывали спросонок, переминаясь с ноги на ногу, шипели факелы, потрескивало пламя костров, и в основном лишь эти незначительные звуки нарушали установившуюся в округе тишину. Отданный по войскам приказ отбоя выполнялся неукоснительно. Хан, стоя неподалеку от теперь уже двух высоких флагштоков, с красной са-

ламандрой и желтой пумой, медленно обозревал ряды огней явившейся на его зов и спящей сейчас армии. Он наизусть знал все вымпелы и штандарты, так что по ним мог легко определить где какое соединение расположилось, хотя это ему и так было прекрасно известно. Стоянка у Заячьего холма была запланирована уже давно, а роли распределены. Теперь лишь оставалось воплощать задуманное в действительность. И сейчас, переводя взгляд с одного вымпела на другой, внутренним взором ад-Сейдин видел не солдатские палатки, а вышколенных умелых воинов, готовых выполнить любой его приказ. Видел, как они маршируют по дорогам от города к городу и повергают к его ногам одно государство за другим.

С противоположной стороны, совсем на другой, небольшой безымянной возвышенности, еще кое-кто внимательно оглядывал палаточный город. Невысокая фигура, закутанная в серую дорожную накидку, из-под которой виднелись только черные шаровары, старалась держаться в массе теснившихся скрюченных и корнистых деревьев, откуда пристально изучала раскинувшееся море огней. Спадающий на лицо капюшон наблюдению никак не способствовал, поэтому коротким раздраженным движением фигура откинула его назад. Высвободившиеся длинные вьющиеся волосы тут же водопадом ниспали на плечи, а рассеянный звездный свет озарил привлекательное лицо женщины средних лет. Чуть покусывая поджатые в волнении тонкие губы, она хмурила светлые брови и правой рукой машинально теребила краешек накидки длинными пальцами с коротко, но аккуратно подрезанными ногтями. Левая держала поводья смирно стоявшей рядом вороной кобылы, которую женщина иногда поглаживала по теплой шелковистой морде. Не столь ради ласки, сколь дабы кобыла, чего доброго, не надумала огласить окрестности ржанием, приветствуя находившихся неподалеку многочисленных соплеменников.

Увиденное, судя по всему, производило на наблюдательницу достаточно тягостное впечатление. Пересчитывая палатки и старательно изучая развивавшиеся вымпелы, она с каждой минутой мрачнела все больше и больше. Губы иногда беззвучно шевелились, будто женщина таким образом проговаривала сама себе то, что как следует старалась запомнить. А запоминать тут было чего, и напряжение, отражавшееся на ее лице, выдавало с каким усердием незнакомка предавалась своему занятию. Нетрудно было догадаться, что фигура в серой накидке вряд ли принадлежала к числу людей хана или эмира. Ведь в противном случае она могла бы преспокойно прогуливаться по лагерю и беспрепятственно рассматривать все что душа пожелает. При этом стоило отметить, что

даже обычный путник вполне мог и при свете дня остановиться и совершенно естественным образом подивиться на редкое зрелище. Правда он при этом, скорее всего, достаточно быстро столкнулся бы с одним из патрулей, но в подобной ситуации не оказалось бы ничего необычного. Женщина же явно не желала попадаться никому на глаза, стараясь не раскрыть своего присутствия, и глубокая ночь очень ей в этом помогала, давая возможности обозревать окрестности и самой при этом оставаться незамеченной. Лишнее внимание ей было совершенно ни к чему, а уж свидание с каким-нибудь дозором ханской армии — и тем более. И такое внимание ей было бы просто обеспечено, особенно если бы люди ад-Сейдина пронюхали, что эта особа имеет весьма непосредственное отношение к сгоревшей минувшим днем переправе. А они живо могли сложить два и два, если бы признали в попавшейся им страннице Сирелину, одну из немногих чародеек севера.

Да, удар молнии не был такой уж случайностью, как и скоротечная гроза, быстро пролетевшая средь вполне ясного дня над переправой в Змеином улусе. В этих краях Сирелина оказалась по делам, которые, учитывая общее отношение к чарам и колдовству, афишировать уж точно не стоило. И уже на обратном пути она вдруг едва не столкнулась с поспешавшим куда-то многочисленным войском, в коем без труда узнала армию эмира Аешского, причем львиную ее часть, да еще с боевыми машинами и во главе с самим эмиром. Появление этой армии на землях хана Железных земель, пусть даже и у самой границы, не могло быть простой прогулкой. Однако и на вторжение это тоже вряд ли походило, поскольку Тал Дауд должен был уж совсем повредиться в уме, чтобы напасть на земли своего слишком превосходящего по могуществу южного соседа. Тем не менее, его войска куда-то шли, снаряженные до зубов, и шли очень быстро. И если они не собиралась нападать на ад-Сейдина, то не мешало бы как можно быстрее узнать куда и зачем эта армия направлялась. Сирелине живо припомнились особенно множившиеся последнее время слухи, и сильнейшая тревога овладела ее сердцем. Быстро сориентировавшись в обстановке, чародейка, не теряя ни минуты, принялась за дело. Приличное знание местности помогло ей выработать подходящий план. Опередив войско эмира Аешского на десяток миль, она прибыла к переправе Змеиного улуса, куда очевидным образом направлялась встреченная ей армия. Там находился ближайший подходящий мост, по которому многочисленные воины и их тяжелое снаряжение могли перебраться на другой берег быстрой реки с крутыми берегами. Проехав раскинувшееся у одной стороны моста поселение, Сирелина перебралась на другую, где, укрывшись в

овраге от посторонних глаз, деятельно принялась готовить все необходимое. Может быть некогда могущественные колдуны и могли призывать бурю одним мановением руки, но в нынешние времена нечто подобное вряд ли было кому-то по силам. Поэтому чародейке пришлось прибегнуть к более хлопотному способу. Разложенный по всем правилам Круг Стихий сделал свое дело, а тщательно выжженные на опорах моста рунические знаки, для чего Сирелине пришлось основательно искупаться, дополнили желаемый эффект, направив его в нужное русло. Налетевшая будто из ниоткуда грозовая туча грохотала одной молнией за другой. Сверкая, они били то в землю, то в воду, пока наконец одна из них, особенно яркая и мощная, с оглушительным раскатом не ударила прямо в мост. Никто не видел как в этот момент засияли алыми огнями нанесенные рукой чародейки руны, зато зарево полыхнувшего яростно загудевшим пламенем моста было отчетливо заметно за несколько миль вокруг.

Горело жадно и быстро. Огонь на глазах пожирал крепкий деревянный настил, превращая массивные перила в обугленные жердочки, объяв просмоленные сваи до самой воды. Сирелина, удовлетворенно оглядев творение рук своих, спустилась ниже по течению. Не без помощи чар преодолев коварный крутой берег, она опять вошла в воду. Переплывая реку, женщина отчетливо слышала взволнованный гомон местных жителей, впечатленных зрелищем пылающего моста, часть из которого, не выдержав дьявольского жара, уже начала обваливаться, с треском выбрасывая в воздух снопы ярких искр. Этот заплыв в весьма непростых условиях чародейка затеяла не просто так. Первую часть плана она успешно реализовала: армия Тал Дауда неминуемо затормозится у образовавшегося препятствия. Стало быть, пора переходить ко второй, ведь теперь в распоряжении Сирелины появится и время и возможность разведать замыслы эмира Аешского. Небольшая гроза, вызванная при помощи Круга Стихий, уже проходила, распадаясь на множество мелких разбегавшихся облачков. Когда чародейка выбралась из реки, на небе вновь показалось солнце, в лучах которого засияли алмазным блеском капли прошедшего дождя и доспехи рысью подскакавшего к уничтоженной переправе передового отряда Тал Дауда.

Расчет Сирелины вполне оправдался. В поднявшейся суматохе ей ловко удалось оставаться незамеченной. Местных жителей было достаточно много, чтобы пришельцы легко принимали неприметную фигуру в сером за одну из них. Сами же аборигены ввиду колоссального наплыва чужеземцев тем более не могли разобраться кто здесь вообще кто. Ведь деваться прибывавшей ар-

мии было некуда: толпясь и занимая все поселение, воинские соединения расползались по берегам реки, вставая вынужденным лагерем. Здесь чародейка сделала первое важное открытие. Даже небольшой отряд воинов другого государства — явление достаточно редкое и подозрительное. Появление же чужой армии и у полного остолопа просто обязано было вызвать соответствующие вопросы и тревогу, вплоть до настоящей паники. И чародейка, видимо, полагала так не одна. Войска эмира Аешского сопровождали ханские эмиссары с отличительными эмблемами, громогласно объявлявшие всем встречным жителям заранее заученные слова, подтвержденные соответствующими грамотами. А это означало только одно: властелин Железных земель не только в курсе происходящего, но и подготовился к нему заранее.

Узнать куда держит путь вся эта вооруженная до зубов орава Сирелине тоже не составило великого труда. Еще лишь соображая как бы подобраться к командному составу поближе, она ловко перемещалась в поднявшейся толчее, прислушиваясь к разговорам. Воины, их командиры, прислуга, люди из сопровождения, от погонщиков до маркитантов — кого здесь только не было. Досужую болтовню чародейка пропускала мимо ушей, зато живо ухватывала интересующие ее детали: от пополнения воды и припасов до предполагаемых целей экспедиции. Непредвиденное препятствие в виде сгоревшего моста, едва не вызвавшее серьезный затор, выражалось и в многократно повторяемых многочисленными устами словах. Формулировка разнилась, но смысл вырисовывался единый: похоже, к Заячьему холму вовремя не попасть, и завтрашнее выступление может оказаться под угрозой срыва.

За означенным холмом владения ад-Сейдина заканчивались, и за водами неглубокой быстрой речушки начинались земли бея ан-Нуадона, представителя древнего и славного рода, у которого Сирелина иногда гостила и пользовалась его расположением. Зародившиеся у чародейки волнующие опасения стремительно превращались в пугающую уверенность.

Порядок навели довольно быстро, и возникшая было неразбериха пошла на убыль. Изучив масштабы неприятности, эмир лично следил, как подошедшая из обоза бригада инженеров незамедлительно принялась возводить временную переправу. Все средства для этого имелись, просто никто никак не ожидал, что они понадобятся столь скоро. Инженерное дело у владыки Семи долин было развито хорошо, и неслучайно хан Гийюр желал видеть плоды его деятельности в своей армии. Выслушав доклад старшего специалиста, раздраженный Тал Дауд подозвал слугу с письменным прибором, наскоро набросал послание и отправил его

вместе с гонцом кружной дорогой, наказав скакать быстрее ветра. Все это чародейка прекрасно видела, поскольку старательно вертелась неподалеку. Близко к эмиру и хлопотавшим инженерам, разумеется, никого не подпускали, но это открытое место отлично просматривалось и издали, а уж от ближайших построек и тем более. Укрывшаяся на сеновале какого-то очень кстати подвернувшегося сарая и прильнувшая к маленькому слуховому окошку под самой крышей Сирелина с Тал Дауда глаз не сводила, наведя на него складную подзорную трубу с выдающимися оптическими свойствами.

Проводив стремительно уносившегося гонца взглядом, чародейка засобиралась и сама. Здесь она увидела и услышала достаточно. Теперь стоило и самой как можно быстрее добраться до Заячьего холма. Правда с этим образовалась неприятная заминка. В сарай, как назло, заявилось несколько гремящих оружием и доспехами людей. Разумеется, не в поисках затаившейся на верхнем ярусе тихо как мышка лазутчицы: пользуясь случаем, воины просто решили немного передохнуть в мягких грудах благоухающего сена. Сирелина досадливо поморщилась. Выход был перекрыт, ведь вряд ли развалившиеся кто где гости совершенно безразлично отнесутся к ее появлению. Одно дело оставаться неприметной в общей толчее и совсем другое — неожиданно объявиться в замкнутом пространстве на глазах у лениво переговаривавшихся солдат. Однако покуда чародейка соображала, стоит ли все же попытаться сойти за местную жительницу и быстро ускользнуть, пока мужчины, отпуская приличествующие такому случаю шуточки, соображают что к чему, планы ее изменились. Выяснилось, что расположившаяся на сеновале группа принадлежала к высшему командному составу. Нагрудные знаки различия красноречиво свидетельствовали в пользу возникшей в ходе подслушиваемых разговоров версии. Их золотой блеск можно было хорошо рассмотреть в прореху деревянного настила, ставшую Сирелине новым наблюдательным пунктом. Решив, что, раз так, с отступлением можно и обождать, затаившаяся чародейка принялась подслушивать и дальше.

Воины переговаривались не таясь. Да и кого им было остерегаться в самом сердце собственной армии подле самого эмира? А посему помимо досужих житейских разговоров постоянно упоминался и текущий поход. Тем паче что беседующие, судя по всему, возлагали на него большие надежды, сулившие им всяческие блага и почести. Бахвальство и воздушные замки Сирелина пропускала мимо ушей, а вот главное, слово за слово, несомненно ухватила: войско Тал Дауда шло к Заячьему холму на соединение с армией

ад-Сейдина и целью затеянного похода были земли Играна ан-Нуадона. И в этом уже не оставалось ни малейших сомнений.

Еле сдерживавшейся от волнения чародейке стоило немалых усилий кое-как дождаться когда воины наконец-то покинут сеновал, призванные к повелителю. День уже клонился к закату, а наводимая инженерами переправа — к завершению, и ей лучше бы поторапливаться. Однако только выбраться за пределы поселения было мало. Вороная кобыла осталась на другом берегу, куда сейчас просто так не попадешь. Поэтому следовало еще обогнуть собиравшиеся продолжить путь многочисленные войска, сделав большой крюк в обход, дабы не лезть в воду у всех на глазах. Ни к чему такое внимание. В итоге лишь проделав немалый путь, Сирелина вновь пустилась вплавь выше по течению, а затем, наскоро подсушившись не без помощи чар, со всех ног устремилась к знакомому оврагу. Лошадь она нашла там же где и оставила: та мирно паслась в овраге, радуясь сочной траве и столь продолжительному отдыху. Оседлав свою вороную, чародейка, проехав по дну оврага до самого его конца, выехала на усыпанный цветами луг и понеслась во весь опор как раз тогда, когда первые отряды Тал Дауда уже готовились перейти реку. Представление о войсках эмира Дирзунского Сирелина получила достаточное. Теперь следовало как можно быстрее добыть такую же информацию и об армии хана Железных земель.

— Эй, кто там! Назови себя! — как гром среди ясного неба вдруг резко прозвучал чей-то суровый оклик.

Точнее, среди неба ночного. Призадумавшаяся Сирелина живо пришла в себя. Поглощенная созерцанием военного лагеря и различными подсчетами, она оценивала все увиденное и мыслями невольно вернулась к событиям на переправе. Численность стоявших лагерем войск поражала. Тал Дауд привел много людей, но еще больше — намного, в несколько раз больше, — прибыло к Заячьему холму под началом ад-Сейдина. Последовательно вспоминая свои недавние похождения в Змеином улусе, чародейка внутренним взором сравнивала увиденную ей там армию эмира с той, что сейчас простиралась практически от ее ног и почти до самого горизонта. И по мере этого сравнения к ней, вконец ошеломленной, приходило понимание истинного размера собравшихся полчищ. Должно быть, забывшись под влиянием охвативших ее чувств, чародейка незаметно для себя отделилась от массы деревьев, служивших дотоле надежным укрытием, и ее силуэт оказался заметен на фоне звездного неба и отсвета бесчисленных огней палаточного города. Что, очевидно, и привлекло внимание одного из следовавших неподалеку патрулей.

Догадка некстати зазевавшейся чародейки оказалась верной. Один из ханских дозоров, ходивших по округе с огнями и без, действительно заприметил кого-то на небольшой, заросшей невысокими деревьями и кустарником возвышенности. Неслышно приблизившись, дозорные удостоверились что им отнюдь не мерещится и теперь намеревались выяснить что за подозрительная личность торчит в темноте и одиночестве под самым боком военного лагеря.

Окрик мигом вернул Сирелину в действительность. Досадуя на себя, что столь легкомысленно позволила оказаться обнаруженной, она быстро сориентировалась в обстановке. Подошедшие в темноте воины хана были совсем рядом. Стоило отдать им должное: лучшие дозорные ад-Сейдина передвигались практически бесшумно. И сейчас их клинки и металлические заклепки кожаных доспехов зловеще поблескивали под звездным светом в самой неприятной близости. Никаких других огней поблизости не было, не считая отсвета палаточного города, и чародейка, не теряя ни секунды, тут же этим воспользовалась. Выбросив вперед руку, она звонко выкрикнула короткое заклинание. Между ней и вооруженными людьми за какую-то долю секунды прямо в воздухе раздулся бесплотный белый шар. Раздулся из макового зернышка до большого пузыря и с тихим хлопком взорвался, выбросив снопы жгучего света. Безымянную возвышенность озарила яркая вспышка, выглядевшая в темноте просто ослепительной. И именно таков оказался ее эффект: привыкшие к слабой освещенности зрачки всех находившихся поблизости на какое-то время утратили способность что-либо видеть. Всех кроме самой Сирелины, предусмотрительно крепко прикрывшей веки. Громкие проклятия посыпались разом из дюжины глоток. Отчаянно чертыхаясь, воины хватались за лица и терли глаза, издавая всевозможные возгласы от неопределенных междометий до изощренных ругательств, однако при этом не забывали и сыпать угрозы в адрес коварного незнакомца. Оружием, однако, никто не размахивал и не пытался на ощупь найти и схватить обидчика — у дозорных хватило ума не пуститься во все тяжкие вслепую, дабы, чего доброго, не перебить друг друга. Чародейка, разумеется, не стала дожидаться пока ханские молодцы вновь обретут способность исправно выполнять свои обязанности. Лошадь, не столько к счастью, сколько из принявшего ее во внимания расчета, пострадала не так сильно как изрыгавший ругательства патруль, хотя и встретила выходку хозяйки возмущенным ржанием. Кобыла стояла к вспышке правым боком и в момент произнесения заклинания ее морда оказалась у Сирелины за спиной. Повернувшись к своей вороной, чародейка

вспорхнула в седло и растворилась в ночи.

Хан спал хоть и мало, зато крепко. Нет, это не означало что он спал мало всегда. Напротив, ад-Сейдин считал, что плохо выспавшийся человек хуже соображает, и это самым дурным образом будет сказываться на его способности принимать наиболее разумные решения. Хорошо высыпаться просто необходимо, и напрасно иные люди пренебрегают столь немаловажным обстоятельством, полагая что им-де вполне достаточно довольствоваться для этого малым временем. Поэтому обычно хан не отказывал себе в полноценном отдыхе, хотя и излишне пролеживать в постели тоже себе не позволял. Но в особых случаях, в том числе и таких как сейчас, он умел мобилизовать ресурсы своего тела, прекрасно обходясь без привычных удобств. Поэтому всего четырех часов на походной кровати ему было вполне достаточно, чтобы восстановить силы. Рассвет ад-Сейдин встретил уже на ногах.

Ночь прошла без происшествий, исключая странный случай на небольшом холме, о котором доложил хану начальник караула. В том, что это, вероятно, был чей-то лазутчик, сомнений почти не имелось, да и удивляться особо не приходилось. Кто-то вполне мог забрести с той стороны границы, привлеченный небывалой активностью у Заячьего холма. Беспокоило другое. Судя по рассказам дозорных, они столкнулись с кем-то из чародеев. Временно ослепившую их вспышку можно было вызвать разными способами, и опытные специалисты особого рода сами иной раз практиковали нечто подобное. Однако предварявшая ее характерная речь заставляла склоняться в пользу чар, да и на холме впоследствии не обнаружилось ни малейших признаков использования горючей материи. За неизвестным пробовали организовать погоню, но время по вполне понятным обстоятельствам было упущено, и тот благополучно скрылся. Следы уводили далеко в сторону, а потом терялись у реки, где лошадь вошла в воду. Больше ничего по существу добавить было нечего, кроме того, что неизвестным лицом, похоже, была какая-то женщина.

Выслушав доклад, хан отпустил начальника караула, а сам невозмутимо продолжил заниматься простым, но плотным завтраком. Изысканные угощения подавались в особых случаях, например для застолья с союзником. Сам же ад-Сейдин излишествами не злоупотреблял, прибегая по большей части к добротной солдатской пище, разве что с некоторыми дополнениями. Пусть лучше его люди занимаются более полезным делом, нежели возятся со всякой скоропортящейся снедью на благо господского пиршества. Пировать надо в положенное для этого время. Кроме того, хан таким образом лично проверял чем питается его армия и горе будет

тому, кого он заподозрит в подрыве ее боеспособности.

Хоть ад-Сейдин и принял отчет молча, а после еще с четверть часа не проронил ни слова, уделяя внимание лишь приему пищи, это отнюдь не означало что он пропустил известие мимо ушей, не придав ему должного внимания. Утерев губы и омыв лицо в серебряном чане с водой, хан велел позвать к нему командующего легкой кавалерией. Тот не заставил себя ждать и вошел в ханский шатер столь быстро, будто только и ожидал зова повелителя. Впрочем, возможно так и было.

— Хивран, отправь две дюжины самых зорких разведчиков в Змеиный улус к сгоревшей переправе, — приказал хан, кивнув на прозвучавшее приветствие. — И пусть прихватят с собой Баратиса.

— Какова их задача, мой хан? — невозмутимо осведомился военачальник.

— Искать любые следы проявления колдовства, — также невозмутимо изрек хан. — Путь отряд скачет быстрее ветра — он должен вернуться еще до нашего выступления.

Поклонившись, военачальник без лишних слов немедленно отправился выполнять полученный приказ.

С тем, кого хан Гийюр назвал Баратисом, воины без особой нужды старались дела не иметь. Да и вообще по большей части народ его сторонился, как обычно сторонился того, что имело отношение к чародейству. Хивран, разумеется, беспрекословно выполнил бы любую волю хана, не обращая внимания на личные симпатии или антипатии, но на сей раз его такое задание даже не удивило. Баратис, щуплый невысокий мужичок неопределенного возраста, состоял при ад-Сейдине специалистом по алхимии и колдовству. И кому же как не ему больше всего подходило принять участие в такого рода экспедиции. Эта личность занимала столь приближенный к повелителю пост не случайно. Баратис был своего рода правой рукой обитавшего в глубоких подземельях столичного дворца Дегониса, а заодно его глазами, ушами и устами во время продолжительных походов властелина Железных земель. Колдун-затворник предпочитал не покидать уединенного убежища, да и пользы от него там было несравнимо больше. А для сопровождения повелителя в поездках он как раз и прикомандировал Баратиса, за которого хану всецело поручился.

Перевалило за полдень. Солнце, растолкав облака, с утра робко пытавшихся оросить землю слабым дождиком, окончательно высушило и без того не шибко влажную землю. Его теплые лучи щедро заливали всю округу, порождая тысячи солнечных зайчиков, отражавшихся от оружия и доспехов многочисленных вои-

нов, и своеобразно придававших Заячьему холму новое толкование. Погода благоприятствовала. Восседавший на коне хан с плоской вершины все того же холма наблюдал, как свернувшая лагерь армия выстраивается в походный порядок. Передние соединения уже подошли к самому берегу мелкой пограничной реки и теперь ожидали условного сигнала. Подле хана Гийюра на крупном рыжем жеребце красовался эмир Аешский. Гарцуя, он не без самодовольства поглядывал на отличительно отливавшие золоченым блеском доспехи своих людей, занимавших позиции на фланге, и раздувался от гордости, ощущая себя вторым лицом в начинавшемся великом походе. Ад-Сейдин не нарушал его эйфории, улыбаясь уголками глаз. Стратег из Тал Дауда был весьма посредственный, ибо в противном случае, с его-то ресурсами, он просто обязан был давно вернуть себе контроль над столь любезными его сердцу спорными территориями. Поэтому непосредственным командованием лучше заниматься хану и его военачальникам. Но ад-Сейдин, разумеется, ничуть не возражает, чтобы союзник полноправно разделял все причитающиеся лавры. Поддерживая вежливый разговор с эмиром, хан в очередной раз окидывал взором протянувшиеся от края до края волны войск, заканчивавших походное построение. Привычно сновавшие курьеры докладывали, что все идет как надо и без происшествий. Хан Гийюр, казалось, не обращал ни на что внимания, прислушиваясь к этим дежурным сообщениям лишь краем уха, однако нет-нет, да и бросал искоса взгляд в сторону Змеиного улуса. Лишь заприметив несущийся во весь опор отряд он проявил некоторое оживление. Давно пора.

Даже изрядно помятого от быстрой езды и запыленного дальше некуда Баратиса признать было нетрудно. Его лошадь пошатывало от усталости, впрочем, как и коней остальных прибывших. Выбравшись из седла, иначе и не назовешь, чумазый коротышка что-то молвил своим спутникам и направился прямиком к повелителю. Хан сделал знак чтобы его пропустили.

— Ну? — без обиняков спросил он, когда утиравший пот Баратис очутился подле его стремян, сопровождаемый удивленным взглядом Тал Дауда.

— Есть основания полагать, что мост сгорел не случайно, — на удивление низким для своего щуплого сложения голосом сообщил колдун, сразу изложив главное.

— Доказательства? — в таком же стиле продолжил хан.

— Я нашел следы Круга Стихий, хотя кто-то хорошо постарался, дабы их скрыть. Для несведущих глаз это непременно бы удалось, — сказал Баратис, позволив себе выделить собственную заслугу. — Кроме того, на одном из обугленных обломков свай я смог разо-

брать фрагменты нанесенной руны. Совсем немного, но думаю, что я узнал ее. Пришлось основательно повозиться, ибо от моста мало что осталось, особенно после того как там поработали инженеры эмира. Поэтому я надеюсь, что повелитель простит мне мой потрепанный вид — мы очень спешили, и времени привести себя в порядок попросту не было.
Теперь хану стало понятно отчего Баратис местами выглядит так, будто недавно подрабатывал ремеслом трубочиста.
— Это случайно не обо мне? — не удержавшись, вступил в разговор находившийся рядом Тал Дауд.
Весьма плачевный вид принятого ханом гонца заставлял подниматься его довольно редкие брови, равно как и суть короткого разговора, в котором мелькали слишком приметные слова.
— Это о вчерашнем происшествии, — пояснил союзнику ад-Сейдин. — Я послал осмотреться доверенное лицо и, судя по всему, мои подозрения подтвердились.
— Какие подозрения?
— Баратис, изложи свое заключение так, чтобы наш уважаемый союзник понял, — предложил хан, обращаясь к колдуну.
— Я полагаю, что некто использовал Круг Стихий дабы вызвать грозу. В нужное же место удар молнии направили руны, которые заодно и многократно увеличили силу возникшего пожара. И такое мог проделать только опытный чародей, — резюмировал Баратис, чуть помедлив.
— Иными словами, дорогой друг, вчера кто-то намеренно спалил мост прямо перед вами, — счел нужным растолковать эмиру Ад-Сейдин. — И спалил при помощи колдовства.
— Вот оно что!.. — протянул Тал Дауд с вытянувшимся лицом. — А я думал, что это простая случайность.
— Поначалу и я был склонен так считать, — кивнул хан.
Пока что колдун не мог сообщить больше, поэтому ад-Сейдин, перекинувшись с ним еще несколькими короткими фразами, отпустил его, добавив, что позднее обязательно надо будет переговорить в более подходящей обстановке. Теперь самое время было вернуться к делам насущным. Закончившая построение армия замерла в ожидании.
— Как же ты догадался? — снова подал голос эмир, которого, видимо, живо обеспокоили такие колдовские проделки.
Хан чуть поморщился, скрывая легкую досаду.
— Сложил два и два, — неопределенно сказал он на радость и без того озадаченному Тал Дауду.
Не о том сейчас владыка Семи долин думает. Без должного внимания, разумеется, неизвестный чародей или чародейка, что куда

вероятнее, не останется. Но этим вопросом стоит заняться в другое время и в другом месте.
— Это может нам помешать? — осторожно спросил эмир Аешский.
Хан усмехнулся.
— Взгляни туда, — сказал он, протягивая руку в сторону ожидавшей его команды армии. — Взгляни туда и осознай: сейчас никто не в силах нам помешать. Даже все вместе эти коварные чароплеты не способны остановить ударную мощь наших объединенных войск, не то что один жалкий лазутчик. Поверь, уж я знаю. Я видел.
В последние слова ад-Сейдин вложил особый смысл, который, разумеется, эмир Аюджин понял совсем по-другому. Тем не менее, проникнувшись духом речей хана, он будто иными глазами посмотрел на простиравшееся от холма море воинов. Развевались знамена, на пиках и древках реяли бесчисленные вымпелы, высоко поднятые штандарты отливали серебром и золотом. Могучая армия ждала приказа, способного перевернуть весь существующий порядок. Если у эмира Аешского доселе еще и витали хоть какие-то сомнения, то сейчас они испарились бесследно. От внезапного прилива эмоций голова у него едва не пошла кругом. Выхватив саблю из ножен, он вскинул ее высоко вверх и что есть мочи проревел боевой клич Желтой пумы. Его войска, приветственно подняв оружие, раскатисто ответили тем же. Чуть улыбнувшись, Гийюр ад-Сейдин медленно вытащил из ножен свой клинок и столь же медленно воздел его над головой. Решающий час пробил.
— Ахар бала! — громогласно изрек хан, выпустив воздух из легких. Старинный девиз Железных земель. "Судьбу вершим".
— Ахар бала! — хором грянула армия, и от звуков ее единого голоса задрожала сама земля. — Ахар бала! Ахар бала!
Многократное эхо голосов ударило настоящей звуковой волной, от которой бросились врассыпную парившие птицы и попятились кони. С блеском во взоре хан, приподнявшись на стременах, будто купался в этой волне, с протяжным гулом накатывающей вновь и вновь, и словно наполнявшей своей мощью все его давно шедшее к этому моменту существо. Клинок опустился. Передовые отряды пришли в движение. Шагнув в быструю, но мелкую воду, они легко пересекли неглубокую речку и ступили на противоположный берег. Следом за ними единым целым двинулась и вся остальная армия. Вторжение началось.

– 3 –

Иной раз могло показаться, что время в Нирелине словно ос-

тановилось. В этом затерянном среди бескрайних песков, оторванном от остальной цивилизации островке умиротворения годами, десятилетиями царили мир и покой. Люди рождались, жили и уходили в мир иной в краю, служившим им добрым и надежным домом от первого до последнего дня. Привычный, практически неизменный уклад вещей не нарушало почти ничего, за редкими визитами каких-нибудь случайных гостей и незначительных житейских невзгод. Со стародавних времен высокие пальмы покачивали сочными зелеными листьями, отбрасывая тень в прохладные воды прозрачного глубокого озера и с гулом роняя на землю спелые плоды. Гурты домашнего скота, происходившего родом от того, что был здесь с незапамятных времен, чинно паслись у их подножия, и его хозяева, новые потомки своих далеких предков, все так же выгоняли их на выпас. Лишь возраст проживавших в оазисе напоминал о том, что годы все же не стоят на месте и идут своим чередом, и вскоре молодое поколение сменит старое, навсегда уходящее в страну своих пращуров. Вот и сейчас старый шейх, ласково поглядывая на беззаботно болтавшую ногами девочку, невольно и немного грустно подивился как быстро летит казалось бы застывшее время.

Илиана своим бронзовым загаром теперь мало чем отличалась от смуглых по природе обитателей Нирелина. Лишь ее золотистые волосы, несколько порыжевшие в лучах пылающего солнца пустыни, да глубокие сиреневые глаза еще выделяли найденыша среди остальных. Цветастые шаровары и тонкая сатиновая рубашка без рукавов уж точно не позволяли заприметить ее среди прочих детей, в большинстве одетых похожим образом, особенно если волосы скрывал повязанный на голове платок. Впрочем, черты лица девочки все же говорили об ином происхождении, с каждым годом определенно принимая все более аристократический характер. Только вот загадку этого происхождения разрешить так и не удалось, хотя ан-Бакир честно приложил для этого немало усилий. Разумеется его посланцы не горланили невесть что на каждом перекрестке, а наводили справки аккуратно и без лишней суеты. Ведь попробуйте, к примеру, спросить кто потерял кошелек, и в лучшем случае у вас хватит пальцев пересчитать тех, кто не откликнется. Люди шейха, проинструктированные должным образом, не обращались абы к кому, а действовали взвешенно и разумно. Впрочем, пользы от этого не оказалось никакой, и, кажется, проще было откопать посреди пустыни сосуд с заточенным там джинном. Караваны и путники возвращались обратно, нагруженные чем угодно, но только не какими-нибудь сведениями об Илиане. Обладательницу примечательного медальона не только

не разыскивали, но никто о ней и слыхом не слыхивал. В итоге за прошедшие три года поисков шейх ничуть не преуспел. Правда, положа руку на сердце, чем дальше, тем меньше он по этому поводу огорчался, успев привязаться к малышке и теперь, скорее, побаивался, что однажды кто-нибудь таки заявит на нее права. Сама же девочка прекрасно чувствовала себя в Нирелине и ровным счетом ни о чем не тужила. Память к ней не вернулась, и ничего до того момента, как Захир и его спутники обнаружили ее среди невесть откуда взявшихся развалин так и не вспомнила. Как чистая книга, Илиана, попросту не зная другой жизни, быстро приняла свою новую семью и особенно старого шейха, выказывавшего ей искреннее расположение. Некоторые даже ревновали ан-Бакира, полагая, что он уделяет найденышу куда больше заботы, чем собственным родственникам. Впрочем, могут же у старика быть свои маленькие слабости. А посему большинство смотрело на его симпатии снисходительно, тем более что общение с Илианой явно шло ему на пользу. Шейху вот-вот должно было исполниться девяносто, а казалось, что он чувствует себя еще бодрее чем прежде. Даже морщины на его лице разглаживались, когда он проводил время в обществе своей подопечной. Ведь опекуна для девочки он так и не выбрал. Ан-Бакир стал им сам. А в остальном доверил ребенка заботам Далины, решив, что та вполне справляется с ролью хлопочущей наседки, да и малышка к ней привыкла. Так что со временем вошло в обычный уклад, когда Илиана, покинув дом приветливой женщины, проводила вечера в компании старого шейха, ставшего ей не только опекуном, но и учителем. К своим семи годам девочка умела отлично считать, владела письменным прибором и бегло читала. Конечно выводимые детской ручкой знаки были еще далеки от каллиграфического почерка, но скорость с которой она могла прочесть содержание свитков и книг поистине удивляла.

При этом сказать что девочка живет за чужой счет и не приносит никакой пользы не осмелились бы даже те, кто относился к ней не с такой теплой симпатией, как шейх. Ан-Бакир, не забыв случай с Дирхом, быстро приметил что Илиана удивительным образом ладит не только с чванливым котом, а и с животными вообще. А посему старый шейх нашел вполне логичным определить ее в помощь смотрителям за домашним скотом. Ведь в Нирелине каждый сызмальства занимался каким-нибудь делом. Детей не неволили и не загружали наравне со старшими, но с ранних лет помогая взрослым они постепенно приучались к труду, а заодно становилось ясно у кого к чему душа лежит. Правда Илианы это особо не касалось. Не в том смысле, что она отлынивала и пренеб-

регала своими обязанностями, а в том, что аспект именно помощи вскоре отпал сам собой. Освоившись, девочка стала отлично справляться с доверенным ей гуртом самостоятельно, и в результате он полностью перешел на ее попечение. И беспрекословно слушавшиеся ее без всякой хворостины козы перестали вызывать удивление так же, как и радушно мурлыкающий Дирх, устраивавшийся подле изучавшей с шейхом очередную премудрость Илианы. Разве что вопросов к грядущему семилетию девочки несколько прибавилось.

Семилетие, правда, было достаточно условным. Поскольку никаких сведений об Илиане не сыскалось, то за день ее рождения шейх, без лишних хлопот, решил считать тот момент, когда караванщики Захира наткнулись на нее среди загадочных развалин. А раз тогда ей на вид было примерно года четыре, то сейчас, стало быть, скоро исполнится семь, поскольку означенный день наступит уже в текущем месяце. Ох, как малышка уже подросла. Как же все-таки быстро, оказывается, бежит время…

— Шая, а ну вернись на место! — вдруг звонко воскликнула Илиана, стряхнув накатившие было на старика думы.

Выйдя под вечер немного прогуляться, он набрел на Илиану с ее рогатыми подопечными, и присел рядом с девочкой на крепко сбитую деревянную лавочку. Поискав глазами, ан-Бакир заметил отбившуюся от стада козу. Шаг за шагом та постепенно отдалилась от лужайки и уже забредала в пальмовую рощу. Услышав окрик, животное развернулось и с блеяньем прибежало обратно.

— Кажется, Шая хотела прогуляться среди деревьев, — улыбнулся старик, глядя на явно разочарованную козу.

— Шая непоседа. Все время норовит уйти гулять. За ней глаз да глаз! — сообщила Илиана, погрозив козе пальчиком.

Такое именное обращение вопросов у ан-Бакира давно не вызывало. Наделить своего питомца собственным именем — совершенно естественное явление для любого имеющего дело с живностью человека. Только девочка умудрялась звать по именам все головы в гурте, причем, судя по всему, никогда не ошибалась. Попроси ее сейчас — и она легко перекличет всех коз от первой до последней, указывая кто есть кто. Шейх, махнув рукой, оставил попытки вникнуть что здесь к чему, решив не ломать голову и просто принять столь необычную особенность. С точки зрения Илианы получалось, что либо животное просто именно так зовут, либо это имя больше всего ему подходит. Разве что четвероногих и пернатых с уже закрепившимися всем известными кличками она не звала по-своему, хотя у ан-Бакира и на сей счет имелись некоторые подозрения. Иначе с чего бы они с Илианой так хорошо ладили, особен-

но когда та начинала ворковать с ними на каком-то своем, что называется, птичьем языке.
— Дедушка Арбах, ты какой-то грустный, — сказала вдруг Илиана, перестав весело болтать всякие пустяки.
— Правда? — озадаченно огладил бороду шейх.
Девочка с самого первого дня так и называла его совсем попростому без всяких приставок вроде "До" и означавших это обращений "досточтимый отец", каковой привилегией пользовались только близкие родственники.
— Правда, — кивнула Илиана, и ан-Бакир прямо-таки ощутил внимательный взгляд ее сиреневых глаз. — У тебя все хорошо?
— Да, все в порядке, — не моргнув глазом соврал шейх, стараясь чтобы голос звучал как можно правдоподобнее.
Это было отнюдь не так, и причин для невеселых раздумий у него хватало, только зачем же расстраивать попусту беззаботное дитя. Устроившись на лавочке подле маленькой пастушки и слушая бесхитростное детское щебетание, ан-Бакир хоть позволил себе немного отвлечься от обуревавших его мыслей.
— Это хорошо, — удовлетворенно заявила Илиана, перестав пытливо глазеть на старика и возвратив внимание козам. — Я думала тебя расстроили те важные гости. Ты с тех пор мало улыбаешься. Мне они тоже не понравились.
"Еще бы!" — чуть не ляпнул шейх, но вовремя скрыл в бороде готовую вырваться реплику. Девочка оказалась достаточно недалека от истины. Просто означенные гости являлись не причиной, а лишь следствием. Прошло уже около двух недель как ханские эмиссары покинули Нирелин, а ан-Бакир никак не мог сбросить тягостное ощущение, оставленное их визитом. И на сей раз даже самый оптимистичный внутренний голос не осмеливался разглагольствовать насчет излишней старческой подозрительности.
— Мы сегодня будем заниматься? — спросила Илиана.
— Конечно, — кивнул старик. — Сегодня мы начнем изучать одну очень интересную книжку. Обязательно приходи, только сначала сделай все что велит тетя Далина.
Отмечая заметный интерес девочки к флоре и особенно фауне, шейх решил, что будет нелишне начать знакомить ее с имевшейся у него в библиотеке подборкой. Сухие и научные труды пока ей подсовывать, конечно, рано, но вот есть одна подходящая энциклопедия, наполненная отличными красивыми иллюстрациями — в самый раз будет. И на картинки полюбуется, и животный мир подучит.
— Тетя Далина ворчит, что я слишком много читаю, — посетовала Илиана. — Говорит, чтобы я больше играла с другими детьми. Но

отнимать твои книжки боится.
Ан-Бакир усмехнулся. Несомненно добрая и заботливая, Далина была из тех женщин, что особым образованием не отличаются и предпочитают заниматься, по их собственной терминологии, женскими же делами. Хотя следовало отметить, что в Нирелине никто не ограничивал лицам прекрасного пола доступ к знаниям и для их получения даже имелись определенные возможности. Оазис в этом отношении был достаточно демократичным сообществом, чего все еще нельзя было сказать о многих южных государствах. Правда многовековые традиции просто так не переломишь, и в большинстве своем удалось наладить обучение детей, особенно девочек, лишь самым азам.
— Тетя Далина тебя любит, — заметил шейх. — Просто она не такая любознательная как мы с тобой.
— Я знаю, — с готовностью согласилась Илиана, которой польстило это "мы". Просто… Ой, фу, дядя Пирим идет.
Наморщив носик, девочка скуксила недовольную рожицу. Шейх удивленно оглянулся. По боковой дорожке, мелькая между стволами пальм, к ним действительно приближался один из его племянников.
— Илиана, невежливо так говорить, — наставительно произнес старик, удивляясь каким образом девочка умудрилась заметить приближавшегося человека, хотя вроде бы даже и головы не повернула.
— Прости, — покраснела та. — Но я его не люблю. Он какой-то… проди.
Шейх пошевелил бровями. Иной раз Илиана произносила совершенно непонятные вещи, особенно когда дело касалось ее мироощущения. То ли девочка таким образом на ходу придумывала новые слова, казавшиеся ей более подходящими в сравнении с уже имеющимися, то ли это был какой-то совершенно незнакомый шейху язык, на мгновение мелькавший в глубинах ее в остальном недоступной памяти. Попытки уточнить у Илианы что именно означает то или иное слово к особым успехам не приводили. Видимо теряясь, она пыталась подобрать какие-то формулировки, путалась, и даже по ее лицу было видно, что в результате получается нечто достаточно несоответствующее. Ан-Бакир даже взял себе за своеобразное хобби записывать услышанное позже в отдельную тетрадку, сопровождая изложением сопутствующих обстоятельств.
— Я тоже не всех люблю, — в итоге только и сказал старик. — Есть люди, которые и мне не очень нравятся. Но мы здесь одна семья, и так отзываться о родных в любом случае плохо.
— Хорошо, дедушка Арбах, я поняла, — сказала Илиана.

Рядом послышались шаги подходившего Пирима. Соскочив с лавки, девочка направилась к мирно пасущемуся гурту и деятельно принялась собирать стадо к отправке в хлев. Время вести скот на ночлег действительно подходило, но все-таки было несколько рановато. Видимо, Илиана "поняла" вполне себе по-своему: если уж нельзя сказать, то можно хотя бы удрать. Шейх не стал удерживать девочку, догадываясь, что ни ей общество племянника, ни ему ее не больно-то желательно. Лишь напомнил про занятия вечером, на что Илиана закивала и тут же отправилась своей дорогой, подгоняя застучавшее копытцами послушное стадо.
— Могу я присесть? — спросил Пирим, провожая светловолосую пастушку взглядом.
Ан-Бакир молча сделал приглашающий жест. Пирим, сопя, грузно плюхнул свои телеса на деревянное сиденье. В свои сорок пять он выглядел несколько старше не то из-за слишком рано образовавшейся лысины на манер тонзуры иноземных монахов, не то из-за округлившихся габаритов. Племянник не то чтобы был совсем уж жирным, ибо бывают экземпляры и похлеще, но все же стал достаточно упитан для того, чтобы утратить возможность быстро передвигаться без одышки. Да и жировые складки во главе с округлившимся животом давно уже перестали влезать в одежду стандартного размера. Отерев со лба бисеринки пота, Пирим перевел дух и спрятал шелковый платок в карман.
— Напрасно ты ее балуешь, — хмуро изрек он.
— Ты за этим пришел? — пожал плечами шейх.
— Девчонка нам не родня, а стоило бы в первую очередь беспокоиться о родственниках, — хмуро проворчал племянник.
— Нам две трети Нирелина не родня, и это не причина пренебрегать людьми, — сухо изрек шейх, не поворачивая головы.
— Да, только всех этих людей мы хорошо знаем, и никто из них не претендует на особое отношение. А кто этот найденыш? При таких обстоятельствах стоило бы держаться от него подальше, а не пригреть на груди, — заметил Пирим.
— И что же это за обстоятельства? — прищурился ан-Бакир, которому этот разговор уже начинал надоедать, не успев начаться.
— Они тебе хорошо известны. Просто так дети из урагана в странных камнях не появляются, — напомнил толстяк. — Помяни мое слово, здесь что-то нечисто. Дурное у меня предчувствие.
— У тебя или у твоей жены? — едко осведомился шейх. — Ворожба штука специфическая. Как дурман в голову ударит — и не выведешь. Там куда ни плюнь – одни сплошные знамения, везде дурное мерещится.
Ан-Бакир подразумевал род занятий старшей супруги Пирима. Та

не брезговала возиться со всякими колдовскими штучками. До настоящей колдуньи ей, конечно, было как до луны, но иметь дело с зельями, гаданьями, наговорами и прочим в таком же духе она вполне умела и очень любила. Как от знахарки толку от нее было немного, ибо куда эффективнее с лечением справлялись обычные целители, но для любителей ворожбы и заговоренных зелий она представляла известный интерес.
— Она и сама не от мира сего, и других с толку сбивает, — продолжал Пирим, пропустив замечание старика мимо ушей. — Все дети как дети: играют да работают. А эта чуть что — с твоими книжками таскается, да еще и подружек учить берется, головы им забивает. Кто из нее вырастет, если она уже сейчас странная? Ведьма? Я не удивлюсь.
— Если, по-твоему, образованная женщина — ведьма, а тяга к знаниям — крамола и преступление, то ты, Пирим, припозднился с рождением лет так на пятьсот, — сказал шейх, едва сдерживая возмущение. — Кабы каждый стал учить других тому что сам знает, я бы только рад был.
— Я же не против образования вообще, — несколько смутился племянник. — Только каждый сверчок — знай свой шесток. А этот найденыш не к добру появился, ой не к добру. Я бы ее давно спровадил куда подальше. Навлечет она на нас беду, помяни мое слово.
— Когда станешь шейхом, тогда и будешь решать кого спроваживать, — неопределенным тоном произнес ан-Бакир. — Только вряд ли это когда-нибудь случится.
Пирим промолчал и насупился.
— В общем, если ты именно за этим меня искал, то лишь понапрасну потратил время. Ты уже не первый раз попусту наговариваешь на ребенка, и впредь мне не хотелось бы слышать ничего подобного, — заявил старик, собираясь подняться и с не без неприязни досадуя, что племянник почем зря согнал Илиану.
Вот уж точно "проди", чего бы это в устах девочки не означало, ибо сие предполагало явно не комплимент.
— Я хотел поговорить чтобы не допустить беды, — сказал Пирим.
— Это я уже понял, — холодно произнес шейх Арбах. — И разговор о моей дорогой подопечной считаю оконченным.
— Я отнюдь не о ней, — поспешно уточнил племянник, видя что старик намеревается удалиться.
— Правда? Что-то мне не показалось, — удивился шейх, воззрившись на толстяка. — И о какой же именно беде речь?
— Надеюсь не о той, которую она на нас навлечет, потому что хуже нет поссориться с ханом Гийюром, — многозначительно произ-

нес Пирим, искоса бросив взгляд на старика.
Ан-Бакир помрачнел. В данном случае даже племянника нельзя было упрекнуть в излишней мнительности. С тех пор, как несколько лет назад Гийюр ад-Сейдин проявил интерес к Нирелину, его внимание не давало шейху покоя, и ничего хорошего это внимание действительно не предвещало.
— Посланцы хана не будут ездить бесконечно. Вряд ли ему понравится, что его люди уже сколько раз возвращались ни с чем, — заметил племянник. — Властелин Железных земель предлагает нам дружбу, а такими предложениями не разбрасываются.
— Я сразу заподозрил чего он хочет, едва только почувствовал его обращенный на Нирелин взор, — хмуро сказал шейх. — Теперь мне хорошо известна цена его так называемой тобой дружбы. Послы перестали говорить обиняками и ходить вокруг да около. Желание хана зазвучало открытым текстом и тут ты прав: это не будет продолжаться слишком долго.
— Тогда не стоит затягивать, не так ли? Отношение хана вскоре может перемениться. Только при этом стоит помнить: он все равно, так или иначе, получает то что хочет, — подчеркнул Пирим.
— Оно уже меняется, — вздохнул шейх.
— Разве? — удивленно поднял брови племянник. — Пока что ад-Сейдин готов предложить нам очень многое.
— А ты думаешь участившиеся нападения на караваны — простая случайность? — хмуро поинтересовался ан-Бакир. — А нескольких наших людей похитили и требовали выкуп? А срыв практически гарантированных сделок, которые заключались годами? Если так пойдет и дальше, наш товарооборот серьезно пострадает, а благосостояние заметно ухудшится. Ведь теперь редко когда обходится без каких-нибудь происшествий, неужели ты не заметил? Прежде я уж и не припомню ничего подобного.
— Ты видишь все в дурном свете, — покачал головой Пирим. — Нападения? С кем не случается. Разбойников власти прижали, людей в итоге освободили. И не работающие ли на хана скупщики предложили по хорошему курсу прямой обмен наших товаров на то что нам нужно? Кажется, последние два раза нас это здорово выручило.
— Да, если не принимать во внимание, что они запросто могли это сами и подстроить, особенно если учесть что из-за них все меньше торговцев желает иметь с нами дело, — поднял палец старик. — Дружба хана Гийюра, если ее принять какая она есть, имеет обратную сторону: для многих ты станешь и врагом. Или ты забыл о том, что происходит в мире?
— Если уж кто и не забыл, так это я! — взволнованно заявил Пи-

рим. — Ибо я своими глазами видел что происходит с теми, кто пренебрег расположением хана и предпочел стать его врагом. Я был там, досточтимый отец, или ты запамятовал? И я не хочу, чтобы нечто подобное произошло и с Нирелином!
— Я помню, — помолчав, отозвался старик. — Как не забыл и то, что с тех самых пор ты постоянно пытаешься на меня повлиять, дабы я перестал упрямиться и принял дружбу хана. Только ты не понимаешь, или не хочешь понять, что она будет стоить жизни очень и очень многим людям. Ты готов пойти с ад-Сейдином на сделку и уплатить эту цену?
— А ты, До, предпочитаешь расплатиться жизнями наших людей? — плохо сдерживая эмоции сказал Пирим. — Если оказаться по другую сторону от хана, то за этим дело не станет. Я долго не мог прийти в себя, когда вернулся, и поведал все что увидел без утайки. Или тебе рассказать еще раз?
В этом не было ни малейшей необходимости. Сказитель из племянника был не самый лучший, но даже в его изложении события обретали слишком яркий и тягостный характер для того, чтобы их не то что услышать вновь, а вообще хотелось бы услышать.

Ан-Нуадона предупредили когда уже было поздно. Вторжение оказалось слишком мощным и внезапным, чтобы он успел организовать более серьезное сопротивление. Армия ад-Сейдина в кратчайшие сроки подошла прямо к столице бея, прекрасному городу Хал-Амину, наполненному дворцами, садами и фонтанами. Бей Игран покровительствовал искусствам и хотел чтобы главный город его государства стал настоящей культурной жемчужиной. Возможно, однажды бы так и случилось, но история не знает сослагательного наклонения. Его стенам было суждено увидеть нечто другое. А их, кстати, возвели еще в незапамятные времена, и возвели на совесть, окружив рвом, снабдив башнями и бойницами, так что Хал-Амин представлял собой достаточно крепкий орешек.

Орды хана окружили столицу бея плотным кольцом. Для этого они и шли быстрым маршем от самой границы, дабы одним стремительным броском блокировать центр государства и лишить ан-Нуадона возможности стянуть войска для защиты города. Этот замысел оправдался с лихвой: в Хал-Амин успели прибыть в основном лишь ближайшие части. Осажденная столица полностью лишилась связи с внешним миром. Уверенно закрепившись на позициях, армия ад-Сейдина развернула боевые машины и на укрепления Хал-Амина обрушился настоящий разрушительный шквал. Огромные камни, пылающие бочки, отравляющие вещества — чего там только не было. И днем и ночью, с ужасающей методичностью, в небо взмывали все новые и новые снаряды. Взмывали

только для того, чтобы со всего маху удариться в очередную цель, неся смерть и разрушения. Могучие трезубы — цельные древесные стволы, окованные характерным железным наконечником, — вгрызались в поврежденные зубцы и проломы стен и башен, цепляясь широко расставленными лапами, и огромные вороты тянули их назад, обрушивая расшатанную кладку. Днем и ночью над окружавшими город полями и садами стоял гул от множества беспрерывно заряжаемых и разряжаемых боевых машин. Впрочем, ухоженные сады постигла весьма незавидная участь, также как и оставленные жителями дома. Последние разбирались до основания и служили не только строительным, но и метательным материалом, фактически обрушивая на головы осажденных куски их же собственного крова. Сады обращались в простую древесину.

Пробить широкое кольцо блокады у разрозненных и сильно уступавших по численности частей бея Играна не было ни малейшей возможности. К тому же разосланные по округе ханские патрули легкой кавалерии бдительно следили за всеми их перемещениями. Когда некоторые из этих частей наконец-то сумели объединиться в одно более-менее крупное соединение, на них уже выступили в несколько раз превосходящие силы. Не исключено, что ад-Сейдин специально позволил войскам противника образовать достаточную группировку, чтобы заранее готовившейся атакой ее уничтожить, нанеся невосполнимые потери. Так оно и вышло. Последняя надежда точным и быстрым ударом прорвать осаду и облегчить положение осажденной столицы исчезла. Избежавшие разгрома войска ан-Нуадона отступили глубоко в провинцию, вновь пытаясь собраться в единое целое и ограничиваясь стычками с дозорами и продовольственными командами хана. Ад-Сейдин им не препятствовал, попусту не распыляя силы и ограничиваясь отправкой усиленных подразделений, дабы отброшенный противник не мог до поры нанести сколь-нибудь чувствительного ущерба. Даже полностью собравшись и подготовившись, пребывавшие далеко от Хал-Амина войска бея вряд ли смогут выдержать открытое противостояние с несметными полчищами союза Красной саламандры и Желтой пумы. Сражение, безусловно, способно затянуть осаду, но шансов переломить грядущий исход у противника почти не было. Кристальный Каскад вселял во властелина Железных земель незыблемую уверенность. Остановить его никто не в силах, и еще до того, как воины ан-Нуадона в отчаянной попытке спасти столицу бросятся в последнюю схватку, все уже будет кончено. Даже знай они какую участь уготовил ад-Сейдин их любимому городу, это лишь прибавило бы им безумной решимости отправиться, потеряв голову, на верную гибель. Ибо хан Гийюр не собирался

ограничиваться простым взятием Хал-Амина. Начало кампании должно было ознаменоваться показательным уроком, дабы любой, посмевший оказать ему упорное сопротивление, знал, чем может закончиться его упрямое нежелание покориться воле ад-Сейдина.

Только этот урок не должен был пропадать зря, ему необходима соответствующая публика. Лишь из-за этого хан медлил с решающей атакой, ограничиваясь незначительными отвлекающими вылазками, хотя некоторые участки укреплений пришли в плачевное состояние и уже не в силах были бы сдержать нападающих, если они хлынут штормовой волной. Ад-Сейдин собирал зрителей. Его посланцы, будто по стечению обстоятельств, свозили отовсюду разного рода людей, от официальных представителей ближних и дальних стран, до, казалось бы, совсем незначительных особ. Их размещали вблизи от походной резиденции хана, единственном уцелевшем предместье Хал-Амина, где пребывал он сам и его приближенные, и куда теперь собирались давно намеченные гости. Мотивировка была проста: владыка Железных земель лично хочет переговорить с каждым из них по важному делу, но обстоятельства затеянного им похода вынуждают проводить эту встречу подобным образом. Предместье окружала личная гвардия ад-Сейдина, состоявшая из самых отборных воинов, безмерно преданных своему повелителю. Как выяснилось, эта гвардия находилась там не только для охраны хана. Уехать прибывшие гости оказались не в состоянии, даже если бы очень захотели, поскольку заслоны гвардейцев никого не пропускали, ссылаясь на осаду и идущие боевые действия. Покинуть расположение армии не мог никто. При этом всем прибывшим позволяли свободно перемещаться по предместью и наблюдать за осадой, действиями ханских войск и работой боевых машин. Более того, это даже негласно провоцировалось и поощрялось, преследуя вполне определенные цели. Когда же собрались все приглашенные ханом лица, включая даже совсем простых и никому не известных, вроде двух самых обычных обитателей затерянного в песках оазиса, все было готово к финальному акту разворачивавшейся драмы.

План штурма разработали с величайшей тщательностью, поскольку он не должен был дать какой-либо осечки. Хал-Амин следовало взять одним решительным ударом на глазах у потрясенных наблюдателей. Накануне обстрел города усилили до предела, не давая защитникам ни малейшей передышки и превращая в руины и без того ослабшие, намеченные для прорыва укрепления. Непрекращающиеся в городе пожары запылали с новой силой, отвлекая силы утомленного гарнизона на борьбу с яростно бушевавшим огненным вихрем. Ядовитые испарения от забрасываемой

отравы дурманили головы и душили легкие изматывающим кашлем. Никто из свидетелей осады не мог взять в толк, почему правитель осажденного города не сдается и даже не вступает в переговоры, ведь очевидный скорый исход жестокого противостояния становился очевиден даже полному профану. Хан Гийюр очень хорошо знал почему. То, что он уготовил Хал-Амину, никак не вязалось ни с какими-либо переговорами, ни даже с полной и безоговорочной капитуляцией. Алтарь был приготовлен, настояло время приносить кровавую жертву.

Это была бойня. Нескончаемой лавиной орды ад-Сейдина вливались в образовавшиеся проломы стен, более не способных сдерживать мощный натиск атакующих. Защитники города сражались с отчаянием обреченных, но их граничащее с безумием самопожертвование не способно было бросить на чашу роковых весов даже несколько песчинок. Пленных не брали. Вообще. Это касалось не только оказывающих сопротивление воинов, а абсолютно всех: женщин, стариков, детей… Однако хан не стал обременять свою верную армию ремеслом кровавых палачей, вырезающих беспомощных жителей. Для этой задачи у него заранее имелся особый план и подходящее лицо, с радостью ухватившееся за столь "почетную" роль. Воины Красной саламандры избегали поднимать оружие на мирное население. С этим успешно справлялись носители золотой эмблемы Желтой пумы, опьяненные грабежом и убийствами. Ад-Сейдин отдал Хал-Амин на разграбление эмиру Аешскому с одним лишь условием: город должен быть полностью уничтожен вместе со всеми осажденными. Все полученная при этом добыча достается Тал Дауду и его людям; армии хана будет причитаться лишь положенная часть дворцовых сокровищ бея ан-Нуадона. Ад-Сейдин рассчитал правильно: глаза эмира аж вспыхнули огнем не только от жадности, но и неподдельной радости ввиду грядущей перспективы утолить свою долгожданную жажду мести. Он истово поклялся не оставить от Хал-Амина камня на камне и залить его улицы реками крови. И ворвавшиеся в город люди эмира, окрыленные жаждой плывшей в их руки наживы, с величайшим рвением принялись исполнять наказ своего владыки.

Немногим удалось уцелеть. Ведь даже схоронившиеся в подвалах и развалинах не могли рассчитывать на спасение, поскольку последними на сцену, до отказа наполненную вооруженными врагами, должны были выступить инженерные команды с вполне четким приказом: сравнять город с землей. Напрашивался нехитрый вывод — ад-Сейдин намеренно позволил кому-то выжить и ускользнуть из поверженного Хал-Амина, дабы впоследствии их ле-

денящий душу рассказ услышали далеко за пределами этих земель. А инженерные команды приступили к делу едва лишь дворец ан-Нуадона, последний оплот обреченного сопротивления, оказался опустошен безжалостными захватчиками.

С дворцом, правда, едва не вышла заминка. Понимая, что терять им уже нечего, последние силы бея пустили в ход все имевшееся в их распоряжение количество жидкого огня разом, да так, что многие из них и сами сгорели заживо. Военачальники хана предвидели нечто подобное и успели отвести своих людей, отделавшись небольшими потерями. Несколько поодаль они наблюдали над гигантским заревом, охватившим некогда прекрасный дворец, теперь прямо на глазах стремительно превращавшийся в обугленные руины. Лишь когда пожар пошел на убыль и невыносимый жар спал, атакующие вновь подступили к дворцу и принялись планомерно его зачищать.

Не удалось укрыться и семье ан-Нуадона. Дворец, как и следовало ожидать, обладал и глубокими подвалами, где располагалась наполненная богатствами многих поколений бея сокровищница. Сыскались в нем и тайные комнаты. В одной из таких комнат, замаскированных столь тщательно, что обнаружить ее самостоятельно было почти невозможно, нашла убежище и семья правителя Хал-Амина. Возможно, их так никогда бы и не нашли, если бы в дело не вмешался Баратис. Колдовские чары способны поведать многое о том, что остается укрытым от обычного взора. Сопровождаемый отрядом личной гвардии хана, низенький колдун выполнил возложенное на него поручение, всецело оправдав доверие повелителя.

Мало кто сомневался, что бей Игран и все его родные будут либо немедленно убиты, либо казнены несколько позже. Как оказалось, все кто так считал серьезно ошиблись. По личному приказу ад-Сейдина вся семья ан-Нуадона под усиленной охраной ханской гвардии была доставлена прямиком в его ставку, где ее заключили под стражу из живой цепи воинов. Причины опасаться за их жизнь имелись самые веские, ведь эмир Аешский не отказался бы и собственноручно обагрить клинок ненавистной кровью давнего противника, не щадя никого до последнего колена. Хану Гийюру пришлось применить всю свою силу убеждения, дабы угомонить действительно желавшего расправы союзника. В итоге жадность Тал Дауда все же перевесила его кипящую злобу, когда ад-Сейдин в качестве выкупа предложил ему хорошую долю собственной части причитающихся хану богатств. Утешившись сокровищами и намеками ад-Сейдина о незавидной дальнейшей судьбе будущих узников его темницы, эмир Аешский утихомирился и удалился к

себе — подсчитывать добычу и составить приказы в собственный эмират.

Хан Гийюр пощадил несчастных пленников отнюдь не из жалости или по внезапному порыву души. Более того, ввиду показательного уничтожения столицы первого же не подчинившегося ему государства, он сам предпочел бы видеть его правителя мертвым, со всеми представителями рода. И вполне был способен устроить из этого настоящий спектакль при широчайшем стечении народа и множестве иноземных посланцев. Однако у властелина Железных земель имелись и незыблемые принципы, через которые он никогда не позволял переступать. Одним из таких принципов был строжайших запрет посягать на особ царственных династий. Ад-Сейдин полагал, что жизнь носителя такой крови священна, и ни в коем случае нельзя прерывать ее насильственно. Потому что если хотя бы раз публично создать подобный прецедент, то не за горами окажется тот час, когда даже самая последняя чернь перестанет считать власть этих особ божественной, а их самих — неприкосновенными. Монарх может быть свергнут, а принц арестован, но опускаться до их казни означало бы подрывать основы собственной власти. Как только люди осознают, что жизнь высоких особ прерывается так же легко, как и простого карманника, а в их жилах течет самая обыкновенная кровь, существующий мировой порядок рухнет безвозвратно.

С пленниками обращались в соответствии с полученными от хана указаниями: настойчиво, но предупредительно-вежливо. Возможно, условия их содержания не соответствовали привычной дворцовой роскоши, однако в нынешних обстоятельствах жаловаться им точно не приходилось. Самих пленников не торопились просвещать касательно дальнейшей участи, что их душевного равновесия, особенно после всех пережитых ужасов, точно не улучшало, но сам хан уже все решил. Под охраной крупного армейского соединения ан-Нуадона и его родных доставят прямиком в столицу Железных земель, где бессрочно заключат под стражу в особой ханской темнице. А уж годы покажут что с ними делать дальше. Так что с этим вопросом как раз все было ясно, и стоило заняться другими, куда более насущными.

Гости ад-Сейдина разъезжались под сильнейшим впечатлением. И внушить именно такое впечатление как раз и входило в намерения хана Гийюра, ибо повод для прошедшего визита в сравнительном отношении оказывался куда менее существенным. В сопровождении любезно предоставленной ханом надежной охраны, дабы без опаски проехать через находящиеся в состоянии войны земли, а на деле лишь усилить полученный эффект, при-

глашенные лица по одному разъезжались кто куда, держа путь в родные края. И им действительно будет что порассказать по прибытии. Убийства и грабежи закончились. Сквозь поднятые облака пыли отъезжавшие хорошо видели похоронные команды, заполнявшие мертвыми телами глубокие рвы, и попутно присыпавшие их известью. Казалось, что этим рвам нет числа. Ад-Сейдин не понаслышке знал об опасностях эпидемий, поэтому не собирался оставлять горы трупов гнить под открытым небом. Одновременно с ними уже вовсю трудились многочисленные инженерные бригады, но на сей раз они не собирались ничего ни ремонтировать, ни строить. Они выполняли лишь один приказ: сровнять город с землей. Еще не успела осесть пыль, поднятая лошадьми покидавших ханскую ставку, как Хал-Амин перестал существовать.

Замысел ад-Сейдина был невероятно жестоким, но простым и действенным. Он более чем наглядно давал понять что может ожидать осмелившихся оказать ему сопротивление. При этом никто из гостей не уезжал с пустыми руками. Не считая подарков в знак своего самого искреннего расположения, хан вручил каждому особое послание, составленное строго в расчете на того, кому оно было адресовано. Получив такое письмо и выслушав доклад вручившего его человека, адресат сможет как следует поразмыслить что ему больше по душе: принять дружбу ад-Сейдина на достаточно взаимовыгодных условиях или же отвергнуть. Условия предлагались разные, в зависимости от того, кому они были предназначены, но лейтмотив у них у всех был один: возможные последствия отказа.

Волею судьбы одним из приглашенных к хану и оказался Пирим, толстый племянник Арбаха ан-Бакира, отправившийся в Большие земли, как их иногда называли промеж себя в уединенном оазисе, по личным делам. Его жена не могла восполнять припасы для своего негласного ремесла самостоятельно, а посему ей время от времени требовались вылазки за пределы Нирелина. Выехавший с одним из караванов Пирим как раз занимался доверенной ему миссией, когда объявились эмиссары ад-Сейдина. У Пирима не иначе как голова пошла кругом от восторга, когда он узнал про приглашение и возможность оказаться в числе избранных. Не без его стараний и уговоров караванщик Захир, отвечавший за всех спутников, согласился отпустить не только его, но и Юсуфа, другого сына шейха. Невозмутимый и молчаливый Юсуф, приходившийся Захиру старшим братом с разницей в несколько лет, занимался куда более насущными делами, нежели сомнительные интересы Пирима. Но по зрелому размышлению он так же согласился отправиться в эту поездку, найдя, что она может ока-

заться полезной. Зачем хан зовет к себе простых обитателей Нирелина точно не было известно, ибо в приглашении фигурировали достаточно расплывчатые формулировки, но пренебрегать вниманием столь могущественного владыки как минимум просто невежливо. Ханские эмиссары были очень любезны, но настойчивы. Захир же помнил наказ отца относиться очень внимательно ко всему, что исходит от Гийюра ад-Сейдина, а посему в один прекрасный день Пирим и Юсуф перешли на попечение людей хана и отправились на северо-запад.

Результаты этой поездки в своей основе сходились: оба путешественника оказались до глубины души потрясены увиденным. Даже обычно флегматичный Юсуф выказывал признаки с трудом скрываемого волнения. Рассказы и того и другого в целом совпадали, разве что сын ан-Бакира употреблял меньше слов и в основном ограничивался сутью, в то время как племянник дал волю языку и, хоть и без особого мастерства, пустился в обширное повествование. Мнения разнились.

В приватной беседе с шейхом Юсуф заявил, что хан, без сомнения очень могущественный, умный и властный человек, но он не стал бы вести с ним дела. Амбиции ад-Сейдина простираются очень далеко, и иметь с ним дело может быть очень опасно, даже если прямо сейчас он желает казаться щедрым и справедливым владыкой. Стоит лишь однажды стать на его дорожку, и сойти с нее будет уже нельзя. При этом нет никакой гарантии, что сам хан однажды не заберет то, что некогда дал, когда это окажется в его интересах. Ибо только они для него и существуют, равно как и единственный закон — его собственная воля. Властелин Железных земель может дать свое слово, но при надлежащем случае наверняка найдет тысячу способов как его обойти.

Пирим же, не то из страха, не то из тщеславия, придерживался совсем другой точки зрения. Дружба и покровительство такого великого человека — большая редкость, не предлагаемая абы кому, и было бы опрометчиво ее отвергать без веских на то оснований. Особенно когда эта дружба открывает поистине широкие возможности.

Широкие возможности шейха интересовали мало, хотя менее рассудительные головы, особенно обласканные ханом Гийюром, склонны были считать иначе. Куда больше ан-Бакира беспокоила цена. Доставленное Юсуфом и Пиримом послание оставляло все меньше надежд сохранить нейтралитет, не вмешиваясь в политику Большой земли и ее очевидно грядущие войны.

Со времени гибели Хал-Амина послы ад-Сейдина еще несколько раз побывали в Нирелине, и эти визиты, несмотря на по-

казную приветливость и радушие, оставляли все более тягостное впечатление. Война на Большой земле разгоралась, и если бы хану не требовалось время для установления порядка на захваченных территориях, то она бы уже охватила ее львиную часть. А для Нирелина это означало, что некогда осторожный интерес властелина Железных земель становится все более настойчивым. Люди хана не будут сколь угодно долго отбывать с пустыми руками и, судя по некоторым тревожным признакам, терпение ад-Сейдина на исходе.

— Как я понимаю, послы и на этот раз уехали ни с чем, — с ударением произнес Пирим. — Если мне не показалось, характер их визита начинает понемногу меняться, и меняться не в лучшую сторону.

Оказывается, он все время что-то недовольно бубнил, пока ан-Бакир обратился к не самым приятным воспоминаниям. Наступил вечер, и уходящее солнце, окрасив золотом стволы пальм, напомнило старику об его уговоре с маленькой ученицей.

— Послы увезли мое заверение не вмешиваться в дела хана, — отозвался ан-Бакир.

Часть болтовни племянника он невольно пропустил, но вряд ли что-то на этом потерял: ее общий смысл и так более чем понятен.

— Не думаю, что хана это устроит, — хмуро заявил Пирим. — Лучше бы ты перестал упрямиться и дал ему более благоразумный ответ.

— Со своими решениями я разберусь как-нибудь сам, — заметил шейх. — А при случае обращусь к совету старейшин. Не забывай: я вообще не обязан обсуждать с тобой что-либо подобное. Знаешь почему я вообще до сих пор веду с тобой этот разговор?

— И почему же? — надулся и без того не слишком худосочный племянник.

— В надежде, что ты внемлешь моим словам и расскажешь другим. Ибо я знаю что расскажешь, и главное здесь — что именно, — пояснил шейх. — Ты очень старался, расписывая ужасы несчастного Хал-Амина. А теперь попытайся представить сколько людей падет жертвами амбиций ад-Сейдина, если он заполучит в свои руки то, что ты уже готов ему отдать. И сколько еще куда более больших городов дотла сгорит в разгорающемся пламени Хал-Амина вместе со всеми жителями. Какие щедрые посулы могут оправдать последующие неисчислимые смерти? Нет уж, однажды сокрытое в нашем далеком оазисе пусть здесь и остается.

— Плохо все это кончится, — предупредил Пирим.

— Поживем — увидим, — глухо отозвался старик. — Только направить большую армию в долгий поход через раскаленные пески

куда сложнее, чем напасть на ничего не подозревающего соседа. Иначе бы хан Гийюр был не первый, кто отважится на это.
— Большая может и не понадобиться, — заметил племянник.
— От небольшой останется лишь пепел, — отрезал шейх.
Послышалось негромкое хлопанье крыльев. Алеющее вечернее небо прочертила небольшая белоснежная птица. Пролетев над пальмами, она сделала круг над одной из высоких башенок и, зайдя на посадку, скрылась под закрывавшим ее верх навесом.
— Иди лучше займись своими голубями, — посоветовал ан-Бакир, проводив пернатую взглядом. — Если уж тебе столь по сердцу ханское внимание, то уделяй больше заботы его подаркам, пока они не околели от голода, а с делами я уж как-нибудь сам справлюсь.
Кажется, Пирим хотел сказать что-то еще, но поднявшийся старик остановил его жестом руки.
— Разговор окончен, — твердо сказал он. — И я надеюсь, что хорошо донес до тебя свою мысль. Все, ступай. А меня уже ждут в другом месте.

Илиана, явившаяся как было условлено и не заставшая ан-Бакира дома, тихонько сидела на крылечке и сосредоточенно водила пальчиком по страницам книжки. Чуть растрепавшиеся светлые волосы выбивались из-под съехавшего платка, отчего она то и дело поправляла их резким движением. Заслышав приближавшиеся шаги, девочка подняла голову, и ее лицо осветилось улыбкой, тепло отозвавшейся в сердце старого шейха.
— Дедушка Арбах, а я тебя тут жду, — воскликнула она, вскакивая на ноги.
— Прости, Иля, меня задержал… твой проди, — сказал старик, чуть запнувшись в конце предложения и не без досады в голосе его закончив.
Девочка хихикнула. Шейх, усмехнувшись в седую бороду, приложил палец к губам. Илиана прикрыла рот ладошкой, стараясь сохранять серьезное выражение, и только ее сиреневые глаза светились озорным блеском. Мигом забыв про все тягостные думы, шейх погладил светловолосую голову с окончательно сползшим платком. Затем взял подопечную за руку и учитель с ученицей скрылись в глубине дома.

* * *

Сирелина, подперев ладонью щеку, сидела за столом у небольшого окна, уставившись невидящим взором на чадивший огонек тусклой настольной лампы. Наступали сумерки. За мутны-

ми, видавшими виды оконными стеклами, которые давненько хорошенько не отмывали, быстро темнело. Небольшая комната второго этажа, к счастью, куда более чистая, распахнутыми ставнями выходила на правую от фасада сторону между улицей и внутренним двориком с разбитым там садом. Глиняная стена, начинавшаяся прямо под окнами и тянувшаяся вплоть до соседнего дома, частично скрывала улицу и прохожих, но неплохо пропускала звуки, и в скромную гостиничную комнату проникал шум большого города. Точнее, той его части, где нашла себе временное пристанище чародейка. Район был весьма так себе. От находившегося поблизости речного порта тянуло дегтем и рыбой, а многими ярусами ютившиеся в его окрестностях бедные лачуги воздух так же не облагораживали. Здесь находилось несчетное количество складов и мастерских, а трудившийся там с утра до ночи люд обычно и обитал где-то неподалеку. Жилые дома тут уже были рангом повыше, нежели слепленные из подручного материала лачуги, но все же и зажиточными их обитателей назвать было никак нельзя. Единственный плюс — их было много. Да, плюс, потому что Сирелине именно такое место больше всего и подходило: недорогое, неприметное, и многолюдное. Отлично спрятанное среди множества теснившихся невзрачных построек и разного народа, от местного населения до ежедневно прибывающих и убывающих гостей дешевых постоялых дворов. Ведь сейчас открыто блистать на публике чародейке нужно меньше всего на свете, ибо город, расстилавшийся вокруг на многие мили, носил название Солтенстил — сердце и столица Железных земель.

Сирелина забрела сюда не случайно, хотя ее пребывание под самым боком ханской стражи было отнюдь не безопасно. Если добытые сведения правдивы, то здесь, в особой ханской тюрьме, содержится со своей семьей бей Игран. Чародейка никак не могла забыть тот печальный день, когда вихрем принеслась в Хал-Амин с дурными вестями о грядущем вторжении и как не смогла уговорить благородного бея, которого она считала своим другом, покинуть столицу пока еще не поздно. Одна Сирелина была никак не в силах ни предотвратить, ни оттянуть назревающую катастрофу, но она все же не могла себе представить как быстро эта катастрофа наступит и каких масштабов достигнет. Спеша сообщить новость о вторжении ад-Сейдина сестрам, чародейка покинула Хал-Амин и весть о его ужасной судьбе настигла ее уже в расположении ордена. С тех самых пор Сирелина никак не могла отделаться от мысли, что покинула ан-Нуадона в самый тяжелый час, хотя бы и в надежде привести куда более весомую помощь. Умом чародейка понимала, что, останься она тогда в осажденной столи-

це, то толку от нее оказалось бы немного, зато она наверняка сложила бы там голову. Только вот совесть никак не желала примириться с суровой и логичной действительностью, заставляя чувствовать себя без вины виноватой. И свою авантюру Сирелина затеяла в надежде хотя бы теперь, спустя время, найти способ помочь томившемуся в заточении Играну. Причем сестры вряд ли одобрили бы ее безрассудную затею, а то и вовсе попытались воспрепятствовать, и посему чародейка действовала исключительно на свой страх и риск.

Карту с живым, хоть и заточенным ан-Нуадоном хан Гийюр разыграл очень хорошо. Ему удалось добиться того, что подвергшаяся вторжению страна не превратилась в партизанское змеиное гнездо, а разрозненные войска бея сложили оружие. Захваченная территория, как и было обещано, перешла под управление эмира Аешского, на плечи которого и была переложена вся административная возня. Хан же получил возможность продолжить кампанию. Но политические ходы ад-Сейдина, приведшие к его полному контролю над захваченными землями, чародейку сейчас волновали мало. Главное, что бей был до сих пор жив и находился относительно неподалеку, хотя подобраться к нему действительно близко — та еще задача. И именно над этим вопросом Сирелина как раз размышляла все последние дни, с самого утра растворяясь в городской толчее и возвращаясь в неприметную гостиницу не раньше чем начинало смеркаться. Пока что она и сама не знала что конкретно предпримет, если ей удастся вплотную подобраться к благородному узнику. Благополучно вытащить его из темницы и улизнуть пока представлялось лишь в мечтах. Чародейка, конечно, не обычный человек, и способна на многое, недоступное простому смертному, но и ее возможности не безграничны. Так что для начала стоило хотя бы получить возможность связаться с Играном напрямую. Передать от него весточку за пределы тюрьмы — уже доброе дело. А там и видно будет. Осмотреться, изучить диспозицию, разработать план и… Глядишь, что и получится. У Сирелины на примете уже имелась парочка стражей, одним из которых, начальником ночной смены караула, следовало заняться в первую очередь. Чародейке не впервой было дурманить голову людям, и если сделать все обстоятельно и не торопясь, то доблестный страж станет в ее руках послушной марионеткой. Она уже начала необходимые приготовления, и тщательно расставляемые коварные чары шаг за шагом приблизят Сирелину к желанной цели.

Огонек в простой масляной лампе затрепетал и стал совсем тусклым. Простая тканая занавеска, звякнув металлическими кольцами по карнизу, зашелестела в дуновении набегавшего ве-

терка. Из приоткрытого окна в комнату с посвежевшим к ночи воздухом потянуло ароматом растущей в саду жимолости. Подняв голову, чародейка оторвала взгляд от еле тлевшего огонька и окинула взором свое пристанище. Его неприхотливое убранство пряталось по темным углам, отбрасывая тяжелые мрачные тени. Потрепанный полог деревянной кровати, казалось, таил за собой неслышно проявлявшихся с приближением ночи призраков. Приютившийся в углу умывальник с лежавшей под ним большой деревянной кадкой за своей наполовину задернутой полупрозрачной шторкой и вовсе напоминал притаившегося в засаде монстра. Там, где слабый свет лампы не в силах был разогнать сгущающийся мрак, теснились все еще стоявшие перед внутренним взором чародейки видения, накладываясь на реальность и выступая из нее расплывчатыми контурами. Протянув руку, Сирелина хорошенько подкрутила чахнувший огонек. Задорно вспыхнув, тот немедленно поднатужился и до отказа наполнил лампу насыщенно-желтым светом, развеявшим подступавшую со всех сторон темноту. Прятавшиеся за пологом призраки исчезли. Умывальник, оставив попытки прикидываться сказочным чудовищем, заблестел выступавшими на нем каплями влаги. Утлое жилище разом стало как-то уютнее, а усиливающийся запах жимолости, почти полностью вытеснивший прочие докучливые ароматы, и вовсе делал обстановку вполне сносной.

Однако, который же теперь час? Судя по тому, что за окном еле виднелся соседний дом, угадываясь контурами потрескавшихся стен и проемами погасших окон, время было позднее. Дешевая гостиница, понятное дело, не баловала постояльцев механическими удобствами, и рассчитывать на настенные часы не приходилось. Образчик подобного изделия красовался лишь в холле, наполняя последний громким тиканьем маятника вкупе с пощелкиванием разболтавшейся пружины. Но чародейка прекрасно обходилась и своими средствами. Порывшись в поясной сумочке, она выудила из кармана красивый металлический диск, блеснувший в подкрученном свете изящно выложенными драгоценными камнями. Они обрамляли позолоченный диск по периметру, обвивая искусно нанесенные выпуклые цифры и вплетаясь в замысловатую гравировку, в которой зоркий наблюдатель мог бы распознать рунические символы. В центре диска выступал небольшой стерженек в виде пирамидального кристалла неопределенного цвета, ибо цвет этот менялся в зависимости от положения диска в пространстве. Под диском проходил тонкий кожаный ремешок с золотой застежкой. Казалось, на раскрытой ладони Сирелины покоились самые обыкновенные наручные солнечные часы прекрасной рабо-

ты. Но данное предположение было бы верным лишь отчасти. Это действительно были солнечные часы, причем именно в наручном варианте. Только вот обыкновенными они никак не являлись, представляя собой великолепный образчик чародейского искусства. Расположенный по центру диска пирамидальный кристалл отбрасывал тень на циферблат в любом месте и в любое время, вне зависимости от того светило на него солнце или же нет, было дело днем, либо глубокой ночью, на поверхности земли али в глубокой пещере. Обычно Сирелина носила эту штуку там где и положено — на своем тонком запястье, но на период пребывания в Солтенстиле решила спрятать подальше от чужих глаз. Сейчас тень на циферблате близилась к полуночи и чародейка, чуть приподняв брови, невольно посмотрела на входную дверь. Предполагалось, что еще в одиннадцать вечера ей традиционно принесут небольшой ужин, простой, но вполне сносный. Закопченная, пропахшая подгоревшим жиром и маслом местная кухня, безусловно, не производила изысканные блюда; вместе с тем они обладали хорошей питательностью и отлично насыщали желудок. А именно это в первую очередь и требовалось как зашедшим перекусить в общий зал работягам, так и небогатым постояльцам. Старавшуюся не выделяться Сирелину такая пища тоже вполне устраивала, разве что она дополняла ее бутылкой хорошего, купленного в подходящей лавке красного вина.

Ужин почему-то запаздывал. Чародейка, удивляясь этому обстоятельству, невольно прислушалась не раздаются ли в коридоре шаги спешащего официанта. Увы, тишину подступавшей ночи нарушало лишь шуршание занавески да доносившиеся издали звуки засыпавшего города. Эхо шагов прохожих более не проникало в комнату, и шарканье ног стихло так же, как и поскрипывание колес проезжавших мимо ручных и гужевых повозок. В установившемся безмолвии лишь откуда-то со стороны доносилось дежурное лаянье собак и едва различимые голоса. Даже в гостинице куда-то вдруг подевались все скрипы и потрескивания, сопровождавшие жизнь обитавших в ней людей. Никто не бродил, сопя и поругиваясь, не двигал мебель и не голосил по поводу и без. Холл, обычно не пустовавший и ночью, сейчас ничем не напоминал о своем существовании. Казалось, что лишь ветер, гулявший под стропилами крыши и игриво перебиравший черепицу кровли, остался единственным существом помимо сидевшей у лампы чародейки.

Это было несколько необычно. Подняв брови, Сирелина все больше дивилась отсутствию вдруг подевавшихся куда-то ставших давно уже привычными шумов, иной раз и докучавших сверх

меры. Неужто все назойливые соседи угомонились, а то и вовсе съехали кто куда, наконец-то оставив скромную постоялицу в покое? Конечно ночь на дворе, но кому и когда это мешало, да еще в гостинице. И куда вообще провалился слуга с долгожданным подносом? Судя по нараставшим ощущениям, в желудке становилось довольно скучно и пора бы уже чем-нибудь подкрепиться. Голодовка в планы проведшей весь день на ногах Сирелины уж точно не входила. Пожалуй надо бы… Но тут, пока чародейка соображала не стоит ли ей спуститься в кухню и поинтересоваться куда запропастился обещанный ужин, ее чуткие уши неожиданно уловили странный тихий звук. Одновременно шуршащий и мелодичный, будто кто-то пересыпал из руки в руку зазвеневшую колечками цепочку. Чародейка насторожилась. Звук показался очень знакомым. Разумеется, все они в той или иной степени почти всегда знакомы, но этот, хоть еще и не распознанный, почему-то привлекал к себе внимание, будил смутное ощущение тревоги.

Звук повторился. Кажется, это откуда-то из коридора. Пока Сирелина, с вдруг сильно забившимся сердцем, пыталась угадать его источник и направление, он неожиданно послышался снова, но совсем из другого места. А затем еще и еще. Словно неведомым рукам одного раза было мало, и они принялись то и дело пересыпать звенья цепочки из ладони в ладонь, издавая тихий металлический звон. Да и самих рук явно прибавилось, и находились они очевидно в разных точках. Мелодичное шуршание быстро становилось все более отчетливым, и в какой-то момент будто эхом отразилось и с улицы. Чародейка затаила дыхание. Подсознание уже определило возможную причину обеспокоившего ее явления и теперь посылало в разум сигналы о грядущей опасности. Перед глазами замершей как изваяние женщины наконец-то всплыло то, что могло издавать этот вполне приятный для слуха звук. Сирелина побледнела. Кровь отхлынула от лица и враз похолодевших пальцев, зрачки увеличились. Резко вскочив на ноги, отчего добротно сбитая табуретка с грохотом отлетела далеко в сторону, чародейка расширенными глазами уставилась на входную дверь так, будто хотела пронзить ее взглядом. И еще до того как прямо за ней громко и страшно затопотали тяжелые шаги и дверь с треском слетела с петель, Сирелина уже знала что сейчас предстанет перед ее взором — стальные кольчужные доспехи ханской стражи.

В комнату разом ввалилось несколько дюжих молодцев. На хмурых лицах из-под нависавших на лоб остроконечных шлемов в свете ламп недобро поблескивали холодные цепкие глаза. Обшарив взглядами комнату, эти глаза остановились на стоявшей у

стола женской фигуре. С громким лязгом сверкнули выхватываемые из ножен изогнутые клинки. Чародейка быстро обернулась. Темное окно безучастно шевелило легонько колыхавшейся занавеской. За ним, футах в восьми внизу, была мягкая садовая земля.
— Не двигаться! Именем хана вы арестованы! — взревели ворвавшиеся молодцы и без лишних церемоний ринулись к одиноко стоявшей женщине.
Еще секунда-другая — и они преодолеют разделявшие их и чародейку ярды. Сирелина действовала молниеносно. Схватив правой рукой стоявшую на столе масляную лампу, она швырнула ее прямо в рвущихся к ней стражников, одновременно выбрасывая вперед левую. Меж стен комнаты громогласно прокатилось короткое заклинание. Не долетев до вооруженных людей, лампа вдруг взорвалась прямо в воздухе, окатив невольно притормозивших атакующих градом осколков. Брызнувшее во все стороны воспламенившееся масло стремительно увеличилось в размерах. Казалось, недра расколовшейся лампы просто из ниоткуда исторгли мощный пылающий поток. Его струи, едва не окатив опешивших стражников, обильно хлынули на пол, где вмиг поднялась стена алого пламени. Повеяло сильным жаром. Чуть не угодившие в огненную ловушку воины попятились, прикрывая от разверзшегося перед ними пекла изменившиеся лица. Разом присмиревшие нападавшие оказались отрезаны от Сирелины барьером уже вовсю лизавшего потолок сердито гудевшего огня. Послышались громкие испуганные крики и хриплые проклятья. Чародейка рванулась куда-то вбок и ястребом подхватила небольшую сумку. Затем, перекинув ее через плечо, одним прыжком взлетела прямо на стол. Снова в комнате гулким эхом отдались раскаты чародейской речи. Окно со звоном вылетело в ночь, прихватив с собой большие тяжелые ставни. Вскочив на подоконник, Сирелина, не оглядываясь, спрыгнула на землю, угодив прямиком в рыхлую цветочную клумбу.

Здесь ее уже ждали. За протянувшейся слева стеной в свете факелов поблескивали наконечники пик караулившей там стражи. От ближайших кустов с клинками наизготовку появилось, звеня кольчугами, около дюжины воинов. Из глубины сада к ним со всех ног поспешало еще не меньше десятка. Чародейка затравленно огляделась. За спиной — глухая стена дома, со второго этажа которого она только что выпрыгнула, а за той, что отделяла улицу от внутреннего двора — караульные, только и ждущие насадить кого-нибудь на острые пики. Прямо перед Сирелиной, освещаемая льющимся из провала выбитого окна ярким светом бушевавшего пламени — быстро надвигавшаяся стража. Справа — еще

один отряд отсекал путь к отступлению, а за ним из темноты появлялись все новые вооруженные люди. Одинокая, прижатая к потрескавшейся от времени кирпично-глиняной кладке чародейка оказалась в западне.
— Стоять, или вы будете убиты на месте! — торжествующе крикнул выступавший впереди остальных особо рослый воин, не иначе как начальник подразделения.
Судя по позам и выражению лиц, ханская стража была непрочь такого развития событий, при котором женщина оставаться неподвижной не пожелает. Что ж, так оно и вышло, ибо сдаваться Сирелина точно не собиралась. А загнанный в угол чародей может быть еще более опасен, нежели обычно. Резким движением рванув с шеи какой-то предмет, оказавшийся чем-то вроде овального медальона со странными письменами и крупным каббалистическим знаком внутри пентаграммы с каждой стороны, женщина переломила его пополам, прокричав что-то на колдовском наречии. Затем швырнула вдруг переливчато засиявшие половинки на землю. Перед приближавшимся командиром стражи вместо бледной как асбест светловолосой женщины неожиданно заколыхалась призрачная фигура разъяренного джинна. Опешив, рослый стражник остановился, вытаращив глаза. Подчиненные тоже застыли как вкопанные, ошеломленные невесть откуда взявшимся жутковатым зрелищем. Джинн взревел. Продолжая становиться выше и шире, отчего вконец растерявшийся командир воинов стал смахивать на жалкого пигмея, пришелец из другого мира наливался мерцающим свечением, а в его нечетких контурах будто забурлил клубившимися иссиня-черными тучами заключенный в них штормовой ураган. Здоровые, как чайные блюдца, глаза джинна заискрили, наполнившись сотнями ветвистых грозовых сполохов. Потянуло озоном. Стражники попятились, интуитивно почувствовав, что дело принимает очевидно дурной оборот. Направлявшаяся к ним подмога напрочь утратила свой боевой пыл и более не стремилась соединиться с товарищами. В воздухе загудело. Сверкнула ослепительная вспышка. На мгновение осветившаяся как днем часть сада утонула в оглушительном грохоте. Ударившая из джинна молния поразила рослого стражника в грудь, отбросив его назад с такой силой, что тот, ударившись в находившихся позади подчиненных, пролетел с ними добрый десяток ярдов и с треском свалился в густые кусты. За стеной мгновенно стихли нараставшие было тревожные крики не понимающих что происходит в саду караульных. Снова яростно бабахнуло, да так, что в ушах у всех присутствующих громко зазвенело, а перед глазами пошли круги. Одна за другой из джинна зазмеились множествен-

ные голубые молнии. Гудя будто рой разозленных шершней, они расползались по земле во все стороны, а из джинна с ужасающей неумолимостью то и дело вырывался очередной разящий удар, сшибавший как кеглю очередную жертву. Стражу охватила паника. Суровые, не боявшиеся никого воины хана могли спокойно противостоять многократно превосходящим силам и бесстрашно глядеть в лицо верной гибели. Но не боялись они никого из живущих. Столкновение с заходящимся от ярости мистическим существом из другого мира к этой категории не относилось. Изо всех сил стараясь не удариться в позорное бегство и ежесекундно ожидая страшного раскатистого удара, стражники отступали, надеясь добраться до ближайшего укрытия. Забыв про чародейку, они сейчас думали лишь об одном: как бы избежать близкого знакомства с рвущейся из джинна бушевавшей стихией.

Сирелина про них не забыла. В отличие от стражников ей было отлично известно, что заключенный в обереге джинн появляется очень ненадолго, и терять время попусту не стоило. Успев осмотреться на озаряемой молниями сцене, она вынула из-за пояса свернутый кольцом длинный хлыст. Закинув его на торчавшую из гостиничного дома балку, чародейка с короткого разбега сильно оттолкнулась ногами и, оторвавшись от земли как раз в тот момент, когда к ней подползли гудящие голубые сполохи, вспорхнула на уличную стену. Вряд ли подобный трюк удалось осуществить обычным способом, но хлыст, будто живой, укоротился, когда владелица подлетала к стене, и по дуге забросил ее на самый гребень вместо того, чтобы ударить в край кладки на уровне груди. Сам при этом остался у нее в руках, соскочив ослабшими кольцами с балки. Приземлившаяся на стену чародейка по инерции едва не кувырнулась с нее по другую строну прямиком к находившихся там вооруженных пиками караульных. Судорожно сжавшись, она несколько томительных, показавшихся вечностью секунд балансировала на гребне. Затем, обретя устойчивое равновесие, с облегчением выпрямилась и что есть духу припустила поверху к соседнему дому.

Окажись чародейка в одном из своих любимых платьев — и ей ни в жизнь бы не совершить такой побег. С проворством горной серны она прыгала по вершине стены будто пушинка, с невероятной ловкостью минуя жалящие острия пик дежурившей на улице стражи. Сирелина любила покрасоваться в подходящих случаю нарядах, но делала разумный выбор в пользу практичности, если того требовали обстоятельства. А в рубашке и шароварах куда сподручнее не только разнюхивать что да как во враждебных землях, но при случае и удирать со всех ног с мастерством цирко-

вой акробатки. Поставленные у внешней стены караульные, сначала утратившие бдительность по причине доносившегося из сада грохота, гула и вспышек, перемежаемого испуганными криками и воплями боли, быстро пришли в себя, узрев объявившуюся у них под носом женщину. В отличие от товарищей, они не имели дело с джинном, и их замешательство испарилось куда быстрее, хотя и позволило чародейке практически беспомощно балансировать несколько поистине спасительных секунд. Наперебой загалдев, стражники пустили в ход пики. Действуй они слаженно, Сирелине пришлось бы плохо, но воины атаковали вразнобой, хоть и с неподдельным рвением. А оружие их было тяжелым и инерционным, чтобы им можно было орудовать столь же шустро, как мечом или саблей. Выбрасываемые вперед и вверх острые жала старались достать резво перемещавшуюся чародейку, но та отлично уворачивалась от колющих ударов, пригибаясь и прыгая. Удерживать равновесие в таких экстремальных условиях — та еще задачка, но безуспешно пытавшиеся достать подвижную цель стражники убедились на личном опыте, что Сирелина с ней отлично справлялась. Когда после очередного кульбита сила инерции повела ее вправо, отчего замаячил весомый риск ухнуть обратно в сад, чародейка ухватилась за мелькнувшую перед ней пику и сильно рванула ее на себя, выравнивая крен. Не ожидавший такого поворота стражник едва не выпустил оружие из рук, а женщина уже кувырнулась через голову прямо на гребне, избежав казалось бы неминуемого попадания сразу нескольких ударов. А падения прямо на головы стражников удалось избежать, воспользовавшись одной из старавшихся достать ее снизу пик как шестом. В результате нападавшим удалось лицезреть не пронзенное тело чародейки, а ее пронесшиеся на ними туфли, когда та крутанулась вокруг древка и, восстановив равновесие, преодолела последние ярды, отделявшие ее от заветного дома.

Годы обучения, прошедшие в стенах ордена, никогда не давали повода пожалеть о потраченном на них времени. Ибо чародейки проводили время не только за чтением древних фолиантов, изготовлением зелий и прочим постижением таинств и премудростей. Их до седьмого пота гоняли суровые и неумолимые инструктора, из числа бывших гладиаторов. Физической подготовке уделялось не меньше внимания, чем колдовской практике. И многие часы, проведенные в спарринге и на тренажерах, сейчас действительно спасали Сирелине жизнь, тем более что бег по бревну с препятствиями, когда со всех сторон на тебя сыплются разнообразные удары хитроумных механизмов, очень сильно походил на то, что происходило сейчас на стене.

Добежав до желанного дома, Сирелина и не подумала соскочить на улицу, перекрытую чуть впереди серьезным заслоном. Не теряя скорости, она прыгнула на ставень темного окна, взмолившись про себя, чтобы тот выдержал ее вес. В следующую секунду чародейка уже оторвалась от ставня, сиганув в направлении нависавшего правее и выше маленького балкона. Едва оттолкнувшиеся ноги женщины оставили ставень, тот, не выдержав столь грубого обращения, шумно обвалился вниз. Но Сирелина уже хваталась руками за перила, подтягиваясь гибким, болтавшимся в воздухе телом. Еще немного — и она оказалась на утлом выступе, обнесенном редкой деревянной оградой. Выпрямившись и тяжело дыша, чародейка окинула взглядом диспозицию.

Разочарованные бегством казалось бы находившейся в их руках жертвы уличные стражники что-то возмущенно орали. В глубине сада приходили в себя уцелевшие после близкого знакомства с джинном воины. Обитатель расколотого колдовского оберега уже исчез столь же внезапно, как и появился. Проревев напоследок с мощью грохочущего горного водопада, он испустил кольцо энергетической волны, высвобождаясь от удерживавшей его в этом мире связи. Растворившись в воздухе, джинн оставил после себя ослепительно светящееся астральное тело, развалившееся на множество шаровых молний. Плавно покачиваясь над землей и то устремляясь к ней, а то поднимаясь ввысь, эти зловещие шарообразные сгустки принялись рыскать по округе выискивая кого бы порешить. Когда Сирелина очутилась на балконе, они вовсю испарялись, предоставляя сад в полное распоряжение стражников, но тем от этого пользы теперь было мало — добыча благополучно ускользнула. Впрочем, не совсем.

Запыхавшаяся чародейка, убедившись в беспомощности излишне самоуверенных молодцев, слишком рано расслабилась и утратила бдительность, за что тут же чуть не поплатилась. Лишь каким-то шестым чувством она чуть отклонилась в последний момент, и выпущенная стрела, чиркнув по одежде, звякнула о закрытую позади женщины балконную дверь. С крыши покинутой Сирелиной гостиницы ставший наизготовку лучник готовился выпустить вторую стрелу, а неподалеку от него появился еще один. Несмотря на ночную темноту, лунного света, равно как и отблеска множества горевших неподалеку факелов вполне хватало для того, чтобы различить чародейку для прицельного боя. Выбросив в направлении первого стрелка ладонь с расставленными пальцами, Сирелина гаркнула короткое заклинание. Тетива со звоном лопнула, болезненно ударив лучника по лицу. Взвыв, тот схватился за мигом проступившую на лице красную полосу. Следующее закли-

нание настигло другого желающего подстрелить чародейку. Брызнула осколками выбитая из-под ног черепица. Утратив твердую опору, второй лучник грохнулся на бок и, изрыгая испуганные проклятья, покатился с крыши на свидание с землей.

Медлить по-прежнему было нельзя. Оставалось лишь порадоваться, что ханские молодцы сразу не прибегли к помощи лучников. Их количество и выставленные заслоны свидетельствовали о том, что они достаточно серьезно отнеслись к чародейке. Вместе с тем стража явно не ожидала, что жертва может вырваться за пределы неумолимого кольца и им понадобится вмешательство стрелков. Теперь же они явно собирались исправить дело, и на улице промеж пикейщиков объявились слишком характерные фигуры. Выбивать балконную дверь и скрываться внутри неизвестного дома, вполне способного превратиться в безвыходную мышеловку, женщина не собиралась, избрав более надежный путь. Закинув уже выручивший ее хлыст к коньку крыши, Сирелина с проворством белки вскарабкалась по нему до самого верха и перевалилась на черепицу. На сей раз она была готова, а посему зоркие глаза чародейки мигом узрели силуэт приближавшегося воина. Отпустивший конек хлыст со свистом рассек воздух и в тот момент, когда во множестве выпущенные стрелы ударили аккурат в край крыши, за которым только что скрылась Сирелина, выбил из рук стражника уже натянутый лук. Следующий свистящий удар подсек стражника под ноги. Рванув хлыст на себя, чародейка опрокинула врага навзничь и тот, загребая руками, с воплями последовал примеру второго гостиничного стрелка.

У этого несостоявшегося снайпера также оказался напарник, и он едва не достал Сирелину. Продырявив рубашку, стрела лишь оцарапала кожу, но еще бы пара дюймов и... Чародейка хотела было хорошенько врезать ему подходящим заклинанием, но стражник оказался куда осторожнее своих товарищей и укрылся за широким дымоходом. Можно было не сомневаться, что он при первой же возможности выстрелит снова, а посему Сирелина не собиралась оставлять его за спиной. Сунув руку в поясную сумку, она вынула оттуда небольшую, с куриное яйцо, серую сферу с антрацитовыми крапинками. Надавив пальцем на засветившуюся от этого нажатия руну, чародейка бросила тут же прилипший к черепице предмет перед собой, а сама рысью припустила наискось.

Услышав шум бегущих шагов, стражник высунулся из-за дымохода с натянутой тетивой, собираясь спустить ее в цель, и неожиданно узрел, несколько не там где ожидал, освещенную творимым заклинанием женщину. Развивавшиеся светлые волосы отливали багрянцем в отблеске бурлившего между сведенных друг

напротив друга ладоней огненного шара. Женщина колдовала, озаренная чародейским светом, и вид лавового шара не сулил ничего хорошего. Справедливо не дожидаясь чем все это кончится, воин мигом выпустил стрелу. С коротким свистом та прорезала отделявшее ее от цели пространство и точно ударила прямо в грудь. Женщина даже не шелохнулась. Лишь чародейский свет вспыхнул еще ярче, а сфера, казалось, налилась еще большей мощью. Изменившись в лице, стражник молниеносно сунул руку в колчан, и следующая стрела немедленно отправилась за предыдущей. Эффект у этого выстрела оказался ничуть не лучше. Стрелок не на шутку струхнул. Он был уверен что попал, и неведомое колдовство вызвало испарину на лбу и дрогнувших руках. В третий раз стражник, забыв про осторожность, целился намного дольше, стараясь угодить неуязвимой ведьме прямо в лицо. И даже успел выстрелить до того, как со всего маху получил по башке от подкравшейся сзади Сирелины.

Чародейскому фантому — точной копии колдующей женщины, — стрелы стражника были столь же опасны, как мороз снегу. Сам он, правда, тоже никакой угрозы не представлял, зато Сирелина смогла беспрепятственно подобраться к врагу пока тот, впечатленный открывшимся зрелищем, забыв про все на свете пытался подстрелить чародейку совсем не там, где она находилась. За что в результате и поплатился, без чувств распластавшись подле закопченной кирпичной трубы.

Добивать стражника Сирелина не стала, хотя тот несомненно собирался убить ее. Кинжал остался в ножнах, а чародейка, убедившись, что никто в данный момент более не посягает на ее жизнь, надежно закрепила едва не слетевшую от беготни сумку и побежала к дальнему краю крыши. С разбегу перемахнув на другой дом, благо что они в этом районе обыкновенно теснились один к другому, Сирелина вихрем пронеслась по его кровле и точно таким же манером оказалась на следующей. Вскоре погоня осталась далеко позади и когда стражники наконец-то собрались в погоню, она уже бесследно скрылась в ночи.

Гостиница полыхала до самого утра. Пожар удалось локализовать, и на соседние строения огонь не перекинулся, но сам постоялый двор находился в плачевном состоянии. Уцелел только первый этаж из трех, и то лишь потому, что был выложен из кирпичей и глины. Деревянная часть конструкции сгорела дотла, хорошо хоть в пламени никто не сгинул. Зато все следы чародейки исчезли, превратившись в пепел вместе с обугленным деревом. Сирелина успела прихватить с собой лишь сумку с самыми важными вещами. Остальную же дорожную поклажу пришлось бро-

сить. Только и та не попала в руки ханских стражников. Тех, что не пострадали в столкновении с дьявольски прыткой женщиной и ее колдовскими чарами. На их долю вообще ровным счетом ничего не досталось — ни чародейки, ни ее вещей, ни каких бы то ни было следов. Полнейший провал операции был налицо и пострадавшая гостиница, за которую владельцу причиталось выплатить из казны компенсацию, общей картины точно не улучшала. Надо было доложить хану и вряд ли повелитель обрадуется столь катастрофическому провалу.

* * *

Нетрудно было предположить, что хан отнюдь не придет в восторг при столь неважном известии. Утром ему сообщили о ночных событиях в предпортовом районе: посланные люди не преуспели, чародейка бесследно скрылась. Ад-Сейдину этот доклад настроения точно не улучшил — как раз перед этим вернувшиеся из Нирелина послы привезли очередной отказ шейха ан-Бакира. Армия хана, хоть и одержав еще одну крупную победу, тем не менее основательно увязла в очередной осаде, и ей бы не помешало надежное средство, которое до сих пор не давалось властелину Железных земель в руки. А в перспективе кампании ведь встретятся и куда более серьезные твердыни.

История со сбежавшей чародейкой окончательно вывела хана Гийюра из себя. С некоторых пор личность Сирелины не была для него тайной. Ад-Сейдин отнюдь не забыл про сгоревшую в Змеином улусе переправу и принял меры для опознания и розыска приложившего к этому руку чародея, тем более что этот чародей продолжал нет-нет, да и появляться, нахально вмешиваясь куда не просят. Не без помощи Дегониса и его команды удалось определить личность назойливого вредителя и напасть на его след. Как хан и подозревал с самого начала, им оказалась женщина, позже идентифицированная колдунами как Сирелина — одна из чародеек далекого северного ордена. Выследить эту чертовку оказалось весьма непросто, и долгое время люди хана не могли к ней даже приблизиться. Больше года они ходили вокруг да около, но объект пристального внимания обычно лишь ненадолго мелькал на горизонте, каждый раз оставляя их с носом. До поры не причиняя крупных неприятностей, Сирелина напоминала назойливого комара, чьи раздражающий писк и зудящие укусы способны вывести из душевного равновесия даже вполне хладнокровных людей. И желание прихлопнуть это насекомое росло тем сильнее, чем больше оно жалило. При этом хан понимал, что чародейка — отнюдь

не комар и совсем не простой лазутчик, и при случае способна доставить серьезные проблемы. Поэтому когда однажды выяснилось, что Сирелина околачивается прямо у ад-Сейдина под носом, в его же собственной столице, чародейку постарались на сей раз не упустить. Да вот только ничего из этого намерения не вышло.

— Проклятье! — рявкнул хан, сминая в кулаке небольшой свиток и швыряя его на пол.

Начальник городской стражи не шелохнулся, лишь его глаза беспокойно забегали по сторонам, будто искали подходящий выход. Вскочив с кресла, ад-Сейдин принялся ходить взад и вперед в сильнейшем раздражении. Комната для приема вельмож и сановников всех мастей располагалась по соседству с тронным залом, также имея прямой ход в покои повелителя. Для того чтобы выслушивать новости и раздавать приказы вовсе не обязательно было каждый раз восседать на троне, попусту теряя время, а для важных совещаний имелось совсем другое помещение. Сейчас в этой комнате, выложенной голубым мрамором с красивыми мозаичными панно, не считая замерших как истуканы гвардейцев у входа, находились только сам хан, означенный начальник городской стражи и колдун Баратис. Последнего хан позвал заранее, предполагая, что к нему доставят пойманную чародейку. Смятый же свиток совсем незадолго до этого вручили ему вернувшиеся из далекого оазиса послы.

— Проклятье! — снова воскликнул хан, останавливаясь подле арочного, от самого пола, окна и хмуро глядя не невозмутимо плывущие в небе облака. — Этот несговорчивый старый хрыч явно решил познать силу моего гнева! Каково, а? Он обещает — обещает! — что никоим образом не станет вмешиваться в мои дела и принимать сторону моих врагов!

На лице Малиона, начальника городской стражи, выражение виноватого замешательства сменилось откровенным недоумением. Убеленный сединой воин ожидал услышать нечто совсем другое, нежели изреченное сейчас повелителем. Какой такой старый хрыч? Не о нем ли самом речь, если подразумевалось, что он нарушил замыслы хана, вступив в преступный сговор с чародейкой, и поспособствовал ее побегу. Словно ища глазами ответ, Малион несколько растерянно огляделся по сторонам и встретился взором с остававшимся подле кресла Баратисом. Колдун, поняв естественное смятение начальника стражи, сделал жест рукой, как бы давая понять — не бери в голову, речь совсем о другом.

— Воинов не стоит слишком уж винить, повелитель, — мягко сказал колдун, обращаясь к мыслям хана, а не его словам. — Мало кто из них имел дело с чародеями и уж точно никто не сражался. Все-

таки мне следовало пойти вместе с ними лично. Впрочем, Сирелина опытная и опасная чародейка, и взять ее живой не так уж просто.
Начальник стражи бросил на низенького Баратиса, которого он, как и почти все прочие, сторонился, благодарный взгляд.
— Меня заверили, что лучшие стражи прекрасно справятся самостоятельно и без помощи каких-то там..., — хан сердито умолк, не закончив предложение.
— Они не ожидали, что столкнутся с демоном, — счел нужным сказать в оправдание подчиненных Малион. — С самой ведьмой-то они бы вполне сладили.
— Это был не демон. Во всяком случае, в классическом понимании, — пояснил Баратис. — Это был джинн. Сильные чародеи могут призвать такое существо из другого мира. Для разных целей. Но это требует приготовлений, начиная от Круга Призыва и заканчивая временем. Поэтому для особых случаев джинна можно заключить в какой-нибудь предмет, откуда и вызвать в случае необходимости.
— Полдюжины моих людей при смерти с сильными ожогами. Еще несколько получили серьезные травмы, — мрачно сказал начальник стражи. — Против живой грозы они были бессильны.
— Вам еще повезло, — усмехнулся колдун. — Столкнись они с ифритом, тот сжег бы дотла все до чего дотянулся, и жертв было бы неизмеримо больше. Возможно, именно поэтому чародейка предпочла иметь дело с более управляемым существом. К тому же я могу сделать вывод, что она не хотела никого убивать. По крайней мере, по возможности. Иначе джинн мог натворить куда больше бед. Он лишь защищал чародейку, а не старался уничтожить все живое.
— Да ты никак пытаешься ее оправдать? — возмутился хан.
— Никоим образом, мой повелитель, — мотнул головой колдун. — Но в следующий раз стоит позвать меня или кого-нибудь из...
Он не закончил, решив не давать командиру стражи пищу для предположений, что у ад-Сейдина, помимо Баратиса, имеется еще немало других специалистов соответствующего рода, о количестве и занятиях которых лучше особенно не распространяться.
— Следующего раза может и не быть, — хмуро заметил хан. — Теперь ее уже и след простыл, и с этого момента ведьма станет очень осторожной.
— Заставы предупреждены, а по дорогам высланы усиленные патрули, — сообщил Малион.
— Возможно, Сирелина попытается сбежать на север и отсидеться в стенах своего ордена, пока все не поутихнет, — предположил

Баратис. — Ведь ей, помимо прочего, требуется пополнить израсходованные средства, а где же это лучше всего сделать как не в своем логове?
— Я распоряжусь организовать засады, — кивнул начальник стражи.
— Столь же эффективные как и минувшей ночью? — едко поинтересовался хан.
— Если бы моим людям было предписано по возможности не арестовывать чародейку, а сразу убить на месте, то шансов уйти у нее бы не было, — не без обиды в голосе подчеркнул Малион.
— Чтобы кого-нибудь убить мне обычно не требуется посылать целое подразделение отлично обученных воинов! — заметил ад-Сейдин. — А вот схватить негодяйку живьем, дабы впоследствии хорошенько допросить ее обо всех проделках, а так же выяснить кто еще из этих чароплетов сует нос в мои дела — вот это задача куда полезнее. Чародейки севера еще пожалеют о вмешательстве в мои дела, но пока что я заставляю их ждать!
Начальник стражи уныло промолчал.
— Десять гладиаторских боев ответственному за операцию! — изрек хан, снова отворачиваясь к окну. — И по пять его десятникам. Это все. Ступай, Малион.
Поклонившись, тот немедленно удалился.

Хан Гийюр относился к чести своих воинов весьма щепетильно, поэтому его система взысканий носила несколько своеобразный характер. Плети, розги, палки и прочие атрибуты подобного рода применять к представителям армии было строжайше запрещено. За измену, дезертирство и мародерство отсекали голову, за шпионаж вешали, ибо на шпионов кодекс чести не распространялся, и столь позорная казнь им вполне подходила. Мелкие проступки предполагали карцер или какие-либо работы, но строго в интересах армии. Наказание гладиаторскими боями в Железных землях было вполне обычной мерой для серьезно провинившихся воинов. Для тех, кто проштрафился значительнее гарнизонной тюрьмы, но и эшафота отнюдь не заслуживал. Получивший такой приговор должен был провести указанное количество схваток как простой гладиатор, и схваток таких, где из противников в живых обычно остается только один. Но десять боев насмерть — весьма суровое наказание, и мало кому удавалось пережить его до конца. Позже, возможно, хан успокоится и сделает скидку, но сейчас он был слишком не в духе, чтобы заниматься всепрощением. Начальник стражи, хоть и огорчаясь за и без того пострадавших подчиненных, даже удивлялся, что и персонально ему не перепало.

В комнате из голубого мрамора остались только хан и Бара-

тис. Гвардейцев ад-Сейдин тоже отправил, наказав до особого распоряжения никого к нему не пропускать. Колдун молчал, поскольку повелитель к нему не обращался, но и не уходил, так как не получал приказания удалиться. По-прежнему стоя у расположенного на небольшом возвышении кресла, от которого ко входу тянулась ковровая дорожка, он лишь следил взглядом за расхаживающим, руки за спину, взад и вперед повелителем.
— Как ты думаешь, в случае необходимости вы с Дегонисом сможете на основе образца и его возможных компонентов воссоздать оригинал? — спросил вдруг хан, резко останавливаясь и воззрившись на колдуна.
— Это много от чего зависит, и в первую очередь от самого образца, — озадаченно изрек Баратис. — Но я, кажется, понимаю, о чем именно говорит сейчас повелитель. Сложно сказать. Безусловно по этому поводу стоит посоветоваться с моим наставником — самим Дегонисом.
— Вот сейчас мы к нему и отправимся, — заявил ад-Сейдин.
Бросив последний гневный взгляд на скомканный свиток, он сделал колдуну указующий жест, и они вместе скрылись за дверью позади кресла. Назойливая чародейка Сирелина пока может и подождать — однажды доберутся и до нее, — а вот с несговорчивостью старого шейха, безусловно, пора было кончать. Только дело это было весьма непростое. На сей раз послы поставят ультиматум. И других предложений больше не будет. Но лучше заранее предусмотреть любой возможный исход, потому что в случае с Нирелином может приключиться всякое, даже несмотря на лояльную помощь.

– 4 –

Блаженно развалившись на мягких подушках, Захир, неторопливо потягивая душистый чай, поглядывал в выходившее на улицу окно. За цветущим палисадником чайханы то и дело проезжали груженые и порожние повозки, расталкивая многочисленный люд и пронзительно горланивших водоносов. Ведущая к базару улица не пустовала и вечером, хотя основной пик торговли обычно приходился на утро, и даже теперь удивляла разнообразием наполнявших ее прохожих. Далабад не случайно являлся одним из крупнейших торговых центров южных земель, и сюда из разных краев стекалась самая разношерстная публика. Кого здесь только не было! Характерно одетые бедуины, зачастую ведущие самый примитивный образ жизни, мелькали среди белоснежных бурнусов представителей степных племен, а тех в свою очередь

щедро разбавляли цветастые одежды жителей крупных городов и сел. Иной раз глаз выхватывал из толпы пышный наряд какого-нибудь богатея или торговца позажиточнее, а то и настоящего вельможи в окружении подобающей свиты. Полностью скрывавшая тело женская одежда соседствовала здесь с куда более открытыми нарядами, щеголявшими шелками и лентами. Никаб или чачван вызывал ничуть не больше удивления нежели щегольская цветастая шапочка, закрывавшая свою владелицу разве что от солнца. Сплошные многослойные ткани, оставляющие доступными взору лишь кончики пальцев, выглядели столь же естественно как и изящные платья с открытыми руками и вырезами. Причем некоторые из них по степени своей открытости в кое-каких ортодоксальных государствах оказались бы под запретом. В Далабаде смешивались представители самых разных культур и национальностей, религий и нравов. Власти торгового города в первую очередь интересовало кто, что и почем продает и покупает, а как он при этом выглядит и во что верит — это уже дело десятое. Коммерция ставилась во главе основополагающего устройства городской жизни, а товарооборот был достаточно привлекательным для того, чтобы стекавшийся народ хотя бы временно старался не обращать внимания на обыкновенно чуждые ему элементы окружения и общества. К тому же за публичное проявление неудовольствия по отношению к носителю другой культуры можно было схлопотать серьезный штраф, а то и вовсе надолго вылететь за пределы Далабада.

Неплохо развита была и сфера услуг. Многочисленные гостиницы и постоялые дворы, на все вкусы и кошельки, перемежались чайханами, изысканными и не очень, закусочными, забегаловками, увеселительными заведениями всех мастей и даже игорными притонами. Последние, конечно, официально якобы не существовали, так же как и опиекурильни, но мало кто сомневался, что в Далабаде что-то может процветать без ведома властей. Даже торговые дома известных купеческих фамилий вполне могли заодно практиковать и иное прибыльное дело. Не брезговали оным и ростовщики. Финансовый оборот города был таков, что ему обычно не угрожали даже распри соседей и временами гремевшие там войны. С Далабадом куда выгоднее было поддерживать торговые отношения, нежели военными действиями себе же в ущерб обрушивать отличную экономическую систему.

Подлив себе еще чаю из начищенного серебряного чайника, где при желании можно было рассмотреть собственное отражение словно в зеркале, Захир сделал большой глоток и зажмурился как довольный кот. Ему нравилось посещать эту прилично обустроен-

ную и довольно дорогую чайхану. Караванщик отнюдь не стремился окружить себя всевозможной роскошью и не наверстывал упущенное за пределами Нирелина. Просто одной из его слабостей был хороший, умело заваренный чай, а в оазисе, как правило, приходилось довольствоваться чем попроще. Комфортная обстановка чайханы позволяла насладиться любимым напитком в удобстве и покое, усиливая прилив долгожданного блаженства. К тому же Захир отправлялся в излюбленное место лишь закончив все дела и расплачивался собственными деньгами, а не теми, что выделялись на содержание каравана, а посему имел полное право на выбранный отдых.

Чай казался просто изумительным. Прикрыв глаза, Захир, делая паузы, маленькими глоточками припадал к тончайшей фарфоровой пиале с красивым золотистым узором. То и дело раздувавшиеся ноздри ловили дразнящий аромат, призывая снова пригубить содержимое пиалы, а затем, когда та опустеет, вновь наполнить ее из пышущего жаром носатого чайника. Сейчас во всем мире для караванщика не существовало больше ничего кроме этого серебряного вместилища благородного напитка, чашки и того что в них находилось. Полностью отдавшись великолепным ощущениям, Захир пребывал, что называется, на седьмом небе.

Состояние близкое к нирване неожиданно прервалось, когда подле караванщика кто-то плюхнулся на соседние подушки самым бесцеремонным образом. Раздосадованный подобным оборотом дела, караванщик приоткрыл глаза. Он любил насладиться чаем в одиночестве, и даже если брал с собой сыновей, то усаживал их где-нибудь в другом месте. Неужели кто-то столь некстати явился по некому неотложному делу? Уж не очередной ли ханский посланец? Недовольный взгляд из-под наполовину опущенных век быстро обнаружил источник беспокойства. Глаза Захира тут же раскрылись еще больше, когда он увидел напротив себя облаченную в чадру женскую фигуру, нижняя часть лица которой была закрыта плотной вуалью. Присев без особых церемоний на подушки напротив, незнакомка смотрела на караванщика пристальным взглядом. Захир опешил.

— Уважаемая, а вы часом столиком не ошиблись? — выдавил он из себя, едва не подавившись чаем.

— Вы хозяин каравана который следует в Нирелин? — без обиняков спросила незнакомка вполне приятным чуть низким голосом.

— Можно и так сказать, — озадаченно хмыкнул Захир. — У вас что, ко мне какое-нибудь дело?

— Так вы хозяин или нет? — с ноткой нетерпения переспросила женщина.

— Хозяина как такового у него не существует, но я в нем старший, если вас это устроит, — пояснил Захир. — Но позвольте все же спросить что вам угодно?
— У Желтых холмов на ваш караван нападут разбойники, — негромко сказала женщина.
Захир опешил. Откинувшись назад, он обвел странную гостью недоуменным взглядом.
— С чего вы это взяли? — спросил он наконец, пытаясь сообразить что вообще к чему.
— Я подслушала разговор людей, которые собираются организовать это нападение, — пояснила незнакомка, придвигаясь ближе к собеседнику. — Когда вы доберетесь до этого места, вас уже будут там поджидать.
Забыв про чашку, Захир озадаченно почесал затылок. Услышанное основательно выбило из колеи его и без того удивленный необычной встрече разум. Что это? Шутка? Провокация? Что это вообще за особа, которая вдруг сваливается как град на голову и толкует о каких-то разбойниках? Фигура в чадре меж тем не спускала с него поблескивавших над вуалью глаз, но при этом караванщик заметил, что она нет-нет, да исподтишка оглядывается так, будто кого-то ищет.
— Простите, но какие у меня основания вам верить? Я вас первый раз вижу, а то что вы говорите… Кто вы такая? — с откровенным недоверием изрек, наконец, Захир.
Незваная гостья склонилась к нему поближе, поманив пальцем. Караванщик, решив, что та, возможно, хочет что-то сказать ему на ухо, невольно придвинулся, хоть и не без некоторой опаски — странно это было все. Когда между ними оказалась всего пара футов, незнакомка вдруг опустила вуаль, и взору Захира представилось лицо немолодой кареглазой женщины в обрамлении прядей черных с сединой волос. Не слишком впечатленный увиденным, караванщик вопросительно изогнул бровь. Незнакомка подняла правую руку и медленно провела ладонью перед своим лицом. Во время этого движения кисть руки вдруг осветилась легким светло-синим светом от запястья до кончиков пальцев, а что оказалось после него и вовсе поражало воображение. Черты странной посетительницы удивительно преобразились. Прямые черные волосы вдруг пошли завитками и, полностью утратив седину, неожиданно превратились в светло-русые. Нос с небольшой горбинкой выпрямился и стал намного тоньше, как и губы. На месте чуть узких карих глаз загадочно замерцали глубокие голубые. Вместо ничем не примечательной женщины в возрасте на приоткрывшего рот Захира смотрела совсем на нее не похожая симпатичная особа лет

тридцати с небольшим.
— Колдовство… — ошарашено прошептал караванщик, вытаращившись на невероятную гостью.
— Тс-с-с! — приложила палец к губам женщина. — Мое имя Сирелина. Да, я чародейка, и я хочу уберечь вас от грядущей беды. Теперь вы будете меня слушать?
Закрыв рот, Захир, облизнув чуть пересохшие губы, утвердительно закивал.
— Отлично, — усмехнулась женщина, возвращая вуаль на место, отчего ее лицо вновь скрылось от окружающих, исключая изменившие цвет глаза и брови. — Итак…

Итак, Сирелина действительно не стала задерживаться в Солтенстиле, а спешно покинула город, не дожидаясь очередного столкновения с ханской стражей. В следующий раз воины будут подготовлены куда серьезнее, а то, что этот раз вскоре наступит, она даже не сомневалась. Судя по всему, ее личность более не была для ад-Сейдина секретом, а значит и чародейке стоило сделать соответствующие выводы. Первый предполагал совсем простую вещь: раз люди хана знают с кем имеют дело, то они наиболее вероятно будут ожидать, что беглянка как испуганная лань понесется в северные края и постараются устроить ей надлежащую засаду. Второй — что люди хана теперь ХОРОШО знают с кем имеют дело. Да, исходный вывод номер один с особым ударением на слове "хорошо". При новой встрече они окажутся куда более подготовленными и постараются больше не допустить столь серьезной промашки. До тех пор, пока в их задачу очевидно не входит убить чародейку на месте, у Сирелины есть определенное тактическое преимущество. Но и злоупотреблять им отнюдь не стоило. Ханская стража наверняка перевернет весь город, а уж про то чтобы добраться до специальной тюрьмы, где содержался бей Игран, на какое-то время и речи быть не могло. Тем более если предположить, что где-то именно в ее окрестностях чародейка и попала в нежелательное поле зрения. В огромном Солтенстиле вполне можно было залечь на дно и благополучно отсидеться, но ресурсы Сирелины, напрямую отражавшиеся на ее возможностях, сильно оскудели. Значительная часть вещей осталась в погибшей гостинице. Если тряпки и прочее барахло можно было легко восполнить, то принадлежности колдовского ремесла так просто не сыщешь, особенно если учесть, что тебя разыскивают с фонарями. И защитный амулет не поможет в трудную минуту, поскольку от него остались бесполезные обломки. А посему чародейка, не мешкая, действительно покинула пределы столицы ад-Сейдина. Вот только отправилась не одной из той дорог, где ее надеялись встретить люди ха-

на, а выехала на юг, откуда, сделав приличный крюк, взяла на восток, постепенно забирая к северу. Благополучно проскочив многочисленные заставы, она беспрепятственно выбралась за границу Железных земель и на перекладных отправилась подальше от подконтрольных хану и охваченных войной территорий.

Но даже на значительном удалении от безуспешно караулившей ее ханской стражи Сирелина не могла чувствовать себя в полной безопасности. Далеко протянулась рука ад-Сейдина, и его эмиссары наводнили сопредельные страны, забираясь все дальше и дальше. Чародейка, обычно и так достаточно осторожная, теперь держала ухо востро, а посему в один прекрасный день, так никем и не замеченная, благополучно очутилась в далеком процветающем Далабаде.

Выбор на этот город пал не случайно. Влияние хана Гийюра здесь становилось минимальным, и можно было не опасаться открытого нападения его наймитов. Вместе с тем такой крупный торговый центр как Далабад вполне мог предоставить чародейке почти все необходимое. Разумеется, за соответствующую плату, но потайной нательный пояс с драгоценными камнями вмещал в себя эквивалент настолько значительному количеству полновесных золотых монет, что за чародейкой, невзирая на страх перед колдовством, вполне могли собраться на охоту все окрестные бандиты. Конечно лишь прознай они о богатстве ничем, казалось бы, непримечательной путницы, да только Сирелина прилагала все усилия дабы таковой и оставаться. Поэтому сердце у нее едва не ушло в пятки, когда чародейке, наконец-то позволившей себе хоть немного расслабиться, попался на глаза промелькнувший на мгновение знак Красной саламандры.

Таверна, где остановилась Сирелина, была достаточно многолюдной, чтобы она могла спокойно не выделяться из толпы. После всех передряг женщине очень хотелось скинуть надоевшие дорожные вещи и облачиться в тонкие шелка, устроившись где-нибудь подле бассейна в одной из самых дорогих гостиниц. Только осторожность все же брала верх и для начала, как минимум, стоило закончить необходимые дела, а уже потом думать об отдыхе в роскоши. Вместе с тем шумная таверна вполне была способна предоставить ей достаточные условия для того, чтобы наконец-то перевести дух и обстоятельно спланировать свои дальнейшие действия. Традиционно выбрав место подальше от слишком заметного центра, но рангом повыше пристанища для явных отбросов общества, Сирелина зашла в ничем не примечательную таверну, сняла комнату наверху и отправилась подкрепиться.

Шумный общий зал по периметру окружали отдельные ка-

бинки, отделенные раздвижным пологом. Уединившись в одной из них, чародейка заказала себе отличный обед, а сама, в ожидании блюд, коротала время за легкой закуской и бокалом вина. Не снимая дорожную накидку, она устроилась в кабинке так, чтобы через оставленный не занавешенным вход иметь возможность обозревать окрестности, оставаясь при этом наименее заметной для окружающих. Тепло вполне приятного вина усилило долгожданное чувство безопасности и чародейка, неторопливо уплетая легкую снедь, наконец-то спокойно переводила дух. И чем больше ширилось это чувство, тем болезненнее оказалась ее тревога, когда из-под плаща прошедшего мимо кабинки человека всего на секунду показался краешек хорошо знакомой эмблемы в виде красной саламандры на черном молоте.

Вцепившись побелевшими пальцами в край стола, Сирелина едва удержалась от того, чтобы незамедлительно не дать деру, сметая все на своем пути. Чародейка невольно оглянулась. В маленькое оконце, пропускавшее тусклый свет прямо напротив входа, не смогла бы протиснуться даже ее стройная фигура, наверняка застрявшая бы вполне определенными выпуклостями. Украшенные незамысловатой резьбой стенки внутренних перегородок не доходили до закопченного потолка, оставаясь на уровне шести-семи футов, но и попасть через них можно было только в соседнюю кабинку с точно такими же условиями. В итоге, как ни крути, в распоряжении потенциальной беглянки оставался лишь проем в общий зал. И тот до сих пор пребывал свободным, отнюдь не перекрытым желающими схватить чародейку протянутыми ручищами. Человек с эмблемой власти хана Гийюра, каковую обычно имели его эмиссары и иногда носили на левой стороне груди, не проявил ни малейшего внимания к Сирелине и ее небольшой келье, вмиг померещившейся женщине безвыходной западней. Не удержавшись, чародейка, встав из-за стола, накинула капюшон дорожной накидки, на дрогнувших ногах подошла к выходу и с невозмутимым видом огляделась по сторонам. Может же клиент полюбопытствовать где носит его обед? Сердце женщины колотилось так, будто она только что выдержала еще одну хорошенькую беготню по стене с препятствиями в виде недружелюбно мелькающих острых пик. Внешне совершенно невозмутимо, Сирелина бросала из-под капюшона цепкие внимательные взгляды, старавшиеся примечать каждую мелочь. Против томительного ожидания, никаких признаков грядущей опасности не обнаруживалось. Самая обычная публика занималась своими самыми обычными делами, заключавшимися в основном в еде, питье и досужих разговорах, и никому до одинокой женщины не было ни малейшего

дела. На глаза чародейке попался лишь черный плащ обладателя знака Красной саламандры, скрывавшийся в расположенной поодаль угловой кабинке.

Первоначальный испуг прошел. Дыхание Сирелины восстановилось, а сердечный ритм перестал напоминать безумную дикарскую пляску. Чародейка припомнила, что она находится не в Солтенстиле, а Далабаде, и здесь люди хана не посмеют открыто напасть на нее средь бела дня, да еще в столь людном месте. Тем более заранее зная, что скрутить ее как мелкую воровку вряд ли удастся и возможное побоище грозит обернуться для них очень серьезными неприятностями. Стражники Далабада не будут церемониться и вникать в детали дела, и ханские молодцы довольно быстро окажутся в меньшинстве, со всеми вытекающими. Ну а раз неминуемое нападение Сирелине не грозило, то... То место только что заполонявшей все существо тревоги стало сменять проснувшееся любопытство. Если этот тип действительно оказался здесь по ее душу, то стоило приглядеть за ним поближе и по возможности выведать каким образом люди хана обнаружили Сирелину, сколько их, и где они ее поджидают. Если же он тут с какими-то иными целями, то, раз уж такое дело, было бы неплохо о них поразнюхать. На определенные догадки наводил именно знак Красной саламандры. Нацепить его эмиссар мог бы в том случае, если бы с кем-то встречался: и для солидности, и для подчеркнутого обозначения чьи интересы он представляет. На памяти Сирелины они частенько так делали. А посему весьма вероятно, что он как раз и явился не по душу случайно оказавшейся в таверне чародейки, а на некую встречу. Впрочем, не исключен и другой, куда более житейский вариант: обладатель примечательного знака заглянул сюда за тем же, зачем и все — просто-напросто как следует отобедать. Тем не менее, стоило это выяснить. Быстро провертев в голове эти нехитрые мыслишки, чародейка прикинула план действий.

Неторопливый променад мимо кабинок к кухонной секции, откуда доносился непрерывный звон посуды и где мимо пылающей печи с подносами носились слуги, позволил оценить диспозицию. Шторка угловой комнатки была задернута, но зоркие глаза чародейки вкупе с острым слухом позволили определить, что тип в черном плаще находился там не один. Соседние же кабинки были, как назло, заняты, но для Сирелины это не оказалось такой уж существенной проблемой. Подойдя к стойке с чистой посудой, откуда посетители могли взять недостающие предметы и запросить желаемое, не дожидаясь прибытия официанта, чародейка улыбнулась вопросительно посмотревшему на нее распорядителю.

— Принесите, пожалуйста, мой заказ вон в то отделение, — сказала она, жестом указав нужное направление и длинными пальчиками выдвинув перед собой серебряную монету.
Распорядитель бросил взгляд на кабинку, симпатичную женщину и приятно поблескивающий серебряный кружок. Решив, что совершенно не его дело почему посетительница надумала подсесть в занятую секцию, он расплылся в ответной улыбке и кивнул. Монета исчезла в его кармане, а Сирелина направилась прямиком в примеченное место.

В кабинке находился только один посетитель, а посему чародейка из двух примыкавших к угловой и облюбовала именно ее. Успевший почти закончить трапезу самого обыкновенного вида мужчина как раз поставил на стол большую глиняную кружку, когда к нему, впорхнув через наполовину прикрытый полог, быстро придвинулась какая-то женщина. Он даже толком не успел ни изумиться, ни возмутиться этому обстоятельству. Не теряя времени, чародейка живо поднесла пальцы к его лицу, немедленно осветившиеся синим мерцающим светом. Точно такой же свет разгорелся в глубоких глазах чародейки, полившийся прямо в широко раскрывшиеся зрачки одинокого посетителя. Тонкие губы Сирелины пришли в движение. Нараспев, она произнесла несколько фраз, водя окутанными ореолом свечения пальцами перед лицом незнакомца, но при этом ни на секунду не заслоняя его завороженный, начавший туманиться взор. Когда голубой свет угас и чародейка опустила руку, веки мужчины затрепетали. Голова его склонилась, а тело бессильно сползло на стол. Зачарованный Сирелиной, он грезил наяву и на некоторое время полностью утратил осмысленный контроль над собственным телом и осознание окружающего. Чародейка, и в мыслях не имея причинять вред ни в чем не повинному человеку, убрала его со сцены вполне простым и безобидным способом. Придав незнакомцу такой вид, будто он просто задремал за столом, положив голову на руки, Сирелина надвинула ему на лицо висевшую поблизости шапку. Если рано или поздно явится официант, он застанет вполне прозаическое зрелище.

Теперь стоило заняться и тем, зачем она сюда и заявилась. Стены кабинки шумной таверны не позволяли расслышать то, о чем беседовали находившиеся внутри, а посему соседи должны были чувствовать себя в полной безопасности и говорить не опасаясь быть подслушанными. Вот только обосновавшейся рядышком чародейки это не касалось. Нарисовав на резном дереве перегородки вспыхнувший зеленым светом знак, Сирелина навострила приложенное к нему ухо, старательно прислушиваясь.

Большую часть разговора чародейка уже пропустила, но и того что досталось на ее долю хватило вполне с лихвой.
— Значит, как договорились, — произнес ровный бесцветный голос.
— Всегда рад услужить столь могущественному владыке, особенно если его благодарность хорошенько звенит, — ответил невидимый собеседник низким хрипловатым голосом.
Последовавшие вслед за этим шорох и тихий шлепок, сопровождавшийся мелодичным звяканьем, даже в не слишком богатом воображении нарисовали бы брошенный на стол кошелек. Судя по остальным звукам, кто-то этот кошелек тут же и сгреб.
— Помни: хан щедр, но ошибок не прощает! — сказал бесцветный голос. — Никто из них не должен добраться до Нирелина.
— Не боись, управимся в лучшем виде, — заверил Хриплый. — Моим парням не впервой купчишек потрошить. Им глотку перерезать — что высморкаться. Мышь не сбежит.
— Имей в виду, их воины знают с какого конца держать меч, так что лучше бы это оказалось правдой, — предостерег Бесцветный.
— Дальше Желтых холмов им не уйти, — хохотнул Хриплый. — Стрелки превратят большую часть их людей в дикобразов еще до того, как те поймут что происходит.
— Караванщик и его близкие родственники нужны живыми! — чуть повысил тон Бесцветный. — Очень советую не оплошать, так что постарайся чтобы твои любители дикобразов не напортачили. Иначе ты сильно подведешь моего повелителя.
— На кой они вам? Для выкупа, али пытками потешиться? — проворчал Хриплый, смутившись скрытно прозвучавшей угрозе.
— Это уже наше дело, — отрезал Бесцветный. — Скажу лишь, что пользы от них живых неизмеримо больше, чем от мертвых. Доставишь их куда договаривались. Остальных убейте. И не забудьте забрать груз, даже если он вам не нужен — все должно выглядеть как обычное ограбление.
— ПонЯл, — протянул Хриплый, сделав ударение на последнем слоге. — Что ж, придется повозиться.
— Тебе за это хорошо заплатили, — напомнил Бесцветный. — Если сделаешь все чисто, этого тебе не забудут, а прибавка будет весьма щедрой.
— Ну раз так, то будьте покойны, мои парни не оплошают, — заверил Хриплый. — Когда караван выступает?
— Послезавтра утром, — отозвался Бесцветный.
— Вы точно уверены что они пойдут именно этой дорогой? — осведомился Хриплый.
— Караван из Нирелина всегда ходит одним и тем же путем, мо-

жешь не сомневаться, — ответил Бесцветный.
— Тогда я отправляю людей в Желтые холмы. Сразу как только они хорошенько запомнят кого брать живьем, — поспешно добавил Хриплый после небольшой паузы.

Сирелина едва успела отдернуть ухо от перегородки когда объявился принесший поднос официант. Еле сдерживая досаду, чародейка с самым непринужденным видом ждала, пока тот выставит заказ на стол, бросая взгляды на прикорнувшего напротив женщины соседа. Сирелина изобразила соответствующий жест — перебрал, мол. Получивший монетку официант понимающе усмехнулся, собрал на поднос опустошенную законным обитателем кабинки посуду и удалился.

Угловая секция тем временем опустела. За не до конца прикрытой шторкой на фоне общего зала сначала промелькнул тип в черном плаще, очевидно обладатель не только знака с Красной саламандрой, но и Бесцветного голоса. Несколько погодя, разлапистой походкой мимо притаившейся у своего наблюдательного поста Сирелины проследовал и его собеседник — приземистый бородатый мужик в толстом полосатом халате. Так и не притронувшись к еде, чародейка бросила на стол несколько монет. Затем, поправив одежду и еще больше опустив на лицо капюшон дорожной накидки, выскользнула из своей кабинки и крадущейся за добычей хищницей отправилась вслед за бородачом.

Сирелина слышала достаточно. Даже в обычных обстоятельствах чародейка не осталась бы безучастной к готовящемуся злодейству, а уж желание сорвать гнусные планы ханского эмиссара лишь распаляло ее еще больше.

Разбойник в полосатом халате слежки так и не заметил. Сирелина, в свою очередь, увидела достаточно. Главарь привел ее не только к искомому каравану, но и хорошенько позволил рассмотреть нескольких своих подручных, которых заставлял как следует запомнить тех, кого убивать было ни в коем случае нельзя. Пока эта теплая компания, стараясь не привлекать внимания, глазела куда было велено, ее саму хорошенько обхаживала неприметная фигура в чадре и густой вуали, присматриваясь и прислушиваясь. И в этой фигуре даже без столь плотной драпировки просто невозможно было опознать светловолосую голубоглазую Сирелину, принявшую облик ничем не примечательной женщины в летах.

Чары изменения внешности долго не держались, да и могли быть весьма нестабильны. Поэтому чародейка прибегала к ним лишь в подходящих случаях, а не использовала постоянно. Ведь что может быть хуже некстати преобразиться обратно прямо на публике? Переполох и вполне очевидное внимание к явному кол-

довству гарантированы. Не говоря уже о том, что многие другие заклинания в действующих чарах иного облика работали не так как надо, если вообще работали. Но на этот раз был именно такой случай. За караваном, раз уж у них к нему почему-то имелся особый интерес, вполне могли следить и люди хана. В том числе из тех, кто осведомлен о существовании Сирелины и знает ее приметы. Если чародейка неожиданно объявится в поле их наблюдения, они заприметят ее с куда большей вероятностью, нежели просто в толпе, и вряд ли отнесутся к такому появлению безучастно. Зато невзрачная пожилая женщина в чадре их точно не интересовала, а плотная вуаль позволяла Сирелине не бояться, что колдовство развеется в самый неподходящий момент. Как и вновь без помех его накладывать. И целых три раза чародейка прибегала к подобной маскировке, пока неслышной тенью обреталась вокруг замышлявших недоброе разбойников, не оставшихся без доли ее особого внимания. Столкнись с ней кто лицом к лицу — и он ни за что бы не распознал во встреченной женщине Сирелину, даже если бы неоднократно виделся с ней прежде.

В этой же маскировке, когда разбойники наконец-то удалились восвояси готовиться к подлому нападению, чародейка и встретилась с караванщиком Захиром.

* * *

Поведанное новой знакомой Захира уж точно не обрадовало. Психологически Сирелина рассчитала правильно: слова обычной неизвестной женщины не смогли бы убедить его до конца, хоть он и не стал бы от них совсем уж отмахиваться. Небольшое показательное выступление с чарами сделало свое дело, когда чародейка, предварительно убедившись что за ними никто не наблюдает, развеяла колдовство и обрела свою обычную внешность. Она специально уселась таким образом, чтобы кроме Захира ее никто не видел, а потому могла не опасаться, что кроме собеседника свидетелем ее маленького представления станет кто-то еще. Узнав с кем имеет дело, Захир отнесся к рассказу чародейки со всей серьезностью. И теперь лишь оставалось направить его в нужное русло, дабы озадаченный мужчина, чего доброго, не начал пороть горячку и не испортил все дело непредсказуемым образом. Что он наверняка бы и сотворил, судя по первой же прозвучавшей реплике. Вовремя приложенный Сирелиной палец к губам приглушил его уже готовый загромыхать голос.

— Надо немедленно предупредить власти, — сказал Захир.

— Какие именно? Желтые холмы за пределами юрисдикции Дала-

бада, — нахмурилась чародейка. — Даже если туда отправят отряд, он вряд ли кого-нибудь там застанет. Стража медлительна, а вы отправляетесь послезавтра утром, причем сегодняшний день на исходе. И не рассчитывайте, что ваше донесение останется незамеченным. За караваном несомненно следят.
— Тогда мы просто пойдем другим путем и оставим разбойников с носом! — с энтузиазмом просипел караванщик, что, вероятно, должно было изображать громкий шепот.
— Я уже сказала, что за вами наверняка будут следить и даже если заподозрят неладное, то попросту нападут позже и в другом месте. Но мы уже не будем знать где, — с растущей досадой втолковывала Сирелина.
На лице Захира отразилось растущее недоумение. Поднатужившись, он выдал еще парочку отнюдь не порадовавших чародейку идей, после чего смущенно умолк, являя собой образец растерянности и замешательства. Забытая пиала с остывшим чаем давно покоилась на столике и Сирелина решила восстановить картину самого обычного чаепития. Вооружившись стоявшим на углях чайником, она принялась разливать его все еще горячее содержимое.
— И что же тогда мне прикажете делать? — спросил, наконец, Захир, разведя руками.
— Сделать вид что ничего не происходит и отправиться, как обычно, через Желтые холмы, — спокойно молвила чародейка, протягивая ему наполненную чашку.
Собеседник, машинально приняв пиалу в пальцы, едва не выронил ее на цветастый ковер.
— Но мы, разумеется, должным образом подготовимся, — лукаво прищурилась Сирелина, замерцав таинственной глубиной своих голубых глаз.

* * *

Желтые холмы были обязаны закрепившемуся за ними наименованию произраставшей там травой. Бескрайние волны этой травы буровато-желтого цвета колыхались от последних предлесков до самого начала песков, постепенно сходя на нет и полностью исчезая у подножия первых барханов. Раскинувшаяся вширь степь в этом месте изобиловала пригорками и впадинами, а вкупе со специфическим составом почвы, напрямую влиявшим на произраставшие травы, и породила прижившееся название. Через Желтые холмы редкие путники выбирали маршрут не случайно. Скрытые в густой траве овраги подолгу хранили влагу, а в наибо-

лее глубоких впадинах изредка встречались небольшие озерца. Это позволяло пополнять запасы питьевой воды как перед отправкой в пустыню, так и по выходу оттуда. Ввиду своего расположения эти края были почти необитаемы, и лишь кочевые племена иногда проходили мимо. В основном однообразный пейзаж нарушали лишь пасущиеся табуны диких лошадей, неторопливо бредущих у горизонта, да стайки сусликов, обосновавшихся у обветренных холмов и прогалин. В ночи иной раз можно было услышать тоскливое завывание степных волков, рыщущих в поисках добычи, а днем — протяжный крик парящего высоко в небе ястреба.

Выстроившись в три ряда, караван Захира двигался привычной дорогой. Хорошо отдохнувшие навьюченные верблюды уверенно перебирали ногами, не требуя понуканий погонщиков. Между ними, привязанные за рога, семенили козы и бараны, служившие не столь источником мяса и молока в пути, сколь необходимым пополнением испокон веков обитавшего в оазисе стада. Подле верблюдов, поблескивая заклепками кожаных доспехов и круглыми щитами, шагали воины. Смуглые лица невозмутимо глядели вперед, а мускулистые руки придерживали лямки больших заплечных мешков. Длительные переходы были для них не в новинку, и воины без особого труда шли с утра до ночи, не выказывая признаков усталости. Впрочем, перетруждать людей попусту не было необходимости. Лошади у караванщиков обычно не использовались ввиду многодневного перехода через пустыню, а посему помимо верблюдов можно было наблюдать лишь покорно бредущих ишаков с увесистыми переметными сумками. На этих длинноухих попеременно и ехали все пешие люди, дабы дать ногам передышку. Исключение делалось лишь для немногочисленных женщин, находившихся на ишаках постоянно. Обитательницы Нирелина были, безусловно, не менее выносливы чем их мужчины, но в пути им предстояло заботиться о караване. Когда тот останавливался на отдых или ночлег, наступал их черед потрудиться на общее благо, занимаясь насущным бытовым трудом, а посему женщины ехали тогда, когда остальные в основном шли пешком.

Захир и двое его сыновей не пользовались какими-либо привилегиями, а путешествовали наравне со всеми. Один из них, облаченный как и воины, с луком и колчаном шагал чуть впереди каравана, а другой, в точно такой же амуниции, замыкал шествие. Сам Захир как правило находился в середине, приглядывая за вверенными ему людьми, поклажей и животными, и бдительно следя за их перемещением и самочувствием, дабы никто не переутомился и не получил солнечный удар. В долгой дороге все возможно, а при случае сам мало кто пожалуется до тех пор, пока без

сил не рухнет на землю.

Оставив далеко позади последний чахлый перелесок, состоявший из низеньких скрюченных деревьев, обильно перемежавшихся густым ползучим кустарником с недружелюбными колючками, караван неторопливо продвигался среди разбегавшихся волн густой желтоватой травы, рассекая их словно корабль. Дороги здесь как таковой не было, но навьюченная процессия уверенно шла вперед как по хорошей мостовой. Захир столько раз проезжал в этих краях, что ему здесь был знаком практически каждый камень, приметен едва ли не каждый куст. Поэтому достаточно однообразный пейзаж являлся таковым лишь для непосвященного наблюдателя. Караванщики же отлично узнавали окружающие места и ориентировались в них даже без астрономических приборов. И привычные очертания покрытых шелестящими травами холмов, показавшихся незадолго до полудня очередного дня пути, лишь свидетельствовали о том, что путешественники движутся точно и в намеченный срок. Всего за пару часов караван достиг того места, где небольшие пригорки сменялись пологими и не очень обширными возвышенностями. Взяв чуть правее длинного отлога походившего на огромную соломенную шляпу холма, процессия сделала короткий привал, а затем, немного передохнув, направилась вглубь раскинувшегося на многие мили природного лабиринта.

Уже вечерело, когда одинокий караван, пробираясь через череду больших и малых возвышенностей и огибая изредка встречавшиеся овраги, достиг Буйволова рога. Длинный, изогнутый полумесяцем холм действительно напоминал своим видом лежащий головной отросток означенного животного. Слева от него тянулась глубокая расщелина с крутыми стенами и журчавшим на дне ручейком. Начинаясь почти от самого холма, она уходила далеко на восток и терялась где-то среди теснившихся подле нее склонов. Отправляться туда представлялось бы весьма неудачной затеей, если только не иметь желания максимально осложнить себе путь. Оступиться на коварной, скрытой густой травой земле и ухнуть с осыпающегося склона было куда вероятнее, нежели благополучно достигнуть более ровного места. Перебираться через сам Буйволов рог тоже не имело большого смысла. Проще было пройти вдоль него справа, где, изгибаясь внутрь, он уходил в сторону, отступая перед ровной прогалиной с круглым глубоким озерцом. Расступавшиеся вокруг цепи холмов надежно закрывали его от налетавших порой степных ветров, делая его отличным местом для длительного привала. И, судя по оставленным кострищам разной степени давности, именно так и поступали проходившие в этих

краях путники. Немалая часть этих кострищ принадлежала и караванщикам из Нирелина, многие годы следовавших через Желтые холмы проверенной дорогой. Приблизившись к Буйволову рогу, они, не сбавляя ход, повернули и двинулись вдоль изогнутого склона в направлении отчетливо повеявшего свежестью приметного озерца.

Вечерний воздух прорезал тихий, печальный крик какой-то степной птицы. Вылетев откуда-то справа и несколько спереди из усеивавшего перекрестные, изрытые буераками склоны кустарника, он пробежал меж холмов и исчез где-то вдали. Не успел он затихнуть, как в будто тон ему раздался еще один, с невидимой для путников стороны Буйволова рога. Протяжным кличем он пронесся над головами неспешно идущего каравана, отразился от склонов и осел в густой желто-бурой траве. Казалось, прячущиеся в зарослях птицы не то перекликались на сон грядущий, не то предупреждали друг друга о проходивших поблизости людях. Те же, не проявляя к раздавшимся звукам никакого интереса, невозмутимо продолжали шагать дальше, не обращая внимания на живущую своей жизнью фауну.

Третьего протяжного крика не последовало. Вместо него воздух вдруг наполнился резким коротким свистом. К ничего не подозревавшим караванщикам разом устремилось сразу три десятка стрел. Мелькнувшие в лучах клонившегося к закату солнца темные черточки прочертили свою гибельную траекторию. Стремглав разрезав пространство, оперенные стальные жала в какие-то мгновения преодолели небольшое расстояние, отделявшее их от неторопливо бредущих жертв, и беспощадно принялись разить их, хищно вгрызаясь в незащищенную плоть. Не успели первые стрелы ударить в цель, как вслед за ними тут же понеслась вторая волна, сорвавшаяся с тетивы гулко разрядившихся луков, и в руках зловещих стрелков уже появлялась третья. Эти стрелки, почти одновременно поднявшись из травы на гребне Буйволова рога слева и среди густого кустарника справа, прицельным боем обрушили на караванщиков смертоносный дождь. Рой стрел в считанные секунды должен был сразить большую часть воинов и погонщиков еще до того, как те осознают что происходит и попытаются оказать сопротивление. Лучники, собираясь сделать третий убийственный выстрел, полагали, что он, скорее всего, окажется если и не последним, то предпоследним во внезапной атаке, после чего останется лишь навалиться всем скопом на уцелевших и выловить тех, кто попытается убежать. С характерным гулом раскручивавшиеся пращи уже выбрасывали шарики обожженной глины в направлении тех, кого обошла участь оказаться пронзенным в самом

начале безжалостного нападения, травмируя, но не убивая на месте.

Очередной резкий свист, сопровождавший пущенные стрелы, вновь пронесся между покатыми склонами. Раздавшиеся вслед за ним хрипы и крики боли наконец-то наполнили окрестности стонами раненых и агонией умирающих. Один за другим сраженные люди валились на колени, хватаясь руками за торчащее древко, либо же падали на землю, содрогаясь в предсмертных судорогах. Смерть пришла собрать свою жатву, и ее неумолимые костяные пальцы принялись выхватывать одного обреченного за другим. Густая трава Желтых холмов щедро окрасилась льющейся кровью.

До нападавших не сразу дошло что происходит нечто совершенно непредвиденное и невероятное. Безучастно бредущий караван еще машинально обстреливался, когда стрелки неожиданно осознали, что он никак не реагирует на смертоносный дождь, зато огласившие склоны холмов хрипы и вопли исходят из их собственных рядов. Позиции лучников сами неожиданно оказались под ударом, и чем больше стрел летело в направлении каравана, тем интенсивнее становился этот обстрел, и с каждой секундой он неумолимо косил раз за разом спускавших тетиву разбойников все больше и больше. И самым ошеломительным было то, что ответные залпы прилетали не из какой-то невидимой засады, а возвращались прямиком со стороны невозмутимо бредущих путешественников. Ни один из них даже головы не повернул, будто ничего и не происходило, а на телах не появилось ни царапины, хотя к этому моменту они просто обязаны были оказаться утыканы множеством стрел! Казалось, те просто пролетают сквозь них, будто бесплотных призраков, не причиняя ни малейшего вреда. Но так только казалось. Выпущенные разбойниками стрелы не исчезали бесследно. Каким-то непостижимым образом, достигнув намеченной цели, они в мгновение ока устремлялись в противоположном направлении, возвращаясь туда, откуда прилетели. Лучники разили сами себя, и чем больше они стреляли, тем чаще все новая стрела ударяла в своего же хозяина! Растущее среди быстро уменьшавшихся в численности разбойников ошеломление сменилось испугом. Луки невольно опустились, а несостоявшиеся убийцы с изменившимися лицами ошарашено оглядывали невредимый караван и лежавших вокруг окровавленных товарищей. Выстрелы прекратились.

Идущая у подножия Буйволова рога процессия задрожала. Задрожала так, как дрожит над раскаленными песками пустыни витавший там мираж, внушив обрадованному путнику ложную надежду и готовясь бесследно исчезнуть. Исчез и караван. Пропа-

ли мерно шагавшие невозмутимые верблюды и плетущиеся ишаки, семенящие козы и перебирающие ногами бараны. Заколебавшись в воздухе резко расплывшимися контурами, бесследно растворился идущий впереди высокий черноволосый лучник. Вслед за ним один за другим будто испарились и невозмутимо шествовавшие воины. На глазах у потрясенных разбойников путешественники и их скарб превратились в стелящуюся над травой легкую дымку. Иллюзия развеялась.

Взорам грабителей открылась совсем иная картина. Четыре десятка воинов в полной боевой готовности по периметру окружали сбившихся в кучу верблюдов и домашний скот, между которыми прятались женщины и вооруженные луками погонщики. И едва проявился их истинный облик, воины, огласив холмы громким воинственным кличем, ринулись в атаку. Полностью утратившие понимание происходящего разбойники приготовились к нежданной схватке. Но то что произошло дальше повергло их в настоящий шок.

В самом центре каравана, будто поддерживаемая незримыми плечами, поднялась над землей женская фигура в развевающихся одеждах. Длинные спадающие на плечи светлые волосы колыхались как от дуновения ветра, а от всего ее контура исходило синее свечение. Это же свечение сияло в глазах, казавшихся двумя яркими звездами. Приподнятые в стороны руки совершали плавные движения, поворачивая кисти с тонкими длинными пальцами, словно парили в потоке обтекавших их вод. Раздавшись от подножия Буйволова рога, меж холмов прокатилась и завибрировала, набирая мощь, колдовская речь. В следующее мгновение перед бегущими к врагу воинами с резкими хлопками из ниоткуда появились огромные черные волки. Глазницы источали безумный кровожадный огонь, с острых белоснежных клыков капала густая пена. Испуская дикое низкое рычание, волки стремглав ринулись на закричавших от ужаса разбойников. В следующее мгновение раскатистый грохот сотряс окрестности Буйволова рога. Сразу с полдюжины молний сверкнуло с совершенно ясного неба, ударив в несколько находившихся в разных местах бандитов. Но не было ни огня, ни ожогов. Их не испепелило на месте и не отбросило изувеченными прочь. Вместо этого вокруг каждого из них, лишая возможности что-либо видеть и царапая кожу словно миллионом крохотных игл, с яростным гулом завертелся стремительно разраставшийся песчаный вихрь.

В рядах бандитов началась паника. Не в силах оторвать взгляд от несущихся к ним оскаленных пастей, они в ужасе пятились, спотыкаясь о лежавших товарищей и испуская отчаянные

вопли. Гудевшие вихри, поглотив ставших их центрами людей, окончательно внесли в позиции шарахавшихся разбойников полнейший хаос. Беспорядочно заметавшись, они напрочь лишились возможности ориентироваться в разверзшемся вокруг кошмаре. Подскочившие чудовищные волки, заходясь от рычания, окружали орущих от страха грабителей. И пока те, забыв про все на свете, отмахивались от наседавших дьявольских хищников, к ним подоспели воины Нирелина. Острые стальные клинки, сверкая в алых лучах заходящего солнца, принялись разить потерявшего всякую возможность к осмысленному сопротивлению врага.

Разбойников было больше раза в полтора и их нападение, носившее элемент подлой неожиданности, предполагало уничтожить подавляющее большинство караванщиков в первые же секунды схватки. Но лишь в том случае, если бы она пошла по заранее спланированному сценарию. Происходящее же в действительности превратилось для убийц в настоящее безумие. После выхода из строя не менее трети сраженных собственными же стрелами людей, разбойники примерно сравнялись числом с воинами Нирелина, и оставшаяся без элемента внезапности рукопашная стычка уже грозила склониться отнюдь не в их пользу. Встреться бандиты с оказанным им сопротивлением лицом к лицу — и кровопролитного боя не миновать, но закончиться он мог с непредсказуемым исходом. Только столкнулись они не с простыми, пусть хорошо вооруженными и тренированными воинами, а с чем-то, что напрочь лишило их ощущения реальности и вселило суеверный ужас, стремительно перераставший в неконтролируемую панику. Словно дремавшие доселе песчаные демоны вырвались из недр холмов и теперь намеревались взять причитающуюся им кровавую дань, терзая плоть клыками гигантских волков и высасывая души ревущими столбами ширившихся вихрей. Без какой-либо тактики, внятного командования и строевого порядка объятые страхом разбойники, очутившись во власти одних лишь дремучих инстинктов, выдавливающих последнюю искру разума, более не способны были дать сколь-нибудь серьезный отпор.

Клинки караванщиков били без промаха, с каждым ударом повергая все нового врага. Окруженные заходящимися от бешенства рычащими волками и отчаянно стараясь избежать объятий злобно гудевших вихрей, разбойники не могли отразить со всех сторон сыпавшиеся на них удары. Выныривая из творившегося вокруг ужаса разящей молнией, те несли неумолимый, но заслуженный приговор. Казалось, воины Нирелина вырастают прямо из стаи наседавших чудовищ, беспрепятственно и непостижимо перемещаясь меж дьявольских тварей. Неким совершенно невероят-

ным образом они рубили и кололи бандитов так, будто между ними и врагом не существовало ни малейшей помехи. Плотно теснившиеся вокруг очередной жертвы волки не давали ей и шагу ступить, и вдруг подскочивший воин со всего маху обрушивал свой клинок на вроде бы непреодолимо окруженного разбойника, прорвавшись сквозь кольцо хищников так, словно их и вовсе не существовало.

Так оно и оказалось. Капающей с клыков пенящейся слюной, свирепо рычащей грозной волчьей стаи в действительности не было. Их неукротимое бешенство — одна лишь иллюзия, навеянная наложенными чарами и усилившаяся не на шутку разыгравшимся от страха воображением. Пройди чуть больше времени — и разбойники бы сами заметили, что яростно наседавшие волки совершенно бесплотны и за всю атаку не нанесли им ни единой царапины; что огромные звери, старавшиеся взять их в окружение, мешают передвигаться не больше, чем стена из лунного света. Но как раз ни лишней минуты, ни возможности осознать что к чему у разбойников и не нашлось. В пылу непредвиденной и стремительной контратаки они оказались не готовы к увиденному, как и к развивавшемуся повороту событий, став жертвой смятения, страха и замешательства.

Завывавшие песчаные вихри, образовавшиеся вокруг нескольких бандитов, носили куда более материальный характер. Притянутые к своим эпицентрам заблаговременно наложенным заклятьем, они поглотили беспомощно мечущиеся и вопящие цели, ненадолго сделав их естественными носителями взбесившейся стихии. Поднятые в воздух клубы песка, юлой кружившие вокруг оси своих носителей, затмевали пространство, снижая видимость, стирали кровоточащую кожу миллионами острых песчинок, рвали одежду, сбивали с ног и жадно пожирали всех, кого им удавалось заключить в свои неистовые объятия. Всех кроме воинов Нирелина, защищенных от их воздействия зачарованными амулетами. Ибо колдовство, столь неожиданно и эффективно поражавшее подлых убийц и лишавшее их дееспособности, было хорошо спланировано заранее и тщательно подготовлено Сирелиной.

Чародейка потрудилась на славу. Всю ночь, следующий день и еще оставшуюся ночь до отбытия каравана из Далабада она почти непрерывно колдовала, наполняя изготовленные обереги желанными свойствами, переплетая заклятия и создавая необходимую базу для реализации придуманного ей плана. Ресурсы для ее искусства приносили сыновья Захира, лично отряженные отцом помогать неожиданной союзнице. По указанию Сирелины они доставали все что нужно по составленному ей списку, благо что в

Далабаде можно было сыскать практически любой товар даже по части таких редких и взыскательных клиентов. Торговцы, понятное дело, по заведенной в торговом городе традиции вопросов не задавали, а даже если кто из незримых наблюдателей мог отметить необычный интерес некоторых нирелинцев, то это ровным счетом ничего не меняло. Все приобретенное сыновья старшего караванщика сносили в подысканное Захиром место. Ведь Сирелина не могла практиковать свое занятие абы где, не рискуя стать объектом пристального внимания, грозившего выдать всю затею с головой. Посему частенько бывавший в Далабаде Захир ориентировался в городе достаточно хорошо, чтобы оперативно организовать подходящее чародейке убежище, позволяющее беспрепятственно работать ничего не опасаясь. Один из складов при торговом квартале, где по соседству сутки напролет трудились мастеровые и шумели огромные печи и механизмы, подходил практически идеально. Укрытый со всех сторон, он гасил терявшиеся на общем фоне звуки и даже периодически мелькавшие вспышки колдовского света скрадывались в хороводе отблесков и искр от соседних построек. Времени было в обрез. Сирелине предстояло проделать многое, а после еще и поддерживать наложенные чары. Поэтому когда она наконец-то закончила, то потом почти двое суток проспала в дороге, заботливо устроенная в специальном сиденье на одном из верблюдов. Силы чародейки не безграничны и она тоже нуждалась в отдыхе, особенно в преддверии грядущих событий.

Сложнее всего было потихоньку подготовить воинов, но этот труд взял на себя Захир, предоставив союзнице заниматься своим ремеслом. Ему пришлось изрядно потрудиться, дабы постепенно ввести всех спутников в курс дела и проинструктировать их в соответствии с замыслом Сирелины. Когда караван выступил из Далабада точно в намеченный срок, под одеждой у каждого нирелинца покоился искусно сотворенный светловолосой колдуньей оберег, таивший в себе до поры дремлющие чары. На руках же у них имелся небольшой скромно выглядящий браслет, также отнюдь не являвшийся простой безделушкой. Находясь в особой связи, они по-особому замыкались на идущих впереди и позади процессии сыновьях Захира, создавая единое зачарованное пространство. Когда пришло время, именно эти браслеты и вызвали мираж, воплотили иллюзию мирно бредущего каравана, в то время как в действительности укрывали своих носителей совсем не там, где они представали постороннему взору. Амулеты же, пробужденные в нужный момент колдовством Сирелины, служили сразу трем важным вещам. Защитный барьер, отражавший обратно пущенные стрелы, возник не сам по себе. Несмотря на то,

что смертоносный дождь поражал лишь иллюзии, те поддерживались присутствием реальных людей, в свою очередь оберегаемых носимыми оберегами. И каждая ударявшая в бесплотное видение стрела мгновенно разворачивалась и уносилась обратно — туда, откуда и прилетела. Если бы не естественный разброс при полете в силу совершенно обычных физических явлений, любая такая стрела неминуемо сражала бы своего хозяина с первого же выстрела. Учитывая столь чудодейственные свойства, у Захира появились вполне логичные вопросы, на которые чародейка соизволила дать достаточно понятные объяснения. Поставить на поток изготовление подобных защитных амулетов ни один чародей был не в состоянии. Подобные чары долго не держались, спадая в очень короткие сроки, и для их поддержания требовалось постоянное присутствие сильного колдуна. Заблаговременно наложенные, они лишь облегчали ему задачу по высвобождению их в нужный момент, но сами по себе, без его активного участия, оказались бы совершенно бесполезны.

Два других свойства имевшихся у нирелинцев оберегов вступили в действие когда Сирелина, взметнувшись над сбившимися в кучу животными и не участвовавшими в схватке людьми, призвала иллюзию стаи огромных свирепых волков. Та выглядела столь правдоподобно, что на небольшой отрезок времени позволяла отвлечь и без того уже основательно растерявшегося противника, пострадавшего от града собственных же стрел. Могущественный чародей, безусловно, мог бы призвать и реальных зверей, да только призвать и сотворить — отнюдь не одно и тоже. Творить жизнь из ниоткуда, не подразумевая естественный процесс появления на свет, было не по силам никому из живущих, и можно было обращаться лишь к уже существующей. А под рукой у Сирелины настоящей стаи хищников на все случаи жизни не имелось. Впрочем, иллюзии отлично справились со своей задачей, дав возможность воинам Нирелина атаковать смятенного, повергнутого в ужас врага практически не встречая сопротивления. И второе свойство амулета позволяло им видеть реально несуществующих волков лишь в образе призрачных контуров, в то время как для орущих от панического страха разбойников звери были живее некуда.

Третья возможность оберега заключалась в защите от поднявшихся столбами песчаных вихрей. В отличие от здоровенных волков они были куда реальнее, и вполне могли навредить не только попавшим в их ревущие клубы разбойникам, но и нирелинцам. При этом само появление этих вихрей являлось отнюдь не случайным. Крутившаяся вокруг присматривавшихся к караван-

щикам еще в Далабаде бандитам Сирелина не только подсматривала и подслушивала. Уже тогда, еще даже не переговорив с Захиром, она даром времени не теряла. Пользуясь своей маскировкой, колдунья, улучая подходящий момент, в том числе и когда ей не препятствовали чары изменения облика, одаряла ничего не подозревавших молодцев не самыми благоприятными знаками. Именно эти знаки, перекликаясь один с другим в цепочке выстроенного заклятия, притянули к себе призванные вихри, появившиеся без всякого Круга стихий. Его роль успешно замещали меченые разбойники, пусть и намного менее эффективно, чем сам Круг, но для образования небольших самумов этого оказалось вполне достаточно. Непосредственно оказавшись причастными к появлению ревущих столбов песка, означенные бандиты при этом сами и стали их эпицентрами, таким образом заранее предвосхитив образование бушующего стихийного явления прямо среди своих товарищей. А то что они окажутся распределенными по притаившейся засаде можно было не сомневаться, учитывая зачем главарь показывал им караванщиков. В задачу этим молодцам вменялось указать остальным кого ни в коем случае нельзя убивать. Стало быть, они просто обязаны были инструктировать подельников по грязному ремеслу при разборе приближавшихся целей.

Носители колдовских меток играли и еще одну немаловажную роль. С их помощью Сирелина теперь прекрасно знала когда ожидать появления разбойников, ибо для чародейки эти наделенные ее особым вниманием замечательные представители профессии ножа и топора стали что маяк для корабля. И пока они отсутствовали на горизонте, можно было не опасаться внезапного появления сидевших в засаде злоумышленников. В дороге за караваном, несомненно, потихоньку приглядывали. Поскольку о возможном враждебном присутствии было заблаговременно известно, зоркие глаза вооруженного подзорной трубой наблюдателя иной раз примечали далеко впереди подозрительное движение. Разбойники, готовившие в Желтых холмах западню, отправили дозорных, дабы убедиться что все идет как задумано. И до последнего момента были уверены в успешной реализации своего гнусного замысла. Обосновавшись с внутренней и не видимой проходящим мимо путникам стороны Буйволова рога, убийцы преспокойно поджидали мирно приближавшийся караван. Другая же их часть засела в густом кустарнике напротив этого изогнутого холма. Перекрестный огонь не оставлял будущим жертвам ни малейших шансов. Даже если бы Сирелина благополучно не подслушала их планы обосноваться в означенной области, ходячие маяки выдали бы ме-

стоположение бандитов с головой. А посему до поры она берегла силы и не растрачивала их попусту на преждевременное поддержание чар. Лишь когда караван углубился в Желтые холмы и присутствие маркеров сообщило ей, что пора начинать игру, чародейка выступила на сцену. Сильно пересеченная местность то и дело прекрасно скрывала нирелинцев от возможных наблюдателей. В одном из таких мест Сирелина и взялась за дело. За один из поворотов в извивавшейся лощине вошел настоящий караван, а из другого вышел уже призрачный, скрывавший за иллюзорной завесой подлинное местонахождение людей и изготовившихся к бою воинов. Колдовская сила чародейки наполнила защитные амулеты, проливаясь в них струящимся потоком. Эта сила непрерывно поддерживала их вплоть до того, как спал искусно навеянный мираж и воины Нирелина, огласив холмы громким боевым кличем, ринулись в атаку. В этот момент Сирелина, уже окутанная колдовским свечением, взмыла в воздух на несколько футов от земли и выпустила на разбойников остальные чары. И из центра сгрудившегося каравана управляла ими, совершая руками плавные пассы, будто дирижер оркестром.

Разбойники потерпели сокрушительный разгром. Среди навеянных чар нирелинцы беспрепятственно разили их с легкостью косы срезающей колосья ржи. Поддержка чародейки поставила караванщиков в исключительное положение, и они не растрачивали его попусту. В кратчайшие сроки большинство разбойников полегло прямо на месте роковой засады, а оставшиеся, чудом избежав завывающих вихрей и смертоносных клинков, побросав оружие спасались отчаянным бегством. Без продолжавшегося колдовства Сирелины бандиты, возможно, как-нибудь бы с воинами и управились. Точно так же как без ворвавшихся на их позиции нирелинцев сладили бы и с чародейкой, быстро сообразив что к чему. Но вместе те, совершив стремительный и мощный натиск, оказались им не по зубам. Причем настолько, что среди превратившихся в охотников жертв не было не то что потерь, а даже сколь-нибудь серьезных ранений. Впрочем, одно все же случилось.

Поодаль от развернувшейся схватки, позади прошедшего каравана притаилось двое дозорных. В их задачу входило лишь наблюдение, и непосредственного участия в нападении они не принимали. Предполагалось, что дозорные будут до последнего следить за подходившими путниками, в нужный момент дадут знак своим подельникам, а сами, приглядывая за ходом боя, бдительно приглядят за нирелинцами. Ведь последнее было отнюдь не лишним, ибо в пылу побоища кто-то из них вполне мог попытаться убежать и скрыться, и скрыться небезуспешно. Чего никак нельзя

было допустить исходя из полученных от эмиссара Красной саламандры инструкций. А посему парочка наблюдателей преспокойно засела за большим камнем и оттуда наслаждалась открывшимся их взорам зрелищем.

Ошарашенные не менее своих товарищей, эти двое сначала с открытыми ртами таращились на разворачивавшееся действие, резко пошедшее совершенно невиданным и непредсказуемым образом. Там было на что посмотреть, особенно тем, кто находился в безопасности и не попал под невероятную раздачу. Дозорные, как и остальные, растерялись столь сильно, что некоторое время лишь ошалело созерцали воцарившейся хаос, слушая отчаянные вопли подельников. Вот только пришли они в себя гораздо быстрее, ибо непосредственно их, в отличие от ударившихся в панику непосредственных участников засады, никто не атаковал. И эта парочка наконец-то сообразила, что причиной всех бед являлась мерцающая синим светом, парившая над землей женская фигура. Вытащив пращи, разведчики, снарядив их шариками из обожженной глины, раскрутили оружие над головой.

Сирелина со своего волшебного возвышения следила за ходом схватки, продолжая направлять и поддерживать чары. Нирелинцы быстро одерживали верх. Паникующие и сломленные, стремительно уменьшавшиеся в численности разбойники прекращали всякое сопротивление и обращались в отчаянное бегство. Схватка вступала в свою финальную фазу, и в помощи чародейки уже почти не ощущалось необходимости. Это было очень кстати, ибо Сирелина начинала уставать, выложившись основательно и на совесть. Разом задействовать различные чары на стольких объектах, при этом создавать новые и управлять ими — непростая задача, требовавшая серьезной концентрации, опыта и отличной подготовки. Не говоря уже о силе самого чародейского дара. Сбавив интенсивность колдовства, Сирелина, оставив в покое призрачную стаю, принялась точными заклинаниями сбивать с ног уцелевших и пытавшихся удрать разбойников. Настигнутые невидимой ударной волной, они получали мощный тычок и кубарем летели на землю, либо же валились как подрубленное дерево, лишаясь последнего шанса спастись. Чародейка так увлеклась этим занятием, что не сразу обратила внимание на уже некоторое время появлявшиеся подле нее облачка какой-то взвеси. Как навеянная ветром дорожная пыль они ненадолго рассыпались в воздухе, будто некий шалун бросил сзади щепоть извести, или мимо галопом пронеслась резвая лошадь. Рассыпались, а затем быстро развеивались прочь, оседая на землю. Одно такое облачко неожиданно осыпало Сирелину особенно назойливо, выбросив откуда-то из-за

плеч зашуршавшие струйки некой мелкой субстанции. В следующую секунду озадаченная этим обстоятельством чародейка вдруг получила чувствительный толчок в левое предплечье. Что-то ударило парившую над землей женщину, возвышавшуюся над сгрудившимся караваном на несколько футов. Ударило, хотя Сирелина, как и нирелинцы, находилась под защитой отражающего оберега. В первые мгновения это казалось невероятным, но тут чародейка, застыв с поднятой в направлении очередной цели рукой, вдруг осознала: отражающий барьер спал. Стрельба давно прекратилась и Сирелина, переключившись на сотворение совсем других чар, больше не уделяла ему внимание. Сам по себе барьер, не возобновляемый колдовским искусством, бесконечно долго держаться не мог. Каждое попадание уменьшало его ресурс, постепенно ослабляя силу вплоть до полного исчезновения. Поглощенная ходом схватки и накладываемым чародейством, Сирелина совсем не заметила, как некто несколькими точными выстрелами оставил ее без защиты. Ресурс оберега, лишившегося непрерывного восполнения, иссяк, выдохшись на последнем болезненно ткнувшем чародейку ударе. В отличие от стрел, выпущенные из пращи снаряды в виде обычной обожженной глины не отбрасывались обратно, а разбивались в порошок, как раз и образовывавший те самые мелкодисперсные облачка. Шарики были слишком малы и хрупки для барьера и при контакте с ним попросту рассыпались. И сейчас как раз ими кто-то и вел по отлично просматривающейся чародейке прицельную стрельбу. Похолодев от промелькнувшей мысли, Сирелина на мгновение замешкалась, решая, повернуться ли ей и блокировать заставшую врасплох атаку, либо же прекратить колдовство и живо опуститься на землю, исчезнув из поля зрения притаившегося стрелка. Всего на мгновение, но и этого, увы, оказалось достаточно. Чародейка успела снизиться лишь совсем немного, одновременно начав разворачиваться. Следующий шар из обожженной глины ударил ее в затылок. В глазах у Сирелины потемнело. Исходившее от нее синее свечение исчезло. Всплеснув руками, она покачнулась и рухнула на землю, проваливаясь в черноту.

– 5 –

Тягучая, изнуряющая качка иногда прерывала кромешную мглу, возвращая из небытия в мутный, болезненный бред. Будто попавший в шторм корабль тяжело переваливался на волнах, вызывая у сжавшегося в мрачном трюме путешественника сильнейший приступ морской болезни. Тошнотворный металлический

привкус заполонял большую часть всего восприятия. Ноющая боль давила в сознание раздувшимся воспаленным кровоподтеком, а обрывки бессвязных мыслей метались среди качавшегося замкнутого пространства, пытаясь вырваться из неумолимо сжимавшейся темницы. Царившие в тесном трюме жара и духота высасывали из тела последние силы, иссушая плоть и наполняя суховеем задыхавшиеся легкие.

Иногда наступало непродолжительное облегчение. Плескавшиеся через борт корабля волны временами окатывали потоком прохладной солоноватой воды, приятно освежавшей пылавшую жаром кожу. Разлетавшиеся брызги попадали на губы, капельками стекая в уголки рта, и их живительная влага, насыщенная странным ароматом, на какое-то время уменьшала отвратительный вкус прогорклого металла. Прекращавшаяся вдруг качка оставляла корабль в покое, и вздымающиеся борта больше не швыряли исстрадавшееся тело из одного края темноты в другой. Шторм неожиданно сменялся штилем, и изможденное сознание вновь проваливалось в спасительное забвение. А потом с неумолимой периодичностью качка вдруг начиналась снова, сжимая весь существующий мир в единый болезненный бред.

Тупая, ноющая боль росла и ширилась, окутывая жгучим жаром еще теплившуюся искру жизни. Накатывая медленно, но неумолимо, она уверенно выжимала из пребывавшего в воспаленном дурмане сознания остатки его связи с безвольно ослабевшим телом. Трюм неведомого корабля, то попадавшего в полосу штиля, а то вновь швыряемого с вала на вал, постепенно превращался в склеп.

Когда забытье уже грозило стать вечным, качка вдруг кончилась. Совсем. В окутанный мглой трюм пахнуло свежестью и казавшимися просто волшебными запахами цветущего луга вперемешку с чем-то еще, неуловимым, неведомым, но оттого еще более прекрасным. Исстрадавшееся, изможденное тело приподнялось и взмыло, покинув душные угрюмые застенки, а затем плавно опустилось на что-то мягкое и уютное. Раздувшийся шар всепоглощающей боли, отдававшейся в каждой клетке тянущими клещами, словно нехотя стал отступать, будто сдуваясь под неким появившимся извне воздействием сродни полившемуся вдруг чудодейственному потоку. Тончайшими живительными струями, сбиравшимися в мелодично журчавшие рукава, он словно омывал угасающее тело, пронизывая и наполняя всего его существо, снимая жар и гася пожиравший плоть огонь, неся покой и умиротворение. Ласковый и освежающий к жизни, этот поток был совершенно неумолим к губившей ее хвори, разливаясь по ней безжало-

стным штормом, обращая ее в бессильные клочья и бесследно смывая прочь.

Вокруг иногда негромко и неразборчиво бубнили какие-то голоса. Далекие, словно со дна глубоко уходящей в землю скважины, они то появлялись из тишины, а то вновь куда-то исчезали. Порой мелькали неясные, склонявшиеся подле тени, ненадолго загораживая спокойный и мягкий свет. Немного помаячив поблизости, тени отодвигались куда-то в сторону, тихо перешептываясь о чем-то между собой. Они не несли какой-либо угрозы и не желали причинить зла. Непонятно как, но в наконец-то наступившем покое незримо ощущалось, что они желают лишь добра и проявляют к настрадавшейся душе самое заботливое участие. Тлетворное дыхание близкой смерти отступило. Теперь все могло быть только хорошо — лишь так, и никак иначе. Это подсознательное чувство пришло словно ниоткуда, но оно росло и крепло вместе с восстанавливающимися силами, вселяя в возвращавшееся из бесконечного ничто сознание светлую незыблемую уверенность.

Все еще дремлющий, но исцеляющийся разум окутывали видения. Мрачный трюм переваливавшегося в штормовых волнах корабля остался далеко позади, сгинув в прошлом как случайно навеянный кошмар. Вместо его тяжкого узилища теперь открывались широкие просторы, озаренные то солнечными, то лунными лучами. Парить высоко над землей было поистине упоительно, то снижаясь до самых верхушек деревьев и седых горных вершин, а то взметаясь обратно ввысь и купаясь в белоснежных пушистых облаках. Далекие неведомые края возникали перед восхищенным внутренним взором. Блистая великолепием, они неторопливо проплывали мимо, представая вплоть до мельчайших деталей и заставляя разум усомниться в нереальности происходящего. От самого подножия и до далекого горизонта все вокруг было преисполнено светом и умиротворением.

Затем все изменилось. Дышащие миром и покоем земли вдруг стали преображаться. Одна за другой пробуждались горы, испещряясь змеящимися огненными жилками. От их отлогов, разрастаясь и ширясь, вглубь цветущих зеленых долин протянулись глубокие светящиеся разломы, в которых бурлила раскаленная лава. Почва высохла и почернела под жаром пролившегося на нее жидкого огня. Плавились пески, тлела трава, и обугленные деревья вздымали к небу черные крючья своих безжизненных рук. Разломы ползли все дальше и дальше, вклиниваясь в шелестящие листвой рощи, пресекая бег ручьев и речушек, обращая в пар пруды и озерца. Земля вокруг разломов проваливалась, цветущие поляны и луга превращались в плюющиеся пламенем кратеры. Прекрасный

край область за областью пожирали вырвавшиеся из неведомых глубин пылающие недра преисподней, обращая его в дымящееся серое и безжизненное пространство. И из кратеров и разломов поднимались Они. Огненная стихия порождала, выплескивала целые полчища, от небольших созданий до настоящих гигантов. Выбираясь из клокочущей лавы, ступая по изуродованной земле, Они шли и шли, сбиваясь в группы, собираясь в невиданную армию. Армию, миллионы пылающих глазниц которой источали вечную, неукротимую злобу ко всему живому.

Огромный прекрасный город дымился в руинах. В самом его сердце, окруженный Их непреодолимым пламенеющим кольцом, еще держался изумительной красоты чертог. Защищенный постепенно истончавшимся прозрачным куполом, мерцавшим голубым светом, он отливал фиолетовым на фоне ало-желтых бесчисленных полчищ. На купол, созданный некими невероятно могущественными силами, раз он был способен сдерживать такую бешеную злобу, раз за разом обрушивались все новые атаки. Целые оплавленные скалы со всего маху бились о барьер, брошенные рукой чудовищных гигантов. Бесчисленное количество лавовых камней ежесекундно врезалось в него, разбрызгиваясь раскаленными каплями, и голубое мерцание становилось все слабее и слабее. Рев миллионов немыслимых глоток стоял над некогда цветущей долиной и густыми лесами, ныне превращенными в прах и пепел.

В какой-то момент, когда, казалось, купол вот-вот падет, внутри отливавшего фиолетовым чертога сверкнула мощная вспышка. Гудевшая и дрожавшая от непрерывной атаки дьявольской армии земля вдруг сильно содрогнулась, а из центральной части прекрасного дворца ударил столб белого света. Возносясь над крышей, протянувшись в стороны, вырываясь из каждого окна, каждой двери и бойницы ослепительные лучи полились с такой силой, будто где-то внутри чертога зажглась настоящая звезда. Ее свет проникал повсюду, освещал каждую впадину, вычерчивал каждую щелочку, струился в глаза и заполнял собой все мироздание. В следующее мгновение с оглушительным гулом звезда взорвалась, разорвав пространство и принеся забвение.

Вскрикнув, Сирелина проснулась, будто выбитая из тут же бесследно развеявшегося сновидения прилетевшей ударной волной. Мягкий дневной свет струился в небольшое занавешенное оконце, и солнечный луч падал прямо на большую пуховую подушку, где только что покоилась голова женщины. Привстав на локте, чародейка, хлопая широко раскрытыми глазами, усиленно пыталась сообразить где это она очутилась. Последнее что она помнила — это Желтые холмы, караван, громившие разбойников

нирелинцы да жгучая боль, пронзившая затылок. Потом — одна пустота. Сирелина невольно протянула руку и потрогала пострадавшее место. Пальцы немедленно наткнулись на бинты и тщательно наложенную повязку. Стало быть, не приснилось. Так, а что было потом? Оставив повязку в покое, чародейка огляделась по сторонам.

Небольшая уютная комната сверкала ухоженностью и чистотой. Сирелина лежала у самого окна на широкой мягкой кровати, укрытая тонким шерстяным одеялом. Стену над кроватью устилал красивый узорчатый ковер, радовавший глаз теплой не крикливой расцветкой. В изголовье на деревянной, покрытой кружевной скатертью тумбочке стояла простая глиняная ваза с букетом свежих цветов. Их аромат приятно щекотал ноздри и будил какие-то далекие смутные ощущения, словно перекликавшиеся в памяти с чем-то едва уловимым. Напротив кровати пристроился небольшой ладно сколоченный комод, а в соседнем углу — потемневший от времени шкаф для одежды. Над комодом, уставленным какой-то мелочевкой, висело большое овальное зеркало, а слева и справа от него из стены торчало два стеклянных светильника на медных ножках. Под несколько низковатым потолком из обожженной глины имелся еще один, разветвленный натрое наподобие эдакой люстры. Сложенные из кирпичей побеленные стены в нескольких местах немного потрескались, но это ничуть их не уродовало и не портило общего благоприятного впечатления. Еще в одном углу у небольшого письменного столика с чернильным прибором и лампой расположилось вполне привлекательной кресло, а подле кровати стояло два плетеных стула. На одном из них, внимательно глядя на чародейку большими сиреневыми глазами, сидела какая-то светловолосая девочка на вид лет семи от роду.

— Здравствуй, — как-то совсем не мелодично просипела Сирелина и чуть не закашлялась.

— Тетенька, вы очнулись! — радостно воскликнула девочка. — Ну наконец-то! Мы так за вас волновались! Здравствуйте-здравствуйте!

— Вроде бы очнулась, хотя я еще не совсем уверена, — уже куда более своим тембром сказала чародейка, стараясь обуздать непослушные голосовые связки.

Выходило пока так себе, но все же лучше, чем самое первое слово. Воспаления, обычно вызывавшего подобную осиплость, не ощущалось. Складывалось впечатление, что голос исказился с непривычки, будто им некоторое время попросту не пользовались. Потерев рукой горло, женщина снова встретилась взглядом с ребенком.

— А где это я вообще? — невольно спросила Сирелина, весьма оза-

боченная столь насущной мыслью. — Ой, где же мои манеры! — тут же спохватилась она, ощущая неловкость. — Как тебя зовут, милое дитя?
— Илиана, — живо ответила девочка, блеснув глазенками.
— Илиана? — невольно удивилась чародейка. — Какое интересное имя. Нечасто я его встречала, а в южных землях так оно и вовсе редкость.
— Все обычно зовут меня Иля, — уточнила маленькая сиделка.
— А меня Сирелина, — представилась женщина. — Скажи мне, Иля, где я нахожусь? — тут же прибавила она, живо возвращаясь к занимавшему ее вопросу.
— Вы в Нирелине, — сообщила девочка. — Это такой большой красивый оазис далеко-далеко в большой-большой пустыне.
Чародейка ввиду некоторых недавних событий имела представление о том, где находится Нирелин, и кое-что в ее голове наконец-то прояснилось. Ну, уже хорошо что не на том свете и не в Солтенстиле. Еще неизвестно, кстати, что было бы лучше.
— И давно я здесь? — поинтересовалась Сирелина, садясь на постели.
— Почти две недели, — ответила девочка. — Вас привез дядя Захир. Вам было совсем плохо. Все боялись, что вы умрете.
Ситуация прояснилась еще больше. Еще раз ощупав повязку, чародейка быстро сложила два и два. Угодивший в затылок снаряд, судя по всему, едва не отправил зазевавшуюся колдунью к праотцам, но нирелинцам все же удалось ее выходить. Что ж, с этим все ясно. Об остальном, пожалуй, стоило расспросить не ребенка, а кого-нибудь постарше, и желательно самого Захира.
— Послушай, Иля, а… — начала было Сирелина, но тут же закашлялась.
— Давайте я дам вам попить. Это поможет, — сказала девочка, глядя как чародейка старательно растирает горло.
Соскочив со стула, Илиана открыла тумбочку и наполнила стоявший там стакан из находившегося там же графина. Затем, приблизившись к покашливавшей женщине, протянула ей питье. Приняв стакан, чародейка, облизнув сухие губы, сделала небольшой глоток. Жидкость оказалась на удивление освежающей и вполне приятной на вкус, а вовсе не какой-нибудь мерзкой микстурой. Не церемонясь, Сирелина в три больших глотка жадно опрокинула в себя содержимое стакана. За что тут же и поплатилась, едва не подавившись последним глотком, и закашлялась сильнее прежнего. От натуги в затылке болезненно стрельнуло. Поморщившись, чародейка невольно выругалась на колдовском наречии, отчего кончики ее пальцев испустили стайку разлетев-

шихся искорок.
— Дедушка Арбах говорит что так выражаться нельзя, — хихикнула девочка.
— Извини, я случайно, — выдавила из себя Сирелина, чувствуя, как от смущения порозовели уши, а на щеках выступила краска.
— Ой, а ты прямо как фири! — воскликнула Илиана, провожая взглядом исчезавшие искорки.
— Как кто, прости? — окончательно смутилась чародейка, подозревая, что это наименование имеет самое непосредственное отношение к сорвавшемуся ругательству.
— Как фея. Тоже умеешь творить чудеса! — пояснила, чуть подумав, девочка.
— Да, умею, — усмехнулась Сирелина, обрадованная столь приятному против ожидания эпитету. — Только феи существуют лишь в сказках, а я настоящая.
— Вовсе и не в сказках! — насупилась Илиана. — У меня жила одна! Маленькая и шаловливая. С ней всегда было очень весело.
Подняв бровь, чародейка посмотрела на слегка надувшуюся собеседницу. Вроде бы уже достаточно большая, чтобы отличать фантазию от реальности. Впрочем, до скольки лет сама Сирелина верила в чудесных существ?.. Ладно, пожалуй, не стоит разочаровывать девчонку. Успеет еще вырасти. Хотя с играми в воображаемых друзей все же стоит быть поаккуратнее. Главное что с не самым культурным выражением обошлось. Ляпнула тоже! Впредь надо быть посдержанней, а то научишь тут ребенка!.. Чародейка вдруг замерла, удивленно приоткрыв рот от неожиданно промелькнувшей мысли. А как же это Илиана вообще поняла что она сказала, если Сирелина ругнулась на колдовском наречии?! Серьезно озадаченная этим соображением, колдунья окинула девочку долгим оценивающим взглядом и призадумалась.
— Скажи, Иля, а где сейчас твоя фири? — наконец спросила она, решив зайти издали.
— Не знаю, — как-то вдруг сразу огорчился ребенок. — Это было не здесь.
— Не здесь? — удивилась чародейка. — А где же?
В ответ раздалось тихое сопение. Илиана растерянно замолчала, будто силясь что-то припомнить.
— Ты родилась в Нирелине? — вновь спросила Сирелина, хотя уже подозревала, что сие крайне маловероятно.
Девочка определенно отличалась от представителей местных племен, хотя загар и характерная одежда вполне скрадывали эти различия для неискушенного наблюдателя. А уж цвет глаз так и вовсе интриговал немало повидавшую на своем веку колдунью. В ответ

Илиана красноречиво замотала головой.
— А кто твои родители? — пытливо поинтересовалась чародейка.
— Я живу у тети Далины и дедушки Арбаха, — сказала девочка не совсем то, что надеялась услышать собеседница. — Они обо мне заботятся.
Однако такой ответ был достаточно красноречив, чтобы Сирелина быстро сделала кое-какие выводы.
— Давно ты живешь у них? — решила уточнить она. — Сколько тебе лет?
— Семь. Три месяца назад, в мае, был мой день рождения. Так дедушка Арбах говорит, — отозвалась Илиана.
— А кто этот дедушка Арбах? — невольно продолжала чародейка, окончательно сбитая с толку ответами ребенка.
— Он тут самый главный! Он старый, но очень добрый! Он очень добр ко мне, — горячо заговорила девочка. — Он учит меня очень-очень интересным вещам. Он научил меня считать, писать и читать книжки. Я люблю читать! В книжках столько всего интересного!
— А-а! — воскликнула Сирелина. — Так это дедушка Арбах учил тебя колдовскому языку?!
До нее уже дошло, что этот дедушка Арбах — никто иной, как шейх ан-Бакир, неоднократно упоминаемый прежде его сыном, караванщиком Захиром. Надо же! Неужели старик практикует чародейство? Очень любопытно.
— Какому колдовскому языку? — вновь растерялась девочка.
— Ну те… гх-м… некрасивые слова, что я нечаянно сказала. Ты же поняла их? — опять порозовела чародейка.
Лицо ребенка вновь приняло озорное выражение. Прикрыв ладошкой рот, Илиана смущенно захихикала, отведя глаза.
— Разве не дедушка Арбах научил тебя этому языку? — подняла брови Сирелина.
— О чем вы? Чему меня должны были учить? — видимо огорчилась Илиана. — Я не понимаю.
Чародейка тоже переставала что-либо понимать. Разговор шел о совершенно простых вещах, но женщина отчетливо ощущала, что ребенок никак не возьмет в толк о чем его спрашивают. И сама Сирелина теперь соображала ничуть не лучше.
— Но ведь кто-то должен был научить! Иначе как же ты узнала что я сказала? — зайдя в тупик, почти взмолилась Сирелина.
— Но ведь вы же сказали вслух! Почему я не должна была вас понять? — совсем расстроился ребенок, сделав беспомощное лицо.
Чародейка почувствовала себя полной идиоткой. Мучительно напрягая извилины, она хотела растолковать маленькой сиделке, что

подобная речь — явление весьма редкое, которое не встретишь на каждом шагу, и овладеть им, кстати, тоже задача весьма нетривиальная. Но пока она подбирала соответствующие слова, не сводя глаз с загрустившего личика, до Сирелины стало потихоньку кое-что доходить. Старый шейх, даже если бы действительно обучал девочку столь редкой науке, вряд ли наполнял ее лексикон не самыми приличными словечками. Стало быть, это почти наверняка сделал кто-то другой.

— А покажите что-нибудь волшебное! — вдруг попросила девочка, поглядев на женщину так, как в северных краях дети обычно смотрят на наряженную елку.

Выражение лица ребенка было таким восторженно-просящим, что сердце Сирелины дрогнуло. Отказать ей было бы слишком жестоко, хотя после длительного болезненного забытья для чар еще несколько рановато. Улыбнувшись, чародейка поправила сползавший на глаза бинт, удерживавший солидный компресс на затылке. Протянув к девочке сжатую в кулак правую руку, она тихонько, но все же так чтобы было слышно шепнула несколько слов. На мгновение кисть озарилась слабой синей вспышкой, эхом промелькнувшей и в глазах женщины. Когда Сирелина разжала пальцы, на ее ладони сидела, шевеля цветастыми крыльями, красивая бабочка. Чародейка легонько подула на ладонь. Под восхищенным взглядом ребенка бабочка взлетела и сделала пируэт в воздухе. И вдруг их стало две, затем четыре, затем восемь! Всего несколько мгновений — и вокруг Илианы уже порхала целая стайка украшенных золотом, изумрудом и багрянцем крылатых красавиц. Покружив, воздушный хоровод вдруг рассыпался на тысячи маленьких ярких искорок, переливавшихся всеми цветами радуги. Облачко этих искорок, брызнувших во все стороны, с тихим мелодичным звоном оседало вниз настоящим сверкающим дождем. Затем видение исчезло. Вне себя от восторга, девочка вскочила со стула и захлопала в ладоши! Сирелина как-то даже сомлела. Давненько она не баловала подобную публику такими представлениями. Щелкнув пальцами, чародейка вдруг выхватила из воздуха большую красивую розу с голубыми лепестками. В природе подобные цветы отсутствовали, но, в отличие от бабочки, этот цветок отнюдь не был иллюзорным. Просто существовать он мог только в колдовских садах, откуда его и призвала Сирелина. И в обычных условиях существовал всего лишь около суток, после чего бесследно развеивался крохотными невзрачными крупинками.

— Держи, — сказала чародейка, протягивая цветок засиявшей счастьем девочке, не забыв упомянуть про особенности цветка.

Схватив чудесный сувенир, Илиана, казалось, забыла про все на

свете.
— А что, тот кто научил тебя моему языку так не может? — не удержавшись, бессовестно спросила Сирелина, немедленно устыдившись собственному коварству.
— Ой, я же должна была позвать кого-нибудь! — воскликнула вдруг вместо ответа Илиана, звучно хлопнув себя ладошкой по лбу и явно собираясь ретироваться.
— Иля, постой!.. — протянула руку чародейка.
— Я сбегаю позову дедушку Арбаха! Вам лучше поговорить с ним! — пояснила девочка, оказываясь уже у выхода.
Через распахнувшуюся дверь в комнату проник широкий поток солнечного света, запах свежей травы и готовившихся где-то лепешек. Одним прыжком Илиана, не забыв прихватить голубой цветок, скрылась за порогом.
— Я очень рада что вам уже лучше! — донесся уже откуда-то снаружи ее звонкий голос.
Дверь захлопнулась.

* * *

Сирелина прожила в оазисе неделю. Шейх наотрез отказался отпускать чародейку пока она как следует не станет на ноги. Та, впрочем, и сама понимала, что переход через пустыню лучше делать в добром здравии, а посему дала себя уговорить.

Рана у женщины действительно была более чем серьезная. Если бы пущенный из пращи снаряд не прошел чуть по касательной, то чародейка, скорее всего, оказалась бы с раздробленным черепом и скончалась на месте еще там, среди Желтых холмов. Тем не менее, он все равно сильно и опасно травмировал оплошавшую Сирелину. Доставшие ее двое бандитов далеко не ушли. Не успели караванщики с испуганными криками броситься на помощь рухнувшей на землю чародейке, как младший из сыновей Захира, высокий темноволосый юноша, уже натягивал свой лук. Быстро сориентировавшись что произошло, он в мгновение ока взял на прицел разбойников и одного сразил наповал прежде чем тот успел пошевелиться. Другой юркнул за камень, надеясь укрыться от меткого лучника, а затем попытался убежать, но юноша, выхватив клинок, ринулся ему на перехват, догнал, и короткая схватка стала для бандита последней. К сожалению, незамедлительно последовавшее возмездие помочь лежавшей без сознания Сирелине никак не могло.

Возник острый вопрос что дальше. Худшее, что теперь могли сделать нирелинцы, наголову разгромившие убийц без единой по-

тери, это допустить гибель своей спасительницы. Осмотревшая чародейку знахарка констатировала, что рана очень серьезная. Кто-либо из знахарей всегда сопровождал караван в походе, и сейчас присутствие опытной целительницы оказалось как нельзя кстати. Огромная кровавая шишка уже начинала отливать зловещим оттенком, и если она станет разрастаться и дальше, то ее давление почти наверняка убьет несчастную жертву. Особенно если предположить внутреннее кровоизлияние и трещины в кости. Не теряя ни минуты, пожилая женщина хорошенько промыла рану, для чего пришлось осторожно остричь волосы на затылке. Затем с ловкостью профессионального аптекаря изготовила все, что только было в ее возможностях. Наложенный компресс остановил разраставшуюся опухоль тканей, а мази должны были сдержать попадание инфекции и воспаление. К сожалению, теперь знахарка могла лишь по мере сил поддерживать состояние пребывавшей в глубоком беспамятстве пациентки, надеясь на лучший исход, и что ту успеют доставить для оказания более серьезной помощи не слишком поздно.

Вариантов было негусто. Впереди, за Желтыми холмами и небольшим отрезком степи, начиналась пустыня. Далеко позади остался Далабад — небольшие поселения в расчет, разумеется, не брались. И в ту и в другую сторону идти было примерно одинаково, но если по дороге к Нирелину единственным препятствием служили жаркие пески, то отправившись назад вполне можно было столкнуться не только с уцелевшими разбойниками, но и людьми хана. Знахари оазиса могли оказать Сирелине нужную помощь, а вот возможности лекарей Далабада нирелинцам были заранее неизвестны. Безусловно, в таком городе наверняка нашлись бы и опытные врачи, но пока найдешь нужного, да еще доверенного... Чародейка была не простой пациенткой, и можно было не сомневаться, что при неожиданном возвращении в Далабад караванщикам, учитывая все обстоятельства, будет гарантировано самое пристальное внимание. Захир осознавал, что ему требуется принять одно из самых мучительных решений. И если он ошибется в выборе, то, скорее всего, вобьет решающий гвоздь в гроб спасшей их всех женщины. И лучше бы ему думать поскорее, потому что время теперь было на вес жизни. Скрепя сердце, караванщик отдал приказ. Одного из верблюдов живо разгрузили, переложив поклажу на других животных, а для чародейки соорудили как можно более комфортное подобие седла, где она могла по мере возможности хоть как-то полулежать всю дорогу. Дабы она, упаси небо, не упала, Сирелину на всякий случай дополнительно прикрутили к верблюду тканями и волосяными арканами, после чего караван

резво припустил к Нирелину.

Переход через пески занял раза в полтора меньше времени, чем обычно. Подгонять никого не требовалось — все понимали чем и кому они обязаны, и поспешали изо всех сил, делая для отдыха лишь минимально необходимые привалы. От жара песков чародейке лучше точно не становилось, зато знахарка с тревогой наблюдала, как пациентка видимо угасает, охваченная жаром и лихорадкой. Целительница делала все возможное, чтобы облегчить страдания Сирелины, но предупредила Захира, что времени у них остается все меньше. Последний день караван бежал так, что по прибытии в оазис люди и животные просто валились с ног от усталости. Уже едва дышавшую чародейку отнесли к знахарям, которые немедленно принялись за дело.

Шансов на благоприятный исход было мало. Рана была слишком серьезной, а своевременно не проведенное лечение лишь осложнило ситуацию. Изнурительная жара песков и все-таки проникшая и распространявшаяся инфекция сказались весьма плачевным образом. Знахари сделали все, что только могли, окружив пациентку самым тщательным уходом, но теперь им оставалось лишь ждать сумеет ли организм чародейки выкарабкаться, или же случится худшее.

Здесь, задолго до своего выздоровления и прихода в сознание, Сирелина, еще сама того не ведая, впервые встретилась со светловолосой девочкой. Начитавшись книжек шейха про всякие растения, Илиана последнее время частенько бывала у целителей, на практике изучая почерпнутые с пожелтевших страниц знания. Шейх это дело всячески поощрял. Пасти скот, даже не принимая во внимание необычные способности сиреневоглазой девочки, все-таки может каждый, а вот хороший врач — большая редкость. Поэтому если невероятно быстро учившаяся малышка проявит талант на данном поприще, то для Нирелина это будет очень ценным приобретением. Освободив ребенка от текущих обязанностей, ан-Бакир передал ее знахарям. Илиана, взяв на себя заботу присматривать за едва живой женщиной, подолгу от нее не отходила, часами просиживая подле ее постели. Маленькая сиделка старалась на совесть, и взрослые быстро убедились, что ей вполне можно доверить уход за больной. Порой даже казалось, что присутствие девочки сказывается на ней благотворным образом. Илиана практически поселилась у своей новой подопечной, учась у взрослых знахарской премудрости прямо на месте и большую часть остального времени трогательно ухаживая за лежавшей в беспамятстве женщиной. И в один прекрасный момент в состоянии Сирелины наконец-то наступил долгожданный перелом, и перелом к

лучшему, а затем она быстро пошла на поправку. И поправилась настолько быстро, что удивленные знахари только руками разводили, приписывая такие чудеса исключительно собственной чародейской сущности пациентки.

Илиану, понятное дело, не стали посвящать в кровавые подробности дела, равно как и в персональные особенности Сирелины. Ей лишь сказали, что эта тетенька очень помогла дяде Захиру и всем караванщикам, и все нирелинцы теперь ей очень обязаны. Это ли повлияло на неподдельное участие новоиспеченной сиделки, непривычный ли глазу облик хоть и сильно осунувшейся, но все еще по-особенному привлекательной гостьи, или же просто природная доброта ребенка — кто его знает? Только Илиана с самого начала проявляла к сильно пострадавшей женщине искренние внимание и заботу, и в итоге не удивительно что оказалась первой, кого чародейка увидела, открыв глаза.

Пребывание в Нирелине разрешило для Сирелины кое-какие вопросы, однако добавило и загадок. Шейх оказался весьма разумным и приятным в общении стариком, далеким от сварливости и маразма, что для его возраста уже было бы достаточно ценным качеством. Именно с ним она проводила большую часть бесед, интересуясь жизнью в оазисе и рассказывая ему кое-что из того, что повидала сама. Само собой разумеется, не обошли эти беседы ни причину, по которой судьба столкнула чародейку с нирелинцами, ни с каждым днем все больше занимавшую Сирелину девочку Илиану. Тем более что однажды две эти темы последовательно переплелись. Обладавшая хорошей памятью чародейка потом неоднократно воскрешала тот долгий ночной разговор перед внутренним взором, будто все пыталась отыскать нечто неуловимо ускользавшее от ее пытливого взора.

Других чародеев в Нирелине не было. Других — это кроме самой Сирелины, вместе со старым шейхом как-то весь вечер прозанимавшейся с маленькой ученицей. Ан-бакир, несомненно, обладал довольно неплохими познаниями в самых разных областях, что для шейха, ответственного за родовой оазис, было весьма не лишне. Вместе с тем ни чародейское искусство, ни что-либо с ним связанное к ним явно не относилось. Общее его представление о роде занятий Сирелины у шейха, к счастью, оказалось получше, нежели у простого обывателя, но на этом все и ограничивалось. В Нирелине колдовство не практиковали. Его не сторонились, как это обыкновенно случалось на Большой земле, но и не поощряли. Колдовства в оазисе просто не было. Избавленные от многих укоренившихся предрассудков, нирелинцы относились к необычной гостье вполне доброжелательно, но Сирелина не могла поручиться,

что эта доброжелательность не происходила исключительно из особенностей ее знакомства с караваном Захира. В итоге в радушном приеме ничего удивительного не усматривалось ровно настолько же, насколько в оазисе отсутствовали следы какого-либо присутствия чародейства. Что, в свою очередь, возвращало Сирелину к живо занимавшему ее вопросу о светловолосой девочке. Когда Илиана отправилась к заждавшейся ее Далине, чародейке лишь оставалось проводить ребенка долгим задумчивым взглядом.

— Ну, что скажете? — спросил шейх гостью, когда шаги девочки стихли где-то снаружи.

— По правда говоря, прежде мне не доводилось видеть ничего похожего, — отозвалась Сирелина, прекрасно поняв что подразумевал старик.

Пользуясь удобным случаем, она по просьбе шейха взглянула на медальон Илианы, который та так и носила не снимая с тех пор, как очутилась в Нирелине. Ан-Бакир справедливо рассудил, что у немало повидавшей странницы, да еще опытной чародейки в придачу, на сей счет могут оказаться какие-либо соображения. Увы, его надежды не оправдались. Как ни всматривалась Сирелина в красивый диск из белого металла с крупной кроваво-красной каплей рубина, как ни изучала затейливый узор на его обратной стороне, а в памяти так ничего и не всплыло. Медальон казался обычной искусно сделанной драгоценной безделушкой, и если бы не случай с колдовским наречием, то чародейка именно так бы и посчитала. Теперь же ей самой очень хотелось найти хоть какую-нибудь подсказку, способную пролить свет на происхождение девочки, и Сирелина никак не могла определить: означенный медальон действительно имеет некое значение, или ей просто очень хочется так думать.

— Очень жаль, — огорчился старик. — Я надеялся, что с вашим опытом вы могли бы что-нибудь подсказать.

— Что-нибудь я, вне всяких сомнений, подскажу обязательно, — успокоила чародейка. — Просто на данный момент мне, увы, ничего не приходит в голову. Это может быть и семейная реликвия, и простое, пусть и ценное, украшение. Возможно, даже какой-нибудь оберег. Возможно — потому что тот кто дал его девочке вполне мог оказаться куда менее искушенным человеком и попасться на удочку шарлатана. Ибо в одном я уверена точно — в этой штуковине я не чувствую каких-либо чар. Что же касается остального, то по прибытии в мой орден я обязательно посоветуюсь с сестрами и покопаюсь в наших обширных архивах. Возможно там мне удастся отыскать какой-нибудь след. Только чем больше я буду к тому времени знать, тем лучше, дабы одним махом прибить

сразу несколько зайцев, фигурально выражаясь. А посему у меня к вам имеется встречный вопрос.
— Да? И какой же? — прищурился шейх.
— Я все старалась допытаться у вас откуда безотлучно проживающий в далеком уединенном оазисе ребенок может знать колдовскую речь, — пустилась в объяснения Сирелина. — Вначале я вам, откровенно говоря, попросту не поверила, когда вы заявили, что в Нирелине чародейским даром никто не наделен и в этой науке не разбирается. Даже чудеса имеют свои пределы, — поверьте, уж я-то знаю. Однако позже я пришла к выводу, что вы ничуть не лукавили. Нескольких дней в оазисе для меня оказалось достаточно, чтобы определить практически полное отсутствие колдовства, не считая жалких потуг пары-тройки женщин мнящих себя ворожеями. А вот чего я на фоне этого действительно изначально упустила из виду, так это вашу подозрительно невозмутимую реакцию. Как-то уж вы, уважаемый шейх, больно спокойно отреагировали тогда на мои слова, и у меня возникло ощущение, что в отношении Илианы вам нечто подобное уже доводилось замечать и прежде.
— Как я понимаю, это и есть вопрос, — усмехнулся старик. — Что ж, вы правы. Сообщенное вами меня действительно удивило не так, как могло, ибо я уже имел удовольствие изумляться несколько ранее. За пару месяцев до… э-эм… вашего знакомства с моим сыном Захиром в Нирелине побывали послы небезызвестного вам Гийюра ад-Сейдина. Порой они общались между собой на старинном наречии Железных земель, особенно находясь в неофициальной обстановке. Трудно упрекнуть гостей в том, что они говорят на родном языке, если те всего лишь беседуют друг с другом. Я бы и не подумал ничего дурного, кабы не Иля. Уже после их отъезда она вдруг с самым серьезным видом заявила мне, что это плохие люди и она рада что больше их не увидит. Первой частью ее слов я не был озадачен. Девочке ханские послы и прежде не особо нравились, тем более что она уже давно заприметила: их визиты действуют на меня не самым лучшим образом, хотя, казалось бы, мне вполне неплохо удавалось это скрыть. Известный интерес вызвала вторая. Пожурив любимую воспитанницу за непочтение к гостям, правда, совсем немного, ибо в целом наши мнения оказывались схожи, я полюбопытствовал почему она вдруг решила что теперь их не увидит. Тут-то Иля меня и огорошила.
Шейх немного помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли просто подыскивая подходящие слова. Затем заговорил снова.

В день отъезда послов вблизи от официальных провожающих находились и многие жители Нирелина. В жизни уединенного оа-

зиса не так много гостей и развлечений, чтобы они могли игнорировать подобные события. Да и в добрых традициях нирелинцев оказывать гостям знаки внимания и радушия. Была там и Илиана. Еще бы шейх ее не заметил: девочка, пользуясь большим стечением народа, ловко пристроилась рядом с любимым дедушкой Арбахом, чуть позади полы его парадного одеяния. Ан-Бакир не стал ее прогонять, благо что и без того не шел наедине с гостями в гордом одиночестве. В присутствии Илианы ему становилось как-то светлее на душе, а посему он был даже рад появлению воспитанницы. Шейх проводил гостей до самых ворот, ведя с ними вежливую беседу, где и распрощался. Послы отправились своей дорогой, ворота закрылись, а жители оазиса разошлись по своим делам. Ан-Бакир отлично помнил содержание прощального разговора. Возможно не до последнего слова, но уж точно общую суть. И несколько весьма примечательных фраз он точно не сумел бы пропустить мимо ушей. В частности о том, что послы приезжали в последний раз, а старый козел теперь сполна получит за свое упрямство.

Пересказав дедушке Арбаху слова низенького толстого гостя в красном наряде, адресованные им своему важному спутнику в черном, Илиана тут же спросила о каком таком старом козле шла речь? Она любит всех своих животных и никого из них в обиду не даст! Ребенок по простоте душевной воспринял услышанное буквально, и его в первую очередь обеспокоило рогатое поголовье оазиса. Ан-Бакир, разумеется, в подобном заблуждении не оказался, и прекрасно понял о ком именно шла речь. Илиану, само собой, просвещать на сей счет не стоило, однако как следует разобраться в ситуации следовало немедленно. Шейх доверял девочке. Та не отличалась дурными качествами, и лживость, клевета и зависть успешно обходили ее стороной. Старик не мог допустить что Илиана все это зачем-то придумала, но, возможно, она просто что-то не так поняла или напутала. Стараясь не давить на девочку, чтобы та, чего доброго, не подумала что ее в чем-то подозревают или упрекают, шейх осторожно стал расспрашивать Илю о подробностях.

Картина в итоге получилась крайне занимательная. Илиана слышала все это во время проводов, находясь подле шейха, то есть тогда, когда он и сам обязан был не пропустить мимо ушей нечто подобное. Как же так вышло, что столь примечательное заявление минуло его восприятие? Очень просто. Гости в этот момент говорили между собой на родном наречии, которого никто в Нирелине не знал. Собственно, удивляться этому не приходилось, потому что даже в Железных землях оно постепенно выходило из

употребления, в основном оставаясь лишь в форме названий и девизов. Хорошо владели им лишь знать и придворные, а большинство граждан ограничивалось сравнительно небольшим словарным запасом. Для благородного сословия наречие Железных земель было не столь обязательным, сколь отличительным атрибутом, свидетельством их особенного положения и культурного развития. Остальные же все больше прекрасно обходились общепринятым языком, еще издавна распространившимся по всем южным странам. А за пределами Железных земель знатоков их древнего наречия было, разумеется, и того меньше. И Нирелин на этом фоне не стал исключением, о чем послы, между прочим, были прекрасно осведомлены еще со времен самого первого визита.

Последние сомнения у старика развеялись когда Илиана подробно описала момент. Ан-Бакир и послы как раз расшаркивались у ворот. Шейх в очередной раз попросил передать хану Гийюру свое глубокое почтение и благодарность за столь лестное внимание к его скромной особе, а так же клятвенное обязательство исполнить все то, о чем он собственноручно сообщил во врученном письме. Послы властелина Железных земель в оазисе всегда желанные гости, и в следующий раз их постараются встретить еще лучше, чем прежде. Как раз тогда, ответив на церемонный поклон, низенький гость в красном с самым приветливым лицом и изрек те самые слова. Изрек, чуть наклонив голову, своему спутнику в черном, будто просто сообщил какую-то незначительную мелочь. В частности, что послов здесь больше никто не увидит, а старый козел сполна заплатит за свое упрямство. Только вот ан-Бакир отлично слышал, что оба посла плюс командир их стражи обменялись несколькими репликами на родном языке, после чего, откланявшись и произнеся церемонные речи прощания, вышли за ворота к уже поджидавшим их воинам сопровождения и покинули оазис.

Илиана и второй раз повторила сказанное достаточно точно, а незначительное расхождение в некоторых словах было вполне естественным. Передавая правильно общий смысл, люди склонны использовать синонимы или даже менять порядок слов, зачастую сами того не замечая. При этом девочка без всякой задней мысли сообщила шейху и кое-что новое, шедшее из уст как гостя в черном, так и рослого воина в остроконечном шлеме и кольчуге с эмблемой красной саламандры. Она расслышала плохо, потому что гости уже уходили, но даже обрывки этих фраз шейха отнюдь не обрадовали. Для Илианы они ничего не означали, а вот для старика — совсем другое дело.

Поскольку выдумывать девочке было совершенно незачем, не

говоря уже о том, каким образом развивалась столь необычная история, ан-Бакиру оставалось сделать лишь один простой вывод: его воспитанница отлично понимала старинный язык Железных земель. Весьма примечательная особенность, надо сказать, в силу чего начинало напрашиваться и не более сложное умозаключение: Илиана, кем бы она ни была, скорее всего оттуда и родом. И предположение это казалось вполне разумным, если бы не одно странное обстоятельство, в котором крылась какая-то неразрешимая загадка.

— И какая же это загадка? — не выдержала Сирелина, когда шейх что-то уж больно надолго умолк.

— Видите ли в чем дело, — вновь неторопливо заговорил старик. — В Нирелине чужаки бывают редко, и общаемся мы здесь все на общем языке. Прежде просто не возникало подобной ситуации. Я уже упоминал, что девочка ничего не помнит вплоть до того момента, как ее нашел Захир, а посему все ее знания ограничиваются тем, что она почерпнула уже в Нирелине. Исключая, разумеется, наш общий язык, на котором Илиана заговорила сразу, как только ее стали расспрашивать, и говорит до сих пор. И прежде ничто не указывало на то, что ей знакомы еще какие-то наречия. Возможно, дремлющее в глубинах ее памяти высвобождается наружу лишь под влиянием какого-то провоцирующего события. И именно такой я поначалу и сделал вывод.

— Разумно, — кивнула чародейка. — Однако?..

— Да, однако, — усмехнулся шейх. — Я не буду утомлять вас долгими рассказами о своих осторожных экспериментах с памятью девочки. Столь важное открытие просто не могло оставить меня равнодушным, и я приложил немало усилий, дабы разобраться в чем тут дело. Перейду сразу к сути. Как бы это ни казалось невероятным, но если предположить, что Илиана действительно знает язык Железных земель, то одновременно с этим приходится констатировать, что сама она на нем не может сказать ни слова.

Сирелина, слушавшая навострив уши, изумленно подняла брови. Ан-Бакир даже не смог сдержать улыбки, глядя на выражение лица чародейки, и теперь позволил себе немного насладиться созданным моментом.

— Но это невозможно! — развела руками Сирелина. — Если человек понимает какой-то язык, то он хоть как-то на нем да говорит! Пусть коряво, пусть невпопад, но слова все-таки произносит. Хоть какие-то слова!

— То-то и оно, — кивнул старик. — А я вот как ни бился, а так и не смог вытянуть из Или ни словечка. Ни единого.

— Значит, и наречие Железных земель ей неизвестно, — пожала

плечами чародейка. — А вас она все же зачем-то ввела в заблуждение. Не исключаю, что отнюдь не из плохих побуждений.
— Так же как и вас? — хитро прищурился шейх.
— В каком смысле? — не поняла Сирелина.
— С вашим колдовским наречием, — пояснил шейх. — Согласитесь, вас на этом поприще провести куда сложнее, чем доверчивого старика.
Очевидность аргумента заставила чародейку замолчать, озадаченно потирая лоб. Возразить, действительно, было нечего. Только в итоге начинала вырисовываться какая-то совершенная ахинея. Все попытки быстро найти подходящее объяснение столь же быстро обернулись провалом, потому что постоянно натыкались аккурат на случай с самой Сирелиной, с которым она, собственно, и приходила к хозяину дома.
— Нет, здесь все куда сложнее, — сказал ан-Бакир. — Мне на ум пришло одно соображение, хотя я не могу объяснить ни его природу, ни что-либо еще. Это и есть та загадка, о которой я упоминал.
— Поделитесь со мной? — не скрывая любопытства, спросила чародейка, на время отложив попытки вывихнуть себе мозговые извилины.
— Разумеется, — кивнул старик. — Потому что именно с вами мне и захотелось поделиться. И отнюдь не потому что больше особо и не с кем.
— Итак? — заерзала Сирелина.
— Я думаю, Илиана не отдает себе отчета в том, что гости говорили на другом языке, нежели люди в Нирелине. Она просто не понимает разницы, — изрек шейх, сложив перед собой пальцы. — И в случае с вами, как я понимаю, все произошло точно таким же образом.
Чародейка призадумалась, взвешивая в уме версию ан-Бакира. Несмотря на изначально кажущееся несостоятельным предположение, она все же находила в нем возможные предпосылки. Из-за потери памяти ребенок действительно мог не видеть разницы между разными языками, если те дремали глубоко в недрах его подсознания. Люди говорили, и он просто понимал, если их речь некогда была ему знакома. Вместе с тем в своей новой жизни девочка ни разу не сталкивалась с лингвистическими отличиями, и никто попросту не научил ее логической разнице между одним языком и другим. Равно как и факту что сказанное одним человеком может быть совершенно непонятно другому, даже если отлично известно ей самой. Говоря иначе, одно и то же слово на трех разных языках для нее было попросту синонимами. В редких случаях такое впол-

не возможно, во всяком случае, как минимум теоретически. Несколько хромала практика. Несмотря на все усилия, Ан-Бакиру так и не удалось добиться от Илианы ни одного словечка на языке Железных земель. Допустим, та действительно не в состоянии определить какой из возможных "синонимов" — нужный. Но ведь должна же она употреблять хотя бы изредка незнакомые окружающим слова. Кстати!..

— В первый день Иля назвала меня фири, — сказала вдруг Сирелина. — Я не поняла о чем она, но девочка уточнила, что это означает "фея". Получается, это была не оговорка или выдуманное выражение, а слово на каком-то другом языке!

— Вот как? — удивился, оживляясь, шейх. — Это очень и очень любопытно!

— Вы прежде не слыхали от нее ничего подобного? — спросила чародейка.

— Еще как слыхал! Даже взял себе за хобби записывать ее необычные слова. Вот только впервые Иля сумела точно пояснить что имела в виду. До сих пор попытки расшифровать смысл сказанного выходили у нее не лучшим образом, — объяснил старик. — Я думал, что так она передает свое впечатление. Я бы тоже испытал затруднение, если бы мне предложили одним словом на общем языке описать игру света и красок на закате.

— Кстати, она сказала что прежде у нее жила фея, — добавила чародейка, припоминая тот разговор. — Только не уточнила где это было. Сказала лишь что не здесь, то есть не в Нирелине. Возможно, это всего лишь плод ее воображения, а возможно в сознании ребенка таким образом сохранились воспоминания о другой чародейке.

— Потрясающе! — всплеснул руками старик. — До сих пор никому не удавалось извлечь из памяти Или никаких воспоминаний! — пояснил он свое растущее изумление собеседнице. — Вы уже второй раз за наш разговор поражаете меня новостями о моей воспитаннице. Может быть, есть еще что-то, что она вам открыла?

— Увы, нет, — покачала головой Сирелина. — Я-то как раз надеялась выяснить у вас где было это "прежде", однако теперь понимаю, что вы знаете об этом не больше моего.

Огладив бороду, шейх вдруг встал с кресла, прошел к книжному шкафу и, порывшись в лежавших там свитках, извлек один из них, после чего вернулся к столу и расстелил на нем прихваченный предмет. Это оказалась весьма недурно изображенная карта. Некоторые неточности, бросавшиеся в глаза Сирелине, скорее всего объяснялись давним возрастом документа, а не дурными познаниями составителя.

— Мы вот здесь, — ткнул пальцем ан-Бакир придвинувшейся поближе собеседнице. — Здесь Далабад. Вот этим путем шел караван Захира…

Возросшее доверие старого шейха к чародейке подвигло его поведать ей прежде умалчиваемые детали. Не то чтоб он подозревал случайную гостью в дурных намерениях либо же неблагонадежности — отнюдь. Просто у него не входило в привычку откровенничать с первым встречным, пусть даже хорошо себя зарекомендовавшим, особенно о важных для него вещах. А посему лишь этим вечером он решил рассказать Сирелине то, чего еще не говорил прежде. По здравому рассуждению он пришел к выводу, что если кто-то и может ему помочь пролить свет на историю Илианы, так это наделенная чародейским даром немало повидавшая женщина. Не говоря уже о том, что и самой Иле она нравится, а ее отношение для шейха давно уже стало своеобразной лакмусовой бумажкой.

Сирелина внимательно слушала ставший очень подробным рассказ, наполненный прежде неизвестными ей деталями, неотрывно следя за перемещениями пальца старика по разложенной на столе карте. До сих пор ан-Бакир обычно ограничивался общими сведениями, не вдаваясь в живописные подробности. Теперь же, видимо, он решился поведать чародейке все без утайки, и ей стоило как следует воспользоваться его доверием.

— Вот здесь Захир и его люди нашли Илиану, — подытожил шейх, еще раз обозначив точное место. — Мой сын весьма толковый малый и ко всему подходит основательно. Он сделал точные астрономические замеры, поэтому в координатах можете быть совершенно уверены. Именно здесь открылись необычные развалины, в центре которых каким-то непостижимым образом очутилась совершенно одинокая девчушка. Есть какие-нибудь соображения?

Сирелина озадаченно изучала карту. Сплошная безжизненная пустыня, раскинувшаяся во все стороны, с изредка встречавшимися чахлыми островками жизни, в сравнении с которыми Нирелин был настоящим рогом изобилия, да и то встречавшимися в основном в северной и восточной части. На юг и запад — одни лишь пески. Насколько чародейка помнила, все известные ей карты в данном случае оказывались вполне единодушны: тут всегда была пустыня без каких-либо признаков цивилизации и вообще жизни. Описываемые же ан-Бакиром руины вообще никак не соответствовали истории этих мест. Какие-нибудь глиняные мазанки еще туда-сюда, но чтобы дворец!.. А, судя по рассказам, ничто другое под живописный рассказ просто не подходило.

— Самой бы взглянуть, — пробормотала Сирелина, потирая пере-

носицу.
— Извольте, — предложил шейх.
Естественное недоумение чародейки быстро прошло, когда старик положил перед ней осколок какого-то камня. Его можно было бы назвать черным, кабы в свете яркой лампы его сколотые грани не отливали насыщенным фиолетовым цветом.
— Захир отдал его мне. Прихватил там, где нашел девочку, — пояснил ан-Бакир. — По его словам, руины в основном состоят из этого материала.
Взяв осколок, Сирелина повертела его в руках, то приближая к глазам, а то отдаляя вновь. Неровные грани красиво переливались, отражая падавший на них свет.
— Вы знаете что это? — поинтересовался шейх.
— Разумеется, — кивнула чародейка. — Это обсидиан. Довольно необычный цвет, но, тем не менее, это он. Только Захир что-то напутал. Обсидиан — достаточно хрупкий камень с высокой степенью износа. Для красоты или как тонкий резец он вполне может использоваться, а вот для серьезной постройки — вряд ли. Должно быть, этот кусок откололся от какого-то декоративного элемента того же цвета что и внешние стены. Лепнины, например.
Хитро прищурившись, старик выудил с полочки из-под стола довольно увесистый молоток для колки орехов и протянул его чародейке.
— Это зачем? — подняла бровь Сирелина.
— А вы попробуйте отколоть от него хоть кусочек, — предложил ан-Бакир. — Только карту отодвиньте, чтобы не попортилась. Смелее, прошу вас.
— Ну, если вам не жалко, — пожала плечами женщина, подозревая какой-то подвох, но ни секунды не сомневаясь в своем заключении.
Снова внимательно осмотрев осколок, она сдвинула карту в сторонку, высвобождая место, положила перед собой кусок обсидиана и с размаху долбанула по нему молотком. Мигом отлетевший в сторону камень вдребезги разбил стоявшую в сторонке расписную глиняную вазу. Вскочив, чародейка смущенно забормотала извинения.
— Да шут с ней, с вазой, еще сделаем. Вы камень подберите, — огладил бороду старик.
Отыскав обсидиан среди валявшихся на полу осколков, Сирелина вернулась в свое кресло с весьма озадаченным выражением. Обсидиан не то что не раскололся — на нем не было ни царапины. Недолго думая, чародейка хватила его молотком еще раз и хорошо что не попала вновь отрикошетившим осколком в хозяина дома,

который продолжил дальнейшее наблюдение прикрывшись подушкой. Распалившаяся Сирелина, не веря своим глазам, еще какое-то время всячески пытала упорно не желавший поддаваться обсидиан до тех пор, пока шейх не взмолился оставить попытки разгромить его скромное жилище. Немного запыхавшаяся от усердия чародейка отложила в сторону инструмент и принялась изучать загадочный камень куда более пристально.
— Вот и мы не смогли отколоть от него ни кусочка, как не старались, — заметил ан-Бакир, видя, как посерьезнело лицо собеседницы. — С ним сладить оказалось куда сложнее, чем с вазой.
Оценив замечание старого шейха, Сирелина, не отрывая взгляда от обсидиана, протянула в сторону глиняных останков правую руку. Сделав кистью движение снизу вверх, она затем описала ей три четверти окружности по часовой стрелке, одновременно разворачивая ладонь так, что вначале к потолку была обращена внешняя ее сторона, а в конце внутренняя. Губы Сирелины шевельнулись, а пальцы чуть осветились синим. Рассыпавшиеся там и сям черепки пришли в движение. Приподнимаясь в воздух, они завертелись в плавном хороводе, приближаясь друг к другу, а затем в какой-то момент вдруг стали слипаться в единое целое. Всего несколько секунд — и на глазах завороженного этим зрелищем шейха ровно там же где и была объявилась целехонькая ваза.
— Впечатляет, — изрек ан-Бакир, поглаживая бороду.
— А, пустяки, — отмахнулась чародейка. — Вот что действительно впечатляет, так это ваш обсидиан.
— Несмотря ни на что все же полагаете, что это он? — осведомился шейх.
Сирелина помолчала, размышляя. Собеседник не торопил, спокойно ожидая ответа.
— Думаю, да, — наконец сообщила чародейка. — Это все-таки обсидиан. И, признаться, это меня немного беспокоит.
— Почему? — удивился старик.
— Потому что только некая очень могущественная сила сделала его таким. И только еще более могущественная смогла разрушить, — задумчиво пояснила Сирелина, не сводя глаз с игравших фиолетовым граней темного камня.
— Вы думаете что это?..
— Чары, да, — кивнула женщина. — Причем такие, на которые, насколько мне известно, не способен никто из ныне живущих. Способность менять саму суть вещей, свойства материи — упоминания об этом можно встретить только в древних летописях. Признаться, я удивлена до глубины души и мне уже не терпится поведать обо всем сестрам.

— Вы простите мне мой интерес, если я спрошу кто эти сестры, о которых вы иногда говорите? — ненавязчиво осведомился ан-Бакир.
Чародейка вкратце поведала шейху о своем ордене. Никаких особенных секретов она не сообщила, ограничившись в основном общеизвестными сведениями. Просто позволила себе отделить правду от вымысла и изложить все куда точнее. В конце концов, надо же и со своей стороны проявить вежливость к поделившемуся с ней любопытными вещами хозяину дома.
— Если ваши сестры все такие же молодые и сильные как вы, то это, должно быть, крайне интересное место, — заключил старик, дослушав гостью. — Вам на вид лет тридцать пять, не больше, а судя по рассказам Захира, свое дело вы знаете.
Сирелина улыбнулась уголком рта, сверкнув озорными искорками в глубине глаз. По силе до старших чародеек ей еще расти и расти. Что же касается возраста, то лучше, пожалуй, тоже промолчать, дабы почем зря не смущать седовласого старца.
— У меня к вам тоже остался вопрос, если позволите, — сказала она, решив, что настал подходящий момент, тем более что остальное уже так или иначе обсудили. — Раз уж разговор об Илиане затронул Железные земли, может быть, вы мне на этот раз все-таки скажете, чего это от вас понадобилось ад-Сейдину?

* * *

С Илианой чародейка увиделась на следующий день после своей ночной беседы с шейхом, продлившейся аж до самого рассвета. Гуляя по берегу озера, Сирелина задумчиво наматывала на палец выбивавшиеся из-под косынки длинные светлые волосы. Косынку она носила потому, что выбритый затылок выглядел не очень-то привлекательно, хотя волосы, надо отдать им должное, отрастали на изумление быстро на практически полностью затянувшейся ране. Чудеса да и только, хотя применительно к чародейке само это слово вообще смахивало на каламбур. Не иначе как воздух в этом оазисе такой целебный, ибо как хорошо и спокойно ей дышится у прозрачных голубых вод под сенью высоких шелестящих раскидистыми листьями пальм. И думается отлично. А подумать-то ей после вчерашнего было о чем, благо что старый шейх наконец-то соизволил поговорить с Сирелиной по душам обо всех занимавших ее вопросах. И уж касательно девочки с сиреневыми глазами он точно поделился с ней всем, чем только мог. Фактически следующий ход теперь за самой чародейкой. Настал ее черед собирать информацию и находить ответы. Разумеется, вряд ли

она осилит большую их часть до возвращения в орден, но кое-что, пожалуй, и сейчас в ее силах. А уж одно-то соображение и вовсе проверить легче легкого, едва только удастся хоть немного пообщаться с Илианой.

Сирелина уже подумывала сходить и проведать маленькую подопечную старого шейха, как та вдруг сама объявилась неподалеку, со звонким смехом плюхнувшись в озеро и подняв тучи алмазных брызг. Близилось обеденное время и целители, закончив урок, отпустили Илю восвояси. Недолго думая, девочка отправилась купаться, прихватив двух подружек. И теперь маленькая компания с визгом резвилась неподалеку от присевшей у кромки озера чародейки. Вытянув ноги и шевеля кончиками пальцев в прохладной воде, Сирелина через прорехи в кустарнике наблюдала за детьми. По правде говоря, ей было совсем неохота вставать, нарушая установившуюся умиротворенную гармонию, растекавшуюся по всему телу. Теплый белый песок, весьма приятный на ощупь, напоминал далекие тропические пляжи, а омывавшая ноги вода изумительно охлаждала ступни, ввергая в соблазн так и просидеть в тени пальмы до самой ночи. Полулежавшая на локте чародейка из-под опущенных век по-кошачьи лениво поглядывала на плескавшихся девчушек примерно одного возраста. Порыжевшие от солнца волосы Илианы да сиреневые глаза — вот, пожалуй, и все, что навскидку отличало ее от местных сверстниц. В остальном же она казалась самым обыкновенным ребенком и в данный момент вела себя именно так, поднимая фонтаны брызг и оглашая окрестности звонким смехом. Впрочем, почему же "казалась"? Она и была самой обычной девочкой, просто из других краев и другого происхождения. И с ней, похоже, была связана какая-то загадка, а с некоторых пор Сирелине сильно захотелось эту загадку разгадать. Она любила ввязываться во всякие интригующие истории, и маленькая Илиана своим удивительным появлениям и любопытными особенностями вписывалась в подобный жанр как нельзя лучше. Чародейка уже дала себе обещание по возвращению в орден порыться в генеалогических древах Железных земель на предмет поиска медальона с рубином. Вряд ли простолюдин обзаведется подобной вещицей, да еще нацепит ее на ребенка. Поэтому стоит… Ох, да много чего стоит! Вопрос об интересе ад-Сейдина к Нирелину тоже не терпит отлагательств, и надо известить об этом старших чародеек как можно скорее. Этой ночью шейх, не вдаваясь в излишние подробности, рассказал своей гостье о причинах столь пристального внимания хана к своей скромной персоне. С одной стороны ан-Бакир был только рад, что даже чародейка не подозревала в чем тут дело. Века стерли из памяти людей многое,

превратив знание в легенды, а легенды в сказки. С другой — легче от этого не становилось. Увы, хан Гийюр не следовал общей тенденции, и его желание было более чем осязаемым, превращаясь в прямую угрозу сначала для обитателей Нирелина, а затем и жителей Большой земли. Сирелина знала, что почти все старшие чародейки не одобряют ее постоянные вмешательства в дела южных земель, но в данном случае речь шла о возможном переломе существующего баланса сил и без того основательно пошатнувшегося благодаря армаде ад-Сейдина. И даже они не должны были оставить без внимания открытые Сирелиной сведения. Чародейка находила политику невмешательства старого шейха вполне разумной. Пусть то что хранит его род так и остается в Нирелине, подальше от людских глаз и людских же соблазнов. В свете новой информации она лишь решилась дать старику кое-какие советы, которые ан-Бакир нашел вполне разумными и обещал принять необходимые меры.

Смех, всплески и повизгивания стихли. Выбравшись из воды, три девочки устроились на зеленом берегу, подстелив большое тканое покрывало. Илиана, порывшись в наплечной кожаной сумке, выудила оттуда какую-то книжку и, водя по ней пальчиком, принялась что-то показывать прильнувшим к ней поближе подружкам. Чародейка умилялась, глядя как маленькая троица старательно возится с пожелтевшими страницами. Одна пигалица учит двух других — какая прелесть! Похвальное усердие. К тому же продуктивное. Шейх говорил, что потуги его воспитанницы в обучении подружек не проходят даром. Те удивительным образом схватывают все очень быстро, и если так пойдет и дальше, то всего через год-другой эти крохи станут образованнее большинства женщин в оазисе. Лично ан-Бакир был только рад этому обстоятельству, чего, к сожалению, никак нельзя было сказать о некоторой куда более консервативно настроенной части населения Нирелина. Иля, должно быть, обладала врожденной способностью не только быстро все схватывать, но так же и передавать знания другим. Дети обычно не изъявляют бурного желания к процессу обучения, а ее подруги, кажется, совсем не прочь учиться и неплохо на этом поприще преуспевают. Да, любопытная девочка. Такой, пожалуй, даже при ордене чародеек нашлось бы подходящее место. В библиотечных архивах лишней толковой голове будут только рады, да и в прикладных науках помощь не помешает, особенно когда сестры заняты своими премудростями и забывают обо всем на свете.

Из кустов, хвост трубой, объявился здоровенный черный котяра с белой грудкой. Мелкой трусцой подбежав к замахавшей ему

Илиане, он вальяжно развалился прямо на книге и стал тереться ухом о ее краешек, издавая громкое низкое урчание и всем своим видом требуя неукоснительного внимания. Засмеявшись, Иля принялась гладить кота по блестящей шерсти, то и дело почесывая его за ухом. Кот, блаженно щурясь, помякивал, явно выражая удовлетворение, и тянул лапы с когтистыми подушечками. Сирелина признала в крупном звере Дирха — любимого кота шейха, о котором уже была наслышана. Глядя как животное нежится, позволяя теребить себя сразу трем парам детских ручек, сложно было представить, что это тот самый кот. Обычно Дирх появлялся в обществе с весьма надменным видом, сделавшим бы честь какому-нибудь узурпатору средней руки, и желающих дотронуться до его шкуры обычно не находилось. Сие было чревато быстро наступавшими последствиями и на счету кота числилось немало поставленных на место как двуногих, так и четвероногих. Теперь же он не только допускал столь вольное обращение со стороны Илианы и ее подружек, но и, кажется, получал от этого видимое удовольствие. Продолжая почесывать Дирха, Илиана, смеясь, залопотала что-то нечленораздельное. Не только дети, но и взрослые иногда ласково ворчат своим питомцам разные затейливые звуки, выражая ласку и симпатию. Млеющий кот что-то промякал в ответ. Вдруг вскочив, он привстал подковой и заковыристо отошел чуть в сторону. Продолжая коротко мякать, он немного прижал уши и махнул в воздухе когтистой лапой. Сирелина с невольным волнением подумала, что Дирх решил разом покончить со всеми нежностями и преподать распустившимся девчонкам хороший урок! Ан нет, ничего подобного. Крутанувшийся кот, выкинув затейливый акробатический трюк, с мурчанием подбежал обратно к вновь заворковавшей с ним Илиане и принялся тереться так и сяк о поглаживавшую его руку, заходя то одним, то другим боком. Затем, сполна получив причитающуюся долю внимания, выдал напоследок какую-то кошачью руладу и преисполненный солидности удалился в кусты. Девочки, проводив Дирха взглядом, вернулись к слегка обшерстенной котом книжке.

Сирелина все никак не могла собраться выступить на сцену. Мешать валявшейся на покрывале троице не хотелось, тем более что женщине желательно побеседовать с Илей тет-а-тет и прогонять ее подруг просто невежливо. Пока чародейка, по-прежнему купая ноги в озере и томно потягиваясь, соображала как лучше всего поступить, подоспело время обеда. Девчонки засобирались. Вскочив на ноги, они натянули поверх давно просохших ситцевых шортиков рубашонки и шаровары и принялись расчесывать волосы. Затем, подхватив наплечные сумочки и плетеную корзинку,

отправились в ту сторону, откуда доносился мелодичный звон медного колокола.

Илиана как нельзя кстати замешкалась. Убрав книжку, она скатывала покрывало, махнув рукой подругам дабы те шли и ее не ждали. Сирелина, хитро прищурившись, сделала жест кистью правой руки с немедленно осветившимися синим пальцами. Перед уже намеревавшейся отправиться следом за другими девочками Илианой появилась огромная, с ладонь, искрящаяся бабочка. Иля застыла на месте, издав восхищенный возглас. Бабочка, запорхав, закружила вокруг нее, а потом неторопливо, разбрасывая с крыльев золотистые искорки, полетела в направлении скрывавшейся за кустами чародейки. Простой трюк сработал лучшим образом. Илиана внимательно огляделась вокруг, будто что-то ища, а затем направилась прямиком туда, где у береговой кромки изображала русалку голубоглазая колдунья.

— Здрасьте, тетя Сирелина, — сказала девочка, пролезая через куст. — Я поняла что это вы!

— Здравствуй, Иля. Рада тебя видеть, — приветливо откликнулась женщина. Порхавшая бабочка, коснувшись воды, вслед за мановением пальцев чародейки вдруг превратилась в большую белоснежную кувшинку, полупрозрачные лепестки которой издавали тихий мелодичный звон.

— Как красиво! — выдохнула девочка. — Какой чудесный цветок! Лучше чем на картинках в книжке!

Сирелина, подумав, поколдовала еще немного, и подле бережка образовалась целая заводь, наполненная лилиями и кувшинками, над которыми, поблескивая крылышками, закружили какие-то цветастые жучки. Усевшись у воды на корточки, Иля с явным удовольствием созерцала навеянную панораму.

— Здорово, — протянула она. — Жаль только что все это не настоящее, да? И скоро исчезнет.

— Да, это только иллюзия, — кивнула чародейка. — Но такой пруд существует и в действительности. Он находится в парке моего ордена и когда-то я любила гулять в тех местах.

— Наверное, это очень красивое место, — мечтательно сказала девочка. — Я бы очень хотела там побывать.

"А я бы, пожалуй, не отказалась это устроить", — подумала Сирелина. Вслух же добавила:

— Думаю, однажды мы сможем туда съездить. Если дедушка Арбах не станет возражать. Он тобой очень доволен. Ты вчера отлично себя показала. Даже меня впечатлила.

— Правда? — порозовела от удовольствия Илиана, насилу оторвав взгляд от воцарившихся на водной глади лилий и воззрившись на

чародейку.
— Правда, — подтвердила та, ничуть не лукавя. — Ты очень прилежная и любознательная ученица. Это очень хорошие качества. Если не будешь лениться и продолжишь так стараться и дальше, то в будущем сможешь достичь очень многого.
— Дедушка Арбах говорит, что из меня может получиться хороший целитель, — сообщила девочка, усаживаясь рядом с чародейкой.
— А тебе самой нравится врачевать? Или тебе хочется чего-то другого? — с самым невинным видом спросила Сирелина.
— Не знаю, — немного подумав, с самым серьезным видом ответила Иля. — Мне нравятся целители и что они делают. Мне нравится им помогать. Но я... не знаю. Иногда мне кажется, что здесь, в Нирелине, мне чего-то не хватает.
Чародейка замолчала, пристально изучая пустившегося в разговоры ребенка. Лицо ее приняло весьма неоднозначное выражение, а чуть закушенная губа выдавала невольное волнение. Илиана, пользуясь случаем и вниманием слушательницы, мило рассказывала о своих интересах. Сирелина же действительно напряженно внимала в оба уха. Не то чтобы ее уж так сильно интересовала ребяческая болтовня. Просто вопрос она задала на языке Железных земель и Илиана без малейшей запинки сейчас отвечала ей на нем же.

Когда девочка закончила говорить, воцарилась небольшая пауза.
— Скажи, — помолчав, уже на общем языке произнесла Сирелина, — ты любишь кошек?
— Я всех животных люблю! — горячо воскликнула Илиана, без видимого затруднения переходя обратно на него же.
— Дирх тебе нравится? — как-то по-особому выговаривая слова спросила Сирелина, и кончики ее пальцев испустили несколько искорок, а в глубоких глазах отразилось странное выражение.
— Нравится, — кивнула девочка. — Большой. Сильный. Красивый. Гордый. Любит меня.
Речь чародеев не годилась для простого разговора, она существовала для колдовства. Поэтому сказать на ней что-либо вполне обыкновенное было достаточно трудно, равно как и задать даже самый простой вопрос. Сирелина изменила интонацию, сделав ее вопросительной, и вместо чар, предполагавших навеивание чувственного ощущения "Дирх тебе нравится!" получился лишь пшик как у неопытной студентки-послушницы, пытающейся научиться накладывать заклятия. Необычно прозвучавший в основном раздельными словами ответ девочки вписывался в эту специфику со-

вершенно логичным образом. Непринужденность ее произношения заставляла предположить, что Илиане это не стоило ни малейших усилий.
— Впечатляет! — вновь нормальным языком изрекла до глубины души пораженная чародейка. — Впечатляет!..
— Вы это о чем, тетя Сирелина? — удивилась Илиана.
— А, так, не обращай внимания, — взяла себя в руки женщина. — Послушай, Иля, а ты не находишь ничего необычного в нашем разговоре? Тебе не кажется в нем что-нибудь странным?
— Кажется, — согласилась девочка.
Чародейка обратилась в слух.
— Мне кажется, что вы хотите от меня что-то. Только не говорите что, — чуть насупилась Илиана. — Так противный дядя Пирим все время делает. Говорит одно, делает другое. Гадкий проди. Правильно его Дирх сегодня цапнул!
— Дирх цапнул дядю Пирима? — переспросила Сирелина, невольно устыдившись словам ребенка.
— Угу, — подтвердила девочка. — Он грубо говорил с дедушкой Арбахом и Дирх поставил его на место. Дядя Пирим мне все больше не нравится.
— Я видела как Дирх сейчас приходил к тебе, когда ты была с подругами, — невольно улыбнулась чародейка, вспоминая сцену с котом.
— Да, он приходил похвастаться, — тоже улыбнулась девочка. — Его прогнали гулять, и Дирх пришел меня навестить. Ой, мне же пора обедать! — вдруг спохватилась она, вскакивая на ноги. — Тетя Далина ругаться будет!
— Это я виновата, — заметила, быстро вставая, чародейка. — Не хочу чтобы у тебя из-за меня были неприятности.
— А пойдемте со мной? — предложила девочка, протягивая руку. — Пообедаем у нас дома, хотите?
— Спасибо, не откажусь, — сказала Сирелина, принимая протянутую ладошку. — Давай я понесу покрывало.
Ей было несколько совестно из-за своих коварных манипуляций над ничего не подозревающим ребенком, но она пыталась себя успокоить, что это лишь на пользу. А после только что сделанного поразительного открытия Сирелине так и вовсе не хотелось отходить от Илианы ни на шаг. Поэтому, воспользовавшись любезным приглашением, чародейка пошла вместе с вмиг оживившейся девочкой, слушая ее беззаботную болтовню и внутренне размышляя с каким именно явлением она имеет дело.

Стоило отметить, что готовила Далина вполне неплохо. При виде всеми почитаемой гостьи собравшаяся было разворчаться на

припозднившуюся Илю женщина умерила пыл и ограничилась простым замечанием. Отдавая должное ароматной похлебке и свежим лепешкам, чародейка внимала речам хозяйки дома. Последняя обрела в лице Сирелины благодарную слушательницу и вовсю рассказывала про свою воспитанницу так, как обычно мать без умолку говорит о родном дитя. Только на сей раз эти речи действительно живо интересовали сидевшую за столом гостью, поскольку находившаяся рядом девочка с сиреневыми глазами занимала ее все больше и больше. Сирелина покинула гостеприимный дом лишь спустя час, накормленная так, что едва передвигала ноги, и вовсю мечтая о большой уютной подушке. Девочку Далина аккурат и отправила подремать, а чародейка, поблагодарив за теплый прием, кое-как ушла на своих двоих, пока очередная порция снеди не вырубила ее прямо за столом. Сыто отдуваясь и отирая платочком со лба выступавший пот, она, недолго думая, направилась к своим покоям.

Дома в оазисе по большей части располагались эдакими ступенчатыми кластерами. Над первым этажом сложенных из кирпича построек возвышался несколько отступавший вглубь второй ярус, а над ним еще более утопленный к центру третий. Небольшие лепные лесенки поднимались вдоль стен до очередного порога, зачастую смешанного с подобием балкона прямо на крыше предыдущего яруса. Кластеры перемежались продольными проходами, куда выходили окна боковых комнат, и где по обыкновению вывешивалось сушиться белье, зеленели цветочные горшки и вьющиеся по карнизам растения. Все грудившиеся в единый комплекс постройки имели единую систему дымоходов, что позволяло избегать большого количества отдельно стоящих закопченных труб. Многие некогда самостоятельные секции внутри соединялись, превращая жилище в настоящий улей. Так обычно поступали большие семьи, особенно при объединении, и некогда три, четыре, а то и пять разных жилых помещений срастались в одну огромную колонию. Вершину кластера могла увенчивать небольшая башенка, либо же там обустраивали крытую тентом площадку для отдыха или каких-нибудь иных целей.

Сирелине выделили маленький отдельный домик — один из тех, что находились подле обители местных целителей. Он располагался поодаль от комнат Далины и Илианы и сейчас не был виден, утопая в зелени густых кустов и прячась за стволами множества пальм. Впрочем, в данный момент его не удалось бы заприметить даже если бы местность оказалась абсолютно лишенной растительности. Ближайший жилой комплекс, откуда чародейка только что вышла, полностью заслонял нужную панораму. Сире-

лина как раз и обходила его, держась ввиду видневшегося поблизости дома старого шейха. До него было ярдов сто, не больше, так что бегать на вечерние занятия Илиане далеко не приходилось. Дом ан-Бакира по давней традиции соседствовал с домами некоторых самых близких членов его семьи, а над ним поднималась довольно большая обзорная башенка, на вершине которой была обустроена наблюдательная площадка. Если острые глаза чародейку не обманывали, то сейчас шейх находился как раз там, облокотившись о парапет и с высоты обозревая окрестности. Сирелина уже знала, что шейх временами любит уединяться наверху, особенно если желает как следует поразмыслить или просто отдохнуть в полном покое. Что ж, с визитом можно обождать и до вечера, явившись на занятия с Илианой, тем более что сейчас значительную часть мыслей чародейки заполняло видение большой кровати с мягким матрасом.

Уже у самого своего жилища Сирелине попался Пирим. Мрачный как туча толстяк только что вышел от целителей, где ему, судя по всему, хорошенько обработали правую руку. Из-под плотной повязки торчали только пальцы, а все остальное вплоть до рукава скрывало несколько слоев бинтов, смоченных в настое из трав. Со стороны невозможно было понять что за напасть приключилась с племянником шейха, но чародейка, бросив взгляд на перевязанную конечность, еле подавила усмешку. Похоже, Дирх на этот раз хорошо расстарался, ежели без знахарей дело не обошлось. Силясь не рассмеяться, Сирелина кое-как совладала с лицом и поздоровалась. Не столько из вежливости, сколько удачно заняв рот чем-то иным вместо готового вырваться смешка. Пирим бросил было в ответ угрюмый взгляд, но, признав во встречной женщине чародейку, принял куда более приветливый вид и отпустил несколько любезных слов. Толстяк, возможно, не разделял общей возни вокруг новоиспеченной героини, но колдовство уважал и опасался. Даже его собственная женушка внушала ему определенное почтение, а Пирим отлично понимал, что настоящая чародейка — птица совсем другого полета и лучше быть с ней предельно почтительным. Один из провожавших пациента целителей, заприметив Сирелину, окликнул ее и попросил ненадолго заглянуть. Вздохнув, уже практически ощущавшая подушку женщина поплелась на зов. Впрочем, ее особенно не задержали. Врач убедился что пациентка чувствует себя прекрасно и почти оправилась от перенесенного ранения. Учитывая его тяжесть, очень удивительно было наблюдать на еще не так давно ужасно выглядящем затылке здоровую кожу лишь с небольшим рассасывающимся рубцом. Помазав для профилактики пострадавшее место какой-то мазью и вручив

чародейке порцию витаминной настойки, целитель отпустил ее восвояси. Наконец-то добравшись до своего уединенного домика, Сирелина рухнула в постель и блаженно проспала до самого вечера.

Когда чародейка явилась к шейху, Иля уже была там, вооружившись письменным прибором и выводя на листке бумаги какие-то загогулины. Сидевший подле старик что-то негромко подсказывал, пока девочка водила пером по белому листу, одновременно листая большую потрепанного вида книгу. Стараясь им не мешать, Сирелина, следуя безмолвному приглашению, прошла к этажерке с книгами и принялась их рассматривать, дожидаясь, пока ученица закончит упражнение. Печатных изданий у ан-Бакира хватало. Его личная библиотека оказалась довольно неплохим собранием, и чародейка обнаружила в ней несколько поистине любопытных экземпляров, нащупав парочку томов так и вовсе считавшихся утраченными. С трудом подавив желание прихватить находку себе на память, Сирелина ограничилась изучением подборки, одновременно размышляя чем бы она могла ее пополнить. Схватывавшей на лету девочке не помешали бы кое-какие учебные материалы на ее пути познания наук и природы вещей. В обширных залах ордена имелось немало подходящих книг, и чародейка решила при случае обязательно доставить в Нирелин кое-что из них. Только надо будет сделать соответствующую выборку, ибо Иля многое там может попросту не понять. Или же поймет? Бросив взгляд на усердно орудовавшего пером ребенка, Сирелина, потерев переносицу, перевела взгляд с книг на стопку бумаги и обратно. Надумав что-то, она взяла чистый лист и уселась в сторонке, обосновавшись в одном из удобных кресел. То и дело бросая на Илю пристальные взгляды, чародейка, шевельнув губами, принялась двигать пальцем по листу так, будто выводила на нем невидимые письмена. И это оказалось отнюдь не пустым занятием. Вслед за тонким пальцем с коротко подстриженным перламутровым ногтем на бумаге вдруг стали появляться буквы, складывавшиеся в слова по мере того, как Сирелина быстро продолжала водить запястьем. При желании чародейка прекрасно могла обходиться и без письменных принадлежностей, хотя с ними было все же привычнее, да и удобства несколько разнились. Оглядев получившиеся в итоге три абзаца текста, Сирелина удовлетворенно хмыкнула и спокойно принялась дожидаться когда старик и его воспитанница закончат текущий урок.

Продлился он недолго, и заскучать чародейка не успела. Подошедшая Иля рассказала чем они там занимались, и поделилась своими успехами. Похвалив девочку, Сирелина тут же затеяла

очередной опыт, коварно подсунув ей только что собственноручно сварганенный текст, и попросила прочесть. Первый абзац Илиана осилила быстро, несмотря на явную сложность предложений. Вместе с тем ни второй, ни третий ей не поддались. Подняв погрустневшие глаза на чародейку, девочка растерянно сказала что ни словечка не понимает из написанного. Сирелина, приободрив Илю и переключив ее внимание парочкой маленьких колдовских фокусов, сама вместе с тем растерялась никак не меньше. Проведенный сейчас эксперимент наглядно доказывал, что девочка не владеет письменностью ни Железных земель, ни чародейской речи, хотя говорит при этом совершенно без запинки. Случай хоть и возможный, но до того невероятный, что Сирелина в данный момент не знала что и думать. Решив поразмыслить на досуге, она вместе с Илей вернулась к шейху, и вся маленькая компания продолжила дальнейшие занятия, в которые чародейка не без помощи колдовства вносила немалую долю оригинальности. Картинки в книгах оживали и двигались, звери и птицы выбирались за пределы страниц, а геометрические фигуры и арифметические выражение водили настоящие хороводы, ловко преобразуясь прямо на глазах. Чего и говорить, что время пролетело сказочно быстро, а Илиана была просто в восторге от проведенного вечера.

Когда преисполненная радостных эмоций девочка ушла, шейх и чародейка вернулись к насущным разговорам. Сирелина решила не сообщать старику о результатах проведенных сегодня с Илей экспериментов. Во-первых, она сама толком мало что понимала, особенно когда выяснилось, что говорит на других языках ребенок практически идеально, а вот читать совершенно не умеет. Во-вторых, знание колдовской речи вполне могло наложить определенный ярлык, и хотя до сих пор Сирелина не ощущала в девочке чародейского дара, этого оказалось бы достаточно, дабы малышку стали считать колдуньей. А скорее всего попросту ведьмой. Достаточно нелестная репутация, особенно в замкнутом сообществе. Шейх, конечно, относится к своей подопечной очень хорошо, но в Нирелине есть люди и другого сорта. А что знают двое — знает и свинья. Пусть пока никто ни о чем не подозревает, благо что Илиана до сих пор ничем не выдавала свой секрет и вряд ли выдаст в ближайшее время. А дальше и видно будет. Посему чародейка лишь поделилась с шейхом своими соображениями касательно возможных действий ад-Сейдина, а заодно поинтересовалась не сможет ли он в перспективе отпустить с ней Илиану хотя бы на некоторое время. Сирелина считает целесообразным свозить ее в орден к сестрам, где, возможно, в ее присутствии легче удастся найти ответы на интересующие их обоих вопросы.

— Я подумаю, — заключил ан-Бакир, решив обойтись без отрицательного ответа. — Но только в перспективе. Я слишком дорожу своей воспитанницей, чтобы вот так взять и отпустить ее неизвестно куда с... с одной лишь провожатой, — поправился он, очевидно в последней момент заменяя слова "неизвестно с кем". — Если я смогу убедиться, что девочке это пойдет на пользу — мы обязательно что-нибудь придумаем. А пока я хотел бы оставить ее подле себя, особенно если учесть какое наступает неспокойное время.

Сирелина отвернулась, скрывая досаду. С ее точки зрения, именно в это неспокойное время ребенку бы лучше быть подальше от оазиса, поскольку хан Гийюр теперь почти наверняка перейдет к силовым мерам, и кто знает как далеко они зайдут.

— Вам сейчас лучше вообще воздержаться от поездок, — заметила она, поигрывая сотворенным над ладонью мячиком светящейся сферы. — То нападение, к счастью, удалось отразить, но было бы крайне наивно полагать, что за ним не последуют другие. Отныне за пределами Нирелина ваши люди в большой опасности.

— Да, мы с вами об этом уже говорили, — кивнул шейх. — И я уже сделал на сей счет необходимые распоряжения. Пока что в Далабад и его окрестности никто больше ни ногой. Вместе с тем следует пополнить кое-какие запасы, не говоря уже о самых насущных, а для этого требуется отправить как минимум два каравана. Они пойдут на восток далекой кружной дорогой. Мы давно не пользовались тем путем, но, видно, пришло время. Если ад-Сейдин явится забрать то, что ему не принадлежит, его надо достойно встретить, а посему лучше заранее обеспечить достаточное количество производственного материала. Особенности изготовления я вам, разумеется, не раскрывал, но вы и сами прекрасно понимаете, что такие вещи делаются не из воздуха.

— Разумно, — согласилась Сирелина. — Только будьте очень осторожны. Хан вряд ли обрадуется когда узнает, что его план сорвался не без прямого участия чародея и почти наверняка догадается чьих рук это дело. У него на меня и так уже зуб, и с этого момента его люди будут особенно бдительны.

— Чем же вы ему так насолили? — полюбопытствовал старик. — Вы вполне можете со мной поделиться, раз уж выходит что мы с вами по одну сторону баррикад.

Усмехнувшись, чародейка поведала ан-Бакиру кое-какие свои шалости, наверняка доставившие ад-Сейдину немало неприятных минут. Конечно в общей картине разгоравшейся войны эта была капля в море, но все же. Вот если бы удалось вызволить ан-Нуадона!.. Это была бы первая по-настоящему крупная победа,

после которой Сирелину наверняка объявили бы врагом государства номер один и разыскивали с фонарями не хуже нежелательного претендента на престол. Даже находящийся в изгнании свободный бей мог бы возглавить сопротивление на захваченных землях, а это серьезно помешало бы хану Гийюру продолжать и без того постепенно затягивавшуюся кампанию.
— Ясно, — подытожил ан-Бакир, дослушав собеседницу с самым озорным выражением, что на стариковском лице выглядело достаточно необычно. — Видимо, для хана вы та еще мозоль, раз он стал уделять вам столь пристальное внимание. Признаться, я бы тоже на его месте имел все основания вас не любить. Личности подобные вам для него что камень в почках — и не видно, и досаждают. В открытом бою ему и его войскам, безусловно, сейчас нет равных. Оттого он и выходит из себя, когда дело касается чего-то такого, где не управиться одной лишь грубой силой. Ходят слухи, что при нем состоит собственный штат колдунов, к которым он при случае не брезгует обращаться.
— Так и есть, — подтвердила нахмурившаяся Сирелина. — Кое-кого из них я даже встречала, причем не только в Солтенстиле, и подозреваю кто мог бы за всем этим стоять. И явно не без их помощи людям хана удалось выйти на мой след и даже организовать засаду. Мы, чародейки севера, очень не любим черных колдунов. Колдовской дар, как и сама чародейская природа, может иметь разное воплощение и течения. К сожалению, большинство обывателей редко понимают разницу, из-за чего с веками мое ремесло сильно дискредитировалось в глазах людей. Они страшатся чар, и на свете остается все меньше мест, где их можно без боязни применять, не опасаясь последствий.
— Охотно вам верю, — кивнул шейх. — Я, к счастью, эту разницу вижу, а посему вы ничуть не вызываете у меня враждебности, хотя вам очевидно по силам перевернуть наш оазис вверх дном не хуже людей ад-Сейдина. Народ у нас тоже по большей части доброжелательный. После оказанной вами помощи вы заслужили расположение жителей Нирелина, но, в отличие от меня, многие действительно могут не отделять ваши умения от того, чем занимается Кальпита.
— А, это ваша местная ворожея? — усмехнулась чародейка, припоминая знакомое имя.
— Да, жена Пирима, моего племянника, — подтвердил шейх. — Я, признаться, не одобряю ее деятельность, но она вроде бы никому не мешает, а у нас разрешено все, что не вредит окружающим. Хоть на голове стой. Если кому-то становится легче от ее наговоров и гаданий — пусть так, я не буду мешать. А с приворотными

зельями я при случае быстро разберусь если только хоть кто-нибудь сляжет с симптомами отравления.
— Не беспокойтесь, она не опасна, — заверила старика Сирелина. — Если я хоть что-нибудь в этом понимаю, Кальпита практически лишена колдовской силы, а посему не способна по-настоящему наложить ни злые, ни добрые чары, хоть и мнит себя настоящей ведьмой. Она кое-что соображает в том, что почерпывает из книг и свитков, но все ее ритуалы на практике обычно приносят результата не больше, чем у шарлатанов-предсказателей будущего, коих полно на каждом сколь-нибудь серьезном базаре.
— То-то Пирим расстроится, — усмехнулся шейх. — Он-то уверен что его благоверная — настоящая мастерица.
— У него сегодня и так хватает поводов огорчаться, — рассмеялась чародейка, вспомнив встретившегося ей мрачного толстяка с забинтованной рукой. — Похоже ваш Дирх знатно его отделал!
— А вы откуда знаете? — спросил ан-Бакир, с нескрываемым удивлением воззрившись на Сирелину. — Это случилось у меня дома. Пирим был несколько… резок, и Дирху это очень не понравилось. Мне, честно говоря, тоже. Племянника давно стоило бы поставить на место — последнее время он стал мне сильно докучать и временами забывает о субординации. Только Дирх отлично с этим справился и без меня. Однако мы были одни, и я никому об этом не рассказывал, а уж Пирим, я полагаю, со стыда и подавно. Как же тогда вы об этом узнали?
— Иля поделилась, — озадаченно произнесла чародейка.
— Интересно. И когда же? — уточнил старик.
Сирелина вкратце пересказала ему сегодняшний поход на озеро, опустив при этом кое-какие подробности. Сцену с тремя девчонками и черным котом она передала в полной мере, а вот о своих беседах с Илианой на разных языках предпочла умолчать.
— Когда, вы говорите, это было? Прямо перед обедом? — еще больше изумился ан-Бакир.
— Ну да, — кивнула чародейка. — Вскоре после этого зазвонили в колокол и девочки ушли.
— Это-то меня и удивляет, — заметил, огладив бороду, шейх. — Устроив Пириму хорошую взбучку, Дирх, услышав мой окрик, выбежал из дома, предпочитая не дожидаться когда ему попеняют за плохое поведение. И если я еще не потерял на старости лет ощущение времени, то не прошло и четверти часа как он объявился у вас на озере, в то время как я еще возился с закатывающим глаза при виде текущей крови племянником. Чудеса да и только.
Сирелина озадаченно промолчала. Ей вдруг припомнились слова Илианы о том, что Дирх приходил к девочке похвастаться содеян-

ным. Тогда это показалось лишь милым оборотом речи, но теперь он обретал какой-то уж слишком буквальный смысл. Чародейка попыталась найти какое-нибудь подходящее объяснение, успешно забрела в тупик, беспомощно побарахталась в болоте совершенно абсурдных предположений и позорно сдалась. Пожалуй, Сирелине стоит меньше времени проводить на солнце, пока ей не начались мерещиться черные коты, рассказывающие любимой воспитаннице шейха о том, чего они там натворили.

Через неделю полностью поправившаяся чародейка покинула оазис на подаренном ей верблюде. Чувствовала она себя как нельзя лучше. Отдых в полном покое, видимо, пошел на пользу давно уже жившей довольно напряженной жизнью Сирелине. Она даже и припомнить не могла, когда последний раз ощущала такой прилив бодрости и колдовских сил. Волосы и те успели неплохо отрасти. Конечно не так, как было до злополучного ранения, и на восстановление длинного золотистого хвоста еще уйдет какое-то время, однако теперь можно было обходиться и без косынки. Особенно если прибегнуть к услугам ловкого парикмахера и распределить уцелевшую часть прядей подле пострадавшего места.

Больше всех отъезду гостьи расстраивалась Илиана. Сказочная фири, появившись из ниоткуда, привнесла в ее жизнь чудеса, позволив прикоснуться к волшебному и доселе неведомому миру. И теперь, не успев подарить незабываемые ощущения, уезжала куда-то далеко-далеко. Сирелина, как могла, утешала явно огорченную девочку. Будь ее собственная воля, чародейка обязательно взяла бы ребенка с собой, но на этот раз уговорить шейха ей так и не удалось. Сирелина лишь честно пообещала вернуться так скоро, как только сможет, и обязательно привезти с собой много интересных вещей. Она ничуть не лукавила. С недавних пор Нирелин притягивал ее и беспокоил, и даже без маленькой обитательницы чародейка отныне будет уделять ему пристальное внимание. А уж сама Илиана такое занимательное явление, что со стороны Сирелины будет слишком беспечно отмахнуться от заинтриговавшей ее малышки. Любопытная чародейка дала себе слово, что непременно разберется в чем тут дело и разгадает загадку, окутывавшую появление девочки с сиреневыми глазами. Сирелина нутром чувствовала, что здесь скрывается нечто большее, чем лежит на поверхности, и покоившийся в ее кармане обломок любезно предоставленного шейхом прочного как сталь обсидиана влиял на это ощущение не в последнюю очередь. К тому же чародейка чувствовала к маленькой подопечной шейха самое искреннее расположение, и мысленно уже не возражала, чтобы толковая девочка перешла на ее собственное попечение.

Сирелину проводили до самой границы песков. Шейх и Захир хотели лично убедиться, что гостья намерена проследовать в нужном направлении, да и их расположение простиралось далеко за пределы обычной вежливости. Держа верблюда за поводья, караванщик на всякий случай еще раз инструктировал Сирелину, напоминая основные особенности следования по восточному пути. Отныне лишь этот маршрут признавался наиболее безопасным, хотя он был намного длиннее, тяжелее, и выводил в куда более дикие края, нежели окрестности Далабада. От сопровождающих чародейка отказалась, и Захир, как мог, успокаивал совесть, не привыкшую отпускать одинокую женщину в длительное путешествие через безжизненные пески. Не случайно в переметные сумки он насовал столько добра и припасов, что с лихвой хватило бы на троих. Шейх, добродушно оглаживая бороду, говорил слова напутствия, а подле его белых одеяний шмыгала носом грустная Илиана. И эти трое еще долго стояли у границы цветущего оазиса, следя как уезжавшая чародейка постепенно превращается в маленькую точку на горизонте.

Вернувшись в свою комнату, Илиана, усевшись у подоконника, положила перед собой искусно ограненный сапфир — прощальный подарок Сирелины. Двигая камень пальчиком в потоке света, она смотрела как солнечные лучи, преломляясь в голубых недрах сапфира, играют на его гранях, сверкая небесным цветом и отбрасывая яркие скачущие отблески. Стоимость драгоценности была ей неизвестна и никакого значения не имела. Девочка лишь искренне любовалась ее красотой, такой же удивительно притягательной, как и глубокие глаза чародейки. Поэтому когда Далина позвала свою воспитанницу, Илиана, соскочив со стула, оставила камень искриться прямо на подоконнике. Рядом с простой вазой дутого стекла, где до сих пор стояла роза с голубыми лепестками.

– 6 –

Осажденный город держался стойко. Последняя преграда на пути к стремительному развитию всей кампании как назло вовсю упиралась, не желая сдаваться по-хорошему. Некогда проделанный с Хал-Амином блицкриг здесь был невозможен. Продвижение войск осложняли пересеченная местность и хорошо укрепленные крепости, откуда занявший глухую оборону противник при первой же удобной возможности совершал раздражающие вылазки. Армия ад-Сейдина уже слишком долго топталась под Аяз Молом — важной стратегической точкой, откуда открывался путь на восток. Этот расположенный на реке город-крепость заблаговременно

подготовился к грядущему нападению, и даже усиленные бомбардировки из осадных орудий пока что не приносили должной эффективности. Стены — сплошной толстый камень, не говоря уже о мощных гранитных блоках, пробить в которых серьезную брешь представлялось поистине титанической задачей. Крепость успешно отбила уже несколько атак, и если так дело пойдет и дальше, то армия хана рискует застрять здесь надолго, потеряв нужный темп и достигнутое было впечатление. А оно играло роль не менее важную, чем реальная боеспособность войск, дабы одна лишь мысль о знаменах Красной саламандры заставляла трепетать друзей и недругов. С противоположной стороны реки крепости помогали могучие бастионы, не позволяя полностью замкнуть кольцо осады. Более того, из-за этой серьезной помехи в Аяз Мол до сих пор прорывались суда, подвозящие свежие силы и припасы. Несмотря на всю численность своей могучей армии, ад-Сейдин не мог растянуть ее вдоль обоих берегов реки так, чтобы перекрыть их на достаточном расстоянии, взяв под контроль не только окрестности крепости и бастионов, но и фарватер. К тому же часть его сил была вынуждена рассредоточиться по стране, блокируя огрызавшиеся гарнизоны и сдерживая наземную угрозу из столицы. Положение осложняло отсутствие собственного серьезного флота, который должен был появиться в распоряжении хана аккурат лишь после взятия злополучной крепости. И ее падения, между прочим, ожидал не только властелин Железных земель. Эмир Дирзунский открыто не поддержит союз до тех пор, пока держится Аяз Мол — последний форпост для беспрепятственного продвижения войск Красной саламандры и Желтой пумы. От последней, впрочем, толку становилось все меньше, поскольку значительная часть времени Тал Дауда уходила на поддержание контроля на завоеванных территориях.

С каждым новым днем ад-Сейдин все больше терял терпение. Еще совсем недавно предпринятая попытка закрыть фарватер реки цепями ни к чему не привела. Сулейман Уль Дион, эмир Бушерский, обладая стратегическими речными укреплениями, оказался не лыком шит, и на сей счет у него имелись достаточно эффективные средства противодействия. Первый же прошедший тяжелый корабль успешно избавился от всех цепей, сведя на нет усилия захватчиков. В его носовой части имелась специальная конструкция, частично уходящая под воду. Захватывая цепь, она направляла ее внутрь могучего механизма, за счет массы судна и искусно сконструированных частей перекусывавшего стальные звенья как жалкую тростинку. В итоге затея с цепями не оправдалась, и инженерам хана оставалось лишь пытаться заблокировать

течение реки сваями и окованными топляками — затопленными под углом заточенными бревнами, снабженными стальной насадкой. Только илистое дно, большая глубина и быстрое течение противостояли их усилиям почище людей Уль Диона, и процесс продвигался невероятно медленно, позволяя кораблям эмира до сих пор проникать в Аяз Мол. Пройти же мимо, оставив позади столь опасное змеиное гнездо, ад-Сейдин никак не мог. Не говоря уже о том, какие он сам возлагал планы на этот расположенный у воды хорошо укрепленный город. Он должен был стать его собственным водным оплотом, колыбелью создаваемого флота и опорой во всей дальнейшей кампании. В том числе и поэтому многочисленные осадные орудия вынуждены были щадить Аяз Мол, не подвергая его такому смертоносному обстрелу как несчастный Хал-Амин, поскольку хан не хотел, чтобы пострадали сосредоточенные внутри верфи и цеха. Полностью разрушенный город никак не вписывался в дальнейшие планы, и хан Гийюр не согласился бы на его уничтожение, даже если бы прямо сейчас ему предложили одним лишь щелчком пальцев стереть упрямую крепость с лица земли. Собственно, именно это и являлось одной из главных причин того, почему армия ад-Сейдина до сих пор торчала в землях эмира Бушерского, хотя ей уже давно следовало быть совсем в другом месте. И владыка Железных земель начинал потихоньку подозревать как бы ему не пришлось постепенно, одну за другой, сначала уничтожить все крепости эмирата Бушер, от мала до велика, захватить сейчас в куда меньшей степени интересовавшую его столицу и лишь затем, обескровив противника, взять Аяз Мол. Он-то рассчитывал сладить с речной крепостью и затем вынудить Уль Диона пойти на сепаратные переговоры, однако пока все складывалось не слишком благоприятным образом.

Как и следовало ожидать, на фоне этого ад-Сейдин воспринял известия из Нирелина без особого энтузиазма. Вновь вернувшиеся с пустыми руками послы его, в принципе, не удивили, но последовавший вскоре за этим срыв операции устрашения разгневал хана пуще прежнего. Старый шейх должен был получить хороший урок, потеряв своих людей, товар, и от его дальнейшей сговорчивости зависела бы жизнь нескольких дорогих ему родственников. Эмиссары не преуспели. Караван благополучно миновал засаду без потерь, заложников взять не удалось. Немногие уцелевшие наемники, трясясь от ужаса, рассказывали про песчаных демонов и светившуюся ведьму, насылавшую на них гибельные чары. Докладывая наверх, люди хана понятия не имели что произошло, но ад-Сейдин быстро догадался чьих рук это могло быть дело. И Сирелине, должно быть, в тот момент знатно икалось, ко-

гда покрасневший от раздражения хан честил чародейку на все корки. Впрочем, ничего особенно забавного в этом не было. Растущий гнев ад-Сейдина не представлял собой ровным счетом ничего хорошего для тех, на кого он обрушится. И очередное вмешательство чародейки лишь спровоцировало те действия, которые хан Гийюр хотел приберечь напоследок. Впрочем, затягивавшаяся осада Аяз Мола так же побуждала властелина Железных земель принять более существенные меры. Его армии сейчас как никогда нужны новые силы, способные в корне переломить всю известную стратегию, и ад-Сейдин сделает для этого все, даже если ему придется вырезать уйму народа и потерять десять тысяч воинов. Вызвав к себе Тиграна ди-Орта, представителя старого благородного рода и одного из наиболее доверенных военачальников, ответственного за проведение специальных операций, ад-Сейдин приказал привести в действие заблаговременно разработанный план. Пусть на его осуществление уйдет несколько месяцев, но хан более не собирался терять просто так ни одного дня.

* * *

После продолжительного пребывания в теплых южных землях северные края казались Сирелине как-то уж слишком прохладными, хотя ранняя осень была довольно теплой. С непривычки кутавшаяся в одежды чародейка тем не менее не без удовольствия посматривала по сторонам, оглядывая высокие корабельные сосны и могучие мохнатые ели. Вдалеке маячили пики упиравшихся в небо отдельно стоящих сопок, а оставленный позади горный хребет сиял первозданной белизной, хранившей льды еще должно быть с самого дня сотворения мира. Чародейка проделала полторы тысячи миль всего дней за двадцать, благополучно выбравшись из пустыни и раздобыв хорошую лошадь. Подаренного верблюда она не бросила, и выносливое животное, хорошо держа темп, уверенно тащило ее пожитки, в то время как на долю лошади досталась лишь сама наездница. Жителю песков, косившему глазом на непривычный пейзаж, новые виды были в диковинку, хотя после ночного холода пустыни температура северных краев могла вызвать у него разве что презрительную усмешку. Сирелина же обожала северную природу и, несмотря на свою страсть к изучению южных стран, их культуры и колдовского наследия очень по ней скучала. Здесь была ее родина, не говоря уже о расположенной под одной из далеких вершин обители ордена, ставшей ей родным домом. Места здесь были довольно уединенные, ибо чародейки издавна поселились подальше от людских глаз. Лишь редкие брига-

ды охотников забредали в эти края, ведя промысел пушного зверя, да разводившие оленей племена кочевали с места на место, иной раз проходя ввиду заветной вершины. Чародеек никто не трогал, а они в свою очередь никогда никому не докучали, спокойно занимаясь своими делами. С окрестными народами и их правителями у них сложились вполне нормальные связи и если в южных краях практикующие колдовство все больше подвергались гонениям и опасности, то на севере чародеек обычно не притесняли. Скорее наоборот — при случае обращались к ним за помощью и взамен платили не только хорошими товарами, но и добрососедским отношением, что порой было куда важнее. К тому же сестры ордена, находя свой интерес среди простых людей, заодно обучали некоторых из них различным премудростям. Не одно поколение искусных врачевателей и толковых ученых вышло из стен ордена, взятых на обучение еще малыми детьми, и до сих пор находилось немало желающих отдать им в науку своих сыновей и дочерей. Как правило, среди бедного люда, для которых такая возможность была сродни настоящему подарку судьбы, ибо в дальнейшем выросшие дети становились очень востребованными специалистами с весьма хорошим заработком. Однако сестры, разумеется, не брали кого попало, делая свой выбор исходя лишь из каких-то им одним известных соображений. Сирелина, разумеется, знала что стоит за этой деятельностью. Таким образом сестры искали тех, кто от рождения владел чародейским даром, и старались забрать их к себе как можно раньше, дабы направить этот дар в соответствующее русло и воспитать должным образом. Ну и заодно, дабы оправдать в глазах людей подобные поиски, временами прихватывали и просто талантливых ребятишек, открывая перед ними возможности, которых они были лишены в своей привычной среде. Хороший задел на будущее сестрам тоже был отнюдь не лишним, потому что их воспитанники всю жизнь сохраняли лояльность ордену и способствовали укоренению его положительной репутации. Когда-то и саму Сирелину еще в самом юном возрасте привезли в обитель, и с тех пор сестры стали ей единственной семьей. При этом если обычным наукам чародейки обучали и девочек и мальчиков, то из обладателей колдовского дара забирали одних только девочек. Касательно же найденных лиц мужского пола они лишь ставили в известность чародеев с запада, с которыми поддерживали профессиональные отношения, и те, если находили нужным, обеспечивали им дальнейшее покровительство. Подобные поиски одаренных детей не были простой блажью. Из века в век число носителей чародейского дара неуклонно сокращалось, а его сила столь же неумолимо шла на убыль. И лишь не-

малыми усилиями сестер им еще удавалось поддерживать древнюю науку на должном уровне, хотя ее будущее вызывало у них самое серьезное беспокойство.

Иной раз казалось, что дорога и вовсе затерялась в глухом лесу, грозя окончательно раствориться в дремучей чаще. Однако Сирелина хорошо знала путь, да и все эти места в целом. Всего несколько движений чуть осветившимися пальцами — и вот уже становится совершенно ясно куда надо ступать, а лошадь, прежде настороженно шевелившая ушами и с откровенным подозрением поглядывавшая по сторонам, вновь уверенно и без опаски топает вперед. Что же касалось верблюда, то тот и вовсе являл собой образец невозмутимости, реагируя разве что на местную кухню в виде растущих в изобилии сочных растений. Зимой, разумеется, на его долю досталось бы куда меньше угощения, но сейчас, в последней декаде сентября, едва чародейка устраивала привал, он старался ни в чем себе не отказывать.

Сразу за узкой, но глубокой рекой, воды которой казались темными как ночь, дорога пошла на подъем. Здесь она становилась мощеной, и ехать по ней было несравнимо быстрее и удобнее. У каменного моста, за многие века обросшего мхом так, что издали он напоминал прилегшего отдохнуть большого мохнатого зверя, путь, по которому приехала Сирелина, сливался с основным трактом, ведущим к обители. Обычно именно этой дорогой пользовались для сообщения с внешним миром, и именно по ней прибывали редкие посетители. От моста уже можно было увидеть уходившие к облакам башни и шпили обители и чародейка, пришпорив лошадь, прибавила ходу, рассчитывая добраться до заветных стен еще до наступления темноты.

Глухой лес, раскинувшийся на сотни миль окрест, тянулся по отлогам сопки до самых круч, где каменные нагромождения резко начинали подниматься к небу как ступеньками, так и отвесными стенами. Выныривая из расступившейся чащи, перекочевавшей на разломы и выступы лишь отдельными группами деревьев, дорога принималась петлять сложным серпантином, проходя между гранитных скал и ныряя под арки гротов. Иногда могло показаться, что она заводила в тупик, заканчиваясь глухим препятствием, но каждый раз очередной до последнего скрытый поворот вел куда-то дальше, позволяя забираться все выше и выше вдоль становившейся все круче вершины. И там, под самыми неторопливо пробегавшими облаками, дорога упиралась в широкую бездонную пропасть, по другую сторону которой поблескивали окованные серебром высокие створчатые ворота. Дальше идти было некуда. Слева и справа возвышались непреодолимые стены, уходившие

куда-то ввысь, где серебрились ледяные шапки и откуда, журча вьющимися струйками, сбегали по замшелым камням многочисленные ручейки. В глубинах серой мглы, клубившейся в перегородившем путь отвесном разломе, далеким эхом шумела невидимая река. Окаймлявшие приведшую в никуда брусчатку фонари безучастно светились, с наступлением сумерек разгораясь все ярче и ярче. Обитель расположилась напротив. Находившееся там укромное ущелье перекрывала высокая базальтовая стена, за которой виднелись гранитные и мраморные колонны, поддерживавшие украшенные в основании барельефами куполообразные своды. Большие и малые башни, выполненные из голубого и белоснежного мрамора, теснились друг на друга как виноградные грозди, мерцая серебром и позолотой кровель. Самые верхние из них тянулись куда-то за облака, теряясь резными шпилями в далекой вышине. Огромные витражи высеченных прямо в скалах окон, за которыми скрывались просторные, уходившие в гору залы, поблескивали отраженным от вечных снегов светом. Между серебряными воротами и обрывавшейся в бездну брусчаткой было не менее трехсот ярдов пустоты. Казалось, дальше пути попросту не существовало.

Сирелина, остановившись едва ли не у самого края пропасти, ничуть не обеспокоилась отсутствием дороги, в отличие от ощутимо насторожившейся лошади. Протянув перед собой правую руку с расставленными пальцами, чародейка негромко произнесла певучее заклинание, эхом отдавшееся в тысячелетних камнях. И камни, будто повинуясь зазвучавшему зову, ожили. Тихий гул прокатился по ущелью, а земля под ногами легко задрожала, словно где-то неподалеку спросонья заворочался погруженный в беспробудный сон великан. Из серой мглы провала, выныривая один за другим, показались крупные куски белого мрамора. Взлетая вверх, они поднимались на уровень основания ворот и замирали в совершенно разных местах, поначалу казавшихся выбранными случайным образом. Зависая прямо в воздухе, фрагменты кладки, в которых можно было рассмотреть отдельные блоки и элементы структуры, неподвижно пребывали в полной пустоте, видимо не поддерживаемые никакими опорными конструкциями. Их становилось все больше и больше. Клубящаяся серая мгла выплевывала из своих недр все новые элементы, мерно поднимавшиеся из невидимых глубин. Приближаясь к замершим частям, они плавно присоединялись к ним как влитые, образовывая разраставшиеся прямо на глазах секции. Будто чья-то могущественная рука кусочек за кусочком складывала над пропастью некую гигантскую мозаику, и с каждым новым фрагментом секции увеличивались все

больше, срастаясь в единое целое, а мозаика обретала внятные и упорядоченные черты. И когда последний элемент замер на своем месте, от ног Сирелины и до самых серебряных ворот протянулся длинный мост из белого мрамора. Шевельнув поводья, чародейка двинула вперед зацокавшую по идеально высеченной поверхности лошадь.

Попасть в обитель без приглашения сестер было попросту невозможно. Заколдованный мост слушался только владеющих чарами, и без их управления превращался в груду валявшегося где-то далеко внизу бесполезного камня. По велению чародеек он в любой момент складывался словно из ниоткуда, образовывая надежный путь, и так же легко исчезал обратно, напрочь отрезая доступ к находившейся совсем близко обители. Простой смертный был не в силах самостоятельно преодолеть триста ярдов бездонного пространства, и ни одна армия мира не смогла бы взять штурмом убежище чародеек. Для случайных же посетителей рядом с одним из находившихся на краю обрыва фонарей был установлен специальный рог, куда можно было дунуть в надежде привлечь к себе благосклонное внимание. И лучше было им не злоупотреблять, потому что мост в мгновение ока мог запросто рухнуть вниз, увлекая с собой любую вообразившую себя умнее всех засаду.

Ненадолго появившаяся на стене и доселе невидимая привратница, признав приблизившуюся Сирелину, приветственно ей кивнула и вновь скрылась из виду. Створки высоких серебряных ворот, покрытых листовидным узором и крупными рунами, медленно распахнулись. Сирелина чинно проехала под сводом украшенной резьбой гранитной арки, после чего ворота неторопливо закрылись обратно. Еще некоторое время повисевший мост вновь распался на части и осел обратно в серую мглу.

Разгрузив пожитки и отправив на конюшню лошадь и верблюда, чародейка, более не откладывая, отправилась прямиком к своей наставнице. В их роли выступали старшие чародейки, образовывавшие Совет, возглавляемый Настоятельницей, избираемой из числа наиболее мудрых и могущественных членов обители. Каждая же старшая чародейка курировала рядовых сестер, многие из которых в свою очередь являлись наставницами для молодых послушниц. По меркам обители Сирелина давно прошла тот возраст, когда сама была такой послушницей, но еще не доросла до того времени, когда ей будет позволено взять себе собственных учениц. Впрочем, последнее было не совсем правдой. При желании это уже могло быть осуществимо, но постоянные разъезды и слишком своевольный характер пока что превращали Сирелину в странствующую сестру, которая является полноправным членом

общины и вместе с тем практически не принимает участия в ее жизни. К тому же Сирелину считали несколько легкомысленной для того, чтобы поручить ей воспитание будущих чародеек. Арадора, наставница Сирелины, относилась к своей своенравной подопечной вполне благосклонно, но считала, что ей еще рановато брать на себя ответственность за судьбы будущих поколений.

Сирелина застала наставницу за изучением каких-то пыльных фолиантов, которые таскала туда-сюда не слишком-то довольная таким занятием горгулья. Впрочем, сидеть сутками напролет на обветренном карнизе ей улыбалось гораздо меньше, а посему она терпеливо переносила выпавшую на ее долю работенку, стараясь вздыхать и фыркать не особенно громко. При виде вошедшей Сирелины она в качестве приветствия махнула хвостом и ретировалась, рассчитывая наконец-то воспользоваться подходящим моментом и размять крылья на свободе, благо что солнце уже скрылось. Горгульи в обители, в отличие от своих городских неживых копий, отнюдь не выглядели уродливыми, поскольку чародейки любили эстетичный вид, и даже обладали вполне сносным характером. Не без определенной доли сварливости, разумеется, обыкновенно присущей этим существам, и частички заложенной самой природой вредности. Однако хозяйкам свой норов они старались не показывать, а те в свою очередь ценили их за выносливость и полезные свойства. Дозорные, например, из них выходили просто отличные, да и под рукой всегда удобно иметь кого-нибудь для повседневных нужд, не требующего дополнительного ухода. Многие дорого бы дали за возможность заполучить в свои руки летучий отряд, не боящийся ни стрел, ни копий и способный пролетать большие расстояния, атакуя врагов с воздуха.

— Здравствуй, Арадора, — почтительно склонила голову Сирелина, подойдя к поднявшейся ей навстречу наставнице.

Старшей чародейке на вид можно было дать лет сорок с небольшим, хотя стоило лишь немного присмотреться к ее взгляду дабы заподозрить, что ей гораздо, гораздо больше. Чуть тронутые сединой черные волосы, убранные под серебряный венец, спускались почти до самого пояса густым хвостом, куда были вплетены перламутровые нитки жемчуга. Левое запястье женщины украшал изящный белый браслет с крупным изумрудом, идущим в тон к длинному зеленому платью из тончайшего шелка. На среднем пальце правой руки огнем горел крупный бриллиантовый перстень — знак занимаемого положения. Ее кожа была еще белее чем у вошедшей женщины, словно носила на себе отпечаток покрывавших возвышавшуюся над обителью вершину вечных снегов.

— Здравствуй, Сирелина, — приветливо улыбнулась наставница

при виде непоседливой подопечной, которую помнила еще с совсем юного возраста. — Какими судьбами?
— Да вот, решила навестить родной дом, а заодно кое-что разузнать и сообщить важные новости, — сообщила Сирелина, совсем по-родственному обменявшись с Арадорой теплыми объятиями.
— Как же, как же, наслышаны о твоих приключениях, — прищурилась наставница. — Нетрудно догадаться, что они же тебя сюда и привели. Что у тебя такого стряслось на этот раз?
Сирелина, следуя приглашению, присела в соседнее кресло подле отложившей в сторону фолиант Арадоры и вкратце изложила часть своих приключений, обойдя стороной определенные эпизоды. По ее разумению, наставнице о некоторых ее делишках знать было совершенно не обязательно, ибо одобрения уж точно не дождешься, а получить нагоняй можно как раз таки запросто. Арадора слушала внимательно, поблескивая карими глазами из-под опущенных ресниц и медленно перебирая пальцами кисточки накинутого на кресло покрывала.
— Любопытно, — подытожила она, сплетя пальцы и задумчиво глядя в большой камин, где огонь пытался заглотить здоровенное, с полколоды, полено, и усердно облизывал его со всех сторон жаркими красными языками.
Распространявшееся по просторной комнате уютное тепло вызывало желание устроиться под мохнатым пледом с какой-нибудь интересной книжкой и хотя бы ненадолго забыть про все невзгоды и войны как вместе, так и по отдельности.
— Я собираюсь как следует покопаться в архивах и надеюсь на твою помощь, — сказала Сирелина, не сводя глаз с собеседницы. — Кроме того, я считаю что нужно принять какие-то меры в отношении Нирелина.
— Архивы, как обычно, в полном твоем распоряжении, — ответила, помолчав, Арадора. — И на мою помощь ты, разумеется, тоже всегда можешь рассчитывать, если только я не буду занята чем-то очень неотложным. Однако это мы с тобой обсудим позже. Сейчас тебе следует сходить к Настоятельнице. С некоторых пор она ожидает твоего появления и у меня есть указание отправить тебя к ней сразу как только ты объявишься. Разумеется сначала я должна была тебя выслушать, но сейчас поторопись. Аудиенцию у Изабеллы лучше не откладывать.
Изабелла, могущественная колдунья с белыми, как звездный свет, волосами возглавляла обитель сколько Сирелина себя помнила. Ее точный возраст знали разве что старшие чародейки, зато знания и способности были общеизвестны всем. Сирелина не знала сможет ли она однажды достичь такого же высокого уровня, хотя Арадора

и говорила, что со временем ей это вполне по силам. По крайней мере, если она не будет валять дурака, а продолжит усердно трудиться и постигать тонкое искусство чар, не выбрасывая на ветер драгоценные годы становления. Сирелина подозревала, что наставница ей льстит, но ей хотелось верить что однажды она действительно все-таки станет сильной чародейкой, по сравнению с возможностями которой все ее нынешние навыки будут казаться простенькими фокусами. Вместе с тем упоминание Настоятельницы сильно ее озаботило.

— Это еще зачем? — с нескрываемым подозрением поинтересовалась Сирелина.

— Твои похождения не остались незамеченными, дорогая, — покачала головой Арадора. — Поэтому лучше не тяни и отправляйся к Изабелле. Расскажи ей все, что сейчас поведала мне. И лучше добавь то, что умолчала, но при этом промолчи кое о чем таком, что мне все же изложила. Думаю, ты сама сообразишь. Ступай. Я подожду твоего возвращения здесь.

Изабеллу Сирелина нашла в зале Совета, где та шелестела какими-то свитками, поглядывая в огромное окно, за которым с ночного неба светили бесчисленные звезды. Приблизившись к ее высокому резному креслу, Сирелина сделала церемонный реверанс и застыла в ожидании, украдкой бросая на Настоятельницу оценивающие взгляды. Вроде бы та не выглядела сердитой и ледяным холодом от нее так же не веяло. Впрочем, Изабелла могла устроить хороший разнос даже с самым невозмутимым выражением лица.

— Здравствуй, Сирелина, — мягко сказала Настоятельница, откладывая свиток. — Рада видеть тебя в добром здравии. Должна заметить, что это синее платье тебе куда больше к лицу, нежели простой наряд путешествующей южанки.

Сирелина, разумеется, перед тем как навестить наставницу успела с дороги принять ванну и переодеться, скинув дорожные вещички и наконец-то облачившись во что-то куда более изящное. Красивые платья ей и самой нравились безусловно больше, особенно если их дополняли хорошо подобранные драгоценности. Только сейчас упоминание о наряде было явно не для красного словца, хотя синее платье на светловолосой женщине действительно смотрелось великолепно, а жемчуга, сапфиры и бриллианты лишь усиливали этот эффект. Впрочем, Настоятельница выглядела не хуже. Платиново-белое платье, под стать спускавшимся на плечи длинным белоснежным волосам, на груди и руках украшала тончайшая золотая вышивка. Перехватывавший талию тонкий пояс сверкал искусной сапфировой пряжкой. Бриллиантовое ожерелье горело огнем, а в волосах переливалась алмазная диадема. Выглядывав-

шие из-под платья кончики шитых золотой и серебряной нитью туфель поблескивали тысячами крохотных искорок.
— Каждой одежке — свое место и время, — развела руками Сирелина, пытаясь догадаться о чем именно сейчас пойдет речь. — В дороге от платьев одни лишь неудобства.
— Да, особенно когда приходится устраивать диверсии и со всех ног удирать через заборы от разъяренной стражи, — беззлобно усмехнулась Изабелла.
Сирелина порозовела, догадываясь, что до Настоятельницы каким-то образом дошли слухи об ее подвигах. Она хотела было что-то сказать, но Изабелла приложила палец к губам. Зашуршав платьем, она поднялась с кресла и подошла к несколько смущенной чародейке.
— Пойдем, пройдемся, — сказала Настоятельница, взяв Сирелину под локоть. — Я желаю услышать подробности от тебя самой, прежде чем определить что из дошедших до меня слухов правда, а что выдумка перепуганных обывателей.
Повинуясь мягкому, но настойчивому предложению, Сирелина под руку с Изабеллой неторопливо прошла вдоль зала Совета и обе женщины скрылись за боковыми дверями.

Соединявшие между собой большие и малые башни галереи как нельзя лучше подходили для неспешных прогулок. Украшенные поддерживавшими кровлю небольшими колоннами и статуями, они простирались высоко над землей, открывая изумительный вид на горную вершину и раскинувшуюся до самого горизонта лесную чащу. Отсюда при свете дня можно было рассмотреть и каменный мост через быстроводную реку, через который проходил проезжий тракт, идущий до самого подножия далекого горного хребта. Эта горная цепь таинственно серебрилась в лунном свете, и где-то по другую ее сторону простые люди испокон веков жили в своих городах, торговали, веселились, воевали, рождались и умирали. Невидимые отсюда, они, тем не менее, были где-то там, вольно или невольно, медленно, но верно перекраивая окружающий их мир. До нетронутых краев, простиравшихся вокруг обители на многие сотни миль, пока что долетали от их деятельности одни лишь незначительные отголоски. На тихих северных землях царил первозданный покой, а неисхоженные девственные леса по-прежнему упирались в неосвоенный судоходством далекий холодный океан, к зиме покрывавшийся льдами так, что они нагромождались на берег гигантскими торосами.

На каждой галерее имелись небольшие удобные скамеечки, а стоявшие на равном удалении друг от друга застекленные фонари мягко светились себе под нос, создавая дополнительный комфорт.

На любой из таких скамеек было очень неплохо устроиться как при свете звезд, так и солнечным днем, особенно если крыша над головой расступалась, образовывая круглую наблюдательную площадку с журчавшим на ней скульптурным мраморным фонтаном. Впрочем, две прогуливавшихся женщины не проявляли к этим удобствам интереса, предпочитая тихо мерить шагами выложенные узорными плитками дорожки. Казалось, с учетом высоты над уровнем моря и близости снегов открытые с боков галереи никак не подходили для выхода в одних лишь шелковых платьях. Царивший на горе холод просто обязан был пронизывать легко одетых чародеек до костей. Однако на то они были и чародейки. Галереи, как и многие другие объекты, закрывал невидимый глазу барьер, не позволявший проникавшему через него воздуху слишком сильно понижать температуру. И днем и ночью здесь было одинаково прохладно: не настолько, чтобы начать мерзнуть, но достаточно, дабы при этом и не потерять возможность ощутить приятную уличную свежесть.

Памятуя совет Арадоры, Сирелина поведала Настоятельнице о своих похождениях в южных землях, сделав повествование более искренним за счет включения в него некоторых живописных подробностей и при этом полностью обойдя некоторые эпизоды. Заодно она постаралась сделать как можно более сильный акцент на Нирелине, не забыв упомянуть и про встретившуюся там девочку с сиреневыми глазами. Сирелина рассчитывала, что вправе заняться ей даже в том случае, если сестер не очень-то заинтересует этот любопытный случай. Впрочем, не в их привычках было полностью игнорировать подобные вещи. Взяв из рук Сирелины необычно прочный осколок обсидиана, Изабелла неторопливо вертела его в пальцах, пока спутница излагала свое видение произошедших с ней приключений. И Сирелина постаралась закончить свой рассказ так, чтобы переключить внимание слушательницы исключительно на последние события, а все остальное пропустить сквозь пальцы как необходимую и малозначимую прелюдию.

— Да, это несомненно обсидиан, — подтвердила Настоятельница, несколько раз проведя чуть осветившейся рукой над темно-фиолетовым камнем. — В нем не живут какие-либо активные чары, и даже если однажды он подвергался их воздействию, то от их присутствия давно уже не осталось и следа. При этом, вероятно, ты совершенно права: это воздействие было. Сковавшее его структуру колдовство должно быть поистине могущественным, если его осуществили в масштабах огромного строения. Случай, несомненно, любопытный. Осколок обсидиана следует отдать сестрам для изучения. Пусть они проведут надлежащее исследование

и скажут как именно он был преобразован, и какие именно силы при этом могли применяться. Даже полностью развеянные чары иной раз можно установить по роду воздействия на сущность предмета, и эта информация может натолкнуть нас на того, кто мог бы проделать нечто подобное. Тогда, возможно, удастся определить что за строение обнаружили твои друзья посреди песков Калихари. Ибо я что-то не припоминаю присутствия там какой-либо цивилизации настолько развитой, чтобы строить такие примечательные дворцы. Пока что могу лишь предположить, что этого строения там никогда и не было. В известном, конечно, смысле. Его там никто никогда не возводил. В какие-то давние времена некие могущественные чародеи нарочно или случайно переместили его туда. Возможно, разразилась какая-то катастрофа. Возможно, именно во время нее дворец подвергся сильному разрушению, в результате чего в песках очутилось лишь то, что от него осталось, и со временем пустыня поглотила это случайное подношение. Сильнейшая же буря ненадолго освободила из плена погребенные в ее толще обломки прошлого.

Сирелина отметила про себя, что такая версия ей в голову не приходила. Возможно, Настоятельница права, и она до сих пор пыталась искать не там, где следовало. Что ж, кропотливое исследование расставит все по своим местам.

— А девочка? — только и спросила она, дав себе обещание освежить знания по архитектуре древности.

— Я пока не решила что тебя заинтриговало больше: ее происхождение или одаренность, — заметила Изабелла. — С точки зрения происхождения случай нам не интересен. Какая разница из какой она семьи и чьей является дочерью? Любопытство вызывает лишь ее непосредственное появление, но за этим наверняка стоит какое-нибудь куда более банальное объяснение. Ты еще слишком юна, и склонна видеть во всем тайны и интриги. На самом деле жизнь куда проще и прозаичнее, и в ней тебя на каждом шагу не подстерегают драконы и заколдованные принцессы. Безусловно, ты, по доброте душевной, можешь попробовать разузнать о ней побольше, ибо сестрам никогда не возбранялось проявлять участие в судьбе простых людей. Только заранее не обольщайся. Исходя из твоих слов, медальон девочки вполне может оказаться обычной семейной реликвией, ибо я что-то не припоминаю знатных родов с подобными фамильными побрякушками.

Заподозрить Настоятельницу в невнимательности или ошибочном представлении искомого предмета было нельзя. В процессе рассказа Сирелина вызвала над ладонью образ виденного ей медальона, дабы наглядно показать собеседнице о чем именно идет речь.

Платиновый диск с крупным каплевидным рубином возник в воздухе будто настоящий, разве что сложная вязь с обратной стороны становилась непригодна для вдумчивого изучения. Однако для того чтобы получить хорошее зрительное представление этого было вполне достаточно. Изабелла согласилась, что вещица весьма изящная и вряд ли принадлежит какой-нибудь простолюдинке. Вот только для сестер ордена подробности взаимоотношений мирских родов ровным счетом ничего не значили, если они не восходили к чародеям. Но именно на это особенно и упирала Сирелина, предполагая что ребенок, в силу своей одаренности, может оказаться потомком кого-то из наделенных колдовским даром. Считалось, что его проявление не является наследственным, и совершенно любое дитя может оказаться восприимчивым к недоступному для большинства слою ткани мироздания. За примерами далеко ходить было не надо, ибо у самих сестер в подавляющем большинстве рождались самые обычные дети, а посему чародейки, как правило, не обременяли себя семьями. Сестрам не возбранялось заводить романы на стороне, ибо обитель отнюдь не являлась монастырем и обета целомудрия никто никогда с них не требовал. Вместе с тем их образ жизни и ее продолжительность слишком затрудняли им возможность присущего простым смертным счастливого материнства, создавая естественное и непреодолимое препятствие. Наряду с этим были известны и отдельные случаи, когда в роду сильных чародеев со временем появлялись и весьма примечательные потомки. И на сей счет до сих пор не существовало единого мнения можно ли в таком случае говорить об устойчивой наследственной связи или нет.

— С твоих же собственных слов ты до сих пор не уловила в ребенке чародейского дара, — продолжила, помолчав, Настоятельница.

— Но он может просыпаться и гораздо позже, уже в юности, — быстро вставила слово Сирелина.

— А то мне это неизвестно, — усмехнулась Изабелла. — Однако пока девочка не проявляет способностей к колдовству, хотя сообщенное тобой, безусловно, весьма примечательно. Мне тоже было бы не безынтересно установить кто и когда научил ее чародейской речи, но все-таки знать слова и уметь воплощать их — не одно и тоже. Пока что все выглядит так, что она просто одаренное дитя, которому, возможно, действительно место среди наших юных учениц. Но не послушниц. Не тебе мне объяснять разницу. К тому же у девочки, как я понимаю, имеется заботливый, достойный и надежный опекун. Не в наших правилах изымать ребенка, если его родственники не дают на то согласия. За редким исключением, но пока что я оснований для этого не вижу.

Сирелина, насупившись, надулась совсем по-девичьи, что вызвало на лице Настоятельницы невольную улыбку.
— А я бы все-таки привезла Илиану сюда, — проворчала она, стараясь скрыть разливавшуюся по лицу досаду. — С каких это пор мы разбрасываемся одаренными детьми? Тем более я нутром чувствую: есть в ней что-то необычное. Вот только пока никак не могу определить что именно. Но и провела я в оазисе всего ничего. А вот в обители…
— Я и не говорю что ты не права, — успокоила горячившуюся сестру Настоятельница. — Я лишь констатирую, что пока не вижу оснований отрывать девочку от семьи, пусть и приемной, если та не дает своего благословения. Однако если Арбах ан-Бакир согласится отпустить свою воспитанницу, то орден вполне сможет ее принять, а в какой именно роли — покажут время и ее собственные таланты. Тебе же никто не запрещает приглядывать за ней, раз уж это юное создание тебя столь заинтересовало. Только не привязывайся слишком сильно. В случае с простыми смертными это обычно заканчивается одинаково. Ты еще будешь достаточно молода, когда дорогой тебе человек на твоих глазах угаснет от дряхлой старости. Поверь, это не самое лучшее переживание, способное наложить глубокий отпечаток на всю оставшуюся жизнь. И не всем удается его залечить и справиться со своими чувствами.
Сирелина засопела совсем как Илиана, когда та находилась в растерянности или была чем-нибудь недовольна. Изабелла отвернулась, стараясь не рассмеяться при проявлении столь явного ребячества. Впрочем, в сравнении с ней Сирелина была еще очень юна, так что ей все-таки простительны такие проявления эмоций.
— Я привезу девочке кое-какие вещи и книги, и лично попробую заняться с ней некоторыми науками, — по зрелому размышлению сообщила молодая чародейка. — Полагаю, я смогу найти для этого достаточно времени. Однако здесь все упирается в очень насущный вопрос. Я считаю, что Нирелину грозит большая опасность. И что Гийюру ад-Сейдину ни в коем случае нельзя позволить заполучить то, что он столь страстно желает. Это грозит многими бедами. Думаю, сестрам небезынтересно узнать о том, что хранит этот оазис. Мы не можем оставаться безучастными.
Изабелла вздохнула. Сирелина выжидательно смотрела на Настоятельницу, но та с ответом что-то не торопилась.
— Если предоставить нирелинцев самих себе, может стрястись большая беда, — вновь сообщила Сирелина, нервно поправляя выбившийся локон.
— Любишь ты во все вмешиваться, — покачала головой Изабелла, нахмурив брови. — Отправилась вроде заниматься изучением

южных земель, а сама с каждым годом все больше погрязаешь в каких-то житейских интригах.
— Но ведь на сей раз случай и впрямь серьезный! — воскликнула Сирелина. — Я ведь даже и не знала…
— Мало кто вообще знает, — перебила ее Настоятельница. — Да-да, ты меня правильно поняла — никакой тайны ты мне сейчас не открыла, — пояснила она, видя округлившиеся глаза собеседницы. — Старшим чародейкам прекрасно известно о существовании Нирелина. Безусловно лучше бы тому что он хранит там и оставаться, и печально, если кто-то захочет выпустить джинна из бутылки. Вместе с тем мы как раз подошли к тому, ради чего я и хотела с тобой переговорить, едва ты объявишься в обители. Не обольщайся: выстроенную тобой схему разговора я раскусила сразу, и тебе не удастся отвлечь меня от собственных проказ. Пойми, твое желание непременно вмешиваться в происходящее, пытаясь перекроить его по своему желанию, ничуть не идет на пользу делу. Люди живут своей жизнью, цивилизации развиваются и исчезают, империи рождаются и рушатся, и все это прекрасно происходит без чьего-либо стороннего вмешательства. Если один властелин собрал огромную армию и развязал войну — такова жизнь. И если он обретет пусть даже большой разрушительности силу — тоже. Естественный баланс не нарушен, такова сама природа вещей. Когда ты проявила интерес к южной культуре и отправилась постигать на практике особенности их чародейского искусства, это можно было только приветствовать. Только вот способ этой самой практики ты выбрала весьма сомнительный, проявляя личную заинтересованность в совершенно чужом для нас конфликте и вообще мире.
— Я вообще не понимаю как можно оставаться равнодушной, когда мир погружается в такой хаос! — возмутилась Сирелина.
— Сестра, не будь наивной, — мягко сказала Изабелла. — Можно подумать прежде его не сотрясали войны завоевателей всех мастей. Между прочим, в конечном счете, создание крупных империй обычно идет на пользу цивилизации, давая ей серьезный толчок в развитии. А жертвы всегда были и будут, ничего тут не поделаешь. Нет ничего плохого в помощи отдельным людям и даже группам, но это отнюдь не то же самое, что вмешиваться в судьбы мира, по собственной прихоти занимая чью-либо сторону.
— То есть мне просто абстрагироваться от происходящего, глядя как вокруг меня творится невесть что? Я не настолько бесчувственная! — сердилась молодая чародейка, явно не горевшая желанием всегда и всюду разделять политику невмешательства.
— Ты напрасно полагаешь бесчувственными остальных, — отме-

тила Настоятельница. — Мне, между прочим, тоже жаль ни в чем не повинных людей, становящихся заложниками обстоятельств и чужих амбиций, но, еще раз подчеркну, такова жизнь и ее естественное течение. Я ведь не уничтожаю мосты, не нагоняю страху на разъезды, не подмешиваю всякую гадость, отчего слегают с коликами целые армейские подразделения, и не пытаюсь спалить дотла городской квартал только потому, что мне не нравится происходящее развитие событий из-за личных симпатий. Тебе никогда не приходило в голову, что даже наш орден однажды мог появиться на свет благодаря очередной имперской экспансии? Пожалуй, тебе как следует стоит подучить историю, дабы освежить в памяти события древности, когда в глобальный конфликт по обе стороны втягивались колдуны и чародеи. Я никоим образом не хочу сказать, что стоит оставаться полностью безучастной, но пока что всего лишь очередной властелин пытается перекроить политическую карту южных земель и это исключительно их собственное дело. Мы приглядываем за миром и стараемся его оберегать от всяческих напастей, но это не тоже самое, что вмешиваться во все людские дрязги, диктуя народам как жить и что делать по нашему усмотрению.

Сирелина, не утерпев, принялась спорить, убежденно отстаивая свою точку зрения и личное видение ситуации. Возражения ее, конечно, носили адекватный эмоциональный характер, памятуя о том, что разговаривает она не с какой-то подружкой. Тем не менее, промолчать молодая чародейка тоже не смогла. Изабелла терпеливо урезонивала горячившуюся Сирелину, проявляя достаточно такта, хотя вполне могла просто оборвать ее на полуслове, велев делать так, как требуют старшие. Настоятельница считала, что на одних приказах далеко не уедешь. Каждая сестра должна обладать достаточным пониманием что, как и почему, иначе либо придется держать весь орден в ежовых рукавицах, превратив его в подобие исправительного заведения, либо разброд и шатание обеспечены. Позиция Сирелины была старшей чародейке чисто по-человечески понятна, но молодая сестра многое еще принимала слишком близко к сердцу, иной раз совершенно не задумываясь о возможных последствиях своих действий. О них, пожалуй, и пришло время напомнить.

— Твоя личная заинтересованность, сестра, мешает тебе мыслить более глобально и предвидеть результаты своего вмешательства, — сказала Настоятельница, когда собеседница несколько выдохлась. — Симпатии к ан-Нуадону толкнули тебя на опрометчивые шаги, и ты решила ввязаться в конфликт не по зрелому размышлению, а движимая исключительно владевшими тобой эмоциями. Разве

мудрые чародейки так поступают?
— А мудрые чародейки бросают друзей в беде? — насупилась Сирелина.
— Нет, — качнула головой Настоятельница. — Но как именно все новые диверсии могут, по-твоему, помочь делу? Насколько мне известно, бею от них лучше ничуть не стало, зато раздраженного внимания хана ты, безусловно, добилась. А твоя самонадеянность в Солтенстиле? Не сомневаюсь, тобой двигали самые лучшие побуждения, однако стоит порадоваться, что учиненные тобой разрушения не постигли целый квартал вместе с жителями.
— По-твоему, мне следовало дать себя схватить? — возмущенно фыркнула Сирелина.
— Не надо было создавать для этого предпосылок, — подняла палец Изабелла. — На тот момент ты уже достаточно насолила хану, чтобы он открыл на тебя охоту. А ты еще сунулась прямо в логово льва. Между прочим, если бы ты к тому времени не привлекла к себе ненужное внимание, то, возможно, действительно смогла бы вызволить ан-Нуадона прямо под носом ханской стражи. Правда и в этом случае тебе стоило бы сначала подумать ради чего это делается: увезти бея вместе с семьей в далекое безопасное место или развязать кровавое восстание, которое, с учетом расклада сил, наиболее вероятно закончилось бы очередной резней.
— Как-то уж все слишком оказались осведомлены о моих делах, — проворчала Сирелина. — Даже интересно, откуда вдруг столько внимания к моей скромной персоне?
— Именно потому я и хотела сначала выслушать тебя, — заметила Настоятельница. — Слухами земля полнится. Мало ли что кому приписывают. Разумеется, мы в общих чертах обычно знаем чем занимаются наши сестры. Сведущему глазу нетрудно разглядеть в каком-то, казалось бы, незначительном событии присутствие колдовства и наоборот — исключить его даже тогда, когда простые обыватели просто уверены, что дело не обошлось без чар.
— По-моему не такой уж важный повод поджидать меня с фонарями, основываясь на одних лишь слухах, — заметила Сирелина.
— Само собой, — согласилась Изабелла. — Только хан Гийюр уже выразил нам свое неудовольствие, что, согласись, дает некоторые основания пригласить тебя на разъяснительную беседу.
— Это как это? — неприятно удивилась Сирелина.
— До обители дошло адресованное сюда письмо, — пояснила Настоятельница.
Вкратце она передала обеспокоенной спутнице обстоятельства, связанные с получением сего послания и его содержание. Ад-Сейдин в нем вполне вежлив, но отмечает, что находит прискорб-

ным вмешательство в свои дела со стороны сестер ордена, с которыми отнюдь не желает ссориться ни сейчас, ни впредь. Выражая надежду на понимание, он подчеркивает, что лучше всего обойтись без ответных мер, к которым его могут вынудить в случае продолжения недоброжелательных действий на его землях. Ни разу не написав ни единой открытой угрозы он вместе с тем аккуратно обозначает, что не будет оставаться бесконечно терпелив к нападкам на свой суверенитет. При этом хан ни словом не обмолвился о возможных недоразумениях за пределами своих владений, которые, впрочем, он уверенно расширяет. Лишь, словно невзначай, упоминает, что было бы нежелательно оказаться с мудрыми сестрами ордена по разные противоборствующие стороны. Это весьма дипломатичное послание доставил вежливый всадник вполне мирного вида в сопровождении всего лишь двух не более агрессивных спутников. Ад-Сейдин был достаточно тактичен, чтобы не посылать на земли чародеек даже небольшой вооруженный отряд, хотя послов может сопровождать соответствующая охрана. Требовать какого-то немедленного ответа всадник не стал и тут же удалился, едва выполнил возложенное на него поручение. Письмо, несомненно, действительно исходит от хана, поскольку на нем стоит его печать, а вежливый посланец носил отличительный знак Красной саламандры.

— Твое имя напрямую не указывается, но нетрудно догадаться кого именно в основном подразумевает составитель письма, — подытожила Изабелла, весьма серьезно поглядев на спутницу.

— Ад-Сейдин прибегает к помощи колдунов. Без них ему бы не удалось напасть на мой след и вообще узнать что я — это я, — мрачно заявила Сирелина.

— У многих правителей при дворе так или иначе практикуют чары. Обычно это просто не афишируется. Только в данном случае абсолютно не важно как тебя обнаружили. Важны последствия, — нарочито с выражением сказала Настоятельница.

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась Сирелина.

Изабелла пояснила. До сих пор хан достаточно терпимо относился к колдовству, не поощряя его, но и не запрещая. Этот статус-кво поддерживался уже долгие годы, и на его землях чародеи могли ощущать себя в сравнительной безопасности, если открыто не привлекали внимание людей. И ад-Сейдин вполне мог это изменить, объявив колдовство вне закона со всеми вытекающими. Его собственные люди, разумеется, получат разрешение и окажутся неприкосновенными, но вот остальным дорога в Железные земли и все, что окажется под властью Красной саламандры будет заказана. Для нормализации отношения населения к чародеям это не

самое лучшее развитие событий, поскольку их и без того слишком часто сторонятся, обычно без всяких на то оснований. Когда-то именно постоянное вмешательство чародеев в жизнь людей сильно дискредитировало колдовство, став синонимом чего-то зловещего, опасного, невидимого и непредсказуемого. Этот страх укоренился в последующих поколениях, и хотя нынешние обладатели дара не те что прежде, обыватели, как правило, не видят разницы, или не хотят ее видеть, и для них насылающая порчу злобная ведьма мало чем отличается от ученой сестры ордена, в жизни своей не причинившая никому вреда. В некоторых государствах колдовство теперь вне закона. Пока что их меньшинство, но стоит приложить все усилия, дабы их число не увеличивалось, а люди перестали видеть во встречном чародее потенциальную угрозу. Объявить охоту на ведьм легко, а вот остановить ее потом очень и очень трудно.

— Ясно, — мрачно заключила Сирелина. — Остается теперь доставить меня ко двору хана в подарочной упаковке с тысячей извинений за причиненные неудобства.

— Не неси чепуху! — впервые повысила тон Изабелла. — Орден никогда не выдает своих сестер, чего бы те не натворили! Вместе с тем он и отвечает за все их поступки. Потому я и завела с тобой этот разговор, дабы ты поразмыслила и поняла как могут впоследствии сказаться затеянные тобой интриги.

Дойдя до середины одной из длинных галерей, женщины остановились вблизи от стекавшего с далекого уступа небольшого водопада. В лунном свете прозрачные струи таинственно поблескивали множеством серебряных нитей. Облокотившись о парапет, можно было часами смотреть как они стремительно бегут вдоль замшелой каменной громады навстречу видневшемуся внизу глубокому пруду, усеянному кувшинками и лилиями. Оттуда брала начало шустрая речушка, с журчанием протекавшая через густые сады и павильоны. Она же, играя галькой, огибала разбитый в самом конце ущелья тенистый парк — настоящий кусочек леса, выросший меж крутых горных склонов. С того места где сейчас находились две чародейки парк не был виден, зато водопад представал во всей своей красе. Настоятельница, пользуясь тем, что Сирелина наконец-то высказалась и несколько поостыла, завела наставительную речь, стараясь излишне не давить на собеседницу, но вместе с тем и дать понять, что этот разговор — отнюдь не досужая светская беседа.

Когда насупившаяся Сирелина вернулась к наставнице, та все еще сидела в том же кресле, читая один из фолиантов. Горгульи нигде не было видно. Не иначе как носилась где-то в ночи и не

слишком торопилась обратно.
— Что сказала Изабелла? — поинтересовалась Арадора, откладывая книгу в сторону.
— Отныне я под арестом, — хмуро сообщила Сирелина.
— Рискну предположить, что Настоятельница запретила тебе покидать обитель? — уточнила наставница совершенно невозмутимым тоном.
— Угу, — проворчала Сирелина. — Как я посмотрю, ты не больно-то удивлена.
— Разумеется, — пожала плечами Арадора. — Это я уговорила ее ограничиться столь небольшим взысканием. Поначалу Изабелла была настроена куда менее миролюбиво.
— Вот как? — спросила голубоглазая чародейка и в ее голосе прозвучала обида. — Хорошо вы сговорились.
— Думаю, Изабелла объяснила тебе, что это для твоего же блага. Этот хан и его дела ни мне, ни Настоятельнице нравятся не больше твоего, но твоими порывами еще слишком часто руководит сердце, а не разум. Ты наделена многими талантами, но терпение и осмотрительность пока отнюдь не твои сильные черты, — наставительно произнесла Арадора.
— Кажется, сегодня все решили читать мне нотации, — едко сказала Сирелина. — Вот и помогай после этого! Я-то спешила в обитель с новостями и думала что поступаю как лучше. В следующий раз непременно оставлю полсотни нирелинцев на долю стервятников, а очередную открытую тайну даже и не подумаю сообщать в орден — там же и без меня, оказывается, все знают.
— За спасение людей тебя никто и не порицает, и за сообщенные новости тоже, — пояснила наставница. — Последняя часть твоих похождений вполне достойна похвалы, равно как и твои изыскания в культуре южных народов и их традиционном колдовстве. И добытые сведения тоже не останутся без внимания. Напрасно ты думаешь, что твои усилия совершенно никто не замечает и не ценит. Полагаю, мне нет смысла повторять все то, что и так уже сообщила Изабелла. Более того, я думаю, ты уже прекрасно все поняла, а упрямишься исключительно из-за своей бунтарской натуры. Что есть, то есть. Ты никогда не была покладистой девочкой. Для одаренных личностей это довольно характерно, но им тяжелее научиться сдерживать себя и прислушиваться к словам старших.
— Отличная форма благодарности — безвылазно запереть меня здесь! — фыркнула Сирелина.
— Вот и обождешь, пока все не уляжется, — сказала Арадора. — В обители тебе есть чем заняться. Напишешь подробный труд обо всем, что удалось узнать и постичь в южных землях. Твою работу

изучат самым внимательным образом, и она, уверена, внесет свой вклад в накопленные сестрами знания. А заодно не ты ли собиралась как следует покопаться в архивах? И я, как обещала, с удовольствием тебе помогу, чем смогу. Так, глядишь, и время пройдет с пользой.

— И долго мне здесь торчать? — осведомилась Сирелина.

— Это решать Настоятельнице, — сделала ладонью жест наставница. — Но я бы не рассчитывала покинуть обитель в ближайшее время.

Была уже глубокая ночь, когда пасмурная Сирелина возвращалась к себе. Ее комнаты располагались в находившейся вблизи от парка жилой башне, а окна выходили прямо на густые кроны вековых деревьев. От покоев Арадоры топать было довольно прилично, и голубоглазая чародейка, погруженная в свои невеселые думы, шла через пустые в столь поздний час коридоры и лестничные пролеты. Разумеется, далеко не все сестры проводили ночь в постели и жизнь в обители обычно никогда не замирала. Просто если кто и бодрствовал, то был занят каким-либо делом и не шатался туда-сюда, бесцельно бродя по лестницам и шаркая под гулкими сводами. Поэтому когда за очередным поворотом Сирелина неожиданно с кем-то столкнулась, то виной тому послужили не только ее мрачные размышления. Ойкнув, налетевшая на чародейку молодая послушница в зеленом одеянии выронила из рук деревянный посох с крупным белым кристаллом на конце. Свалившись на пол, посох подскочил на до зеркального блеска отполированной каменной плите и из увенчивавшего его кристалла вырвалась короткая молния. Присущего такому явлению оглушительного раската и сопутствующих разрушений к счастью не последовало. С сухим треском сверкнувший разряд ударил в стену прямо над головой Сирелины, оставив на бежевом мраморе темное пятно с игольчатыми разводами. Чародейка, отшатнувшись, оторопело застыла на месте. Перепуганная послушница, подняв злополучную деревяшку, дрогнувшим голосом рассыпалась в извинениях. Сирелина, оглядев пострадавшую стену, взглянула на посох и огорченную девушку.

— Что ж, и на том спасибо, что не мне в голову, — проворчала она. — Только хорошего заряда мне сегодня еще и не хватало.

Вконец расстроенная послушница залепетала что-то в оправдание, сбилась и неловко умолкла, залившись краской. Сирелина пребывала далеко не в самом лучшем настроении, однако смущенная растерянность оплошавшей бедняжки не оставила ее равнодушной. Чародейка только что и сама досыта наелась нотациями старших, а потому решила быть снисходительной к такому, в

общем-то, пустяковому инциденту. Подумаешь, чуть не долбанули молнией — всякое бывает. Не конец света. Сирелина сменила гнев на милость.
— Учишься удерживать призванную стихию? — спросила она, смягчаясь и красноречиво протягивая руку к посоху.
Послушница кивнула, вручая ей дурацкую деревяшку и стараясь не встречаться с чародейкой глазами.
— А чего так поздно? — поинтересовалась Сирелина, повертев отполированный стержень и изучая оплетенный ветвями кристалл.
— Хотела поупражняться пока никого нет, — тихо пояснила послушница. — Я стараюсь больше практиковаться. Только у меня еще плохо получается.
— Такое усердие — это похвально, — заметила чародейка, возвращая посох назад. — Но ты неудачно выбрала материал. У каждого дерева своя теплопроводность, прочность и способность к резонированию. Можно использовать универсальные варианты, но если мы хотим выжать из стихии максимум, то лучше подобрать для нее соответствующий носитель. Взятый тобой бук обладает высокой теплопроводностью, что способствует наиболее эффективному высвобождению стихии огня. А вот его резонансные свойства вдвое хуже, чем у куда больше подходящих для молнии ели и кедра. И если удерживающие чары слабы или наложены не очень умело, то при внешнем воздействии стихия может самопроизвольно вырваться наружу. Например, при падении посоха на каменный пол.
— Я надеялась, что мне хватит сил совладать и с этим, — потупилась послушница. — Я совсем недавно экспериментирую с электричеством, и пока не обзавелась другим инструментом. Хранилище было закрыто, и я решила обойтись тем что у меня есть.
— Бывает, — утешила Сирелина. — Неспроста же учатся долгие годы. Поначалу все ошибаются, и лишь с продолжительной практикой начинает приходить уверенное владение чарами. Помню я как-то едва не заморозила весь тренажерный зал, когда тоже перепутала материал и ошиблась при сотворении заклинания. Мой посох тогда разом выпустил всю содержавшуюся в нем стихию холода, будучи не способен ее удерживать.
— Правда? — наконец-то осмелилась поднять глаза послушница.
— Угу, — кивнула Сирелина. — Досталось мне тогда знатно. Наставница успела компенсировать неконтролируемый выброс стихией огня, ибо я рисковала превратить окружающих в чудесные ледяные скульптуры. В качестве наказания я потом пару месяцев зубрила теоретический материал так, что он мне ночами снился. Зато больше таких промахов не допускала. Так что ты поосторож-

ней с экспериментами в одиночестве. Кстати, как тебя зовут?
— Флея, — присела в легком реверансе рыжеволосая послушница.
— А меня Сирелина, — представилась чародейка. — Вот что, Флея, дай-ка я уберу стихию с твоего посоха, пока ты действительно кого-нибудь не шарахнула, а потом, если хочешь, немного тебя потренирую. Мне теперь обеспечили много свободного времени, и я вполне могу им поделиться.
Обхватив осветившимися пальцами обвитый ветвями кристалл, Сирелина прошептала какие-то слова. В следующую секунду из древесины зазмеились тысячи тонюсеньких голубых язычков, с тихим треском развеивавшихся в пространстве. Заключенная внутри энергия быстро и безопасно высвобождалась, лишь в воздухе ощутимо потянуло озоном. Не прошло и четверти минуты, как язычки пропали, а посох превратился в самую обычную опору при ходьбе, в которой чар было не больше, чем в простой табуретке.
— Порядок, — констатировала Сирелина. — Сейчас, Флея, иди домой, а завтра вечером приходи ко мне, если будет желание. Попробую немного поднатаскать тебя на досуге.
Объяснив где именно ее искать, чародейка распрощалась с рыжеволосой девушкой и продолжила путь в более приподнятом настроении. Воспрявшая духом послушница, помахивая обезвреженным посохом, живо испарилась в направлении ближайшей лестницы.

Сирелина сдержала обещание. Она поджидала Флею вооружившись огромной кипой книг, доставленных прямиком из библиотеки в ее покои. Собственных учениц у чародейки до сих пор не было. Сирелину это не слишком огорчало, особенно ввиду ее склонности к далеким путешествиям, но в свете вчерашних событий вдруг стало вызывать некоторую досаду. Особенно тогда, когда она собиралась заняться образованием и воспитанием девочки с сиреневыми глазами, а тут на тебе! Что ж, раз так, она пока вполне может поделиться своими навыками с другой воспитанницей и покажет пару-тройку приемов. И ей будет чертовски приятно, если девушка при случае блеснет тем, чему ее научит Сирелина. Однако и про свои дела забывать не стоит, а поэтому сразу после обеда, вооружившись огромной тематической подборкой, голубоглазая чародейка усердно рылась в старинных страницах, надеясь обнаружить в них интересующие ее сведения. Таскать из библиотеки запрошенные фолианты, как и совсем недавно Арадоре, помогала тоже не слишком довольная такой работенкой горгулья. Впрочем, Сирелина милостиво обещала ей предоставить всю ночь в полную свободу, а посему крылатое существо старалось на

совесть, курсируя между библиотекой и покоями хозяйки и кряхтя под тяжестью переносимого груза.

Настроение у чародейки вновь улучшилось. Как следует выспавшись, Сирелина приняла ванну и пару часов нежилась в теплой воде, наслаждаясь густой мыльной пенкой и ароматическими солями. Обитель сестер, не в пример большинству людских построек от простолюдинов до спесивой знати, была оборудована многими удобствами. Сложная система виадуков снабжала жилые помещения водой прямо из-под крана, причем не только холодной, но и горячей. Талая вода, сбегавшая с покрытой вечными снегами сопки, собиралась в особые резервуары и поступала в распределительную систему. Она же направлялась и в специальные котлы, подогреваемые за счет бурлившей в недрах горы лавы. Ее жара было более чем достаточно, чтобы температура в трубах поддерживалась на должном уровне, и стоило только повернуть кран, как из него беспрепятственно можно было получить горячей воды сколько душе угодно. Никакой тебе беготни с чайниками, никаких бочек, наполняемых ведрами с пылающего костра или камина. Красота да и только! Блаженствующая Сирелина, подложив под голову подушку и потягивая из хрустального бокала легкое вино, решила что, так и быть, какое-то время вполне может побыть паинькой и совместить приятное с полезным. Ведь даже без вынужденного затворничества она так и так собиралась пробыть сколько-то в обители в надежде пролить свет на историю с Илианой. Стало быть, с самым смиренным видом этим и займемся. А там, глядишь, и запрет снимут. Лишь бы не слишком долго. Поэтому когда в дверь робко постучали и на пороге объявилась рыженькая Флея, Сирелина пребывала в достаточно хорошем расположении духа и приветливо пригласила девушку войти, ничуть не жалея о данном обещании. Чародейка уже слегка подустала от пока что не приносившего пользы листания фолиантов и даже рада была немного развеяться.

— Держи, — сказала Сирелина, протягивая девушке посох, который горгулья заблаговременно притащила из обширных кладовых по запросу чародейки. — Что можешь о нем сказать?

Флея, взяв предложенный предмет, покрутила его в пальцах, осмотрела кристалл и потерла тщательно полированное дерево с вырезанными на нем руническими надписями, изучая цвет и текстуру.

— Это кедр, — заключила она. — Обладает очень высокими резонансными свойствами и низкой теплопроводностью. Еще меньше — у пробкового дерева, но мы его обычно не используем из-за некоторых отрицательных свойств.

— Отлично! — похвалила Сирелина. — Я вижу, ты вовсе не плохо в этом разбираешься.
— Просто я с самого утра читала книжку по данной теме, — призналась послушница.
— Вот и хорошо, раз сразу пошло на пользу, — одобрительно заявила чародейка. — Давай сразу и проверим насколько. Раз это кедр, то?..
— То изготовленные из него вещи лучше всего подходят для стихий холода и электричества. Работа же с огненными чарами считается нежелательной и по возможности ее следует избегать, — живо отрапортовала Флея, возведя глаза к потолку и вспоминая усвоенные знания.
— Правильно. Молодец! — снова похвалила Сирелина, отчего рыженькая девушка немного зарделась. — Именно поэтому я и раздобыла его для тебя, раз уж никто другой не почесался. Это хороший посох и с ним ты сможешь работать как с молнией, так и со льдом. Оставь его у себя. Я потом оформлю в кладовой все должным образом.
— Ух!.. Спасибо! — не скрывая радости, воскликнула Флея. — Это хорошая вещь, такими только чародейки пользуются. Послушницам обычно не доверяют.
— Это чтобы почем зря не гробили, а то никаких посохов не напасешься, — усмехнулась Сирелина. — Так что постарайся сохранить его невредимым.
Девушка пустилась было в соответствующие заверения, но чародейка остановила ее жестом руки.
— Полно, полно, — сказала она, улыбаясь. — Я буду только рада, если мой маленький сувенир сослужит тебе хорошую службу. Поэтому предлагаю незамедлительно направиться в Учебный чертог и попрактиковаться в зале стихий.

Названия говорили сами за себя. В глубине горы, за огромными цветными витражами скрывались обширные помещения, предназначенные для обучения послушниц. Учебным чертогом именовалась огромная скала с левой стороны обители, где будущие чародейки в теории и на практике постигали многочисленные премудрости. И там же они вволю могли переворачивать все вверх дном, осваивая плетение чар и при этом никому не мешая. Зал же стихий именно для них и предназначался. Разложенные в раздельных секциях круги призыва сочетались с тренажерами и манекенами, а стоявшие вдоль стен шкафы и стеллажи хранили подсобные инструменты и образчики воплощения призванной энергии. Сейчас он был почти пуст и Сирелина со своей новой знакомой могли беспрепятственно торчать здесь хоть до утра. Об-

любовав в сторонке подходящую секцию, чародейка усадила Флею за нужный учебник и принялась расспрашивать ее как и что она делала.

Довольно быстро Сирелине удалось установить где послушница допускала промашку и неточности, особенно когда дело дошло до практики. Обычно никто не возился с воспитанницами столь скрупулезно, но чародейка прямо-таки разжевывала Флее что к чему, раз по десять-двадцать показывая одно и тоже. Круг Стихий рыжеволосая девушка активировала вполне грамотно, но Сирелина и здесь подсказала ей как можно делать это быстрее и эффективнее. Найдя слабое место в том, как Флея накладывала удерживающее заклинание, чародейка заставила ее упражняться вновь и вновь до тех пор, пока послушница наконец-то не схватила искомую тонкость. Разумеется, ей еще предстояло как следует оттачивать полученный навык, но даже сейчас умение Флеи заметно улучшилось, и приунывшая было от ощущения собственной бестолковости девушка сразу повеселела.

Хуже всего у послушницы дело обстояло с наполнением призванной стихией нужного предмета. Им могло быть почти что угодно, но в данном случае упражнения ставились на кедровом посохе. Он мог использоваться для разных целей, требующих быстрого извлечения заключенной в нем энергии, а не только в качестве оружия. Хотя чародей с таким оружием — серьезный противник, и связываться с ним будет себе дороже. Разумеется, заключенная внутри энергия не бесконечна и при активной эксплуатации довольно быстро иссякнет, но польза от такой штуки очевидна. Впрочем, известные недостатки ограничивали его применение. С течением времени энергия рассеивалась, а ее восполнение требовало усилий с использованием круга. Сам же посох выглядел достаточно примечательно и мог привлечь нежелательное внимание. Если в северных краях к подобным вещам относились достаточно равнодушно, то в южных следовало проявлять осмотрительность. Поэтому Сирелина обычно не путешествовала с такой палкой, предпочитая обходиться менее заметными инструментами. Флея же только училась управлять стихиями, а посему ее интерес к посоху был более чем объясним. Только вот получалось у рыженькой девушки неважно. Призванная в кругу энергия по большей части бесполезно рассеивалась, пока Флея пыталась направить ее куда нужно и до отказа наполнить кедровое вместилище. Сирелина ничуть не сердилась нерасторопности послушницы, вновь и вновь объясняя ей что к чему и поправляя по мере очередной попытки. Момент был достаточно сложный.

— Понимаешь, ты должна очень четко осознавать собственную

силу, — объясняла чародейка. — Слишком слабый поток окажется малоэффективен, и большая часть призванной тобой энергии просто развеется. Если же ты не рассчитаешь усилие, то потеряешь над ней контроль, и она хаотично вырвется. И чем больше будет твоя истинная сила, тем мощней окажется выброс. Вот ты, например, каждый раз медлишь, будто боишься собственных возможностей, и никак не можешь овладеть потоком в нужной мере. В результате, пока ты направляешь его в посох, он по большей части успевает развеяться. Будь уверенней. Не страшно, если немного перестараешься. Мы в защищенном помещении и никому не навредим. На это и зал стихий в учебном чертоге, дабы можно было спокойно практиковаться.

— Может быть, покажете разок-другой? — взмолилась притомившаяся послушница, запросив передышку. — А то у меня получается все хуже и хуже.

— Ладно, давай сюда посох и смотри внимательно, — согласилась Сирелина.

Приняв кедровое изделие, она быстренько избавила его от уже имеющегося некоторого количества энергии и разместила в соответствующей стойке за кругом. Затем, раз уж дает наглядный урок, академически точно активировала Круг Стихий.

— Гляди, сейчас будет самый ответственный этап! — воскликнула чародейка.

В воздухе над центром круга стало материализоваться небольшое облачко с непрерывно пробегавшими по нему сполохами молний. Оно быстро росло, наливаясь силой и светом, молнии учащались и множились. В какой-то момент облачко вдруг резко забурлило, выбрасывая откуда-то изнутри потоки энергии, и прямо на глазах стало превращаться в яркую раздувающуюся сферу. Пространство наполнилось легким гулом и жужжанием, присущим высокому напряжению. Всего несколько секунд — и вот уже над кругом стихий засиял белизной крупный шарообразный сгусток, сердито гудящий как рой потревоженных ос.

— И сейчас надо быстро направить энергию туда, куда нужно, пока она не рассеялась обратно, — сказала Сирелина, вытягивая вперед руку так, что расставленные пальцы обратились аккурат к размещенному позади сферы посоху. — Кристалл на конце посоха служит проводником в обе стороны, и нужно чтобы поток пошел именно в него. Быстро и точно, и достичь этого можно только за счет отличного контроля своего уровня силы. Слабый поток не успеет передать всю энергию, что у тебя пока и выходит, а чрезмерный…

Сирелина не договорила. Шевельнувшаяся было куда требовалось

сфера неожиданно растянулась в длинную загудевшую разъяренным шершнем струю. Ударив в посох, отчего кристалл на мгновение ослепительно вспыхнул яркой звездой, она вырвала его из гнезда и отшвырнула прочь, в мгновение ока пронеслась до конца секции и с ужасающим грохотом долбанула в каменную статую с размещенным в ней громоотводом. Верхушка статуи разлетелась вдребезги, засыпав секцию мелкими осколками наподобие шрапнели и оставив торчать из уцелевшей части стержень оплавленного громоотвода. Обалдевшая Сирелина застыла столбом, вытаращив глаза. Послушница восторженно захлопала в ладоши.

— Ух ты!— воскликнула она, от впечатления даже запрыгав на месте совсем как обычная школьница. — Теперь я вижу что будет, если допустить хаотичный выброс. Вы же именно это хотели мне показать, правда? Чтобы я не боялась правильно ощутить свою силу. Но какой мощный у вас получился разряд! Я и не знала, что вы так можете!

— А-га, — протянула насилу пришедшая в себя Сирелина.

Оказывается, она тоже этого не знала, поэтому не стала уточнять к чему именно это "а-га" относилось. Флея, кажется, не поняла, что чародейка собиралась продемонстрировать нечто совсем другое. До этого момента Сирелина действовала со спокойной расчетливостью, твердо осознавая уровень своих нынешних возможностей. И в самый решающий момент привычная планка неожиданно оказалась намного выше, словно она уверенно оттолкнулась для прыжка на пять ярдов и вдруг улетела на все восемь. В результате выплеснувшаяся без надлежащего контроля энергия совершила такой выброс, что разнесла даже предназначенную для попадания молний статую. Ошибка, безусловно, была налицо, но она проистекала из того, что собственная сила чародейки совершенно непредвиденным образом оказалась намного больше, чем она привыкла считать. Невольно посмотрев на свои руки, Сирелина ощутила прилив сильного волнения.

— Пожалуй, на сегодня хватит, — сказала она, стараясь выглядеть как ни в чем ни бывало. — И ты устала, и мне еще кое-что надо доделать. Если ты не против, мы продолжим в другой раз. А сегодня ты отлично потрудилась!

Флея не возражала. Она действительно изрядно притомилась, а таким эффектным окончанием урока была более чем удовлетворена. Не забыв подобрать кедровый посох, послушница последовала за Сирелиной и вместе с ней покинула Учебный чертог, оживленно делясь полученными впечатлениями.

– 7 –

С того самого дня Сирелина стала заниматься с Флеей регулярно. Во-первых, ей все больше нравилась любознательная и старательная девушка, а во-вторых чародейка таким образом заодно осторожно прощупывала свои собственные изменившиеся возможности. Последнее Сирелину немало волновало и озадачивало. Со временем сила чародеек постепенно росла, у кого-то больше, у кого-то меньше. Выше головы, конечно, не прыгнешь, но зрелая и опытная колдунья могла намного больше, чем в самом начале своего пути. Регулярная практика и освоение новых познаний немало этому способствовали, так что ничего удивительного в увеличении колдовской силы, в общем-то, не было. Другое дело, что редко когда это происходило столь мощно и скачкообразно. Такие приливы обычно наступали предсказуемо и в куда меньшей степени, либо же способности чародеек росли постепенно, капля за каплей взращиваясь словно сталактит. Природа по-разному одаривала своих детей, однако в общей картине нечасто проскакивали слишком заметные отличия. Тем не менее, сильный стресс или некое внезапное стороннее воздействие могли вызвать кардинальные изменения, спровоцировав волну возмущения в организме и вызвав в нем определенные преобразования. По зрелому размышлению Сирелина приписала существенное усиление своих способностей перенесенному недавно ранению. Она буквально балансировала на грани жизни и смерти, и за счет критического всплеска жизненной активности сопротивлявшееся тело все-таки сумело выкарабкаться. С одной стороны этому можно было только порадоваться. Кто ж из чародеек не мечтает о новых высотах своего искусства и наверняка хоть раз да видел себя самой могущественной колдуньей на свете. С другой — подобное явление вызывало определенную настороженность и требовало большой ответственности. Фактически, Сирелина в некотором роде теперь заново проходила колдовскую науку, нащупывая новый предел своих возможностей. И для этого как нельзя лучше подходили занятия с Флеей. Благодаря постоянным упражнениям с Сирелиной рыженькая девушка делала заметные успехи и была очень благодарна своей новой неофициальной наставнице. Сирелина же ловко пользовалась возможностью незаметно обуздать выросшую силу, дабы не натворить дел куда серьезнее, чем одна пострадавшая статуя. Собственно, в подобных случаях чародейкам следовало проходить переаттестацию, а и без того нервничающая Сирелина отнюдь не горела желанием попадать под дополнительный пристальный контроль. Ибо тогда о скором отъезде из обители можно

было попросту забыть. Правда, месяц шел за месяцем, осень сменилась зимой, а означенный отъезд все никак не наступал.

Помимо занятий с Флеей Сирелина коротала время в архивах, за время своего вынужденного заточения перелопатив такую гору литературы, что прочихаться от покрывавшей ее пыли хватило бы на целый город. К сожалению, здесь она совершенно не преуспела и даже обещанная помощь Арадоры так ни к чему и не привела. Никаких сведений ни о медальоне с каплей рубина, ни о обсидиановом дворце прочнее стали обнаружить не удалось. Впрочем, накопленный сестрами объем знаний был таков, что на изучение всех записей могли уйти долгие годы. Стало быть, расстраиваться явно преждевременно, хотя Сирелина терпением действительно не отличалась. Время шло, а она топталась на месте, не в силах ни повлиять на развитие событий, ни узнать о них хоть что-нибудь новое.

Помимо колдовской практики и изучения архивных фолиантов чародейка сбрасывала напряжение усердной физической активностью. Это здорово помогало успокаивать нервы, особенно после очередного сеанса прикладного чародейства либо же еще одного дня безуспешных поисков. Послушниц и сестер гоняли до седьмого пота не просто так. Находившееся в идеальной форме тело наилучшим образом было способно воплощать чародейский дар и развивать его на протяжении всей жизни, не в последнюю очередь серьезно увеличивавшейся благодаря регулярным упражнениям. Частота и тип нагрузки отличались в зависимости от предпочтений и конечной цели, но для часто путешествующей сестры предполагалась особенно сложная программа. Преподавателями гимнастики обычно выступали бывшие гладиаторы, а тренажеры по большей части могли вызвать уважение даже у опытных воинов регулярной армии. С учителями же происходили и тренировочные бои, где чародейкам строго запрещалось прибегать к колдовскому искусству и предписывалось обходиться лишь исключительно физическими возможностями. А опытные гладиаторы, у которых за плечами числилось несметное число боев, в том числе и насмерть, хорошенько вгоняли в своих необычных учениц искусство выживания. И Сирелина на собственной шкуре сумела оценить всю пользу и важность таких уроков, когда благополучно сумела ускользнуть в Солтенстиле из лап ханской стражи, демонстрируя чудеса увертливости и акробатики.

Нынешним наставником Сирелины в вопросах физических тренировок был молчаливый широкоплечий мужчина по имени Бэйл. Еще задолго до того как ему стукнуло пятьдесят он уже был настоящим ветераном, и последние двенадцать лет проведенных в

обители лет он добросовестно вколачивал свои навыки в сестер. К последним гладиатор испытывал живейшую благодарность за то, что они спасли его от верной смерти на арене. Пройдя долгий путь через множество жестоких и кровавых состязаний, Бэйл, один из немногих кому посчастливилось выжить благодаря благосклонной судьбе и отлично развитым талантам, уже рассчитывал законно уйти на покой, как одна нелепая случайность поставила на этом крест. Некий дворянин из знатного и влиятельного рода захотел в очередной раз блеснуть своим умением сражаться и выступил на играх в честь какого-то торжества при огромном стечении народа. Бэйлу было дано четкое указание незаметно поддаться в нужный момент, за что ему гарантировали жизнь и скорую отставку на почетную пенсию. Подобные постановки с самовлюбленной знатью случались не в первые, поэтому Бэйл без всякой задней мысли привычно принял участие в поединке. Но в тот раз все перечеркнула роковая ошибка. Дворянин погиб, а Бэйла в наказание приговорили к смерти на арене. В тех поединках выживших не было. Против обреченных выпускали хищников, и если им удавалось отбиться, то в следующий раз их число и количество увеличивалось. Неизбежная смерть была лишь вопросом времени. Бэйл уже думал что для него все кончено, однако одной темной ночью его вдруг неожиданно вывезли за пределы комплекса арены и передали каким-то всадникам, запретив возвращаться в город под страхом смерти. Позже он узнал, что на искусного гладиатора положили глаз чародейки и выкупили его за немалую сумму. В далекой северной обители, куда большинству простых смертных путь был заказан, Бэйл очутился отнюдь не в качестве раба или пленника. Чародейки предложили ему выбор: компенсация выкупа или семилетний контракт. Таких денег у гладиатора все равно не было, а за свое спасение он был рад потрудиться и бесплатно, хотя контракт предлагал щедрое вознаграждение и даже ежегодный отпуск за пределы непреодолимых стен. И все семь лет Бэйл честно отрабатывал должок, а по их прошествии так и остался в обители, найдя, что жизнь здесь вполне недурна и имеет свои преимущества, а его действительно ценят и уважают. Во внешнем мире у Бэйла все равно никого не было, и он время от времени отправлялся туда разве что поразвлечься, благо что средств на это у него теперь хватало. Правда ходили слухи, что гладиаторы находят определенные утехи и прямо в обители, но старшие чародейки смотрели на это сквозь пальцы. Обета целомудрия сестры не давали, и пока их шалости никому не осложняли жизнь и не нарушали привычный жизненный уклад, они вольны были делать что хотели.

— Должно быть, старею, — заключил Бэйл, когда стремитель-

но носившаяся как мангуст Сирелина умудрилась парировать его очередную атаку и припереть к стенке. — Впрочем, надо отдать тебе должное: странствия явно пошли тебе на пользу, и ты двигаешься намного быстрее, чем прежде. Я с трудом успеваю уследить за твоими перемещениями, а молниеносные выпады так и вовсе заслуживают отдельных похвал. Я видел, как ты порхаешь на Тропе — впечатляет. Пожалуй, стоит разработать для тебя особую программу, а то обычные занятия становятся слишком простыми.
Тропой называлась длинная полоса препятствий, где испытуемого атаковали самого разного рода и принципа действия механизмы. Пройти ее без единого попадания считалось очень достойно, и мало кто мог проделывать такое часто. Сирелина и сама не могла не отметить свои заметно возросшие скорость и реакцию, только, в отличие от наставника, куда лучше понимала в чем именно тут дело. Многие препятствия Тропы теперь, казалось, работают намного медленнее, позволяя без особых усилий избежать контакта с ними, а сама чародейка действовала куда более эффективно. В поединках же с преподавателем Сирелина делала очевидные успехи, все чаще вынуждая Бэйла признать себя побежденным.
— Если так пойдет и дальше, то мне просто нечему будет тебя учить, — заключил гладиатор. — Еще годик-другой, и я не уверен, что смогу с тобой справиться. В боевой технике и владении оружием тебе, конечно, еще есть что совершенствовать, но по части ловкости и проворства я больше не буду давать тебе фору. Если твоя скорость каким-то образом еще больше вырастет, то сладить с тобой станет невероятно трудно.
— Спасибо на добром слове, — отозвалась польщенная Сирелина.
Уроки Бэйла действительно сказывались на ее физической подготовке и навыках лучшим образом и не раз выручали во время долгих странствий. Стоило признать, что если бы не серьезная муштра и многие часы упорных занятий, то дальше той гостиницы в Солтенстиле она бы точно не забралась.
— Думаю, я знаю что включить в твою программу на ближайший год, — сказал гладиатор, когда они поставили затупленные мечи обратно в стойку. — С коротким клинковым оружием благодаря быстроте и ловкости ты управляешься отлично. Теперь стоит заострить внимание на фехтовании. К опытному противнику со шпагой или рапирой ты так просто не подберешься, а посему будем улучшать их освоение, совмещая с метанием ножей и дисков в цель. Причем как порознь, так и одновременно. Всадить брошенное острие в противника, когда он, скрестив с тобой клинок, меньше всего этого ожидает, может и не очень-то честно, зато эффективно способствует выживанию.

— Звучит недурно, хотя куда больше подошло бы для наемного убийцы, — рассмеялась Сирелина. — Я обязательно познакомлюсь с твоей новой программой, но только боюсь, что очередь до нее дойдет не скоро. У меня есть планы за пределами обители, так что в ближайший год я собираюсь быть совсем в другом месте.
— Я бы на это не рассчитывал, — сказал Бэйл, делая чародейке неожиданную подсечку.
Обычно та нечасто попадалась на такие приемчики даже в былые времена, а с недавних пор так и вовсе с легкостью от них уходила, но сейчас как подкошенная грохнулась на землю, утратив бдительность из-за неожиданной реплики гладиатора.
— Ты это о чем? — удивленно спросила Сирелина, не обращая внимания выходку придавившего ее к земле наставника.
— Ворона! Я-то думал тебя такими штучками больше не достанешь, — добродушно произнес в свою очередь удивившийся Бэйл.
— Да ну тебя, в самом деле! Давай говори что ты имел в виду?! Я тут год торчать не собираюсь! — воскликнула начинавшая сердиться чародейка.
— Как, ты разве не знаешь?.. — как-то смущенно произнес гладиатор, помогая женщине подняться.
Вид у него стал такой, будто он только что выдал какой-то секрет, который обещал хранить неприкосновенным.
— Чего не знаю? Да скажи ты толком! — допытывалась Сирелина, начиная подозревать что-то неладное.
Бэйл какое-то время отнекивался, но, сдавшись под напором проявившей немалую настойчивость чародейки, передал ей кусочек случайно услышанного разговора между Настоятельницей и Арадорой, когда те не так давно упражнялись в тренировочном комплексе. Внимательно слушая гладиатора, Сирелина с каждым словом хмурилась все больше и больше. Когда Бэйл закончил, она помрачнела так, что волноваться пришел черед наставника.
— У меня такое ощущение, что я сейчас сболтнул нечто лишнее, — обеспокоенно сказал он, внимательно глядя на Сирелину. — Разговор ведь предназначался не для моих ушей и, видимо, не для твоих, раз ты, оказывается, не в курсе. Понятия не имею о каком оазисе они говорили, но, видимо, им очень не хочется тебя отпускать, раз Изабелла и Арадора собираются подержать тебя здесь подольше. По-моему, они за тебя очень беспокоились, чтобы ты не попала в какую-нибудь беду.
— Вот как? Ну, это мы еще посмотрим, — процедила Сирелина, став похожей на сердитую кошку. — Спасибо что рассказал, Бэйл. Не бойся, я тебя не выдам. Только извини, но на сегодня с меня занятий хватит. Пойду-ка я немного потолкую с Арадорой.

Наставницу Сирелина не застала, однако не стала уходить, а решила непременно дождаться ее возвращения. Все равно в таком настроении она не в состоянии заниматься какими-нибудь делами, а случайно полученные неприятные новости требовали объяснений. Пару часов чародейка проторчала в увитой плющом живописной беседке на краю обзорной площадки, образованной двумя сходившимися подле башни галереями. Не забывая про искомую дверь, Сирелина рассматривала медленно плывущие мимо сопки облака и нервно постреливала по сторонам разноцветными огоньками, давая выход слегка разыгравшимся нервам. Щелчками гоняя появлявшиеся над раскрывавшейся ладонью огоньки, охваченная возмущением чародейка незаметно для себя делала их все больше и насыщеннее. В какой-то момент, раздосадованная продолжительным отсутствием Арадоры, она раскинула пальцы особенно резко. В следующее мгновение появившийся огонек ярко вспыхнул, и ладонь чародейки лизнули оранжевые язычки пламени. Оторопев, Сирелина вскочила со скамейки, невольно тряся запястьем. Это еще что за новости?! Сердце ее учащенно забилось, а зрачки непроизвольно расширились, но сообразить что это было она не успела. За поворотом послышались негромкие шаги и в поле зрения, шурша платьем, появилась долгожданная наставница.

Когда они остались вдвоем, Сирелина без обиняков перешла прямо к делу.

— Когда я смогу покинуть обитель? — поинтересовалась она, пристально глядя на Арадору.

— А почему ты меня об этом спрашиваешь? — отозвалась та. — Такие вопросы в компетенции Настоятельницы.

— Так у вас с ней на этот счет, видимо, единое мнение. Если уж сговорились запереть меня здесь подальше от всего света и Нирелина в частности, то могли хотя бы честно известить об этом, чтобы я не ждала как дура у моря погоды, — едко сказала Сирелина, сердито блеснув глазами.

— О чем это ты? — нахмурилась наставница.

— Ты прекрасно знаешь! Я пришла получить разъяснения. Я имею на это полное право, раз речь идет о моих интересах, не так ли? — не слишком-то приветливо заявила гостья. — Весна на носу, и мне кажется что я и так уже слишком тут засиделась. Четыре с лишним месяца для вас может и небольшой срок, но для меня — более чем. Особенно когда я узнаю, что меня собираются продержать здесь как минимум до следующей осени.

— Сирелина, ты забываешься! — повысила голос Арадора.

— Я? Отнюдь, — прищурилась светловолосая чародейка. — Если кто и забывается, то лишь тот, кто под предлогом заботы обо мне

обходится со мной же столь бесчестным образом. Какие же такие вести послужили тому причиной?
Тон подопечной наставнице не нравился, но она понимала, что та, в общем-то, права, а посему некоторое время старалась уклониться от прямого ответа. Однако упрямая посетительница проявила большую настойчивость, пригрозив что не уйдет, пока не получит объяснений, или ее придется выпроваживать силой. Арадоре очень не хотелось откровенничать, но еще меньше она желала поссориться с одной из любимых воспитанниц, за которой видела интересное будущее.
— Присядь уже наконец, — сказала она более миролюбиво. — Уж не знаю кто тебе столь некстати проболтался, но раз ты так желаешь, то изволь.
Хмурившаяся Сирелина, пройдя к камину, пристроилась на краешке кресла, всем своим видом давая понять, что рассиживаться особо не собирается. Арадора, вздохнув, окинула ее долгим взглядом.
— Пойми, я действительно действовала в твоих интересах, — сказала она примирительным тоном.
— Можно ближе к делу? — сухо поинтересовалась Сирелина.
Старшая чародейка вновь подавила всколыхнувшееся желание хорошенько одернуть не слишком вежливую посетительницу.
— Не забывайся, дорогая, я все еще твоя наставница, — только и заметила она укоризненно, покачав пальцем.
Сирелина выжидающе промолчала, разве что раздражения на ее лице несколько поубавилось. Упрек был вполне справедлив, и игнорировать элементарные приличия все-таки не стоило.
— Мы опасались что ты можешь натворить глупостей и попасть в беду. Оттого и решили, что лучше всего тебе просто ничего не знать и побыть в обители подольше, — заговорила, наконец, Арадора, проведя рукой над приготовленным к растопке камином.
Посыпавшиеся искры запалили тщательно разложенный сухой мох, а он в свою очередь поджег маленькие смолистые веточки. Всего минута — и дрова занялись, охваченные жарким проголодавшимся пламенем.
— Как я прежде упоминала, привезенные тобой вести никто и не думал игнорировать. Поэтому и последующие сведения не прошли мимо, — продолжила наставница, глядя в весело запылавший камин. — Ад-Сейдин отправил к Нирелину солдат. Сделать это ему было весьма непросто, поскольку между захваченными им территориями и оазисом расположены пока еще неподвластные хану земли. С кем-то он, видимо, договорился, а где-то решил рискнуть и действовать по собственному усмотрению. Как бы там ни было,

но солдаты, получив приказ, выступили куда было велено. Насколько известно, они продвигаются вдоль самой границы пустыни, раз уж им приходится идти через чужие земли, стараясь не углубляться в населенные места. Это сильно задерживает увязающих в песках воинов, но зато помогает избегать нежелательных конфликтов. Перегнать через пески пять тысяч человек — весьма непростая задача. Хан, несомненно, послал бы и больше, только слишком крупная армия имеет еще меньше шансов благополучно добраться до места назначения. Ведь даже прямой переход от границы Калихари до оазиса по кратчайшему пути занял бы у солдат недели две, а их количество, сказывающееся на размерах обозов с необходимыми припасами, пропорционально замедляло бы движение. Безжизненная пустыня — отличная преграда на пути любого масштабного вторжения, что до сих пор позволяло обитателям оазиса чувствовать себя в безопасности. Чем больше армия, тем сложнее ей пройти через Калихари. От небольшого же отряда толку не будет вовсе. Если же этот путь многократно вырастает, то задача становится поистине нетривиальной и растягивается на куда более длительный срок.
— Пять тысяч?! — невольно ахнула Сирелина.
— Да, — кивнула Арадора. — Командует этим отрядом Тигран ди-Орт. Ад-Сейдин поручил столь важное задание одному из самых своих доверенных военачальников. Хан не может послать слишком большую армию. Разделять сейчас силы, мягко говоря, не в его интересах. Кроме того, более крупное соединение уже не смогло бы тащиться по краю пустыни, а двинулось бы напрямую через пока еще нейтральные территории. Что запросто могло бы спровоцировать нежелательный конфликт и вместо поставленной задачи даже открыть новый фронт.
— Но пять тысяч! — воскликнула Сирелина, всплеснув руками. — В Нирелине едва наберется три сотни воинов! Надо срочно их предупредить!
— Успокойся. Вечно ты воображаешь, что без тебя никто ничего не делает. Мы негласно послали весточку ан-Бакиру, — сообщила наставница. — Он в курсе происходящего.
— Да что могут сделать триста человек против пяти тысяч?! — ужаснулась Сирелина.
— Им есть чем встретить незваных гостей, — заметила Арадора. — С некоторых пор ты сама прекрасно знаешь чем именно. Ад-Сейдину повезет, если ему хватит этих пяти тысяч. Не в привычках ди-Орта подводить своего повелителя, но на сей раз он запросто может не преуспеть.
— Надо им помочь! — горячо воскликнула вскочившая Сирелина.

— А вот именно поэтому от тебя и скрыли эти новости, — с особой интонацией произнесла наставница. — Дабы ты, ринувшись с головой в омут, не натворила дел. А уж отпускать тебя из обители в неведении, подозревая что ты первым делом отправишься в Нирелин, точно было бы еще худшей идеей. Прямо сейчас по твоей реакции становится очевидно — и в том и в другом случае без всяких колебаний ты тут же пустишься во все тяжкие.
— Ну уж сидеть и безучастно наблюдать я бы точно не стала, — подтвердила взволнованная до глубины души Сирелина.
— Между прочим, мы предложили шейху отправить женщин и детей в безопасное место, и даже обещали взять их под опеку. Он отказался, — сообщили Арадора. — Сказал, что Нирелин достаточно безопасен и способен отразить и не такое нападение, а его жители никогда не бросают родной дом. И что-то мне подсказывает, что он имеет основания так утверждать.
— И все? — недовольно изрекла Сирелина.
— Если ты уже вообразила боевой отряд из полсотни сестер на стенах Нирелина, то — да, это все, — отозвалась Арадора. — Тебе стоит умерить пыл, хотя твои чувства мне вполне понятны.
— Да неужели? — поджала губы Сирелина. — В таком случае я хотя бы забрала из оазиса того ребенка, хочет того старый шейх или нет. — Если он предпочитает подвергать своих людей опасности — его дело, но девочку я бы взяла под свое покровительство. Нечего ей там делать, если Нирелин грозит превратиться в поле боя. И даже если ад-Сейдин на этот раз не преуспеет, то наверняка не прекратит дальнейшие нападки, сделав их еще ожесточеннее.
— Мы обе знаем, что ты вряд ли этим ограничишься, — покачала головой наставница. — Ан-Бакир выразился достаточно ясно: он уверен в стойкости оазиса и считает его надежной крепостью для всех обитателей.
— Боюсь, что на этот раз шейх ошибается! — воскликнула Сирелина. — Хан никогда ничего не делает наугад. Он наверняка что-то задумал и постарается нанести удар оттуда, откуда никто не ждет. Не просто так ад-Сейдин столь долго ходил вокруг да около. Он до последнего надеялся разрешить дело без применения силы, но если уж до нее дошло, то у него было много времени придумать как именно ее приложить. Особенно если учесть, что он вряд ли намного хуже ан-Бакира знает с чем будет иметь дело, раз столь страстно этого добивается!
— Возможно, — согласилась Арадора. — Но это вотчина шейха, его решение и его судьба. Таков естественный ход жизни.
— Да что вы заладили со своим естественным ходом! — возмутилась Сирелина. — Не хотите вмешиваться — пусть так. Но ведь

можно было позвать на помощь кого-то другого?! У хана хватает и противников, и кто-то из них наверняка согласился бы поддержать Нирелин против нападок солдат ад-Сейдина.
— Для этого пришлось бы раскрыть все обстоятельства дела, — напомнила Арадора. — Подумай сама, почему этого до сих пор не сделал сам ан-Бакир. — Безусловно, он вполне мог рассчитывать на помощь противоборствующей стороны, но только какой ценой? Я тебе скажу, если сама не понимаешь. Точно такой же, какую запросил сам хан, опасаясь, что возможные враги доберутся до его цели раньше чем он. И не для того шейх отказывал ад-Сейдину, дабы взамен уступить кому-то другому. Как прознал про Нирелин хан Гийюр — это уже отдельный вопрос. Остальным же лучше по-прежнему ничего не знать, оставив тайну оазиса в забытых легендах. Если она неожиданно всплывет — вот тогда будь уверена, что Нирелин не оставят в покое до тех пор, пока не выпотрошат до конца. Особенно ввиду разгорающейся в южных землях большой войны. Наиболее вероятно, что мы сейчас наблюдаем создание новой империи. По нашим расчетам ад-Сейдину это вполне по силам, если он не допустит серьезного промаха. У него уйдут годы, но действуя одновременно и армией и дипломатией, он способен выстроить на юге новый порядок.
— И каков он будет, этот новый порядок? — язвительно поинтересовалась Сирелина. — Хан не терпит инакомыслия. На Железных землях царит закон его железной воли. Если Изабелла надеется, что приход ад-Сейдина повсеместно улучшит отношение к чародеям, то я бы на это не рассчитывала. Хан не ортодоксален, как некоторые дремучие правители, но все же достаточно консервативен, чтобы о развитии свободомыслящего общества можно было забыть на долгие века!
— Нас это тоже несколько тревожит, — согласилась наставница. — Но не забывай, что есть еще север и запад. Эти культуры будут обогащать друг друга и в их противостоянии всегда найдется место развитию. Когда обретешь права на какой-нибудь престол, тогда и будешь вмешиваться в судьбы мира. Задача чародеев поддерживать баланс соответствующих сил, а не перекраивать его по собственному усмотрению и навязывать свою волю людям. Некогда такое уже было, что впоследствии стало одной из причин Великого Упадка.
— Так или иначе, я не намерена сидеть сложа руки, — сообщила Сирелина. — Положение нирелинцев вполне можно улучшить. А заодно я смогла бы убедить ан-Бакира передать мне Илиану. У меня очень плохие предчувствия, а этой девочке место среди нас, а не в осажденной крепости. Если же сестры откажутся взять ее в

обитель, то я сделаю это самостоятельно. Никто не может мне запретить заботиться о ребенке.
— А в итоге ты рискуешь попасть в беду и поставить сестер в сложное положение, — подчеркнула Арадора. — Если тебя схватят люди хана, то лучше даже не думать о том, что с тобой сделают. Правда ад-Сейдин может сохранить тебе жизнь и превратить в заложника, дабы давить таким образом на орден. Уж даже и не знаю что будет хуже. Запрещать тебе опекать ребенка, безусловно, никто не станет. А вот покидать пределы ордена — совсем другое дело. До особого распоряжения ты должна оставаться в его стенах, пока мы не убедимся, что ты не станешь совершать опрометчивых поступков.
— Это неприемлемо! — воскликнула Сирелина, становясь лицом к лицу с наставницей.
— Это не обсуждается, — ровно ответила Арадора. — Ты пришла за объяснениями, и я тебе их предоставила, поскольку согласилась что ты действительно имеешь право знать. Но на этом — точка. Тебе еще многому предстоит научиться, прежде чем ты однажды станешь старшей чародейкой. Когда-нибудь ты поймешь, почему мы так поступаем, и сама будешь воспитывать других сестер. А до тех пор будь любезна проявить терпение и послушание.
— Я могу вынести вопрос о моем принудительном затворничестве на открытое обсуждение Совета, — раздраженно напомнила Сирелина. — Большинство голосов вполне может решить, что для ограничения свободы одной из сестер оснований, мягко говоря, недостаточно. Изабелла хоть и настоятельница, но отнюдь не диктатор, а я давно уже не послушница.
— Я не хочу с тобой ссориться. Именно поэтому мы до сих пор разговариваем, — спокойно сказала Арадора. — Было бы печально, если бы ты пошла на такое обострение отношений. Однако на случай если ты все же не захочешь выразить понимание я сразу должна предупредить, что ничего у тебя не выйдет.
— Это почему же? — поинтересовалась Сирелина.
— К находящимся на аттестации чародейкам применяются некоторые ограничения. Помимо прочего им нельзя покидать обитель до тех пор, пока они не докажут что умеют управлять своей силой, — хитро прищурилась наставница. — И эта аттестация может занять весьма продолжительное время.
Сирелина хотела что-то сказать, но промолчала, так и оставшись с приоткрытым ртом. Ее раздраженное лицо сначала залила заметная растерянность, а затем оно помрачнело как основательно набравшая влаги туча.
— Неужели ты думала, дорогая, что никто совсем не заметит твоих

изменений, и в особенности я? — почти ласково спросила Арадора. — Я все ждала когда же ты придешь ко мне, и сегодня, завидев тебя, уж было решила что этот доверительный момент настал, однако ты огорошила меня совсем по другому поводу.
— Я прекрасно справляюсь и сама, — наконец изрекла Сирелина, чувствуя, что ее неожиданно приперли к стенке.
— Такая самонадеянность может обернуться серьезными последствиями, — наставительно сказала Арадора. — Кроме того, признайся честно: ты ведь давно бы мне все рассказала, если бы не подозревала что может произойти то, что сейчас произошло, не так ли?
Сирелина в ответ ограничилась сопением, решив что совсем уж открыто врать просто не имеет смысла. Такой поворот был слишком неожидан, чтобы она прямо на ходу придумала как можно переломить ситуацию в свою пользу.
— Давай так, — мягко предложила наставница, кладя руку на плечо своенравной воспитаннице. — Мы с тобой обойдемся без большей части бюрократических формальностей и вместе пройдем необходимый курс, а затем уладим все должным образом. Взамен ты обещаешь перестать противиться и стать более благоразумной. Я полагаю, у тебя большое будущее и мне бы не хотелось чтобы ты его перечеркивала необдуманными порывами, присущими молодости.

* * *

Всю следующую неделю Сирелина пребывала в весьма удрученном настроении. Как могла, она старалась это скрыть, предпочитая разбираться со своими проблемами самостоятельно. Только актерская игра удавалась ей явно неважно, поскольку однажды Флея, набравшись смелости, спросила что такое происходит с ее любимой наставницей. Сирелина вяло отнекивалась, уверяя в своем полном благополучии, но послушница не отставала. Она видела, что чародейка чем-то расстроена и по доброте душевной принимала это близко к сердцу. Та же понимала, что девушка пристает не из праздного любопытства, а в силу искреннего расположения, а потому не одергивала Флею и не грубила ей, стараясь отвадить. В конце концов, устав терзаться сомнениями в гордом одиночестве, Сирелина проговорилась. Обойдясь, разумеется, без лишних подробностей она поделилась с Флеей своими неприятностями. Все легче, когда кому-нибудь выговоришься, особенно если этот кто-то принимает в тебе живейшее участие.
— Я могу как-то помочь? — спросила девушка, огорченная не

меньше своей неофициальной наставницы. — Я знаю, я мало что могу, но вдруг хотя бы чем-нибудь?
— Только если знаешь как незаметно выбраться за пределы обители, — невесело усмехнулась Сирелина.
На лице рыжеволосой послушницы, сменив витающую там печаль, неожиданно стало расплываться подозрительно загадочное выражение. Чародейка, подняв брови, с удивлением изучала эту перемену.
— Вы хотите сбежать? — спросила Флея, заблестев зелеными глазами.
— Сбежать? — переспросила Сирелина. — Даже если и так, то что толку об этом думать? Мост для меня недоступен, а обитель накрывает защитный купол. Как оказаться снаружи? Разве что тайно пробить тоннель в скалах. Всего несколько лет — и дело в шляпе. И то без шума не обойдешься.
Флея совсем преобразилась и теперь выглядела как довольная учиненной шалостью кошка. Хитрый вид рыженькой послушницы окончательно сбил чародейку с толку.
— Чему это ты так рада? — поинтересовалась Сирелина.
— А что если я знаю? — озорно сказала девушка, окончательно принимая сходство с нашкодившей и оттого безмерно счастливой кошкой.
— Знаю — что? — все еще не понимала чародейка.
— Знаю как можно выйти из обители так, чтобы никто этого не заметил, — пояснила Флея прямо-таки наслаждаясь произведенным эффектом.
— Это невозможно! — заявила Сирелина, но весь ее вид говорил о том, что она страстно желает немедленного опровержения. — Сестры были бы в курсе.
— А когда вы сами были послушницей, все ли было известно сестрам о ваших с подругами секретах? — ничуть не смутившись, парировала девушка.
— Это совсем другое дело. Впрочем, давай уже выкладывай, — заинтригованно предложила чародейка.
Светившаяся от удовольствия Флея принялась за рассказ.

Пробегавшая по территории обители через аккуратно обустроенные канавки и каналы речушка уходила в парк и в дальней его части скрывалась в глубине горы. Там ее русло перекрывала большая узорчатая решетка, но ее поставили скорее из предосторожности и для красоты, нежели как непреодолимое препятствие. Внутрь вполне можно было попасть как через находившуюся поблизости дверь, так и через хозяйственную секцию водоотвода. В глубине горы речка протекала через несколько связанных между

собой тоннелей и служебных помещений. Там обрабатывались сточные воды и после полной и тщательной очистки они вливались в уходивший из обители поток, а полученный осадок сжигался в лаве глубокой шахты. Последний тоннель упирался прямо в естественную природную пещеру, через которую вода бежала дальше. Собственно, часть этой пещеры и послужила готовой основой для означенных тоннелей и помещений, а остальную за ненадобностью оставили в первозданном виде, только закрыли туда доступ еще одной крупной решеткой и охранными чарами. В том месте крайне редко кто-нибудь бывал, а потому группа послушниц облюбовала его для своих собраний, когда им хотелось побыть подальше от посторонних глаз. Различные забавы и тайны, которыми они там занимались, по большей части представляли ценность только для них самих, включая возможность на время оказаться вне опеки сестер, и никому не доставляли хлопот. Но как раз во время одной из своих забав девушки и обнаружили, что в заросшем мхом и длинной пещерной растительностью закутке образовалась небольшая прореха. Заметить ее было очень трудно, поскольку она пряталась за каменным выступом в стелящихся по стенам и с потолка зарослях. Должно быть, за долгие годы вода потихоньку сточила более мягкую в этом месте породу, проделав дыру в примыкавшую сюда соседнюю закрытую часть пещеры. Потребовалось совсем немного усилий дабы расшатать и расширить образовавшийся лаз, в который вполне мог протиснуться даже крупный мужчина. Пробравшись в доселе недоступные секции пещеры, послушницы с восторгом принялись ее осваивать, основав там свое новое секретное убежище. Сохранившееся в первозданном виде природное подземелье оказалось вполне пригодным для игр и развлечений, и при этом совершенно безопасным. В нем нельзя было заплутать, поскольку сплетение коридоров и гротов не уходило далеко, а представляло собой небольшую замкнутую систему. Вместе с тем там было довольно живописно, а в удаленных от пробегавшей воды областях сухо и уютно. Пещеру устилали мхи и колонии грибов, часть из которых таинственно фосфоресцировала в темноте различными цветами, а в небольшом водоеме даже водилась не знавшая дневного света рыба. Но наибольший восторг у послушниц вызывала небольшая площадка, которой заканчивалась выходившая наружу дикая часть подземелья. Некогда пробив себе выход из горы, речка вырывалась там за ее пределы и с огромной высоты устремлялась вниз вдоль неприступной отвесной стены. С этой площадки открывался великолепный вид до самого горизонта, а меж рассыпанных камней росли редкие горные цветы. Попасть на нее иначе как через пещеру было практически невоз-

можно, разве что нашелся бы какой-нибудь совершенно безумный альпинист, рискнувший совершить подобное восхождение. Впрочем, он все равно бы не сумел пробраться внутрь, поскольку послушницы отнюдь не оставили проход без присмотра, а как будущие чародейки со всей ответственностью снабдили его охранными чарами. Зато они сами вполне могли бывать на площадке в свободное время, устраивая пикники под открытым небом и любуясь видом, и даже установили там мощную подзорную трубу на треноге, дабы иметь возможность обозревать раскинувшиеся дали.

— Хотите я вас проведу? — предложила Флея, закончив свой сильно заинтересовавший чародейку рассказ.

Та тут же дала понять, что очень бы этого желала и незамедлительно поинтересовалась когда сие можно будет устроить.

— Хорошо, — кивнула девушка. — Если мы сегодня будем заниматься как обычно, то по окончании можно сразу отправиться в пещеру. В столь поздний час обслуживающий персонал там вообще никогда не бывает, а другие послушницы нам не помешают, даже если кто-нибудь из них случайно там окажется. Вы ведь никому не расскажете о нашем секрете, правда?

В последней фразе послышалось запоздалое волнение. Вопрос, на самом деле, припозднился. Проговорившаяся из лучших побуждений Флея невольно рисковала общей тайной, ставшей теперь известной одной из сестер. Но Сирелина была не из тех, кто мог бы дурно обойтись с доверявшей ей послушницей. Она тут же торжественно поклялась, что скорее до конца своих дней проторчит в обители, нежели выдаст поведанный ей секрет. Успевшая уже занервничать из-за своей излишней болтливости Флея сразу успокоилась, почувствовав, что чародейка совершенно искренна. Снова повеселев, она принялась беззаботно щебетать и еле сумела дождаться когда наступил условленный час.

Девушка действительно не обманула, хотя Сирелину до последнего грыз червячок сомнения. Но когда парочка по очереди пробралась через хорошо замаскированный лаз она поняла, что Флея ничего не выдумала. После непродолжительного путешествия мимо бегущей по полу пещеры воды впереди послышался ровный шум низвергавшегося водопада, а в лицо пахнуло холодным воздухом. Затем замшелые стены кончились, и над головой показалось темное ночное небо, усыпанное бесчисленным количеством звезд. У ног Сирелины наподобие карниза расстилалась вытянутая вдоль скалы открытая площадка. Чуть поодаль поблескивала упоминавшаяся подзорная труба на треноге, а около края шла небольшая собственноручно сооруженная послушницами оградка. Защитные чары здесь отсутствовали, и если бы чародейка по на-

стоянию Флеи заранее не прихватила бы теплую накидку, то сейчас наверняка вовсю застучала бы зубами.
— Вот! — с гордостью сказала девушка, остановившись рядом с Сирелиной. — Теперь мы за пределами обители.
— Поразительно, — протянула чародейка, удивленно оглядываясь по сторонам. — Кто бы мог подумать!..
Осторожно подойдя к краю, она, взявшись за самодельные перила, глянула вниз. Кажется, послушницы постарались на совесть, и ограда была вполне прочной, но темная бездна, уходившая до самого утопавшего в лесной чаще подножия сопки, внушала известную боязнь.
— Ух как высоко, — пробормотала Сирелина, еле удерживаясь чтобы не сделать шаг назад.
Озарявшего гору звездного света было вполне достаточно, чтобы оценить расстояние до покрытой деревьями земли.
— Угу, — озабоченно подтвердила Флея. — Поэтому я надеюсь что у вас есть какой-нибудь подходящий план. Из обители-то мы выбрались, но я ума не приложу как отсюда можно спуститься.
Плана у Сирелины не было. Лишь последнюю неделю, ввиду полученных известий, у нее появились мысли самовольно оставить обитель, но до сих пор она всерьез не рассчитывала на такую возможность. Что ж, теперь, похоже, самое время что-нибудь придумать.
— Кое-что найдется, — задумчиво произнесла чародейка к радости рыжеволосой девушки.
Сирелина еще и сама не знала как, но уже пообещала себе, что этот неожиданный случай не упустит. Изабелла и Арадора, разумеется, уж точно не придут в восторг от ее побега, но Сирелине сейчас было все равно. Во что бы то ни стало она как можно скорее отправится в Нирелин, а там и видно будет.

Сказать все-таки было проще, чем сделать. При всей своей ловкости спуститься с такой высоты по практически отвесной стене Сирелина попросту не могла, а крыльев у нее не имелось. На первый взгляд казалось, что от уединенной потайной площадки, при всей ее очевидной уникальности, тем не менее не выйдет никакой пользы. И все же одна идея у чародейки нашлась.

На самом деле эта затея была крайне опасной, поскольку требовала владения сильными чарами и должного опыта. Еще не так давно Сирелина была бы абсолютно уверена, что у нее не хватит колдовской силы для воплощения замысла. Теперь же перед ней открылись новые горизонты и, видимо, настал момент опробовать их в действии. Простая левитация была доступна всем чародейкам. Они без особых усилий могли перенести из комнаты в комна-

ту стул, вытащить, не прикасаясь, из колодца ведро воды или же покрутить над землей иным небольшим предметом. Однако заставить передвигаться в воздухе значительный вес могли только достаточно сильные из них, и чем больше был этот вес, тем могущественнее должна быть чародейка. Речь, разумеется, шла только о неодушевленных предметах. Возможность осуществлять левитацию с живыми существами, включая самого себя, осталась в далеком прошлом, исчезнув со времен наступления Великого Упадка. Поговаривали, что некогда особо выдающиеся чародеи могли перемещаться в пространстве без всяких подручных средств, но теперь к этому относились скорее как к легенде, красивой, но недоступной сказке. Рассчитывать на сказки Сирелине не приходилось, а потому она сконцентрировалась на реальности. Удерживать в воздухе небольшую плоскую опору ей было нетрудно, равно как и направлять ее по вертикали вверх или вниз. Но что будет, если на такую опору чародейка встанет сама? О том чтобы сдвинуть ее вверх и речи быть не могло, да сие и не требовалось. Для Сирелины сейчас было важно сумеет ли она обеспечить достаточно плавное снижение, дабы не кувырнуться в пропасть навстречу верной гибели.

Потянулись долгие дни усердной практики. Поначалу у Сирелины вообще ничего не получалось, и использованная в качестве передвижного основания небольшая, но крепкая деревянная столешница тут же переворачивалась, а чародейка кубарем летела на пол. Удержать мгновенно нарушавшийся баланс было невероятно трудно, и Сирелина набила себе немало синяков, прежде чем дело пошло на лад. С небольшой высоты она уже не сваливалась на неподходящее свидание с каменными плитами, заблаговременно устланными позаимствованными из гимнастического зала матами. Но пара-тройка ярдов ничего не решала, поскольку за это время Сирелина не успевала в полной мере ощутить ни контроль за ухавшей вниз доской, ни ее скорость. Требовалась высота побольше, и чародейка, немного подумав, стала уделять повышенное внимание водному спорту. В обители имелся отличный бассейн с двумя разными вышками для прыжков. Непосредственно нырять, правда, Сирелина не собиралась, хотя поплавать действительно любила, но на сей раз обнырялась прямо-таки знатно, словно наверстывая упущенное за все прошедшие годы. С шумом плюхаясь в воду и поднимая вокруг фонтаны брызг, чародейка раз за разом упорно лезла обратно и постепенно ее мокрые усилия стали давать плоды. С трех ярдов Сирелина перебралась на пять, затем на десять и даже пятнадцать. Последний этап становился опасен, поскольку неудачно кувырнуться с такой высоты даже в воду было

чревато серьезными травмами. Впрочем, в сравнении с высоченной отвесной стеной эти пятнадцать ярдов выглядели мелкой детской шалостью, а посему Сирелина отважно принялась покорять новую высоту. И теперь срывалась все реже и реже, обретя сноровку удерживаться на доске как можно дольше, дабы в случае неудачи не обрушиваться как попало в бассейн, рискуя отбить себе все что можно. У периодически наблюдавшей за ее экспериментами Флеи душа в пятки уходила, когда Сирелина, свалившись с доски, успевала ухватиться за деревяшку руками и, болтаясь по невообразимой траектории, поистине неописуемо влетала в воду. При этом запаса сил чародейке вполне хватало, что ее приятно удивляло и радовало. Вся сложность заключалась в контроле, требующем огромной концентрации, ибо удерживать хрупкий баланс снижавшейся с высоты доски было невероятно тяжело. Опыт, безусловно, решал, но Сирелина не могла позволить себе долгие годы практики. А посему выкладывалась как могла, стараясь в сжатые сроки овладеть как можно большим умением управлять сложными чарами.

Не забыла чародейка и про свою собственную наставницу. Арадора была только рада помочь подопечной, и даже подумать не могла что та на самом деле замышляет. А Сирелина проявила изрядное коварство, ловко обводя старшую чародейку вокруг пальца и не позволяя ей разглядеть на всем протяжении уроков некий скрытый замысел. Ведь она не порхала на глазах у наставницы на доске, оставляя сие занятие на долю безлюдного бассейна, и ничем иным не выдавала свои далекие от послушания намерения. Более того, Сирелина окончательно усыпила бдительность Арадоры, решившей, что воспитанница наконец-то успокоилась и приняла непростое, но ответственное решение. Поэтому однажды, спустя три недели после открытого Флеей секрета, когда старшая чародейка искренне радовалась новым успехам Сирелины, у той наконец-то тоже появился повод для восторгов. Она уже долгое время не срывалась с доски, и ее спуск наконец-то стал достаточно уверенным и плавным для того, чтобы можно было рискнуть и с большой высотой. При этом Сирелина отлично понимала что разница поистине колоссальна, и что она слишком рискует, и рискует смертельно. Познай Арадора про ее планы, она так и вовсе посадила бы строптивую чародейку под замок, пока та сама себя не прикончила. Но решимость Сирелины была еще больше ее колдовской силы, а посему она больше не собиралась тянуть и наконец-то наметила день побега, о чем не забыла поделиться с Флеей.

— У вас отлично получается! — восхищенно сказала послушница, наблюдая за ставшими почти идеальными спусками чародейки. —

Но как вы только не боитесь!
Сирелина на самом деле очень даже боялась, но желание вырваться из удерживавшей ее обители в пику своим заботливым тюремщицам и растущее волнение за судьбу Нирелина и его обитателей, включая девочку с сиреневыми глазами, подавляло этот страх, загоняя его в глубины подсознания.
— Надеюсь, этот ховерборд меня не угробит, — только и сказала она, польщенная бесхитростной похвалой девушки.

Вместе с тем стоило подумать и о дополнительной организации. Даже благополучно очутившись внизу чародейке придется весьма непросто. Шли последние дни февраля, и дремучая снежная чаща утопала в толстом снежном покрове. Иди на своих двоих сотню-другую миль даже по более-менее проходимому тракту представлялось весьма нетривиальной задачей. Трескучие же морозы так и вовсе обещали превратить это путешествие в настоящий кошмар. Даже если Сирелина не замерзнет, то ее вполне могут догнать и вернуть обратно, если хватятся до того как она окажется в недосягаемости. А посему запланированный на середину марта побег нуждался в дополнительной помощи. В обители у чародейки со времен юности оставались подруги, но из-за своих продолжительных странствий они общались все меньше и Сирелина постепенно от них отдалялась. Поддерживая с ними приятельские отношения, она, тем не менее, уже не могла доверять кому-нибудь настолько, насколько теперь доверяла рыженькой Флее. Впрочем, кое-кто на примете у нее все же имелся, и в один прекрасный день чародейка заявилась к ничего не подозревавшему Бэйлу.

Гладиатор хорошо относился к Сирелине и даже водил с ней довольно тесное знакомство, а после недавних успехов так и вовсе проникся уважением. Он и прежде делал для чародейки небольшие одолжения, но на сей раз поначалу пришел в смятение от ее планов, особенно когда узнал что в них и для него уготовано соответствующее место. Сирелина почти не опасалась доноса со стороны Бэйла, ибо у гладиатора был свой кодекс чести, тем более по отношению к товарищам. Но одно дело поделиться замыслами и совсем другое — уговорить принять в них участие. Его роль, собственно, состояла всего лишь в необходимости доставить лошадь за пределы обители в заранее условленное место и время, так что ничего сверхъестественного от гладиатора не требовалось. Только вот Бэйлу весьма не нравилась сама идея, а когда он узнал о том, как чародейка собирается спуститься с горы, так и вовсе пришел в ужас. Если поначалу гладиатор не проявил энтузиазма в содействии побегу, то, услышав детали, стал наотрез отказываться, за-

являя, что не желает помогать самоубийству Сирелины. Чародейке пришлось проявить все свое красноречие и обаяние чтобы повлиять на упиравшегося Бэйла. Уж чего она только ему не напела, умело играя на чувствах бывалого воина и его представлениях о чести и морали. В конце концов гладиатор сдался под продолжительным и неослабевающим напором то и дело менявшей тактику Сирелины. В глубине души та чувствовала некоторое смущение за свое манипулирование честным и хорошим человеком, но утешала себя праведными целями затеи. В чем, помимо прочего, сумела убедить и Бэйла. Тот согласился, что тоже не остался бы равнодушным и попытался оказать хоть какую-то помощь оказавшимся в опасной ситуации людям. И точно бы не бросил ребенка на произвол судьбы, если уж пообещал ему вернуться. Собственной семьи у гладиатора не было, но вовсе не потому, что он этого не хотел. Просто не сложилось. При этом Бэйл возможно как раз поэтому относился к таким вопросам на удивление сентиментально, и чародейка хорошо разыграла карту с Илианой. Скрепя сердце гладиатор согласился, но Сирелине пришлось его как следует убедить в своей способности осуществить грядущий спуск. Глядя как чародейка управляется со снижением на доске он несколько успокоился, однако настоял на том, чтобы Сирелина пристегнулась к полированному дереву ремнями. В таком случае у нее будет больше шансов исправить положение, если в процессе спуска что-то пойдет не так. Подумав, чародейка нашла такой совет вполне разумным и решила не упрямиться. Оказавшиеся в креплениях ноги чувствовали связь с доской куда более уверенно, а дополнительные ремни фиксировались на левом запястье. Они, правда, немного мешали, но Бэйл категорично заявил что либо так, либо никак.

Тайное место Флеи и ее подруг Сирелина не выдала. Бэйлу было совершенно не обязательно знать откуда именно чародейка намерена осуществить рискованный спуск. При этом его роль в случае раскрытия всего замысла таким образом сводилась и вовсе к минимуму. Попросили доставить лошадь? Доставил. Мало ли зачем. Он же не обязан знать кому можно покидать обитель, а кому нет. На то есть привратницы, да и вообще пусть сестры сами между собой разбираются. Гладиатор лишь знал день и час побега и должен был заранее выдвинуться к нужному месту, дабы он поджидал там Сирелину, а не она его. Заодно Бэйл помог собрать необходимые припасы, поскольку путешествие чародейки предполагало отнюдь не увеселительную прогулку.

Решающий день пришлось отложить на несколько суток. Всерьез разыгравшаяся непогода сводила шансы Сирелины практи-

чески к нулю. Небо до самого горизонта затянули плотные тучи. Взбесившийся ветер хлестко швырял комья снега, а его порывы вдоль отвесной стены горы достигали такой силы, что вполне могли унести чародейку и без всякого колдовства. Формально зима уже недели две как кончилась, но морозы пока и не думали отступать, а холодная ярость завывавшей бури словно хотела напоследок как следует отыграться перед тем, как солнечные лучи наконец-то оголят заждавшуюся тепла и света землю. Лишь когда март перевалил за середину, ветер стал стихать, а тучи понемногу рассеиваться, уползая вдаль густыми рваными островами. Выйдя однажды утром на балкон, с которого просматривалось подножие горы, Сирелина наконец-то увидела над головой безоблачное ясное небо. Окружавшая сопку бескрайняя чаща искрилась толстым слоем выпавшего снега, а на ее сгибавшихся от белой тяжести ветвях не ощущалось ни единого дуновения. Глубоко вдохнув чистейший свежий воздух, Сирелина развернулась и ринулась собираться. Надо было срочно известить Бэйла и Флею. Время пришло.

Сердце чародейки сильно забилось, когда она очутилась возле перил, за которыми ее поджидала головокружительная высота. Тепло одетая Сирелина была на площадке совсем одна. Она переоделась в пещере, где и оставила рыженькую послушницу. Помочь в предстоящем спуске Флея была не в состоянии, зато вполне могла случайно чем-нибудь отвлечь в самый критический момент. Впрочем, волновавшаяся едва ли меньше чародейки девушка особо не возражала. Теперь затея со спуском ее очень пугала и она с трудом удерживала нахлынувшие чувства. Сирелина заверяла послушницу что обязательно справится, но сама этой уверенности не разделяла. Чародейка и вовсе хотела оставить Флею дома, но та настояла проводить свою наставницу, дабы убедиться в ее благополучном приземлении. Сирелина лишь наказала не появляться на площадке раньше чем через четверть часа после того, как они расстанутся. А расстались они очень тепло и по-дружески, и чародейка еще больше молилась на благополучный исход своей теперь с каждой секундой казавшейся все более безумной затеи. Ведь если она не преуспеет, то Флея рискует получить такой психологический удар, от которого может оправиться весьма не скоро.

Переброшенная через перила доска привычно застыла в воздухе, повинуясь удерживавшим ее чарам. Непривычной была только высота под ней, не имевшая ничего общего ни с пятнадцатью ярдами вышки в бассейне, ни с межбашенными галереями обители. Поддерживавшая парящее колдовство Сирелина невольно сглотнула, вцепившись в отделявшую ее от пропасти ограду. Ей пришлось сделать над собой усилие дабы отпустить впившиеся в

поручень пальцы. Поправив длинный ремень, расположенный на запястье левой руки, она перекинула через перила одну ногу и вдела ее в смастеренное Бэйлом крепление. Доска чуть накренилась, но Сирелина отточенным пассом тут же выровняла ее обратно. Затем, после непродолжительной внутренней борьбы, проделала то же самое с другой. Теперь чародейка фактически сидела на перилах, спустив ноги в теплых кожаных сапогах на зависшую в воздухе столешницу, под которой царила кромешная пустота. Расставленные чуть в стороны пальцы хорошо ощущали хрупкий баланс деревянной доски, хотя тонкие зачарованные перчатки несколько затрудняли колдовской процесс. Только без них было никак не обойтись, поскольку стремительный поток холодного воздуха высосет из ладоней все тепло до капли, превратив их в два куска заледеневшей плоти. В ином случае Сирелина могла бы окутать себя согревающими чарами, но сейчас ей требовалось сосредоточиться исключительно на левитации, и любая дополнительная помеха могла сказаться самым плачевным образом. Стараясь унять сердцебиение, чародейка никак не могла решиться окончательно переместить весь свой вес на доску. Даже в теплых перчатках она ощущала, как холодеют от волнения пальцы, а в ногах появляется предательская дрожь. В висках у Сирелины вдруг потяжелело, а в ушах появился шум. Еще немного — и у нее закружится голова, чего допускать было никак нельзя. Отчаянным усилием воли чародейка закрыла глаза. Стараясь изгнать поселившуюся в них маячившую пропасть, она стала вызывать в памяти видение далекого оазиса. Поначалу у нее получалось плохо, но постепенно перед внутренним взором проступили высокие пальмы, озаренные ярким светом. Шелест их листьев заменял пульсирующий шум в ушах, а щедро льющиеся с неба солнечные лучи вытесняли холод из вспотевших ладоней. Умиротворенный пейзаж, несущий ощущение тепла и покоя, заполонил собой все существо Сирелины, успокаивая взвинченные до предела нервы и мягко унимая мелкую нервную дрожь. Навеянная воспоминаниями картинка обрела до того отчетливые очертания, что казалось будто чародейка вновь сидит на берегу прозрачного озера в тени тянущихся к солнцу деревьев. И стоит лишь сделать небольшое усилие, как она войдет в кристально чистую воду. Всего одно — и она поплывет, с тихим плеском разрезая недвижную зеркальную гладь. Открыв глаза, Сирелина соскользнула с перил и твердо встала обеими ногами на полированное дерево. В следующее мгновение качнувшаяся доска стремительно понеслась вниз.

В ушах свистело так, будто откуда-то вновь налетел ураган. Чародейке удалось удержать едва не выскользнувший баланс, но

полет сразу же превратился в настоящее падение и нараставший воздушный поток своим свистом и напором говорил, что оно продолжает ускоряться. Сирелина слишком сосредоточилась на равновесии в ущерб начавшемуся снижению, а чем больше была его скорость, чем яростнее воздух пытался выбить опору из-под ног, тем тяжелее становилось сохранять эту опору в нужном положении. Полет надо было срочно замедлить и чародейка, чуть прикрыв глаза, опустила расставленные по бокам руки так, будто хотела приподняться над некой невидимой поверхностью. Перчатки окутало синее сияние, проходившее даже через плотную удерживавшую тепло материю. Судя по изменившимся ощущениям, с которым Сирелину прижимал к доске ее собственный вес, ее старания увенчались успехом, и стремительное снижение стало замедляться. Сейчас главное было продолжать тормозить, поскольку стоило лишь уменьшить усилия и двинуть руки обратно вверх, как доска тут же снова рванется к земле, приобретя еще большее ускорение. Стиснув зубы, Сирелина, не забывая про все еще крайне неустойчивый баланс, переключила большую часть внимания на замедление, напрягая мышцы рук так, будто она занималась на перекладине и сейчас поднималась над ней всем корпусом. В кистях потяжелело, а в руках от натуги появились болезненные ощущения. Струившаяся через них колдовская сила укрощала доску и заставляла ее подчиняться, но это требовало очень большого душевного и физического напряжения. Впрочем, старания приносили свои плоды. Чувствуя, как она с каждой секундой получает все больший контроль над доской, Сирелина ощутила прилив уверенности, отчего ее волнение пошло на убыль, сменяясь трезвым расчетом, что в свою очередь напрямую влияло на повысившуюся легкость в управлении и более эффективную концентрацию. И это чародейку едва не погубило. Распределив усилия между равновесием и снижением, она напрочь забыла о траектории. Каменная стена в этом месте все же не была идеально отвесной, а ближе к основанию так и вовсе начинала идти под уклон. Стремглав промелькнувший мимо выступ едва не чиркнул по доске и Сирелина оказалась всего на волосок от удара, способного если и не расколоть ее ховербоард, то как минимум швырнуть в хаотичную болтанку. Поверхность скалы, вначале полета отступившая было за спину, теперь стремительно приближалась, ощерясь острыми зигзагами выпуклостей и карнизов. Сирелина оказалась в страшной опасности. Вертикальному снижению требовалось придать горизонтальную составляющую, а для этого вновь надо было перераспределить с таким трудом сбалансированные усилия. Размышлять было некогда. Не давая доске колыхаться ни на дюйм, Сирелина

переключила струящиеся чары на поступательное движение вперед. На практике с этим у нее обстояло хуже всего, поскольку до сих пор ей не приходилось продолжительно осуществлять сразу три разных контролирующих действия. Дрогнув, доска накренилась было в сторону, но быстро выровнялась, и, чуть наклонившись от скалы, будто стояла на покатой горке, стала заметно отдаляться от вплотную приблизившихся камней. Вместе с тем свист в ушах вновь стал нарастать, сигнализируя о растущей скорости, а одежда затрепетала под растущим напором воздуха. Слишком долго так продолжаться не могло, иначе Сирелина рисковала разогнаться до такой степени, что потом не в силах будет подавить образовавшееся ускорение. Как можно быстрее ей требовалось наладить уверенное отдаление от горы, после чего, продолжая лететь вперед по инерции, вновь можно будет вернуться только к равновесию и замедлению, и приложить к последнему все усилия вплоть до обретения требуемой плавности. А ее просто необходимо было добиться к последнему участку снижения, ибо в противном случае путешествие закончится слишком сильным ударом о землю, чреватым очевидными последствиями. Однако долгие часы усердных занятий не прошли даром. Первый испуг прошел, и Сирелина обретала уверенность в себе, чувствуя, что задача ей действительно по плечу. Позволяя доске разгоняться, она, совершая руками направляющие пассы, выровняла ее так, что полированная поверхность вновь оказалась строго параллельно земле и при этом уверенно продолжала все дальше уходить от скалы. И когда это движение перестало требовать дополнительных усилий, чародейка опять переключила внимание на скорость, преобразовав струящийся колдовской поток. Она начинала сильно уставать, но и доска откликалась все послушнее, а достаточно затормозившей Сирелине не потребуется находиться в максимальном напряжении до самой заснеженной поверхности. Сейчас она вновь выкладывалась по-полной, усмиряя бег несущейся к земле обремененной ее весом столешницы, но теперь старания приносили плоды намного быстрее. Свист в ушах стихал, скала неторопливо уплывала назад, а доска не колыхалась как влитая. Полет стабилизировался, и до Сирелины даже не сразу дошло, что она наконец-то действительно летит, а не падает.

Момент осознания взорвал все ее существо, окончательно изгнав из него все страхи до последней капли. Чародейка неслась в пространстве так, будто просто съезжала на санках со снежной горки, и ее вдруг охватил такой неописуемый восторг, какой бывает разве что в детстве. Она летела. Ле-те-ла! И по своей прихоти могла управлять этим восхитительным ощущением как угодно, за-

медляясь и ускоряясь, поворачивая в стороны и даже вырисовывая в воздухе замысловатые пируэты. Совсем недавно едва не сходившая с ума от испуга Сирелина теперь еле удержалась от того, чтобы не выполнить кульбит через голову, как иногда делают носящиеся по заснеженным склонам лыжники и сноубордисты. Поверхность уверенно приближалась, плавно становясь все ближе, но теперь в этом не было ничего пугающего. Ее тело ощущало полный контроль над происходящим, а чародейская сила мерно струилась, сплетаясь с доской в единое целое и ощущая малейшее изменение движения в пространстве. Не выдержав переполнявших ее эмоций, Сирелина дала им волю, смеясь и крича, и звук ее зазвеневшего от счастья голоса эхом пробежал вдоль ставшей вдруг совсем не страшной каменной стены и разнесся над раскинувшейся внизу заснеженной чащей. Вместо тягучего холодного страха полет стал приносить неизведанное доселе наслаждение, и чародейка отдалась новому впечатлению с головой, забыв про все на свете. И едва не поплатилась за это жизнью. Слишком отдалившись от скалы, Сирелина неожиданно попала в двигавшийся вдоль горы невидимый воздушный поток. Налетевший, словно из ниоткуда, резкий порыв ветра боднул ее в бок, мгновенно нарушив хрупкое равновесие. Покачнувшись, не ожидавшая этого чародейка попыталась выровнять опасный крен, но дико взвывший ветер хлестнул ее снова, нарушив приложенное было усилие. Вместо того чтобы стабилизироваться доска сильно дернулась в другую сторону и пошла ходуном. Испуганная чародейка изо всех сил попыталась совладать с забившейся как щепка на штормовых волнах столешницей, но та лишь раскачивалась еще больше, попав под действие амплитуды. Чем усерднее Сирелина пыталась выровнять крен по вздымавшемуся краю, тем больше получалось противодействие, усиливая образовавшуюся болтанку. Третий удар безжалостного ветра сорвал с окончательно перевернувшейся доски вскрикнувшую от ужаса чародейку.

Хаотично кувыркаясь в воздухе, Сирелина неслась к земле в ничем более не контролируемом свободном падении. Страх сковал отчаянно трепыхающееся тело, наполняя сознание бурно выплескивавшейся паникой. Выскочившие из креплений ноги инстинктивно и беспомощно искали опору, но опоры не было. Вокруг была лишь свистящая пустота, а навстречу быстро приближалась земля, неся с собой надвигающийся конец. Осознанные мысли почти покинули разум, вытесненные животными инстинктами, от которых сейчас не было ни малейшей пользы. Именно они слали в тело отчаянные импульсы, заставляя его совершать абсолютно бесполезные движения. Впрочем, какая разница? Дергайся не дергайся, а

больше ничто не могло замедлить чародейку в пространстве и позволить избежать неминуемой гибели. Перед расширенными от ужаса глазами беспорядочно крутились снега и скалы, а бессильно загребающие руки безнадежно плескались в воздухе, не в силах обрести не существующую помощь.

Неожиданно что-то пребольно дернуло падавшую Сирелину за левое запястье. Потом снова и снова. Пронзительная боль немного отрезвила уже мало что соображавшую чародейку. Ремень! Он все еще обхватывал левую руку и его удары сигнализировали о том, что и доска до сих пор находится где-то неподалеку. Затуманенное сознание озарила искра осознанного мышления. Продолжая кувыркаться как попало, Сирелина дотянулась правой рукой до крепко сплетенной полоски кожи. Судорожно вцепившись в ремень пальцами, она принялась тащить его как могла. Предоставленная сама себе доска действительно мельтешила поблизости. Страховочный ремень не позволил отнести ее в сторону, но поддавшаяся панике чародейка этого даже не поняла, перестав контролировать происходящее. Теперь же до нее дошло, что столешница не улетела прочь, а все это время крутилась рядом. Казалось, прошла целая вечность прежде чем Сирелина дотянулась до пребывавшей в самостоятельном пикировании деревяшки и обхватила ее руками.

Обретя хоть какую-то условную опору, чародейка вместе с ней обрела и надежду, а вместе с появившейся надеждой возвращалась и ясность мысли. Нечего было и думать о том, чтобы попытаться вновь закрепиться на доске так, как прежде. Вместе с тем само ее присутствие давало шанс повлиять на ничем не сдерживаемое падение. До убийственного столкновения с поверхностью оставалось всего ничего и Сирелина просто физически не успеет восстановить равновесие из такого тяжелейшего положения. Стало быть, ей стоит сосредоточиться исключительно на попытке затормозить доску вместе с повисшей на ней тяжестью как можно сильнее, дабы смягчить грядущий удар. Сделать это в условиях дикой болтанки было безумно тяжело, но иной возможности на спасение у Сирелины все равно не имелось. Впившись пальцами в заветное дерево, чародейка выплеснула из себя всю колдовскую силу на которую только была способна.

Со стороны, должно быть, это выглядело просто неописуемо. Державшаяся за кусок дерева повизгивающая женщина по невообразимой траектории подлетала к земле. Быстро снижаясь, она описывала в воздухе сумасшедшие круги так, будто вращалась по большому радиусу вокруг невидимого, идущего к земле под наклоном троса. Под этим наклоном, миновав нагромождения камней,

она с ужасающим треском со всего маху врезалась в заснеженные ветви и рухнула в огромный сугроб, наметенный у холма промеж высоких сосен недавней бурей.

Некоторое время белый бастион не подавал признаков жизни. Затем снег с одного его края пришел в движение и наружу, задыхаясь и отплевываясь, выбралась изрядно помятая Сирелина, волоча за собой привязанную к запястью доску. Кое-как встав на ноги, она тут же провалилась выше пояса, проломив тонкий наст. Чертыхаясь на чем свет стоит, чародейка, барахтаясь в мягком плену, насилу добралась до места потверже и наконец-то выпрямилась во весь рост, утопая в снегу лишь по колено. Затем, отцепив кожаный ремень и ощупав себя с ног до головы, принялась усердно отряхиваться. Снег набился просто повсюду и теперь, усиленно тая, доставлял изумительно неприятные ощущения. Впрочем, дрожавшая не столько от холода, сколько от избытка адреналина Сирелина понимала, что это были сущие пустяки, и она невероятно легко отделалась. Один лишь взгляд на уходившую ввысь сопку заставлял невольно поеживаться и говорил о том, как ей несказанно повезло. Чародейка даже ничего себе не сломала, набив лишь пару синяков о замерзшие сучья да наглотавшись снега. Свежий сугроб, образовавшийся после нескольких дней ненастья, амортизировал падение, а его в свою очередь удалось серьезно сгладить благодаря собственным талантам Сирелины и кстати оказавшемуся на своем месте страховочному ремню. Теперь только и оставалось что успокоить взвинченные экстремальным спуском нервы да постараться не подхватить насморк из-за подмокшей одежды.

— Если так пойдет и дальше, я стану белее Изабеллы, — негромко пробормотала чародейка, стараясь не вспоминать о только что пережитом ужасе.

Хотя забыть про него не могла, равно как и о восхитительном ощущении полета. Теперь Сирелина знала, что он ей отныне по силам, но пройдет еще немало усердных тренировок прежде чем она вновь отважится на нечто подобное.

Окончательно придя в себя, чародейка немного поколдовала, разложив между деревьев большой светящийся знак. Увидев его с далекой теперь площадки Флея поймет, что с Сирелиной все в порядке, и перестанет волноваться. Потом, порывшись в рюкзаке, выудила оттуда пару снегоступов. Приладив их к сапогам, чародейка вернула рюкзак на место за плечами, вновь плотно пристегнув его к корпусу. Не забыла она и про сослужившую хорошую службу столешницу. Сейчас та ей была уже без надобности, но Сирелина не стала бросать ее как никчемную деревяшку, а заботливо

закопала у корней большой сосны. Покончив с этим занятием, она огляделась в последний раз, развернулась и двинулась через заснеженную чащу.

Бэйл уже всерьез начал беспокоиться, когда в поле зрения наконец-то объявилась бредущая по тонкому насту Сирелина. Продолжительный поход через лес вдоль крутых склонов сопки оказался довольно непростым занятием. Только отличная физическая форма помогла чародейке уверенно пробраться через сильно пересеченную местность, вдобавок щедро присыпанную коварным то и дело проваливающимся покровом. В противном случае она, ловя воздух ртом, уже без сил валялась бы в одном из сугробов, мечтая оказаться где-нибудь подальше.

— Я уж думал, что-то случилось! — воскликнул гладиатор, приветствуя подошедшую чародейку.

— Если коротко, то все в порядке, а если подробнее, то я, признаться, едва не свернула себе шею, — сказала разом повеселевшая при виде топчущейся у дороги лошади Сирелина. — Но, как видишь, я жива и здорова, и хочу еще раз сказать тебе большое спасибо за помощь!

Помимо лошади и припасов чародейка подразумевала и конструктивные изменения в летающей доске, но сейчас решила не посвящать Бэйла в щекотливые детали, едва не приведшие к ее безвременной кончине. Ни к чему попусту нервировать и без того не слишком спокойного гладиатора. А то в следующий раз, глядишь, не удастся его уболтать принять участие в очередной сомнительной затее.

— Ты там поосторожнее! — напутствовал Бэйл вскочившую в седло женщину.

— Да я вообще всегда сама осмотрительность, — шутливо отозвалась Сирелина.

— Знаю. По части приключений ты всегда в первых рядах, — проворчал гладиатор. — Если что, где тебя искать?

— Я еду прямиком в Нирелин. Там уж как получится, — сообщила чародейка.

Сердечно попрощавшись с Бэйлом, она тронула поводья и припустила по усыпанному снегом мощеному тракту. Серая, в яблоках, лошадь уверенно перебирала ногами, чувствуя твердую опору, и вскоре Сирелина скрылась из виду. Бэйл еще какое-то время постоял, прислушиваясь к затихавшему вдали цокоту копыт. Затем, покачав головой, побрел обратно в обитель.

– 8 –

С высоты своей излюбленной башенки Арбах ан-Бакир, стоя под полосатым тентом у самого парапета, неторопливо обозревал окрестности. Все то же жаркое солнце щедро озаряло лучами тянувшиеся к голубому небу пальмы, легкий ветерок нагонял рябь на неизменные воды озера, а на лужайках мирно и обыденно паслись гурты скота. Между многочисленных построек, как и всегда в это время дня, тут и там сновали обитатели оазиса, занимаясь своими делами. Цвела и наливалась традиционно пышная зелень, а простиравшиеся за ней знакомые песчаные барханы уходили далеко к искажавшейся от марева линии горизонта. Привычная картина окружала не менее привычно появившегося на обзорной площадке шейха. Непривычными в этой идиллии были только большие отряды вооруженных людей, поодаль окруживших Нирелин плотным двойным кольцом, да разбитые между барханов палаточные лагеря. Солнечные лучи играли на остриях мечей, копий и начищенных до блеска щитах и эмблемах, а в налетавшем ветерке полоскались стяги Красной саламандры.

Появление солдат ад-Сейдина не стало для шейха неожиданностью. С некоторых пор он спокойно поджидал, когда же те наконец объявятся вдали, держа путь прямиком к оазису. У Нирелина нашлись не только враги, но и доброжелатели. Через ничем не примечательных посланцев, не поленившихся проделать непростой путь через пустыню, они известили ан-Бакира о надвигавшейся угрозе и даже предложили некоторую помощь. Шейху нетрудно было сообразить, что дело не обошлось без побывавшей у них в гостях светловолосой чародейки, а посему он отнесся к поступившим сведениям со всей серьезностью. Помощь шейх вежливо отклонил, не найдя в ней прямой необходимости, но за сообщенные важные новости выразил искреннюю благодарность. Именно они позволили нирелинцам заранее подготовиться к визиту непрошенных гостей, и подготовиться должным образом. Поэтому ни когда воины хана Гийюра появились в поле зрения и приблизились к оазису, ни когда они взяли его в окружение не вызвало ни у кого ни малейшей растерянности. Тревогу — да, ибо не каждый день у твоего порога оказывается несколько тысяч хорошо вооруженных людей, в намерениях которых сомневаться не приходилось, но не растерянность. Поднятый по тревоге гарнизон теперь не уходил с боевых постов на стенах, сменяясь строго по графику. При этом спали воины Нирелина прямо подле мест своего дежурства в специально оборудованных для этого местах. Лишь женщины и дети занимались более-менее привычной работой, не забывая заботиться о находившихся в полной боевой готовности мужчинах, включая и стариков, для которых тоже на-

шлось место. Ворота, наглухо закрытые при появлении солдат, открывались лишь дважды, когда к шейху, размахивая белым флагом, являлись парламентеры.

Первый раз это произошло сразу после того, как солдаты хана окружили Нирелин и поставили между барханов свои палатки. К воротам чинно подъехало несколько человек, среди которых выделялся рослый мужчина в дорогих клепаных доспехах, украшенных золотыми и серебряными насечками. Стража провела визитеров к встретившему их возле своего дома ан-Бакиру. Разговор был краток. Воин в дорогих доспехах заявил что говорит от имени командующего армейским соединением благородного Тиграна ди-Орта, полномочного представителя властелина Железных земель Великого хана Гийюра ад-Сейдина. Он сообщил, что жителям Нирелина предлагается открыть ворота и сдаться. Шейху надлежит выполнить все требования командующего, после чего будет принято решение перейдет ли оазис под юрисдикцию Красной саламандры, либо же ему сохранят суверенитет и возможность существовать как и прежде. В случае повиновения командующий гарантирует всем обитателям неприкосновенность жизни и имущества вне зависимости от последующего выбора. Отказ повлечет за собой открытые боевые действия, а нирелинцы уже не смогут рассчитывать на какую-либо милость со стороны Великого хана. На размышление жителям оазиса даются ровно сутки.

Парламентеры, видимо, намеренно апеллировали не непосредственно к шейху, хотя проводили встречу лично с ним, а именно к населению Нирелина, часть из которого стояла в сторонке и наблюдала за происходящим. Возможно, представители хана таким образом рассчитывали вынудить ан-Бакира пойти на попятную, если тот окажется под давлением не желавших схватки с многократно превосходящими силами людей. Но если так, то здесь они явно просчитались. За исключением небольшого числа недовольных, гордые нирелинцы не намерены были отступать перед лицом самонадеянного врага и сдавать свою веками сохранявшуюся в неприкосновенности твердыню. Поэтому когда парламентеры явились на следующий день, шейх совершенно спокойным голосом сообщил им решение: Нирелин не откроет ворота и не уступит требованиям захватчиков. Оазис будет защищаться, и все возможные жертвы окажутся исключительно на совести нападающих. Это окончательный ответ и другого не будет. Воин в дорогих доспехах казался не слишком удивленным. Выслушав шейха, он церемонно откланялся и молча удалился в сопровождении все той же свиты. Воины оазиса приготовились к столкновению.

— Второй день уже стоят, — заметил подошедший к шейху

сзади Радул.
О его приближении ан-Бакир догадался по характерному металлическому позвякиванию.
— Чего бы они ни дожидались, взять оазис измором у них точно не выйдет, — отозвался старик. — В отличие от нас, у них нет возобновляемых припасов, а на такую ораву взятого с собой им надолго не хватит.
— Да, — кивнул начальник воинов Нирелина, — Именно поэтому я считаю, что они не станут тянуть с атакой.
— Как думаешь, когда полезут? — поинтересовался шейх.
— Когда облачатся в доспехи. Сейчас на них нет ни кольчуг, ни иной защиты за исключением легких кожаных панцирей. Разве что тот важный павлин явился в полном облачении вместе со своими телохранителями. Оно и понятно — долго находиться в металле на такой жаре просто невозможно. Поэтому я почти уверен, что перед боем эти ребята соответствующе переоденутся. И нападут, скорее всего, на закате, когда будет уже не слишком жарко, но еще достаточно светло. Или на рассвете, — предположил Радул. — Правда доспехи им не помогут, но простые воины могут этого и не знать, — добавил он чуть погодя.
— Даже если знают, то все равно вряд ли понимают по-настоящему с чем именно им придется столкнуться, — без всякого злорадства в голосе произнес старик.
Послышалось хлопанье крыльев. Мимо, сверкнув в лучах солнца белоснежным оперением, промелькнул беззаботный мохнолапый голубь. Птицы преспокойно курсировали по оазису, забавно курлыкая на крышах и карнизах, и ничуть не подозревали о надвигающейся угрозе.
— Что-то они разлетались, — произнес шейх, проводя голубя взглядом. — Надо бы сказать Пириму чтобы запер их в клетку, если хочет сохранить поголовье невредимым. Он так трясется над ханским подарком. В нынешних обстоятельствах я бы приказал их изжарить, да только птицы-то чем виноваты?
— Я передам, — кивнул Радул. — Пирим вызвался нести дежурство во внутреннем бастионе, а я как раз собираюсь нанести туда визит. Этот толстяк никогда не отличался особой храбростью, но кому-то, безусловно, надо находиться и там, так что я не стал возражать.
Внутренним бастионом в Нирелине называлось внешне ничем не примечательное строение, на деле сложенное из множества слоев прочного кирпича и уходившее довольно глубоко в землю. В нем находился основной арсенал, значительное количество припасов и даже собственное водоснабжение. В случае необходимости в этом

бастионе жители могли укрыться от какого-либо бедствия, а толстые стены служили залогом надежной защиты.
— Хорошо, — сказал шейх. — И передай нашим чтобы были готовы. Солдаты хана находятся вплотную к зоне поражения и мы должны нанести упреждающий удар сразу как только они пересекут условную черту.
— Давно готовы, — недобро усмехнулся начальник воинов, посматривая на колыхавшиеся поодаль знамена Красной саламандры. — Клянусь своей честью, эти ребята надолго запомнят наше угощение.

Второй день также прошел без особых изменений. Окружавшие Нирелин войска посменно жарились на солнце, не предпринимая боевой активности. Лишь зачем-то поставили еще несколько больших палаток на гребне самых высоких барханов. Должно быть, хотели оборудовать там наблюдательные пункты. Отдельные же небольшие отряды временами принимались перемещаться вокруг оазиса, двигаясь то ближе, то дальше, порой надолго скрываясь за очередной горой песка, а затем вновь появляясь как ни в чем не бывало. Возможно, таким образом они старались разглядеть наиболее слабое место в обороне, а заодно выяснить мобильность перемещений по окрестным пескам, хотя выглядело все это тем не менее достаточно бесцельно. Ан-Бакир и Радул по очереди и вместе наблюдали за этими маневрами, силясь разгадать их предназначение. Прямой атаки они почти не боялись, а посему старались угадать не задумал ли противник какую-то каверзу. Но в действиях ханских солдат не угадывалось какой-либо прямой угрозы, а видимый смысл их перемещений не носил сколь-нибудь определенного характера.

На закате третьего дня беспокойство шейха усилилось. Воины Красной саламандры явно чего-то ждали, а чего именно — он никак не мог понять, и от этого ему становилось все более не по себе. Ведь доверенный военачальник хана Гийюра попусту терять время наверняка не будет. В письме Ан-Бакира предупредили с кем ему предстоит иметь дело, да шейх и сам понимал, что на такую миссию ад-Сейдин не пошлет абы кого. Однако прибывшие войска до сих пор не атаковали, и в существующих условиях с каждым новым днем это становилось все более непонятно.

Лишь с наступлением четвертых суток тишину над оазисом разорвал громкий тревожный рев сигнального рога. Задремавший ан-Бакир выскочил из постели и с несвойственной его возрасту прытью взлетел на обзорную башенку. Светало. Солнце еще не показалось из-за горизонта, и лишь его лучи окрашивали утративший звездную темноту небосвод. В лицо пахнуло свежестью и хо-

лодом. В бледном свете занимавшегося раннего утра облаченные в полную амуницию солдаты ад-Сейдина выстраивались в боевой порядок.

Защитники Нирелина находились на своих местах. Отдыхавшая смена присоединилась к бдительно несущей дежурство, и теперь они собрались в полном составе, намереваясь встретить неприятеля. Среди воинов заметно выделялась фигура Радула, быстро переходившего от одной секции укреплений к другой. Его подчиненные и без того отлично знали свою задачу, но командир лично должен был убедиться в их полной боеготовности. Оборона не должна дать ни малейшей осечки, иначе многократно превосходящие силы противника прорвутся и навяжут ближний бой, где ввиду их численности шансы нирелинцев резко пойдут на убыль. Прозвучавший сигнал тревоги живо поднял на ноги и остальных жителей. За исключением примкнувших к защитникам некоторых женщин они прямого участия в обороне не принимали, но внутри стен у них были распределены свои обязанности. Детей же под присмотром группы взрослых быстро переводили в бастион.

С позиций солдат хана раздался громкий боевой клич, многократным гулким эхом прокатившийся через окруженный оазис. Подняв клинки, воины Красной саламандры принялись бить ими по щитам, создавая поистине невообразимый устрашающий металлический лязг. Взмыли острия взятых на изготовку копий. Первые шеренги бойцов подхватили на плечи перемещенные из-за барханов заранее собранные штурмовые лестницы. Двенадцать ярдов опоясывавшей Нирелин стены — довольно невысокая преграда, для которой не требовалось серьезных осадных машин. Приставленные разом со всех сторон лестницы создадут такой приток нападающих, какой осажденные ввиду своей малой численности долго сдерживать будут не в силах. А лучники, находившиеся промеж штурмующих стены, своим интенсивным обстрелом обеспечат необходимое прикрытие, не давая защитникам беспрепятственно высовываться из укрытий. Дожидаясь приказа, солдаты продолжали греметь клинками, регулярно оглашая пространство громогласным криком. Таиться им не было ни малейшего смысла. О внезапности нападения речь не могла идти в принципе, поскольку с самого момента их появления жители оазиса непрерывно ожидали атаки. Ввиду очевидной специфики местности войско хана, находясь под непрерывным наблюдением, не могло рассчитывать на эффект неожиданности, а потому на сей счет даже не старалось.

От просторной бело-зеленой палатки за своими людьми в окружении небольшой свиты наблюдал невысокий воин в отливав-

шей серебром кольчуге и остроконечном шлеме с накладками. Помимо него на вершине одного из самых высоких барханов находилась и небольшая свита, но только этот воин держал в руках черный молотообразный жезл, увенчанный искусно выполненной красной саламандрой. Этим воином был командующий экспедицией Тигран ди-Орт, о чем легко можно было догадаться по этому самому жезлу, полагавшемуся только крупным военачальникам. Казалось, на него никто не обращал внимания. Воины, гремя железом, смотрели строго перед собой, не сводя глаз с заветного рубежа. Даже свита, казалось, была поглощена лишь созерцанием окружающей панорамы. Но это было обманчивое впечатление. Еще раз окинув долгим взором занявшие позиции войска, ди-Орт медленно вышел вперед, встав на самый край бархана. Жезл с красной саламандрой взвился вверх. В следующую секунду во всех подразделениях хором раздалась громогласная команда. Прекратив воинственный шум, солдаты ринулись в наступление.

От стен оазиса их отделяло всего пятьсот ярдов, из которых только последние сто пески сменялись травяным покровом и низким кустарником. Совсем небольшое расстояние, которое можно было быстро преодолеть бегом, и при этом вполне безопасное для построения вне пределов досягаемости стрел. Несмотря на вес снаряжения и лестниц, хорошо тренированные воины передвигались достаточно быстро для того, чтобы достичь стены прежде чем стрелки осажденных сумеют нанести сколь-нибудь существенный урон. Что могли противопоставить защитники столь массированному и стремительному напору? Ответ ждать себя не заставил. Не успели атакующие проделать и первую сотню ярдов, как по стенам оазиса разлетелся условный сигнал. А именно высокий пронзительный свист, изданный Радулом через специальное ручное устройство и незамедлительно подхваченный всеми дозорными, в сравнении с которым совсем незаметными оказались множественные сухие щелчки, послышавшиеся где-то в глубине стен. Там, не видимые постороннему глазу, находились металлические трубки, под углом выходившие в верхнюю часть стены, где их до поры скрывали герметичные задвижные заслонки. Сейчас эти заслонки были сдвинуты, и через освободившийся выход из каждого глубокого канала вырвался стеклянно-металлический шар размером с крупный помидор. Поскольку трубки смотрели из стены под наклоном, то и шары взвились в воздух не вертикально вверх, а устремились навстречу спешащим войскам врага. Передаваемая взведенной пружиной энергия была такова, что выпущенный ей метательный снаряд не мог улететь слишком далеко. Но траектория его полета и снижения по дуге простиралась аккурат ярдов на

триста пятьдесят. И в тот самый момент когда солдаты ад-Сейдина оказались в зоне поражения, необычные шары достигли пространства над их головами. Их было много. Очень много. По одному из каждой трубки, которых в опоясывавшей Нирелин стене скрывались даже не сотни, а тысячи. Не все они были задействованы, но их общее количество позволяло регулировать требуемую плотность выстрелов. И сейчас она была достаточно высока, чтобы практически одновременно выпущенные шары подлетели к стремительно наступавшему неприятелю близко друг от друга, снизившись над передними рядами всего на пару десятков футов. Нет, шары не упали на песок под ноги бегущих солдат. Когда передние шеренги уже собирались их миновать, они неожиданно налились ослепительным светом и лопнули. Из мгновенно испарившихся осколков во все стороны брызнули раскаленные капли светящегося от высокой температуры вещества. Эти густые капли плотным дождем пролились вниз, падая на деревянные лестницы, металлические и кожаные доспехи, шлемы, песок и незащищенную человеческую плоть. И везде куда падала такая капля мгновенно вспыхивало жадное пламя, хищно вгрызавшееся в подвернувшуюся ему пищу. Налитая поистине чудовищным жаром, она воспламеняла все чего касалась, одновременно прожигая любую материю как мягкий свечной воск. Всего за несколько секунд боевой порядок атакующих превратился в невообразимый хаос, наполненный воплями ужаса и невыносимой боли, плавящегося металла и паленого мяса. Песок под ногами мечущихся людей горел и плавился. Упавшие и все еще реявшие боевые знамена охватило бурное пламя, окружив изображенную там саламандру красно-оранжевым ореолом и быстро обращая ее в пепел вместе с молотом. Пылали шлемы, пылали доспехи, горели сами люди. Заходясь от жгучей боли, они пытались сбить расползавшиеся языки огня, сбросить въедавшиеся в живую плоть раскаленные сгустки. Но стряхнуть эти капли было невозможно. Едва лишь куда-то попав, они прилипали намертво и жгли, жгли, жгли насквозь, воспламеняя все вокруг своей бешеной температурой. Сухое дерево, толстый металл, песок или живая плоть — им было безразлично. Реакция заходящегося от жара вещества была настолько бурной, что уничтожала все на своем жутком пути, превращая окружающее пространство в пылающий ад. Это был Липкий огонь — страшное оружие давно канувших в лету времен, секрет которого на долгие века был похоронен в далеком уединенном оазисе.

Попавшие под раскаленный дождь воины обезумели. Вопя, крутясь, беспорядочно кидаясь из стороны в сторону и сталкиваясь друг с другом, они один за другим оседали на ставший огнен-

ной ловушкой песок и умирали в кошмарной агонии. Многие вырывались прочь — вперед, где в ужасе замерли успевшие проскочить область поражения солдаты, и обратно, где еле смогли затормозить задние шеренги и теперь в панике разбегались от живых факелов. И там они еще какое-то время метались невзвидя света, разъедаемые хищными пламенеющими каплями, прежде чем смерть милостиво обрывала их невыносимые муки. Пространство между передними и задними рядами превратилось в заходившуюся дьявольским пеклом преисподнюю. И она стремительно пожирала сотни, тысячи людей, не оставляя им шансов на спасение. Лишь немногочисленные счастливчики успели выскочить из разверзшегося ада, избежав большей части смертоносных капель и отделавшись повреждениями и ожогами разной степени тяжести. Одним махом армия нападавших лишилась не менее половины своего состава. А уцелевшие передние ряды, застывшие за образовавшимся непроходимым пространством, сокращались на глазах, попав под обстрел активизировавшихся на стенах лучников. Они были не в состоянии отступить назад, страшась беснующегося пламени, источавшего нестерпимый жар, и больше не могли бежать вперед, став слишком малочисленными. Все что им удалось — это сбиться в небольшие группы и прикрываться щитами в надежде, что помощь подоспеет раньше, чем их всех перебьют. Да и то они сообразили предпринять такой маневр лишь тогда, когда стрелы успели вывести из строя не менее трети из них. Задним же шеренгам оставалось лишь беспомощно взирать как умирают их товарищи.

Глядя на гибель своих людей ди-Орт изменился в лице. Развернувшееся зрелище повергло в шок даже опытного военачальника, немало насмотревшегося за свою жизнь на кровь и смерть. Его потерявшая дар речи свита застыла на месте, расширенными глазами взирая на дикий огненный вихрь. Атака была сломлена. Нет, она была просто уничтожена разразившейся в считанные секунды немыслимой катастрофой! Свирепая ярость Липкого огня вырвалась на волю, собирая свою губительную жатву и обращая в дым и пепел мощные боевые подразделения. И если бы зона поражения оказалась немного больше, то хан Гийюр разом лишился бы почти всего экспедиционного корпуса. Крики несчастных жертв неукротимой стихии, ненадолго достигнув своего апогея, теперь быстро стихали, уступая место мерному и злому гулу пожиравшего все без разбора пламени. Затем умолкли окончательно, и теперь лишь вопли очередного пораженного стрелой солдата доносились до командующего армией и до проворно спускавших тетиву лучников Нирелина.

Да, воины на стенах времени даром не теряли. Едва только специальные нажимные пластины разрядили заранее взведенные пружины, выбросившие навстречу неприятелю зловещие шары, как они уже вновь приводили механизмы в полную боеготовность. Повиснув всем весом своего тела на рычагах, защитники прямо с вершины стены опускались на них до самой земли, заряжая пружину обратно. И там, через соответствующее окошко подачи, в металлический канал отправлялся очередной заранее приготовленный шар. Окошко захлопывалось и поворотное устройство перекрывало боковое отверстие, одновременно приводя механизм в полную боеготовность. Метательный снаряд оказывался запертым над пружиной, и под ее напором рванется наверх и покинет пределы стены, неся пылающую погибель в заранее рассчитанную точку, едва будет вдавлена спусковая пластина. При этом дальность стрельбы контролировалась силой взвода пружины, выражавшейся в длине хода соответствующего рычага, и сейчас она была максимальной. И еще задолго до того, как безжизненно рухнул последний охваченный свирепым огнем солдат ад-Сейдина, защитники вновь были готовы применить свое страшное оружие. А пока в этом не было очевидной необходимости, они достали длинные искусно изготовленные луки. В стоявших подле корзинах имелось вдоволь заранее припасенных стрел, и нирелинцы меткими выстрелами принялись снимать одного за другим отрезанных от своих непроходимой областью людей хана. Корпусу ди-Орта был нанесен сокрушительный урон и, судя по реакции уцелевших солдат во главе со своим военачальником, они не станут продолжать атаку даже тогда, когда наконец-то уймется взбесившееся пламя. Действуя умело и слаженно, защитники Нирелина, остановившие нападение врага самым убийственным образом, продолжали постепенно выводить из строя все еще находившихся в поле их досягаемости воинов Красной саламандры. В не успевшей даже толком начаться битве наступил катастрофический перелом, и стихнувшие крики противника свидетельствовали о том, что конец ее близок. Конец, знаменовавший полный разгром ошеломленной армии ад-Сейдина. Точнее, того что от нее осталось. Защитники продолжали выпускать стрелы, уверенные, что до окончательной победы их отделяют считанные минуты и враг, поджав хвост, теперь уберется восвояси. Поэтому когда громкие крики раздались вновь, нирелинцы пришли в невольное замешательство. Ибо раздались они неожиданно не от рядов пребывавших в смятении людей хана, а совсем с другой стороны — изнутри самого оазиса.

Через распахнувшиеся двери бастиона выбегали женщины и

дети. Выскочив наружу, они бросались врассыпную, отчаянно голося и призывая на помощь. В первые секунды ровным счетом ничего нельзя было понять. Детский визг и вид непонятно зачем покидавших бастион испуганных жителей озадачил находившихся на стенах воинов, обративших к ним свои недоуменные взоры. Но прежде чем они сумели разобрать хоть слово из беспорядочного хора голосов среди разбегавшихся нирелинцев вдруг замелькали вооруженные люди. Вначале показалось, что это кто-то из своих, оказавшись в бастионе, пытается навести порядок среди поддавшейся панике и удиравшей кто куда детворы и присматривавших за ней женщин. Ведь кого-то другого там быть просто не могло. Однако эта иллюзия быстро развеялась, уступив место невероятной и страшной действительности. Облаченные в кожаные доспехи мужчины быстро прибавляли в числе, высыпая из широко распахнувшихся дверей как муравьи из муравейника. Тревожно взревел зашедшийся от натуги сигнальный рог, раз за разом повторяя несущийся призыв. Но еще до того как его запоздалые звуки наполнили пространство, похолодевшие защитники оазиса разглядели на груди обнажавших клинки людей знак Красной саламандры. Враг проник в Нирелин!

По команде Радула его воины оставили посты на стенах, пока еще пребывавших в недосягаемости извне, и со всех ног бросились навстречу выливавшемуся из бастиона неприятелю. У них не было времени соображать что произошло. Солдаты ад-Сейдина оказались в самом центре оазиса, и все что им сейчас оставалось — это дать захватчикам бой. На бегу объединяясь в небольшие отряды, нирелинцы, выхватив сабли, во весь дух неслись к бастиону, непостижимым образом продолжавшему извергать все больше людей хана. Они уже тут и там замелькали среди построек оазиса и подлетевшие защитники с неистовым звоном скрестили с ними сыпанувшее искрами оружие. В только что пребывавшем в полной безопасности оазисе завязалась яростная схватка.

Воины обеих сторон не уступали друг другу в подготовке. В ответственную экспедицию хан послал наиболее обученных, из тех что прошли многие сражения и неоднократно проявили себя на поле брани. Нирелинцы же, хоть и не имели подобного богатого опыта смертоубийства, тем не менее с младых лет знали с какого конца держать клинок, и под руководством своего командира долгие годы упражнялись в ратном деле. Защищены же они сейчас были заметно лучше, будучи облачены в кольчуги и клепаные панцири, в то время как солдат ад-Сейдина прикрывали простые кожаные доспехи. Кроме того, у защитников имелось и известное преимущество. Нападавшие плохо ориентировались в окружаю-

щей незнакомой обстановке, а для нирелинцев это был дом родной. И в нем они не только знали наизусть каждый куст, каждый камень, но, как известно, там и стены помогают. Напор ударивших по расползавшемуся врагу защитников был столь грозным и стремительным, что они просто смели первых попавшихся им навстречу солдат. По одиночке и группами люди ад-Сейдина падали, сраженные неукротимой яростью бившихся за родную землю нирелинцев, не успевая оказать достаточно серьезного сопротивления. Дышащее миром пространство меж домов и пальм превратилось в невиданную доселе кровавую арену. Рассеченные, израненные тела снопами валились на не ведавшую прежде такой смерти землю, а пространство наполнил лязг металла и исступленные крики сражающихся. Остановив распространение врага, воины Радула, неся пока еще незначительные потери, сумели отбросить их назад, тесня обратно к бастиону. Однако там положение быстро стало меняться.

Первый несомненный успех оказался на стороне нирелинцев. Стены по-прежнему оставались недоступными для находившейся снаружи уцелевшей части экспедиционного корпуса ад-Сейдина, поэтому они могли на какое-то время оставить привычные посты. И если бы оказавшийся внутри противник не слишком отличался от них по численности, решительность защитников сыграла бы свою ключевую роль, склонив чашу весов в их пользу. Враг оказался бы смят и обезврежен до того, как успел нанести ощутимый урон и помочь остальному войску преодолеть стены. Увы, это было не так. Неимоверной храбростью и бесстрашным самопожертвованием воины Нирелина нанесли атакующим чувствительный удар, перебив всю первую волну и отшвырнув ее остатки обратно к бастиону. Но там, к сожалению, их героизма было уже мало. Враг продолжал прибывать и воины оазиса, дойдя до определенного рубежа, сначала замедлились, а потом и вовсе остановились, столкнувшись лицом к лицу с многократно превосходящими силами. Ожесточенный бой завязался с новой интенсивностью, но теперь он приобрел совершенно иной характер. Множество раздельных схваток образовали единую линию фронта, кольцом опоясывавшую служивший некогда символом оплота, а теперь погибели бастион.

Скоротечное сражение носило ужасающий характер. Отступать защитникам было некуда да и незачем. Все что им оставалось — это драться до последнего, рубиться изо всех сил, усеивая все вокруг себя трупами врагов, пока жизнь не покидала израненное тело. С соседних башен находившиеся там люди всаживали стрелу за стрелой в ряды солдат хана, но стрелков было слиш-

ком мало, чтобы они могли существенно повлиять на ход сражения. Старый шейх, вооружившись длинным фамильным луком, лично уложил не менее двух десятков захватчиков, но тех становилось только больше. Число же боеспособных нирелинцев уменьшалось на глазах. Умирая, они забирали с собой трех, четырех, пятерых и даже больше врагов, потому что в отличие от них дрались с бесстрашием обреченных, отдавали свою жизнь, но брали за нее очень высокую плату. Но чуда сотворить они все же не могли. Некоторое время поддерживавшийся баланс переломился. Сильно поредевшее кольцо нирелинцев больше не могло удерживать позиции. Они не отступали, но их теснили назад превосходившие силы, будто возобновлявшиеся из неисчерпаемого источника. Прямо по нагромождению убитых и умирающих, среди стонов и проклятий раненых лезли и лезли солдаты ад-Сейдина, падая под неистовым исступлением обороняющихся, но и доставая очередного защитника оазиса.

Фронт полностью распался. Еще живых и бешено сопротивлявшихся воинов Нирелина оттеснили вглубь построек, и схватка продолжила кипеть меж домов и пальм, где укрылись женщины и дети. Впрочем, большинство женщин теперь стояли в дверях и на крышах строений, осыпая врагов стрелами, пусть и не так метко и эффективно как опытные воины. Ответные залпы солдат Красной саламандры могли бы легко их перебить, но нападающие почему-то до сих пор ограничивали средства дальнобойного поражения, хотя вокруг бастиона уже появились лучники и с занятых позиций вполне могли снять очень много нирелинцев. Они лишь продолжали захватывать пространство, блокируя выходы из домов, перекрывая основные артерии и рассредоточиваясь по всему оазису. Взобравшиеся на сигнальную башню люди хана в короткой и жестокой борьбе справились с находившимся там дозорным. Большой медный горн осиротел и уже не мог никого предупредить ни о том, что на стенах показались подоспевшие люди хана, ни о том, что они открыли ворота наконец-то подошедшим частям армейского корпуса, уцелевшим после огненного ада. Впрочем, толку от этого все равно уже не было, поскольку не осталось почти никого, кто еще мог бы оказать сопротивление. Немногочисленные уцелевшие защитники еще рубились в зарослях и узких местах, устилая землю трупами нападавших и внушая врагам благоговейный ужас, но они уже не в силах были ничего изменить. Солдаты ад-Сейдина наводнили оазис. Они врывались в дома, хватая женщин, детей и стариков, и выводили их наружу. Сопротивлявшихся мужчин молодого и среднего возраста убивали на месте, женщин и людей в возрасте обезоруживали или оглушали.

Обнаживший саблю девяностолетний шейх встретил явившихся к нему врагов как подобает и они некоторое время не могли к нему подступиться, каждый раз напарываясь на острый изогнутый клинок. Они, разумеется, легко могли совладать со стариком, и очевидно лишь категоричный приказ взять ан-Бакира живым и невредимым удерживал их от скорой расправы. Поэтому, улучив момент, солдаты набросились на него всем скопом, расплатившись глубокими ранами и едва не потеряв сразу двоих. Шейха сбили с ног, скрутили и повели вниз. Через плечо старик успел увидеть, как над дозорной башней взвился стяг Красной саламандры. Нирелин пал.

Пленников стаскивали к центральной площади, обычно служившей местом для проведения различных празднеств. Армия хана славилась своей беспощадностью, поэтому, ввиду оказанного яростного сопротивления, вполне можно было ожидать худшего. Тем не менее солдаты ад-Сейдина постройки не жгли и разрушений не учиняли. Отовсюду неслись пронзительные женские крики и детский плач, но они исходили скорее от испуга, нежели применяемого насилия. Не обходилось и без эксцессов, ибо перед глазами воинов Красной саламандры еще стояли объятые пламенем умиравшие товарищи, но в целом ситуация была далека от безжалостной массовой резни, если не считать почти всех погибших защитников. Однако этому могло иметься вполне простое объяснение. Войска ад-Сейдина были известны не только беспощадностью, но и дисциплиной. Солдаты, должно быть, получили соответствующий приказ, ибо только это и могло объяснить многие доселе странные вещи. У шейха, несмотря ни на что сохранившего ясность мысли, в голове вертелось очень много вопросов. К своему великому сожалению, он слишком быстро получил на них ответы.

— Этого охранять особенно внимательно! Если с ним что-то случится — ответите головой! — приказал рослый сотник выставленной подле связанного ан-Бакира страже. — Я иду доложить командующему.

Стражники отсалютовали и плотнее придвинулись к старику. Их десятник, отойдя на несколько шагов в сторонку, занял наблюдательный пост подле груды плетеных корзин и принялся бдительно зыркать по сторонам. Шейх, морщась от боли в связанных руках, также осмотрелся вокруг. К площади продолжали сгонять захваченных обитателей оазиса, располагая их небольшими группами под усиленной охраной. К разбитым явно по возрасту кучкам испуганных детей разрешили присоединиться и нескольким женщинам, дабы они по возможности уняли плач и крики. Остальных вместе со стариками размещали вдоль площади, постепенно опоя-

сывая ее кольцом из пленников. Мужчин среди них было совсем немного. Большинство из них умерли с оружием в руках, и солдаты хана схватили в основном лишь раненых да тех, кого удалось обезоружить и оглушить. Они перебили бы всех, но бесстрашная отвага защитников оазиса и их презрение к смерти впечатлили видавших виды людей ад-Сейдина, а посему они из уважения сохранили жизнь попавшим в их руки пленникам, не став добивать на месте. И теперь ан-Бакир, бросая внимательные взгляды, старался определить кто из жителей оазиса остался в живых. Многие знакомые лица были здесь, легко узнаваемые в общей толпе. Многих и не было. Разумеется, старик знал вообще всех членов общины в лицо, но не все были его родственниками и не всеми он одинаково сильно дорожил. Радула и Захира, к примеру, он страшно боялся потерять, а вот того же Пирима, мягко говоря, не очень. Поэтому когда шейх так и не сумел обнаружить среди присутствующих первых двух, его сердце сильно сжалось, а при видимом отсутствии последнего не особо и обеспокоилось. Радул, как командир воинов, скорее всего пал в бою. Захир же мог и уцелеть, раз кто-то из мужчин все же оказался в плену, но поскольку сейчас его здесь нет, то если он не мертв, значит где-то укрылся, либо лежит раненый и без сознания. Впрочем, такое предположение могло относиться вообще ко всем, а посему шейх решил не гадать на кофейной гуще, ибо от этого становилось еще более тошно. Разве что с часовыми в бастионе было все более-менее понятно. Они пали первыми и можно было не надеяться увидеть их в живых. Зато детей, судя по всему, никто не трогал, и хотя бы эта мысль немного утешала объятого горем шейха. Ведь он до сих пор не мог отыскать взглядом Илиану и переживал из-за этого пуще прежнего, стараясь если и не увидеть девочку, то хотя бы услышать ее. Однако вместо дорогой воспитанницы его слух неожиданно уловил совсем другой голос. Голос одного из стражей бастиона, который сейчас попросту не должен был звучать.

— Этот. Этот. Еще этот. И вот этот, — говорил, приближаясь, знакомый голос с какими-то долгими и неровными интервалами, будто выбирал товар на прилавке.

Шейх вытянул шею, силясь разглядеть что происходит, но ему мешала заслонявшая обзор стража. Лишь когда знакомые интонации раздались совсем близко, охрана расступилась и ан-Бакир увидел Пирима. Толстяк медленно шел в сопровождении двух сотников и нескольких особо рослых воинов, внимательно разглядывая плененных жителей оазиса.

— Этот, — изрек племянник, ткнув пальцем в ничем не примечательного щуплого старика, и солдаты, подхватив указанного чело-

века под руки, быстро его куда-то увели.
Пирим продолжил свой неторопливый путь и приблизился к окружавшей ан-Бакира группе. Сделав еще несколько шагов, он поравнялся с ней вплотную и повернулся к связанному старику. Шейх окаменел. Поверх одеяния племянника, поблескивая в лучах восходящего солнца, красовался нагрудный знак Красной саламандры.
— Ты! — выдохнул ан-Бакир, пожирая Пирима глазами. — Ты... — пробормотал он, как-то сразу поникнув плечами.
Теперь старик понял все, но понял, увы, слишком поздно — лишь для того, чтобы жить с этим всю оставшуюся недолгую жизнь. Солдаты хана проникли в бастион отнюдь не случайно. Их появление там уже наводило на определенные догадки, но правда оказалась хуже всего, и глядеть сейчас в лицо ухмыляющемуся предателю было просто ужасно.
— Я, — недобро усмехнулся племянник. — Что, До, теперь ты доволен? Ты получил что хотел.
— Неужели ты сам убил часовых у подземного хода? — негромко отозвался шейх. — Трус обагрил руки родственной кровью?
Усмешка сползла с круглой физиономии Пирима.
— Много чести, — сказал он, сплюнув под ноги старику. — Им вполне хватило хорошей порции отравы в тонизирующем напитке. Пришлось слегка повозиться, зато обошлось без шума.
— А отраву, поди, изготовила твоя любезная женушка? — бесцветным голосом спросил ан-Бакир.
— Не все ли равно? — прищурился племянник. — А впрочем, почему бы мне не порадовать тебя приятными деталями? Кальпита — мастер своего дела, а ты всегда относился к ней без должного уважения. Да и ко мне тоже. Теперь, поди, жалеешь?
— Да, жалею, — вздохнул шейх. — Жалею, что не уважил вас обоих должным образом, посадив задом наперед на осла и изгнав в пустыню, предварительно вываляв в смоле и перьях.
Сказав так, ан-Бакир смачно плюнул прямо в презренную рожу. Племянник побагровел. Изрыгнув ругательство, он наотмашь ударил старика по лицу. Покачнувшийся шейх непременно упал бы, если бы его не подхватила стража, которая, вспомнив об отданном им приказе, быстро заслонила пленника от разозленного толстяка. Привлеченный этой сценой десятник хотел было что-то сказать, но из груды плетеных корзин позади него неожиданно послышалось тихое всхлипывание. Живо развернувшись, воин разметал корзины, и взорам окружающих представилась сжавшаяся в комок испуганная девочка, в которой старик немедленно узнал Илиану. При виде живой и невредимой воспитанницы его сердце дрогну-

ло, испытав большое облегчение.
— А! Это же маленькая ведьма! — зло воскликнул Пирим, также признав ребенка. — Снесите ей башку, пока она еще кого-нибудь не сглазила!
— Ты что несешь, изверг? — ужаснулся ан-Бакир. — Это же просто дитя!
— Просто дитя? И просто куча смертей! — прошипел толстяк. — Я говорил тебе, что ее появление не к добру! Я говорил жди беды! Я говорил…
— Заткнись, грязный предатель, и не перекладывай свою чудовищную вину на других! — разгневался шейх. — Все сегодняшние смерти исключительно на твоей совести, так что даже не пытайся обвинить во всем злой рок и ни в чем не повинного ребенка!
— Расскажи это доблестным солдатам хана, которые сгорели заживо! — заявил племянник. — Эта маленькая ведьма сбила тебе мозги набекрень, едва только появилась. Ты отказался прислушиваться к голосу разума и погляди до чего дошло! Ничего этого могло бы и не случиться. Она во всем виновата! Это злые чары! Она ведьма и должна за это поплатиться! Ты и она! Солдаты не могут перерезать тебе глотку, но они могут убить ведьму которой ты так дорожишь, и вы оба сполна заплатите за все!
Десятник потемнел. Подлые слова племянника вызвали перед его глазами страшный огонь и с душераздирающими криками умиравших в агонии товарищей. Он потерял сегодня нескольких боевых друзей и брата, от которых остались лишь пепел и прожженные насквозь кости, и жажда отмщения всколыхнулась в нем с неистовой силой, заглушая все прочие мысли. Изменившись в лице, воин с лязгом выхватил клинок.
— Ты забрал жизни моих братьев! — прохрипел он, обращаясь к ан-Бакиру. — Гляди, старик, сейчас я заберу жизнь твоей родной внучки!
— Она мне не родня, — произнес ставшими вдруг совсем непослушными губами похолодевший шейх.
Все его существо сжалось в преддверии непоправимой беды и теперь мучительно искало выход из создавшегося положения. Потерявшего голову воина любой ценой надо было остановить. Этот суеверный подонок Пирим, давно мечтавший избавиться от Илианы, выбрал удачный момент и хорошо сыграл на не успевших остыть чувствах солдата. Поднимавшая было оружие рука десятника замерла.
— Вот как? — переспросил он куда менее уверенно.
— Да, — подтвердил за старика племянник. — Эта ведьма стала ему дороже собственной родни! Для него это самая большая утра-

та! Это ли не доказательство ее чар?!
— Ах вот как! — зло прищурился воин. — Тогда — смерть!
Повернувшись к сжавшейся в ужасе девочке, он взметнул сверкнувшую сталь. Маленький дрожащий комочек раскрывшимися до предела глазами бессильно смотрел снизу вверх, как над ним занесли острый изогнутый клинок. Мгновение остановилось.

Откуда-то со стороны с пронзительным мявом прямо на грудь десятнику с разбегу вдруг кинулось что-то черное. Уже собиравшийся нанести роковой удар солдат вскрикнул, уронив оружие. Тигром налетевший крупный кот со всего маху вцепился ему в лицо и, выпустив заточенные как бритва когти, с диким утробным урчанием принялся неистово полосовать. Заоравший дурным голосом воин обеими руками вцепился в озверевшего кота и насилу оторвал его вместе с клочками собственной кожи. Кот бешено вырывался, извиваясь, шипя и размахивая когтями. Струхнувший воин отшвырнул животное прочь и, подхватив с земли клинок, хотел было разрубить, но оно стремглав вскарабкалось на ближайшую пальму и оттуда угрожающе подвывало, сверкая глазами. Из глубоких порезов на лице десятника текла липкая теплая кровь, капая на землю и заливая чудом уцелевшие глаза.
— Ведьма! Колдовство! — хрипло каркнул разъяренный, одуревший от запаха собственной крови воин, вновь занося оружие над несчастной девочкой.
Достигнув пика замаха, его рука обрушилась в жестоком ударе.

Клинок не достиг цели. Он не проделал и полпути, как кто-то железной хваткой перехватил руку воина, остановив ее гибельное движение. Исказившись от бешенства, десятник резко развернулся к наглецу, осмелившемуся ему помешать. Перед ним стояла невысокая фигура командующего. Десятник вновь изменился в лице, почтительно склонив пострадавшую голову.
— Кретин! — холодно сказал ди-Орт, отбирая оружие у воина. — Ты что творишь?
Тот что-то было сбивчиво забормотал, затем окончательно растерялся и умолк.
— Я отдал ясный приказ: детей ни в коем случае не трогать! А ты только что чуть не убил девчонку, которой старик очень дорожит и которую повелитель приказал взять живой! — все также холодно произнес командующий. — За это хан снял бы головы нам обоим.
— Простите, я забылся, — понуро произнес воин. — Сегодня я потерял в огне брата и нескольких друзей. Жажда мщения затмила мне рассудок.
— Твое горе велико, но солдат армии Великого хана должен беспрекословно выполнять приказы и держать эмоции под контро-

лем, — бесстрастно изрек ди-Орт. — Тебе хорошо известно как карают ослушников.
Десятник понуро промолчал.
— Арестовать его! — приказал ди-Орт. — Позже я решу что с ним делать. И немедленно напомните всем: любой кто нарушит приказ будет казнен на месте вне зависимости от своего ранга.
Сопровождавшая командующего стража немедленно схватила павшего духом десятника и увела. Потемневшего было от досады Пирима стала заливать бледность. Он вдруг испугался как бы и ему не досталось за подстрекательство.
— Возьмите девчонку и отведите к остальным особым пленникам, — скомандовал ди-Орт. — И поаккуратнее, а то я лично отсеку ручищи тому, кто поставит ей хоть один синяк.
Один воин из его свиты приблизился к Илиане, подхватил ее на руки и быстро удалился.
— Что вы собираетесь с ней сделать? — с отчаянием спросил несчастный шейх.
— Абсолютно ничего до тех пор, пока ты будешь благоразумен, — ответил командующий, поворачиваясь лицом к старику.
— Что это значит? — измученным голосом выдавил ан-Бакир.
— Я полагаю, ты знаешь. Но мы еще поговорим об этом. А пока хорошенько обо всем подумай, ибо от твоих дальнейших действий будет зависеть жизнь всех — подчеркиваю, — всех дорогих тебе людей, — негромко произнес ди-Орт. — Старика доставить в мою палатку, — отрывисто добавил командующий. — Выставить усиленный караул. При нем всегда должен кто-нибудь находиться. Если с ним что-то случится — полетят головы.
Пириму стало совсем не по себе, и он не на шутку испугался как бы за нападение на старика не последовала расплата. Буквально несколько минут назад он мечтал привлечь внимание военачальника, а сейчас боялся пошевелиться. Ди-Орт, однако, про него не забыл.
— Вы закончили? — спросил он, обращаясь к племяннику шейха, но при этом смотря куда-то мимо.
— Почти, — подобострастно залебезил толстяк. — Осталось указать всего на нескольких.
— Так поторопись, — сказал командующий. — Помни: ты получишь Нирелин только если выполнишь все условия сделки.
— Разумеется, мой господин, — закивал толстяк. — Сейчас все будет исполнено, мой господин.
— Ты видно родился, чтобы служить господам, ничтожество, — презрительно изрек ан-Бакир, которого собралась уводить стража. — Жаль что я не понял этого раньше.

— И все-таки я буду шейхом! — надменно воскликнул племянник, вперив злобный взгляд в старика. — Помнишь свои слова, дедуля? Великий хан сделает меня старшим в Нирелине. Отныне я возглавлю род и буду управлять им по своему усмотрению.
— Наш род не станет подчиняться мерзавцу и предателю, — заявил ан-Бакир. — Слушайте все! — вдруг громогласно воскликнул он. — Вот тот, кто предал всех нас! Вот тот кто провел врага в бастион и сдал ему Нирелин! Кровь нирелинцев на его руках! Это Пирим, деливший с вами кров и пищу! Запомните его хорошенько! Запомните и никогда не забывайте!
Заслышав шейха, пленники притихли, внимая его словам. Множество пар глаз воззрилось на приметную фигуру толстого племянника, только что как ни в чем не бывало проходившего мимо них. Пирим вновь побагровел, но в присутствии командующего не осмелился ничего предпринять, ограничившись сквернословием.
— Да уведите уже старика, — совершенно беззлобно сказал ди-Орт.
В следующее мгновение произошло нечто совсем непредвиденное. Из ближайшей группы пленников вдруг вырвалась какая-то женщина. Разъяренной пантерой она, от неожиданности никем не остановленная, вихрем подбежала к сопровождавшим толстяка воинам, увернулась от одного из них, поднырнула под руку другого и очутилась подле племянника шейха. Почуяв неладное, солдаты попытались ее схватить, но было поздно.
— Умри, проклятое чудовище! — дико вскрикнула она, бросаясь на опешившего Пирима.
Блеснул выхваченный из-под одежды кинжал, и в шею толстяка глубоко впилась острая сталь. Из пронзенной артерии фонтаном ударила алая кровь. Захрипевший Пирим схватился за шею и рухнул на землю, закатывая глаза. В следующую секунду взмах сабли сразил бесстрашную женщину, и она бездыханной упала на умирающего в конвульсиях предателя. Жена Радула отомстила за смерть своего изрубленного у нее на глазах мужа.

Возникла тяжелая пауза. Притихли и пленники, и солдаты, ставшие свидетелями только что развернувшейся драмы.
— Собаке — собачья смерть, — к невольному удивлению шейха изрек командующий, взглянув на труп изменника без малейшего сожаления. — Кто-нибудь, уберите эту женщину. Отдайте ее тело своим — пусть похоронят вместе с остальными. И уведите, наконец, старика, или мне еще раз приказать?!

* * *

Предательство Пирима свершилось уже давно, но лишь со временем приняло наиболее подлую и злодейскую форму. Подаренные ханом Гийюром мохнолапые белоснежные голуби были почтовыми. Это заметила и чародейка Сирелина, да и сам шейх довольно быстро определил их породу. Но ведь разве могли они помыслить о чудовищном коварстве толстого племянника, особенно если учесть как далеко от Большой земли находился Нирелин. Тем не менее, уделявший немало внимания своим новым питомцам Пирим использовал их по прямому назначению. Голубей было много, и они свободно перемещались по оазису, временами улетая далеко за окрестные барханы. На этом фоне никто не мог заметить отсутствие всего одного, уносившего за горизонт очередное послание, а затем привозившего ответ. Голубь прибывал в памятное место на краю песков, где был разбит небольшой хорошо замаскированный лагерь. Люди хана под командованием особого эмиссара принимали доставленное пернатым письмо и переправляли сведения в ханскую ставку, а затем сообщали "своему человеку в оазисе" ответ. Таким образом Пирим извещал обо всех намерениях и настроениях шейха вплоть до полного провала всех переговоров, а затем этим же способом был разработан и утвержден план по захвату оазиса.

С давних времен из бастиона за территорию Нирелина выводил узкий подземный ход, тянувшийся мили на полторы в пустыню. Через него под покровом ночи можно было незаметно эвакуироваться в случае продолжительной осады и уйти за горизонт до того, как неприятель догадается что птички ускользнули из клетки. Или же послать кому-нибудь весточку на Большую землю, если оазис окажется окружен враждебными силами. Никто не мог и припомнить когда ход использовали по назначению последний раз, ибо история оазиса уходила далеко в века, но он аккуратно поддерживался в рабочем состоянии. Сложенные из кирпича и герметично промазанные стены надежно удерживали толщу песка и проникновение влаги, а две запиравшиеся на замок железные двери перекрывали его по оба конца. У находившейся внутри оазиса всегда дежурил часовой, который мог как подать сигнал тревоги, так и задействовать специальный механизм, способный засыпать ход в случае опасности. Выводивший же в пустыню вертикальный конец узкого коридора всегда засыпал песок, и обнаружить лаз заранее не зная где он находится представлялось практически невозможным. Лишь сняв слой песка можно было увидеть толстый и неизменно запертый металлический люк. И именно от Пирима люди хана не только узнали где искать этот потайной лаз, но и получили слепки ключей, из которых заблаговре-

менно изготовили несколько точных копий.

Непонятные прежде маневры экспедиционного корпуса в этом свете объяснялись очень просто. Сначала вход в тоннель следовало найти и раскопать. Затем внешне совершенно бесцельными перемещениями сбить с толку наблюдателей из оазиса, дабы они не заметили исчезновения части армии и подозрительного движения в области тайного хода. Поставленная на гребне высокого бархана большая и просторная палатка вкупе с остальными окончательно закрывала возможный обзор, отвлекая внимание нирелинцев от подлинных намерений ди-Орта. Отсюда и столь длительное трехдневное ожидание, казавшееся защитникам оазиса совершенно непонятным. По плану командующего четыре тысячи атакующих стены солдат должны были приковать к себе все силы оазиса, в то время как скрывавшаяся под тентами за барханом оставшаяся тысяча длинной цепочкой пройдет через подземный коридор и проберется прямиком в бастион. Чтобы не создавать лишнего шума эта тысяча была облачена в простые кожаные доспехи без единого куска металла, не считая переносимого в руках оружия. Получив условный сигнал от предателя, с которым продолжали поддерживать связь посредством голубиной почты, ди-Орт отдал приказ начинать. Громкий лязг мечей и крики построенных солдат отнюдь не ставили своей задачей внушить страх оборонявшимся воинам. Это была лишь зрительная и шумовая завеса, простой отвлекающий маневр. Пока тысяча лазутчиков один за другим ныряла в люк и гуськом следовала по узкому подземному коридору, их товарищи наверху устроили настоящее представление, а затем по команде ринулись в атаку. Лишь здесь ди-Орт просчитался, недооценив чудовищную силу Липкого огня, с которой ему пришлось столкнуться. Граница поражения метательными снарядами была хорошо известна от Пирима, а посему войска изначально расположились поодаль в полной безопасности. Только вот масштаб этого поражения оказался жутким сюрпризом, равно как и его последствия. Командующий предполагал, что будут потери, но даже и подумать не мог что дело обернется подобным образом. Лишь в тот момент когда он наблюдал одновременную гибель почти половины своего корпуса, Тигран ди-Орт по-настоящему понял какое страшное оружие таил Нирелин и насколько хан Гийюр был прав, когда пожелал заполучить его любой ценой. С его помощью армия ад-Сейдина сможет сокрушить любую твердыню и больше не будет перед ней стен и крепостей способных устоять перед натиском Красной саламандры. Цена, которую командующий заплатил за взятие оазиса, была высока, но в будущем несомненно оправдается сторицей. Следовало признать,

что если бы не предательство Пирима, то все пять тысяч солдат бесславно разбились бы о стены Нирелина, превратившись в пепел. При этом толстяк то ли по незнанию, то ли из-за бестолковости слишком плохо объяснил что именно произойдет при открытой атаке, и это повлекло за собой многочисленные жертвы. Ведь от самостоятельного нападения через подземный ход без параллельного наступления сверху решено было отказаться. Ди-Орт посчитал, что одновременный удар изнутри и снаружи будет наиболее эффективен. В дюжину раз уступавшие числом обороняющиеся даже со своим чудо-оружием окажутся не в состоянии сражаться на два фронта и быстро падут, а вверенный ему корпус отделается небольшими потерями. К тому же Пирим настаивал, что сумеет устранить стражу и отворить железную дверь только в случае боевой тревоги, когда внутри бастиона останется лишь трое часовых: двое у подземного хода плюс сам изменник, а остальные кинутся на стены. В противном случае риск неудачи существенно повышался, грозя не только срывом всей операции, но и ликвидацией подземного хода. Если бы вовремя среагировавшие защитники сообразили что затевается, то завалили бы его вместе с находящимися там солдатами Красной саламандры. Конечно знай командующий как в итоге обернется дело, он бы придумал что-нибудь другое. Но что сделано, то сделано.

Все это Арбах ан-Бакир узнал непосредственно от Тиграна ди-Орта. Успешно выполнив поставленную ханом задачу, тот ничуть не скрывал всех деталей операции от самого важного пленника, имея в этом, безусловно, свой расчет. Командующий хотел сразу твердо дать шейху понять: его карта бита и рассчитывать ему больше не на что. Зато будущее всех уцелевших нирелинцев, особенно самых дорогих и близких, теперь зависит исключительно от его сговорчивости и послушания. Поэтому старик услышал и о том что Пириму пообещали Нирелин под патронажем Красной саламандры, и о том почему солдаты хана избегали обстреливать оазис от начала и до конца сражения. Ди-Орт не мог позволить случайно убить кого-нибудь из носителей столь важного секрета, что могло поставить жирный крест на всей затее, а потому солдаты должны были действовать очень осторожно. Именно в силу этого критически важного обстоятельства они избегали пускать в ход луки, и вынуждены были воевать с постоянной оглядкой, что автоматически сказывалось на их потерях в ближнем бою. Имена и описания посвященных в тайну Липкого огня были известны командующему заранее, равно как и тех людей, которых надлежало обязательно взять в заложники. По здравому размышлению ди-Орт приказал ни в коем случае не трогать женщин, детей и стари-

ков, дабы не допустить фатальной ошибки, и даже в случае какого-либо сопротивления с их стороны не убивать, а захватывать живыми. Пирим как раз и занимался выдачей ключевых соплеменников сопровождавшей его страже, выискивая среди захваченных нирелинцев тех, кто особенно интересовал людей хана. Первым делом нацепивший нагрудный знак Красной саламандры, дабы подчеркнуть свою значимость, а заодно и случайно не попасть под раздачу от рыщущих по оазису солдат, он, видимо, слишком рано почувствовал себя хозяином Нирелина. За что и поплатился. Между тем командующий отнесся к его смерти безразлично. Во-первых, толстяк уже сыграл свою главную роль, и в нем теперь не было особой необходимости. Тех, на кого он не успел указать, люди хана без особых хлопот нашли самостоятельно. Во-вторых, ни ди-Орт, ни сам хан Гийюр не любили предателей. Они считали, что тот кто изменил раз, изменит и снова, и относились к таким людям с соответствующим недоверием и презрением.

Самую главную тему командующий приберег напоследок. Ан-Бакира, безусловно, мучительно интересовало что будет дальше. Но здесь, по мнению ди-Орта, все как раз становилось очень просто. Нирелин со всем уцелевшим населением станет форпостом Красной саламандры в этих пока еще далеких от Железных земель краях. В нем расположится вооруженный гарнизон на постоянной основе.

— Зачем он вам? — угрюмо спросил шейх. — Одна дорога через пески Калихари чего стоит.

— Верно, — кивнул командующий. — Теперь от оазиса нам толку мало, но вот от его жителей — совсем другое дело. У вас же остались женщины, дети… Даже несколько мужчин. Мы не возражаем, если они постепенно вернутся к обычной жизни. Дома, имущество, скот — все пребывает нетронутым, за исключением того, что у вас так долго по-хорошему просил Великий хан и в чем вы ему столь недальновидно отказали. Так что они вполне смогут жить дальше. Тем более что выбора-то у них все равно нет, ибо за пределы Нирелина никого не выпустят.

— Почему? — подозревая недоброе, произнес ан-Бакир.

— А потому, уважаемый старец, что отныне они будут заложниками вашего благоразумия, — негромко, но отчетливо ответил ди-Орт, подойдя к главному. — Всю вашу компанию хранителей тайны изготовления Липкого огня я доставлю прямиком к Великому хану вместе с захваченными образцами. И там я вам очень советую не разгневать повелителя нежеланием выполнить его волю. Одно его слово — и Нирелин превратится в кладбище, а от вашего рода не останется и следа. А чтобы ваши чувства вдали от дома и

близких не ослабли до степени проявления ненужного героизма, мы прихватили для вас и спутников. Несколько наиболее дорогих человек. Вы же, к примеру, очень любите эту девочку… как бишь там ее… И вряд ли захотите, чтобы с ней случилось что-нибудь очень, очень плохое, не так ли?

— Это бесчеловечно, — прошептал побелевший шейх.

— Возможно, — согласился командующий. — Должно быть, я кажусь вам сейчас каким-то чудовищем? Напрасно. Уверяю вас, ни мне, ни моему повелителю не приносят удовольствия бессмысленные страдания и смерти. Без прямой необходимости никому и в голову не придет тронуть безвинного ребенка. Однако если нет иного способа повлиять на ситуацию, то во имя цели приходится идти на определенные жертвы.

— Можете не продолжать, я наслышан про Хал-Амин, — тихо сказал старик.

— Тем лучше, — заметил ди-Орт. — Значит, вы отлично понимаете, что это отнюдь не пустые угрозы. Путь до Солтенстила долгий, так что у вас будет достаточно времени как следует обо всем поразмыслить. И я надеюсь, что когда по его окончании вы предстанете перед Великим ханом, то примете верное решение.

Экспедиционный корпус покидал Нирелин. Изрядно нагруженные вьючные животные семенили между отрядами мерно шагавших воинов Красной саламандры, стяги которой отныне реяли над башнями оазиса. Из пяти тысяч солдат в обратный путь отправилось менее двух, да еще три сотни остались в Нирелине постоянным гарнизоном. Ему надлежало нести круглосуточную вахту, превратив некогда мирный зеленый островок в тюрьму специального назначения. Начальник гарнизона был строжайше проинструктирован Тиграном ди-Ортом и нес личную ответственность за вверенных ему нирелинцев. А те, продолжая оплакивать лежавших в свежих могилах погибших, собрались проводить увозимых в далекие чужие края близких и сейчас живой цепью молча стояли до самых ворот. Слов не было, и лишь красноречивые взгляды смотрели с осунувшихся от горя лиц, да ладони поднимались в немом жесте прощания. К пленникам никого близко не подпускали, а позади жителей, хоть и не вмешиваясь, на всякий случай маячила усиленная стража. Нирелинцы, казалось, вовсе не замечали всех этих рядов вооруженных солдат, не отрывая глаз от тех кого они, должно быть, видели в последний раз. И даже когда ворота уже давно захлопнулись, они еще долго не расходились, с щемящей тоской расставаясь с вдруг навсегда ушедшим прошлым, безжалостно разорванным жестоким настоящим и отделившим его от неизвестного теперь будущего.

Ан-Бакир то и дело оборачивался, впиваясь взором в постепенно уменьшавшийся оазис, понимая, что больше никогда сюда не вернется. Даже когда зеленеющие пальмы превратились в далекую неровную черточку, а потом и вовсе скрылись за горизонтом, он все еще жадно всматривался назад, не в силах оторваться от невидимого теперь родного дома. Лишь вид ехавшей поблизости Или, сидевшей на двугорбом верблюде перед обнимавшей ее Далиной, придавал ему немного бодрости, смягчая давивший на сердце камень. Девочка довольно стойко перенесла недавний кошмар, но теперь в основном молчала, жалобно поглядывая на дедушку Арбаха большими печальными глазами. Старику оставалось только надеяться, что однажды она все позабудет как далекий страшный сон. И что с ней ничего не случится, ибо отныне ее будущее таило пугающую неизвестность.

– 9 –

Внешность Сирелины изменилась до неузнаваемости. Золотистые волосы теперь всегда покрывала стойкая черная краска с искусно наложенной сединой, а кожа благодаря многочисленным мазям и притираниям приобрела по-южному смуглый оттенок. Хорошо наложенный грим состарил ее сразу лет на двадцать, а тщательно отработанная согбенная походка окончательно довершала сходство с изнуренной, потрепанной жизнью женщиной в возрасте. Белоснежные зубы скрывала особая липкая смола, придавая им весьма невыразительный вид, а горбившуюся осанку поддерживала шишковатая деревянная палка. Плотная, но просторная одежда надежно скрывала по-прежнему подтянутое тело, и лишь глубокие голубые глаза оставались неизменными. Да и те чародейка старалась маскировать, по мере необходимости применяя настойку, заставлявшую их краснеть и слезиться. Ей было весьма непросто уродовать свою привлекательную внешность и изображать такую преждевременную старуху, но за прошедший год она привыкла вести шпионскую жизнь, постоянно находясь во враждебной обстановке. Она умудрилась воспроизвести даже подходящий своему прикрытию запах, состоящий из смеси лекарственных настоек, примеси пота и стареющей плоти. Сирелина, та еще чистюля, была не в восторге от аромата полученных "духов", к которым регулярно прибегала, но для дела он подходил как нельзя лучше. Потому что лишь в таком виде она могла надеяться оставаться никем не узнанной под самым носом у ханской стражи, ведь после продолжительных и безуспешных скитаний чародейка вновь оказалась в столице Железных земель Солтенстиле.

С тех пор как Сирелина к своему глубокому ужасу увидела над Нирелином стяг Красной саламандры, она не знала покоя. Она очень спешила и проделала весь путь всего за две недели, прибыв к месту назначения в начале апреля, но случилось то, чего чародейка так боялась: она все же опоздала, и оазис оказался захвачен солдатами ад-Сейдина. Холодея от предчувствия непоправимой беды, Сирелина под покровом ночи сумела проникнуть в Нирелин и переговорить с местными жителями. Отважная до безрассудства чародейка едва не попалась страже, ибо вылазка была невероятно рискованная, однако она не могла просто так взять и убраться восвояси, не попытавшись выяснить что произошло. Узнав Сирелину, встреченные нирелинцы рассказали ей все что знали. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы чародейка поняла примерный ход событий, осознав, что не успела всего на месяц. Помочь несчастным обитателям захваченного в конце февраля оазиса она сейчас ничем не могла, зато во что бы то ни стало решила разыскать увезенных пленников, и в первую очередь девочку Илиану. Пообещав сделать все что можно для освобождения заложников из неведомой темницы, Сирелина, прихватив наскоро врученные ей припасы, покинула оазис и, выбравшись из пустыни, отправилась прямиком в земли хана Гийюра.

Она понятия не имела где искать. Поначалу следы привели ее к ханской ставке подле осажденного Аяз Мола, но там довольно быстро выяснилось, что след этот ложный. Из ставки Сирелина направилась в столицу ад-Сейдина, откуда уводило сразу несколько тонких нитей в разные концы страны. С упорством завзятого разведчика она принялась их отрабатывать и потратила на это много месяцев прежде чем наконец-то поняла замысел хана. Местонахождение хранителей Липкого огня он собирался держать в тайне даже от своих людей, поэтому постарался хорошенько спрятать все концы. И он отлично преуспел в этом намерении, потому что чародейка в итоге вернулась с пустыми руками практически туда, откуда начинала. Сирелина постоянно подвергала себя большой опасности, но богатый жизненный опыт и приобретенная сноровка позволяли ей ловко оставаться незамеченной, а навыки маскировки росли как на дрожжах. Поэтому вновь оказавшись, что называется, в самом пекле, а именно в Солтенстиле, чародейка чувствовала себя намного увереннее, частенько пребывая под самым носом вряд ли так быстро позабывшей ее стражи. По крайней мере, пока не прибегала к колдовству. Без использования чар ее было почти невозможно распознать среди множества похожих женщин, а Сирелина старалась без крайней необходимости к ним не прибегать. Любая незначительная оплошность могла тут

же ее выдать, и стоило непрерывно держать ухо востро, старательно играя выбранную неприметную роль. Выдавая себя за вдову погибшего на войне солдата она купила небольшой домик в одном из недорогих районов Солтенстила и там принялась обдумывать что же предпринять дальше.

Где находятся пленники у хана Гийюра, само собой, не спросишь, а кто кроме него располагал подобной информацией сам оставался для Сирелины неизвестным. Ситуация складывалась совершенно тупиковая, и чародейка некоторое время не имела сколько-нибудь внятного плана, довольно бесцельно шатаясь по улицам города или угрюмо просиживая у окна своего нового жилища. Вместе с тем события в мире продолжали развиваться.

Аяз Мол пал. Он стойко держался до последнего, даже когда инженерам хана постепенно удалось перекрыть русло реки мощной плотиной, обеспечивавшей необходимый водосброс, но полностью заблокировавшей судоходство. Корабли больше не могли прорываться на помощь осажденным, доставляя пополнение и припасы в город. Лишившаяся столь серьезной поддержки извне крепость могла рассчитывать только на свои ресурсы, но их было вполне достаточно, чтобы еще долго удерживать под своими стенами основательно застрявшую там армию ад-Сейдина. Более чем на полтора года она сковала основные силы Красной саламандры и до сих пор не разгромленный эмир Бушерский всерьез рассчитывал что кампания хана Гийюра захлебнется. Однако однажды все резко изменилось.

В один черный для Уль Диона день в осаждавшие Аяз Мол войска прибыл довольно большой обоз в сопровождении целого армейского корпуса. Ничего необычного в этом защитники не увидели. Для простой доставки припасов охраны было, конечно, многовато, но с обозом, видимо, подошло подкрепление. Его появление могло означать что готовится новый штурм, и обороняющиеся усилили бдительность. Их подозрения подтвердились уже на следующий день, когда в армии ад-Сейдина началось заметное оживление, а крупные соединения войск стали занимать новые позиции. Место предполагаемой атаки легко можно было вычислить исходя из порядков готовившегося к бою неприятеля. Их целью становился один из участков стены между равномерно возвышавшихся над ней башен. В этом месте она выглядела довольно потрепанной после многомесячного обстрела из осадных орудий, однако на деле сохраняла достаточную твердость, способную вновь обломать атакующим зубы. Слишком толсты и прочны были огромные каменные блоки, и если их внешний слой сильно пострадал, то остальная кладка пребывала в отличном состоянии.

Верхняя часть вместе с частично разбитыми зубцами также производила обманчивое впечатление, и воины хана уже имели удовольствие в этом убедиться. Некогда глубокий ров здесь был практически засыпан обломками камней, которыми осадные орудия тщетно пытались пробить стену, концентрируя стрельбу на данном участке. В разрушении они особо не преуспели, но в итоге образовалась довольно приличная насыпь, позволявшая подступить к стене вплотную. Впрочем, толку для неприятеля от этого пока тоже было что-то не видать.

Судя по движению приводимых в полную готовность войск, хан собирался бросить в бой львиную долю своих людей, и штурм обещал стать одним из самых жарких. Воины Уль Диона отнеслись к этому со всей серьезностью, но в свои силы по-прежнему верили. Пока незыблемая твердь отделяет Аяз Мол от врага они сумеют отразить нападение, даже если придется сражаться несколько суток кряду. К тому же очевидная концентрация солдат Красной саламандры в одном месте в свою очередь позволяла и защитникам перебрасывать силы с других участков, образовывая уверенный заслон. Можно было предположить, что ад-Сейдин надеется преодолеть стену продолжительным напором, прорвав обороняющихся измором и численностью, но у последних имелись хорошие шансы в очередной раз свести его усилия на нет. Поэтому все еще значительный гарнизон города уверенно ожидал начала наступления, готовясь к предстоящей схватке. Чего он явно не ждал, так это того, что произошло дальше.

Баллисты и катапульты, уже некоторое время то и дело постреливавшие в намеченный для атаки участок стены, перестали метать бессильно разбивавшиеся о неумолимую преграду камни. Даже в преддверии грядущего боя такой обстрел не имел ни малейшего смысла, ибо просто невозможно было за несколько часов сделать то, чего не удалось и за целый год. А для находившихся в укрытиях защитников такая бомбардировка и вовсе не представляла опасности. Они не понимали зачем вообще понадобилось бросать одиночные снаряды, однообразно тыкавшиеся по всей стене с давно привычным грохотом. Как оказалось, огромные орудия лишь как следует пристреливались. Во время ненадолго наступившего затишья вокруг них засуетился обслуживающий персонал. Из подвезенных крытых телег он выгружал какие-то здоровенные шары, которыми осторожно снаряжали взведенные ложки катапульт и ложа баллист. В хорошую подзорную трубу можно было без труда рассмотреть, как эти необычные шары поблескивали своими стеклянно-металлическими боками, дожидаясь своего часа. Какую же опасность для неподдающихся укреплений могла не-

сти в себе такая странная штука, пришедшая на смену крупному увесистому камню? Долго гадать озадаченным защитникам не пришлось. По команде баллисты и катапульты разрядились все разом, выбросив уложенные в них загадочные сферы прямиком в намеченный участок стены. Наводчики хорошо знали куда их направить. Вес шаров им был известен заранее и благодаря предварительному пристрелу подходящими каменными ядрами позволял осуществить достаточно точное попадание. Во множестве взмывшие в воздух сферы пронеслись по дуге отделявшее их от стены пространство и со всего маху ударились о ее кладку, разбиваясь вдребезги. Они массово врезались в вертикальную поверхность, обильно сыпались за зубцами и промеж них, впечатывались в навесы и бойницы. И везде, куда попадал такой шар, сверкала ослепительная вспышка, а в следующее мгновение из его расколотых недр вырывалась светившаяся от запредельной температуры раскаленная масса. Расплескиваясь под ударом, она вязким месивом оседала на всем, чего только касалась и тут же прилипала намертво, немедленно вгрызаясь в любой подвернувшийся ей материал. Дерево, металл, камень, живые люди — ей было безразлично. Попавшие в зону поражения защитники тут же вспыхнули как свечки и обратились в пепел прежде, чем окружающие успели что-либо понять. Деревянные балки, настилы и прочие элементы конструкций охватил буйный огонь, с треском разбегавшийся во все стороны. Металл дырявился как простой сыр, таял будто снег во время оттепели. Но что было страшнее всего, раскаленное добела вещество пожирало сами камни! Доселе казавшиеся твердыми и неразрушимыми, они на глазах язвились и плавились, охваченные чудовищным жаром. Этот жар был таков, что поблизости в той или иной степени воспламенялось практически все, и все годилось в пищу ненасытной дьявольской субстанции. За несколько секунд подвергшийся невиданному прежде обстрелу участок стены превратился в подобие склона извергающегося вулкана с потоками стекающей по нему жгучей лавы. Ударили столбы густого дыма, воздух наполнился удушливым запахом горящих и распадающихся материй. Заливавшие верхнюю часть стены обильные лужи проедали камень как изголодавшиеся крысы каравай хлеба. Внешняя сторона укрепления стала сплошным пылающим очагом, из которого ручьями лились обращаемые в горящую жижу некогда мощные каменные блоки. Не в силах выдержать бешеного жара, избежавшие ужасной участи защитники пятились назад, отступая в башни, отходя подальше от области поражения и в безмолвном ужасе созерцая разверзшуюся пылающую преисподнюю. Но и поодаль от стены стало небезопасно. Часть шаров, перелетев через

гребень, рухнула за ней, и их содержимое теперь неистово поглощало подвернувшиеся им постройки, воспламеняя землю и сжигая все до чего только могло дотянуться. Образовавшиеся ямы больше походили на небольшие кратеры, залитые расплавленной, выбрасывающей дым, пар и пепел массой. Готовые к борьбе с пожарами подразделения столкнулись с немыслимой, неподвластной им разъяренной стихией и их жалкие усилия не в силах были погасить беспощадный всепожирающий огонь. Все что им оставалось, это стараться не допустить распространения пламени на соседние участки, бросив охваченные невиданным пожаром области на произвол судьбы. На какое-то время атакованная стена и прилегающая к ней местность превратились в филиал раскаленного ада.

Защитники были бессильны что-либо предпринять, сконцентрировав усилия на схватке с огнем поодаль от очагов возгорания, где сумасшедший жар уже не обрекал любые усилия на нет. Пространство подле стены для них было потеряно, но она сама еще держалась, хотя и сильно пострадала от разъедавшей ее хищной липкой жижи. Только это, увы, был не конец. Когда активность неизвестного вещества пошла на убыль, баллисты и катапульты ханской армии вновь изрыгнули новую волну шаров, скорректировав выстрелы с учетом произведенных разрушений. Точность попадания осадных орудий была достаточно высока для того, чтобы обеспечить уверенное поражение обстреливаемого участка. Оплавленные провалы быстро расширялись, соединяясь с проевшими камень многочисленными глубокими язвами и кавернами. Могучая кладка слой за слоем обращалась в жижу и пепел, огненными рукавами стекая в ров. Охвативший зону поражения пожар вспыхнул с новой силой, распространяя вокруг лихую пляску своего неукротимого безумия. Мало кто видел как горят сами камни. Мало кто думал что такое вообще возможно. Даже солдаты Красной Саламандры наблюдали происходящее с благоговейным ужасом, а защитники Аяз Мола так и вовсе находились в полнейшей прострации. Раз за разом осадные орудия ад-Сейдина обрушивали свои дьявольские заряды на таявшую на глазах некогда неприступную стену, пока она не растаяла под лютым напором будто порожденного самими демонами преисподней пламени. Образовавшиеся зияющие прорехи слились в единую широкую брешь. Жар еще не остыл, как последовавший вслед за этим обстрел уже самыми обычными ядрами довершил дело, обрушив обожженные, торчащие словно пальцы отдельные уцелевшие фрагменты. Путь в Аяз Мол был открыт. И едва только унялся пожравший твердыню Липкий огонь, как армия хана ринулась на штурм.

С такой прорехой в обороне шансов оставить ее у гарнизона

крепости попросту не было. Высокие и толстые стены обеспечивали городу надежную защиту, позволяя сдерживать даже многократно превосходящего по численности врага. Только при открытом столкновении при таком колоссальном неравенстве надежды на благополучный исход тут же улетучивались. Какое-то время защитники стойко держались, образовав заслон вдоль поверженного участка, но солдат хана было слишком много. Спустя долгие месяцы бесплодной осады они наконец-то смогли столкнуться с противником лицом к лицу, и теперь дали волю всей накопившейся в них боевой ярости. Вершины соседних башен, получив свою долю чудовищной смеси, пришли в негодность, и лишь из их боковых бойниц обороняющиеся еще могли вести слабый обстрел. Ни в какое сравнение с ним не шел тот, который устроили лучники ад-Сейдина. Приблизившись под защитой передвижных укреплений, они по дуге обрушили на шеренги солдат Уль Диона настоящий шквал оперенного железа. Со свистом пролетая над головами наступающих, они разящим дождем падали вглубь позиций гарнизона Аяз Мола, сокращая его и без того не самую большую численность. И он не мог ничего противопоставить вливающимся в брешь волнам воинов Красной саламандры кроме собственных рядов и отваги. Времени на сооружение баррикад или хоть каких-нибудь препятствий на пути атакующих попросту не было. Замелькали разящие копья, со звоном скрестились обнаженные клинки. Внутреннюю область вокруг уничтоженного участка стены охватила бурная жестокая схватка. Совсем недавно объятая раскаленными потоками обожженная земля обагрилась не менее обильными потоками крови. Крики сражающихся разнеслись далеко за много миль окрест, донеся до разбросанных вокруг предместий что оборона Аяз Мола прорвана.

Защитники сделали что могли. Гарнизон храбро держался сколько было сил, но орды захватчиков сначала потеснили их сплоченные шеренги, а затем пробили сразу в нескольких местах, окружая людей эмира и устремляясь в город неудержимыми более реками. Дальнейшее сопротивление стало бесполезным. Дабы избежать бессмысленной бойни комендант гарнизона отдал приказ о сдаче города. Аяз Мол выбросил белый флаг.

Хан Гийюр не собирался подвергать крепость участи Хал-Амина. У него на эту речную жемчужину были большие планы, а без ее жителей, среди которых хватало умелых корабелов, толку от нее оказалось бы намного меньше. Поэтому при виде белых полотнищ и сдающихся людей эмира ад-Сейдин немедленно отдал приказ остановить кровопролитие. Громогласно взревевшие сигнальные трубы ханской армии объявили о прекращении схватки. Вла-

стелин Железных земель милостиво принял безоговорочную капитуляцию.

Весть о падении Аяз Мола эхом разлетелась по всем южным землям и дошла даже до отдаленных регионов запада и севера. Потеряв столь важную стратегическую твердыню, эмир Бушерский, как и рассчитывал хан Гийюр, вынужден был вступить в сепаратные переговоры. Хотя их условия для Уль Диона заметно ухудшились, он, скрепя сердце, предпочел такой вариант развития событий становившейся заведомо проигрышной войне, способной разорить его народ и земли. Ад-Сейдину эта война на уничтожение также была не нужна. Захваченная крепость в кратчайшие сроки должна стать базой для его будущего флота, а армия наконец-то двинется дальше, не теряя и без того слишком сильно растраченное время на борьбу с огрызающимися войсками эмира.

Пока еще никто не догадывался какой мощный марш бросок намерен осуществить хан в самом недалеком будущем. Позаботившись об укреплении покоренного на исходе марта Аяз Мола и обеспечив закладку нового речного флота, он собирался дать своей армии некоторый отдых, после чего кампания получит стремительное развитие. Развитие, которое не предвидит никто. Сейчас все наверняка гадают куда солдаты Железных земель двинутся дальше и выстраивают различные предположения, наиболее вероятным из которых становился эмират Дирзун. Так оно и было. Вот только вместо ожидаемого противостояния Хасан аль-Дани неожиданно окажется не врагом, а союзником ад-Сейдина. Быстро и беспрепятственно пройдя его землями, армия хана Гийюра соединится с примкнувшим к ней войском затаившегося до поры эмира, прибавив к стягам Красной саламандры и Желтой пумы Зеленую ящерицу. И в то время как люди аль-Дани разом перекроют все торговые маршруты ударит там, где ее совсем никто не ожидает.

Всего этого мир еще не знал, горячо обсуждая последние новости из эмирата Бушер. Не знала и Сирелина, пребывавшая в ханской столице вдали от эпицентра событий. Однако сейчас она задвинула развитие кампании ад-Сейдина на второй план, будучи озабочена совсем другими вещами, и вот как раз вести из Аяз Мола наконец-то натолкнули чародейку на одну идею. С некоторых пор она оказалась посвящена в тайну Липкого огня еще в бытность своего пребывания в оазисе. Ан-Бакир, безусловно, не открыл гостье рецепт изготовления страшного оружия, но в общих чертах объяснил принцип его действия. Он даже показал зловещие шары, содержащие готовые объединиться по велению хитрой

пружины компоненты, сами по себе вполне безвредные, но превращающиеся в раскаленный кошмар стоило им смешаться. В новостях и сплетнях про Аяз Мол также постоянно упоминались какие-то чудодейственные шары, в один миг обратившие непреодолимую стену крепости в прах. Преувеличения и откровенно разыгравшуюся фантазию обывателей Сирелина пропускала мимо ушей, хотя для хана Гийюра такие слухи о его новом могучем оружии, безусловно, были только на руку. Чародейка ухватилась за главное. А не эти ли самые сферы под усиленной охраной иногда вывозят из неприступного дворца ад-Сейдина? Повозки всегда были тщательно задернуты толстым слоем непромокаемого покрывала, но под ним нет-нет, да и угадывалось что-то большое и круглое, будто в ханской резиденции снимали урожай арбузов. Куда они направлялись, чародейка понятия не имела, но повозки видела уже несколько раз, когда оказывалась где-нибудь поблизости. Мысль Сирелины, давненько и бесплодно искавшая хоть какую-нибудь новую ниточку, быстро заработала. Большие сферы совсем не походили по размеру на те, что ей довелось увидеть в Нирелине, но ведь располагая соответствующими технологиями конструкцию можно было и изменить. Различных ресурсов у хана Гийюра было предостаточно, и он вполне мог модернизировать изделие, если бы овладел столь желанной тайной. Изначально эта тайна была известна лишь нескольким нирелинцам, которых ад-Сейдин и захватил в плен, и которых как раз пыталась разыскать чародейка. И где бы им еще быть как не в месте производства нового оружия. Даже если хан пытками и угрозами вырвал у них все секреты, он почти наверняка до поры сохранил им жизнь дабы убедиться, что в освоенных и запущенных процессах нет никаких осечек. Сирелина никак не могла нащупать местонахождение как в воду канувших пленников, но определить источник появления шаров было куда проще. Если в повозках из дворца действительно находятся вместилища Липкого огня, то где-то там томятся и нирелинцы. Ад-Сейдин вполне мог решить, что лучшее место для хранения столь важной стратегической тайны — это его собственный дворец, прекрасно защищенный бдительной стражей и наверняка приспособленный скрывать от посторонних глаз самые разные вещи. У чародейки и прежде имелись некоторые подозрения насчет ханских чертогов, но их одних ей было мало. Дабы попытаться туда проникнуть нужны куда более веские основания, чем предположение а-ля пальцем в небо, ибо такая затея связана с огромным риском. И даже теперь только лишь повозки сами по себе пока еще ничего не значили, ибо в них в теории могло оказаться все что угодно. Но вот как раз это стоило проверить.

Сирелина практически поселилась неподалеку от дворца ад-Сейдина, слоняясь по окрестностям и бдительно приглядывая за тем что покидало его ворота. Безусловно, прождать так она могла очень и очень долго, но чародейка взяла в расчет весьма нехитрое соображение. После осады Аяз Мола хану наверняка потребуется восполнить запасы сфер Липкого огня, а посему их новая поставка в войска скорее всего не затянется.

Догадка оказалась верной. Не прошло и двух недель, как однажды ворота дворца распахнулись, и под их арочным сводом чинно прошествовал крупный вооруженный отряд, сопровождавший неторопливо катившуюся телегу. Ее высокие борта были тщательно задрапированы свисавшим на них толстым полотнищем, полностью маскировавшим весь груз, который проявлял себя только небольшими округлыми выпуклостями в верхней части. Длинная ткань опускалась на него и сзади, где откидная стенка была много меньше, и свободно свисала позади повозки, удерживаемая веревочными креплениями. Выехав из дворца, отряд свернул на широкую боковую улицу и направился в сторону восточного выезда из города. Не спускавшая с него глаз Сирелина неслышной тенью заскользила следом. Ишак, на котором она ехала, меланхолично плелся за видневшейся впереди процессией, но та и не думала торопиться. То ли солдаты не собирались гнать во весь опор через оживленный Солтенстил, то ли перевозка опасного груза, если это был он, требовала значительной осторожности. Чародейка, кстати, уже успела задуматься каким именно образом люди хана транспортируют означенные сферы. Чай не кирпичи — на камнях и рытвинах особо не попрыгаешь, ибо может оказаться весьма чревато. Ответ на этот вопрос она получила быстрее, чем рассчитывала.

Следовать слишком долго за подозрительным отрядом было небезопасно, особенно если предположения Сирелины были правдивы. Одинокая немолодая женщина на ишаке прекрасно вписывалась в городскую толчею, но если она припустит рысью за солдатами хана, вполне способными увеличить темп на тракте, то начнет вызывать ненужные вопросы. Поэтому лучше всего было что-то придумать до того, как солдаты выйдут на марш. К сожалению, до самого выезда из Солтенстила ничего предпринять так и не удалось. Вокруг было слишком много народу, да и в целом обстановка оставалась неблагожелательной. Миновав восточные городские ворота, чародейка уже начала всерьез беспокоиться об исходе дела, однако вскоре подходящий момент наконец-то настал. Вдали показался дугообразный мост, перекинутый через одну из вен главной речной артерии. Реку Идлис, на чьих берегах

расположилась столица Железных земель, питало довольно много притоков, часть из которых даже распределялась по внутригородским каналам. Через один из них и собирался перейти преследуемый отряд, направляясь к перекрестку, где наверняка планировал выйти на большой тракт. Свернув на боковую дорожку, отходившую к раскинувшимся вокруг фермерским угодьям, Сирелина спешилась и привязала в кустах сонного ишака. Сама, скинув верхнее покрывало, подобрала одежды и бодро припустила полями к мосту, мелькая среди густых межевых зарослей. Здесь было вполне безлюдно для того, чтобы кто-нибудь обратил внимание на несущуюся во всю прыть женщину, хотя в своих одеждах чародейке было весьма жарко. Она поспела вовремя, хотя основательно взмокла и теперь мечтала скинуть с себя все тряпки и бухнуться в прохладную журчавшую воду. Однако купание пришлось отложить. Дорога не пустовала, и по ней периодически следовали путники, но они ничуть не мешали. Осмотревшись, Сирелина быстро наведалась на противоположную сторону переправы, где, чуть поодаль, нарисовала на земле какой-то знак, тихо шепча себе под нос. Вернувшись обратно и выбрав подходящее место, она затаилась за грудой камней, свезенных с ближайшего поля и заросших диким кустарником. Отсюда весь мост был как на ладони и отлично просматривался до самого гребня. Отряд уверенно приближался, и чародейке оставалось подождать совсем немного.

Вскоре мимо нее неторопливо проехала головная группа охраны. За ней мерно шагали пешие ряды до зубов вооруженных людей. Это были не простые стражники, а самые настоящие солдаты в полной боевой экипировке общей численностью в три сотни человек — довольно большой эскорт для одной ничем не примечательной повозки. Более того, солдаты принадлежали к ханской гвардии. Их регулярное появление из дворца ад-Сейдина вряд ли у кого-то могло вызвать удивление, но чародейка теперь усматривала в этом нечто совсем иное. Когда мимо нее, покачиваясь на ходу, прокатилась провозка, Сирелина затаила дыхание. И стоило вознице въехать на мост, как она, сверкнув глазами, сотворила заранее выбранные чары. Никто не видел, как где-то в начерченном кругу появилась здоровенная черная собака, зато ее прекрасно узрели когда она во весь опор вбежала на мост и с рычанием кинулась прямо под ноги тащившим повозку лошадям. Лошади шарахнулись, издав испуганное ржание, отчего телега сильно дернулась. В следующую секунду Сирелина, выбросив вперед ладонь, прошептала следующее заклинание. Одна из досок покрывавшего мост деревянного настила гулко лопнула, подбросив правое заднее колесо. Чародейка резко крутанула кистью и удер-

живавшие тыльный полог веревки разорвались. Ни одна душа не заметила как осветились вскинутые руки Сирелины в отличие от налетевшего с воды резкого порыва ветра. Рванув покрывало, он сбил его в сторону и взметнул в воздух заполоскавшийся ничем более не закрепленный конец. Пронзительный взор чародейки жадно впился в приоткрывшийся перевозимый груз.

В телеге двумя плотными рядами в ширину были уложены друг на друга тонкие стальные рамы в форме вытянутого вверх прямоугольного параллелепипеда. Внутри каждой такой рамы в подвешенном на множестве пружин кольце покоилась здоровенная стеклянно-металлическая сфера. Сверху она чуть выглядывала за пределы каркаса, что и образовывало под покрывалом соответствующий выпуклый эффект, но при этом давало значительный запас хода вниз, способного амортизировать даже самую сильную тряску. При этом рамы беспрепятственно устанавливались друг на друга, поскольку не имели твердого дна, и выпуклость нижней сферы приходилась на пустоту крепления верхней.

Долго созерцать содержимое повозки Сирелине не было ни малейшей необходимости, поскольку она с первого же взгляда поняла, что ее догадка подтвердилась. Ее грузом был Липкий огонь, притаившийся в недрах тускло поблескивавших шаров. Чародейка сразу признала схожесть конструкции с тем, что видела в Нирелине. Внутри двух свинчивавшихся половинок находились разделенные до поры компоненты активного вещества, представлявшего из себя страшную опасность лишь когда они смешивались. В шарах оазиса эту функцию выполняла взводимая специальным ключом балансировочная пружина. После вылета снаряда из пускового устройства она хронометрически точно срабатывала через несколько секунд, количество которых определялось заданным при взводе числом оборотов, выбрасывая одновременно смешивавшиеся составляющие. В результате шар как будто лопался, разбрызгивая вокруг густые раскаленные капли. То же что сейчас предстало перед глазами Сирелины предназначалось к метанию из огромных осадных орудий и, видимо, носило несколько иной принцип действия, рассчитанный на удар о цель. Какой именно, чародейке сейчас, в общем-то, было не столь важно знать, хотя и представляло известный научный интерес, также как и метод транспортировки. Специфический каркас с кольцом и пружинами позволял благополучно перевозить сферы с места на место, не боясь повредить изделие вследствие присущей передвижению в экипаже вибрации и болтанке. Решение простое и вместе с тем весьма эффективное.

Сирелина выяснила все что нужно. Ругавшийся на чем свет

стоит возница пытался достать метавшуюся собаку хлыстом, а ближайшие солдаты кинулись возвращать на место болтавшийся полог. Процессия притормозила, но в продолжении спектакля более не было необходимости. Одним движением руки чародейка уняла порывы набегавшего ветра. Собака, перестав с рычанием кружить подле лошадей, ловко уворачиваясь от кнута и старавшихся отогнать ее гвардейцев, порскнула прочь, вихрем пронеслась через мост и скрылась за деревьями, будто ее и не было. Сирелина, оставаясь в своем укрытии, наблюдала как солдаты приводят повозку в порядок, а потом еще некоторое время ждала пока вся эта компания отойдет подальше, предпочитая до поры не высовываться. Через мост уже давно двигались самые обычные путники, а она все провожала удалявшийся отряд взглядом, стараясь угадать заподозрил ли он что-нибудь или нет. Чародейка сработала очень чисто, но гвардейцы хана ввиду особой важности груза вполне могли быть проинструктированы должным образом, предписывающим в том числе обращать внимание на всякие мелочи. Кажется, все прошло благополучно. Сирелина уже собиралась вернуться к своему ишаку, как вдруг заметила, что навстречу гвардейцам хана подошла еще одна большая группа воинов. Объединившись, они продолжили путь все вместе, увеличив численность сопровождения более чем в два раза и добавив для виду несколько самых обычных повозок с припасами. Похоже, ад-Сейдин на охрану не скупился, и Сирелине оставалось только порадоваться, что она успела вовремя.

Чародейка вернулась домой в приподнятом настроении. Теперь у нее в руках была по-настоящему уверенная зацепка. Липкий огонь изготавливали где-то во дворце хана, причем явно не в парадных залах, а каких-то сокрытых от всех помещениях. Сферы, конечно, могли перевозить и транзитом, но такая версия была совсем уж маловероятной, если только ад-Сейдин не искал себе сложностей на пустом месте. Почти наверняка под дворцом имеются обширные подземелья, где, помимо прочего, можно спрятать и узников, и производство. Тайна нового оружия нашла себе там подходящее место, присоединившись ко всему другому, что хан Гийюр не желал выставлять напоказ. Оставалось лишь пробраться внутрь дворцового комплекса и хорошенько там пошарить. Вот только это было куда проще сказать, чем сделать.

Устроившись у обращенного к улице балкона с бокалом вполне приличного вина, переодевшаяся Сирелина, подставляя лицо теплому апрельскому солнцу, неспешно обдумывала план действий. Ее первоначальный энтузиазм ничуть не иссяк перед лицом грядущих сложностей. Вместе с тем чародейка хорошо отдавала

себе отчет какая это будет тяжелейшая миссия. Проникнуть за тщательно охраняемый периметр уже задача не из легких, а ведь это только начало. Даже если не в меру любопытную женщину совершенно открыто впустят как дорогую гостью, вряд ли она на раз-два сумеет отыскать то, что ад-Сейдин хорошенько запрятал от всех, включая, наверное, и большую часть близкого окружения. И без дополнительных препятствий может уйти много времени, прежде чем ей наконец-то удастся попасть куда надо, а ведь гвардейцы, коих при ханском дворе было великое множество, вряд ли отнесутся безразлично к шныряющей тут и там чародейке. При дворе, увы, она никем не числится, дабы иметь хоть какие-то основания появляться в столь желанном месте. Хорошо бы, конечно, просочиться в логово властелина Железных земель как минимум на правах какой-нибудь прислуги, но для Сирелины такой вариант был слишком опасен. Всех новых людей наверняка тщательно проверяли, и если к делу подключались придворные колдуны, то шансов скрыть свою чародейскую натуру у женщины было весьма негусто. Такое предположение являлось отнюдь не чрезмерной паранойей. Не она одна знала, что при ад-Сейдине состоит придворный специалист по алхимии и колдовству, и состоит не один. Какой-нибудь рядовой идиот, возможно, мог вообразить, что эту должность способен занимать обычный человек, но хан Гийюр таковым не был. Кроме того, для сестер ордена не было секретом, что властелин Железных земель, как и многие другие правители, порой не брезгует обращаться к чарам, хотя старается это скрывать. Поголовно всех его вероятных помощников на этом поприще они не знали, но на сей счет имелись некоторые подозрения, и подозрения не самые хорошие. Да и сама Сирелина за все прошедшее время имела удовольствие неоднократно сталкиваться с кем-то из колдунов ад-Сейдина, хотя бы и косвенно. Ведь без их содействия обнаружить вмешательство чародейки и выйти на ее след кому-то непосвященному было практически невозможно. Стало быть, ей лучше воздержаться от открытых попыток появления во дворце, дабы не оказаться разоблаченной прямо в гнезде врага. Но как же тогда быть? Незаметно войти, беспрепятственно поискать, а потом еще и преспокойно удалиться — да, та еще задачка. Впрочем, пока Сирелина вела пристальное наблюдение за дворцом, она ушами отнюдь не хлопала. Ничто не ускользало от ее внимательного взора, оседая в памяти, и сейчас из нее извлекалось и тщательно рассматривалось все, что могло представлять известный интерес. И уже к ночи, благодаря хорошей способности запоминать детали, чародейка смогла прикинуть парутройку вариантов, которые следовало более тщательно прорабо-

тать.

— Эй, босс, куда это тащить?! — послышался громкий хриплый голос.

Подпрыгивавшая на брусчатке телега остановилась, а сопровождавший ее приземистый широкоплечий мужчина отпустил узду, утирая со лба бисеринки пота. Потянувшийся было к цветущей садовой зелени ишак тут же получил длинной хворостиной и недовольно взревел, за что немедленно схлопотал еще раз. Полный господин в красивом малиновом халате и белой с красными полосками чалме, увенчанной павлиньим пером, обернулся.

— С чем пожаловал? — поинтересовался он, вглядываясь в напоминавшего грузчика детину.

— Туши для зверинца. Свежие, только что с бойни, — сказал широкоплечий малый, отдергивая покрывало.

Глазам толстяка представилось содержимое телеги с лежавшей там большой бездыханной коровой и несколькими ничуть не более живыми овцами.

— Свежие, как же. Знаю я вас, — проворчал толстяк. — Привозите, поди, залежалый товар, который люди уже и брать не хотят. Вези куда обычно.

— А это куда именно? — озадаченно произнес детина.

— Что за дурацкий вопрос?! Ты первый раз здесь что ли? — раздраженно бросил толстяк.

— Угу, — кивнул возница. — Обычно в зверинец ездит Омар, но сегодня хозяин велел его подменить. От ворот меня направили сюда и сказали найти смотрителя. Как я понимаю, это вы и есть.

— То-то я вижу рожа незнакомая, — глубокомысленно изрек толстяк, смягчаясь. — Ладно, смотри: дуй по этой аллее до конца, там свернешь налево, а уже оттуда…

То ли разодетый толстяк смотритель был тот еще мастер объяснять, то ли детина особым умом не отличался, но приехал он не совсем туда куда надо и теперь озадаченно оглядывался по сторонам. Зверинец он нашел, но оказался явно совсем не там, где рассчитывал. Вольеры с хищниками, к которым ему следовало доставить груз, были где-то в другом месте. Сейчас подле него виднелись обсаженные деревьями просторные загоны, где мирно паслись травоядные животные вроде антилоп и ланей. Неподалеку, безмятежно помахивая хоботом, маячила здоровенная слоновья туша, а вдали, судя по доносившимся оттуда звукам, находился птичник. Клеток же с любителями полакомиться мясом не было и в помине, не говоря уже о служебной постройке, где для них разделывались и хранились корма. Растерянно почесав затылок, детина хотел было повернуть обратно, но дорожка оказалась слиш-

ком узкой для такого маневра. Ишак честно тянул телегу куда было велено, слушаясь понуканий не больно толкового возницы, но летать он при этом не умел. Слева и справа от дорожки тянулись аккуратно облицованные канавки, предназначенные для сбора и отвода дождевой воды. При всем скорее декоративном характере их глубины было вполне достаточно не только для прямого назначения, но и чтобы провалившаяся в одну из них задним колесом телега надежно застряла. Незадачливый возница некоторое время пытался вытолкнуть ее обратно на дорожку, ругая ни в чем не повинного ишака, но вскоре сообразил, что это ему не под силу. Груженая тяжелыми тушами повозка села весьма основательно и просто так поддаваться не собиралась. Похоже, следовало позвать кого-нибудь на помощь и с этим делом особо не затягивать. Перегородивший почти весь путь гужевой транспорт зверинец явно не украшал, да и тушам не больно-то полезно лишний раз жариться на солнышке. Расстроенный возница совсем не хотел получить нагоняй за такую нерасторопность, а вокруг, как назло, не было ни души. Пометавшись по дорожке взад и вперед он уже подумывал не стоит ли покричать в надежде что хоть кто-нибудь да отзовется, как вдруг рядом послышались чьи-то негромкие шаги. Возница обрадовано глянул в их направлении, однако вместо подходящей помощи на боковой тропике показалась какая-то девочка в синей ситцевой рубашонке, тащившая плетеную корзинку с яблоками. При виде неожиданной компании в виде детины, ишака и застрявшей в канаве телеги она сбавила шаг, с любопытством изучая открывшееся зрелище. Лицо возницы сначала ненадолго омрачилось, но по здравому размышлению он довольно быстро решил, что ребенок это лучше чем ничего.

— Послушай, девочка, ты здешняя? — спросил он как можно более доброжелательно, хотя с его хриплым голосом получалось так себе.

Та кивнула, остановившись в нескольких ярдах от злополучной повозки. Вопрос мог показаться странным, но задавал его тот, кто сам оказался в пределах ханского дворца впервые.

— Я вез вашим зверям мясо и слегка застрял, — пояснил возница очевидную истину, указывая рукой на провалившееся колесо. — Мне бы не помешала чья-нибудь помощь.

Девочка выжидающе посмотрела на незнакомца как бы спрашивая чего он, собственно, от нее хочет. Ведь не предложить же выталкивать телегу вместе.

— Здесь есть поблизости кто-нибудь из взрослых? Кто-нибудь из служителей? — спросил детина.

— Да, — отозвалась девочка. — Вон там, за теми деревьями. Если пройти мимо загона с зебрами, то позади него будут большие ко-

нюшни, где всегда есть кто-нибудь из рабочих. Здесь недалеко.
— Отлично! — оживленно воскликнул возница. — Ты можешь сходить и позвать их сюда? А то ваши львы останутся голодными.
Последнее он, видимо, шутливо добавил чтобы мотивировать ребенка, но тот вдруг насупился и помотал головой.
— Нет? — озадаченно нахмурился детина. — А почему нет?
— Там дядя Вистер. Он нехороший, он не любит животных. Обижает их. Не хочу с ним встречаться, — сказала девочка, чуть надув губы.
Детина беззвучно выругался. Он и знать не хотел кто такой этот чертов дядя Вистер и чем он провинился перед девчонкой, но дело оборачивалось досадной неувязкой. Только наседать на ребенка в ханском зверинце, пожалуй, не стоит. Явно не уличный оборванец. Мало ли чей он — жди потом неприятностей.
— Ладно, не пойдешь так не пойдешь. Но, может быть, ты покараулишь мою повозку, пока я сам сбегаю? — подумав, предложил возница. — Негоже бросать ее тут просто так без присмотра — вдруг кто придет и спросит?
Девочка согласно кивнула. Просветлев, детина еще раз уточнил у нее куда идти, вручил на попечение ишака и быстро зашагал в указанном направлении. Убедившись, что приземистый тип следует куда надо, девочка потеряла к нему всякий интерес и подошла к шевелившему ушами ишаку. Почуяв в корзинке яблоки, тот оживился и принялся раздувать ноздри.
— Какой хороший, — ласково сказала девочка, погладив животное по щетинистой морде. — Как тебя зовут?
В ответ на ласку ишак еще активнее зашевелил ушами, стукнул копытом и издал несколько оживленных звуков, не спуская глаз с плетеной корзинки.
— Тибус? Хочешь яблочка, Тибус? — улыбаясь, спросила девочка, потянувшись за крупными зелеными фруктами.
Тибус всем своим видом выразил горячее одобрение. Вынув одно из яблок, она протянула его ишаку, который аккуратно взял угощение с ладони ребенка и принялся сочно жевать.
— А меня зовут Иля, — представилась девочка. — Хочешь еще яблоко?
Тибус не возражал. Он уже практически ухватил предложенный ему второй фрукт, как вдруг произошло нечто совсем неожиданное. Покрывало на телеге поползло в сторону. Машинально обернувшаяся на это движение девочка увидела, как из вдруг раздавшейся коровьей туши выбрался на свет какой-то липкий розовый кокон. Испуганно взвизгнув, девочка уронила корзинку и отскочила назад. Выпавшие яблоки раскатились по дорожке, и совер-

шенно равнодушный к появлению монстра ишак живо принялся подбирать их, покряхтывая от удовольствия.
— Иля, не пугайся, это я, Сирелина! — воскликнул кокон, сползая на землю и принимаясь усердно разворачиваться.
Узнав знакомый голос, девочка передумала удирать и остановилась, настороженно глядя на жутковатое зрелище. Розовая слизь развернулась, спадая на землю, и перед глазами ребенка предстала совсем незнакомая женщина. Девочка попятилась, вновь подумывая о бегстве.
— Иля, это я! Ты меня не узнала? — позвала женщина.
Вытянув ладонь, она шепнула какие-то слова и над ее заискрившимися пальцами, появившись из ниоткуда, запорхала крыльями большая красивая бабочка. Испуг мгновенно улетучился. Вскрикнув от радости, девочка подбежала к появившейся столь странным образом чародейке и крепко обхватила руками. Сирелина, пораженная такой удивительной встречей не меньше Илианы, заключила ее в объятия.
— Я думала, ты про меня забыла, — тихо сказала девочка. — Я очень скучала.
— Ну что ты, я не забыла! — отозвалась чародейка. — Просто я долго не могла тебя найти.
При этих словах Сирелина живо вспомнила где находится.
— Послушай, Иля, меня не должны увидеть! — сказала она, аккуратно высвобождаясь из детских ручек. — Мне срочно надо где-нибудь спрятаться!
Илиана и прежде отличалась большой толковостью, так что поняла чародейку с полуслова.
— Идем! — воскликнула она, потянув за собой Сирелину.
Не прошло и минуты, как на дорожке осталась лишь застрявшая повозка да с наслаждением уплетавший рассыпанные яблоки длинноухий ишак.

То, что вначале показалось каким-то устрашающим на вид коконом, на деле было самой обычной тканью, в которую завернулась чародейка перед тем как забраться внутрь выпотрошенной коровьей туши. А розовая слизь оказалась ничем иным, как последствием контакта с этой самой тушей, очевидно доказывая пользу такой благоразумной предосторожности. Спешно удалившаяся с Илей чародейка не забыла затолкать испачканную ткань обратно в тушу коровы. Там ее присутствие вряд ли вызовет вопросы — зачем-то положили на бойне, да забыли, чего никак не скажешь, если такое измазанное полотнище окажется подле телеги. С самой же бойней вообще был разговор особый.

Разведав несколько разных вариантов, Сирелина в итоге ос-

тановила выбор на показавшемся ей наиболее подходящим. В дворцовый комплекс помимо большого парка также входил примыкавший к нему и занимавший весьма обширную площадь зверинец. Несколько раз в месяц владелец бойни, с которым у властей был заключен соответствующий договор, поставлял туши забитых животных для пропитания обитавших в нем многочисленных хищников. Эти туши на самой обычной телеге провозили через малые служебные ворота и после беглого досмотра отправляли в подсобное помещение, где через специальное отверстие сгружали по наклонному желобу на ледник. После этого возница отправлялся восвояси, а служители позже разделывали туши на куски, развозившиеся по предназначенным для них вольерам. Небольшой запас мяса оставался на леднике и потихоньку расходовался на разные цели до следующей партии. При въезде возница предъявлял страже разрешающий документ за печатью управляющего и специально выданную бляху дворцового поставщика, а на обратном пути демонстрировал пустую телегу.

В такой осведомленности Сирелины не было ничего удивительного. Собирая сведения, она знатно напоила того самого возницу по имени Омар, который возил туши с бойни в зверинец, и ловко выведала у него все интересующие подробности. Идея спрятаться в брюхе крупного животного мелькнула у нее еще тогда, когда она впервые увидела проезжавшую за дворцовые ворота телегу, а после беседы с Омаром и вовсе приобрела вполне конкретные очертания. Такое путешествие, конечно, грозило оказаться не из приятных, но зато выглядело вполне надежным по сравнению с другими вариантами. В итоге чародейка пробралась на бойню и в подходящий момент, тщательно завернувшись в заранее припасенное покрывало, залезла внутрь туши, стараясь не обращать внимания на сопутствующие этому запахи и ощущения. Даже в корове крупной мясной породы было жутко тесно, и Сирелина вообще едва в ней поместилась, но ради конечной цели пришлось потерпеть. Правда с самой конечной целью все было куда менее ясно. Со слов возницы чародейка поняла, что у нее, судя по всему, будет время выбраться из сваленной на ледник туши и постараться найти себе укрытие получше, но на этом внятные идеи заканчивались. Дальше придется действовать по обстановке, исходя из общих сведений об устройстве дворцового комплекса, полученных от разных людей. Затея, само собой, опасная, но более подходящей альтернативы Сирелина пока не находила. План, правда, едва не пошел наперекосяк, когда выяснилось, что накануне напившийся в стельку Омар грохнулся в канаву и сломал себе ногу и ключицу. Вместо него хозяин бойни направил во дворец другого

работника. Мало того что незнакомое лицо подвергли более тщательному досмотру и притаившаяся чародейка всерьез испугалась что ее вот-вот обнаружат, так не самый сообразительный малый еще и завез телегу вместо ледника совсем не туда, где благополучно застрял прямо посреди дороги. Сирелина уже вовсю подозревала, что ее рискованная вылазка закончится очень плохо, толком даже не начавшись, как вдруг поистине невероятный случай столкнул ее прямо со столь долго разыскиваемой Илианой.

Сирелина, конечно, надеялась найти Илю где-то внутри дворцового комплекса, но о такой феноменальной встрече и мечтать не могла. Уже сама по себе она вызывала безмерное удивление, но с расспросами стоило обождать до тех пор, пока чародейка не окажется в сравнительной безопасности. Между тем Иля, похоже, действительно хорошо знала куда они идут и вообще прекрасно ориентировалась в личных владениях ад-Сейдина. С ловкостью опытной лазутчицы она уверенно вела Сирелину так, что они ни разу не попались никому на глаза, постоянно находясь вне поля видимости иногда встречавшихся людей. Посты изнывавших от скуки гвардейцев даже не догадывались, что совсем близко от них спокойно проходит совершенно посторонний человек. Обогнув стороной птичник, где по лужайкам и дорожкам гуляли фламинго и павлины, а внутри построенных прямо вокруг деревьев вольеров на разные голоса заливались бесчисленные птицы, девочка и чародейка подошли к густым субтропическим зарослям. Здесь гнездились колибри. Стайки этих крохотных цветастых птичек поднимались с благоухающих цветов и с любопытством порхали вокруг быстро шагавшей парочки. С раскидистых веток со свисающими прядями мха и переплетений лиан поглядывали на двух путниц нарядные попугаи. Казалось, чародейка вдруг оказалась в настоящем лесу, и разве что аккуратные дорожки да фонари напоминали о присутствии человека.

Высыпанная мраморной крошкой тропинка привела к весело журчавшему ручью. Здесь тропинка поворачивала вдоль бегущей воды, но девочка запрыгала по плоским камням, омываемым прозрачными струями, и оказалась на другой стороне. Сирелина последовала ее примеру и невольно подивилась размеру плеснувшихся в стороны крупных рыб, не иначе форели. И чем дальше они шли, тем больше чародейка убеждалась, что все разговоры о великолепии ханского зоопарка ничуть не преувеличены. Кто-то постарался на славу, обустроив его разнообразные зоны, каждая из которых представляла собой чудесный маленький мирок со своими обитателями.

В огромном пруду плавали лебеди. Помимо них здесь имелись

и другие водоплавающие, но именно величественные и прекрасные белоснежные птицы приковывали к себе взгляд. Сирелина невольно засмотрелась на этих царственных пернатых и даже сбавила ход, из-за чего Иля была вынуждена даже потянуть ее за руку туда, где чуть поодаль от воды виднелась окруженная густой зеленью изящная каменная постройка. Ее фасад украшало полдюжины мраморных колонн, за которыми сразу после небольшой открытой галереи виднелись вытянутые вверх полукруглые окна и гостеприимно распахнутая застекленная дверь. Свернув в плотно окружавшие постройку заросли, девочка прошмыгнула вдоль увитой вьющимися растениями стены. В толще особо пышных высоких кустов она вдруг отогнула упругие ветви, усеянные какими-то маленькими красными ягодами, и исчезла из виду. Оторопевшая Сирелина поначалу даже не поняла куда Иля делась. Лишь как следует присмотревшись она заметила что кусты в этом месте скрывают маленькую дверь, сливавшуюся своим цветом с окружающими листьями. За дверью обнаружилась узкая вертикальная лесенка, ступеньки которой упирались в распахнутый люк приютившегося под скатом красной черепичной крыши низкого чердака.

Для каких бы целей прежде не служило это помещение, ныне оно на первый взгляд могло показаться заброшенным. Только вот наслоений пыли и присущего в таких случаях мелкого мусора не наблюдалось. Кто-то здесь явно прибирался, и прибирался довольно аккуратно. Попадавшиеся же при осмотре на глаза некоторые примечательные вещи заставляли предположить, что это место облюбовал для своих игр какой-то ребенок. Какой именно — не догадался бы разве что полный идиот. Обычный взрослый человек не мог здесь вытянуться в полный рост даже в самом центре, но для почти девятилетней девочки тут было вполне комфортно. С фасада и тыла посередине стены располагались круглые слуховые окошки, и пропускаемого ими света в не темное время суток было вполне достаточно. Гладкий деревянный настил выглядел сухо и уютно, особенно там, где его покрывали хоть и потрепанные, но вполне симпатичные коврики. Вблизи лицевого окна лежало несколько подушек с устроившимися на них самодельными куклами и фигурками зверей. Более тщательный осмотр быстро показал, что помещение на самом деле изобилует множеством мелочей, принесенных заботливой рукой маленькой хозяйки. Иля обустраивала это место долго и с любовью, и теперь была просто счастлива привести сюда Сирелину.

С вертевшимися на языке расспросами чародейке вновь пришлось повременить. Оставив гостью на чердаке, девочка тут же

убежала, сказав, что ей надо поскорее вернуться обратно, и пообещала прийти как только освободится. Убежище, по ее словам, было совершенно безопасно. Про него, видимо, все давно позабыли, и если сидеть тихо и не высовываться, то можно не бояться оказаться обнаруженной. Оказавшейся в одиночестве Сирелине не оставалось ничего другого, как расположиться поудобнее и ждать появления Или. Усевшись на подушку возле переднего окна, чародейка подперла щеку ладонью и через густую кружевную занавеску принялась наблюдать за неспешно плавающими в пруду птицами. Ей вдруг неожиданно стало намного спокойнее чем раньше. И дело было не только в благополучно разрешившейся авантюре с проникновением в дворцовый комплекс. Сирелина наконец-то нашла ту, кого искала, и с ее плеч будто спал давивший на них больше года груз. Чародейке было очень приятно как девочка отреагировала на ее появление, да и сама она ощутила прилив сентиментальных чувств. Пока что все складывалось как нельзя лучше, и будущее стало представляться куда более радужным, нежели прежде. Убежище казалось вполне надежным, а сообразительная Илиана чародейку уж точно не подведет. Стало быть, самое трудное благодаря улыбке судьбы вдруг оказалось позади, а дальше Сирелина наверняка что-нибудь да придумает. Что именно — станет ясно, когда они с Илей наконец-то сумеют спокойно поговорить.

Девочка вернулась ближе к вечеру. До захода солнца было еще далеко, поэтому чародейка надеялась, что лишняя паратройка часов у них найдется. Заслышав как кто-то карабкается по лестнице, она оторвалась от созерцания обитателей пруда и посмотрела в сторону входа на чердак. При виде появившейся Илианы она улыбнулась и помахала ей рукой. Подбежавшая девочка снова устроила обнимашки, искренне радуясь появлению своей необыкновенной фири, которую уж и не чаяла увидеть.

— Я бы тебя без бабочки сразу и не узнала, — сказала Иля, оглядывая чародейку. — Это хорошо. Значит, другие тоже не узнают. Но почему ты прячешься?

— В здешних краях меня не жалуют, так что лучше всего мне оставаться нераскрытой. Если стражники проведают кто я, то жди беды. Поэтому пришлось как следует изменить внешность, — пояснила Сирелина.

— Наверное, у тебя очень важное дело, раз ты просто не уедешь подальше, — заметила девочка, устраиваясь рядышком.

— Разумеется, — кивнула чародейка. — Я уже больше года тебя разыскиваю. Да и остальным нирелинцам помощь, наверное, не помешает.

— Это ты все ради меня? — зарделась Иля.
— Ну я же обещала позаботиться о тебе, — ласково сказала Сирелина. — А чародейки слов на ветер не бросают. Я заберу тебя отсюда далеко-далеко, где мы будем в безопасности.
Девочка почему-то вдруг погрустнела. Опустив глаза, она принялась теребить пальцами кисточки потертой бархатной подушки.
— Что такое? — удивилась Сирелина. — Ты не хочешь со мной уезжать?
— Я не могу, — печально произнесла Иля.
— Это еще почему? — озадаченно спросила чародейка. — Тебе совершенно нечего бояться. Если я сумела сюда пробраться, смогу и выбраться. Я обязательно что-нибудь придумаю и мы с тобой вместе покинем пределы дворца, а там уж ищи ветра в поле.
— Я не могу уехать. Я должна оставаться тут, — уточнила девочка, поднимая на гостью большие сиреневые глаза.
— Да почему же? — никак не могла взять в толк чародейка. — Если ты кого-то боишься, то мы разберемся с этим в два счета.
— Если я убегу, он сделает плохо дедушке Арбаху и тете Далине. И остальным тоже, — жалобно произнесла девочка, и глаза ее стали подозрительно влажными.
— Они все здесь? — быстро спросила Сирелина. — Все, кого забрали из Нирелина?
— Угу, — кивнула Иля. — Только не все вместе. Я с тетей Далиной живу отдельно, а дедушка Арбах и другие где-то поблизости, но я никогда не видела где именно.
— А кто этот Он, кто грозит сделать плохо твоим близким?
— Хан, — негромко отозвалась девочка. — Он здесь самый главный. Здесь все принадлежит ему. Все его почитают и боятся, и зовут Повелитель.
Сирелина ненадолго призадумалась. Это были очень важные сведения. Она надеялась, что нирелинцы до сих пор живы, и весь ее расчет в целом оказался правильным. Ад-Сейдин действительно спрятал ценных пленников в своем собственном дворце, подальше от глаз, и теперь, видимо, заставлял их работать во имя осуществления своих имперских амбиций. Так что было бы неплохо не только увезти Илиану к сестрам в обитель, но и по мере возможности вызволить ее приемных родных, попутно лишив хана столь желанного для него ресурса. Быстро прикинув в уме обновленные данные, чародейка начинала склоняться к версии, что ад-Сейдину все-таки до сих пор неизвестны все тонкости изготовления Липкого огня. В противном случае он, вероятно, просто избавился бы от носителей тайны как от ненужных и опасных свидетелей, дабы те, так или иначе, не выдали ее кому-нибудь другому.

Как вскоре выяснилось, Сирелина оказалась весьма недалека от истины.
— Ты не сердишься? — спросила вдруг девочка.
— На кого? На тебя? — встрепенулась чародейка, сообразив, что ребенка, в отличие от нее, занимают совершенно другие мысли. — Ну что ты! Иди сюда.
Обняв прильнувшую Илиану, она принялась гладить ее по золотистым волосам. Их больше не жгло жаркое солнце пустыни, и они вернули себе прежний природный вид. Да и сильный загар давно сошел, отчего кожа девочки стала куда более светлой, нежели у большинства южанок.
— Послушай, Иля, как долго я могу здесь оставаться? — спросила Сирелина.
Вопрос был отнюдь не праздный, поскольку от ответа на него зависело очень многое.
— Сколько захочешь, — оживилась девочка. — Я здесь все обустроила. Вон в той корзине у меня разная еда, а вон в той — бутылки с питьем. Я буду приносить еще. Подушки и одеяло ты уже видела. Еще есть чашки и столовые приборы. Я принесла их для своих кукол, но они с тобой поделятся.
Сирелина нашла, что все это просто замечательно. На такие условия прямо в логове неприятеля она даже и надеяться не могла. Однако для сколько-нибудь продолжительного пребывания определенных удобств все же не доставало. Куклы-то могли обходиться и без них, а вот людьми все было несколько сложнее.
— А, это внизу, — махнула рукой девочка.
При этом выяснилось, что она подразумевает отнюдь не раскинувшиеся вокруг заросли. Изящное каменное строение служило своеобразным домиком отдыха для царственных особ, желавших насладиться отдыхом в более непринужденной обстановке. В великолепно отделанном просторном помещении для этого имелось все необходимое, включая хорошо оборудованную уборную с проточной водой и всеми сопутствующими принадлежностями. При этом попасть туда можно было прямо со стороны ведущей на чердак лесенки, стоило только толкнуть казавшуюся монолитной часть стены. Видимо некогда такой проход использовался для обслуживающего персонала, дабы не тревожить своим появлением расположившихся в домике высоких гостей. Только ныне этим строением пользовались весьма редко, а посему оно, хоть и поддерживаясь в надлежащем состоянии, почти всегда пустовало. Про укрытый в разросшейся зелени боковой ход и каморку наверху, видимо, позабыли, а слуги заходили через заднюю дверь и через нее же удалялись. Во всяком случае, за все время с тех пор,

как любопытная Илиана обнаружила это место и устроила в нем свое тайное убежище ее ни разу никто не побеспокоил. А нашла она его уже давно и приходила сюда каждый раз когда хотела спокойно поиграть или же почитать какую-нибудь книжку. Последних теперь у нее стало совсем мало, не столько, сколько в Нирелине, но все же они были, и к каждой она относилась очень бережно. Иля с гордостью показала чародейке свои сокровища и та поняла, что девочка, несмотря ни на что, отнюдь не утратила тягу к чтению и знаниям. Окончательно уяснив все преимущества столь кстати подвернувшегося убежища, посланного не иначе как смилостивившейся судьбой, Сирелина решила наконец-то хорошенько расспросить Илиану. Имея в своем распоряжении такую действительно отличную базу, она могла себе позволить спокойно сконцентрироваться на дальнейших планах.

— Скажи, Иля, ты когда собираешься уходить? — поинтересовалась чародейка.

Девочка подошла к окошку.

— Часа через полтора, — сказала она, внимательно куда-то посмотрев. — Когда тень от этого дерева коснется вон того камня. Мне надо будет сходить в птичник, а потом сразу домой. А в непогоду у меня есть песочные часы. Вон они стоят на ящике.

— Отлично, — удовлетворенно произнесла Сирелина. — Тогда, может быть, ты мне расскажешь как очутилась в ханском зверинце? Если ты здесь в плену, то почему ходишь совершенно свободно? А если нет, то что мешает тебе покидать пределы дворца? Мне очень важно узнать что произошло с тобой и с остальными, и происходит до сих пор.

— Конечно, — кивнула Иля, вновь устраиваясь рядышком с чародейкой. — Спрашивай все что хочешь. Я поделюсь с тобой всем что знаю.

– 10 –

Хан удостоил аудиенции взятого в плен Арбаха ан-Бакира отнюдь не в парадном зале. Комната для приемов также не подходила для предстоящей беседы, поэтому сменившаяся охрана привела шейха в небольшое затемненное помещение, примыкавшее прямо к личным покоям ад-Сейдина. К своему безмерному удивлению старик обнаружил там Далину, тихонько сидевшую в уголке вместе с Илей. Стража удалилась, щелкнув дверным замком, и пленники остались одни. Удивленный шейх спросил что они здесь делают. Увы, те знали не больше чем он сам. Их точно так же привели в эту комнату и оставили здесь, не говоря ни слова. В дороге,

несмотря на то, что пленники ехали рядом, им нечасто удавалось пообщаться, а посему все трое воспользовались неожиданной возможностью. Особенно шейх, стараясь успокоить Илю и внушая ей, что все будет в порядке.
— Безусловно все будет в порядке, особенно если кое-кто не станет упрямиться, — раздался вдруг чей-то голос.
Пленники обернулись. В комнате совершенно неслышно появился чернобородый мужчина лет сорока в шитом золотой нитью парчовом халате. На его пальцах поблескивали драгоценные перстни, у пояса в богато украшенных ножнах болталась сабля, а на груди висел отличительный знак ханской власти. Шейх догадался, что перед ними не кто иной, как сам Гийюр ад-Сейдин. Хан явился совершенно один. Скорее всего, он уже был в курсе какая участь постигла предателя в Нирелине, но пленников предварительно хорошенько обыскали. К тому же повелителю было явно по силам справиться со стариком, женщиной и ребенком, даже если те вдруг надумают напасть все вместе.
— Полагаю, вы уже поняли кто я, — сказал мужчина, подходя ближе и как ни в чем ни бывало усаживаясь на стул так, чтобы оказаться лицом ко всем троим присутствующим.
— Нет, — честно сказала Иля, не замечая испуганного движения Далины и кивка старика. — Кто вы?
— Я — повелитель Железных земель, Великий хан Гийюр ад-Сейдин, — произнес мужчина без всякого пафоса, как бы просто констатируя данность. — Вы, однако, можете обращаться ко мне просто Великий хан. Тебя же, девочка, насколько мне известно, зовут Илиана, и ты очень любишь этого старика, а он тебя.
— Да, — кивнула удивленная Иля.
— Это хорошо, — удовлетворенно усмехнулся ад-Сейдин. — Это очень хорошо.
— Послушайте, я знаю зачем я вам нужен, — нахмурился старик.
— Присутствие ребенка обязательно?
— Разумеется, — спокойно ответил хан. — Я считаю, что вид этой милой малышки придаст вам больше покладистости, когда мы обсудим условия нашей сделки. Правда они, увы, теперь будут совсем не те, что я предлагал раньше, но готов биться об заклад на свой титул что вы все равно будете в ней заинтересованы. Полагаю, ди-Орт уже предварительно ввел вас в курс дела, не так ли?
— Я слышал, чем он мне угрожал, — подтвердил ан-Бакир.
— Это были не угрозы. Это условия сделки, — покачал головой ад-Сейдин. — Мне не нужны ваши жизни, но они, похоже, единственное, что способно заставить вас сотрудничать.
Иля хотела было что-то сказать, но Далина успела закрыть ей ла-

донью рот. Глянув на ребенка, шейх, улыбнувшись, приложил палец к губам. Сообразив что это означает, девочка кивнула. Отойдя от своих, ан-Бакир приблизился к чернобородому мужчине.
— Не возражаете? — спросил старик, указывая на стоявший в паре ярдов напротив хана стул.
Тот сделал приглашающий жест рукой. Старик уселся, глядя царственному собеседнику прямо в глаза.
— Давайте сразу перейдем к главному. После захвата Нирелина и гибели моих людей не стоит ходить вокруг да около. Чего вы от меня хотите? — поинтересовался шейх.
Ад-Сейдин ничуть не возражал против такого варианта беседы и изложил суть.

Из-за предательства Пирима хану были хорошо известны имена хранителей секрета изготовления Липкого огня. Он передавался в роду шейха из поколения в поколение, но передавался несколько специфическим образом. Только глава рода знал все тонкости от начала и до конца. Другие же трое обладали лишь каждый своей частью информации, позволявшей им поочередно вносить лепту для достижения совокупного результата. У этих троих всегда был официальный преемник, которому в определенный момент сообщался родовой секрет. Преемника же шейха никто не знал вплоть до самой его смерти, когда этот до поры неизвестный человек открывал тайну новому главе рода. Если же по каким-то причинам этого не происходило, то три хранителя посвящали лидера в секретное знание. Заполучить кого-то из них в отдельности было совершенно бессмысленно, ибо лишь сам шейх обладал всей полнотой сведений. Вместе с тем, оказавшись в критической ситуации, он вполне мог решить уйти из жизни, оставив, таким образом, недоброжелателей с носом. Поэтому наиболее надежным вариантом было захватить всех четверых одновременно, а дабы они не наделали глупостей непременно внушить им гарантированные последствия их опрометчивых поступков.

Ад-Сейдину нужен был Липкий огонь. Его воины захватили в оазисе запас компонентов активного вещества и затейливые шары, отличный образчик инженерной мысли. Только сами по себе они были совершенно бесполезны. Того, что можно было изъять из снаряженных сфер армии хана не хватит даже на один раз, а самостоятельно установить точное происхождение компонентов смеси и их пропорцию будет не так то просто. Пропорции того что содержалось в шарах до смешивания, безусловно, определить было легко и, более того, это уже сделали. Но эти субстанции сами в свою очередь состояли из нескольких других элементов. Кроме того, важно было не только знать из каких именно и в каком соот-

ношении, но и обладать технологией обработки и соединения. На все это у алхимиков хана могли уйти долгие годы, и то они рисковали в итоге не преуспеть. Мысль хана Гийюра была проста: ан-Бакир и трое хранителей передадут секрет изготовления Липкого огня его доверенным специалистам. Взамен владыка Железных земель обещает сохранить нирелинцам жизнь и даже оставить их в покое, позволив жить так, как они жили прежде. До тех пор, пока алхимики ад-Сейдина в совершенстве не овладеют технологией, пленники будут содержаться в тайном подземелье. И в их интересах передать знание как можно быстрее, поскольку чем раньше это произойдет, тем быстрее они вернутся обратно к семьям. При этом обманывать и затягивать процесс хан настоятельно не рекомендовал. Пленники слишком ценны, дабы подвергать их крайней степени насилия, однако в распоряжении людей ад-Сейдина имеется немало заложников. Хранителям лучше стараться на совесть и не огорчать хана попусту, если они не хотят лицезреть страдания дорогих им людей. А уж все необходимое по этой части, включая истинных мастеров своего дела, у хана Гийюра имеется, будьте уверены. Шейху и его людям предоставят все необходимое, и они даже получат право жаловаться, если алхимики окажутся нерасторопны. Все действия станут тщательно документироваться и пленники получат свободу лишь тогда, когда ад-Сейдин будет обладать технологией производства Липкого огня в неограниченных количествах.

Когда хан закончил, ан-Бакир некоторое время молчал.

— Если вам требуется время на размышление, я готов его предоставить, — сказал хан, ошибочно истолковав реакцию старика. — Только не слишком долго. Вас отведут в приготовленные помещения, где вы будете проживать до самого конца сделки.

— Это совершенно ни к чему, — изрек шейх. — Я с самого начала прекрасно понимал чего именно от меня захотят. Дорога была долгой, и я давно все обдумал и решил, так что могу ответить вам прямо сейчас.

— Вот как? Это хорошо, — кивнул хан Гийюр. — Мое время дорого и я рад, что мы обойдемся без проволочек. Итак?

— Секрет изготовления Липкого огня я вам не открою, — совершенно спокойно произнес старик, открыто глядя собеседнику прямо в глаза. — Ни я, ни кто-либо из хранителей.

Хан помрачнел.

— Упрямитесь? Напрасно, — сказал он с внезапной холодностью. — Я надеялся, вы будете более благоразумны.

— Вы рассчитывали сыграть на моем уязвимом месте. На моем долге перед собственным родом и привязанности к дорогим мне

людям. Что ж, вы не ошиблись. Это действительно моя болевая точка, — так же спокойно продолжил ан-Бакир.
— И вам, видимо, не терпится увидеть их страдания? — нахмурил брови ад-Сейдин. — Что ж, это можно устроить. Сейчас я кликну стражу, и они отведут вон тех двоих в темницу. Для начала можно попробовать что-нибудь легкое, авось вы одумаетесь.
— В вашей бессердечности я даже не сомневался, — скривился старик. — Липкий огонь вам нужен для войны, и вы готовы скормить ему десятки, сотни тысяч жертв, лишь бы удовлетворить свои чудовищные амбиции. Так что же по сравнению с этим жизни всего нескольких человек?
— Довольно пустых слов, — заявил хан, вставая. — Еще кто из нас двоих чудовище, если вы явно намереваетесь спокойно глядеть на мучения ваших близких и пожертвовать всеми жителями Нирелина, дав угаснуть древнему роду.
— Разумеется, я не смогу на это смотреть, — сказал старый шейх. — Вы совершенно правы: их жизни — это единственное, что может заставить меня пойти на столь ужасную для моей совести сделку. Но именно поэтому я и не могу выдать вам эту тайну.
Уже намеревавшийся позвать гвардейцев ад-Сейдин воззрился на старика в полном недоумении.
— Что за ерунду вы несете? — сердито сказал он, окинув взглядом раздражающе невозмутимого шейха.
— Отнюдь, — качнул головой ан-Бакир. — Я прекрасно понимаю, что все мы гарантированно живы лишь только до тех пор, пока представляем для вас большую ценность. Как только вы узнаете все что нужно, в нас отпадет всякая необходимость. Более того, мы превратимся в опасных свидетелей. Носителей секрета, который ни в коем случае не должен оказаться известен кому-нибудь еще.
— Допустим. Если уж мое слово для вас ничего не значит, — произнес хан, сообразив, куда клонит старик и усаживаясь обратно.
— Допустим. Но какой резон мне избавляться и от ваших близких? Зачем мне просто так причинять вред, к примеру, этой девчонке? Это же просто бессмысленно!
— О, смысл еще как есть, — заметил старик. — Вы же не знаете преемника, которому я доверил тайну своего рода. — Это может быть любой человек. Даже моя любимая воспитанница. Вы ведь и ее не пощадите. Вдруг именно ей я если и не доверил секрет по малолетству, то просто сообщил где искать? Ведь достаточно иметь подробные записи и просто спрятать их в тайник, указав его местонахождение. Готов поклясться, вам приходила в голову эта мысль, не так ли?

Хан промолчал. Прищурившись, он изучал старика, умудрявшегося сопротивляться даже будучи прижатым к стенке.
— Это что же получается? — медленно произнес он. — Исходя из ваших же слов, если я овладею технологией Липкого огня — я вас всех убью. Если нет — тоже. Согласен: как ни крути, а ничего хорошего не предвидится. Но даже если на минуту допустить, что все именно так и обстоит, вы забываете: смерть бывает разной. Она может быть легкой и безболезненной, а может быть долгой и мучительной. Настолько, что о ней будут умолять и призывать как желанную избавительницу. Получается, выхода для вас все равно нет. Из двух зол выбирают меньшее.
— Именно так: из двух зол выбирают меньшее, — кивнул ан-Бакир. — Поэтому столь нелегким для меня выходом будет сделка.
— Сделка? — невольно изумился ад-Сейдин. — Вы же только что отлично дали мне понять почему она для вас неприемлема!
— Разве? — поднял брови старик. — Я от нее отнюдь не отказывался. Для этого у меня недостаточно черствости и безразличия к тому, что произойдет дальше. Наоборот, я к ней и подвожу, и непременным в ней условием является безопасность моих людей.
— Я слушаю, — коротко изрек хан Гийюр.

Мысль старого шейха также была не слишком заумна. Властелин Железных земель получит Липкий огонь, но при этом не будет знать как изготовить его самостоятельно. Хранители согласятся производить его в требуемых количествах, но тайна технологии останется при них как твердый гарант безопасности всех уцелевших нирелинцев. Помимо нужных компонентов они будут заказывать и многое другое, дабы скрыть истинно необходимое в общей массе. Никто не должен наблюдать за их работой, и это касается не только непосредственного присутствия в рабочем помещении, но и всяких иных способов подглядывания. Что же именно потребуется снаряжать готовыми к смешиванию субстанциями — остается на усмотрение самого хана. Вряд ли захваченные в оазисе шары подойдут для его армии, но ханские инженеры по аналогии вполне способны изготовить что-нибудь другое, понимая конечный принцип действия. При этом от непосредственного наполнения снарядов хранители могут быть освобождены, предоставив эту процедуру кому-нибудь другому. Никакой тайны в ней нет, и большого ума разложить составляющие в соответствии с опытным образом тоже не требуется. При этом с заложниками должны обращаться хорошо. Никаких темниц, никаких угроз и насилия. Вполне понятно: на их свободу будут наложены определенные ограничения, но условия содержания должны быть достаточно комфортными. При соблюдении всех пунктов соглашения хан Гийюр

получит желаемое, и таким образом в его прямых интересах будет заботиться о сохранности и благополучии всех нирелинцев.

Когда ан-Бакир спокойно и внятно изложил суть, ад-Сейдин ощутил, как его обуревают поистине смешанные чувства. К возмущению поведением пленника невольно примешивалась и некоторая доля уважения.

— Да вы, никак, вознамерились со мной торговаться?! — воскликнул хан, в голосе которого, впрочем, не слышалось ни гнева, ни даже раздражения.

— Это мои условия, и я считаю, что они вполне для вас приемлемы, — уверенно сказал старик.

— А если я откажусь? — прищурился ад-Сейдин. — Я ведь могу решить, что лучше все же попытаться выжать из вас тайну силой.

— Такая вероятность есть, — невозмутимо подтвердил ан-Бакир. — Но действительно ли вы готовы рискнуть? Золотая синица в руках против журавля в небе. Любой из хранителей может умереть, унеся секрет с собой в могилу, и тогда ваша армия останется ни с чем.

Хан надолго умолк. Далина с Илей на протяжении всего доносившегося до них разговора сидели тихо как мышки, а сейчас и шейх не нарушал воцарившегося молчания, давая царственному собеседнику спокойно поразмыслить.

Ад-Сейдин подавил в себе желание заявить, что ему нужно подумать и до поры отправить пленников в подземелье — это было ниже его достоинства. Думать должен был старик, а сейчас дело повернулось таким образом, что ответ требовался от самого хана. Стоило сообщить свое решение здесь и сейчас, иначе выйдет, что старый шейх оказался готов к разговору, а властелин Железных земель нет. Вообще немыслимо чтобы пленник осмеливался перечить воле повелителя да еще выдвигать какие-то требования. Уже за одно это стоило обойтись с ним без всякого снисхождения! Однако на карту было поставлено слишком многое, дабы ад-Сейдин дал волю гневу и поступил излишне опрометчиво. Да, старик был целиком и полностью в его руках, но он, следовало отдать ему должное, неплохо использовал особенности текущего положения. Наконец, взвесив все за и против, хан снова поднялся.

— Пока будем считать, что сделка принята, — заявил он, ни на кого особенно не глядя. — Только предупреждаю заранее: я не откажусь от желания узнать секрет изготовления Липкого огня. На данный момент я согласен с вашими предложениями, а что будет дальше — зависит от развития событий и от того, как вы станете исполнять свои обязательства.

На зов повелителя как из-под земли появилось несколько гвардей-

цев. Ад-Сейдин приказал отвести пленников в предназначенное для них помещение, а сам немедленно удалился в свои покои, не произнеся более ни слова.

О большей части того, что происходило далее между ханом и дедушкой Арбахом, Илиана знала совсем немного, однако сама она еще несколько раз удостаивалась внимания хозяина дворца. Ей и Далине присвоили статус прислуги с категорическим запретом покидать пределы дворцовых стен и появляться в помещениях не предназначенных для обслуживающего персонала. Женщине и девочке выделили вполне хорошую комнату в садовом доме для слуг, обеспечили приличным питанием и даже назначили небольшое содержание. Правда сами они за покупками ходить не могли, но в случае необходимости имели возможность обратиться к своему куратору. Формально всеми слугами в стенах дворца командовал мажордом, а вне его — управляющий, однако ввиду не совсем обычного положения Далины и Или их отдали под присмотр лейтенанта ханской гвардии. В его обязанности входило следить чтобы эти двое ни в чем не нуждались, но и не доставляли никаких хлопот. Лейтенант нес личную ответственность за заложников и ад-Сейдин, видимо, совершенно искренне исполнял свою часть уговора. У хана, несомненно, были собственные понятия о чести, но он следовал им неукоснительно. Илиана имела возможность убедиться в этом лично.

Однажды, когда Далина, определенная в помощь придворному садовнику, с утра пораньше отправилась работать в парк, Илиана сидела на крылечке и что-то чертила на песке длинной палочкой. Заслышав чьи-то шаги, она подняла голову и увидела хана Гийюра собственной персоной в сопровождении двух гвардейцев.

— Здравствуй, — сказал ад-Сейдин, подойдя и остановившись в трех шагах от ребенка.

— Здравствуйте… Великий хан, — ответила девочка, вставая и после небольшой паузы прибавляя титул неожиданного визитера. Секунду подумав, она присела в изящном реверансе, которому научила ее чародейка Сирелина.

— О, какие манеры. Похвально! — одобрительно произнес удивленный ад-Сейдин. — Что это ты рисуешь? — спросил он, глядя на исчерченный песок.

— Это не рисунки, это письмена, — ответила девочка.

— Да? Странно. Я не могу разобрать ни единого слова, — хмыкнул хан, огладив короткую черную бороду.

— Это слова, которыми я иногда думаю, — пояснила Иля. — Вы что-то хотели? Тети Далины сейчас нет, она работает в парке.

— Я знаю. Я зашел лично проверить как вас здесь устроили и со-

общить, что нашел для тебя подходящее занятие, — сказал хан. — Я слышал, ты любишь животных?
— Очень! — кивнула девочка.
— Вот и хорошо. У меня есть отличный большой зверинец, и, полагаю, там для тебя сыщется соответствующее местечко, — заключил ад-Сейдин. — Мне говорили, что ты отлично ладишь со всякой живностью. Если это верно, от тебя там будет много пользы.
— А что я должна буду делать? — спросила оживившаяся Иля.
— Когда придет заведующий, он тебе сам все покажет и расскажет. Но ничего непосильного, не бойся. Кормить, ухаживать, иногда выгуливать, — усмехнулся хан. — Это тебя устроит?
— Конечно! — совершенно искренне ответила девочка с заблестевшими глазами.
— Отлично, — удовлетворенно заявил ад-Сейдин. — А теперь дайка я взгляну на ваши апартаменты.
Бегло осмотрев жилище Далины и Илианы, хан нашел его вполне недурным.
— С вами здесь хорошо обращаются? — поинтересовался ад-Сейдин, выходя обратно на крыльцо.
— Угу, все хорошо, спасибо, — отозвалась Иля.
— Просьбы, жалобы есть? — спросил хозяин дворца напоследок.
— Нет, — после некоторой паузы вдруг почти прошептала девочка, потупив глаза.
Уже собравшийся уходить хан не пропустил мимо внимания такую перемену и окинул ее внимательным взглядом.
— Правда? Я так не думаю. Ну же, говори, не бойся, — предложил он вполне доброжелательным тоном.
— Можно мне вернут медальон? — поколебавшись, робко спросила Иля, подняв на него сиреневые глаза.
— Какой медальон? — не понял хан.
— Мой медальон. Я всегда носила его на шее с тех пор как себя помню, — пояснила девочка.
— Вот как? И кто его забрал? — нахмурился хан.
— Какой-то стражник, когда нас всех обыскали, — удрученно сказала Иля. — Медальон и синий драгоценный камушек. Его мне подарила одна очень хорошая тетя.
Ад-Сейдин заметно помрачнел.
— Али! — бросил он через плечо резким голосом.
— Да, мой хан, — выступил вперед один из гвардейцев.
— Живо ко мне сюда капитана стражи! И пусть по дороге припомнит кто обыскивал пленных из Нирелина.

Илиана даже немного испугалась поднявшейся деятельности. Быстро явившийся на зов мужчина, бледнея, выслушал гневный

вопрос повелителя о том, кто именно из гвардейцев осмелился присвоить найденные у вверенных им нирелинцев вещи, и посоветовал сделать это немедленно. Капитана стражи как ветром сдуло. Видимо, он действительно времени не терял, поскольку немного погодя вернулся с одним из солдат.
— Это ты забрал у этого ребенка медальон и драгоценный камень? — грозно спросил ад-Сейдин.
Не на шутку струхнувший гвардеец не стал отпираться.
— Простите, повелитель, я думал, они простые пленники, — оправдывался он дрогнувшим голосом. — Нам приказали их обыскать и отобрать все опасные предметы. Кто церемонится с пленниками?
— Обыскать, а не грабить! — ледяным тоном подчеркнул хан. — Не говоря уже о том, что это были мои пленники! У тебя есть ровно час чтобы вернуть этой девочке ее вещи, даже если ты живешь на другом конце города. И лучше бы они все еще были у тебя, иначе расплата будет суровой.

Гвардейцу повезло. Он еще не успел продать присвоенные ценности и поспел задолго до того, как истекло отпущенное время. Должно быть, он не бегал так никогда в жизни.
— Любопытно, — сказал ад-Сейдин, разглядывая медальон. — Платина. Красивый рубин, довольно необычной формы, замысловатый узор на обороте — под стать твоим художествам на песке. Откуда он у тебя?
— Я не знаю, — честно ответила девочка. — Всегда был.
— Любопытно, — еще раз изрек хан, бросив на ребенка заинтересованный взгляд. — Да и сапфир не хуже. Кто-то тебя явно любит.
Иля чуть порозовела. Она до сих пор не проболталась о чародейке и не хотела, чтобы дело дошло до расспросов о происхождении камня и той тети, которая его подарила.
— Ну, теперь все в порядке? — спросил хан, возвращая удивленной и взволнованной всем произошедшим Илиане ее собственность.
— Да. Спасибо, Великий хан, — сказала она, вновь присев в реверансе. — Большое спасибо.
— Пустяки, — махнул рукой ад-Сейдин. — Два гладиаторских боя! — бросил он, поворачиваясь к провинившемуся гвардейцу. — И радуйся что так легко отделался.

С тех самых пор Илиана помогала при зверинце. Ей там действительно очень нравилось. Он охватывал весьма большую площадь, будучи разбит на отдельные зоны, и в нем водилось множество самых разнообразных животных. В основном девочка занималась птичником, но со временем, видя как она хорошо справля-

ется и находит общий язык со своими подопечными, ей стали доверять и другие поручения. Вскоре никого из служителей уже не удивляло появление маленькой помощницы, а сама Иля выучила зоопарк практически наизусть. Она не только работала, но частенько и гуляла там в свободное время, расхаживая по тропкам и шныряя в зарослях. В одну из своих вылазок она и обнаружила заброшенный чердак в домике с колоннами подле большого лебединого пруда. Место ей сразу понравилось и Илиана, недолго думая, устроила в нем личное убежище, где могла спокойно не только поиграть, но и полистать книжку. С последними-то дела здесь обстояли не очень. При дворе ад-Сейдина женщин подобными вещами не баловали. Хан Гийюр, хоть и не являлся столь же дремучим, как некоторые застрявшие в древности правители, от равноправия между мужчиной и женщиной был все же достаточно далек. К примеру, он не имел ничего против, если представительницы прекрасного пола носят платья на северный и западный манер, или внедряют в гардероб какие-то иные разумные коррективы. Глухая драпировка от и до в Железных землях была не обязательной. Вместе с тем они могли забыть про сколько-нибудь серьезное образование, равно как и возможность занимать ответственные посты. Исключение составляли немногочисленные счастливицы лишь подчеркивающие общее правило. Закон наделял женщин определенными правами, но им, увы, было еще далеко до куда более прогрессивных государств. И у той же Сирелины имелись все основания опасаться, что новоиспеченная империя ад-Сейдина на долгие века остановит развитие социальной лестницы, закоснев в слишком архаичной форме.

Несколько книжек, однако ж, Иле все же удалось заполучить. Две раздобыла Далина, потратив часть скопившихся денег на подарок для девочки. Продавший их не слишком смышленый в чтении слуга был несказанно рад такой сделке. Еще четыре Иля получила от старого шейха. Да, изредка им позволяли встречаться, когда ан-Бакира под неусыпной охраной гвардейцев выводили размяться в парк. Хан небезосновательно считал, что без регулярных прогулок на свежем воздухе престарелые хранители в подземелье попросту зачахнут. К тому же во время таких свиданий шейх мог убедиться в полном благополучии его воспитанницы и поднабраться бодрости для дальнейшей работы. Об этой работе Иля знала совсем немного, поскольку старик не посвящал ее в такие ненужные подробности. Это было где-то глубоко под большим красивым дворцом, где ан-Бакир и жил, появляясь наверху лишь для того чтобы побродить по парку в сопровождении особо бдительной стражи. Учить девочку также как прежде он уже не мог, о чем

сильно сокрушался, но при этом исхитрился достать для нее несколько полезных книг. Их разговоры по большей части носили отвлеченный характер, но шейх все же старался хоть как-то направить быстро развивающийся ум в продуктивное русло.

При дворе слугам было не принято проживать вместе с детьми, поэтому Иле и играть-то было особенно не с кем. Но девочка редко скучала. Приведя в порядок заброшенный чердак и натаскав туда всякого добра, она устроила себе отличное гнездышко. Куклы стоили очень дорого, поэтому Иля сделала их себе сама, благо подручного материала было сколько угодно, и сделала вполне неплохо. А деревянные фигурки мастерски вырезал один из придворных плотников, у которого их можно было купить за очень даже умеренную плату. Разнообразную утварь вроде ковриков, подушек и прочих предметов обихода она раздобыла из того, от чего во дворце избавлялись за некоторой потрепанностью. Поношенные вещи в ханских чертогах не задерживались, поэтому можно было не удивляться присутствию в ее убежище бархата и шелка. Илиана умудрилась достать и старый письменный прибор с бутылочкой чернил, и на всевозможных обрывках бумаги с удовольствием писала и рисовала. По отсутствию компании для своих игр девочка не больно-то тосковала, хотя с грустью вспоминала подружек из Нирелина. Зато ее очень манила огромная дворцовая библиотека, которую она мельком видела несколько раз. Туда, увы, вход ей был закрыт, но любознательная Иля с некоторых пор обдумывала способ пробраться в эту сокровищницу незаметно.

Однажды хан Гийюр явился еще раз. Оставив гвардейцев у входа, он неожиданно вошел в жилище Или и Далины, когда девочка как раз собиралась отправиться в зверинец. Поздоровавшись, он вновь поинтересовался все ли у них хорошо, и нет ли в чем нужды. У Илианы язык чесался попросить разрешения посещать библиотеку, но она уже знала, что ад-Сейдин не жалует женское книгочейство и от этого только рассердится. Поэтому она лишь спросила можно ли ей завести краски и кисточки для рисования, ибо песок и чернила все-таки слабая замена. Против этого хан ничуть не возражал и сообщил, что ни рисование, ни занятия музыкой не возбраняются. Он даже пообещал при случае прислать что-нибудь подходящее. Вместе с тем выяснилось, что ад-Сейдин все же заглянул не просто так. Уходя и уже стоя в дверях, он будто невзначай обронил:

— Я надеюсь, вы обе хорошо помните, что дворец вам покидать ни в коем случае нельзя?

Илиана и Далина ответили, что никогда об этом не забывают.

— Не огорчайте меня необдуманными поступками. Расплачивать-

ся за них придется тем, кто здесь останется. Мой гнев падет на них, — негромко сказал ад-Сейдин.
— Я не совсем понимаю. Что это значит? — озадаченно спросила Иля.
— Это значит, девочка, что если ты, к примеру, убежишь, то накажут за это тетю Далину и твоего дедушку Арбаха. И накажут очень и очень сурово, — неторопливо пояснил хан, будто доносил урок до внимательно слушавших учеников. — А если нас решит покинуть тетя Далина, то она должна знать, что пострадаешь ты и остальные. Не забывайте: мое хорошее отношение и ваше благополучие зависят от вашего поведения. Если кто-то ослушается, то он навлечет на всех других большую беду. Помимо жестокого наказания они уже никогда не увидят свободы. Ты ведь этого не хочешь, правда?
— Нет, — пролепетала испуганная Илиана.
— Вот и хорошо, — удовлетворенно заключил ад-Сейдин. — Я суров, но справедлив. Не давайте мне повода для гнева и вам не придется ни о чем тревожиться. Это я вам обещаю. В противном случае — пеняйте на себя. Это я вам тоже обещаю. Мы хорошо друг друга поняли?
— Да, — тихо ответила девочка.
Хан Гийюр кивнул и удалился.

Трудно было сказать что вызвало этот визит. Может быть его спровоцировали какие-то события, а может быть ад-Сейдин просто решил напомнить заложникам о всей щепетильности их положения, пока у них от известной степени свободы голова не пошла кругом. Так или иначе, но свою мысль он донес более чем ясно, установив круговую поруку, о которой иногда напоминал куратор — специально приставленный лейтенант ханской гвардии. Илиана хорошо помнила предупреждение, поэтому даже не помышляла покинуть пределы дворцовых стен, хотя несколько раз ей подворачивалась такая возможность. При этом про сам дворцовый комплекс ад-Сейдин ничего не говорил, а посему девочка потихоньку продолжала свои изыскания и даже кое в чем преуспела. В частности, наблюдательной Илиане удалось обнаружить замаскированный проход в библиотеку. Она регулярно бывала в некоторых помещениях дворца, поскольку там содержалось довольно много певчих птиц и за частью из них ей поручили присматривать. Во дворце была уйма всего интересного, и Иля старалась хорошенько все рассмотреть и изучить, когда поблизости никого не было и ее никто не видел. Одно место казалось особенно привлекательным. Узкий вытянутый зал большими окнами выходил во внутренний сад, где в изобилии росли цветы и в сени фруктовых

деревьев журчал красивый фонтан. Иля знала, что в нем водятся маленькие разноцветные рыбки, поскольку дверь туда никогда не запиралась и она иногда приходила посмотреть как они резвятся в пузырившихся струйках. В этом зале из голубого мрамора стояла очень изящная мебель, а вдоль стен и на них самих расположились предметы искусства. Статуи и бюсты соседствовали с развешенными на стенах картинами, а на специальных постаментах виднелись тончайшие вазы, кувшины, и прочие воплощения высокохудожественного ремесла. В залах и галереях ханского дворца этого добра хватало, не то для украшения, не то потому что владелец действительно ценил подобные вещи, поэтому ничего удивительного в такой отдельной экспозиции не было. В узком голубом зале так и тянуло устроиться на одном из кресел или диванов, озаренных лучащимся из окна светом, и погрузиться в созерцание замечательных образчиков живописи. Однако больше всего Илиане нравилась сложная мозаичная композиция. Прямо напротив двери в сад находилась глубокая ниша. Ее полукруглые стены были мастерски выложены маленькими разноцветными плитками, образовывавшими панорамный рисунок. За счет изгиба поверхности и множества выступающих и утопленных элементов мозаичная панорама, где в густой роще на фоне гор был изображен храмовый комплекс, казалась объемной. Стоило подойти поближе, как этот эффект начинал ощущаться особенно сильно. Было любопытно наблюдать как он меняется, двигаясь от выхода в сад вплоть до самой ниши, в глубине которой можно было полностью скрыться из виду.

Илиана не сразу поняла, что нечто в этой нише ее почему-то особенно привлекает. Она водила пальчиками по элементам мозаики, удивляясь как аккуратно и гармонично они уложены, и порой ей казалось, что стоит сделать лишь шаг и можно будет ступить в этот объемный настенный рисунок. И все чаще ее пальцы почему-то останавливались на находящихся слева и справа от центра выступающих колоннах зданий, будто в них заключалось что-то особенное. Осознав это странное неуловимое чувство, девочка стала присматриваться внимательнее. Не то разыгравшееся воображение, не то проснувшаяся интуиция зашептала ей, что в этой мозаике есть какой-то секрет, и ей непременно захотелось его разгадать. На двух колоннах подушечки пальцев прямо-таки охватывало легкое будоражащее покалывание и в какой-то момент Иля, не совсем отдавая себе отчет зачем она это делает, сильно надавила их сначала по очереди, а затем одновременно. В глубине мозаики едва слышно что-то щелкнуло, и центральная часть панорамы вдруг бесшумно отворилась внутрь, открыв таинственный

проход куда-то в недра стены.

Поначалу Иля даже испугалась своему открытию и насилу сообразила как закрыть потайную дверь обратно, после чего поскорее удалилась из дворца. Однако нетрудно было догадаться, что изнемогавшая от разгоревшегося любопытства девочка вскоре вернется дабы хорошенько исследовать свою находку.

В секретном коридоре царил полумрак. Свет просачивался откуда-то из-под потолка, проникая через узкие щели вместе с доступом воздуха. Илиана отлично понимала, что попала куда-то туда, где ее вряд ли будут рады видеть, и лучше бы ничем своего присутствия не выдать. Посему она вела себя очень осторожно, крадясь тихо как мышка, и прислушиваясь к малейшему шороху. Изобиловавшим углублениями проходом, похоже, иногда пользовались. Первое было очень кстати, поскольку давало возможность спрятаться в случае возникновения второго. Зачем — Илиана не знала, но для чего вообще существуют тайные ходы? А этот привел ее прямо в одну из дальних секций библиотеки и радости девочки, мгновенно позабывшей все опасения, не было предела. Ради доступа в такую сокровищницу, на которую она давно положила глаз, можно было иной раз и рискнуть. А разве кто заметит, если она потихоньку возьмет одну множества выставленных в шкафах и на полках книжек, а затем вернет ее обратно?

Илиана не жадничала. Тщательно облюбовав какую-нибудь показавшуюся ей интересной книгу, девочка забирала ее с собой, сдвигая остальные так, чтобы скрыть образовавшуюся прореху. Устроившись у себя на чердаке, она в компании кукол с удовольствием листала драгоценную добычу, иногда шепотом читая им что-нибудь особенно занимательное. Ее походы в библиотеку успешно оставались незамеченными, и Илиана с каждым разом ориентировалась в книгохранилище все лучше, постепенно осваиваясь в его устройстве.

Чародейка была первой кому девочка доверила свои секреты. Ни про чердак, ни особенно про библиотеку ни Далина, ни старый шейх не знали. Хорошенько поразмыслив, Иля решила их не посвящать, дабы не волновать попусту. Даже дедушка Арбах наверняка не одобрил бы такие вылазки, а уж Далина так и вовсе сошла бы с ума от беспокойства. Если с чердаком все обстояло более-менее прилично, то нахальное проникновение в библиотеку через явно не для нее построенный потайной ход — совсем другое дело. Вместе с тем Илиана не собиралась расставаться со своими достижениями, а посему попросту о них умолчала. Сирелина же сама нуждалась в убежище, очень кстати оказавшемся в распоряжении девочки. Кроме того, Иля чувствовала, что чародейке можно и

даже нужно рассказать о дворце как можно больше, ибо интересуется она не из праздного любопытства и уж точно не для того, чтобы устроить ребенку воспитательную выволочку.

* * *

— Тебе в мае будет девять? — спросила Сирелина, когда Илиана закончила рассказ о своем житье-бытье.
— Угу. В середине, — кивнула девочка, несколько удивленная таким заданным именно сейчас вопросом.
— Осталось меньше месяца. Совсем большая станешь, — улыбнулась чародейка хихикнувшей Иле.
Думала она несколько о другом. Илиана действительно подросла. Стала как-то уж совсем большая. Она заметно прибавила в росте, а ее умственное развитие так и вовсе не стояло на месте. Сирелина еще в оазисе отмечала необычайную одаренность девочки, ее способность мыслить и схватывать все налету, а сейчас это впечатление заметно усилилось. Это у взрослых один-два года не играет практически никакой разницы, в отличие от детей. Теперь чародейка затруднялась ответить сколько бы лет она дала воспитаннице ан-Бакира не знай заранее ее возраст. Хотя в чем-то Илиана до сих пор оставалась наивным ребенком, во многих вещах она проявляла развитость не по годам. Сейчас она казалась скорее одиннадцатилетней, а в каких-то отдельных областях — и того больше. Это чувствовалось во всем: в манере говорить, умении размышлять, социальном поведении и восприятии окружающего мира. Да, Иля до сих пор играла в куклы, но у чародейки глаза на лоб полезли, когда она увидела какую именно книгу из ханской библиотеки девочка читает. Кто бы мог подумать, что труды по астрономии одного известного ученого могут искренне интересовать девятилетнее дитя? Томик, безусловно, был отлично оформлен и содержал множество красивых иллюстраций, но неужели совсем юное создание не могло подыскать что-нибудь менее заумное и куда более развлекательное? Любознательная Илиана уже вне всяких сомнений выглядела старше своих лет, и ее интересы носили широкий и необычный характер. Явление отнюдь не сверхъестественное, но достаточно примечательное. Такое было характерно для будущих чародеек, но Сирелина хоть убейте, а не до сих пор не чувствовала исходившей от Илианы колдовской силы. Хотя иной раз та просыпалась в куда более зрелом возрасте, ничем до поры себя не проявляя. Девять лет — это еще совсем немного. Впрочем, если ей действительно было девять. Сирелина вдруг подумала, что цифра эта весьма условная, данная старым

шейхом четыре года назад исключительно навскидку. И что на деле она может оказаться довольно далека от действительности.
— А ты пробудешь здесь до моего дня рождения? — спросила Иля. — Ты обещала рассказать мне про своих сестер. Про обитель и про свои приключения. А еще ты обещала многому меня научить. Ты ведь научишь, правда?
Да, было дело. Более того, сейчас Сирелина еще сильнее чем прежде хотела бы забрать девочку с собой. Теперь она уже не сомневалась, что, так или иначе, ее место в ордене чародеек, где она может получить одно из самых лучших образований которое только возможно. Более того, именно сейчас это образование и надо давать, когда ребенок активно растет и развивается. Вместе с тем жизнь, увы, внесла в эти планы свои коррективы.
— Конечно расскажу и конечно научу, — честно сказала Сирелина. — И я пробуду с тобой столько, сколько понадобится для того чтобы тебе помочь. Помочь вызволить тебя и всех остальных. Ты не против?
— Вот здорово! Я буду очень-очень рада! — обрадовалась девочка. — А как ты хочешь забрать нас отсюда? — добавила она после некоторой паузы. — Ты сотворишь чудо, и мы все вместе улетим? Ты же фири, ты наверняка можешь.
При воспоминании о том, какие она умеет творить полеты, чародейка невольно поежилась.
— Если бы все было так просто, — вздохнула она. — Но ты можешь на меня рассчитывать — я обязательно что-нибудь придумаю. И поэтому у меня к тебе есть еще один вопрос. Ты говорила, что тебе несколько раз представлялась возможность покинуть пределы стен. Можешь уточнить как именно?

Когда Иля ушла домой, проголодавшаяся Сирелина отдала должное принесенным ей свежим лепешкам с инжиром. Затем, хрустя яблоками, принялась неторопливо анализировать полученные сведения. Илиана оказалась весьма ценным источником информации, сообщив много такого, чему сама, видимо, не придавала особого значения. Еще и дня не прошло, а чародейка уже имела хорошее представление о положении пленников и их примерном местонахождении, не говоря уже об устройстве части дворца и прилегающей территории. Пожалуй, при помощи Илианы стоит составить небольшую карту, с которой вполне можно будет начинать регулярные вылазки. Сирелина, конечно, не маленькая шустрая девочка, но зато она способна на кое-какие колдовские фокусы. Но вылазки — лишь первый шаг. В общей картине следовало обозначить несколько ключевых вопросов, связанных между собой напрямую. Для начала стоило придумать как беспре-

пятственно проникать через дворцовые стены в обе стороны без трюка с телегой, который, между прочим, работал только на вход. Чародейке в ее нелегкой затее почти наверняка потребуется связь с внешним миром и его ресурсами, и лучше бы наладить ее побыстрее. А если она не сумеет этого сделать для себя самой, то о каком, собственно, спасении целой группы пленников может идти речь? Далее — как раз сами пленники. Если с Илианой и Далиной все было более-менее просто, то остальных еще требовалось разыскать. И разыскать где-то в таком месте, которое хан наверняка бережет пуще зеницы ока. Сирелина нутром чуяла, что обнаруженный девочкой потайной ход может сыграть в этом деле отнюдь не последнюю роль. С большой вероятностью он являлся фрагментом целой сети, которая если и не приведет ее к желанной цели, то как минимум существенно облегчит перемещения по дворцу и дальнейшие поиски. А там — как знать. Пока что хуже всего у чародейки обстояло с последним пунктом. Даже если предположить, что ей удастся выкрасть пленников прямо под носом у ханской стражи и благополучно вывезти их из Солтенстила, то как быть с оставшимися в Нирелине заложниками? Ведь хан вряд ли про них просто забудет. На сей счет в голове у Сирелины пока и вовсе не появилось ничего путного, но она, пораскинув мозгами, надумала до поры решать проблемы поступательно.

Темнело. По вполне понятным причинам зажигать в убежище Или свет не стоило. Впрочем, чародейке он сейчас был и ни к чему. Растянувшись у самого окошка под тонким одеялом, она созерцала высыпавшие на небе звезды, ощущая себя в полной безопасности. Наполовину отдернутая кружевная занавеска ей в этом ничуть не мешала. Преисполненная самых смелых планов Сирелина, подложив руку под голову и все чаще позевывая, сонно прикидывала чем будет заниматься завтра. Постепенно видения стали накладываться на окружающую реальность, а воображаемые события незаметно подменили действительность. Сирелина не заметила, как заснула. Разбудила ее появившаяся утром Илиана.

Чародейка осваивалась в ханских владениях довольно быстро. Ад-Сейдин, безусловно, пришел бы в неописуемую ярость, если бы узнал, что под самым его носом, благополучно минуя гвардейские посты, шныряет та самая женщина, от которой уже неоднократно были одни лишь неприятности. И шныряет явно для того, чтобы насолить еще пуще прежнего. На основе изначальной карты, начертанной при помощи Илианы, Сирелина по мере своих становившихся все продолжительнее и смелее вылазок сформировала настоящий трехмерный образ окружающей местности. Девочке очень нравилось наблюдать, как сыпавший искорками па-

лец чародейки, скользя по чистой бумаге, покрывает ее золотистыми линиями. А от того, что в результате у Сирелины получалось, она и вовсе приходила в восторг. Подчиняясь жесту руки чародейки, некогда нанесенная на самый обычный лист двухмерная схема чудесным образом преображалась. Распадаясь на крошечные точечки, она собиралась в воздухе в словно составленную из волшебной пыльцы объемную миниатюру, которую можно было увеличивать и уменьшать по своему желанию как целиком, так и отдельными фрагментами. Легкое мановение запястьем — и вот уже трехмерная схема сжимается в маленький комочек и прячется в рукаве, а еще одно — и она разворачивается обратно. Сирелина постоянно совершенствовала колдовскую карту, пополняя ее все новыми и новыми деталями, и та помогала ей отлично ориентироваться в пространстве, всегда показывая где находится она сама и то что сейчас рядом. Более того, образчик чародейского искусства работал сродни сонару летучей мыши, отмечая присутствие всех крупных живых объектов. Таким образом Сирелина заблаговременно могла узнать о появлении людей даже если они находились по другую сторону зарослей или за углом дома. Особенно эффективно это помогало избегать гвардейских патрулей или перемещаться в замкнутых пространствах, где существовал повышенный риск столкнуться с нежелательным свидетелем. Жаль только что карта показывала живые объекты на сравнительно близком расстоянии, но иначе было нельзя. Значительное увеличение радиуса потребует большего расхода колдовской силы, а ее мощный всплеск рисковал привлечь внимание колдунов ад-Сейдина, наверняка обитавших где-то поблизости. Впрочем, Сирелина быстро придумала подходящий выход. Нечто похожее она уже проворачивала с напавшими на караван Захира разбойниками. На всех встречных чародейка по возможности накладывала особые метки. Сами по себе они были совершенно незаметны и ничего не значили, а вот на объемном бесплотном макете ханских владений служили своеобразными маяками. Красные огоньки — стража, желтые — слуги, синие — придворные и иные лица, а зеленые — Иля и Далина. Дальность их обнаружения оказывалась существенно выше, чем у неопознанных объектов сонара, помечаемых фиолетовым цветом, хотя тоже не была бесконечна и зависела от наличия препятствий. В бескрайних прериях она простиралась очень далеко, а вот внутри зданий критически сужалась до минимума. В иных условиях, в городе или на открытой местности, толку от такого приема не было бы либо вовсе, либо у чародейки попросту не хватило бы колдовской силы смастерить карту способную отслеживать множество целей на огромном расстоя-

нии. Такое, пожалуй, вообще не мог бы сделать никто, разве что большая группа сестер ордена вместе взятая. Но дворцовый комплекс представлял собой замкнутую среду с одним и тем же практически неизменным числом обитателей, что кардинально упрощало дело. Поэтому трехмерный образ из тончайших золотистых линий быстро превратился для Сирелины в эффективный инструмент, существенно облегчавший ее весьма опасные изыскания. А когда в нем отпадала необходимость, чародейка делала еще один легкий жест рукой, и он осыпался обратно, вновь сплющиваясь в самый обыкновенный лист бумаги пусть и с не совсем обыкновенным рисунком.

Вылазки Сирелина осуществляла исключительно ночью, поскольку в светлое время суток было слишком людно. Зато с наступлением темноты кроме гвардейцев можно было встретить лишь дежурных слуг, да и то в самом незначительном количестве. Во дворце, понятное дело, как в самом сердце все более разраставшихся Железных земель, жизнь и тогда до конца не замирала. Только присутствовала она по большей части в не представлявших для чародейки интереса местах и не мешала никоим образом. Но если по каким-то причинам Сирелина не могла попасть туда, куда намеревалась, она отправлялась куда-нибудь еще и старательно собирала новые данные, пополняя детализацию свой карты и справедливо полагая что лишним это тоже не будет. Ведь чем большим объемом данных она сможет располагать, не в последнюю очередь вооруженная подробнейшим планом местности, тем проще станет совершить одно из самых дерзких похищений на свете. В сравнении с ним меркло даже замышлявшееся ранее освобождение ан-Нуадона. Сирелина, кстати, отнюдь не забыла про бея Играна, но она не могла делать два полностью поглощавших ее дела сразу и, хочешь не хочешь, а приходилось выбирать.

Исходя из полученных от Илианы сведений, вначале чародейка надеялась подобраться к хранителям поближе, когда тех выводят на прогулку. Если ей удастся наложить на них соответствующую метку, то полдела, считай, уже будет сделано. Маяк на трехмерной схеме не прочертит Сирелине точный путь со всеми дверями и коридорами, но зато позволит определить где искать и, что немаловажно, отслеживать перемещения ключевых объектов. Идея, безусловно, была хороша, однако реализовать ее оказалось весьма непросто. Чародейка несколько раз даже видела их издали и узнала престарелого шейха, но подобраться поближе так и не сумела. К сожалению, метку можно было поставить только находясь от цели достаточно близко, иначе она не могла сфокусироваться должным образом. А приблизиться к нирелинцам на мини-

мально необходимое расстояние, не попавшись на глаза гвардейцам, было практически невозможно. Хан очень серьезно относился к своей стратегической собственности, а посему и охрана у этой собственности была подобающая — мышь не проскочит. Сирелина несколько раз пробовала подкараулить хранителей в тех местах, откуда их обычно выводили, но при этом чуть не попалась и решила больше так не рисковать. Она уже было приуныла и даже посетовала на свои затруднения Илиане, когда та во время очередной встречи на чердаке поинтересовалась как идут дела.
— А тебе надо обязательно колдовать именно над дедушкой Арбахом? — спросила Иля, смешно наморщив от раздумья лобик.
— А что? — уточнила чародейка.
— Ты можешь заколдовать что-нибудь еще? Какой-нибудь камушек. Я могла бы потихоньку передать его дедушке Арбаху когда нам снова позволят увидеться, — предложила девочка.
Сирелине живо стало совсем не до веселья от осознания собственной тупости. Она хлопнула себя ладонью по лбу так звонко, что аж в голове загудело, и смеяться настал черед Илианы.

Чародейка истомилась ждать появления на карте долгожданных зеленых огоньков, но все-таки пришел тот счастливый момент, когда их разрозненное движение наконец-то дало понять: заколдованные камни нашли свои цели. Случилось это вскоре после дня рождения Илианы, когда ан-Бакиру снова дали увидеться с воспитанницей. Старику даже позволили посетить дом, где она жила, немедленно взятый гвардейцами в самое настоящее оцепление. В разгар маленького праздничного стола девочка, улучив минутку, сунула шейху в ладонь несколько небольших гладких камешков и коротко сообщила инструкции Сирелины. Каждый из хранителей должен был получить по одному такому камню и всегда носить с собой. Даже если стража его найдет, то вряд ли заподозрит нечто неладное, а сам же камень вполне мог сойти за напоминание о родном доме. Для шейха стало чистейшей неожиданностью узнать о появлении чародейки. Гвардейцы оставались снаружи, но поблизости традиционно маячил куратор, поэтому в открытые разговоры о нежданной союзнице вступать было крайне опасно. Иля, как могла, украдкой втолковала старику, что Сирелина ищет возможность вызволить всех нирелинцев из плена и увезти как можно дальше. Ан-Бакир вначале обеспокоился. Учитывая все обстоятельства, затея показалась ему слишком рискованной. Он не мог вступить на сей счет в содержательную дискуссию, равно как и переговорить с чародейкой напрямую, и попросил Илиану передать что подумает. Сирелина поймет согласился ли он принять ее авантюру или нет: если камни разделятся, значит

шейх раздал их хранителям и это означает "да". До тех пор пока они находятся вместе — "нет". Колебания старика были вполне понятны. Появление Сирелины воскрешало совсем уж было угасшую надежду на освобождение, но вместе с тем сулило и полнейшую неизвестность. Любая ошибка могла обойтись очень дорого, и стоило как следует взвесить все за и против. Видимо, по зрелому размышлению надежда все же пересилила, ибо спустя несколько дней чародейка помимо Далины и Илианы обнаружила на карте не один более жирный огонек, а несколько мелких. Оставался сущий пустяк: отыскать проход к пленникам, содержавшимся где-то в глубинах дворцовых подземелий, а затем потихоньку выкрасть их оттуда. Всего и делов. Однако Сирелина находилась в приподнятом настроении, поскольку, как ни крути, а шаг за шагом уверенно продвигалась к поставленной цели. Причем и в прямом смысле тоже, неслышной тенью перемещаясь по потайному коридору.

Как чародейка и подозревала, обнаруженный девочкой проход оказался включен в целую скрытую сеть. Сосредоточенная исключительно на библиотеке Илиана не стала изучать в нем каждый камень, а посему не заметила в одном из углублений отлично замаскированную поворотную дверь. Сирелина же подошла к делу более основательно, и в итоге сумела отыскать не только новый лаз, но и понять как он открывается. Кто бы ни был архитектором этой тщательно укрытой от посторонних глаз сети, он, видимо, нарочно сделал так, что она состояла из множества сегментов, соединявшихся друг с другом при помощи уникальных секретов. Таким образом, любой случайный человек, скорее всего, не смог бы проникнуть дальше одной секции. Кроме того, подобное устройство позволяло довольно эффективно разграничивать возможный уровень доступа. К примеру, сопровождавшие пленников в подземелье стражи вероятно понятия не имели как попасть в гостевые покои, а алхимик вполне мог не знать о существовании скрытого выхода в парк. Хитроумные механизмы выполнили поистине мастерски, и обычному человеку разгадать их присутствие и принцип действия было необычайно трудно. Только вот Сирелина обычным человеком как раз и не являлась.

Чародейка медленно, но верно проникала в тайны дворцовых стен, не без помощи своего колдовского искусства постепенно забираясь все дальше. Объять необъятное за один день было попросту невозможно, но еще до того как на объемной карте наконец-то засветились долгожданные зеленые огни она уже немало успела исследовать. Предчувствие удачи едва не вскружило ей голову, когда она поняла как далеко продвинулась, ибо в один прекрасный

момент очередной секрет вывел ее к запертой двери, за которой оказалась узкая винтовая лестницы. Обычный замок, даже самый сложный, преградой для наделенной колдовским даром женщины вообще не являлся, так что вскоре она заскользила вниз по ступенькам. А вниз — это означало все ближе и ближе к заветным зеленым огонькам.

Именно здесь волшебная схема становилась настоящей палочкой-выручалочкой, позволяя Сирелине по-прежнему хорошо ориентироваться в пространстве. Кромешная тьма не была для нее препятствием, поскольку чародейка, пошептав в ладонь, вызвала небольшой светящийся шарик, плавно поднявшийся в воздух и зависший у нее прямо над головой. Его приглушенного освещения хватало лишь на ближайшие ярды, но этого было вполне достаточно. А вот чье-либо неожиданное появление становилось вполне реальной угрозой, и именно работавшая одновременно и сонаром карта надежно уберегала Сирелину от случайной встречи. Поэтому когда на ней зажглись две красные точки и начали быстро подступать к чародейке снизу вверх, она не оказалась застана врасплох вскоре объявившимися на лестнице гвардейцами. Быстро притушив испускающий ровный свет волшебный шарик, чародейка развернулась и поднялась обратно на пару этажей, остановившись на небольшой типовой площадке. Точки приближались. Гвардейцы, видимо, не собирались останавливаться где-нибудь пониже и сворачивать в боковой коридор, а продолжали двигаться вверх. Сирелина, беззвучно чертыхнувшись, опять убавила освещение, сократив его до откровенного полумрака, и забралась еще выше. Гвардейцы упорно не отставали. Чародейка уже миновала то место, откуда попала на лестницу, и оказалась над ним еще через два этажа, рассчитывая, что преследователи наконец-то куда-нибудь да уйдут, но те, как назло, маршрута не меняли. Проклиная в душе навязчивых стражей, Сирелина собралась было продолжить подъем, но ее ждал неприятнейший сюрприз. Карта тревожно сообщила, что над ней появилась еще пара человек и направляется прямиком в ее сторону. Путь наверх оказался отрезан, а снизу уверенно приближались так никуда и не девшиеся солдаты. Живо вернувшись обратно на площадку, чародейка потянула одну из двух выходивших туда дверей. Заперто! Приложив руку к замку, Сирелина прошептала заклинание, отчего ее накрывшая замочную скважину ладонь осветилась, и сделала пальцами круговое движение. Эффекта не последовало. Чародейка, теряя драгоценные секунды, тупо тянула дверную ручку, но железная преграда и не подумала сдвинуться. Гвардейцы подступали, и их шаги становились такими отчетливыми, будто они вот-вот

покажутся на глаза. Впрочем, это, похоже, было недалеко от истины. Сирелина ощутила небольшой приступ паники. Гнусная железяка не иначе как оказалась заперта изнутри, а времени возиться с невидимым засовом у нее уже не оставалось. Женщина метнулась к другой двери. Ее прикоснувшаяся к металлу рука дрожала от нервного напряжения. На сей раз чары сработали. Хорошо смазанная дверь бесшумно подалась, милостиво не выдав лазутчицу подлым надсадным скрипом. Не теряя ни мгновения, Сирелина устремилась вперед, успев прикрыть за собой створку и вернуть запор в прежнее положение. Только не успела она преодолеть и нескольких ярдов, как у нее за спиной заскрежетал в замке поворачиваемый ключ.

Прямой как стрела узкий проход полутора ярдов шириной тянулся куда-то вдаль. Чем бы он ни заканчивался, времени убегать уже попросту не оставалось. Именно в такие критические моменты проявляется способность мгновенно принимать важные решения, разделяющая людей на тех кому это под силу, и тех кто не в состоянии справиться с выходящей из-под контроля ситуацией. Резким движением руки Сирелина погасила все еще маячившую над головой сферу, погрузившись в полный мрак. Спустя показавшиеся вечностью три секунды через распахнувшуюся дверь в залитый тьмой коридор проник колеблющийся свет факела. Укрыться между параллельно идущих стен было попросту негде, и появившийся в проеме гвардеец сейчас обнаружит незваную гостью и поднимет тревогу. Солдат, однако, орать и потрясать оружием отнюдь не торопился. Зайдя с лестницы, он остановился и подождал, пока следом за ним появится и его товарищ. Затем, когда тот запер дверь обратно, они оба как ни в чем не бывало двинулись вперед. Их ровная поступь отчетливо звучала на каменных плитах, разносясь под низким сводом замкнутого пространства без единой боковой ниши. О чем-то негромко переговариваясь, гвардейцы, светя факелами, шаг за шагом оказывались все дальше. Следуя гуськом, они постепенно дошли до самого конца коридора, закончившегося вдали перпендикулярной развилкой, преспокойно свернули за угол и скрылись из виду. Какое-то время развилку еще озарял колеблющийся отсвет пламени, но вскоре он исчез вместе с затихнувшими шагами. В проходе вновь воцарилась кромешная тьма, делившая свое владычество со звенящей тишиной.

Сирелина не растворилась в воздухе, как бы ей того ни хотелось, не провалилась сквозь землю и не прошла сквозь стену. Послышавшееся вдруг шуршание и негромкий звук чьих-то объявившихся на полу ног свидетельствовали о том, что она еще здесь.

Вновь вспыхнувший колдовской светильник озарил невесть откуда взявшуюся чародейку, избежавшую казалось бы неминуемого столкновения с солдатами не иначе как чудом. Чудо, впрочем, приключилось лишь наполовину. Потирая гудевшие от перенесенного напряжения кисти, Сирелина окинула взглядом низкий каменный свод. В остававшиеся ей до появления преследователей считанные секунды она, подскочив и упершись руками и ногами в стены, умудрилась рывками добраться до потолка и прижаться к нему спиной. Прошедшие под ней гвардейцы своими факелами едва не опалили ей волосы, а кончики их шлемов скользнули вдоль ее одежды всего в нескольких дюймах. В обычных обстоятельствах они просто не могли не заметить проделавшую недурной акробатический трюк женщину, но обвинить их в столь вопиющей невнимательности было бы несправедливо. В запасе у весьма непростой лазутчицы имелось немало подходящих козырей, и один из них назывался Слепое пятно. По роду своего воздействия эти чары напоминали эффект, когда человек после продолжительного созерцания яркого источника света переводит взор в сторону. Он по-прежнему видит окружающее, но там где перед глазами ранее находился источник, для него на какое-то время образуется слепая зона. Колдовство коварно воздействовало на зрительный нерв и сетчатку, образуя в нужном месте такое блокирующее визуальное восприятие пятно, и при этом не вызывая у пораженной им жертвы абсолютно никакого беспокойства. Таким образом ничего общего с невидимостью означенные чары не имели, но будучи грамотно применены действовали весьма эффективно. Сирелина едва не сорвалась, когда отняла правую руку от стены и еле успела одно за другим наложить заклинание на появившихся в дверях солдат. Подпав под действие искусного колдовства, гвардейцы безмятежно прошли прямо под распластавшейся у них над головами женщиной, в упор ее не заметив. Что же касалось акробатики, то чародейке в очередной раз следовало воздать должное инструкторам в обители, заставлявших, помимо прочего, карабкаться подобным образом, упираясь лишь конечностями, и подолгу висеть в таком положении.

Судя по зачарованной карте, опасность миновала и Сирелина вернулась обратно на винтовую лестницу. Теперь она была уверена что находится на верном пути, поскольку в прошедших совсем близко от нее солдатах признала тех, кто состоял в охране при столь важных для хана пленниках. При этом ничего удивительного в том, что она прекрасно видела зеленые огоньки с весьма значительного расстояния, а красные появились только когда оказались в непосредственной близости не было. У чародейки даже с ее вы-

росшими способностями просто не хватило бы сил непрерывно поддерживать настолько мощную прямую связь со всеми сотнями наложенных ей меток. Поэтому она вынуждена была ограничиться лишь наиболее важными, зелеными, а остальные доверить обычному действию сонара.

Благодаря сообразительности Илианы ловко распределенные между хранителями зачарованные камни вели чародейку как маяк попавший в непогоду корабль. Кто знает сколько бы она проплутала в сложной системе потайных ходов и комнат, вынужденная проверять их практически наугад. К тому же с ростом продолжительности таких изысканий росла бы и естественная вероятность того, что однажды она чем-нибудь себя так или иначе выдаст. Попробуйте обокрасть одну какую-нибудь лавку — и вам, скорее всего, ничего не будет. Вторая, третья, пятая — они запросто могут сойти с рук. Но ваша криминальная деятельность почти наверняка окажется пресеченной еще задолго до того как вы обнесете сотую по счету. Зеленые же огоньки существенно облегчали пронырливой лазутчице жизнь, кардинально сокращая усилия на поиски. Вот и сейчас лестница все еще уходила куда-то вниз, но карта красноречиво подсказывала Сирелине: она оказалась на одном уровне с хранителями и теперь ей следует продолжить движение в горизонтальной плоскости. Очередной секретный барьер вполне мог остаться незамеченным, но чародейка, ловко орудовавшая трехмерной схемой, отлично видела целевое направление. Уже имевшая некоторое представление об устройстве хитроумного лабиринта, она уделила самое пристальное внимание окружающим камням очередной пустой площадки. Ее чуть светившиеся ладони сновали туда сюда, будто старались протереть затуманенную поверхность зеркала, и сыпали маленькими яркими искорками. В какой-то момент эти разлетавшиеся вдоль шершавой кладки искорки вдруг струйками потянулись в казавшуюся монолитной стену, словно вода в сточное отверстие. Нащупав прореху, Сирелина сосредоточила усилия вокруг нее и вскоре определила не только очертания потайной двери, но и выявила приводивший ее в действие механизм. С ним пришлось немного повозиться, поскольку срабатывал он не только при нажатии на условную пластину, но и требовал одновременного положения ног на двух разных плитах лестницы. Старания чародейки увенчал привычно бесшумно появившийся в стене зев, не менее традиционно находившийся чуть выше пола. Архитектор, видимо, сообразил, что прилегающая к нему вплотную створка будет оставлять следы и однажды полностью себя демаскирует. Довольная собой Сирелина покинула лестницу и очутилась на развилке из трех сходившихся в

этом месте коридоров. Вот здесь, уже не располагая какими-либо внятными подсказками, ей пришлось основательно покружить.

Похоже, располагавшиеся под дворцом подземелья действительно были весьма обширны, зачастую уходя не только глубоко вниз, но и в стороны. Более того, какие-то их сегменты при этом оказались и не безопасны. Кравшаяся в неохотно рассеивавшейся тьме чародейка лишь в силу повышенной осторожности не привела в действие механизм, смахивавший на нечто вроде охранной сигнализации. Само его присутствие подсказывало, что она забрела в особо важное место, снабженное дополнительными мерами защиты. Куда бы ни тянулся сигнальный трос, его наверняка привесили отнюдь не для красоты, и проверять кто именно явится на зов потревоженного устройства большого желания не возникало. Еще одна подобная штуковина, встреченная немного погодя, лишь усилила бдительность Сирелины и даже прибавила усердия продолжать поиски. Ведь раз охраняют — значит, есть что охранять. Вместе с тем к зеленым огонькам на карте она особо не приблизилась.

Судя по всему, вынужденная теперь блуждать наугад чародейка наткнулась на какое-то хранилище. Людей здесь до сих пор не встречалось, чему, разумеется, можно было только порадоваться, но вот разного рода добра хватало. Сирелину не слишком интересовало содержимое всевозможных бочек, коробок, бутылей и прочих вместилищ многочисленных субстанций, однако некоторое внимание она им все же уделяла. Не оттого что ей было совершенно безразлично, а потому что на тщательный осмотр у чародейки попросту не имелось времени. Поверхностный же обзор наводил на предположение об алхимическом характере складских помещений. В ином другом случае Сирелина обязательно бы как следует здесь покопалась, надеясь обнаружить немало интересного, но сейчас ее куда больше занимали нирелинцы, а отнюдь не ханские закрома. Впрочем, их принадлежность к означенному ремеслу подсказывала, что она на верном пути, пусть даже сейчас и свернула не туда. Хранители должны были работать в тесном взаимодействии с алхимиками ад-Сейдина, и, стало быть, чародейка наконец-то проникла в их секретное логово. Это соображение окончательно воплотилось в действительность, когда в одной из боковых комнат ее внимание привлек знакомый тусклый отблеск каких-то полукруглых предметов. Присмотревшись, Сирелина узнала половинки уже виденных ей сфер Липкого огня. Сейчас они, судя по всему, были совершенно пусты, являясь лишь простой оболочкой, но для важности самого открытия это не имело ни малейшего значения. Обрадованная чародейка вознамерилась было подойти

поближе, как вдруг на витавшей над правым запястьем увеличенной объемной карте вспыхнуло два фиолетовых огонька.

Приближались они как раз оттуда, откуда пришла и сама Сирелина. Сонар исправно обнаружил надвигавшуюся опасность, но ее характер сообщить не мог. Кем бы ни были эти люди, либо они по каким-то причинам остались без метки, либо до сих пор вообще не встречались. Так или иначе, а чародейке следовало немедленно спрятаться, дабы не вступать с пришельцами в неприятный диалог на тему "а что это вы здесь, уважаемая, делаете". В прошлый раз она имела довольно приличное представление о том, где находилась, но сейчас — абсолютно никакого. Ринуться куда-нибудь наугад, рискуя оказаться зажатой в тупике или попасть в еще более сложное положение представлялось не самой лучшей идеей. Сирелина находилась в довольно просторном помещении с какими-то расставленными вдоль стен ящиками. Позади нее был уже известный коридор, из которого вот-вот появятся гости, а впереди — два других ответвления ведущих неизвестно куда. В соседней комнате справа за небольшим тамбуром виднелись лежавшие на столах ряды разобранных сфер, а слева за тройной аркой расположился заставленный всякой всячиной склад. Быстро осмотревшись по сторонам, чародейка юркнула под арку и присела за расставленными там бочками. Не забыв потушить плававший над головой колдовской огонек, она неподвижно замерла на месте, затаив дыхание. Сворачивать чудесную карту совсем не требовалось. Та не работала осветительным прибором, и в кромешной темноте ее было видно ничуть не лучше, чем черную кошку.

В только что оставленном Сирелиной помещении появились двое. Застекленные фонари развеивали сгустившийся было мрак и ярко освещали фигуры уже немолодых мужчин в длинных, до пят, черных робах с вышитыми серебряными узорами. На их кожаных поясах теснилось несколько накладных сумок, а на груди каждого висел какой-то замысловатый амулет. Мужчины остановились, приподняв фонари и оглядываясь. Чародейка, прильнув глазом к щели между бочками, украдкой их рассматривала, полностью обратившись в слух.

— Да кто здесь может быть, Алепид? — спросил тот что был повыше и с прорехой растительности на голове.

— Но сигнал же сработал, — отозвался более низкий обладатель густой седеющей бороды.

— Это все чертовы крысы, — убежденно заявил первый. — Ведь не в первый раз.

— Все равно мы обязаны проверить, — ответил бородач. — Если звякнул хоть один колокольчик, надо убедиться что все в порядке.

— Напрасная трата времени, — проворчал плешивый. — Будто нам заняться нечем.
Пройдя до конца зала, он поочередно посветил в каждый из двух имевшихся там проходов.
— Никого, — заключил он. — Я ж говорил.
Названный Алепидом двинулся к арке. Сирелина прямо-таки кожей ощущала как с каждым его шагом вокруг нее становится все светлее, а маскирующая тьма предательски разбегается по углам, оставляя ее одну как на ладони. Он подходил все ближе и ближе, освещая на деле оказавшийся намного больше склад, и сжавшаяся в комок чародейка рисковала вот-вот оказаться обнаруженной. Еще шаг, еще, еще один… Женщина похолодела. Сердце ее бешено заколотилось, а на лбу выступили бисеринки пота. От разоблачения ее отделяла какая-то пара секунд. Нащупав кинжал, Сирелина приготовилась к неизбежной схватке. Неторопливые шаги стихли. Бородатый остановился прямо перед рядом бочек, за которым схоронилась съежившаяся чародейка. Ожидавшая худшего лазутчица слышала его дыхание и потрескивание пламени внутри ярко светившего фонаря.
— Да чтоб вы сдохли! — вдруг злобно воскликнул мужчина.
В следующее мгновение из его уст вырвалась колдовская речь, а где-то в глубине склада раздался сразу оборвавшийся крысиный визг. Сильно вздрогнувшая от неожиданности Сирелина чуть сама себя не выдала, едва не выскочив с ответной атакой. Таким заклинанием она сбивала разбегавшихся разбойников с ног и вышибала из-под стоявших лучников черепицу крыши. Услышанное ей сейчас несколько отличалось, но в конечном счете было того же рода. Будучи неспособно причинить прямой вред человеку, оно запросто могло шваркнуть о стену и прибить небольшую крысу, что, видимо, сейчас бородач и сделал.
— Гнусные твари, — прошипел колдун.
Раздраженно сплюнув, он развернулся и прошел обратно в центральное помещение. Сирелина крыс тоже не жаловала, однако в данный момент к столь неприятному соседству никаких претензий не имела. Облегченно переведя дух, она утерла ладонью лицо и вновь осторожно выглянула в щель.
— Крысы? Я ж говорил! — удовлетворенно заявил его компаньон. — Только зря время потеряли. Никому постороннему сюда в жизнь не проникнуть.
— Никогда не говори никогда, Хиль, — изрек бородач.
Приютившаяся за бочками чародейка, живое олицетворение его слов, была с ним полностью согласна. Впрочем, от насмешек в адрес маячивших поблизости пришельцев можно было и воздер-

жаться. Она сама сейчас сделала парочку тревожных открытий, напомнивших о вреде излишней самонадеянности. Судя по всему, лазутчица где-то таки задела сигнальный механизм, оповестивший о ее присутствии, а ведь она была просто уверена в собственной безукоризненной ловкости и наблюдательности. Неприятный факт, что и говори, но второй вряд ли был лучше. На зов упомянутого колокольчика явился колдун, а на такую встречу Сирелина как-то не рассчитывала. В голове у нее запоздало теснились всякие нехорошие мыслишки. Ведь она не одна на свете умеет зачаровывать такие штуковины, как работавшая сонаром карта. Подобный прием запросто мог оказаться применен и против нее самой, и оставалось только порадоваться, что тип в черной рясе до этого все еще не додумался. Впрочем, дело вряд ли заключалось в его природной лени или откровенной тупости, раз он предпочитал рыскать по темным углам с фонарем, нежели прощупывать окружающую местность чародейским искусством. Способность колдовать вообще не означала возможность уметь все. Бородач мог специализироваться на чем-то другом, либо же для такого заклятья у него банально не хватало сил. Ведь оно лишь внешне казалось простым, а на деле требовало серьезной подготовки и развитых природных данных. Сирелине, видимо все еще везло, но излишне обольщаться не стоило, ибо такими темпами вскоре мог объявиться противник и пострашнее.

— Давай-ка займемся делом, раз уж все равно пришли, — предложил бородатый Алепид.

— Это же не наша работа, — недовольно проворчал собравшийся уходить плешивый. — Парни потом этим займутся.

Чародейка всей душой была на стороне плешивого. Она понятия не имела о какой работе речь и кто эти парни, но его намерение предполагало убраться восвояси и вновь оставить ее в гордом одиночестве. К сожалению, бородач их мнения не разделял.

— Давай-давай, — авторитетно заявил он. — Не вороти нос, нас и так сроки поджимают.

— Ладно, уговорил, — вздохнул его напарник. — Только не забудь заблокировать яму. Я не хочу загреметь в нее как этот болван Клус, который просидел там двое суток прежде чем мы его хватились.

— Да уж, посмеялись мы над ним тогда изрядно, — хохотнул Алепид, отходя куда-то в сторону и исчезая из поля зрения подсматривавшей Сирелины.

Немного погодя послышался легкий скрежет. Чародейка не успела прикинуть что бы это могло быть, как пол в тамбуре перед комнатой с разобранными сферами исчез прямо у нее на глазах, образо-

вав зияющий провал. Зрачки Сирелины расширились как у кошки.
— Проклятье, опять не в ту сторону! — раздраженно выругался бородатый, прибавив к реплике несколько крепких словечек. — До сих пор путаюсь!
Скрежет повторился. Тамбур тут же принял прежний вид, в каком и остался, когда Алепид, судя по звуку, задействовал управляющий механизм еще раз.
— Порядок, — заключил он, вновь объявляясь в зоне видимости.
— Вот сам и иди первым, — мрачно сообщил Хиль, с недоверием поглядывая на казавшийся совершенно незыблемым пол.
Презрительно фыркнув, бородач демонстративно прошел через тамбур и половинки сфер заиграли тусклыми бликами в свете его фонаря. Убедившись, что проход безопасен, плешивый затопал следом. Комната хорошенько осветилась, оказавшись гораздо больше, нежели Сирелине с ее скромным колдовским огоньком показалось изначально. Впрочем, сейчас ей было не до созерцания внутреннего убранства, наполненного столами с покоившимися на них частями шаров. Чародейка поняла о какой такой яме шла речь и с екнувшим сердцем осознала, что была на волоске от того, чтобы ухнуть в ее распростертые объятия. Фактически появившаяся парочка в черных балахонах спугнула ее весьма вовремя и случайно уберегла от коварной ловушки. Во рту стало подозрительно сухо, и Сирелина нервно облизнула тонкие губы. Интересно, какие еще сюрпризы здесь припасены?
— Так, ты займись теми что справа, а я возьму на себя эти, — предложил Алепид. — Только не халтурить. Хан ждет поставку точно в срок, и Дегонис с нас шкуру спустит, если хоть что-то окажется не так. Он сейчас занят Кристальным каскадом, но как только освободится — лично явится проверить как идут дела, и лучше бы ему не к чему было придраться.
Чародейка насторожилась, мигом забыв все свои страхи и размышления на тему последствий свидания с притаившейся ямой. Произнесенное имя было ей знакомо, причем вызывало отнюдь не самые положительные ассоциации. Известно оно было и сестрам ордена, и известно с весьма не радужной стороны. Возможно, это было лишь простое совпадение, но последовавшее вслед за ним упоминание Кристального каскада заставляло усомниться в такой версии. Этим инструментом мог пользоваться только очень сильный колдун, а вероятность существования сразу двух таких одновременно казалась не очень-то правдоподобной. И если означенный Дегонис действительно был тем самым Дегонисом, то Сирелине следовало глядеть в оба, ибо это был очень серьезный враг, с

которым без веских на то причин не стала бы связываться даже старшая чародейка. Его способности простирались намного дальше, нежели какой-нибудь сонар, и носили весьма зловещий характер.

Время шло. Как простые люди в таких случаях обходились без часов, Сирелина даже представлять не хотела. Размышляя обо всем увиденном и услышанном, благо что сейчас ей все равно ничего другого не оставалось, она все чаще поглядывала на свой солнечный циферблат. Тень от центрального стержня неумолимо ползла, напоминая о скором наступлении рассвета, и чародейка с каждой минутой беспокоилась все сильнее. Зловредные алхимики в черных балахонах основательно окопались в соседней комнате и до сих пор не выказывали признаков убраться оттуда. Об их специализации Сирелина поняла из доносившихся до нее разговоров, помимо скабрезных шуток и всякой банальщины содержавших и полезную информацию. Последнее она заносила в глубины своей памяти, а остальное пропускала мимо ушей.

Изготовлением Липкого огня заведовал означенный Дегонис, который, судя по всему, заправлял всем Нижним подземельем и обитавшими там колдунами и алхимиками. Под его руководством они занимались всякой всячиной, а сам Дегонис пользовался покровительством хана Гийюра. За верную службу интересам повелителя он получал возможность беспрепятственно заниматься своими работами, часть из которых вызывала боязнь даже у его подчиненных. Сейчас ад-Сейдина больше всего интересовали регулярные поставки Липкого огня. Армия Железных земель вскоре закончит отдыхать и двинется дальше, так что если алхимики не поспеют к сроку, то проблем с разгневанным повелителем не оберешься. На пленников свалить задержку не удастся, поскольку те исправно выполняли свою часть работ по изготовлению компонентов адской смеси. Алхимикам до сих пор не удалось проникнуть в их секрет, но Дегонис обещал что-нибудь придумать, дабы потихоньку выведать у хранителей столь важное знание.

Не все алхимики были колдунами, хотя предполагаемое количество владеющих чарами людей для Сирелины все равно явилось неприятной неожиданностью. Похоже, у заправилы Нижних подземелий была своего рода команда отщепенцев, собранных из самых разных краев. Дегониса, видимо, даже устраивало их не самое привлекательное прошлое. Преступник или изгой значительно сильнее будет цепляться за надежную гавань, нежели обычный человек, да и в темных делах от него будет намного больше пользы без всяких розовых соплей об этике и морали. Чародейка особенно внимательно ловила любые упоминания о нирелинцах, но ей при-

ходилось довольствоваться обрывками фраз. Ведь алхимики вели между собой обычную беседу, а не читали для притаившейся слушательницы познавательную лекцию на тему как у них здесь все устроено. Все же Сирелина смогла уяснить, что в Нижние подземелья могли заходить только особо доверенные гвардейцы, сопровождавшие грузы и пленников, а сферы для Липкого огня изготавливаются где-то совсем в другом месте. Колдуны и алхимики не занимались созданием инженерных конструкций и заказывали их ханским мастерам отдельно. Ад-Сейдин же обеспечивал все запросы обитателей глубоких подвалов, и пока те исправно исполняли его желания, он старался ни в чем им не отказывать. Хранителей же, похоже, держали настолько обособленно, что даже алхимики сталкивались с ними лишь по мере производственной необходимости.

Сирелина начала подозревать как бы ей не пришлось проторчать в подземелье целые сутки. Если она не поспеет до рассвета, наверху станет слишком оживленно, и беспрепятственно добраться до заветного чердака будет на порядок сложнее, если вообще возможно. Разумеется, в крайнем случае она могла остаться и здесь, ибо никто кроме Илианы чародейку не хватится, а девочка уж всяко не поднимет на уши весь дворец искать запропастившуюся тетю. Сирелине уже приходилось надолго отлучаться, и Иля каждый раз терпеливо ожидала ее возвращения, но излишне задерживаться в дворцовых подвалах все же не стоило. Уставшей чародейке требовался отдых, а полученные новые сведения предстояло как следует обмозговать. Да и не мешало бы получше подготовиться к следующей вылазке с учетом открывшихся обстоятельств, ибо помимо сигнализации и гостеприимных ям здесь могло оказаться и что-нибудь посерьезнее. Чародейка бросила очередной нервный взгляд на часы. Времени оставалось в обрез, и если она не поторопится, то уже наверняка застрянет до завтрашней ночи. Сирелина недружелюбно глядела на копошащихся алхимиков. Те, как назло, обосновались прямо у тамбура с ямой и исчезали из поля зрения лишь поодиночке. В любой момент кто-нибудь из них мог поднять глаза или обернуться и увидеть крадущуюся в полумраке соседнего помещения лазутчицу. Повторять трюк со Слепым пятном Сирелина не хотела. Имей она дело с простыми алхимиками, чародейка бы даже не церемонилась, но накладывать такую штуку на колдуна было откровенно опасно. Сработать-то она сработает, только чародей, в отличие от простых смертных, с некоторой вероятностью способен почувствовать что подвергся воздействию колдовства, когда оно спадет. Это было нечто сродни аллергической реакции на раздражитель, которая

могла проявиться, а могла и нет. Риск был минимален, но он все же существовал, и не в положении Сирелины идти на него без острой необходимости. А еще ей заведомо неизвестно назначение висевших на шее мужчин амулетов, вряд ли являвшихся простыми побрякушками. Ну как это защитные обереги, носимые как раз на такой случай? Нет уж, если лазутчица не желает собственноручно поставить крест на реализации всех планов, ей стоит по возможности воздержаться от любых повышающих шанс ее разоблачения действий.

Позади Сирелины послышался тихий писк. Оторвавшись от созерцания алхимиков, она невольно обернулась. Где-то в темноте, в самой глубине склада копошились крысы. Чародейка была не из тех женщин, которые при появлении хвостатого грызуна взлетают на ближайшую табуретку и истошно верещат что есть мочи, но этих зверушек она тоже не особо жаловала. Как ни крути, а неприятное соседство.

— Вас мне тут только не хватало, — беззвучно прошептала Сирелина, искренне надеясь, что осмелевшие грызуны не явятся свести с ней более близкое знакомство.

Внезапно сверкнувшая в голове мысль показалась просто очевидной, и стоило подивиться как она раньше не пришла на ум.

— Ха. А вас-то мне действительно и не хватало, — вновь прошептала прищурившаяся чародейка.

Продолжая переговариваться, алхимики неспешно занимались своим делом, как вдруг раздавшийся за их спинами характерный звук неприятно резанул слух. Обернувшись, мужчины увидели в проходе между столами жирную серую крысу, нахально поблескивавшую на них маленькими черными глазками.

— Это где это ты так отожралась, тварь?! — злобно воскликнул бородатый, застыв с приподнятыми руками.

Огласив своды площадной бранью, плешивый швырнул в упитанную живность какой-то подвернувшийся под руку предмет. Грохнувшись об пол, тот прокатился мимо легко уклонившейся и ничуть не пострадавшей цели. Крыса отбежала немного назад и снова остановилась. Бородатый, недобро улыбаясь, потянул в ее направлении руку, явно собираясь попотчевать гостью соответствующим заклинанием. Почуяв неладное, грызун быстро переместился к опоре ближайшего стола и укрылся за ней, оставив колдуна любоваться своим торчащим длинным хвостом. Прошипев ругательство, бородатый громко топнул ногой, но был совершенно проигнорирован.

— Хиль, пугани ее ко мне. Сейчас она свое получит, — раздраженно сказал Алепид, окончательно бросая свое занятие.

Плешивый с готовностью ринулся исполнять столь любезное его сердцу поручение. Завидев приближавшегося человека, зверюга выскочила из своего убежища и побежала через проход к вящей радости бородатого. Однако радовался тот преждевременно. Он даже начал колдовскую речь, как вдруг крыса с разбегу сиганула прямо на стол и замелькала между разобранными шарами.
— Э! Куда?! — возопил Алепид и ринулся вслед за распоясавшимся вредителем.
— Сферы! Не задень сферы! — испуганно взвыл плешивый, присоединяясь к погоне.
Своды комнаты наполнились топотом ног и отборной руганью. Заходившиеся от злости и боязни за ценный груз алхимики наперегонки носились за прыгавшей по столам увертливой гадиной и позабыли обо всем на свете. А кое-кто только этого и дожидался. Скользнув под аркой, Сирелина бесшумно миновала центральное помещение и удалилась в ведущий к выходу коридор, оставив их развлекаться в свое удовольствие. За судьбу крысы она не переживала. Весьма натуральная иллюзия, пометавшись и не давая ни малейшего шанса себя прибить, вскоре ловко удерет в коридор и бесследно растворится в темноте.

По итогам прошедших суток с наслаждением завалившаяся спать утомленная чародейка действительно могла собой гордиться. Она проникла практически в святая святых и остановилась буквально в двух шагах от томившихся там пленников. Последних нечего было и надеяться отбить от охраны во время прогулки. Даже если каким-то образом Сирелине удастся нейтрализовать многочисленных сопровождающих, вследствие неминуемо поднятой тревоги сбежится такая вооруженная толпа, с которой в лучшем случае сумеет сладить разве что армия. Из расположенных в прямой близости от дворцового комплекса казарм тут же явится гвардейский полк и окружит внешние стены так, что перебраться через них можно будет только вперед ногами, и то после предварительного опознания. Другой направится непосредственно внутрь и присоединится к неотлучно пребывающим там подразделениям дворцовой стражи. Разумеется все это не задумывалось специально для Сирелины. Ханский дворец, как сердце Железных земель, находился под неусыпной охраной, и любая силовая операция в нем заведомо была обречена на провал. К тому же хранителей никогда не выводили всех вместе, поэтому попытавшись отбить одного из них можно было попрощаться с надеждами вызволить остальных. Нет, чародейка вытащит нирелинцев непосредственно из подземелья, осторожно и без шума. Она, правда, еще понятия не имела как, но в конечном успехе даже не сомневалась,

ибо не для того забралась так далеко, чтобы под самый конец бессильно отступить перед трудностями. И когда клетка опустеет, ад-Сейдин еще долго будет вспоминать ее недобрым словом.

– 11 –

Кристальный каскад подчинялся своим законам, и его нельзя было задействовать исключительно по собственному желанию, даже если это желание исходило от такого могущественного повелителя как хан Гийюр. Он восполнял свою энергию из того же слоя ткани мироздания, с которым взаимодействовали и рожденные с таким даром чародеи. Сильный колдун мог несколько ускорить этот процесс, но все же никак не перезарядить тончайший комплекс одним лишь щелчком пальцев. Обращение к нему конкретного человека требовало продолжительной подготовки, серьезно зависящей от того вопроса, который предполагалось задать. Количество же дело не решало. Возводить Каскады в непосредственной близости друг от друга не допускалось, поскольку они начинали создавать серьезные взаимные помехи, но даже если бы такое было возможно, то для одного и того же индивидуума являлось совершенно бесполезным. Единовременно он мог обращаться только к одному Кристальному каскаду, предварительно связав себя с ним невидимыми узами. Перевязать такие узы было, разумеется, осуществимо, но весьма непросто, и имело смысл лишь при наличии действительно веских причин. Впрочем, сами по себе Каскады уже представляли собой большую редкость, поскольку при их создании использовались невероятно дефицитные компоненты.

Все это Дегонис в свое время довел до сведения ад-Сейдина, когда тот настойчиво интересовался отчего ему подолгу приходится ждать подходящей возможности. Довел, разумеется, в общих чертах, стараясь не прибегать к заумным разъяснениям, которых хан Гийюр все равно бы не понял. В итоге они остановились на том, что повелитель заранее ставит в известность колдуна о своем желании, а тот готовит все необходимое и сообщает подходящее время. Ад-Сейдин Каскадом не злоупотреблял. Он изредка обращался к нему лишь по действительно важным для него вопросам, в остальном предпочитая вершить свою судьбу самостоятельно. Подход, в общем-то, вполне разумный, поскольку колдовской инструмент, в силу специфики области предсказаний, вполне мог не навести ясность, а еще больше запутать. Последний раз хан воспользовался им перед самым началом кампании. Открывшееся ему тогда видение окончательно определило планы властелина Железных земель касательно тайны далекого оазиса в песках Ка-

лихари. Теперь же, когда производство Липкого огня перекочевало в его собственные подземелья, хан пожелал вновь обратиться к Кристальному каскаду с прежним вопросом, дабы убедиться в отсутствии судьбоносных препятствий для воплощения своих замыслов.

Завершив все необходимые приготовления, Дегонис облегченно вздохнул. Последние месяцы у него хватало забот ввиду появления в Нижних подземельях определенных изменений. Предпочитая не распыляться на все дела сразу, дабы избежать снижения эффективности работ, он концентрировался на тех задачах, которые без его прямого участия было выполнить невозможно. Остальные же распределял между помощниками. Последних у него хватало, хотя Дегонис предпочел бы изменить подчиненный ему штат. Здесь, правда, была одна загвоздка. Численность увеличить легко, а вот качественный уровень — куда сложнее. Бестолковые алхимики ему не нужны, но даже хороший специалист мог банально не подойти, если не владел колдовским даром. Дегонис, к сожалению, сам не мог принять прямого участия в поиске кандидатур, но вверил это важное поручение своему ученику Баратису. Этот колдун был его правой рукой и прямым заместителем Дегониса. К сожалению, он часто бывал в отлучке, сопровождая ад-Сейдина во время различных поездок, а посему не мог помогать учителю в Нижних подземельях. С другой стороны, именно такие поездки и помогали Баратису подыскивать нужных людей. Вот и сейчас он находился в отъезде, сопровождая хана Гийюра. Как жаль, что нельзя присутствовать в двух местах сразу. Ладно, вскоре Баратис должен как минимум ненадолго вернуться, ибо когда повелитель получит весточку о готовности Кристального каскада, то непременно заглянет во дворец перед продолжением кампании. И выполнив запросы хана, Дегонис успеет обсудить с учеником все накопившиеся вопросы, заодно снабдив его инструкциями. Кстати о запросах: следовало проверить как идут дела с изготовлением очередной партии Липкого огня.

О своем появлении Дегонис никогда не предупреждал. Поэтому когда он объявился в новой мастерской, переделанной под нужды хана Гийюра, его визит обернулся полной неожиданностью. Впрочем, не только для находившихся внутри, но и для самого колдуна тоже. Переступив порог, Дегонис окинул взглядом просторный зал и не обнаружил в нем никого из подчиненных. Вместо них там пребывало трое хранителей. При виде фигуры в черном, до пят, балахоне, старший хранитель двинулся ей навстречу.

— По нашему уговору мы работаем без посторонних глаз, — сказал

ан-Бакир, приблизившись к колдуну. — Мы вас не ждали.
— Сожалею о доставленном неудобстве, — ответил Дегонис. — Дверь была открыта, я предполагал застать здесь алхимиков.
— Мы несколько изменили график, — пояснил шейх. — Один из наших немного приболел. Мы решили освободить его от обязанностей, но втроем нам надо больше времени.
— Приболел? Как давно? Надеюсь, ничего серьезного? — обеспокоился Дегонис, до этого не выражавший ровным счетом никаких эмоций.
— Второй день. Обычная простуда. Должно быть, просто просквозило, он скоро поправится, — пояснил шейх. — Я полагал, все согласовано, господин Распорядитель.
Имени человека в черном балахоне ан-Бакир не знал, однако его отличительной чертой был неизменно надвинутый на лицо капюшон. Похоже, он никогда не снимал его при посторонних. А может и при своих тоже, ибо хранители ни разу не видели что под ним скрывается даже мельком, когда случайно оказывались в обществе кого-то из здешних обитателей. Впрочем, они вообще нечасто его видели, а при первом знакомстве этот сомнительный тип не представился, пожелав чтобы его называли "господин Распорядитель". Шейх не знал к чему именно понадобилась такая секретность, но этому вечно задрапированному типу видимо действительно было что скрывать, раз остальные особо не таились.
— Я должен взглянуть на него, — сказал Дегонис. — Прошу меня проводить во избежание каких-нибудь дополнительных недоразумений.
— Уверяю, в этом нет ни малейшей необходимости, — заверил ан-Бакир. — Если вы знахарь, то у него уже был кто-то из ваших и…
— Не важно кто я, но взглянуть я обязан, — перебил Дегонис негромко, но не допускающим возражения тоном. — Ваши жизни для меня представляют куда больший интерес, чем для вас самих, поэтому и взгляд у нас на них различен. Надеюсь, мы друг друга понимаем.
— Хорошо, если вы настаиваете, — пожал плечами ан-Бакир. — Прошу следовать за мной.
Судя по спокойствию старика, он, похоже, ничего не скрывал. У Дегониса появился ряд вопросов к ответственному за работу алхимиков помощнику, но с шейхом он решил в диалог не вступать. Чем меньше посторонние знают о Нижних подземельях, хоть и обитают здесь в силу необходимости — тем лучше. Оставив в зале двух хранителей, колдун и старик углубились в сеть примыкающих к нему коридоров.

В одной из четырех небольших комнат действительно обна-

ружился лежавший на постели нирелинец. При виде вошедших он отложил в сторону книгу и вопросительно глянул на шейха.
— Мы просто пришли узнать о твоем здоровье, Юсуф, — сказал шейх, ибо это, видимо, действительно было правдой.
— Я в порядке, — в нос отозвался его сын.
Он был самым молодым из хранителей родовой тайны, в отличие от собственного девяностолетнего отца и двух других лиц более преклонного возраста. Взяв с прикроватного столика платок, Юсуф гулко высморкался, покраснев от натуги. Постукивая окованным посохом с каким-то странным набалдашником, человек в капюшоне приблизился к больному.
— Вам стоило бы поберечь себя, — промолвил он, остановившись у самой постели. — Так сморкаться опасно, может пойти носом кровь. Разве вам не дали подходящее снадобье?
— Что-то дали, но оно быстро кончилось, — отозвался Юсуф, указывая пальцем на столик, где помимо прочего виднелась пузатая пустая склянка.
— Ясно, — нахмурился Дегонис, чего больной, разумеется, из-за надвинутого капюшона видеть никак не мог. — Какие-нибудь другие средства вам оставили?
Юсуф красноречиво ткнул в два соседних флакона с какой-то микстурой и порошком. Колдун поочередно взял их и внимательно изучил. Неопределенно хмыкнув, он поставил посудины обратно и вновь обернулся к лежавшему.
— Мне нужно осмотреть вас, — сказал он. — Вставать не обязательно, достаточно откинуть одеяло и расстегнуть одежду выше пояса.
— Вы лекарь? — в свою очередь поинтересовался больной.
— Лучше, — с усмешкой ответил Дегонис. — Порой я могу помочь даже тогда, когда они бессильны.
Откинув одеяло и привстав на постели, Юсуф снял рубаху и перекинул ее через спинку стоявшего подле кровати стула, а затем улегся обратно на подушку. Отложив посох и усевшись на этот самый стул, колдун протянул ладони над сухопарым телом и осторожно коснулся кожи в районе солнечного сплетения. Его руки были довольно холодными, отчего пациент невольно поежился.
— Лежите смирно, и не двигайтесь, — предупредил Дегонис. — Это абсолютно безопасно, но если вы будете шевелиться, то мне придется начинать сначала.
Юсуф не успел спросить с чего бы это ему елозить по постели, как вдруг пришелец заговорил низким глубоким голосом на совершенно непонятном языке. Говорил он вроде бы негромко, но каждое слово будто эхом отдавалось под сводами подземной комнаты, ре-

зонируя с камнями и наполняя пространство непрерывным гулом звуков. Хранители в силу своей осведомленности и необразованности одновременно предположили, что это колдовское наречие. Осведомленности — ибо им иногда доводилось его слыхать; необразованности — ни тот ни другой не в состоянии были заметить разницу. А вот будь на их месте Сирелина, она бы сразу распознала отличия. В своей исходной форме пришелец действительно вещал колдовскую речь, но воплощение ее отличалось от того, что обычно использовали чародейки. Было в ней нечто куда более мрачное, жесткое и неуловимо злое, как в обеденных блюдах, вместо просторной гостиной накрытых в затхлом склепе. Отблеск черных свечей заменяет чистый дневной свет, а в глубине приготовленного угощения сокрыта толика смертоносной отравы. Одна и та же пища — и столь разный антураж…

На руках колдуна неожиданно проступили какие-то светившиеся красным символы. Ни Юсуф, ни его отец понятия не имели что они означали, но их вид производил достаточно зловещее впечатление. Символы разгорались все сильнее, будто лава в ширящемся разломе, и больной то ли в силу разыгравшегося воображения, то ли на самом деле почувствовал, как от ладоней пришельца стал исходить постепенно усиливающийся жар. Продолжая говорить, колдун принялся медленно водить ими вдоль тела лежавшего человека, не отнимая, но и не надавливая. Странные знаки проступили еще заметнее, напоминая выжженные клейма. Испускаемое свечение выглядело так, словно руки колдуна являлись всего лишь оболочкой какого-то мистического фонаря, где через вырезы в оболочке из человеческой кожи все отчетливее вырывался невиданный прежде неземной огонь.

Жар отчетливо усилился. Если прежде Юсуфу казалось, что ему просто мерещится, то теперь он откровенно начинал побаиваться сумеет ли стерпеть проводимую процедуру. Он старался лежать смирно, и памятуя о предупреждении, и откровенно побаиваясь того, кто лекарем явно не являлся. Только вот не знал как долго хватит у него выдержки, ибо, кажется, свечение теперь исходило не только от знаков на руках, но показалось и из-под капюшона посетителя. Когда Юсуф уже откровенно струхнул, колдун вдруг отнял ладони от тела больного. Красный огонь исчез, а руки человека в черном приняли самый обыкновенный вид, отличаясь разве что излишней бледностью.

— Ничего страшного, это действительно обычная простуда, — заключил, вставая со стула, Дегонис. — Подвластный мне огонь прогрел вас изнутри, и теперь вам полегчает. Полагаю, уже завтра вы будете совершенно здоровы, но я советую до послезавтра все же

оставаться в постели. Вы слишком ценны для того, чтобы я позволил рисковать вашим здоровьем.
Взяв прислоненный посох и стянув рубашку со спинки освободившегося стула, колдун любезно протянул ее пациенту. Раздавшийся негромкий стук возвестил о том, что он случайно смахнул на пол какой-то небольшой предмет, который, миновав расстеленный у кровати ковер, откатился куда-то в сторонку. Машинально поискав глазами в нужном направлении, Дегонис заметил небольшой камешек.
— Прошу прощения, кажется, я что-то уронил, — сказал он. — Должно быть, выпало у вас из кармана.
— Я подниму, — быстро сказал шейх.
— Ну что вы, — усмехнулся колдун. — Я могу и сам.
Сделав короткое движение запястьем, он что-то прошептал и обратил пальцы к оброненному предмету. Камень, взмыв в воздух, скользнул к нему прямо в руку.
— Что это? Какой-нибудь талисман? — спросил Дегонис. — Насколько мне известно, вам разрешены только личные вещи.
— Это и есть личная вещь, — пояснил ан-Бакир. — Этот камешек — из Нирелина. Напоминание о нашем родном доме.
— Вот как? — неопределенно изрек колдун.
Его рука, протянутая было к одевавшему рубашку Юсуфу, почему-то остановилась. Поднеся камень поближе к лицу, Дегонис неторопливо покрутил его в пальцах, словно рассматривая и так и сяк. Затем ненадолго сжал его в кулаке, а после снова немного покрутил.
— Могу я забрать его назад? — обеспокоенно спросил больной, закончив возиться с одеждой. — Мне разрешили иметь его при себе.
— Что? А, да-да, конечно, — сказал встрепенувшийся колдун.
Снова протянув руку, он вложил камешек в подставленную ладонь больного.
— Из Нирелина, говорите? — задумчиво переспросил он.
— Да, — кивнул Юсуф. — В свете всего произошедшего эта маленькая частичка родных краев мне очень дорога.
— Не потеряйте, — неожиданно приветливо сказал Дегонис. — Такая память — очень важная вещь. Она связывает нас с нашими близкими. С теми, о ком мы думаем, и кто тоже думает о нас.
Юсуф, ожидавший услышать нечто совсем другое, удивленно переглянулся с отцом. Убрав камешек обратно в маленький нагрудный карман рубашки, он тщательно застегнул его на пуговицу, пробормотав слова благодарности.
— Что ж, не буду более беспокоить, — заключил колдун, отходя от постели. — Полагаю, одному из вас следует отдохнуть, а другому —

продолжить заниматься делом. Я распоряжусь, чтобы сюда принесли подходящую настойку. Она полностью снимет все симптомы и позволит хорошенько выспаться. Не провожайте меня, я знаю где выход.

Со своим помощником он так любезен уже не был. Еще по тону непосредственного шефа голубоглазый рыжий мужчина лет пятидесяти с немного всклокоченной бородой и следами оспы на лице понял, что тот чем-то весьма недоволен. Проследовав за Дегонисом в его личные покои, он остановился подле висевшего на стене огромного атласа звездного неба, слева и справа от которого как часовые вытянулись в своих стеклянных саркофагах препарированные мумии. Старший колдун не присел и предлагать это помощнику тоже явно не торопился. Переминаясь с ноги на ногу, рыжебородый, неловко ждал начала разговора, гадая, о чем бы тот мог пойти.

— Почему изменили распорядок работ с Липким огнем? — спросил вдруг Дегонис, глядя куда-то в мерцавший звездами атлас.

Стоя рядом с чудотворным изделием могло показаться, что стены, на которой он висел, не существовало вовсе, а комната граничила напрямую с космической бездной, в глубине которой светились огоньки далеких светил.

— Это произошло лишь накануне. Совсем пустяковая причина, волноваться не о чем. График согласовали с хранителями, и он никак не повлиял бы на конечные сроки, — пояснил помощник не без явного облегчения.

— Да ну? — холодно произнес старший колдун. — Такая же пустяковая, как и болезнь одного из хранителей? Почему мне никто не доложил?

— Так самая обычная простуда, — развел руками помощник. — Больному прописали настойки, а как раз из-за этого и изменили продолжительность работ. Я решил не беспокоить тебя понапрасну, отвлекая от куда более важных вещей. Все знают, что ты готовишься к прибытию повелителя.

— Все, ты слышишь, Пириаст, — ВСЕ! что связано с хранителями — это не пустяки и не напрасное беспокойство! — повысил голос Дегонис. — Так что живо говори мне как долго у одного из них камень из Нирелина и откуда он взялся, или я найду для тебя в этих подземельях другое применение. Особенно если ты сейчас мне скажешь что понятия не имеешь о чем речь!

— Камень? — переспросил оробевший рыжебородый. — Недели три. Хранители объяснили, что это просто напоминание о родном доме и попросили позволения держать его при себе. Я не нашел в их просьбе ничего предосудительного и разрешил им.

— Им?! — изумился не самым добрым голосом Дегонис, поворачиваясь к помощнику. — Так он что, еще и не один?!
— У них у каждого по такому, — пролепетал не на шутку испугавшийся Пириаст, еще не понимая, отчего разгневался старший колдун, но уже нутром чуя что все это не к добру. — Со дня рождения той девчонки. Самые обычные камни из оазиса, что тут особенного?
— Что особенного? — недобро усмехнулся Дегонис. — Тогда может быть ты мне и объяснишь почему столь драгоценный сердцам хранителей памятный камень из Нирелина взят здесь, во дворцовом парке?
— Чего? — невольно изумился помощник. — Откуда ты это знаешь? На нем же не написано.
— Сомневаюсь, что в этом всеми забытом оазисе вдруг нашлась та же порода, которую привезли сюда из наших дальних рудников для украшения дворца ад-Сейдина. На вид действительно отличить трудно, да только мне она хорошо знакома! Я выбрал ее неспроста и лично зачаровывал для повелителя и его супруги, дабы усладить их взор сиянием обрамленных дорожек и фонтанов при лунном свете! — гневно заявил Дегонис. — Допустим, в оазисе тоже встречается эта порода. Допустим, ее когда-то туда привезли в виде блоков или еще черти знает чего, что еще хоть как-то вероятно. Только объясни мне, каким образом мои собственные чары попали на камень из Нирелина, если в этом месте я отродясь не бывал?!
— Ты в этом уверен? В происхождении камней? — раскрыл рот Пириаст.
— Я не возился с каждым осколком по отдельности, поэтому на них нет моей метки. Я зачаровывал глыбы целиком. Но уж свое-то колдовство я почувствую, особенно если мои руки только что им наполнялись, — едко заверил помощника старший колдун.
— Но ведь ерунда получается! — вскинул руки Пириаст. — На кой тогда хранителям эта бесполезная хреновина, если она отнюдь не из их дома?!
— А вот это, кретин, мы и должны выяснить, — раздраженно заявил Дегонис. — И советую тебе сейчас же поведать мне все и во всех подробностях, не упуская мельчайших деталей, иначе тебе очень не понравится в том месте, куда я тебя определю на новое назначение.

* * *

К середине июня Сирелина настолько преуспела в своих изы-

сканиях, что чувствовала себя в запретной части дворца едва ли не по-хозяйски. В результате чего, кстати, даже старалась себя лишний раз сдерживать, ибо из-за растущей уверенности в собственных силах росла и вероятность их излишне переоценить. А попасться из-за собственной самонадеянности когда свобода для нирелинцев становилась уже вопросом времени было бы крайне прискорбно. Да, в Нижних подземельях следовало держать ухо востро, ибо они оказались просто напичканы защитными механизмами, да и их обитатели были не лыком шиты. Однако настоящий лабиринт коридоров и комнат самого разного размера позволял незаметно и успешно лавировать, пробираясь куда нужно, чего было бы просто невозможно осуществить носи эти скрытые от всех глаз помещения линейный характер. Правда сами помещения вызывали все больше вопросов, начиная от оборудования и заканчивая попадавшимися на глаза компонентами. Даже полный идиот, натыкаясь на части тел животных и людей, заподозрил бы неладное. А Сирелина была чародейкой, и встречавшиеся в склянках и на стендах целые и разрезанные органы говорили ей о многом. И если к мумиям она еще как-то привыкла, ибо даже многие дремучие лекари использовали получаемый из них порошок в медицинских целях, то настоящие трупы окончательно разбивали у нее какие-либо иллюзии. Чем бы ни занималась обитавшая в этом месте сомнительная компания, публично ей об этом лучше не распространятся, поскольку за такие дела во всем хоть как-то цивилизованном мире грозило весьма суровое наказание. А уж мыслишки насчет предводителя сей весьма неприглядной братии окончательно убедили Сирелину, что здесь заправляет известный ее сестрам черный колдун Дегонис. Испугало ли это чародейку? Нет, скорее прибавило нездорового азарта в желании утереть нос не только хану, но и его тайному приспешнику, о котором шла очень недобрая слава некроманта и демонолога. Кроме того, по здравому размышлению Сирелину сделанные открытия не только не остановили, но очень даже ей помогли. Не в прямом, конечно, смысле, а косвенно.

Рассуждала она так: каким образом в Нижние подземелья попадает вся эта кошмарная атрибутика? Сферы Липкого огня с типовыми алхимическими ингредиентами можно доставлять и при помощи гвардейцев, что, собственно, и происходило. Но возить туда-сюда трупы?!. Хан Гийюр при всей его несомненной самоуверенности еще не спятил, дабы таскать в свой дворец подобный груз, рискуя засветить его на людях. Кому охота вместо могущественного и действительно уважаемого правителя прослыть в глазах собственных подданных, включая преданную армию, свя-

тотатцем и гробокопателем? Чародейка была почти уверена, что сам ад-Сейдин к делишкам черных колдунов руку не прикладывал и вряд ли лично поставлял им требуемый товар через главные ворота. Наиболее вероятно, хан и обитатели этого зловещего места заключили некое негласное соглашение, по которому в обмен на лояльность и удовлетворение всех его запросов повелитель закрывает глаза на подозрительную колдовскую практику. Для типа вроде Дегониса подобное прикрытие оказалось бы почти идеальным. Получить в свое распоряжение надежное логово и возможность использовать ресурсы такого могущественного повелителя как Гийюр ад-Сейдин для пополнения собственных — весьма соблазнительный вариант. Но тела и прочие неприглядные ингредиенты для своих обрядов и опытов он, видимо, доставал все же сам, как максимум пользуясь охранными грамотами. Только как это зловещее добро попадало во дворец? Ответ напрашивался сам: из Нижних подземелий существовал тайный выход где-то за пределами дворца. И Сирелина, вооруженная этой догадкой, какое-то время сконцентрировалась на его поиске, справедливо полагая, что сейчас это важнее всего. Ведь если ее соображения верны, то пленникам до свободы будет рукой подать.

Предполагаемый тоннель чародейка действительно нашла. Протянувшись за пределы дворцовых стен и окружавшего их канала, он выводил в расположенную неподалеку часть города, заканчиваясь замаскированной дверью во дворе одного из ничем не примечательных домиков. Нельзя сказать что обнаружить его лазутчице оказалось проще простого, а уж использовать и тем более, но потрясающий успех был налицо, и этот успех едва не вскружил ей голову. Настолько, что она даже стала подумывать: а не подкараулить ли самого ад-Сейдина, когда тот вернется во дворец и наверняка захочет наведаться в Нижние подземелья дабы проведать как обстоят дела у придворных колдунов. Идея, безусловно, соблазнительная: приставить хану клинок к горлу и потребовать выполнения своих условий, но при таком раскладе проще всего было бы совершить самое обыкновенное убийство. Только вот хладнокровное лишение жизни все-таки не то же самое, что уничтожение противника в бою или в порядке самообороны. Кроме того, проникнуть в личные покои хана, наверняка соединявшиеся с общей сетью тайных ходов, пока не получалось. Их явно защищало запирающее колдовство, к которому еще надо было подобрать своеобразный ключ. Отпереть простой замок или скинуть засов по ту сторону двери для такой умелицы как Сирелина проблемой не являлось, но только если эти запоры не были зачарованы сильным колдуном. Очень сильным, судя по тому, как она раз за разом тер-

пела неудачу. А устроить засаду на ад-Сейдина где-нибудь за углом… Соблазнительно, очень соблазнительно — одним махом покончить с войной, несущей множество жертв, а под шумок освободить пленников. Только произойдет ли сие на самом деле? Не погрузятся ли Железные земли со всеми присоединенными к ним владениями в пучину кровавых междоусобиц? И действительно ли удастся спасти нирелинцев до того, как поступит, что не исключено, резервный приказ их уничтожить? Продолжая вести необходимые приготовления, лазутчица терзалась множеством сомнений, тщательно взвешивая все за и против, и стараясь не позволять эмоциям и сиюминутным настроениям влиять на конечный план.

Открытие прохода за пределы дворца позволило чародейке наконец-то выбраться обратно в город. Дом за высоким забором, из-за которого виднелись густо теснившиеся деревья, разумеется охранялся. Дабы не привлекать ненужное внимание, гвардейцы всегда находились внутри и на улице не показывались, сменяясь раз в неделю и отнюдь не при параде. Только для Сирелины их присутствие слишком большой помехой не являлось. Конечно, приходилось соблюдать известную осторожность и иной раз подолгу сидеть в укрытии как мышь в кухонной утвари, ожидая благоприятного момента, но рано или поздно этот момент всегда наступал. Поэтому чародейка получила долгожданную возможность проникать в дворцовый комплекс и покидать его по собственному усмотрению, и это был несомненный, потрясающий успех. Злоупотреблять им, конечно, не стоило, поскольку с каждым рейсом увеличивались и шансы попасться или обозначить свое присутствие, а посему Сирелина ограничивала такие вылазки лишь самым необходимым. В частности, пополнить припасы для исполнения грядущих планов и как следует поколдовать, чего внутри дворцовых стен делать явно не желательно. Помимо прочего она отправила и небольшую весточку сестрам, исполняя свой долг перед орденом. В ней Сирелина коротко сообщала о личностях черных колдунов, роде их предполагаемых занятий и месте обитания.

Не забывала чародейка и про Илю. С первой же вылазки она притащила девочке целый ворох учебников, купленных в книжных лавках Солтенстила. Раз уж любознательная ученица очень быстро усваивала новую информацию, а точная дата побега до сих пор не была известна, Сирелина предпочла обеспечить ее про запас. Быстро развивавшийся юный ум требовал постоянной подпитки и чародейка, как могла, занималась с девочкой разными науками, превратив убежище на чердаке в подобие университетской комнаты. Используя подручные материалы и умеренно применяя чары она даже умудрилась соорудить несколько вполне

приличных стендов и макетов, начертить множество карт и обеспечить воспитанницу необходимыми ученическими инструментами. Конечно результат не шел ни в какое сравнение с тем, что Илиана могла получить в обители, но на первое время очень даже сойдет, и Сирелина вполне заслуженно гордилась проделанной работой. Ведь ей она посвящала все свободные часы, не занятые общением с ребенком и беготней по тайным переходам под носом у ханской стражи и черных колдунов. За все прошедшее время чародейка окончательно привязалась к одаренной девочке, и намерение забрать ее в орден из желания превратилось в нечто само собой разумеющееся. Тем более что Иля тоже все больше хотела оказаться в этом замечательном месте, дабы начать постигать все его чудесные тайны.

В один прекрасный вечер Сирелина вновь собралась в город. Решающий час близился, и ей следовало забрать кое-что из дома, а так же подготовить пути к отступлению. Ведь Солтенстил наверняка будет перекрыт, едва о побеге пленников станет известно, поэтому их действия должны быть хронометрически точны и даже малейшая задержка недопустима. Иллюзий Сирелина не строила: Липкий огонь для хана слишком важен, и он перетряхнет всю столицу до основания, несмотря на ее огромный размер, подключив и армию и колдунов. Следует покинуть ее еще до того, как объявят тревогу, и ворота окажутся наглухо заблокированы. Фактически, перед чародейкой на повестке дня теперь оставалось лишь два пункта: известить хранителей о дате и часе побега и решить вопрос с заложниками в Нирелине, без которого они и шагу не сделают. С первым все выглядело не так уж и сложно.

— Запомни, Иля, — наставительным тоном сказала Сирелина. — Передай все дедушке Арбаху слово в слово, как только тебе доведется с ним увидеться. В три часа ночи, ровно через пять дней после вашего свидания. Если по каким-то причинам я за ними не приду, то пусть будут готовы к этому же часу каждые три дня.

— А тетя Далина? — кивнув, спросила девочка.

— Я сама с ней переговорю, как вернусь из города. До поры ей по-прежнему лучше ничего не знать, — пояснила чародейка. — Она, несомненно, хорошая женщина, но может случайно нас чем-нибудь выдать.

— А почему ты сама не поговоришь с дедушкой Арбахом, если уже знаешь где они находятся и как их оттуда вывести? — немного подумав, задала Иля довольно естественный вопрос.

— Как бы тебе понятнее объяснить… — произнесла Сирелина, потерев пальцами висок. — Есть такие места, где я не могу пройти не наследив. А если о моем посещении станет известно, то ничем

хорошим это не кончится. Но когда мы побежим, то мосты, что называется, все равно будут сожжены, и станет совершенно не важно что обнаружат уже после нашего исчезновения. Поэтому я приду в комнаты хранителей лишь в час их освобождения.
— Понятно, — кивнула Иля. — А если дедушка Арбах откажется? Ведь он боится за тех, кто остался в Нирелине.

Да, это был второй пункт означенной повестки дня, и пункт весьма непростой. Тем не менее, чародейка придумала, как можно попробовать выкрутиться. Как только вскроется бегство хранителей и заложников, ад-Сейдин наверняка отправит приказ гарнизону в оазисе. Велит ли он перебить всех жителей до единого или что еще — кто его знает, но весть он пошлет почти наверняка. Именно это и было уязвимым местом всей затеи с побегом, но именно его чародейка, как следует пораскинув мозгами, и решила использовать против самого хана. Едва Сирелина вывезет хранителей и заложников из города, она покинет их в условленной точке, направив в заранее приготовленное укрытие. Сама же во весь дух помчится в Нирелин. Там, держась ввиду оазиса, обождет ханского гонца. У него наверняка будет самая незначительная свита, ибо с крупным вооруженным отрядом ему придется добираться несравнимо дольше. С небольшой группой заблаговременно подготовленная чародейка справится без особых хлопот. Заполучив же свиток с подлинной ханской печатью она легко переделает текст приказа. Со временем подделка вскроется, но какая разница что будет потом? Собственноручно подделанный ей приказ велит гарнизону незамедлительно оставить Нирелин, не причиняя ни малейшего вреда его жителям, и выдвинуться к Аяз Молу. А едва солдаты скроются из виду, как Сирелина сама объявится в оазисе и организует его полную эвакуацию восточным путем, откуда направит всех жителей в безопасные северные земли. После этого она спокойно вернется в укрытие, где шейх и компания будут дожидаться ее возвращения, и заберет их с собой на воссоединение со всеми остальными.

Была, правда, в этом лихом плане и пара щекотливых особенностей, но чародейка рассчитывала решить их по ходу развития событий. Если она обезвредит вестового и сопровождение, то кто передаст приказ начальнику гарнизона? А перехватить их заранее, усыпить и незаметно изменить текст сообщения представлялось куда менее возможным из-за непредсказуемого пути следования. Стало быть, надежнее всего именно обезвредить, но тогда Сирелине понадобится чья-то помощь, ибо чарам изменения облика в таком серьезном и продолжительном случае большой веры не было. Что ж, какой-то переодетый мужчина сыграет роль гонца, а

какой именно — не важно. Чародейка за все время странствий по южным землям обзавелась несколькими подходящими знакомствами, и за хорошую плату к одному из них вполне можно будет прибегнуть. Особенно из тех, что более-менее по пути. Хотя, конечно, стоило скрестить пальцы, дабы эта затея с подставным лицом не дала какую-нибудь осечку. Да и весь план тоже.

Собственно, именно поэтому Сирелине и надо было отлучиться в город: не только организовать путь бегства, но и обеспечить надлежащее убежище на все время пребывания в нем хранителей, Илианы и Далины.

— Передай дедушке Арбаху, что я все придумала, — сообщила в итоге чародейка ожидавшей ее ответа девочке. — Объяснять было бы очень долго и опасно, поскольку несколько фраз потихоньку ты вполне можешь ему сказать, но никак не излагать целый план. Я даю ему слово — так и передай. Он должен довериться мне. Ты ведь мне доверяешь?

— Конечно! — горячо воскликнула Иля.

— А он верит тебе, — с улыбкой констатировала Сирелина. — Так что передай ему заверения от нас обоих.

— Ты скоро вернешься? — спросила Иля.

— На этот раз мне придется немного задержаться, но я постараюсь обернуться побыстрее, — сообщила чародейка, быстро прикинув в уме возможные сроки. — Полагаю, пять-шесть дней. Может, чуть больше.

— Я очень буду тебя ждать, — сказала девочка, повиснув на шее любимой учительницы. — А когда ты вернешься, я расскажу тебе о том, чему научилась.

Никто из них не знал, что в назначенный срок им увидеться не суждено, иначе бы Сирелина попросила воспитанницу поведать все сейчас. Впрочем, откуда ж ей было догадаться, что набравшаяся смелости Илиана наконец-то собирается поделиться с ней совсем не тем, о чем чародейка могла подумать.

* * *

Пройдя привычной дорогой, Сирелина свернула в знакомый переулок и легким шагом направилась прямиком к своему дому. Тихий район и удачно созданный образ одинокой, пребывающей в печали по своей утрате вдовы позволяли ей вести уединенный образ жизни и подолгу отсутствовать, не привлекая внимания соседей. Те ведь вполне способны доставить невообразимые хлопоты, чреватые для чародейки и лазутчицы в одном лице крайне неприятными последствия, причем отнюдь не из злых побуждений. Ведь

стоит какой-нибудь излишне заботливой кумушке некстати нагрянуть в оставленное на какое-то время жилище, как его тайны тут же станут достоянием общественности. А так Сирелина вполне могла месяц-другой находиться в отъезде и особо не беспокоиться о находившихся без присмотра вещах. Правда в дом могли забраться и воры, но для них чародейка заботливо приготовила соответствующий прием. Конечно наиболее ценные предметы она постаралась надежно спрятать, но кое-что, хочешь не хочешь, приходилось оставить и на виду. В том числе заметные признаки применения колдовства, иначе как набраться лунного света, необходимого для завершения зачарования, если не будет прямой видимости с небом? Да и по мелочи набегало…

Заходящее солнце окрашивало постепенно затихавший город золотым багрянцем, подсвечивая плывущие в далекой выси облака заревом небесного горна. Верхушки деревьев и башен ловили на себе красочные лучи, перед своим исчезновением за горизонт становившихся чуть более осязаемыми, чем обычно, а венцы речных волн отливали рубиновым блеском. Белоснежные паруса многочисленных кораблей наливались алым румянцем, купаясь в свете ставшего большим и красным животворного диска, утратившего дневную ярость, но обретшего царственное величие. Сейчас Сирелина уже не видела эти наполнявшиеся светом и ветром паруса, скрывшись в глубине квартала, но они все еще были там, раскрывая свои шелковые объятия невидимому движению воздуха, наполнявшему их жизнью и силой. Один из таких кораблей должен будет пустить ханскую стражу по ложному следу, когда за сбежавшими пленниками снарядят погоню, в то время как они направятся совсем другой дорогой. Чародейка успела все устроить, и последним штрихом являлся как раз речной порт, где капитан корабля за щедрую плату обязался поднять на борт группу путников из четверых мужчин, двух женщин и ребенка. После этого судно незамедлительно отчалит, прождав столько, сколько потребуется, ибо за каждый день возможного простоя гонорар капитана лишь увеличивался. И отчалит с означенной группой на борту, которую почти наверняка через какое-то время настигнет пущенная вдогонку стража. Только пока она будет, высунув язык, гнаться за кораблем по уходящим к Южному океану водам Идлиса, беглецы будут уходить все дальше совсем другим маршрутом. Выбравшись из Солтенстила по западному берегу реки, они пересекут ее выше по течению на заранее припрятанной лодке, а на восточном берегу пересядут в крытый экипаж. Он вместе с лошадьми был укрыт на неприметной ферме под присмотром небольшой обособленно живущей семьи. Настигнув добычу, ликую-

щие стражники не сразу поймут, что схватили кого-то совсем не того, а настоящие пленники уже будут колесить по дорогам навстречу приготовленному убежищу. Ведь дабы основательно все обставить, Сирелина позаботилась даже о подставных лицах. На борт корабля действительно поднимутся живые люди — бедная семья, согласившаяся за приличную плату отправиться в небольшое путешествие вниз по течению реки. На те деньги, что предложила им чародейка, они смогут приобрести себе вполне приличное хозяйство и растить урожай, поэтому бедняки были весьма рады столь счастливо подвернувшемуся случаю. За их дальнейшую судьбу Сирелина не переживала. Обознавшиеся ханские солдаты отпустят ни в чем не повинных людей, поскольку с соблюдением буквы закона в Железных землях было весьма строго, а никакого интереса для хана эти бедолаги не представляли. Хранители же, пока люди ад-Сейдина гоняются за лисьим хвостом, окажутся в безопасности, а сама чародейка во весь опор понесется в Нирелин.

План был вполне недурен, полностью подготовлен и готов вот-вот воплотиться в жизнь, и от осознания этого Сирелина пришла в отличное настроение. Мурлыкая себе под нос какую-то задорную песенку, она миновала чугунную калитку, прошла по мощеной дорожке к крыльцу и поднялась по ступенькам. Хорошенько смазанная входная дверь распахнулась без единого скрипа. Скинув дорожный плащ, Сирелина повесила его на вешалку, после чего избавилась и от просторной, скрывавшей почти все ее тело одежды, оставшись в привычных шароварах и легкой кружевной блузке. Подхватив большую наплечную сумку, она, продолжая напевать, поднялась вверх по лестнице по чуть скрипевшим ступенькам и вошла в облюбованную для себя комнату с балконом. Увиденное там оказалось настолько неожиданным, что чародейка по инерции сделала еще несколько шагов, прежде чем остановилась как вкопанная, уставившись на сидевшего у приоконного стола невысокого человека. Повернувшись к появившейся женщине, тот встретил ее ошарашенный взор совершенно спокойным взглядом, и еще до того как он заговорил чародейка узнала кем был незваный гость.

— Здравствуй, Сирелина, — с едва уловимой усмешкой сказал Баратис. — А мы тебя уже заждались.

Иногда бывают ситуации, когда человек начинает действовать до того, как осознает что вообще происходит. Либо же наоборот, полностью теряется и ведет себя достаточно пассивно. Крайне немногие успевают за доли секунды оценить положение вещей и выработать ответную реакцию. Но случается и не только что-то

одно, а все по очереди. Выбросив вперед руку, чародейка выкрикнула заклинание. Силы ее возросли, и с некоторых пор она знала, что способна на большее, нежели сбивать с ног находившихся в неустойчивом равновесии людей. Баратис… Да, хотелось бы лицезреть, как его отшвырнуло назад в находившееся там окно. Как его щуплое тело со звоном пробивает стекла и отправляется на свидание с землей в сопровождении множества острых осколков. Однако ничего этого не произошло. Не потому, что Сирелина переоценила свои силы или у нее недоставало концентрации — отнюдь. Просто вообще ничего не изменилось. Разве что усмешка сидевшего за столом колдуна стала более явной. Колдовская речь произвела не больший эффект чем обычная площадная брань. Оторопев, чародейка сделала такое движение, будто хотела смахнуть со стола всю утварь, и в стенах комнаты еще раз грянул ее громкий голос. Грянул и затих, нанеся некоторый урон разве что барабанным перепонкам. На лице Сирелины разлилась сильнейшая растерянность. Она вдруг почувствовала себя совершенно беспомощной. Ее прирожденная способность творить чары как будто исчезла, превратив чародейку в самую обыкновенную женщину. Колдовская речь не воплощалась, бессильно сотрясая воздух не имеющими силы словами. Не понимая что происходит, Сирелина замерла, лихорадочно соображая. Защитные чары? Оберег, блокирующее заклинание? Возможно. Подготовленный Баратис вполне мог заранее себя обезопасить, а посему не вылетел в окно от сотворенного бесплотного удара. Да, такое вполне могло быть, однако никак не объясняло почему преспокойно оставшийся на своем месте стол не снес колдуна в сторону в направлении ближайшей стены. Мысли вертелись в голове Сирелины сумасшедшим хороводом, рождаясь и угасая в огромном множестве за какие-то томительно тянувшиеся, как смола, секунды.

— Не старайся почем зря, у тебя ничего не выйдет, — спокойным голосом изрек Баратис, по достоинству оценив смятение чародейки. — Лучше подойди и присядь, пока чего-нибудь не натворила.

Сделав шаг назад, Сирелина обернулась. За дверным порогом поднялись клинки неслышно появившихся гвардейцев. Путь к отступлению был перекрыт. Чародейка напряглась как загнанная собаками кошка, готовясь к своей последней схватке. Гвардейцы, однако, не входили, и лишь хмуро смотрели на нее, не опуская оружие. Сирелина попятилась, ища глазами по сторонам. Солдаты не сдвинулись с места, но их клинки медленно опустились.

— Они не войдут, если ты не будешь делать глупостей, — пояснил колдун, огладив свой черный, в серебряных рунах, балахон. — Поэтому не валяй дурака и присядь. Только сначала положи оружие

на пол. Я же вижу как ты хватаешься за пояс. Даже не думай меня обмануть — выкладывай все.
Секунду поколебавшись, Сирелина, скривив кислую мину, один за другим бросила стукнувшие об дощатый настил кинжал и стилет. Затем неторопливо подошла к столу, выдвинула на себя стул и опустилась на него вполоборота, дабы иметь возможность одновременно держать в поле зрения и Баратиса, и стражу. Пожалуй, лучшее что она сейчас могла сделать — это попытаться разобраться в происходящем, пользуясь предлагаемой врагом паузой. Предлагаемой, несомненно, не просто так, но выясняя зачем именно можно заодно придумывать план спасения. В любом случае, здравый смысл еще никому не вредил. Только стоит унять разгулявшиеся нервы, дабы соображать на холодную голову, а не метаться в вихре взбесившихся мыслей.
— Вот и умница, — одобрительно кивнул Баратис. — Давай-ка немного потолкуем. Ох и доставила ты нам хлопот.
— Ты разве не должен быть с ханом? Или он тоже приехал? — поинтересовалась чародейка.
— Вызвали неотложные дела. Как видишь, не напрасно, раз я имею удовольствие тебя лицезреть, — сделал жест открытой ладонью колдун.
— Я польщена. Такая честь, — усмехнулась Сирелина. — Давай выкладывай что надобно, пока я не врезала тебе чем поэффективнее.
— У тебя ничего не выйдет, — покачал головой Баратис. — Кстати, твое желание выведать из-за чего не работают твои чары разгадать нетрудно, но я пойду тебе навстречу и сообщу почему, дабы ты оставила в покое всякие сумасбродные идеи. Это место под воздействием Нейтрала. Поэтому не пытайся колдовать, не ломай оберег с джинном или кто там у тебя сейчас, и вообще лучше представь что ты самый обычный человек. Ибо заклятие Нейтрала блокирует все кроме самого себя, и в известном смысле это так и есть. Ты же не вчера родилась и наверняка об знаешь.
Да, Сирелина знала. Только никак не ожидала столкнуться с такой штукой в данных обстоятельствах. Это мощное заклятие полностью блокировало любые чары, нейтрализуя их до тех пор, пока не развеивалось. Однако для его наложения и поддержания тоже требовалась большая мощь. В ордене такое было подвластно только старшим чародейкам и немногим сестрам из тех, кто приближался к ним по уровню мастерства. Сирелина пока не проверяла может ли она сама сейчас нечто подобное хотя бы на небольшое время или нет. Как-то руки не дошли.
— Будешь меня уверять что ты настолько силен? — язвительно

спросила чародейка. — Извини, но не верю.
— Я сильнее, чем ты думаешь, — чуть нахмурился Баратис, и, кажется, в его голосе скользнула нотка обиды. — Но тут ты, к сожалению, права — подобное мне пока не подвластно. Я не могу сам наложить Нейтрал, но мне вполне по зубам его поддерживать. Теперь понятнее?
— Дегонис, — не то задала вопрос, не то заключила Сирелина.
— Я вижу, имя моего наставника для тебя не секрет, — прищурился колдун. — Что ж, он будет рад познакомиться с тобой лично. Он давно ждал случая заполучить живую чародейку.
— Что, некрофилия надоела и захотелось закрутить шашни с нормальной женщиной? — насмешливо прищурилась Сирелина, однако почувствовала как по ее спине побежали мурашки.
Шутки шутками, а Дегонис вряд ли жаждет устроить с ней романтический ужин при черных свечах. Скорее, нечто совсем другое, и Сирелине вряд ли это понравится.
— Давай, зови его сюда. Хочу сообщить ему лично что он не в моем вкусе, — добавила продолжавшая храбриться чародейка.
— В данный момент учителя здесь нет. Он появляется лишь когда требуется его вмешательство, — пояснил Баратис. — Но ты не волнуйся, вы скоро увидитесь. Кстати, он просил передать, что идея с камнями весьма недурна, и она бы, наверное, сработала, кабы не роковая случайность. Благодарность он вынесет тебе лично.
— Это еще за что? — машинально спросила Сирелина.
— Ты помогла обнаружить в наших владениях уйму уязвимых мест. Испытания в полевых условиях с настоящим опытным противником нечто совсем иное, нежели теоретические расчеты. Так что мы даже рады, что ты забрела к нам в гости. Как и тому, разумеется, что твой замысел провалился, — охотно растолковал довольный колдун.
— Полагаю, меня не убили на месте лишь потому, что ты пожелал меня как следует допросить, — констатировала чародейка. — Хотите узнать как я все провернула?
— Если бы мы намеревались тебя убить, то уже бы это сделали, — сообщил Баратис. — Что же касается допроса, то в нем нет особой необходимости. Мы и так вычислили хронологию твоих похождений. Хочешь расскажу за тебя?
Подняв бровь, Сирелина сделала приглашающий жест.

Да, колдун действительно знал почти все. План действий чародейки и как она его осуществляла по шагам, какими методами пользовалась и что намеревалась выполнить Баратис изложил вполне мирным голосом, как бы читая лекцию не слишком понятливой ученице. Слушая его, Сирелина окончательно осознала, что

замысел спасения нирелинцев теперь не просто провалился, а и вообще стал навряд ли осуществим. Практически своими собственными руками она указала обитателям Нижних подземелий на слабые места в их логове, и они с величайшем рвением принялись их устранять. Удивительного, кстати, в этом ничего не было. Естественный эффект сродни двум объединенным поговоркам "В чужом глазу соринку замечает, а в своем бревна не видит" и "Одна голова хорошо, а две лучше". Второй головой выступила сама Сирелина и указала черным колдунам на все бревна которые только нашла.

Баратис говорил довольно долго. Казалось, он с особым смаком расписывает все нюансы, демонстрируя таким образом и проявленную проницательность в анализе похождений лазутчицы и торжествуя над ее поражением. Сирелина даже заподозрила его в излишнем самолюбовании.

— Прокололась ты с камнями, — немного издевательски посочувствовал в итоге колдун. — Все провернула отлично, а вот с ними… Едва лишь возникло подозрение, Дегонис лично их проверил. Разумеется, под благовидным предлогом, дабы пленники ничего не заподозрили. Вынужден снова признать, что моих скромных сил и знаний могло не хватить чтобы обнаружить на камнях твою метку, но Дегонис… О, это великий волшебник. Настоящий мастер. Он быстро понял с кем имеет дело, а дальше уже дело техники. А ведь поначалу мы даже предположили, что девчонка могла из лучших побуждений обдурить своего старика, сунув ему вместо камней из Нирелина подобранные в дворцовом парке.

— Вы что, и ребенка допрашивали? — невольно ахнула Сирелина.

— Какой смысл? — пожал плечами Баратис. — Только хранителей попусту расстраивать. Не она же готовила побег. Она, возможно, даже не знала что камни зачарованы. Просто выполнила просьбу доброй тети. А если и знала, то это ровным счетом ничего не меняет. Нас обычная девчонка интересует ровно настолько, насколько шейх согласен с нами сотрудничать пока с ней все в порядке. Или ты воображаешь, что у нас хватит ума изобличить перед лицом хана юную злоумышленницу с предложением принять к ней самые строгие меры? Боюсь, повелитель нас неправильно поймет. Девчонке может и влетит, а вот нам самим достанется куда больше.

Сирелина облегченно перевела дух. Она уже успела испугаться за воспитанницу и теперь старалась скрыть приступ откровенной радости. Формально Иля действительно ни в чем особо не провинилась, но свой вклад в дело несомненно внесла и наверняка еще внесет в будущем. Колдуны ее явно недооценивали, и пусть лучше так и остается.

— Кстати, раз уж речь зашла о хане! А знает ли ваш повелитель про ваши маленькие слабости? Что вы практикуете черное колдовство и некромантию, а ваш замечательный "великий волшебник" по всей видимости якшается с демонами? — поинтересовалась чародейка.
— На твоем месте я бы беспокоился о другом, — заметил Баратис, расплываясь в недоброй улыбке. — В частности, о себе самой, а не ком-то постороннем.
В этом он был прав. Чародейке стоило побыстрее подумать о своем ближайшем будущем, а не заниматься некими отвлеченными вопросами. Подумать и сообразить как сделать так, чтобы оно оказалось совсем иным, нежели рассчитывают черные колдуны. Мысль Сирелины заработала с новой силой, старательно обрабатывая всю поступившую информацию. В ней много всего было, и все это оптимизма отнюдь не внушало. Вместе с тем чародейка неожиданно сообразила чего там вообще не было. Баратис ни словом не обмолвился про чердак Илианы и про то как женщина попала во дворец в самый первый раз. Неужели они до сих пор не знают?..
— Вы, поди, весь дворец перетряхнули в поисках меня, — усмехнулась Сирелина, бросив на собеседника быстрый взгляд из-под опущенных ресниц.
— А то. Я ж сказал: доставила ты нам хлопот, — подтвердил колдун. — Но ты сама привела нас к своему логову.
— Если вы все знали, то почему устроили мне западню лишь здесь и сейчас? — нахмурилась Сирелина.
— Это кажется тебе странным? — искренне удивился Баратис. — Когда ты последний раз покидала дворец через хорошо известный тебе тоннель, за тобой уже следили. И следили вплоть до этого дома, где ты устроила себе логово. Но здесь ты не задержалась, а довольно быстро выехала из города. Тогда, в ожидании твоего очевидного возвращения, было решено здесь же и устроить засаду.
Колдун словоохотливо пустился в объяснения, и чем больше он говорил, тем больше чародейка понимала: вся эта замечательная компания понятия не имеет про чердак и абсолютно уверена, что Сирелина совершена свои вылазки именно отсюда! Подобное казалось совершенно невероятным, но итоговый вопрос Баратиса окончательно подтвердил их серьезное заблуждение.
— Если честно, я буду очень признателен твоему добровольному признанию, — сказал он, закончив разглагольствовать. — Каким образом тебе удалось обнаружить потайной вход в доме, ведущий в дворцовые подземелья? Ведь о его существовании знают очень немногие. Кто-нибудь из стражи проговорился? Пожалуй, во всей

истории это один из самых неприятных сюрпризов.
— До сих пор у вас отлично получалось разгадывать загадки. Полагаю, вам не составит особого труда разрешить и эту, — отозвалась чародейка.
— Упрямишься? Напрасно, — пожал плечами Баратис. — Впрочем, это не суть важно. Скоро ты все расскажешь. И вообще принесешь много пользы. Так что пока можешь издеваться сколько влезет, игнорируя мои вопросы. Всему свое время.
Вопросы! Почему-то это слово зацепилось за слух, словно подсознание уловило его значимость и принялось слать тревожные сигналы в отвлеченный разум. Ухватившись за этот кусочек фразы, Сирелина принялась раскручивать спираль сверкнувшей у нее в голове мысли. А ведь Баратис ее ни о чем особо и не спрашивал! Ведь он в основном говорил сам. И хорошо так говорил, на слова не скупился. Так зачем же ему понадобилась вся эта канитель? Чародейка быстро прокрутила в уме весь ход событий, начиная от предложения побеседовать и заканчивая последними прозвучавшими словами. И тут до нее неожиданно дошло. Колдун просто тянул время! Если бы чародейку хотели убить, то ее действительно давно бы убили. Нет, ее намеревались захватить именно живой, чего, исходя из заявления самого собеседника, желал Дегонис. Баратис лишь возглавлял длившуюся уже несколько дней засаду. В его задачу входило задержать Сирелину до подхода того единственного, кто сумеет захватить ее в плен целой и невредимой. И сейчас он явно ожидал появления своего наставника, за которым наверняка послали едва только чародейка переступила порог дома. Так вот оно что! Вот чем была вызвана эта пауза! Что ж, хитрость удалась, и Баратис действительно сумел продолжительно удерживать чародейку на месте без единой царапины. Только сей клинок был обоюдоострым. Ведь потраченное время Сирелина провела отнюдь не горюя о своем провале, а тщательно планируя план спасения. Чародейка из нее сейчас была никудышная, да только весьма непростая женщина умела кое-что еще помимо вытаскивания кроликов из шляпы.

Совершенно спокойным движением Сирелина положила ладонь на стол, легонько барабаня по нему пальцами и неторопливо передвигая ее туда-сюда. Затем резко вдавила часть казавшейся совершенно гладкой столешницы. Тихо щелкнув, из-под нее навстречу чародейке выдвинулся узкий потайной ящичек. Совсем небольшой, отчего его легко можно было не заметить даже при тщательном осмотре, но его размера вполне хватало для сокрытия содержимого. Броском королевской кобры Сирелина, выхватив показавшийся в тайнике кинжал, прямо с места прыгнула к кол-

дуну. Тот даже охнуть не успел, как налетевшая женщина приставила ему к шее острое лезвие.
— Стоять или ему конец! — рявкнула чародейка спохватившимся было гвардейцам.
Перехватив опешившего Баратиса, она рывком подняла колдуна на ноги, одновременно выбив из-под него стул, и укрылась за его спиной. Клинок переместился и теперь убедительно красовался по всей длине перед горлом потенциальной жертвы в черном балахоне. Сунувшиеся было в комнату гвардейцы замерли на пороге.
— Не дергайся, — прошипела Сирелина затрепыхавшемуся Баратису. — На лезвии парализующий яд. Один хороший порез — и тебе крышка. Я же обещала принять меры поэффективнее. Кто сказал что это будут чары?
— Это же не в твоем стиле, — отозвался явно не слишком довольный таким поворотом дела колдун, но шевелиться перестал.
— Хочешь проверить? — чуть сильнее сдавила его Сирелина.
— Оставайтесь на месте! — крикнул Баратис нерешительно переглядывавшимся солдатам. — Убьешь меня — и совершишь самоубийство, — негромко сообщил он, обращаясь уже к пленившей его женщине.
— Что, ваши верные псы изрубят меня на куски? — усмехнулась чародейка. — Они уже как-то пробовали, да не вышло. Авось и на этот раз не получится.
— Заклинание, дура, — недобро скривился колдун. — Думаешь, мы не подготовились? Знали же с кем имеем дело. С моей смертью ты высвободишь его и мгновенно обратишь против себя.
— Да неужели? А про Нейтрал не забыл? — напомнила Сирелина.
— Подумай головой! Я его и поддерживаю. С моей смертью твоя собственная станет лишь вопросом времени, — стараясь оставаться спокойным, пояснил Баратис.
Чародейка быстро обдумала его слова. Весьма вероятно, что этот щуплый поганец не лгал. Такая мерзкая штука действительно существовала и была вполне в духе черного колдовства. И прямо сейчас защититься от нее невозможно. Баратис, видимо, подразумевал что заклинание падет на Сирелину как необратимый яд замедленного действия, и сработает настолько быстро, насколько скоро она окажется вне воздействия Нейтрала. А это произойдет либо когда она покинет его область, либо когда чары развеются, то есть произойдет в любом случае. По всей видимости, к такой комбинации прибегли отнюдь не случайно. Устроившие засаду колдуны подстраховались. Они, безусловно, надеялись захватить жертву живой, но в крайнем случае не собирались дать ей и сбежать. Являвшийся одновременно источником и Нейтрала и смертельной

угрозы Баратис надежно обезвреживал жертву, лишая ее возможности вновь обрести способность творить чары. Пока он был жив, колдовские возможности Сирелины сводились к нулю, а убить его она не могла под страхом собственной гибели. И как бы ей ни хотелось перерезать глотку черному колдуну, умирать из-за одного такого негодяя женщина тоже не желала.

— Брось кинжал, — посоветовал явно приободрившийся Баратис, чувствуя ее замешательство. — Либо убей меня, и тогда мы умрем вместе. Что выбираешь?

— Я выбираю третий выход, — сообщила Сирелина.

Размахнувшись, она врезала колдуну по затылку так, как учил ее Бэйл. Глаза Баратиса закатились, и он, захрипев, бесчувственной грудой осел на пол к ногам чародейки.

Расчет был до крайности прост: Нейтрал она не сняла, но и не навлекла на себя смертельные чары. Колдун выбыл из игры, и теперь Сирелине оставалось проверить как долго будет сохраняться блокирующее заклятье, ибо пребывавший без сознания Баратис поддерживать его на должном уровне более не мог. Вопрос заключался лишь в том успеет ли чародейка вновь обрести способность колдовать или нет. А он напрямую зависел от того как долго Сирелина сможет оставаться недосягаемой для ханской гвардии. При виде развалившегося на полу Баратиса четверо топтавшихся у входа молодцев с угрожающими возгласами ринулись к чародейке. Не дожидаясь их приближения, Сирелина пинком распахнула дверь и выскочила на балкон.

С первого же взгляда становилось понятно, что прыгать вниз нечего было и думать. Балкон выходил в сторону улицы, которую уже основательно перекрыла стража, да так, что пробиться через нее вряд ли удалось бы даже с помощью чар, а пустяковое заклинание подтвердило неумолимое присутствие Нейтрала. Сразу за оградой теснилось множество вооруженных людей только и дожидавшихся когда у них появится возможность схватить одинокую женщину. Под самим балконом дела обстояли не намного лучше, и ощерившиеся навстречу пики достаточно красноречиво приглашали чародейку все-таки покончить жизнь самоубийством, лишив Дегониса возможности заполучить столь желанную пленницу. Сирелину не устраивало ни первое, ни второе. Посему она, вскочив на боковые перила, прыгнула на подоконник того окна слева, подле которого находился столик с тайником, а с него, не теряя набранной скорости, ухватилась за узкий, находившийся над ним и тянувшийся вдоль стены бордюр. Габариты собственного тела оказались весьма недружелюбными к этой затее, напомнив чародейке что она отнюдь не бесплотная фея, а живая женщина. Едва

не сорвавшись под силой инерции, она все же умудрилась удержать равновесие, и, быстро перебирая руками, успела продвинуться по выступу достаточно далеко, чтобы живо появившиеся следом солдаты уже не могли достать ее клинками ни с балкона, ни из окна. А они попытались это сделать, ибо вслед за звоном разбитого стекла в каком-то дюйме от руки чародейки по кирпичной стене полоснул кончик выставленной сабли. Положение чародейки выглядело хуже некуда. Цепляясь пальцами за бордюр, она висела прямо над целой ватагой поджидавших ее гвардейцев, а слева от нее соображали как бы достать цель четверо уже знакомых солдат. Всего один единственный лучник способен сейчас пригвоздить ее как жука и продвигавшаяся вдоль кирпичной кладки Сирелина была перед ним совершенно беззащитна. Со стрельбой, однако, гвардейцы не торопились. Объяснение этому могло иметься только одно: категоричный приказ взять добычу живой. Промахнувшийся же клинок метил ей в руку, и в случае попадания она вполне могла сорваться вниз прямо в лапы только и мечтавшей об этом компании. Которая, кстати сказать, уже сообразила убрать пики, что очевидным образом подтверждало догадку чародейки. Это обеспечивало ей известную безопасность, но только до поры. Судя по репликам четырех молодцев, они усвоили куда движется Сирелина и двое из них исчезли из поля зрения. Нетрудно было предвидеть, что вскоре они нарисуются справа из окна следующей комнаты. Таким образом чародейка окажется заблокированной со всех сторон и будет висеть на бордюре до тех пор, пока у нее не разожмутся пальцы. Впрочем, может и нет. Судя по оживлению внизу, стражники уже послали за лестницей, появления которой можно было ожидать с минуты на минуту. Упражняться в стрельбе по рукам женщины до сих пор никто не начинал, хотя меткий лучник вполне мог попасть без особого труда, особенно с близкого расстояния. То ли их не прихватили в оцепление вовсе, дабы избежать ненужной случайности, то ли солдаты, созерцая чародейку, и так рассчитывали на ее скорое пленение.

Сдаваться Сирелина даже и не помышляла. Упираясь ногами в стену, она принялась подтягиваться вверх, пытаясь вскарабкаться на тот бордюр, за который до сих пор столь отчаянно хваталась. Он был совсем узкий, не шире стопы самой чародейки, и данное гимнастическое упражнение для большинства людей оказалось бы вообще не по плечу. Только тренированное тело Сирелины уже неоднократно демонстрировало на что оно способно. Существенно помогала и не слишком ровная кирпичная кладка, за которую можно было цепляться как ногами, так и пальцами. Немногие из наблюдавших за ее действиями гвардейцев осмелились

бы повторить нечто подобное, особенно от начала и до конца. Объявившиеся в правом окне солдаты узрели совсем не то, что ожидали. Вместо того чтобы оказаться в пределах их досягаемости, чародейка уже взбиралась на бордюр. Кажется, до гвардейцев наконец-то дошло что она намерена делать дальше. Количество голов в окнах снова поубавилось, и где-то в глубине дома послышалась гулкая беготня. Наконец-то выпрямившись на узком выступе, Сирелина высадила оказавшееся рядом с ней круглое чердачное окошко и, сбив торчавшие по краям острые стекла, полезла внутрь.

Она поспела вовремя. Едва только гибкое тело чародейки проскользнуло в слуховое окно, как ведущий на чердак люк с грохотом откинулся в сторону, и в проеме показалась голова первого солдата. Не теряя ни секунды, вскочившая Сирелина ринулась ему навстречу, держа наизготовку кинжал, которым только что сбивала осколки стекла. Гвардеец тоже ворон не считал и атаковал ее уже на полпути к вертикальной лестнице, недоумевая что может сделать женщина своим кинжалом против его сабли. Чародейка продемонстрировала. Со всего разбегу она, изогнувшись, плюхнулась на пол и сбила противника неожиданной подсечкой. Не ожидавший подобной подлянки солдат рухнул через ее подставленные ноги, выронив загремевшую по доскам саблю и утратив прокатившийся кубарем остроконечный шлем. В следующую секунду подскочившая Сирелина врезала ему что было мочи, отправив гвардейца в глубокое беспамятство. Затем в коротком перекате подхватила упавший клинок и одним пружинистым прыжком вновь оказалась на ногах. Весьма кстати, поскольку следующий появившийся с лестницы гвардеец уже намеревался добраться до нее самым нелицеприятным образом. С яростным звоном скрестились сабли. Противник явно не предполагал, что женщина окажет ему такое серьезное сопротивление в поединке на клинках. Уроки владения оружием не прошли для Сирелины даром, и она стремительно успела потеснить опешившего врага обратно к люку до того, как ему на помощь явилось подкрепление. Парировав удар, чародейка заставила солдата развернуться и, очутившись к чердачному лазу боком, душевно припечатала ступней высунувшуюся оттуда голову очередного гвардейца. Получив увесистый пинок, тот с воплем весьма шумно полетел вниз, прихватив по дороге карабкавшегося следом товарища. Сражавшийся с чародейкой гвардеец уже и не помышлял справиться с ней без особых хлопот, и дрался в полную силу. Позабыл ли он о приказе взять женщину живой или же просто намеревался отбросить ее напором и обезоружить — трудно сказать, но все вышло с точностью до наоборот.

Его вполне недурной финт закончился контратакой Сирелины, выбившей оружие из рук стражника. В следующее мгновение ее сабля уперлась ему прямо в грудь. Изменившийся в лице солдат замер, подняв руки.
— Проваливай! — секунду поколебавшись, коротко приказала чародейка, мотнув головой в сторону люка.
Гвардеец решил не упрямиться и благоразумно внял столь великодушному предложению. Отступив к проему в полу, он стал на ступеньки, перекрыв выход на чердак к чьему-то, судя по раздавшейся ругани, явному неудовольствию, и спустился вниз, не сводя глаз с маячившего перед его носом кончика клинка. Подхватив крышку люка, Сирелина захлопнула его обратно, задвинула засов и для надежности привалила его сверху кстати подвернувшимися под руку мешками. Шум от оставшегося позади разбитого слухового окна возвестил о том, что мизансцена еще не окончена. Со всех ног миновав отделявшее от него расстояние, чародейка коршуном налетела на показавшегося в пустующей раме гвардейца. Он имел неосторожность заглянуть внутрь, ища взглядом прыткую беглянку. Та оказалась прямо перед ним и со всего маху врезала ему снизу вверх в челюсть. Кто бы ни находился под солдатом на приставленной лестнице, он или они явно смягчили падение, когда тот сорвался вниз. Судя по нескольким довольно характерным звукам — все-таки они.

Что ж, на какое-то время чародейка получила небольшую передышку. В чердачный люк усердно ломились, осыпая все и вся изобретательной руганью, но старое мореное дерево успешно выдерживало натиск, лишая наседавших солдат новой возможности получить от Сирелины пинка по физиономии. Вокруг приставленной к стене лестницы образовалась небольшая куча-мала и осторожно глянувшая вниз чародейка убедилась, что желающих карабкаться по ней пока не наблюдается. С этой стороны Сирелине пока тоже ничего не грозило. Только вот надолго ли? Вскоре наверняка кто-нибудь наберется служебного рвения и полезет на штурм. Конечно можно стоять поблизости и встречать дорогих гостей схожим образом, раз за разом сбивая их как кегли, но не все было так просто. Положение сильно осложняло то, что с другой стороны чердака тоже имелось слуховое окно, и если ханские воины не полные идиоты, то рано или поздно они сообразят зайти одновременно с обоих концов, и тогда помещение под крышей превратится в мышеловку. Впрочем, разве оно ей уже не являлось? Что проку чародейке оказаться запертой здесь пусть и во временной недосягаемости, когда снаружи полным-полно только и жаждущих сцапать ее солдат? Прок был.

Избавиться от Нейтрала можно было двумя способами, исключая очевидный уход из области его воздействия, на данный момент, увы, ну никак не доступный. Заклятье можно было разрушить физически. Для этого требовалось уничтожить либо самого колдуна, либо создававшие границу метки. Одна центральная образовывала строго сферическую область, но их могло оказаться и несколько для создания более сложного охвата, допустим, по периметру ограды. Для рассеивания Нейтрала достаточно избавиться от любой, но поди их найди в такой ситуации. Даже без помех это не самая простая задача, а уж гвардейцы точно не будут стоять столбами, глядя, как чародейка роет носом землю в поисках подходящих объектов. К тому же метка могла быть у самого Баратиса, одновременно являвшимся в таком случае и колдуном, и эпицентром.

Второй способ предполагал чародейство. Нет, заклинания способного вот так просто взять и снять Нейтрал не существовало, поскольку он для того и накладывался, дабы блокировать любое колдовство в зоне своего влияния. Но его энергия была не бесконечна. Оставшись без подпитки, он какое-то время будет выдерживать появляющееся воздействие чар, как дверь сопротивляющаяся тарану, но энергия этих чар, сталкиваясь с его собственной, закономерно ослабит Нейтрал вплоть до полного исчезновения. Живой колдун восполнял его своей силой. Само же по себе заклятье сколь угодно долго существовать не могло. А поскольку валявшийся в беспамятстве Баратис считался живым условно, и хотелось верить что в этом состоянии он пробудет еще часок-другой, то поддержание Нейтрала с его стороны исключалось. И заблокированная на чердаке Сирелина теперь могла без помех приступить к претворению означенного способа в жизнь, находясь в относительной недосягаемости от солдат.

Лежавшие на чердачном люке мешки заметно подрагивали вследствие непрестанно сыпавшихся снизу ударов. Их вид очень кстати напомнил чародейке, снимавшей с шеи оберег, некоторые интересные обстоятельства. В качестве угощения для домушников она понаставила в доме различные сюрпризы, как колдовские, так и механические, способные отпугнуть даже самых отъявленных жуликов. Разумеется, их наверняка давно обезвредили устроившие засаду люди хана, которым, кстати, стоило отдать должное в умении заметать следы своего присутствия, раз Сирелина по возвращении сразу не успела заметить опасность. Но все оказавшееся лишним чародейка свалила на чердак и сейчас в ее распоряжении очень кстати оказалось несколько милых пустяковин. Ехидно улыбаясь, Сирелина, ненадолго оставив в покое оберег, распорола

один из мешков и достала из него три непрозрачных сосуда с запечатанными горлышками, где-то с небольшую дыню каждый. Вернувшись к разбитому слуховому окну, она отправила их вниз, прямо в гущу оживленно решавших кто полезет по лестнице следующим солдат. Два из них разлетелись вдребезги о землю, а один о чью-то подвернувшуюся голову. Пространство немедленно наполнилось густым зеленоватым облаком, плотные клубы которого, ничем более не сдерживаемые, ударили разом во все стороны, заполоняя собой окрестности. Судя по реакции гвардейцев, эта завеса пришлась им не по душе и дымовой отнюдь не являлась. Изрыгая вопли и проклятия они заметались кто куда, заходясь надсадным кашлем и делая такие движения, будто пытались втереть свои глаза поглубже в череп. Видели он, должно быть, весьма неважно, поскольку столкновения друг с другом и с различными объектами ландшафта вряд ли входили в их действительные намерения. Возвратившись к похудевшему мешку, Сирелина извлекла еще парочку сосудов и отправила их проветриться прямиком на улицу, дабы обосновавшиеся там солдаты тоже не скучали. Никакого колдовства или вообще чего-либо сверхъестественного внутри не содержалось. Угощение, предложенное доблестным воинам, чародейка приобрела по случаю у одного из поставщиков ханской армии, так что оно солдатам оказалось хорошо знакомо. И данное средство равнозначно годилось как при осаде крепостей, так и при установке ловушки. Сирелине не нужен был целый мешок, но торговец продавал товар партией. Препираться она не стала и взяла сколько предлагали. Часть использовала по делу, а остальное убрала на чердак, где сейчас и воспользовалась вполне подходящим образом. Летучесть у этого сильно раздражавшего слизистые оболочки распыленного облака была довольно низкая, поэтому находившаяся довольно высоко от земли чародейка не боялась что достанется и на ее долю. Сломав снятый с шеи оберег, она бросила его во все то же окно под ноги беспорядочно метавшимся гвардейцам. Сирелина предпочла не делать этого непосредственно на чердаке, ибо в случае чего ей придется объясняться с разъяренным джинном сродни тому, что выручил ее в прошлый раз.

Джинн не появился. Покамест у вдоволь надышавшихся зеленоватой взвеси солдат и без него хватало неприятностей, но с ним у чародейки резко прибавилось бы шансов на благополучный исход. Впрочем, их так и так прибавилось. Мощное заклятие просто обязано серьезно подточить энергию Нейтрала, раз уж оно поглотило даже ярость заточенного в обереге существа. Быстро попытавшись вызвать светящийся огонек, Сирелина убедилась в от-

сутствии должного эффекта. Колдовство еще блокировалось, но она была к этому готова. Не теряя времени даром, чародейка принялась за дело.

В сложившихся обстоятельствах больше всего подходил Круг Стихий. Быстро начертив всегда находившимися при ней мелками все необходимое, Сирелина занялась стадией призыва. Такой Круг несколько уступал разложенному из специальных материалов, но их под рукой не оказалось, а для подавляющего большинства задач, включая постоянные атаки на слабеющий Нейтрал, годился и простой. По здравому размышлению чародейка выбрала стихию холода. Огонь мог запросто поджечь чердак вместе с сотворившей его умелицей, а молния в замкнутом пространстве обладала непредсказуемым характером, особенно если помнить об имевшихся в данный момент проблемах с контролем. Голос читающей заклинание Сирелины громогласно прокатился под стропилами. Колдовская речь, гулко наполнив все пространство чердака, вырывалась прочь, несколько поубавив прыти у живо навостривших уши гвардейцев. Они знали с кем имеют дело, и вполне осознавали исходившую от женщины опасность. Их наверняка предупредили что та на этот раз не сможет применить чары, но береженого, как говорится... Долбежка в чердачный люк немедленно прекратилась, и солдаты замерли на месте, настороженно прислушиваясь к происходящему. Снаружи, заслышав доносившиеся из слухового окна речевые раскаты, воины из оцепления также проявили некоторое беспокойство. Сирелине это было только на руку. Образовавшаяся пауза давала ей возможность как следует сосредоточиться исключительно на заклинании воплощения стихии, и чем больше была ее концентрация, тем значительнее становилась выпускаемая сила. Чародейка не должна устать прежде, чем Нейтрал окажется развеян, иначе для нее мало что в итоге изменится. Теперь ей во что бы то ни стало необходимо пробить этот неумолимый барьер. И не взирая более ни на что в окружающем мире, Сирелина раз за разом принялась обрушивать на него всю энергию призыва, на которую только была способна. Для нее перестали существовать и слуховые окна с осторожно подступавшими уже сразу к двум лестницам гвардейцами, и люк на чердак, в проеме которого замелькала наконец-то принесенная кем-то более сообразительным пила. Выбора у Сирелины все равно не оставалось. Либо она разобьет нейтрализующее заклятье, либо ей так и так не отбиться. Разгорелась невидимая борьба, ибо человеческому глазу было не по силам узреть как не материализующаяся в обычном мире стихия упруго бьет по довлеющему вокруг блокирующему полю, и эти два схлестывающихся энергетических пото-

ка неистово рвут друг друга на части. Со стороны могло показаться, что у каких-то начерченных на полу геометрических фигур и иероглифов сидит, поджав ноги, самая обыкновенная женщина и что-то громко вещает на непонятном языке, а более ничего и не происходит.

Да, набравшиеся храбрости солдаты, не наблюдая зримого эффекта от громогласного голоса чародейки, собрались на приступ разом с трех сторон, и на сей раз намеревались захватить загнанную добычу без осечки. Когда в выходившее к улице слуховое окно осторожно заглянул первый гвардеец, другое практически одновременно разбил второй. Оба, нашарив взглядом сидевшую в центре чердака Сирелину, немного помедлили, оценивая диспозицию, а затем, переглянувшись, полезли внутрь, держа сабли наизготовку. В этот же момент засов на люке наконец-то оказался перепилен и поднатужившиеся молодцы откинули крышку вместе с покоившимися на ней мешками, а в проеме незамедлительно показалась голова еще одного солдата. Наступил критический момент, ибо до того как не без опаски приближавшиеся воины схватят чародейку оставались какие-то секунды.

Внезапно над Кругом Призыва сверкнула яркая вспышка. Из какой-то бесконечно малой точки прямо в воздухе стремительно стала наливаться бело-голубая сфера, наполняя весь чердак мощным свечением. Повеяло сильнейшим холодом. Вокруг раздувавшегося шарообразного сгустка, бурлившего поверхностью как миниатюрная звезда, закружились крошечные кристаллы льда. В пустоте, материализуясь из ниоткуда, показались многочисленные снежинки. По деревянному настилу, балкам и стропилам пополз иней. Завидя открывшееся их взорам зрелище, гвардейцы застыли было на месте, оценивая возможную угрозу. Увиденное им очень не нравилось, но до колдующей женщины оставалось рукой подать. Взревев, воины одновременно ринулись к чародейке, намереваясь схватить ее до того, как та успеет что-нибудь предпринять, но оказалось слишком поздно. Сирелина более не была беззащитна. Нейтрал исчез.

Вырвавшаяся из сферы ударная волна, подчиняясь вскочившей на ноги чародейке, прямо налету сформировала ледяные глыбы, поразившие лишь совсем немного не добравшихся до своей цели солдат так, что они отлетели на несколько ярдов. Под сферой, с легким потрескиванием как в сильную стужу, на дощатом настиле стала образовываться плотная морозная корка, сменяя налет голубоватого инея. Она быстро разбегалась в стороны, покрывая квадратные футы один за другим, и уже вовсю подступала к кое-как поднимавшимся гвардейцам, испытавшим такие

ощущения, будто их только что долбанула копытами норовистая лошадь. Следовавшие за ними из окон и лаза товарищи как-то разом передумали атаковать, и расширенными глазами следили за нараставшими вокруг наслоениями льда, подозрительно быстро продвигавшимися прямо к ним. Бурлившая сфера набухла еще сильнее, испустив поистине ослепительное сияние. Вторая ударная волна снесла всех находившихся на чердаке как бумажные фигурки, расшвыряв по углам беспомощно трепыхавшиеся тела. Навалился жуткий холод. Изо рта людей вырывались столбы пара, а их одежда, волосы, лица и доспехи заиндевели. Температура упала просто фантастически, превратив жаркий июньский вечер в трескучую зиму. Стужа жадно высасывала тепло, леденя кровь и вгрызаясь в плоть миллионами колючих игл. С отчаянными возгласами барахтавшиеся на заснеженном полу гвардейцы бросали оружие, не в силах более терпеть прикосновение до невозможности охладившегося металла, немеющими пальцами срывали с себя шлемы. Легкие кольчуги вместо друга и защитника вдруг оказались смертельным врагом, желающим обратить своих носителей в куски застывшего мяса. Заглядывавшие в окна и чердачный лаз воины испуганно попрятались где-то снаружи, не дожидаясь когда настанет и их черед. Чердак двухэтажного дома поглощало ледяное царство, собиравшееся выпить тепло жизни из любого, кто посмеет ступить под его своды. Одна лишь Сирелина оставалась вне его досягаемости, плавными пассами управляя обтекавшими ее волнами могучей северной стихии. В воздухе послышался легкий звон. Градус понизился настолько сильно, что образовывавшиеся кристаллы льда начинали резонировать с любой внешней вибрацией, звуча как потревоженный камертон.

Чародейка не собиралась убивать гвардейцев, хотя не то что могла это сделать, а даже приложила некоторое усилие дабы не дать холоду распространиться так быстро, что он не оставил бы им шанса на отступление. Более того, она могла позволить бушевавшим в сфере силам вырваться на свободу, и число жертв стало бы намного, намного больше благодаря ее с некоторых пор возросшим возможностям. Однако Сирелина никогда просто так никого жизни не лишала. Солдаты всего лишь исполняли приказ, и прямая необходимость уничтожать их отсутствовала. Вот черных колдунов она обратила бы в ледяные глыбы не задумываясь, а обычных людей чародейке было совершенно по-человечески жаль. Даже если они служили хану Гийюру и собирались обойтись с ней самой довольно неприятным образом. Стеная и поскальзываясь, полузамерзшие воины кое-как добирались до ближайшего выхода и насилу протискивались наружу, подхватываемые находившими-

ся там товарищами. И едва лишь последний из них покинул чердак, как Сирелина вновь взмахнула руками. Поднявшиеся ледяные стены наглухо перекрыли и слуховые окна, и лаз в полу, выпятившись из них толстыми поблескивающими наслоениями. Атака гвардейцев полностью провалилась.

Между тем нечто подобное конечной целью чародейки отнюдь не являлось. Воздев руку, Сирелина махнула запястьем, сделав движение в направлении выбранной точки крыши. Подчиняясь ее жесту, в указанном месте немедленно стала образовываться наморозь, отчего находившаяся рядом деревянная балка отчетливо затрещала, а черепица зазвенела как сонм маленьких колокольчиков. Опустив ладонь, чародейка заводила пальцами перед собой, постепенно поднимая их все выше. Нет, она не пыталась стереть невидимый рисунок. Перед ней, срастаясь в единый монолит, из ниоткуда начала формироваться самая настоящая лестница, ледяные ступеньки которой одна за другой протянулись вперед и вверх прямо к намеченной области. Один резкий жест — и выброшенная сферой глыба пробила в ставшей невероятно хрупкой части крыши большую дыру. Пораженный глубокой заморозкой участок разлетелся на множество крошечных осколков, с мелодичным звоном осыпавшихся на продолжавший покрываться снежной толщей пол. Ступив на твердые как камень ступеньки, Сирелина неторопливо поднялась до самого конца сотворенной лестницы и, покинув чердак, в окружении тонкого снежного ореола вышла на неповрежденную черепицу.

Слишком далеко от стихийной сферы чародейка отходить не могла, рискуя потерять над ней контроль, но это и не требовалось. Повинуясь движению рук Сирелины, источавший могучий холод шар исторг порыв самой настоящей вьюги. Вырвавшись через пролом в крыше, она с завыванием ринулась разом во все стороны, мельтеша крупными хлопьями снега и стремительно растущими градинами. Пролетев над пологим черепичным скатом, вьюга пролилась с него на землю широким водопадом, только вместо воды вниз устремились крупные колючие снежинки и куски льда. Слипаясь друг с другом, градины образовали крепкие сосульки, обрушившиеся на головы находившихся в оцеплении гвардейцев, а вихрящиеся снежинки с налету били их по незащищенным участкам кожи. Шлемы уберегли людей от неминуемых травм, но удары все равно оказались весьма болезненными. Сходившие по всему периметру крыши потоки разящего морозного воздуха накрыли ближайшие к дому ряды ошеломленных солдат. Они пятились, прикрывая головы и лица, беспорядочно отступая и нарушая строй, стараясь убраться подальше от ожесточенно наваливав-

шейся на них свистевшей стихии. В их позициях образовались значительные прорехи, и они становились тем шире, чем больше гвардейцев ретировалось прочь от источавшего взбесившийся снежный вихрь дома. Со стороны, должно быть, зрелище было поистине неописуемым: в разгар жаркого южного лета наблюдать хлесткие удары неистовой северной пурги!

Внеся хаос в группы противника, чародейка приступила к последнему этапу своего плана. Она не собиралась воевать с многократно превосходящими силами, хотя у нее еще оставалась энергия поднять неплохую снежную бурю. Конечной целью все же являлось спасительное бегство, а отнюдь не сражение с войсками хана до последнего издыхания. Для убедительности выжав из начинавшей потихоньку уменьшаться сферы очередной поток взвывшего ледяного ветра, Сирелина бросилась к краю крыши. Занимаясь сотворением злющей пурги, она успела хорошенько осмотреться и наметила подходящий маршрут, где расположение гвардейцев подходило под намеченный замысел. На улице, с фасада, их теснилось предостаточно, хотя колдовская вьюга определенно повлияла на изменение диспозиции, а вот у ближайших домов воинов виднелось куда меньше. Они караулили у ограды, но в количестве заметно уступали. От внутренней стороны с садом чародейка отказалась. До относительно безопасной зоны расстояние получалось слишком велико, зато в боковых направлениях она вполне могла рассчитывать на успех. Солдаты, возможно, решили, что со всех ног бежавшая женщина намеревается сигануть с крыши в надежде при приземлении не переломать себе ноги, но это было совсем не так. Уже у самого края Сирелина сделала замысловатый жест. Подчиняясь ему, из бушевавшей вокруг метели оторвался отдельный насыщенный густыми белыми хлопьями поток. Закружившись спиралью, он вытянулся длинной покатой струей, кончик которой нарастал уже за изгородью соседних владений. Спираль становилась все плотнее, и пока ее дальний конец продолжал удлиняться, в своем основании она обрела осязаемую форму в виде небольшого желоба из спрессованного снега. Плюхнувшись в образовавшуюся наклонную конструкцию, чародейка быстро заскользила в направлении видневшегося в ее конце ската нижней крыши противоположного дома.

Воздушный путь Сирелины оказался для противника в недосягаемости. Сообразившие что происходит солдаты наперегонки ринулись к тому месту, где ледяной желоб уже вовсю материализовался на своей завершающей стадии, находясь практически на границе допустимого предела. Его длины аккурат хватало для задуманного, и чародейка с чистой совестью отпустила и без того

вырывавшуюся из-под контроля стихийную сферу. Остатки сохранявшейся в ней энергии выплеснулись все разом. Ледяной взрыв с громовым грохотом разворотил крышу и стены чердака, раскидав фрагменты дерева, льда и черепицы на сотню ярдов окрест. Объятые гончим инстинктом гвардейцы от неожиданности утратили прыть, шарахаясь кто куда и укрываясь от сыпавшихся повсюду обломков. Пронесшаяся над оградой Сирелина беспрепятственно приземлилась на черепицу боковой пристройки в тот самый момент, когда ее чудесный мост разлетелся вдребезги. Дежурившие поблизости гвардейцы уже вертелись внизу, соображая как достать собиравшуюся ускользнуть женщину. Та же, не обращая на них ни малейшего внимания, стремглав пробежала до самого конца крыши и одним длинным прыжком махнула к ветвям ближайшего дерева. Всего и оставалось что ухватиться за них в полете и, погасив инерцию падающего тела, соскочить на мягкую землю. Оставшиеся несколько позади солдаты просто не успеют настигнуть беглянку, которая рванет к ближайшему забору и зайцем унесется в сеть переулков. Сирелина уже была уверена в успехе, поэтому даже не поняла что произошло, когда ее вытянутые было руки неожиданно обвили какие-то путы, будто свисавшая с дерева растительность кинулась им навстречу. Неловко всплеснув промахнувшимися пальцами, чародейка по инерции пролетела мимо намеченной ветки и врезалась корпусом в другую. Не выдержав навалившегося веса, та подалась и сломалась. Окончательно потерявшая контроль над своим движением Сирелина, беспорядочно кувыркаясь, с треском рухнула на землю в целом облаке сбитых листьев. Небольшая высота и мягкий садовый дерн уберегли ее от травм, поэтому чародейка отделалась лишь парой синяков и сильнейшим недоумением. Соображать что к чему было некогда, поскольку погоня наступала практически на пятки, и следовало бежать от нее во весь опор. Только вот помеха, ставшая причиной постигшей ее неловкости, нарушила это нехитрое намерение самым серьезным образом. Распластавшаяся на густой траве чародейка сделала попытку подняться, как вдруг лианообразные путы зашевелились, издавая злобное шипение. К неимоверному ужасу Сирелины ее руки обвивали крупные живые змеи. Их упругие кольца старались стянуть конечности жертвы как можно крепче, а острые зубы осклабились в угрожающем оскале. Взвизгнув, чародейка остервенело принялась стряхивать с себя этих омерзительных тварей, с перепугу плохо понимая откуда они вообще взялись. Она утратила владение собой всего на несколько секунд, но те, увы, оказались роковыми. Избавляясь от гнусных гадов, Сирелина даже не сразу заметила что более не слышит топота

сапог бегущих гвардейцев. Повинуясь отданному приказу, те молча следили как к отчаянно махавшей руками вскрикивавшей женщине приближается, опираясь на окованный посох, фигура в черном балахоне с надвинутым на лицо капюшоном. Лишь стряхнув последнюю чешуйчатую пакость, чародейка вне себя от страха и отвращения отскочила в сторону и наконец-то подняла глаза.

На фоне остановившихся поодаль солдат к ней подступал чей-то зловещий черный силуэт. Она мгновенно поняла кто бы это мог быть, но не успела ничего предпринять. Появившись из рукава каркнувшего что-то колдуна, выпущенные будто из стреломета змеи в мгновение ока вновь опутали руки Сирелины, плотно прижимая их к корпусу. Напрягшись изо всех сил, она рванула локти в стороны, выкрикнув заклинание. Осветившийся контур чародейки сбросил холодную хватку жутких гадов, расшвыряв их извивающиеся тела прочь и развеивая темное волшебство в клочья. Впившиеся в кожу острые зубы покинули плоть, но оставили в ранках коварный колдовской яд. Сжимавшиеся кольца опали, но лишь для того чтобы очередной плеснувшийся поток тварей охватил их с новой силой, повинуясь речитативам низкого, с хрипотцой, голоса колдуна, которым он сопровождал свои чары и от которого даже у гвардейцев бежали мурашки. Сирелина успела ударить врага заклинанием и даже отбросить часть направленных в нее змей, но эффект, увы, оказался куда меньше необходимого. Колдун пошатнулся, но устоял, а чародейка опять оказалась опутана его призванным заклятьем. Она вдруг почувствовала предательскую слабость. Крутанувшись на месте, еще раз испустившая чары Сирелина умудрилась избавиться от цепкой хватки и выбросила в сторону колдуна яркую светящуюся сферу. Стихийная, увы, давно развеялась, да и сейчас все равно оказалась бы в недосягаемости из-за расстояния. Излучавший слепящий свет шар должен был ненадолго вывести женщину из поля зрения врага, в то время как сделавшая кувырок в сторону чародейка намеревалась покинуть зону поражения, влепив противнику еще одно заклинание. Замысел удался лишь частично. Сфера действительно вызвала во всех устремленных к ней взорах нарушение зрительного восприятия, причем ее сияние развеивало обращенное на Сирелину темное колдовство. Только продержалась она совсем недолго. Успевшая сместиться чародейка вновь ударила цель по ногам бесплотным ударом, а следом тут же швырнула в черный балахон остававшийся у нее кинжал, сопроводив бросок коротким напутствием чародейской речи. Получив сильнейший толчок, колдун, казалось, вот-вот потеряет равновесие, но кончик его посоха неожиданно исторг клубень черных корней, глубоко впившихся в землю.

Враг удержался за ставшую совершенно незыблемой опору, но не успел ничего поделать с вынырнувшим из-за испарившейся сферы клинком. Направляемое чарами жало ударило его прямо в грудь. Затем бессильно упало на траву, столкнувшись с защитным барьером, а вокруг фигуры в черном балахоне на мгновение обозначился призрачный ореол. Ступни уносившейся ланью Сирелины неожиданно за что-то зацепились, а в следующее мгновение какая-то сила рванула их к земле, отчего женщина со всего маху распласталась на ковре из травы. Вынырнувшие из дерна цепкие черные корни крепко переплелись вокруг лодыжек и медленно наползали на голени, шевелясь как дождевые черви. Елозившие по вросшему посоху пальцы колдуна в такт шепчущим губам направляли эти распространившиеся под землей коварные путы, перехватившие чародейку как раз тогда, когда она обрела шанс ускользнуть. Резким движением Сирелина махнула осветившейся рукой, и прогремевшее заклинание сбило остановившие ее узы, вогнав корни обратно в дерн, но время оказалось упущено. Рукав колдуна уже исторгал омерзительных гадов, налетавших на поднимавшуюся чародейку и яростно переплетавшихся вокруг ее конечностей и тела. Их становилось все больше и больше, и шевелящаяся шипящая масса разила расшвыривавшую ее жертву гнусным колдовским ядом. Сирелина почувствовала как у нее закружилась голова, а руки и ноги начали цепенеть. Понимая что проигрывает, она собрала волю в кулак и сконцентрировала оставшуюся энергию, дабы разбить овладевающее ей колдовство и выиграть хотя бы несколько секунд. Обвившаяся вокруг шеи змея захлестнула ей губы, вдавливаясь в рот. Зарычав, чародейка, забыв про отвращение, впилась в нее зубами, но тварь лишь усилила нажим, не давая произнести ни слова. Заклинание сорвалось. Рептилии лишь ненадолго ослабили хватку, сползая с яростно отбивавшегося тела, но этого было явно недостаточно. Опять появившиеся из земли корни лезли на ступни, лишая подвижности, холодные шипящие объятия усиливали нажим. Отпустив посох, колдун двинулся к изнемогавшей чародейке, короткими точными пассами выбрасывая в нее одну змею за другой. Взмах руки — и вот уже холодеющие ладони Сирелины крепко прижаты к телу чешуйчатыми кольцами. Еще один — и ноги обвиты несколькими крупными злобными гадами. Затем резкое движение, будто колдун бил кого-то наотмашь, и практически обездвиженную чародейку швырнуло на землю. Не будь корни мягкими, ей бы непременно сломало лодыжки, но они изогнулись вслед за падавшим телом, хищно протягивая к нему выныривавшие из земли новые концы. Голос колдуна стих. Извивавшаяся Сирелина еще сопро-

тивлялась, яростно мыча и испуская слабое синее свечение, но она уже не могла преодолеть пленившую ее силу. Подошедший колдун остановился, изучая поверженную жертву. Чародейка, свирепо сверкая глазами, силилась заглянуть ему под капюшон, благо что смотрела снизу вверх, но там витала какая-то непроглядная завеса. Хотя возможно, что в голове у нее просто совсем помутилось, а перед глазами так и вовсе все основательно плыло. Наклонившись, колдун положил на лежавшую женщину какой-то замысловатый амулет. Одна из змей, немедленно подхватив предмет, нырнула в гущу других и прижала его к самой груди чародейки. Колдун сделал легкое движение рукой и рот задыхавшейся женщины оказался избавлен от затыкавшей его гадины.

— Чтоб ты сдох, Дегонис! — грозно прорычала насилу отдышавшаяся Сирелина, сверля врага неистовым взглядом.

Если бы им можно было убивать, то фигура в черном, расшитом рунами и каббалистическими символами балахоне сейчас разлетелась бы на молекулы. Пользуясь вернувшейся возможностью говорить, Сирелина попыталась угостить колдуна чарами, но у нее ничего не вышло. Удерживаемый змеей амулет отозвался на груди неприятным жжением.

— С твоей помощью как раз надеюсь прожить подольше, — с усмешкой в голосе отозвался Дегонис. — Сирелина, будь хорошей девочкой и не пытайся колдовать — не выйдет. Страж оборачивает твои чары против тебя же, высасывая жизненную силу, а мне не хотелось бы увидеть твою смерть. Не сейчас.

— Извращенец! — заявила неистово затрепыхавшаяся женщина.

Дегонис вытянул над ней руку и что-то злобно прошипел. Тело чародейки пронзила сильная боль, прокатившись от кончиков пальцев на ступнях до самой макушки и наполняя своей пульсацией каждую клетку. Сирелина застонала, стиснув зубы. Колдун опустил руку и боль ушла.

— Не вынуждай меня повторять урок. Будет хуже, — предупредил он без всякой тени угрозы, как бы просто констатируя факт.

— Убей меня и покончим с этим, — выдавила чародейка.

— Ишь чего захотела. Не затем мы с тобой столько возились, — усмехнулся Дегонис. — Разве мой ученик тебе не сказал? У меня на тебя большие планы. Ты желаешь мне смерти, но помимо прочего как раз наоборот: я надеюсь с твоей помощью обрести продление жизни. Для изготовления задуманного мной эликсира требуется настоящая чародейка, и ты подходишь просто идеально. Ты сильна, и это еще лучше. Со мной тебе, конечно, не совладать, но если бы не мое своевременное появление, ты ускользнула бы вновь, оставив остальных в дураках. Но теперь все, девочка, ты

свое отпрыгала.
— Ты это серьезно? — невольно изумилась Сирелина. — Вот уж не думала, что ты очередной искатель вечной жизни. Если жаждешь продлить свои года, надо было родиться женщиной, а не злобным темным упырем.
— Про вечную никто и не говорит, — пожал плечами Дегонис, пропуская оскорбление мимо ушей. — Но я рассчитываю использовать отпущенный чародейкам дар долгой жизни в своих интересах. Его секрет не может ускользать вечно, и я намерен создать алхимическую эссенцию, которая позволит изготовить принципиально новое зелье.
— Ты переобщался с трупами, псих, — сообщила Сирелина, но ей вдруг стало очень сильно не по себе.
Еще больше, чем было до сих пор.
— Время покажет, — зловеще отозвался Дегонис. — А его у нас будет много. Не стану заверять что оно пройдет для тебя совершенно безболезненно, но обещаю лишь сохранять тебе жизнь достаточно долго. Мы еще поговорим об этом, а сейчас помни — никакого сопротивления, иначе страдания, которым я тебя подвергну, заставят горько о нем пожалеть.
Не дожидаясь ответной реплики, колдун сделал движение пальцами. Губы чародейки вновь сковало плотное змеиное кольцо. Затем Дегонис вытянул над лежавшей женщиной ладони и нараспев произнес несколько слов на искаженном колдовском наречии. Опутывавший Сирелину змеиный клубок обратился в казавшиеся самыми обычными крепко стянутые веревки, разве что испещренные руническими знаками.
— Сюда! — приказал колдун, подав знак топтавшимся поодаль гвардейцам. — Возьмите эту чертовку и отнесите в экипаж.

Пока солдаты грузили отчаянно брыкавшуюся чародейку, Дегонис отправился проведать своего до сих пор пребывавшего в беспамятстве ученика, о котором ему доложил лейтенант гвардии. Его следовало привести в чувство, дабы он навел вокруг хоть какой-то порядок, пока сам учитель занят куда более важными делами. Жители окрестных домов наверняка находятся под сильнейшим впечатлением от разыгравшейся сцены и их следовало побыстрее успокоить, с чем Баратис вполне мог справиться самостоятельно. Он еще получит свое наказание за то что едва не упустил чародейку, а сейчас пусть отрабатывает, сглаживая нанесенный ущерб.

Потеха закончилась. Гвардейцы все еще стояли в оцеплении, но с минуты на минуту ожидали приказа снять его и разойтись по казармам. Виновницу всего переполоха надежно упаковали в

тщательно задрапированную повозку, запряженную двумя лошадьми, а двери хорошенько заперли. Поднявшийся на козлы вместе с напарником кучер щелкнул хлыстом, и повозка неторопливо тронулась вперед. Расступившись, гвардейцы пропустили ее покачивавшиеся борта и вновь сомкнули строй. Лошади поплелись по улице, а подле экипажа с каждого борта гуськом зашагало по два солдата. Следом готовился выступить небольшой отряд сопровождения. С правой стороны к двум находившимся там воинам быстро приблизился еще один. Поравнявшись с ними, он двинулся рядом, поглядывая вокруг со скучающим видом.
— Я с вами. Лейтенант послал. Мне все равно по пути, — пояснил новый гвардеец, поймав на себе немой вопрос соседей.
Скользнув по нему равнодушными взглядами, те кивнули и отвернулись. Повозка как раз подкатилась к ближайшему перекрестку и начала поворачивать налево, скрывая правый борт из поля видимости остававшихся несколько позади сопровождающих. Одним резким ударом новый гвардеец свалил ближайшего к нему сослуживца на желтоватую от пыли мостовую. Тот даже охнуть не успел. Второй, машинально обернувшись на послышавшиеся звуки, успел увидеть замах, с которым на его шлем обрушилась увесистая дубинка из мореного, окованного железными кольцами дерева. С закатившимися глазами второй солдат последовал за первым, а нападавший в два прыжка подскочил к передку повозки и взлетел на козлы. Сидевшие там кучер и охранник не успели спросить чего ему надобно. Затрещина дубинкой оглушила немедленно сброшенного охранника, а кучер, получив мощный толчок, с коротким воплем вылетел по левую сторону экипажа. Подхватив вожжи, коварный гвардеец хлестнул лошадей что было мочи. При виде упавшего перед ними возницы уцелевшие солдаты тревожно закричали. Их голоса присоединились к громким возгласам сопровождения, завидевшего оставшиеся на мостовой неподвижные тела. Взвившиеся лошади понесли, нахлестываемые нещадной рукой угонщика. Один из подбежавших слева гвардейцев успел было сунуться к кучеру, но получил такой удар, что отлетел прочь и врезался в ограду ближайшего дома, едва не переломав себе кости. Другой вскочил на подножку повозки и обнажил саблю. Не дожидаясь пока он соберется что-либо предпринять, угонщик выхватил хлыст и сильно стеганул прицепившегося солдата. Тот пригнулся и выдержал атаку, продвинувшись ближе к самозваному кучеру. Оценив положение, угонщик махнул хлыстом еще раз, обвив его гибкий хвост вокруг руки гвардейца. Затем дернул на себя. Потеряв равновесие, гвардеец сорвался с подножки и ухнул прямо в пролетавшие мимо кусты небольшого скверика. Новый возница

бросил быстрый взгляд назад. Там, в клубах поднятой пыли, со всех ног бежали за ускользавшим экипажем разъяренно оравшие солдаты. Бежали во всю прыть, но становилось совершенно очевидно, что набравшие ход лошади увеличивают образовавшийся отрыв. Мимо просвистело несколько неточных стрел, но огонь быстро прекратился. То ли лучники не могли толком прицелиться, то ли кто-то поумнее приказал им прекратить безобразие, дабы не перестрелять мирных жителей. Те же с испуганными возгласами шарахались подальше от несущейся повозки, провожая ее недовольным ворчанием и бранью. Разогнавшиеся лошади скакали во весь опор, отчего передвижное узилище бешено подпрыгивало на камнях и выбоинах, потрескивая так, будто норовило и вовсе развалиться. По счастью, улица оказалась достаточно широка, дабы спонтанная гонка не обернулась многочисленными жертвами среди прохожих. Грохот колес по мостовой, свист кнута и пронзительные окрики возницы успевали привлечь их внимание еще до столкновения, предоставляя возможность увернуться, но бесконечно долго такая беспрепятственная поездка продолжаться не могла. Во-первых, на большой скорости можно было осуществлять только умеренные повороты, а во-вторых, помимо оставленных позади гвардейцев в городе имелась и обычная стража. При виде подобного безобразия она вряд ли его проигнорирует, а посему наверняка присоединится к погоне. Поднятая же тревога вскоре и вовсе охватит весь Солтенстил.

То ли возница знал куда гнать, то ли ему просто везло. Удачно вписываясь в подходящие повороты, он сумел несколько оторваться от преследователей и лишь один раз наскочил на патруль стражи. Та одарила кучера потоком сквернословия, но, оценив скорость передвижения, утруждать себя беготней не стала, ограничившись угрозами найти и всыпать впоследствии. Возможно, не последнюю роль в проявленном попустительстве сыграла промелькнувшая гвардейская форма. Когда экипаж влетел в бедный район с теснившимися друг к другу жалкими лачугами, угонщик насилу притормозил лошадей и кое-как остановился у небольшого арыка, забиравшего воду из ближайшего канала. Преодолевая его, повозка действительно чуть не развалилась, когда ее основательно подбросило на дугообразном каменном мосту. Не обращая внимания на взгляды местных жителей, угонщик соскочил с козел, оставив в покое всхрапывающих возбужденных лошадей, и подошел к запертой дверце. Решив не возиться с замком, он несколькими увесистыми ударами дубинки разнес часть деревянной створки и распахнул ее настежь, рассыпав целый ворох щепок. Забравшись внутрь, похититель склонился над лежавшей на полу обмотанной

веревками женщиной. Его встретил недружелюбный взгляд сверкающих гневом голубых глаз. Поддев пальцами затыкавшие рот пленницы путы, странный гвардеец, поднатужившись, оттянул их в стороны. За это он тут же оказался вознагражден яростно впившимися ему в руку острыми зубами.
— Ай! — воскликнул мужчина подозрительно знакомым Сирелине голосом. — Ты что, сдурела?!
— Бэйл?! — изумилась чародейка, выпуская прокушенную волосатую лапу.
— А ты кого ждала? Принца крови? — проворчал гладиатор. — Дай-ка я тебя развяжу!
Выхватив кинжал, он попробовал было поддеть пеленавшие женщину путы, но у него ровным счетом ничего не вышло. Острое лезвие бессильно сновало по веревкам не оставляя на них даже малейшего пореза.
— Что за ерунда? — оторопело произнес он, нажимая на рукоятку до белизны в пальцах.
— Сними с меня амулет! Скорее! — воскликнула сообразившая в чем тут дело Сирелина. — Он где-то у меня на груди.
Следуя указанию, Бэйл, подсунув пальцы под веревки в указанной области, пошарил там туда-сюда и, нащупав какой-то предмет, извлек его на свет. Чародейка немедленно произнесла заклинание. Обессиленная, отравленная волшебным ядом она едва могла колдовать, но ее сил, к счастью, хватило чтобы сделать усеянные руническими знаками путы уязвимыми.
— Режь! — коротко бросила она, почувствовав как сковывающая хватка ослабевает.
Гладиатор вновь принялся усердно орудовать кинжалом и на сей раз у него получилось. Перерезанные веревки спали и Сирелина, морщась от боли в кровоподтеках, села на полу повозки, растирая затекшие члены.
— Как ты здесь очутился?! — воскликнула она, меряя мужчину взглядом, в котором читалась целая буря эмоций сразу.
— Давай об этом потом. Сейчас надо живо убираться, пока не нагрянула погоня, — предложил Бэйл, настороженно прислушиваясь к доносившимся издали подозрительным звукам.
Найдя что гладиатор совершенно прав, чародейка, опершись на протянутую руку, вскочила на ноги и выпорхнула из экипажа.
— Сюда! — скомандовала она, быстро оглядевшись вокруг.
— Уверена? — с сомнением уточнил Бэйл.
— Я провела в этом городе много времени. Давай шевелись, сейчас некогда с тобой возиться, — бросила уже на ходу Сирелина.
— Вот она, благодарность, — вздохнул гладиатор и последовал за

быстро убегавшей женщиной.

Своим невероятным спасением уж и не чаявшая обрести свободу чародейка оказалась обязана нескольким увязавшимся друг за другом событиям. Пока Дегонис в ярости устраивал жесточайший разнос всем кого он считал виновным в побеге ценной добычи, Бэйл прояснил Сирелине подробности своего поистине чудесного появления. С тех пор как чародейка сбежала из обители, он долгие месяцы бесплодно ожидал ее возвращения и уже собирался отправиться на поиски. Вряд ли он преуспел бы в своем намерении, особенно если учесть что за прошедший год Сирелина где только ни побывала, но помог случай. Присланная ей самой весточка прямиком из Солтенстила обозначила местонахождение запропастившейся женщины. Весточка предназначалась для сестер, но ее появление не прошло в тайне, и гладиатор мгновенно сориентировался что к чему, выяснив интересующие его детали. Быстро собравшись, он выехал уже наследующий день и поспешил в столицу хана Гийюра. Июнь уже близился к концу, когда он прибыл в стоявший на Идлисе большой город. Просто так взять и найти здесь Сирелину было непросто, особенно если та не хотела оказаться обнаруженной, поэтому Бэйл просто скитался по округе в надежде приметить знакомую фигуру. Хорошо зная об интересах своей приятельницы, чаще всего он крутился возле ханского дворца, рассчитывая, что если та где-нибудь и объявится, то скорее всего поблизости.

Однажды его внимание привлекли спешившие куда-то группы покидавших дворец гвардейцев. Гладиатор сразу насторожился, а когда подобрал оброненную одним из солдат листовку так и вовсе заподозрил неладное. На куске бумаги был очень точно изображен портрет женщины. Ее внешность существенно отличалась от привычной глазу Бэйла, но он не мог не узнать хорошо знакомые черты Сирелины, с которыми водил довольно близкое знакомство. Впрочем, возможно он просто нутром почуял, что ханская гвардия не будет гоняться абы за кем, а вот такая птица как чародейка ее вполне может заинтересовать. Недолго думая, гладиатор отправился за солдатами и вслед за ними прибыл в ничем не примечательное место. Там их поведение насторожило Бэйла еще больше. Часть гвардейцев скрытно рассредоточилась по окрестностям, а часть, очевидным образом стараясь оставаться незамеченной, окольными путями проникла в какой-то двухэтажный дом. Беспокойно поглядывая на портрет, гладиатор решил обязательно выяснить что тут затевалось.

Ждать пришлось очень долго. Гвардейцы, по всей видимости, успели пару раз смениться, а вот Бэйл так и проторчал три дня на

месте, устроив наблюдательный пункт в пустующей мансарде одного из домов неподалеку. Он отлучался лишь ненадолго за самым необходимым и однажды обнаружил возросшую активность солдат. Ее причина вскоре стала понятна. Гвардейцы покидали укрытие и выстраивались в грозное оцепление, а когда на балкон второго этажа окруженного здания выскочила какая-то особа, то их интерес и вовсе стал очевиден. Когда дело дошло до чар, он уже ничему не удивлялся. На тот момент Бэйл вовсю соображал как бы помочь попавшей в беду Сирелине, но вокруг было слишком много солдат. Подкравшись к зазевавшемуся гвардейцу, он по-тихому вырубил его и оттащил в кусты, одолжив форму и оружие. Надвинув на лоб шлем и немного затемнив лицо смесью на основе сажи, он осторожно маячил в задних рядах оцепления, выжидая подходящего момента. Любая попытка прямого вмешательства становилась равносильной самоубийству. При всей своей сноровке Бэйл ничего не мог придумать, терзаясь муками совести. Вместе с тем чародейка прекрасно справлялась и сама. Наблюдая за снежным представлением, восхищенный гладиатор даже подумал, что ей таки удастся сбежать, но конец, увы, оказался совсем не радужным. Завидев как гвардейцы тащат связанную Сирелину и запихивают в подъехавший экипаж, Бэйл понял, что время на исходе. Оказавшись неподалеку, он быстро оценил диспозицию, и у него появилась отчаянная мысль. Риск был велик, но другого шанса спасти чародейку, скорее всего, уже не подвернется. Едва только повозка тронулась, гладиатор подошел поближе, а вскоре с невозмутимым видом быстро присоединился к шедшим с правого борта солдатам. Возможно, выступи отряд сопровождения сразу, то нахальный план провалился бы едва начавшись, однако гвардейцы замешкались, позволив экипажу откатиться вперед. Совсем немного, но этого хватило дабы Бэйл, волк в овечьей шкуре, успел раскидать стражу и угнать узилище на колесах до того, как его успели остановить.

Все это гладиатор поведал чародейке пока та приводила себя в порядок. Ей следовало не только отмыться, но и устранить последствия темного колдовства. Кроме того, Дегонис мог оставить на Сирелине какой-либо знак или того похуже, поэтому она вынуждена была спешно провести полный ритуал очищения. С помощью Бэйла это удалось провернуть довольно скоро, и чародейка наконец-то перестала опасаться что ее сумеют выследить при помощи чар. Забравшись в бочку с теплой водой, она с наслаждением терлась губкой, покуда сидевший рядом гладиатор излагал свой рассказ. По вполне определенным причинам стесняться именно этого мужчины Сирелине не приходилось, и никакой неловкости

она не испытывала. Кроме того, убежище Бэйла все равно не предполагало отдельных апартаментов для высоких особ, а посему приходилось довольствоваться малым.

— Что ж, кажется, я обязана тебе жизнью, — мурлыкнула пристроившаяся у очага подле Бэйла чародейка.

Выбравшись из бочки, она замоталась в полотенце и теперь томно сушилась у задорно потрескивавшего огня.

— Пустяки, — проворчал гладиатор, хотя по всему было видно что он доволен сотворенным подвигом. — В который раз убеждаюсь: тебя вообще нельзя одну оставлять, обязательно вляпаешься в неприятности.

Одну. Вернувшись мыслями к провалившейся операции по спасению нирелинцев, Сирелина здорово приуныла. Нечего было и надеяться пробраться во дворец, но что теперь делать она ума не могла приложить. Бэйл на этот счет оказался категоричен, когда чародейка коротко поделилась с ним своим горем.

— И думать нечего. Немедленно уезжай из Солтенстила и отправляйся в орден! — заявил он без тени сомнения.

— А как же Иля? Я обещала ей вернуться и вновь обманула! — терзалась Сирелина. — Что она теперь обо мне подумает?

— Поверь, будет гораздо хуже, если тебя снова схватят, — резонно заметил гладиатор. — Сейчас ведь, поди, нас ищут по всему городу. Но даже когда все уляжется, то будь уверена — во дворце тебя станут караулить с фонарями. Как ни печально, но пленникам ты пока более ничем не можешь помочь. Оставь эту мысль, если не хочешь, чтобы твоя Иля оплакивала гибель своей наставницы, а не исчезновение. Как я понял, она достаточно умная девочка чтобы догадаться о возможных причинах твоего отсутствия. Что ее не бросили, а так сложились обстоятельства.

— Много ты знаешь о детях! — насупилась чародейка.

— Немного, это верно, — отозвался Бэйл и обиженно умолк, глядя в язычки жаркого пламени.

Сирелина сообразила что была слишком груба, особенно по отношению к своему спасителю. Стараясь загладить вину, она принялась подлизываться и вскоре гладиатор оттаял. Вместе с тем следовало признать, что по сути он говорил совершенно верно.

— Да, влипла я в переделку. Мне и в тот дом не вернуться, вещи забрать. Хорошо хоть ценности с собой — я всегда таскаю драгоценные камни в поясе, — вслух размышляла чародейка.

— Цела осталась да на свободе — радуйся! — проворчал Бэйл. — Не уедешь сама, увезу тебя силой.

— А кто приглядит за Илианой? — терзалась Сирелина.

— Если доверяешь, могу и я, — неожиданно предложил гладиатор.

Удивленная чародейка спросила что он имеет в виду.

По мнению Бэйла, Сирелина находилась не в том состоянии, когда она могла принимать наиболее взвешенные решения, поэтому гладиатор взял на себя смелость предложить свой вариант дальнейших событий. В принципе, он был предельно прост. Чародейка в обязательном порядке возвращается в обитель, где ей хоть и предстоят неприятные объяснения с наставницей и настоятельницей, однако надежнее места сейчас не найти. К тому же сестры помогут Сирелине лучше подготовиться к столкновению с темным колдовством, чем пренебрегать никоим образом не стоит. Теперь, когда она точно знает с кем имеет дело, будет проще обрести подходящие знания и навыки, а где их получить как не в ордене? Тем временем Бэйл останется в Солтенстиле. Его личность тут никому не известна и носителем колдовского дара он не является, так что опасаться ровным счетом нечего. Гладиатор постарается найти способ попасть во дворец, причем лучше всего законный. Когда ему это удастся, он сможет присматривать за подопечной Сирелины, помогая ей по мере возможности. И то, что осуществить подобное ему вполне по силам, Бэйл даже не сомневался. Он станет иногда посылать чародейке весточку, дабы держать ее в курсе событий. Та же сможет вернуться как только для этого наступит подходящее время. В какой именно момент это произойдет и что вообще можно будет предпринять — отдельный вопрос, о котором думать сейчас все равно рано и совершенно бессмысленно.

Сломить сопротивление чародейки оказалось нелегко, но в итоге Сирелина сдалась под напором очевидных и неоспоримых аргументов. Вряд ли из Бэйла получится хорошая нянька, но оставить при дворце свои глаза и уши — лучше, чем ничего. Тем более что через него она сможет хоть как-то общаться и с Илианой, добросовестно стараясь исполнять взятую на себя роль наставницы. У нее имелись лишь некоторые сомнения касательно сегодняшнего инцидента. Как бы Бэйла случайно не опознали пострадавшие от его рук гвардейцы. Тот, однако, на сей счет был совершенно спокоен. Исходя из богатого опыта гладиатора, основательно получившие по башке солдаты вряд ли сумеют опознать мельком виденного переодетого человека, лицо которого частично скрывал низко натянутый шлем и притирка из менявшей оттенок кожи смеси. Только что сама собиравшаяся обратно волку в пасть Сирелина выразила некоторое недоверие. Сие казалось нелогичным: лично бросаться с головой в омут, а у другого цепляться к каждой мелочи, но Бэйл отнесся к переживаниям чародейки снисходительно. Он посоветовал положиться на того, кто по роду своей деятельности сталкивался с подобной ситуацией куда чаще.

Несколько дней Сирелина безвылазно провела в убежище гладиатора, пока в городе еще надеялись отыскать следы в очередной раз сбежавшей чародейки. Бэйл тем временем тщательно подготовил ее отъезд, раздобыв все что требовалось и обеспечив женщине надежное прикрытие. С деньгами можно было практически все, а Сирелина, не скупясь, вручила ему солидную долю драгоценных камней, дабы обеспечить не только текущие, но и будущие потребности. Кто знает сколько времени гладиатор проведет в Солтенстиле и какие ему предстоят траты, особенно с учетом затеваемых планов. Пусть уж лучше ему не придется думать о материальном положении. В ином случае Бэйл не взял бы у нее ни гроша, ограничившись той благодарностью, которой щедро одарила его Сирелина за весь период совместного проживания, но на сей раз дал себя уговорить исключительно в интересах дела.

В первых числах июля чародейка покинула Солтенстил. Перед отъездом она написала для Или письмо. В нем она, как могла, объяснила свое отсутствие и просила довериться ее хорошему другу, который будет опекать девочку вплоть до возвращения самой Сирелины. Через него они смогут поддерживать связь, и через него же чародейка постарается передавать для воспитанницы все необходимое. Сирелина добавила еще много слов, не несших в себе какой-либо прямой сути, но зато красноречиво говоривших о владевших ей чувствах. Вручив запечатанный конверт Бэйлу, она распрощалась с ним достаточно нежным образом, а затем поспешила удалиться, пока эмоции не взяли верх над расчетливой необходимостью. Убедившись, что чародейка благополучно миновала заставу, гладиатор подождал пока она скроется из виду. Затем развернулся и зашагал обратно.

– 12 –

Еще завидев прочесывавших зверинец гвардейцев, Илиана сообразила: что-то пошло не так. Кружным путем она во весь дух примчалась к домику у пруда и забралась на чердак, но он по-прежнему был пуст. Чародейка не возвращалась, и ничто не указывало на ее недавнее появление. Волнуясь, Илиана гадала что могло случиться и почему солдаты хана вдруг заглядывают едва ли не под каждый камень. А они уже приближались, и их голоса раздавались совсем неподалеку от лебединого приюта. Испугавшись, Иля вдруг подумала, что ее убежище сейчас окажется раскрытым. Ведь гвардейцы прямо носом землю рыли, обшаривая окрестности, и небольшая дверца в стене за густым кустарником вряд ли укроется от тщательного обыска. Стоя за занавеской, Иля следила

за показавшимися солдатами и по мере того как они подходили все ближе ей становилось все более не по себе. Когда гвардейцы вышли к домику с колоннами, она испуганно присела у окна и сжалась в комочек, обнимая игрушечного медведя, как будто такая поза могла сделать и ее, и убежище невидимыми. Здесь были все ее сокровища, уютный уголок и возможность хотя бы иногда заниматься тем, чем хотелось. Потерять все это казалось просто немыслимым. Крепко зажмурившись, Илиана прямо-таки чувствовала, как явившиеся к колоннаде люди, переговариваясь, старательно осматривают местность. Вот они миновали парадный вход и двинулись через заросли. Растянувшись цепью, солдаты изучают каждый куст и заглядывают в крону каждого дерева. Двое из них оказалось совсем близко от неприметного входа, и самый крайний шагает прямо к буйно разросшемуся кусту. Должно быть, возбужденное воображение столь ярко рисовало Иле происходящее снаружи, что она едва ли не зрительно осязала как гвардеец поравнялся с искомыми зарослями. Иля отчетливо слышала его шаги, и теперь они раздались в непосредственной близости от укромного места. "Здесь ничего нет! Здесь ничего нет! Здесь ничего нет!" — словно заклинание, непрерывно повторяла Илиана, чуть покачиваясь взад и вперед в такт мысленно произносимым словам. До обнаружения оставались считанные секунды. Раздвинув упругие ветви, солдат старательно принялся в них шарить, шурша густыми ветвями с широкой листвой и маленькими красными ягодами. Его взгляд окинул открывшееся взору пространство и скользнул по стене. Затем мужчина отступил назад, оставив потревоженный куст в покое, и двинулся дальше, не найдя ничего предосудительного. Приоткрывшая глаз Илиана прислушивалась, как поступь бредущих гвардейцев постепенно удаляется и стихает где-то поодаль. Неужели они так ничего и не заметили? Не веря своему счастью, Иля ласточкой порхнула к лестнице и соскочила вниз. Высунувшись из осторожно отворенной двери, она старательно прислушалась к стихавшим голосам. Похоже, как это ни казалось невероятно, гвардейцы действительно прошли мимо, начисто проигнорировав спрятанный за кустарником вход. То ли искали невнимательно, то ли оказались чем-то отвлечены и пропустили столь примечательный объект прямо под носом. Как бы там ни было, убежище Илианы по-прежнему оставалось неприкосновенным, сохраняя всю прелесть неизвестности. Облегченно переведя дух, Иля забралась обратно и попыталась скоротать время за книжкой, но никак не могла сконцентрироваться на чтении. Ее мысли упорно возвращались к обыску и к тому, что могло послужить его причиной. Иля страшно беспокоилась за свою фири и не

могла отделаться от ощущения что той грозит какая-то беда.

Догадка девочки, разумеется, оказалась недалека от истины. Вернувшиеся гвардейцы сообщили, что на территории дворцового комплекса не замечено ничего подозрительного. Выслушав доклад лейтенанта, из тех кто был допущен в Нижние подземелья, Дегонис удовлетворенно хмыкнул. Видимо, неуловимую чародейку не особо интересовала наземная часть дворца, и она сосредоточила все свои усилия на секретной области. Отпустив офицера, старший колдун немедленно вызвал к себе Баратиса.

Илиана ничего не знала о последовавших событиях и куда запропастилась Сирелина. Она бесплодно ждала появления чародейки, надеясь на ее возвращение, но чердак всякий раз оказывался пуст, а от наставницы по-прежнему не было никаких вестей. Дни шли за днями, а фири как в воду канула, оставив опечаленную Илю в полном одиночестве. Она не винила наставницу и не сердилась на нее. Она понимала, что случилось нечто совсем непредвиденное, раз чародейка не сдержала свое обещание. Просто Илиане было очень грустно, и она ничего не могла с этим поделать. О ком именно она грустила — отдельный вопрос. Восприятие Сирелины у девочки сформировалось несколько необычное. Хлопочущую мать ей заменяла Далина и, надо сказать, добрая женщина прекрасно справлялась с этой ролью. Старым ласковым дедом и первым учителем однозначно являлся шейх, чье морщинистое лицо навечно запечатлелось в памяти как символ заботы и справедливости. Что же касалось Сирелины, то тут все обстояло иначе. Чародейка являлась скорее мудрой старшей сестрой, взявшейся опекать младшую и ставшая для нее любимой наставницей. Подлинный возраст "старшей сестры" при этом не имел ни малейшего значения. Илиана не обращала внимания на такие мелочи, зато уверенно считала Сирелину кладезем чудес и премудростей, и образцом для подражания. И теперь, вновь предоставленная самой себе, она терпеливо ожидала появления полюбившейся фири, скрашивая время за оставленными ей книгами. Этому занятию она могла предаваться вволю, ибо ни Илю, ни Далину никто не беспокоил. Лишь один раз, вскоре после устроивших в зоопарке обыск гвардейцев, к ним в жилище явился невысокий человек в черном одеянии, расшитом серебряными символами. Присмотревшись к внутреннему убранству, он завел самую обычную беседу, в ходе которой задал несколько ничем не примечательных вопросов. Затем удалился и более не показывался.

Впрочем, Иля была не совсем одна. Еще у нее были звери. Не только игрушечные, среди которых теперь находился и подаренный Сирелиной плюшевый медведь, но и настоящие. Оно обожала

их всех, но некоторых — особенно. Как обычно, своих питомцев Илиана знала по именам, как правило отнюдь не совпадавших с присвоенными им людьми, и общалась с ними одной ей известным образом. У нее было несколько любимцев, но больше всего Иле по душе пришлась грациозная тигрица Зара, привезенная в подарок хану Гийюру из дремучих лесов бескрайнего далекого Востока. Зара обитала в просторном светлом вольере и часами нежилась на солнышке, забравшись на раскидистое дерево, либо же сонно разваливалась в теньке у неглубокого водоема, в котором не отказывала себе в удовольствии и искупаться. Илиана всегда смеялась, когда Зара, забравшись в воду, принималась забавно дергать то одной, то другой лапой. Затем ее роскошная полосатая шкура погружалась в чистейшие проточные струи и на поверхности маячила одна лишь усатая морда, приоткрытая в блаженном оскале. В ханском зверинце для животных создали вполне приличные условия, поэтому нельзя было сказать, что те томились в ужасных тесных узилищах. Вместе с тем неволя есть неволя, и тигрица порой тосковала по прекрасным лесным просторам своей родины, откуда ее забрали еще в юном возрасте. Видимо об этом она иногда и жаловалась приходившей навестить ее Илиане, кладя морду на лапы у самого края вольера, ведь больше никто Зару не слушал. Иля с неизменным восторгом созерцала могучую красавицу и внимала ее добродушному ворчанию, столь разительно отличавшемуся от грозного утробного рыка.

— Она же тебя сожрет! — послышался сзади чей-то ошеломленный голос.

Блаженно привалившаяся к решетке тигрица дернула ухом и чуть пошевелилась, но не обратила на появление еще одного человека ни малейшего внимания. Заре усердно почесывали шею и загривок, и совсем как домашняя кошка она довольно вздыхала, издавая что-то подозрительно напоминавшее мурлыканье. Застыв с просунутой в клетку рукой, Илиана обернулась. За спиной, вытаращившись во все глаза, стояла среднего роста смуглая девочка-подросток лет четырнадцати в изысканном шелковом одеянии. В косе черных волос искрилась заколка в виде цветка, а из-под подола зеленого платья выглядывали расшитые жемчугом сафьяновые туфли. Кажется, Иле доводилось видеть ее и раньше, но только издали и всегда в окружении свиты. Пока она соображала что бы ответить, тигрица, почувствовав прекращение ласки, повернула голову и открыла пасть. Незнакомка испуганно охнула. Блеснув огромными клыками, хищница сомкнула челюсти на опрометчиво просунутой между прутьев руке глупой девчонки. Неожиданная посетительница взвизгнула от ужаса. Тигрица, между тем, отнюдь

не собиралась полакомиться зазевавшейся жертвой. На деле ее жест всего лишь означал: "Ну чего остановилась-то?! Давай чеши дальше!" Встрепенувшись, Илиана совершенно спокойно вынула руку из аккуратно прихвативших ее зубов и возобновила ласку, отчего Зара блаженно зажмурилась, подрагивая хвостом.
— Фантастика! — изумленно протянула незнакомка.
— Хочешь ее погладить? — спросила Илиана.
— Ты что, спятила? Она же меня разорвет, — послышался проникновенный ответ.
— Не бойся, она тебя не тронет, — улыбнулась укротительница хищников. — Зара, можно она тебя погладит? — спросила Иля, обращаясь к тигрице.
Та что-то проворчала, махнув хвостом.
— Обещаешь? — уточнила Илиана.
Полученный ответ, видимо, ее удовлетворил, потому что она вновь повернулась к хорошо одетой посетительнице и пригласила ее подойти. По всему было видать что та прилично трусила, но, поколебавшись, все же решилась приблизиться и, шаг за шагом, очутилась рядом с Илианой. Однако встать около клетки не означало сунуть туда пальцы. Незнакомка переводила взгляд с Или на тигрицу, но никак не могла себя заставить прикоснуться к полосатой хищнице. В ее карих глазах читалась сильнейшая внутренняя борьба, где страх смешивался с любопытством и желанием.
— Ну же, не бойся, — подбодрила Илиана.
— Я ничего не боюсь! — с какой-то всплеснувшейся гордостью заявила незнакомка.
С видом обреченного преступника она, качнувшись вперед, вытянула немного дрожавшую руку и положила ее на густой мех матерой тигрицы. От прикосновения та чуть вздрогнула, но продолжала лежать совершенно спокойно, курлыкнув что-то неразборчивое.
— Она говорит что можно почесать ее за ухом, — пояснила Иля.
Потрясенная невероятными ощущениями незнакомка машинально переместила ладонь и стала теребить полосатую шкуру где было указано. Зара вытянула лапы и блаженно жмурилась, подрагивая округлым мохнатым ухом. Осмелев, девчонка в зеленом платье, принялась наглаживать грозное животное, до конца не веря в реальность происходящего. Меж ее широко распахнутых ресниц читалось глубочайшее изумление, смешанное с настоящим, доселе неизведанным восторгом.

Так продолжалось несколько минут. Когда незнакомка, наконец, вынула руку из клетки, ее лицо отражало непередаваемую бурю эмоций. Повернув голову, тигрица глянула на нее приоткрытым глазом. Затем поднялась на лапы, уркнула в усы, приоткрыв

зубастую пасть, и неторопливо удалилась вглубь вольера. Когда стоишь рядом с таким хищником, от любого его гулкого звука душа может в пятки уйти. Незнакомка вздрогнула, но устояла, преодолев инстинктивный соблазн отскочить подальше.
— Зара говорит, ты ей нравишься, — сказала Илиана. — Ты никогда не думала о ней плохо. Как… — девочка немного запнулась, будто подбирая подходящее слово. — Как об игрушке. Она чувствует такие вещи.
— Зара? — подняла брови незнакомка.
— Это ее имя. Ее зовут совсем не так, как кличут люди, — пояснила Иля.
— Как ты это делаешь? — прошептала до глубины души пораженная незнакомка. — Это волшебство? Какой-то фокус?
— Нет, но я… Не могу объяснить. Это сложно, — немного растерянно ответила Иля. — Раньше я сама не понимала. Думала, что в этом нет ничего особенного; что так могут все, просто… Просто не снисходят до животных, считая их незначительными. Только это мой секрет! — добавила она, спохватившись. — Ты ведь никому не расскажешь? А то все решат что я странная и будут ко мне плохо относиться. Как к ведьме.
— А это не так? — прищурилась девчонка в зеленом платье.
— Нет. Я не умею колдовать, — честно сказала Илиана.
Незнакомка внимательно окинула фигурку в черных шароварах и розовой рубашке с головы до ног.
— Хорошо, я тебе верю, — произнесла она с легкой улыбкой. — Для ведьмы ты слишком неказисто выглядишь. И глаза у тебя не злые. Сиреневые. Надо же какой любопытный цвет!.. Никогда таких не видела. Кто ты? Как тебя зовут?
— Илиана, — представилась юная укротительница. — Можно просто Иля. Я здесь работаю.
— Ты служанка? — поинтересовалась незнакомка.
— Нет.
— Придворная?
— Нет.
— Кто же ты тогда? — удивилась собеседница.
— Меня сюда… Привезли. Мне запрещено выходить за пределы дворцовых стен, — неопределенно ответила Иля, размышляя над собственным статусом. — Но зато я могу работать в зоопарке, и мне это очень нравится.
— Как необычно, — озадаченно протянула незнакомка. — И кто же такое приказал?
— Хан, — коротко отозвалась Иля.
Девчонка в зеленом платье неопределенно хмыкнула, сосредото-

ченно потерев переносицу.
— А ты только с тигрицей можешь так общаться или с остальными тоже? — спросила она вдруг.
— Со всеми, — застенчиво улыбнулась Илиана.
— Потрясающе! — не скрывая восторга, воскликнула незнакомка. — А меня научишь?
— Боюсь, этому нельзя научить, — развела руками Иля. — Но я могу поближе познакомить тебя с кем захочешь. Кстати, о знакомстве. Могу я узнать как тебя зовут?
— Талара. Можно просто Тали, — церемонно развела руками собеседница, изящно развернув кончики пальцев
— Ты живешь во дворце? — поинтересовалась Иля.
Талара хотела было что-то ответить, но тут где-то неподалеку послышались множественные голоса, призывавшие ее по имени.
— А, чтоб вы провалились! — с досадой произнесла девчонка в зеленом платье, поправляя его серебряную застежку. — Как они мне все надоели!
— Кажется, тебя кто-то ищет, — заметила Илиана, прислушиваясь к голосам, в которых отчетливо сквозило волнение.
— Знаю. Я от них и сбежала, — проворчала Талара. — Так, мне пора бежать, — засобиралась она. — Рада была познакомиться, Иля. Где тебя можно найти? Думаю, я захочу тебя навестить. Тебя и твой маленький секрет; полагаю, с ним будет здорово.
Сказав последнюю фразу, Талара лукаво улыбнулась, даже не скрывая причину своего неподдельного интереса. Илиана коротко объяснила расположение своего жилища беспокойно оглядывавшейся собеседнице.
— Только не думаю что это можно. К нам обычно никого не пускают, — сразу предупредила Иля.
— Мне все можно, — усмехнулась Талара.
— Ты не боишься нарушить приказ хана? — недоуменно расширила глаза Иля.
— На меня они не распространяются, — засмеялась, тряхнув коралловым ожерельем, черноволосая девчонка. — Все, пока! Ты меня не видела!
Махнув рукой, она шустро припустила по дорожке.
— Это почему?! — удивленно воскликнула Илиана.
— Потому что я его дочь! — звонко отозвалась Талара и скрылась за ближайшим поворотом.

У лейтенанта гвардии, о чем-то беседовавшего с двумя подчиненными, вытянулось лицо, когда у их поста подле дома двух заложниц объявилась принцесса Талара и с самым невозмутимым видом направилась к заветному входу.

— Ваше высочество, вы куда? — пролепетал изумленный лейтенант, силясь сообразить что ему следует делать.
— Куда надо! — сурово отозвалась Талара не терпящим возражения тоном. — Ты что, против?
— Нет, что вы, но ваш отец… — выдавил сбитый с толку офицер, он же куратор двух нирелинок.
— А мой отец — это моя забота! — отрезала принцесса и скрылась за дверью, оставив лейтенанта в мучительных раздумьях.
Перечить любимой дочери повелителя было себе дороже, потому что царственный отец терпел все ее капризы и прощал любые выходки. Что бы ни случилось, в конечном счете достанется всегда кому-то другому, и у офицера гвардии не было ни малейшего желания получать нагоняй за излишнее служебное рвение. Придя к такому нехитрому умозаключению, он махнул рукой и решил не связываться. Пусть хан Гийюр сам объясняется со своей дочкой. *

Случайно обретенное новое общество скрашивало Илиане одиночество. Талара не была старшей дочерью ад-Сейдина, но являлась его настоящей любимицей, и ей позволялось многое такое, о чем кто-нибудь иной и помыслить не смел. К тому же в ней он видел известную долю свободы от закоснелых и тянущих обратно вглубь веков обычаев, образец обновленной культуры. Принцесса наряжалась в одежды северян и людей Запада, любила верховые поездки и в целом вела себя достаточно вольно, не просиживая сутками напролет в замкнутом пространстве. Просто обычно она бывала в недоступных для Илианы местах или прогуливалась в иное время, когда посторонних слуг, как правило, и близко не подпускали, поэтому прежде им не доводилось сталкиваться лицом к лицу. Наряды для Талары приобретались у доверенных поставщиков, либо их на заказ шили местные умельцы по предоставленным образцам. Лошадей отбирали под личным присмотром хана Гийюра. За поведением же принцессы и ее перемещениями следила старшая жена одного из высокопоставленных вельмож, получившая таким образом при дворе собственную официальную должность статс-воспитательницы. Вряд ли кто-то мог утверждать, что на долю этой особы выпало простое и не обремененное тяготами службы задание. Талара от природы не была ни надменной, ни деспотичной, ни вредной девочкой, но высокий статус и большая вседозволенность невольно накладывали определенный отпечаток. Проявлялось это по-разному, обычно в нежелании подчиняться установленным правилам, вплоть до полного их игнорирования тем или иным способом. Воспитательница находилась практически в непрерывной борьбе с характером воспитанницы и постепенно эту борьбу проигрывала. Талара росла и становилась взрослой, к

тому же хан Гийюр потакал ей во всем, как максимум не слишком-то грозно отчитывая дочь, когда отчаявшаяся статс-воспитательница жаловалась на ее выходки. Лишь в виде редкого исключения он ограничивался более строгими мерами и один раз Талару даже на неделю заперли в личных покоях, когда она сбежала от сопровождающих во время прогулки по Солтенстилу. Принцесса захотела пойти туда, куда ее отказывались пускать, и тогда она попросту удрала, оставив нянек и гвардейцев холодеть от ужаса, обыскивая ближайшие кварталы. Талара самостоятельно явилась во дворец спустя сутки, проведя ночь неизвестно где, когда отец уже собирался перевернуть вверх дном всю столицу. Ад-Сейдин тогда сильно разгневался от страха за судьбу дочери и посадил под домашний арест на три месяца. Правда уже через неделю оттаял и выпустил, взяв с нее обещание больше не подвергать свою жизнь опасности. Это сберегло существенную часть дорогой дворцовой посуды, поскольку надувшаяся принцесса коротала время упражняясь в метании столовых приборов по посетителям.

Старших сестер Талара не то чтобы не любила, но особой симпатии к ним не испытывала. Они были практически ее полной противоположностью, воспитанные в соответствии со старыми благочестивыми традициями, четко видевшие свою строго женскую роль прямых отпрысков правящей династии. Хан Гийюр однозначно строил на них стратегические планы, но, возможно, именно потому больше всего и любил младшую. От той не требовалось наиболее удачным образом выйти замуж, зато личные качества своевольной девчонки напоминали ад-Сейдину собственный упорный дух и желание делать все по-своему. Как раз из-за специфики характера у Талары наблюдался определенный дефицит общения, поскольку со старшими сестрами и занудными придворными ей было скучно и не интересно. Иные же лица обычно попадались эпизодически, и подолгу в поле зрения не задерживались. Поэтому Талара живо ухватилась за случайно подвернувшуюся новую подружку, благо что и ходить к ней далеко не приходилось.

Прежде всего принцессу привлекал удивительный дар новой знакомой. Довольно быстро она убедилась, что ей отнюдь не мерещится и Илиана действительно способна общаться с обитателями зверинца каким-то непостижимым образом. Затем Талара обнаружила что девочка отнюдь не глупа, как большинство простолюдинок и не только, а когда узнала сколько ей лет так ее изумлению и вовсе не было предела. Самой принцессе осенью должно было исполниться пятнадцать, и она думала, что Иля младше ее всего на пару с хвостиком лет. Должно быть, здесь имела место

какая-то ошибка, о чем и сообщила Талара, выведав у подружки нехитрую историю ее детства.

На этом же даре выстроилась и вся особенность их общения. Талара не была излишне заносчивым подростком, но она была принцессой, что, как ни крути, так или иначе давало о себе знать. Если бы не та случайность в зверинце, она, вполне вероятно, уделила бы Илиане весьма поверхностное внимание. Иля обладала уникальным качеством, выделявшим ее из общей массы людей, поэтому Талара относилась к ней таким же необычным образом. С одной стороны, она не могла признать простую девчонку себе равной. С другой, если сама Талара была принцессой в мире людей, то ее особенная подружка вполне могла претендовать на похожее звание в мире животных. В итоге Талара решила присвоить себе роль старшей, но не хозяйки. Играть первую скрипку, но вполне учтиво относиться ко второй. В отсутствие посторонних она вполне обходилась без царственных замашек, ведя с Илианой самые непринужденные разговоры.

В известном смысле присвоила она и дар новой подруги. Ад-Сейдин, сам того не ведая, сберег себе немало нервных клеток, избежав с дочкой сложного и достаточно тупикового разговора касательно судьбы Илианы. Ибо у него на девчонку из Нирелина имелись вполне очевидные планы, а Талара подумывала потребовать ее себе в качестве личной служанки со всеми вытекающими из этого привилегиями. Со стороны было бы крайне любопытно взглянуть как монарший отец изобретал бы обоснование для отказа любимой дочери в такой пустяковой просьбе, и что у него из этого вышло. Посвятить ее в детали он никак не мог, а сама просьба внешне выглядела проще некуда, и беспочвенный категоричный отказ обидел бы Талару до глубины души. Хана спасла расчетливость принцессы. Она довольно быстро сообразила, что секрет Илианы действительно лучше хранить в тайне, и чем меньше она на виду, тем лучше. Если про него проведают, то новую знакомую у нее, скорее всего, отберут, а этого Талара теперь допустить никак не могла. Если уж принцесса не в силах владеть такой способностью самостоятельно, она ее хотя бы возглавит, будет пользоваться на правах старшей и делиться ни с кем не станет. А посему и вести себя следует достаточно осторожно, дабы не привлекать излишнего внимания.

Интерес принцессы списали на обычную прихоть, пусть даже ее по-прежнему периодически видели в компании простой девчонки подальше от любопытных глаз. Хан Гийюр, не найдя в поведении дочери ничего угрожающего его собственным расчетам, предпочел не вмешиваться. Остальные же тем более не горели же-

ланием связываться с капризами любимого отпрыска повелителя.

Со временем Талара обнаружила, что новая подруга не только весьма неплохо соображает, но и обладает любопытным запасом знаний. Проявлялось это по-разному, но каждый из них производил на принцессу некоторое впечатление, мало по малу сглаживая между девочками разницу в положении. В глазах Талары толковая голова являлась несомненным плюсом, идущим вразрез с обычно встречавшимися ей недалекими дурами, отчего принцессе лишний раз непросто было отыскать компанию для своих затей. В лице же Илианы она обрела для них доверенное лицо. Избавляясь тем или иным способом от опеки статс-воспитательницы и прочих назойливых сопровождающих, Талара делилась пришедшими ей на ум идеями, а некоторые даже воплощала в жизнь.

— Как все прошло? — спросила Иля, отталкиваясь веслом от берега.

На небольшой пристани остались растерянные гвардеец и служанка, которых принцесса, показав кукиш, в лодку не пустила.

— Изумительно! — воскликнула Талара.

Усевшись на место гребца, ее высочество обождала пока подружка устроится рядом, после чего они вместе, взявшись каждая за свое весло, потихоньку погребли по невозмутимой водной глади. Через дворцовый комплекс проходил канал, соединявшийся с целой сетью больших и малых прудов. В один из них сейчас и взяла курс небольшая лодка с двумя оставшимися наедине девочками. Издали наблюдавшие за этой прогулкой обеспокоенные люди были не в счет.

— Ты бы видела их лица! — довольно делилась принцесса. — Это был настоящий триумф!

Речь шла о недавнем выступлении посвященном искусству верховой езды. Талара захотела принять участие и отказать ханской дочери никто не рискнул. Сам ад-Сейдин пробовал ее отговорить, опасаясь что любимое чадо недостаточно хорошо владеет требуемыми навыками, не говоря уже о подлинном мастерстве, но принцесса настояла. Она оказалась единственной допущенной представительницей женского пола, но вскоре выяснилось, что попусту расточать комплименты самонадеянной конкурсантке не придется. Ввиду высокого статуса девчонки судьи и зрители приготовились делать угодливо-восторженные лица, но от угодливости вскоре не осталось и следа, в отличие от восторга. Талара, верхом на своей белоснежной кобыле, вытворяла настоящие чудеса, граничащие с волшебством. Наездница управлялась с благородным животным так, будто то понимало все ее намерения. Никто, разумеется, не знал что так оно и было. Илиана не могла научить под-

ругу общаться со своей лошадью так же, как сама, но ей оказалось вполне по плечу натаскать кобылу понимать высокородную хозяйку, заведомо втолковав все что для этого требуется. Дальше задача становилась проще некуда, ибо по условной команде лошадь выполняла освоенный трюк, которому ее в противном случае было научить едва ли не невозможно. Не так давно осознавшая свой уникальный талант Илиана ощущала явный рост его уровня, ныне позволявшего проворачивать даже такие сложные вещи. Только об этом, пожалуй, лучше помалкивать, дабы ее высочеству не пришло в голову создать себе армию слонов или чего похлеще.

Пока девочки гребли к заранее облюбованному островку с симпатичной, увитой цветущей растительностью беседкой, Талара красочно расписывала все произошедшее накануне, делясь произведенным фурором. Ради него Иля потратила немало времени, и теперь принцесса, заполучив в свои руки сообразительную и послушную лошадь, понимавшую ее команды как никакая другая, испытывала к подруге живейшее расположение. Илиана иной раз задумывалась не сделала ли она ошибку, проболтавшись о своем секрете. Видимо, не последнюю роль сыграл серьезный недостаток общения, наложившись на случайность, превратившуюся в нечто большее. И этот же недостаток общения ныне увещевал, что все в порядке. Ведь взамен Иля обрела подругу, да еще какую, и теперь не пребывала в полном одиночестве, позволяя себе такое, о чем еще совсем недавно даже помыслить не могла. Например, о лодочной прогулке в парке самого Властелина Железных земель, дабы устроить в беседке на острове небольшой пикничок. Кроме того, принцесса, по всей видимости, старательно оберегала тайну, пускай и из несколько корыстных побуждений, да и с каждым разом заметно относилась к Илиане все лучше. Причем с последним вряд ли тоже имелся определенный расчет, хотя, по правде, Талара не могла заставить подругу выполнять свои прихоти не выдав секрет. Она сама тут же лишилась бы полученной привилегии.

Принцесса как раз закончила делиться впечатлениями, когда лодка уткнулась носом в мраморные плиты берега, ступенями сходившие к воде от намеченной беседки. Поручив Иле возиться с привезенными корзинками снеди, Талара, положив весло, вылезла на берег и снизошла до привязывания лодки. Дело тут было не только в привычных замашках. Издали за ними наблюдали приближенные из числа свиты, и стоило хотя бы внешне придерживаться некоторой разницы в положении. На остров же никто соваться не осмеливался, поскольку Талара пообещала лично столкнуть непрошенных гостей в воду, и подруги могли преспокойно болтать о чем душе годно.

— А ты могла бы здорово заработать своим умением, — заметила принцесса, усаживаясь за накрытый столик. — Ух как я проголодалась! — добавила она, созерцая выставленную провизию. — Прогулка на лодке отлично возбуждает аппетит, а то только и слышно: "Ваше высочество, гребля не для принцесс!"
— Полагаю, они никогда не видели принцессу на веслах, — отозвалась Илиана, переливая лимонад в хрустальный графин из большого кувшина с крышкой.
— Это верно, — кивнула Талара. — Помню, воспитательницу чуть удар не хватил, когда она однажды увидела у меня на руках мозоли. Я тогда полдня рыла подкоп под дворцовую стену и основательно натерла себе ладони.
— Зачем? — искренне удивилась Илиана. — Ты же и так можешь входить и выходить через любые ворота.
— Чтобы можно было это делать в любое время и без всякого сопровождения, — с усмешкой пояснила принцесса. — Впрочем, я тогда была еще маленькая. А что ты думаешь о моей идее?
— По-моему, заниматься продажей дрессированных животных — довольно плохое занятие, — ответила, немного подумав, Илиана. — Неизвестно в чьи руки они попадут и ради чего будут использоваться их несвойственные естественной жизни навыки. В твоем случае я лишь подтолкнула лошадь обрести с тобой общий язык, научила понимать твои желания. Ты ее любишь и хорошо с ней обращаешься, но так поступают далеко не все. Для тебя я могу сделать и исключение.
— Что ж, дело твое, хотя меня твое мнение более чем устраивает, — сообщила Талара. — Признаюсь, отнюдь не из таких же моральных побуждений, но в конечном счете это дела не меняет. Кстати о деле! Я хотела обсудить с тобой одну идейку. Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться со мной в город?
— Мне нельзя выходить за дворцовые стены, — напомнила Иля, усаживаясь за столик напротив подруги.
Принцесса помрачнела. Ухватив бутерброд, она неторопливо принялась его жевать, сосредоточенно о чем-то размышляя. Илиана, последовав молчаливому приглашению, также приступила к трапезе. В отличие от благородной спутницы она не была искушена в разного рода деликатесах и уделяла угощению куда больший интерес. На питание нирелинкам жаловаться не приходилось, но простая еда не шла ни в какое сравнение с имевшейся в распоряжении принцессы. Впрочем, после каждых таких посиделок с Талара остатки припасенного провианта доставались Илиане, и она честно приносила их домой, разбавляя обыденное меню. В этом не было ничего зазорного, поскольку речь шла не об объедках с чужо-

го стола, а лишь о том, что подружки не успевали слопать.
— Интересно, с чего это мой отец запирает в собственном дворце обычную девочку? — проворчала принцесса. — На кой ты ему нужна-то? Если бы не наш секрет, я бы давно уже пристала к нему с расспросами.
— Ему нужна не я, — сказала Иля, когда набитый рот вновь обрел способность издавать членораздельные звуки. — Я же вроде говорила.
— Да, говорила. Только ничего толком и не сказала, — скривилась Талара. — Впрочем, ты можешь и не знать. Ты точно от меня ничего не скрываешь?!
Последний вопрос принцесса задала нахмурив брови и глянув на подругу с напускной сердитостью. Врать Илиана не любила, хотя в данном случае ей и скрывать-то было особо нечего. А про чародейку, план побега и все с этим связанное необходимости упоминать и не было.
— Хану… твоему отцу что-то нужно от моего дедушки и его родных. В подробности меня никто не посвящал, — развела она руками, ничуть не лукавя. — Мне позволяют с ним видеться, но я вынуждена жить только при дворце.
— Тут наверняка замешана война! — авторитетно заявила принцесса, вооружаясь хрустальным стаканом с лимонадом. — Твой дед знает что-то очень важное, а тебя держат как заложника, чтобы он был паинькой и делал все что велит отец. Так ведь? Готова поспорить, что ты об этом умолчала! Впрочем, я тебя прощаю. Тебе, наверное, просто стыдно в таком признаться.
— Об этом мне никто прямо не говорил, но я тоже так думаю, — потупилась Иля. — Потому я и сама бы не убежала, даже если могла это сделать. Чтобы с моими родными ничего не случилось.
— Не знаю что там за дела с твоим дедом, а тебя-то винить точно не в чем, — глубокомысленно заключила Талара. — Ты просто заложница обстоятельств.
— А к чему ты вообще заговорила про город? — поинтересовалась Илиана, орудуя ножом и вилкой.
Сирелина успела обучить ее основным манерам поведения за столом, поэтому она выглядела вполне прилично в обществе принцессы. Та впрочем, сама не слишком церемонилась, радуясь что можно обойтись без обременительных светских манер.
— Сейчас расскажу! — оживилась Талара, расправляясь с порцией какого-то особо изысканного паштета.

Солтенстил насчитывал тысячи лет, уходившие корнями в глубокую древность, и никто точно не знал даты его основания. Немало он повидал за минувшие годы, и немало пережил. Широко

разросшись по обеим сторонам Идлиса, город далеко не сразу обрел присущий ему современный вид, сменяя эпохи и властелинов. Несмотря на возраст, постройки на его восточном берегу, к коим причислялся и ханский дворец, являлись по меркам Солтенстила сравнительно молодыми. Династия ад-Сейдинов обосновалась здесь несколько веков назад и с тех пор правила Железными землями твердой рукой, постоянно расширяя и укрепляя свои владения. Солтенстил же стал их столицей, а восточная сторона — символом новой эпохи. Благодаря ее бурной застройке он обрел новый облик, превратившись из старинного, погруженного в сонное прошлое обычного города в крупнейший торгово-промышленный центр Юго-Запада. Новые кварталы раскинулись очень далеко и столицу вынуждены были окружить новой, усовершенствованной в оборонительном отношении стеной. Прежняя же с тех пор опоясывала то, что стали называть Старым городом. В нем с незапамятных времен уцелело множество старинных построек, большая часть которых эксплуатировалась до сих пор. И наивысшая концентрация древних зданий находилась на западном берегу Идлиса, откуда под рекой, если верить легендам, некогда проходили тоннели, соединявшие обе части города без всяких мостов. Мосты же появлялись в разное время, но уцелели лишь самые добротные из них, сделанные на совесть из камня, кирпича и мрамора. Под их центральными арками мог свободно проплыть большой торговый корабль, а у проезжей части теснились многочисленные лавки. Строить на мостах дома и иные сооружения строжайше запрещалась, дабы попусту не перегружать стратегически важные сооружения. Вместе с тем каркасно-палаточная торговля была разрешена, и торговцы, несмотря на дополнительный налог, не могли пожаловаться на отсутствие выручки ввиду наплыва посетителей. А их было предостаточно, благо что людской поток с берега на берег не иссякал с утра до ночи, а прибывавшие в речной порт большие и малые корабли привозили все новых клиентов.

Все это описывало Солтенстил лишь в самых общих чертах. Дабы пересказать историю города со всеми достопримечательностями понадобилось бы несколько томов, и в каждой уважаемой библиотеке имелась соответствующая подборка от именитых летописцев. Непосредственно Талару интересовала как раз западная часть Старого города, причем и место она тоже облюбовала подходящее. Юная принцесса просто обожала приключения и тайны, особенно в совмещенном виде. Только вот в ханском дворце, при всем его великолепии, с этим было туговато. Настоящие впечатления можно было получить лишь за его пределами, куда Талару выпускали только в сопровождении свиты и уж точно не полазать по

заброшенным развалинам, к тому же пользующимся дурной славой. Толком уже никто и не знал кому изначально принадлежало внушительных размеров строение на холме подле береговой линии. За многие века оно сменило множество назначений, пройдя путь от обсерватории до больницы и приюта для бедных. Только поговаривали, что некогда в нем обитали могущественные колдуны древности, и до сих пор их чары пронизывают каждый камень соперничающей с самим временем постройки, смахивающей не то на монастырь, не то на замок. Их неприкаянные души стерегут сокрытые в недрах башен великие тайны, оберегают мистические сокровища и несут погибель всякому, кто осмелится посягнуть на их собственность. Антураж для этого был вполне подходящий. Заброшенное кладбище, примыкавшее к строению с противоположной от берега стороны, сохранилось со времен больницы, часть пациентов которой на нем и упокоилась. По преданию, его вросшие в землю старинные склепы хранят останки прежних владельцев, обходящих некогда принадлежавшие им владения и после смерти. Гийюр ад-Сейдин боролся с подобными суевериями, считая, что они наносят вред и обществу и авторитету власти, но сразу до всего у него просто руки не доходили. Нового применения некогда заброшенному комплексу из объединенных в единое целое нескольких зданий не нашлось. Желающих его приобрести не появлялось. Оно продолжало пустовать, обрастая легендами, и ходили слухи что смельчаки, рискнувшие исследовать таинственное место в надежде отыскать его сокрытые от глаз секреты, исчезали навсегда.

Для такой натуры как Талара подобная приманка была цветком для пчелы. Наслушавшись рассказов и вдоволь насмотревшись из дворца в подзорную трубу, она уже давненько обхаживала облюбованную достопримечательность. Вот только по-настоящему исследовать строение толком не получалось. Со свитой далеко не уйдешь, а одну ее не отпускали. Да и интерес разделить не с кем. Теперь же у Талары появилась подходящая компания, и она вновь загорелась идеей как следует пошарить в древней постройке в надежде отыскать что-нибудь интересненькое.

— Так можно отыскать совсем не то, что хотелось, — резонно заметила Илиана, выслушав принцессу. — Ты не боишься?

— Я ничего не боюсь! — гордо воскликнула Талара, вскинув голову. — Ладно, ладно, конечно боюсь, — созналась она, поймав ехидный взгляд подруги. — Но мы же пойдем туда днем, а не ночью. К тому же пойдем не одни.

— Ты же терпеть не можешь ходить со свитой, — напомнила Иля.

— А я и не про нее, — хитро блеснула глазами принцесса. — От

них я придумаю как избавиться. Мы возьмем с собой кое-кого совсем другого.

Талара собиралась прихватить с собой парочку здоровенных мастифов из тех, что официально были причислены к лейб-гвардии как четвероногие стражи венценосной семьи. Огромные собаки честно несли свою службу, бдительно наблюдая за посетителями и вынюхивая малейший злой умысел. Конечно, их натаскивали отнюдь не на поиск сокровищ и укромных мест, и до сих пор принцесса могла рассчитывать на них лишь как на верных стражей. Но умных собак вполне можно научить. Простой человек с этим вряд ли справится, но про простого и речь не шла. У Талары теперь имелась подходящая кандидатура, и нетрудно было догадаться, что она подразумевала свою новую подругу.

— Мне кажется, ты переоцениваешь мои возможности, — озадаченно почесала в затылке Илиана, когда оказалась посвящена в идею с ней самой в ключевой роли.

— Да брось, Иля, у тебя получится, — увещевала принцесса. — С моей лошадью вон как здорово вышло! Уж с собаками-то найдешь общий язык. Я в тебя верю! До сих пор я о таком и мечтать не могла, а сейчас представь как будет здорово когда мы отправимся на поиски приключений!

— А если бы я не могла это сделать? Если бы не мой секрет, ты бы меня позвала? — спросила вдруг Илиана.

— Конечно, — без запинки ответила Талара. — С тобой намного интереснее, ты умная и много знаешь о всяких интересных вещах и волшебстве. Откуда, кстати?

— Да так, вычитала, — смущенно сказала Иля, припоминая волнующие истории Сирелины.

Пожалуй, не стоит задерживать акцент на этой теме, пока подруга, чего доброго, не начала допытываться об источнике знаний.

— Хорошо, даже если ты меня убедила, то ведь все равно ничего не выйдет. Мне нельзя покидать дворец, — напомнила Илиана.

— Да, это задачка, — кивнула Талара, потягивая прохладительный напиток. — Я над этим подумаю. Главное что ты согласилась, а остальное уж предоставь мне. Придумаю что-нибудь. Кстати, у меня же для тебя подарок за помощь с лошадью!..

Выудив невесть откуда продолговатую коробочку, принцесса протянула ее обрадованной спутнице. С мигом разгоревшимся любопытством та быстро заглянула в упаковку и пришла в восторг. Внутри лежала заколка для волос в виде бабочки. Тело было выполнено из узкого овального рубина, а золото раскрытых крыльев украшали перламутровые вставки с россыпью мелких искрящихся камешков вокруг центрального камня покрупнее. Вещица была

великолепна, и Илиана долго ахала, вертя ее в солнечных лучах и так и эдак, прежде чем наконец-то приладила на хвостик длинных золотистых волос.

Сама по себе идея Талары казалась не слишком сложна, чего никак нельзя было сказать о ее реализации. Все варианты упорно натыкались на препятствие в виде того, что можно было назвать одноразовостью. Вряд ли кто-то посмеет остановить принцессу и ее спутницу, но по возвращении Илиану могут и изолировать в недоступном для Талары месте. Допускать подобное ни в коем случае нельзя, причем не только из корыстных побуждений, но и чисто по-человечески. Принцессе очень не хотелось оставаться без подруги, а в данном случае ее желание пересекалось с военными замыслами отца, и он мог проявить непреклонность. Такое редко, но случалось, и Талара, не будь дурой, определенную границу не пересекала. Стало быть, каким-то образом нужно сохранить все в тайне, а не действовать в открытую, используя свое положение.

Несколько дней принцесса не появлялась вовсе. Илиана, занимаясь обыденными делами, уже начала подумывать, что подруга оставила сомнительную затею, сосредоточившись на чем-то другом. Ее интерес к историческим развалинам был вполне понятен, но сопутствующие ему проблемы вызывали беспокойство. Мало того что из дворца неизвестно как выбраться, так еще и само место могло таить в себе неведомые опасности. Илиана уже знала, что колдовство может быть не только добрым, а в заброшенных зданиях, помимо призраков, частенько обитают всамделишные бродяги и разбойники. В силу этого чисто ребяческое желание отправиться на поиски приключений вместе с Таларой боролось со здравым смыслом, и победителя пока что не выявлялось.

Спустя неделю, на исходе сентября, принцесса с утра пораньше явилась в дом к Илиане и позвала с собой.

— Оденься поприличнее, — сказала она. — Работать тебе сегодня не придется.

С вещами хлопот действительно не было. Талара, памятуя о том потертом наряде, в котором увидела Илю при первой встрече, успела надарить ей достаточно разной хорошей одежды. О работе также не приходилось беспокоиться. Заведующий зверинцем был давно извещен о желании принцессы и Илиану каждый раз подменяли, когда ее высочеству требовалось общество девочки.

— Куда пойдем? — спросила Иля, закончив переодеваться.

— Ко мне, — коротко ответила принцесса, дав знак следовать за собой.

Стоявшие возле дома гвардейцы давно уже привыкли к спонтанным появлениям ханской дочери. У них было распоряжение кура-

тора не вмешиваться в ее забавы, а тот в свою очередь получил указание от самого хана. Проводив взглядами необычную парочку, стражи продолжили неторопливую беседу. Караул же у личных покоев принцессы Талары видел Илиану впервые. Ведь именно туда ее высочество привела свою подругу, доселе не никогда не заходившую в эту часть дворца.

— Я весь день пробуду здесь, — сообщила Талара гвардейцам. — Приказываю меня не беспокоить! Посетителей не пускать! Дверь я закрою на засов, так что пусть не ломятся.

— Да, ваше высочество! — хором отозвались воины.

Принцесса и прежде запиралась, особенно когда была не в настроении, поэтому ничего необычного в ее желании не наблюдалось. А сейчас, видимо, она собирается вволю постоять на ушах в компании своей спутницы.

Талара действительно задумала как следует поразвлечься, только совсем не так, как могли бы предположить гвардейцы. Развеяла она иллюзии и у Илианы, решившей было, что принцесса просто пригласила ее в гости. Впрочем, Талара не отказала подруге в любопытстве осмотреть свое просторное жилище, состоявшее из нескольких одна больше другой роскошно убранных комнат. Но когда с экскурсией было покончено, принцесса устроила настоящее представление. Уж кто знает где она нахваталась подобных вещей. Должно быть, сделала эдакий компот из всего некогда слышанного с добавлением собственной фантазии и романтизма. Конечный результат Талара назвала ритуалом Верности. Зажженные свечи, затейливые знаки, благовония, церемониальный кубок и театральная сцена с мантией и самым настоящим мечом явились для Илианы полной неожиданностью. Впрочем, она быстро втянулась в игру, тем более что у той имелась весьма благородная цель. Талара принимала у подруги клятву верности, посвящая ее в свои тайные друзья и взимая обещание тщательно оберегать все доверенные секреты. Принцессе стоило отдать должное: взамен она тоже дала слово беречь тайны подруги.

— Тебя так долго не было потому что ты все это придумывала? — спросила новоиспеченная наперсница.

— В том числе, — ответила принцесса, оставляя в покое меч.

С помощью подобного клинка короли Запада посвящали своих верных людей в рыцари и наслушавшаяся такой романтики принцесса, не иначе как в пику мужскому полу, проделала нечто подобное сама. Все только что произошедшее было невероятно интересно, но и дальше оказалось не хуже. Поманив Илиану за собой, Талара привела ее в небольшую комнатку перед спальней.

— Что теперь? — поинтересовалась Иля, оглядываясь вокруг. —

Зачем мы сюда пришли?
— Мы отправляемся в город, — подмигнула принцесса.
Наступив на ничем не примечательную мраморную плитку пола, она потянула вниз висевшую поблизости настенную лампу. Между двумя креслами беззвучно распахнулся зев искусно замаскированной двери.
— Не забывай о принесенной клятве, ибо я доверяю тебе один из самых важных секретов дворца! — торжественно сказала Талара.
Схватив изумленную Илиану за руку, она повлекла ее вглубь потайного хода.

* * *

Прошло уже почти три месяца со дня отъезда Сирелины, а Бэйл так и не преуспел в обещании добраться до воспитанницы чародейки. Проникнуть во дворец на деле оказалось куда сложнее, чем виделось на первый взгляд. Одноразовая вылазка гладиатора не устраивала. Он надеялся обрести возможность бывать во дворце регулярно, но ничего подходящего пока не подворачивалось. Бэйл не терял надежду что-нибудь нащупать, но пока вновь был вынужден отправить Сирелине неутешительное сообщение.

Перво-наперво гладиатор определил кто вообще имеет доступ в личные владения хана Гийюра на постоянной основе. Перечень получался невелик: стража, слуги, рабочие и поставщики. Оказаться зачисленным в дворцовый полк нечего было и мечтать. Рекрутам в армии ад-Сейдина всегда рады, особенно в период военных действий, но ряды гвардейцев не пополнялись абы из кого, а уж лейб-гвардейцев и тем более. Со слугами дела обстояли не намного лучше. Их штат был весьма значителен, и, несмотря на полную укомплектацию, периодически требовал пополнения или замены. Проблема заключалась в том, что набор происходил на строжайших условиях, одним из которых являлась рекомендация кого-то из уже состоящих при ханском дворе. Людей с улицы попросту не брали. Наиболее вероятными категориями являлись разнорабочие и те, кто привозил какие-либо грузы. Дни напролет Бэйл проводил в окрестностях дворца, наблюдая за проходящими через ворота людьми и составляя список интересовавших его персон. Тех, что так или иначе могли способствовать осуществлению заветной цели.

Для любого торговца было очень престижно оказаться поставщиком двора властелина Железных земель. Даже если заключенный контракт не приносил прямой солидной прибыли, она получалась косвенная. Статус коммерческого предприятия соответ-

ствующим образом повышался, неизменно сказываясь на клиентуре и ценах. Можно было попробовать устроиться в одно из таких мест, рассчитывая однажды начать сопровождать предназначенные для дворца товары. Плюсом являлась реальность рассматриваемой возможности. Минусами: нужного назначения еще придется дожидаться неопределенно долго; груз-то поставщик привезти может, а вот пойти куда ему вздумается уже внутри стен — нет.

Вариант с разнорабочими также имел свои преимущества и недостатки. В зависимости от типа работ, служащих нанимали для выполнения как временных задач, так и постоянных. К постоянным привлекались, к примеру, слесари, плотники, садовники, конюхи и кузнецы. К временным, помимо прочих, вполне могли причисляться они же, но только на период какого-то отдельно взятого проекта. Конечно лучше всего устроиться на постоянную работу, но здесь соискатель сталкивался с тем же запросом рекомендации, что и при найме слуг. От временных служащих такого не требовалось, но и появлялись они во дворце лишь ненадолго. Устроиться краткосрочным рабочим при этом было проще, появившись в нужное время у мастера цеховика, когда объявлялся дополнительный набор. Но здесь имелось и определенное препятствие. Бэйл был бойцом, а по совместительству еще и тренером. Все это не имело никакого отношения к ремесленным профессиям, и если подмести улицу или прибраться в помещении гладиатору было по силам, то в остальном он никак не мог претендовать даже на звание подмастерья.

В общем, как ни крути, а ничего путного до сих пор у Бэйла не получалось. Так или иначе, следовало сделать выбор, поэтому гладиатор с особенным усердием дежурил вблизи дворца, собирая напоследок как можно больше сведений. Ведь когда он остановится на одном из вариантов, то его свободное время станет сильно ограничено, особенно в дневную пору. Скоро надо будет отправить чародейке еще одно послание, и на этот раз хотелось бы написать в нем нечто более содержательное, чем очередной пустой набор обещаний. Итак, каким же путем пойти?..

Гильдия каменщиков размещалась на овальной площади подле одного из мостов через Идлис. Место было выбрано не случайно — этот самый мост некогда возвели ее мастеровые, после чего тогдашним правителем города ей была пожалована земля в бессрочное владение. Расположение являлось очень престижным — оттуда тянулась прямая уличная артерия, проходившая мимо самого дворца и таким образом напрямую связывавшая его с западной частью Солтенстила. Площадь опоясывали здания крупных ком-

мерческих предприятий, а вдоль широкой мощеной улицы размещались богатые особняки. Овальное пространство, устланное отличной брусчаткой, ничем не застраивали, хотя в таких случаях по обыкновению разбивались фонтаны или устанавливались какие-либо монументы. Оно использовалось для празднеств, народных гуляний и вообще всяческих представлений, в том числе организованных находившимися поблизости коммерсантами для привлечения внимания. Учитывая приличный людской поток, любое такое событие тут же собирало значительное число зрителей.

Здание гильдии, как и прочие по соседству, смотрело фасадом наружу, оставляя внутренний двор позади. Зайдя в холл, Бэйл подошел к служащему за конторкой.

— Хочу наняться на работу, — заявил он в ответ на молчаливый вопрос поднятых глаз.

— Это к старшему. Второй этаж по центру, — последовал бесцветный ответ, после чего служащий вновь уткнулся в бумаги.

Пройдя куда было велено, гладиатор очутился перед весьма впечатляющей дверью, за которой, судя по виду, находился кто-то важный. Постучав и услышав приглашение войти, Бэйл толкнул створку и перешагнул порог. За столом у окна сидел низенький хорошо одетый господин. Внушительных размеров лысина блестела бисеринками пота, а не менее внушительный живот подпирал стол, строго задавая пространство между своим владельцем и рабочим местом. Быстро окинув взглядом фигуру, Бэйл пришел к выводу, что если некогда ее владелец сам и был прежде практикующим каменщиком, то эти времена давно прошли.

— Чем обязан? — поинтересовался владелец означенных выдающихся особенностей после любезной процедуры обмена именами.

— Я ищу работу, — лаконично сообщил гладиатор цель своего визита тому, кто представился как Доуж, второй мастер гильдии.

Видимо, подразумевалась иерархия, где после гильдмастера шли первый, второй и далее по списку.

— Многие ищут, — пожал плечами второй мастер. — Сейчас набора нет, так что ничем не могу помочь.

— Сейчас нет, — согласился Бэйл. — Но через две недели появится вакансия, и я решил прийти заранее.

Уже утративший было интерес к посетителю упитанный каменщик воззрился на него с невольным любопытством, смешанным с долей подозрительности.

— Откуда тебе это известно? — задал он, помолчав, довольно естественный вопрос.

Истинную подоплеку дела гладиатор, разумеется, раскрывать не стал, но в целом имел вполне внятное объяснение. Поскольку он с

некоторых пор взял на заметку определенных лиц, то и информацию о них собирал достаточно старательно. Один из троих бывавших на работах во дворце каменщиков аккурат через две недели собирался увольняться. Он получил небольшое наследство и намеревался наконец-то сбросить с себя бремя тяжкого труда. Купленный в одном из пригородов домик уже поджидал нового хозяина, и каменщик считал оставшиеся дни, дабы сделать Солтенстилу ручкой и уйти на заслуженный покой. О своем намерении этот работяга никому не говорил, а с Бэйлом разоткровенничался за доброй порцией выпивки. Гладиатор мог употребить поистине лошадиную дозу, так что довести собутыльника до состояния сильнейшего опьянения и развязать ему язык большого труда не составило, благо что каменщик любил как следует выпить.

— Вот как? Мне об этом ничего не известно, — нахмурился второй мастер.

— Должно быть, добрый малый решил сделать приятный сюрприз, — усмехнулся Бэйл. — Каюсь, я поспешил сюда дабы успеть зарезервировать себе местечко.

— Что ж, если это правда, то благодарю за сведения, — сообщил, подумав, толстяк Доуж. — Этот саботажник выполняет наряд во дворце самого повелителя. Такова, значит, его благодарность за все прошедшие годы.

Бэйл тактично ничего не ответил.

— Какой у тебя опыт работы? — спросил вдруг второй мастер.

— Каменщиком быть не доводилось, — честно заявил гладиатор.

Лгать не было смысла, поскольку такие вещи моментально вскроются в первый же рабочий день.

— Прошу прощения? — недоуменно поднял брови мастер. — Зачем же тогда ты тратишь мое время? Без опыта берут только подмастерьем, а это совсем по другой части.

— Господин Доуж, давайте начистоту, — заявил Бэйл. — Ваши каменщики поодиночке не работают. В каждой бригаде кто-то всегда выполняет наиболее грубую работу, а именно таскает все тяжести. Подмастерье не может того, что могу я, а именно ворочать здоровые глыбы и без проблем перемещать строительный материал. Зачем искусному специалисту утруждаться, если для этого имеется кто попроще? Меня как раз можно взять таким носильщиком, чему остальные будут только рады. Я же быстро учусь непосредственно на практике.

Господин Доуж не сразу внял аргументам соискателя. Не отрицая логики услышанного, он все же не находил резона нанимать не обладающего должными навыками работника. Таких пруд пруди, и всегда можно заполучить кого-то получше, а на задачу попроще

поставить кого-то похуже, из тех кто уже числится в штате. Бэйл согласился с доводами второго мастера, но при этом подчеркнул, что находится в недурной физической форме. Ему по плечу то, на чем надорвутся другие, и даже если кто-то сумеет поднять тяжесть побольше, то почти наверняка все же уступит ему в выносливости. Он же способен продолжительно выдерживать внушительную нагрузку, справляясь в одиночку там, где иной раз могут понадобиться двое. Господин Доуж выразил известное сомнение. Гладиатор выдвинул последний аргумент. Выдвинул в прямом смысле, положив на стол красивый драгоценный камень и пальцем приблизив его ко второму мастеру.

— Это что? — подозрительно поинтересовался Доуж.

— У меня интерес к одной из дворцовых служанок, — проникновенно заявил Бэйл. — Если я смогу попасть туда, то мои шансы на благополучный исход существенно вырастут, и в конечном счете я получу гораздо больше, чем стоит этот камень.

Изумруд производил весьма благоприятное впечатление, а плечистый здоровяк на фоне его посверкивающих граней казался вполне честным и добропорядочным малым. Падавшие на стол солнечные лучи зажигали недра камня зеленым огнем, и он не только радовал глаз, но и подогревал душевное расположение. Что ж, раз такое дело, то не будет ничего плохого оказать щедрому посетителю столь пустяковую услугу. Если он не лжет, то…

— Через неделю на этой площади мы устраиваем показательное соревнование между нашими парнями, — сообщил, поразмыслив, Доуж, поигрывая пальцами вблизи чертовски соблазнительного довода. — Если ты и правда так силен, как пытаешься меня убедить, то это твой шанс. Придется как следует попотеть, дабы проявить себя должным образом, но если преуспеешь, то можешь считать что принят. Если нет, то и винить в своей неудаче тебе будет некого. Это, — мастер указал на изумруд, — будем считать в качестве вступительного взноса за участие. Устраивает такое предложение?

Бэйл выразил полнейшее согласие.

— Отлично! — заявил довольный Доуж, и камень немедленно исчез со стола. — Что ж, теперь все в твоих руках. Во всех смыслах этого слова.

Обменявшись с соискателем рукопожатием, скрепляя таким образом договор, второй мастер закончил аудиенцию, наказав при выходе сообщить служащему за конторкой свое разрешение внести имя Бэйла в список участников.

Подобные забавы среди каменщиков проводились не только на потеху любопытной публике, с удовольствием собиравшейся

посмотреть на состязания крепких молодцев. Руководство таким образом наблюдало за здоровьем подчиненных, поощряя победителей и заранее ставя на карандаш сдававших физически. Обычно в соревновании принимали участие полноправные члены гильдии, но до него допускались и новички, рискнувшие бросить вызов бывалым умельцам. Когда Бэйл явился в назначенный час, на площади уже все было готово, и помаленьку начинала собираться заинтересованная толпа.

— А-а, вот и ты, — приветствовал гладиатора Доуж. — Ознакомился с правилами? Хорошо представляешь что надо делать?

Бэйл ответил утвердительно, ибо накануне не только усиленно штудировал выданную брошюрку, но и как следует расспросил одного из бывалых мастеровых, чей язык немедленно развязался за звонкую монету. Гладиатор был щедр, и еще больше потеплевший к нему пожилой каменщик дал несколько полезных советов.

— Замечательно, — кивнул Доуж. — Следуй за мной.

Он отвел Бэйла к ватаге ожидавших начала выступления подчиненных. Представив гладиатора, он заявил, что новичок претендует на вступление в гильдию, и если ему удастся себя проявить, то его просьба будет удовлетворена. Он, мастер, надеется на честную борьбу и не потерпит никакой грязной игры. Каждый получает исключительно по заслугам и только так и может быть. Затем, выполнив роль заботливого наставника, Доуж удалился руководить организацией мероприятия, дожидаясь прибытия гильдмастера.

Забавы у каменщиков, что и говори, были на славу, и обычный человек вряд ли хоть как-то осилил бы даже треть предложенных заданий. От испытуемого требовалась большая физическая сила вкупе с не менее значительной выносливостью. В этом легко можно было убедиться уже на первых этапах состязаний, где способные поднять значительные тяжести здоровяки начинали выбывать просто потому, что слишком быстро выдыхались. Бэйла же такими штучками пронять было сложно. Он не только отлично переносил продолжительную нагрузку, но и умел экономно расходовать силы. Полный контроль над собственным телом и знание как оптимально использовать его возможности давали ему серьезное преимущество. Гоняя подопечных чародеек до седьмого пота, опытный гладиатор и сам не отлынивал от физических упражнений, лично являя наглядный пример. И если уж его ученицы демонстрировали весьма недурные результаты, то он и тем более не падал в грязь лицом. Мешками с песком и бочкой с раствором Бэйл орудовал прямо-таки играючи ввиду имевшегося у него личного опыта. Чародеек он, разумеется, не нагружал как вьючных

лошадей, ибо женщины должны были иметь отличную форму, а никак не нарастить мужеподобную мускулатуру, но себе не отказывал в удовольствии как следует поднапрячься. Упражнение с бочкой он закончил одним из первых, уступив паре соперников лишь из-за непривычной особенности задания. Зато в состязании с мешками под одобрительные крики зрителей обошел всех на две головы, закончив его еще тогда, когда ближайший участник отставал аж на треть. Удивительного в этом ничего не было, если припомнить сколько в свое время гладиатор намотал кругов вокруг арены с похожим мешком на каждом плече. И пребывание в обители ничуть не пошатнуло эту практику.

Упражнения с каменными ядрами особенно впечатлили публику. Их было два. Здоровенным кругляшам для требушетов каменщики нашли свое применение. Нужно было прокатить внушительное ядро по заданной трассе, демонстрируя не только силу и ловкость, но и ощущение движения массы тяжелого объекта. Ее извилистость коварно подстерегала разогнавшихся слишком быстро участников, наглядно доказывая, что одного желания повернуть невозмутимо катящееся по инерции ядро явно недостаточно. Ввиду возможного травматизма это соревнование проходили строго поодиночке, дабы участники не покалечили друг друга тяжеленными шарами. Предосторожность явно не лишняя, учитывая что иной раз происходило на крутых поворотах. Зрителям беспокоиться не приходилось, поскольку защитные бордюры уберегали их от возможных неприятностей, чего не скажешь о находившихся подле ядер людях. Бэйл управился со своим шаром на отлично. Не слишком набирая скорость на прямых участках, он наверстывал упущенное время на зигзагах, ловко направляя остававшееся послушным ядро куда следовало. В итоге гладиатор не застревал на крутых поворотах, как многие соперники, и благополучно прошел всю трассу, ни разу не вылетев за ее пределы. Таких счастливчиков оказалось немного, и результат Бэйла оказался одним из лучших. Его опередил только самый опытный игрок за счет имевшейся у него значительной практики. Двух же других умельцев гладиатор посрамил к большому их недовольству. Правда вскоре им пришлось пролететь еще сильнее.

Для второго состязания имелись ядра поменьше, ибо предназначались они для метания. Просто швырнуть увесистый камень куда подальше для сильного человека дело нехитрое, поэтому задачу усложняла необходимость попасть в цель. Целью служили крепко сколоченные из дерева чучела. Потеха удалась на славу, поскольку зрители встречали каждое попадание одобрительным гулом, а серьезный промах откровенно освистывали. Первых было

куда меньше, чем вторых. Немало здоровяков метало каменные шары достаточно сильно, но точность у них при этом оставляла желать лучшего. Проносясь мимо мишени, ядра влетали в мягкий защитный экран и скатывались вниз, где их подбирали служащие. Попадание же извлекало треск из деревянного чучела и одобрительный рев из глоток любопытствующей публики. К тому времени у Бэйла уже выявился главный соперник. Крупный рослый мужчина с квадратным лицом и выпирающей нижней челюстью доселе трижды становился победителем, и на сей раз тоже не собирался упускать победу, сулившую приличную награду. Все три его броска достигли цели, уверенно поразив ее почти в самую середину. Казалось, выступить лучше было просто невозможно, поэтому квадратнолицый прямо-таки лучился самодовольством, благосклонно принимая досрочные поздравления. Дерзкий новичок, однако, наглядно показал к чему может приводить слишком поспешное бахвальство. Имея великолепно развитый навык метания, гладиатор правильно прикладывал силу, выжимая из своих мускулов возможный максимум. Первое же брошенное им ядро ударилось в чучело с таким громким треском, что даже заглушило гул собравшейся толпы. Не успели стихнуть восторженные возгласы, как от второго броска цель едва не разлетелась в щепки, брызнувшие во все стороны кусками раздробленной древесины. К третьей попытке Бэйл приготовился основательно. И предыдущие две казались одна лучше другой, но последнюю он хотел выполнить идеально. Это ему удалось. Точно направленное ядро врезалось в чучело настолько сильно, что не только разнесло его вдребезги, а и сломало удерживавшую опору. На месте мишени остался торчать обломок деревяшки, в то время как ее остатки разлетелись вокруг изломанными клочьями. Ликующие зрители разразились бурными овациями, вынуждая судей сделать очевидный выбор в пользу новичка. Прежний чемпион, рухнув с небес на землю, выглядел мрачнее тучи. Невесть откуда взявшийся претендент только что обошел его в общем зачете.

В целом, Бэйлу было необязательно выигрывать состязание, ведь по условию заключенного со вторым мастером договора ему достаточно оказаться в числе лучших. Бэйл просто играл как умел, но его отличное выступление позволило претендовать на чемпионский титул. Во время последнего перерыва к нему подошел впечатленный Доуж и сообщил, что новичок ни разу не заставил его пожалеть о сделке. До конца состязаний оставалось всего три раунда, и второй мастер искренне пожелал гладиатору удачи, хотя честно признался, что поставил отнюдь не на него.

Каменщик с квадратным лицом подобных симпатий ничуть

не разделял. Этому детине по имени Гарвел гладиатор нравился все меньше по мере того, как его собственные шансы на победу все больше оказывались под угрозой. В командном состязании он грубо действовал на грани фола, но Бэйл не дал ему возможности помешать сколь-нибудь существенно, равно как не поддался и на провокации. Судьи не стали штрафовать Гарвела, поскольку охочая до зрелищ толпа любила жесткие приемы, но после раунда каменщик получил устное предупреждение. Ему он, к сожалению, не внял. По завершении соревнований выяснилось, что двое участников набрали одинаковое количество очков. Следовало определить победителя дополнительным испытанием, но раздосадованный Гарвел не придумал ничего умнее, как вызвать противника на бой. Это не соответствовало правилам, но распалявшийся каменщик апеллировал к толпе, а та, обрадованная возможностью лицезреть новую потеху, лишь раззадоривала его согласными выкриками. Посовещавшись, судьи оставили решение за новичком: если он согласится принять вызов, то исход боя и определит победителя. Гарвел, разумеется, не знал кого он вызывает, иначе подобная шальная мысль за милю не приблизилась бы к его тугоумной башке. Подобный ход показался каменщику очень удачной идеей, а отказаться от схватки на глазах у огромного стечения людей гладиатор уже не мог. Гарвел воспринял колебания противника за боязнь и весьма недальновидно осыпал его насмешками, не оставляя бывалому чемпиону арены выбора. Сирелина, скорее всего, не одобрила бы его участие, полагая, что иной раз стоит гордостью и поступиться, дабы не привлекать к себе слишком много внимания, да только ее здесь не было. Бэйл согласился на бой к великой радости почтеннейшей публики, которая незамедлительно принялась делать ставки.

Судя по всему, Гарвел был уверен в победе, хотя при виде шрамов соперника ему стоило бы как следует поразмыслить. Его спасло лишь нежелание гладиатора учинять откровенное членовредительство, чего, между прочим, от него обычно и требовалось на арене. Грузный недалекий каменщик кидался на противника как дикий кабан, а Бэйл преспокойно уходил от его атак, блокируя, уворачиваясь и иной раз сбивая оппонента с ног. Изрыгая проклятия, Гарвел поднимался обратно, злясь еще больше и наседая еще усерднее.

С одной стороны кончилось все это предсказуемо. Устав осаживать туповатого детину, Бэйл нанес ему серию точных ударов, а когда тот окончательно раскрылся, врезал точнехонько по физиономии. Затем свалил на мостовую мощным апперкотом. Заливая брусчатку кровью из разбитого носа, поверженный каменщик

елозил конечностями по камням, издавая нечленораздельное мычание. К довольному реву толпы, однако, прибавились и крики дружков Гарвела. Перескочив через заградительный барьер, они втроем ринулись на Бэйла, невзирая на предупреждающие окрики судей. Узревший кровь народ и не думал им препятствовать, взорвавшись от радости при виде нового накала страстей. Гладиатор неожиданно оказался лицом к лицу сразу с тремя крепкими противниками. Правда, впечатлить его чем-то подобным было достаточно трудно. Он и не такое повидал, и если эти молодцы хотят получить урок — они обратились по адресу. Судьи что-то кричали, требуя от подчиненных навести порядок, в то время как состязание окончательно переросло в самую обыкновенную потасовку. Сборище зевак охватило настоящее ликование.

Быстро выяснилось, что помощь Бэйлу не нужна. С троицей объявившихся противников он уже церемониться не собирался, хорошенько встретив их тем, на что был способен. Дай ему обстоятельства возможность, и он бы быстро управился совершенно самостоятельно, исчерпав на этом неприятный инцидент. К сожалению, такой случай не представился. Ситуация окончательно вышла из-под контроля, когда по обе стороны стычки вдруг появились новые участники. К дружкам Гарвела пришла рассвирепевшая подмога, желающая поставить на место зарвавшегося претендента. Тут решили вмешаться и до сих пор хранившие нейтралитет другие каменщики, посчитав происходящее абсолютно несправедливым, и часть их встала на сторону ловко отбивавшегося новичка. Никто и глазом не успел моргнуть, как место увлекательного состязания превратилось в безобразное массовое побоище.

Толпа и без того шумела, а в поднявшемся гомоне так и вовсе трудно было расслышать что-либо членораздельное. Выкрики сливались в единый гул, перемежаясь с воплями дерущихся людей и подзадоривавших их зевак. Собственно, и прислушиваться-то было особо не к чему. Угрозы, проклятия, обрывочные реплики и полный набор площадной брани составляли основной воцарившийся в пространстве человеческий лексикон. Ничего интересного для Бэйла в нем и быть не могло, и он ни на что особо не обращал внимания, предпочитая концентрироваться на наседавших противниках. Лишь неожиданно прозвучавшее знакомое имя заставило его переключить внимание с развернувшегося бедлама. Даже в таких обстоятельствах оно не могло не привлечь Бэйла, поскольку уже около трех месяцев занимало значительную часть его мыслей.

— Иля. Иля! Илиана! — донесся до слуха гладиатора едва пробив-

шийся сквозь шум толпы звонкий девичий голос.
Увернувшись от очередного нападавшего и проводив его на свидание с мостовой увесистым тумаком, Бэйл живо воззрился в направлении источника этого голоса, обшаривая взором теснившихся у заграждения людей.
— Илиана, идем! Сейчас стража явится! — беспокойно воскликнул этот некто, и гладиатор увидел как одна невысокая фигурка постарше тянет за локоть другую помладше.
На секунду взгляд Бэйла встретился с большими сиреневыми глазами, после чего их обладательница развернулась и скрылась в толпе вслед за увлекавшей ее спутницей. Примечательное имя, что и говори. Особенно для данных краев. Сирелина разговорами о своей воспитаннице гладиатору все уши прожужжала, поэтому он не мог не насторожиться как гончий пес, почуявший добычу. Много ли девочек с таким именем находилось сейчас в Солтенстиле? Наверняка негусто, но кто ж его знает. Да только вряд ли еще у кого-то из них окажутся столь необычные глаза. Ведь чародейка как следует описала Бэйлу внешность девочки, старательно делая акцент особенно на этой детали. Сейчас он, конечно, в остальном толком ничего и не разглядел, тем более что фигурка была закутана в какую-то накидку, но этот сиреневый взор…

Каким образом запертая где-то за дворцовыми стенами Илиана оказалась здесь и сейчас Бэйл даже не думал, хотя может быть это совсем не она, а может ему и вовсе померещилось. Сейчас гладиатор беспокоился лишь о том, что приметная девочка вот-вот исчезнет в людской массе, бесследно растворившись так же внезапно, как и появилась. Этого он допустить не мог. Потасовку следовало немедленно прекратить. Получив удар в солнечное сплетение, ближайший противник живо забыл про свое неистовое желание добраться до Бэйла и завалился на мостовую, пытаясь ухватить ртом немного воздуха. Двух других, ринувшихся к нему с разных сторон, он попросту сшиб лбами, используя собственную инерцию тел разъяренных молодцев. Четвертый едва не достал Бэйла, но гладиатору некогда было с ним возиться. Увернувшись от пришедшейся вскользь атаки, он сделал нападавшему подсечку, но добивать не стал. Перескочив через рухнувшего каменщика, Бэйл перемахнул через ограждение и вклинился в шарахнувшуюся толпу. Церемониться ему было недосуг, поэтому он продирался как умел, стараясь обходиться без откровенной грубости, но уверенно расталкивая ряды восторженных зевак. К счастью, обошлось без эксцессов, ибо народ живо расступался при виде слегка перемазанного чужой кровью гладиатора. В противном случае Бэйл ни за что бы не поспел вовремя, дабы увидеть как

две искомые фигурки скрываются за углом здания. Не теряя ни секунды гладиатор поспешил следом, оставив позади образовавшуюся свару конкурсантов и ввергнутую в пучину самой банальной драки гильдию каменщиков. Вместе с тем, народу вокруг все еще хватало. Уже было чудом что Бэйл сразу не потерял цель и успел обнаружить ее, выбравшись из кольца зрителей. На улице же он вновь упустил шустрые фигурки из виду, и некоторое время метался из стороны в сторону, силясь обнаружить пропажу. Не столько благодаря своим зорким глазам, сколь воле случая, гладиатор заметил как они удаляются в ближайший переулок. Припустив со всех ног, Бэйл вихрем пролетел мимо нескольких домов, уворачиваясь от многочисленных прохожих, и повернул следом. На сей раз его глаза сразу нашарили видневшуюся впереди цель. Две девочки-подростка, постарше и помладше, быстро направлялись вглубь улочки, петлявшей между богатыми домами. Здесь прохожих почти не встречалось, поскольку в зажиточный квартал праздношатающиеся обычно не забредали, поэтому гладиатор отлично видел тех, за кем поспешал. Бэйла немного смутило, что любая из девочек казалась явно старше девятилетнего ребенка, каким должна быть Илиана. Впрочем, при этом он помнил и слова Сирелины, где она отдельно удивлялась насколько воспитанница выглядела старше своих лет.

Кажется, девочки куда-то торопились и ускорили шаг. Бэйл, не собираясь дать им сбежать, поднажал, продолжая сокращать остававшееся расстояние. Пару раз обернувшись, девчонки прибавили еще. Гладиатор тоже. Переглянувшись, подростки ринулись наутек. Оторопевший Бэйл рванул следом. Заслышав за спиной настигавший их топот преследователя, девчонки испуганно завизжали, несясь во всю прыть. Тут до гладиатора дошло, что бегут они не куда-то, а от кого-то, и этот кто-то — он сам. Следовало немедленно сообщить об отсутствии у него дурных намерений, пока ситуация не начала развиваться крайне нежелательным образом. Решение как привлечь внимание пришло быстро.

— Илиана! — крикнул Бэйл вслед удиравшим девчонкам. — Ты Илиана из Нирелина?!

Та что казалась помладше неожиданно резко сбавила темп и невольно обернулась, вперившись в бежавшего следом мужчину сиреневыми глазами. Гладиатор мгновенно понял что не ошибся.

— Постой, не убегай! — крикнул он, стараясь принять самый дружелюбный вид, что было не так-то просто, учитывая последствия недавней схватки. — У меня письмо для Илианы из Нирелина!

Испуг на лице девочки боролся с любопытством. Остановившись, она поджидала сбавившего ход гладиатора, приближавшегося те-

перь медленными шагами.
— От кого письмо? — настороженно спросила она, готовая в любую секунду ринуться наутек.
Бэйл понятия не имел кто спутница девочки, да и громко произносить имя чародейки на улицах Солтенстила после всех ее подвигов показалось ему крайне неудачной идеей. Что же ответить?.. С каждой новой секундой его молчания девчонка испытывала к гладиатору все меньше доверия, откровенно поглядывая в сторону зовущей ее поодаль спутницы. Какое же слово упоминала Сирелина?.. Какое-то необычное, фигурировавшее лишь между ней и воспитанницей. Бэйл что есть мочи напряг мозги, мысленно ругая свою забывчивую башку. Озарение пришло как нельзя кстати.
— От фири! — выпалил он в тот момент, когда девочка уже собралась дать деру.
Произнесенное слово возымело чудодейственный эффект. Едва не пустившаяся в бега девчонка устремилась навстречу Бэйлу, пожирая невесть откуда свалившегося незнакомца сиреневыми глазами. Гладиатор уже протягивал ей запечатанное послание, которое всегда носил с собой с тех самых пор, как проводил Сирелину. Жадно схватив письмо, девочка сломала рассыпавшуюся искорками печать и живо погрузилась в чтение.

Позади послышались осторожные шаги. К быстро глотавшей строки фигурке приблизилась ее спутница постарше.
— Иля, ты чего? — спросила она, не сводя глаз с мирно топтавшегося на месте Бэйла.
— А, Тали. Все в порядке! Он не желает нам зла, — отозвалась Илиана, не отрываясь от письма.
— Ты его знаешь? — снова спросила подруга, останавливаясь и пристально изучая широкоплечего мужчину.
Илиана немного растерялась, чуть было не ответив "нет". Формально ведь так и было. Вместе с тем явно не стоило представлять необычного почтальона доверенным лицом чародейки. О всем что касалось Сирелины лучше вообще помалкивать, тем более в присутствии подруги. Иля вдруг оказалась в таком же положении, как только что Бэйл, когда требовалось назвать отправителя сообщения. Перестав читать, она машинально встретилась глазами с гладиатором. Тот моментально догадался в чем состоит затруднение.
— Я муж ее тети, — сказал он с самым невозмутимым выражением лица. — Приехал в Солтенстил искать работу. Илиана меня никогда не видела, поэтому и в лицо не знает. А это — верительное письмо тетушки. Она просила разыскать племянницу и приглядеть за ней по-родственному.
— Так он что, твой дядя? — удивилась подруга Илианы, подходя

совсем близко.
— Не родной, — уточнила Иля. — Я действительно его никогда не видела, потому и не могла узнать. Но почерк тети мне знаком, так что это на самом деле он. Получается, он мой дядя Бэйл.
Спутница не напомнила что Илиана вроде как не знала своих кровных родных, а вся семья у нее приемная. Возможно, была в курсе.
— Как-то все это подозрительно, дядя Бэйл, — прищуриваясь, сказала подруга. — Как ты узнал племянницу, если вы встретились впервые? И откуда знаешь где ее искать, ведь... Гм.
Тут замялась уже она сама, соображая, правильно ли сейчас упоминать об особенном положении Илианы во дворце или нет.
— Тали, давай я тебя представлю своему дяде? — предложила Иля.
— Тогда мы сможем лучше друг друга понять.
Подруга, поколебавшись несколько секунд, согласилась.
— Дядя Бэйл, это — принцесса Талара, младшая дочь хана Гийюра ад-Сейдина и моя тайная подруга, — церемонно заявила Илиана, сделав плавный жест в сторону спутницы.
У гладиатора натурально отвалилась челюсть.
— Принцесса знает, что я во дворце не по своей воле, но мы все равно дружим. И она знает, что у меня никого, ну совсем никого нет кроме приемных родных из Нирелина, — многозначительно добавила Иля, незаметно пряча письмо чародейки под одежду. — Не бойся, дядя Бэйл, она не прикажет тебя арестовать только за то, что ты мой родственник и хотел меня увидеть.
— Ваше высочество... — пробормотал искренне ошеломленный Бэйл, почтительно наклоняя голову и одновременно радуясь что первым делом не выдал имя Сирелины с потрохами.
Ведь он прекрасно понял что означало это сиротливо выделенное "ну совсем никого".
— Мы здесь инкогнито, поэтому лучше просто Талара, — любезно отозвалась слегка порозовевшая принцесса.
Порозовела она вовсе не от скромности или удовольствия. Просто слова подруги заставили ее устыдиться собственных мыслей, ибо Талара уже успела допустить возможность обойтись с дядей Илианы тем самым недружелюбным образом. Она, безусловно, не желала подруге зла, но в ее отношениях с родными имелись некоторые щекотливые особенности. Принцесса в свою очередь оказалась в необычной ситуации, где с одной стороны ее связывали дружеские узы с Илианой, а с другой ей все же следовало подумать и об обстоятельствах.
— Как же ты нашел Илю, дядя Бэйл? — спросила Талара. — Я полагаю, нет смысла скрывать что ты знал о ее положении. Ты сле-

дил за нами?
Бэйл совершенно честно поведал принцессе о своем желании устроиться на работу в гильдию каменщиков, опустив лишь некоторые детали. Закончил он не менее искренне, пояснив, что признал племянницу совершенно случайно, сопоставив услышанное имя и сиреневые глаза.
— Как же вы сами, ваше выс… то есть Талара… оказались здесь, ведь я и не чаял увидеть Илю за пределами дворца? — спросил в свою очередь гладиатор.
Принцесса, подумав, нашла историю вполне правдивой, а посему милостиво решила снизойти до ответа.
— Мы вышли прогуляться, — сообщила она с самым невозмутимым видом. — Есть тут одно интересное местечко…
Впечатления были очень свежи, поэтому Талара незаметно для себя пустилась в повествование, к которому подключила и Илиану. Ущипнув подругу, принцесса на ухо напомнила ей о принесенной клятве, дабы та случайно не проболталась о доверенном секрете. Как они выбрались из дворца и собирались вернуться обратно — тайна за семью печатями. Остальные же детали прогулки вполне можно рассказать.

В развалинах было довольно жутковато. Это признавала и Талара, хотя она старалась храбриться и любопытство все еще перевешивало остальные чувства, включая испуг и благоразумие. Компания подруги пришлась весьма кстати. Едва зайдя во внутренний двор принцесса поняла, что одна ни за что не рискнула бы здесь бродить. Присутствие же Илианы придавало ей достаточно уверенности дабы не пуститься наутек, а заняться долгожданными исследованиями. Место выглядело совершенно необитаемым. Темные провалы окон круглых и прямоугольных зданий глядели на посетителей большими безжизненными глазами. Соединявшая их толстая стена имела лишь одни ворота, напротив которых возвышался центральный корпус. Его прохудившуюся крышу облюбовали вороны, устроившие себе там недурное гнездовье. Лишь их хриплое карканье нарушало стоявшую внутри тишину, да легкие шаги робевших подружек. Вокруг царило сильное запустение. Буйно разросшаяся зелень пробивалась меж камней мощеного двора, выглядывала из разбитых окон, захватывала дверные проемы. Через их приоткрытые, покосившиеся створки свободно гулял ветер, то и дело подвывая где-то внутри благодаря образовывавшейся тяге. Аберидж встречал гостей недружелюбным холодом, веявшим здесь даже в теплый солнечный день.
— Тали, где ты раздобыла ключ? — негромко спросила Илиана, едва не испугавшись звука собственного голоса.

Вместе с тем, спустя пару секунд, стало как-то полегче. Навалившаяся было жуть развеялась, а вот-вот готовые хлынуть из старинных построек призраки так и не появились. Иля имела в виду запертые ворота, которые принцесса только что собственноручно отомкнула. Не все целиком, а только встроенную в створу дверь, но для двух девочек и этого было вполне достаточно.
— Стянула по случаю. Как знала что пригодится, — пояснила Талара, оглядываясь по сторонам. — Все равно у распорядителя городским имуществом их было несколько копий, так что от одной и не убудет.
— И что, он ничего не заметил? — удивилась Иля.
— Заметил, — усмехнулась принцесса. — Только не посмел мне ничего сказать.
Иля прыснула в кулак, отчего на душе стало еще легче и мрачное место казалось уже не таким пугающим. Ее ощущения, видимо, передались и спутнице. Трусившая Талара приободрилась, будто подхватив незримую волну эмоций подруги, и перестала вздрагивать от каждого шороха.
— Ты действительно веришь во все слухи об этом месте? — спросила Иля, пока они кружили по заросшему бурьяном двору, изучая входы и заглядывая в окна. — Ведь если они правдивы, то лучше бы держаться от него подальше.
— Что за развалины без легенд? — пожала плечами Талара. — Ведь именно они и придают загадочное очарование.
— Развалины вижу, а вот очарования что-то маловато, — усомнилась Илиана, обходя груду невнятного мусора.
— А ты представь сколько лет этим камням и какие тайны они могут скрывать где-то в своих недрах, — предложила принцесса, подходя к заколоченному и заросшему кустарником колодцу.
Большое центральное здание своей тыльной стороной примыкало к стене, разделяя таким образом двор на две соединявшиеся только у ворот части. Эта закончилась ожидаемым тупиком, в котором разрослись толстые коренастые вязы, а некогда ухоженные кусты превратились в настоящие джунгли. Если бы не выводившая к колодцу мощеная дорожка, они бы и вовсе поглотили все свободное пространство.
— Да, это очень старое место, — согласилась Иля. — По-своему оно даже красиво. Эти узоры и барельефы… Жаль от скульптур ничего не осталось.
Илиана имела в виду декоративное оформление Абериджа. Время стерло значительную часть этого искусства архитектора, но кое-что еще сохранилось, позволяя судить о прежней привлекательности построек. Если отбросить разруху, бурьян и груды мусора,

взглянув на развалины под несколько другим углом, то можно было попытаться представить как они выглядели в период своего расцвета.
— Интересно, почему его заколотили? — пробормотала Талара, подергав крепкие плотно пригнанные доски, закрывавшие горловину колодца.
— Здесь была больница? Дедушка говорил, что заколоченный колодец — признак заразы, — любезно подсказала Илиана живо отскочившей принцессе. — Или его просто закрыли чтобы он не засорился, — добавила она лукаво.
— Там живет чудовище. Оно питается противными девчонками. Когда девчонки кончились, люди съехали, а колодец заколотили, — сурово выдвинула свою версию Талара, сердито блеснув глазами.
— Мы же хотели только осмотреться, — напомнила Иля, поежившись при упоминании о чудовище.
— Что, испугалась? — ехидно поинтересовалась старшая подруга. — Ладно, не дуйся, мне тоже не по себе. Ты права, вернемся сюда с собаками, а сейчас пойдем глянем что там в другой части двора.

Там оказалось не намного приветливей. Некогда разбитые вокруг фонтана клумбы с цветами заросли непроходимой растительностью. Фонтан же давным-давно высох и не функционировал, оказавшись забит всяким хламом: истлевшим тряпьем, сгнившими соломенными матрасами и прочей дрянью. Выстроенные около ныне бесформенных клумб постаменты статуй пустовали. То ли их некогда раскололи особо придирчивые ценители искусства, то ли забрали на переплавку, если они оказались сделаны из достаточно ценного металла. На основаниях имелись подписные таблички, но большая часть надписей была стерта или повреждена. Уцелевшие же несли в себе не слишком много пользы, поскольку были начертаны на непонятном языке, и прочесть их без посторонней помощи не представлялось возможным. Если вообще представлялось. Фигурной композиции в центре фонтана повезло больше. Она сохранилась, выглядывая из груды наваленной вокруг рухляди, но разобрать что именно она изображала не получалось из-за обильно увивавших ее ползучих растений.

Откуда-то изнутри ближайшего корпуса донесся протяжный душераздирающий скрип. Осторожно кружившие вокруг замусоренного фонтана подружки испуганно вздрогнули, замерев на месте как застигнутые врасплох воришки.
— Что это? — шепотом спросила Талара.
— Дверь скрипит. Наверное, просто ветер гуляет, — так же тихо отозвалась Иля, не сводя глаз с оконных провалов в направлении источника звука.

Скрип послышался снова, но уже несколько из другого места. Будто ветер, покружив в невидимом снаружи внутреннем помещении, двинулся дальше, обходя свои безлюдные владения. Или не ветер. Подруги переглянулись, не решаясь признаться друг другу в отсутствии должного уровня храбрости. Они напрягли слух до такой степени, что, кажется, где-то поодаль расслышали крысиный писк, а под прорехами крыш возню обосновавшейся там колонии летучих мышей. Последнее, впрочем, им явно мерещилось, угодливо подсказанное не на шутку разыгравшимся воображением. Зато раздавшееся поблизости шуршание уже не было предметом галлюцинаций. Шарахнувшиеся друг к другу девчонки, схватившись за руки, расширенными глазами следили за колыханием густой растительности. Кто-то приближался к ним прямо от ближайшего входа, прячась среди толстых лопухов и разросшегося бурьяна. Отчетливое покачивание потревоженных листьев уж точно не походило на обман зрения, да и на ветер никак не списывалось, поскольку во дворе не ощущалось ни дуновения. Не иначе какой-то монстр выбрался из недр заброшенного здания и теперь подкрадывался к беспечно забредшим сюда девчонкам, намереваясь наконец-то поживиться долгожданной свежатинкой. Аккурат в тот момент когда смелость подружек повисла на волоске, монстр добрался до края растительности и блеснул из ее прорехи голодными зелеными глазищами. По всей вероятности, он действительно не прочь был бы полакомиться мясном подходящей добычи, по которой истосковались его острые клыки. Показав их вкупе с языком в длинном зевке, чудовище покинуло заросли и направилось прямиком к струхнувшим девчонкам, приняв вид тощего бездомного кота. Которым, видимо, и являлось с самого начала. По всей вероятности, острое обоняние проголодавшегося животного привлекли соблазнительные запахи, исходившие из наплечной сумки Илианы. Там, помимо прочего, лежал небольшой запас провизии и кот, оценив вид двух забредших в его угодья посетительниц, решил попытать счастья. При виде безобидного мохнатого зверя у подружек, что называется, от сердца отлегло. С общего согласия коту тут же перепал солидный кусок ветчины, а пришедшая в себя куда более практичная Талара предложила его допросить.

— Чего? — не поняла угощавшая кота Илиана.

— Иля, честное слово, ты меня порой поражаешь! — удивилась принцесса. — С твоим даром ты иной раз бываешь на редкость туповата, несмотря на всю свою обычную сообразительность. Ты же можешь поговорить с этим полосатым разбойником, не так ли?

— Просто я не привыкла так использовать свою способность, — смутилась Илиана. — Я всегда общалась с животными как с жи-

вотными. Не как с людьми.
— Ну тогда я тебя прошу: побеседуй с этим местным жителем и узнай все что сможешь. Это же отличный шанс! — предложила сгоравшая от нетерпения Талара.
— С дикими животными у меня пока получается намного труднее, — предупредила Иля. — Не потому что я их не понимаю, а потому что они не привыкли к человеку, и выражение их мыслей блокируется инстинктивной боязнью. Это примерно как говорить при очень большом стечении народу или у грохочущего водопада. Возможно, меня они тоже слышат не очень хорошо. Зоопарк не в счет — его питомцы постоянно видят людей.
— Но это же кот! Даже не тигрица из зверинца, а самый обыкновенный кот, хоть и большой! — недоумевала принцесса.
— Он всю жизнь живет один и избегает человеческого общества, — пояснила Иля, протягивая обрадованному зверю еще один кусочек. — Просто он очень проголодался и к тому же понял, что нас бояться не стоит. Другим он не доверяет, а во мне почуял друга, да и ты у него тоже опасений не вызываешь.
— Ага! Значит ты все-таки с ним общаешься! — ухватила суть хитрая Талара. — А что он еще говорит? Что он может рассказать об этом месте?

То ли Илиана все еще здорово недооценивала силу своего дара, то ли счастливо уплетавший нежданное угощение кот оказался вследствие этого склонен к продуктивной беседе. Так или иначе, язык у него несколько развязался, когда он проглотил солидный ломоть ветчины и полакомился благоухающей колбасой. Для изумленно поднимавшей брови Талары животное издавало лишь забавные нечленораздельные звуки, то и дело зачем-то махая лапами и двигая головой, а то и вовсе принимая забавные позы. Иногда кот даже начинал кружить подле Илианы, словно разыгрывал перед ней некую пантомиму. Та же в свою очередь затейливо ворковала, обращаясь к полосатому собеседнику, и если бы принцесса заранее не знала что происходит, то решила что подруга просто играет с расшалившимся животным.

Кота звали Бус. Он обосновался в Аберидже три года назад, промышляя охотой на грызунов и вылазками на помойки ближайшего квартала. Иной раз ему перепадала какая-нибудь добыча у реки, прибитая волнами к берегу, но в основном он жил впроголодь, перебиваясь от случая к случаю. Вместе с тем Бус не хотел переселяться в более населенное место, хотя это сулило дополнительное питание. Кот сторонился людей, натерпевшись от них в молодости, и Аберидж подходил ему как нельзя лучше, поскольку здесь он чувствовал себя в полной безопасности, пусть и жил не

так хорошо, как многие его собратья. Он бы и к девочкам не вышел, несмотря на голод, кабы не почувствовал от одной из них необычное излучение, заставившее его покинуть убежище и явиться полюбопытствовать поближе. Бус не сказал именно "излучение", просто Илиана, переводя подруге его речь, не смогла подобрать более подходящего слова. Ведь сам по себе разговор был понятен лишь ей, а для любого другого человека его практически с нуля приходилось полностью адаптировать к присущему ему восприятию. Иной раз не очень точно, но тут уж ничего не поделаешь — бедность человеческого языка не позволяла передать все тонкости и штрихи. Как, впрочем, и большинства человеческих наречий.

Талара внимала во все уши, ничуть не возражая против того, чтобы припасенная снедь постепенно перекочевывала в желудок местного жителя. Делая перерывы на питание, тот поведал, что в развалинах никто не живет и люди в них не появляются. Видимо, они их боятся. На его памяти сюда пару раз пытались забрести какие-то подозрительные оборванцы, но так и не решились проникнуть внутрь. Принцесса, донельзя увлеченная происходящим, и без того забыла про все свои страхи, а теперь так и вовсе успокоилась.

— Сокровища! Спроси его про сокровища! — затеребила она Илю за плечо, мысленно уже представляя себя преуспевающей кладоискательницей.

Такого слова Бус попросту не знал. Человеческие понятия о ценностях ему были абсолютно чужды, и понадобилось бы очень много времени дабы втолковать ему о чем идет речь. Вместе с тем он сообщил, что в развалинах есть места, где очень давно никто не бывал. Царившее там запустение разительно отличалось от большинства некогда обитаемых комнат, и кот уверенно это отметил. Кроме того, присутствие грызунов позволяло определить наличие неких скрытых помещений, куда он так и не нашел как попасть. Последнее привело Талару в восторг, поскольку в ее глазах являлось очевидным доказательством сокрытых от всех тайн. А заодно подтверждало состоятельность ее идеи по привлечению животных, пусть несколько и не таким образом как планировалось изначально, о чем она немедленно сообщила спутнице.

— Видишь, я была права! — торжествующе воскликнула принцесса, стискивая Илиану за плечи. — Ух, мы с тобой просто горы своротим! Ты лучшая подруга на свете!

— Бус говорит что устал, — отозвалась польщенная Иля. — Он никогда так долго не разговаривал. Он хочет пойти вздремнуть на сытый желудок. Лучше его отпустить, а то он обидится.

У Талары на языке вертелось еще множество вопросов, включая

желание немедленно отправиться на поиски, но она, быстро поразмыслив, все же решила не гнать лошадей.
— Отдай ему всю колбасу — перекусим где-нибудь еще, — сказала принцесса, кивая. — Отдай и спроси: придет ли он к нам снова, если мы позовем его в другой раз?
— Он говорит что да, особенно если мы принесем ему поесть, — передала Илиана согласие донельзя довольного кота.
Ухватив здоровенный кусок аппетитно пахнущей палки колбасы, Бус развернулся и поволок угощение в свое убежище, на прощание издав приветливое "мр-р-р-р". Его примерный смысл был понятен даже Таларе без всякого перевода.

Не забыв замкнуть ворота Абериджа на замок, подруги отправились в обратный путь. Сегодня им в развалинах было больше нечего делать. Следовало как следует все обдумать и подготовиться к следующему походу, а на первый раз такой экскурсии вполне достаточно. Вместе с тем имевшегося в их распоряжении времени еще хватало, а посему Талара предложила погулять по Солтенстилу. Принцесса не собиралась упускать лишнюю возможность вволю побродить где ей вздумается и поглазеть на бившую ключом городскую жизнь. Илиана ничуть не возражала разнообразить безвылазное сидение за дворцовыми стенами. Наперебой обмениваясь полученными впечатлениями, подруги прошли вдоль реки и скрылись в кварталах огромного города.

Остальные этапы прогулки носили куда более житейский характер, хотя все равно пришлись девчонкам по сердцу. Они побывали на базаре, прошли по торговым рядам, покрутились в лавках и поглазели на представления уличных актеров. Талара купила себе памятный сувенир, а для Илианы нашлись симпатичный гребень и интересная книжка. Подруги не выглядели слишком броско, дабы не привлекать к себе внимание, но при этом отнюдь не походили на нищенок, так что из них получились вполне обычные горожанки. Нижнюю часть лица они на всякий случай прикрывали тонкой вуалью, но таким элементом одежды в Солтенстиле тем более никого не удивишь. Проголодавшись, подруги перекусили в уличной забегаловке, устроившись под тентом с видом на реку. Уставшая от дворцовой пищи Талара с удовольствием набросилась на предложенное разнообразие, да и Илиана от нее не отставала. За время прогулки девочки нагуляли хороший аппетит и теперь отдавали ему должное, лопая принесенные блюда с не меньшим энтузиазмом чем давеча Бус. Наблюдая за кораблями, принцесса делилась мечтами о далеких плаваниях в страны Запада, где ей непременно хотелось побывать. Заодно, возвращаясь к недавним событиям, откровенно дивилась состоявшейся при ней беседе с

котом. Принцесса все еще никак не могла привыкнуть к мысли, что с окружавшими людей бессловесными животными возможно подобное общение. Она приняла бы способности Илианы за откровенное шарлатанство, кабы лично не убеждалась в их подлинности, и сей факт прямо-таки переворачивал для нее обыденное положение вещей. Иля, как могла, старалась растолковать, что не все так просто. Она и сама плохо соображала каким образом умеет то, чего явно недоступно всем остальным, но в своей основе ощущала некоторые особенности. Ничего общего с переводом одного человеческого языка на другой это не имело. Илиана как бы настраивалась с животным на одну волну. При этом мышление, допустим, человека, кота и лошади значительно отличалось. Напрямую передавать слова людей коту можно было с таким же успехом, как пытаться засунуть квадратную фигуру в круглую форму. В известном смысле все они одновременно существовали в разных мирах, и то, что казалось естественным для одного, полностью отсутствовало в жизни другого или имело совершенно другое представление. В том числе поэтому Бус не понимал термина "сокровище". Талара в очередной раз мало что усвоила, тем более что Иля могла объяснить еще меньше, чем сама разбиралась в собственных особенностях. Принцесса лишь выразила надежду никогда не расставаться с такой примечательной подругой и никому ее не отдавать.

После сытного обеда девочки продолжили гулять. Пройдя по набережной, они пересекли оживленный мост и вышли на площадь, где собравшаяся толпа лицезрела какое-то увлекательное действо. Узнав что происходит и не желая пропускать кстати подвернувшееся зрелище, принцесса предложила Иле остановиться и посмотреть. Пробиться в первые ряды казалось практически невозможно, но Талара быстро придумала выход. Присмотрев в сторонке подходящего громилу, она подошла к нему и, показав серебряную монету, предложила провести ее с подругой к самому заграждению. Оживившийся мужчина тут же согласился и пристроившиеся к нему за спину девочки благополучно прошли через плотное скопление народа. Там они и оставались до самого конца состязания устроенного гильдией каменщиков, закончившегося массовой потасовкой. Принцесса смекнула к чему наиболее вероятно приведет подобное безобразие. Появление стражников в ее планы отнюдь не входило, и она принялась звать отвлекшуюся Илиану. Докричавшись до подруги, Талара потащила ее прочь из толпы, пропускавшей их в обратную сторону куда охотнее. Поспешив убраться с площади, девочки нырнули в ближайший переулок и окольной дорогой направились во дворец. Там-то они и за-

метили преследователя, в котором обе признали претендовавшего на чемпионство каменщика. Здравый смысл подсказал подругам, что выяснять намерения спешившего за ними по пятам постороннего мужика — не самая лучшая идея. Тем более того, кто прямо сейчас бился на площади, а теперь вдруг припустил за двумя ничем не примечательными девчонками. И если бы у Бэйла не хватило ума соответствующим образом привлечь внимание Илианы, то кто знает чем кончилась бы заключительная часть этой истории.

— Сожалею, что испугал вас, — извинился гладиатор.

— Пустяки, — великодушно отмахнулась принцесса. — Теперь важно лишь что будет дальше.

В процессе разговора она, помимо прочего, успела обдумать сложившееся положение и решила извлечь из него выгоду. Поэтому когда Илиана и Бэйл поинтересовались что Талара имеет в виду, у той уже все оказалось разложено по полочкам.

— Иля, ты же видела выступление своего дяди? — с хитринкой в лице спросила принцесса. — Серьезный мужчина.

— Разумеется, — кивнула Илиана. — Мы обе его видели. А что?

— А то, — усмехнулась Талара. — О лучшей охране и мечтать нельзя! Он один заменит нам нескольких гвардейцев. Причем их мы взять не можем, а вот твой дядя вряд ли откажется составить компанию собственной племяннице. Особенно если таково желание принцессы.

Мысль Талары быстро стала ясна. Отныне их будет сопровождать дядя Бэйл. С таким внушительным спутником девочкам вообще нечего бояться. Его неожиданное появление оказалось весьма кстати, раз уж он волею случая стал посвящен в тайные походы принцессы и ее подруги. Следующий визит в Аберидж пройдет в его обществе, ничуть не ограничивающем свободу и вместе с тем обеспечивающим надежную защиту. Дядя Бэйл же хотел приглядеть за племянницей? Вот и возможность подходящая. В таком случае даже собак брать не нужно, поскольку с их предполагаемой ролью куда лучше справятся Бэйл и Бус. Украдкой таскаться туда-сюда с мастифами — хлопот не оберешься, а тут разом решаются все проблемы.

Основную идею гладиатор уловил, когда Илиана быстро втолковала ему особенности негласных прогулок с Таларой. Тонкости жизни принцесс при дворце были ему неизвестны, так что Бэйлу оставалось лишь подивиться на происходящее и порадоваться столь удачному стечению обстоятельств. Ведь он ничуть не возражал против замысла Талары, поскольку заполучал долгожданную возможность общения с воспитанницей чародейки и имел непло-

хие шансы в дальнейшем упрочить свое положение. Бэйл немедленно выразил согласие сопровождать девочек в их неофициальных прогулках под началом принцессы. Иля и тем более не возражала. Она успела прочесть значительную часть письма, которой оказалось вполне достаточно дабы обеспечить посланнику Сирелины необходимый уровень доверия. Ей прямо-таки не терпелось обо всем расспросить отныне возведенного в статус родственника Бэйла, но прямо сейчас это было сделать нельзя. Стало быть, следует наладить постоянное общение, и предстоящие совместные вылазки — отличная для них обоих возможность. И это не говоря уже об очевидной практичности замысла Талары. На площади Бэйл наглядно показал на что способен, и в его компании искательницы приключений могли чувствовать себя в полной безопасности.

Гладиатор, правда, толком не понял причем тут некий кот по имени Бус. Рассказывая о своем путешествии, девочки умолчали про некоторые детали, связанные с даром Илианы. Украдкой принцесса ревниво предупредила подругу, дабы та случайно не проболталась, но Иля и сама решила помалкивать. Она не успела открыться даже Сирелине, а Бэйла видела впервые, и откровенничать с едва знакомым мужчиной было слишком рано. Пошептавшись, девочки решили: пусть думает что у них есть умный дрессированный кот. Ведь даже Талара не догадалась бы об истинной подоплеке дела, не знай ее наверняка.

— Значит, завтра в десять утра, — подытожила принцесса, указав место встречи в конце моста.

— Уже завтра? — обеспокоился Бэйл. — Ваше выс… Талара… у меня там осталось незаконченное дело с гильдией каменщиков.

— О, на сей счет я бы не слишком волновалась, — улыбнулась принцесса. — Полагаю, после сегодняшних событий они будут не слишком рады тебя видеть.

— Вот как? — помрачнел гладиатор.

— Не переживай, дядя Бэйл, — подмигнула Талара. — Если ты окажешься хорошей компанией для нас с Илей, то я сама найду тебе место. Принцесса я или нет?

– 13 –

Сирелина ждала от Бэйла доброй весточки с не меньшим нетерпением, чем он сам желал ее отправить. Увы, поступавшие сообщения не содержали в себе сколько-нибудь утешительных сведений. Настроения ей это ничуть не прибавляло. Сокрушительное фиаско, едва не обернувшееся собственным пленом с крайне уд-

ручающим будущим все еще сильно угнетало приунывшую чародейку. На этом фоне взбучка от старших сестер выглядела вполне умеренной, тем более что так оно и было на самом деле. Арадора и Изабелла основательно отчитали Сирелину за возмутительную выходку, но учли сопутствующие обстоятельства. Изначально добрые намерения чародейки, вызванные чувством личной привязанности, и ее подавленное состояние смягчили наставницу и Настоятельницу. Кроме того, Сирелина сообщила ордену немаловажные сведения касательно черных колдунов, пусть это и оказалось лишь случайным достижением ее рискованной затеи. Посовещавшись, старшие сестры обошлись без излишне суровых мер за непослушание, хотя совсем сухой из воды Сирелина не выбралась. На выход из обители вновь наложили запрет, убедительно посоветовав на сей раз его не нарушать, а для надежности снабдили чародейку особым браслетом. Стоит его владелице пересечь обозначенную границу — и он тут же сдаст ее с потрохами, послав сигнал наставнице. Простое, но эффективное средство, обычно применявшееся для непоседливых послушниц и строптивых учениц. А дабы Сирелина не сидела почем зря без дела ей нашли подходящую работенку. Помимо обязательной переаттестации под руководством Арадоры ей самой поручили вести уроки, определив соответствующие ее познаниям дисциплины. По истории и колдовству южных земель она теперь находилась в статусе специалиста и вполне могла делиться полученным опытом с послушницами, помогая штатной преподавательнице. Не возбранялись и факультативные занятия, чем немедленно воспользовалась рыженькая Флея, притащив за компанию парочку подружек из клуба Тайной пещеры. Ведь Сирелина не выдала соучастницу своего побега, хотя Изабелла усердно допытывалась как она его провернула, и по всему было видно, что Настоятельница не слишком-то поверила в липовую версию. Для Флеи это оказалось лучшим доказательством честности, и девушка относилась к Сирелине самым доброжелательным образом. Благодаря рыженькой послушнице в глазах некоторых воспитанниц чародейка приобрела чарующий ореол странствующей волшебницы, сражающейся со злом и погруженной в романтические приключения.

Зло, кстати, требовало отдельного упоминания. После выяснения основных подробностей ее похождений над Сирелиной провели тщательный ритуал очищения, дабы полностью исключить любое остаточное воздействие темного колдовства. С ним стоило соблюдать предельную осторожность, особенно когда в дело оказывались замешаны типы вроде Дегониса. Даже Изабелла приняла в ритуале личное участие и успокоилась лишь когда убедилась, что

вернувшаяся сестра полностью чиста. Затем, параллельно с переаттестацией, Сирелине назначили индивидуальный курс по особому предмету. Его проходили только сильные чародейки из тех, кто по роду своей деятельности мог столкнуться с темным колдовством. Для остальных в нем попросту отсутствовала необходимость за неимением достаточного развитого чародейского дара, и им давались лишь основные теоретические понятия и практические меры защиты. Активные способы борьбы предназначались для довольно узкого круга сестер. Ведь они несли в себе не только умение хорошо владеть собственной силой, но и опасные знания, с которыми ни в коем случае нельзя было обходиться без надлежащей ответственности. Соблазн использовать открывшиеся возможности не по назначению был слишком велик, и история насчитывала немало печальных случаев когда тьма овладевала душой чародейки, превращая ее в злую ведьму. До прохождения переаттестации Сирелине было еще очень далеко, но наставница с Настоятельницей уже и так поняли, что та стала достаточно сильна. Посовещавшись, старшие сестры решили обучить неугомонную чародейку изначально не предназначавшемуся для нее искусству. Совещание длилось очень долго, но в итоге присутствующие сошлись во мнении, что так все же будет лучше. Зная характер Сирелины и ее устремления нетрудно было предположить, что рано или поздно она вновь впутается в скверную историю, и пусть уж лучше окажется к ней должным образом подготовленной. Не запирать же ее, в самом деле, в обители пожизненно. Кроме того, ряды противостоящих черному колдовству чародеек тоже должны пополняться и, быть может, это ее истинная судьба.

Ввиду большой занятости Сирелине действительно скучать не приходилось. Значительную часть времени она проводила в Учебном чертоге, сначала уделяя внимание послушницам, а потом занимаясь собственным развитием под руководством Арадоры. Затем, расставшись с наставницей, чародейка отправлялась в закрытую для большинства часть комплекса, где поступала в распоряжение заправлявшей там старшей сестры. Сопротивление темному колдовству невозможно без отличного понимания его природы и обретения определенных навыков. Теория и практика в этом секторе Учебного чертога разительно отличались от всего остального присущего обители. Находившиеся в нем книги, пособия, инструменты и зачарованные вещи никогда не покидали отведенных им стен, и выносить их было строжайше запрещено. Ведь посвященные чародейки сталкивались там с подлинным злом, осваивая эффективные методы противостояния. И им самим постоянно приходилось иметь дело с темным колдовством, причем чем даль-

ше, тем больше. Об этом не любили говорить, ибо постигшие полный курс опасного искусства сестры оказывались в критической близости от той черты, по другую сторону которой находились ведьмы. И иногда чтобы пересечь эту страшную грань хватало всего одного опрометчивого шага. Именно поэтому такое обучение проходили далеко не все чародейки, а послушниц к нему и вовсе не допускали. Причем значительная часть сестер отсеивалась преподавателем по мере освоения курса, и лишь немногим удавалось познать его до конца. Обычно это означало что они навсегда вставали под командование Немезии — наставницы Запретного чертога и бессменного руководителя группы чародеек известной как Гексенхаммер. Немезия относилась к появлению Сирелины довольно прохладно, считая что та не слишком подходит для изучения столь серьезной и ответственной науки. Вместе с тем она тоже признала на совете необходимость дать странствующей сестре основной курс, а посему добросовестно исполняла свои обязанности.

Покончив с очередным уроком в Запретном чертоге, производившим на нее глубокое впечатление, Сирелина отправлялась в свои покои, подле которых ее уже поджидала Флея сотоварищи. С ними чародейка проводила все оставшееся время, а их местонахождение варьировалось в зависимости от того, чем именно они занимались. Обычно дело шло к полуночи когда послушницы уходили, и лишь забравшись в постель Сирелина могла предаваться своим не слишком-то веселым думам. А подумать ей было о чем. Ведь все еще неизвестно каким образом позорный провал сказался на судьбе Илианы и пленных нирелинцев. Что же касалось ад-Сейдина, то до обители продолжали доходить неутешительные сведения. Властелин Железных земель и наследный хан Ста городов все еще не отправлял армию в следующий поход, но явно лишь затем чтобы сделать его еще более разрушительным. В захваченном Аяз Моле, над которым с начала весны реяли стяги Красной Саламандры, вовсю кипела работа по созданию нового речного флота. И можно было даже не сомневаться с какой целью строились эти корабли, причем строились в такие короткие сроки, что их использование представлялось отнюдь не за горами. К тому времени накопятся у хана и запасы Липкого огня, поэтому одному небу известно что он с ними сотворит и как много людей падут его очередными жертвами.

Переживала Сирелина и за Бэйла. В обители его все еще не хватились, полагая что гладиатор просто взял долгосрочный отпуск, на который имел полнейшее право, ибо обязательный контракт давным-давно истек. Только вот чародейка знала где он подвизается, и дня не проходило как ей в голову не лезли разные

удручающие мыслишки. Это сама Сирелина постоянно лезла на рожон, не боясь соваться прямо в логово врага. Подобное поведение отнюдь не означало что точно так же она поступает и с другими. Она очень волновалась за близких людей, особенно если из-за нее они подвергали себя опасности, и ее бурная фантазия рисовала картины одну хуже другой. Ведь Бэйл остался в Солтенстиле именно ради Сирелины, и теперь неизвестно в какие он ввяжется неприятности. Приходившие от гладиатора весточки означали что тот все еще жив и невредим, но кто знает что у него на уме и долго ли он будет пребывать в полном благополучии. Дворец ад-Сейдина, не много ни мало, на деле оказывался змеиным гнездом черных колдунов, то есть крайне неподходящим местом для искателя приключений. Но именно туда стремился Бэйл, обещавший присмотреть за воспитанницей своей подруги. Стремился ради нее, и ради нее же шел на страшный риск. Ибо в случае разоблачения он почти наверняка будет иметь дело отнюдь не с властями.

В общем, Сирелина действительно не скучала, прекрасно изводя себя в оставшееся от сильной загруженности время. А помочь ей особо никто и не мог. Ведь раскрой она тайну местонахождения Бэйла той же Арадоре, как наставница немедленно отправит за ним кого-нибудь, дабы вернуть блудного гладиатора до того, как он пойдет по стопам своей несносной приятельницы. Орден по-прежнему не собирался вмешиваться в дела хана Гийюра, хотя следил за его деятельностью с возрастающим беспокойством, особенно когда узнал от Сирелины про Дегониса и компанию. Ведь именно поэтому ее пригласили в Запретный чертог.

— Чем ты там занимаешься? — с искренним любопытством спросила Флея, когда она вместе с двумя подружками в очередной раз нагрянула в покои чародейки.

— Не могу сказать, — покачала головой Сирелина.

— Ну пожа-а-а-луйста! — подступала послушница. — Нам ведь ничегошеньки про него не рассказывают! Всем девчатам это очень интересно.

— Во-первых, я связана обетом молчания, — пояснила чародейка. — Все что происходит в Запретном чертоге — тайна за семью печатями. Во-вторых, — и правильно делают что не рассказывают. Поверь, у сестер есть для этого веские причины. Незрелым душам слишком рано подвергаться воздействию его опасностей, ибо даже для состоявшейся чародейки он может оказаться весьма пагубен.

— Я думала мы подруги, — надула губки рыженькая Флея.

— Да, — подтвердила Сирелина. — Именно поэтому я не стану сбивать тебя с толку разговорами про Запретный чертог. Теперь я

на своей собственной шкуре начинаю понимать почему сестры Гексенхаммера обычно такие молчаливые и не говорят о своих делах. О некоторых вещах лучше вспоминать только тогда, когда занимаешься непосредственной работой, а во все остальное время забывать как страшный сон.

Куски шевелящейся мертвой плоти и ожившие крысы, которые еще минуту назад являли собой безжизненное свидетельство тлена — зрелище явно не для юных послушниц. В этом уже и Сирелина была абсолютно уверена. Как и в том, что нашептывающие тихие голоса, сулящие власть и могущество, способны совратить даже куда более стойких людей. А она лишь начала знакомиться с закрытой частью Учебного чертога и там водилось кое-что намного страшнее мертвых грызунов и довольно безобидных проклятых безделушек. Сирелина не без содрогания думала о том, что, видимо, вскоре и ей предстоит перейти от теории к практике, собственноручно воздействуя на бренные останки. Эта мысль ей совершенно не улыбалась, но не постигнув природу некромантии нельзя было овладеть и чувством ее низвержения. Лишь зная что такое подлинная тьма можно бить в самое чувствительное ее место, останавливая злые чары гораздо меньшими усилиями и сводя их на нет разбивавшей зловещий поток волей. Но если при этом некромантия как наука была для Сирелины сама по себе неприятна, то нашептывающие голоса пугали ее по другой причине. Их коварные речи несли в себе известный соблазн, и чем увереннее становился шепот, чем сильнее был его источник, тем увещевание оказывалось все более искушающим. А ведь начинающие адепты Запретного чертога имели дело только с простыми вещами. К самым опасным допускались лишь наиболее могущественные и стойкие чародейки, и даже сейчас Сирелина уже догадывалась почему. Ведь пару раз она успела услышать такое, что вполне сочла бы возможным применить против ад-Сейдина и его приспешников ради благой цели. Лишь заблаговременное предупреждение Немезии помогало ей не поддаваться, честно рассказывая обо всем наставнице. Чародейке следовало заранее усвоить одну простую истину и никогда от нее не отступать: любое увещевание голосов гибельно, исходит оно открытыми речами или звучит лишь непосредственно в голове. Посулы могут быть самыми разными, но конечный результат всегда приводит на гибельный путь, а изначально даже самые добрые намерения оборачиваются для мира еще большим разрушением и страданиями. Психологический курс для адептов Немезия поочередно проводила как группами, так и индивидуально, и он был не менее важен, чем все остальные занятия. Ибо самым страшным орудием искусителей было великолеп-

ное знание человеческой натуры, ее слабых мест и желанных помыслов, и они умело использовали свое умение, дабы постараться подобрать ключик к любой душе. Сложность иногда состояла не в том чтобы им не поддаваться, а в том что обманом они могли вызвать совершенно обратное действие. Полагая что сопротивляется демонической природе, человек порой поступал с точностью до наоборот, угождая в коварные сети зла. К таким вещам нужно было готовиться заранее, стараясь изучить все свои слабости и возможные приемы врага. Ценнее всего оказывались практические примеры, и чародейкам настоятельно рекомендовалось подробно сообщать о всех своих мыслях и ощущениях наставнице. Разбирая на занятиях общие примеры, Немезия непременно обращалась и к частным, заблаговременно вооружая учениц против возможных речей коварного противника.

Входная дверь с грохотом распахнулась. Послушницы испуганно вздрогнули, а читавшая им книгу чародейка удивленно взглянула в направлении источника невообразимого шума. В личные покои Сирелины ввалилась гнавшаяся за совой горгулья. Она усердно пыталась поймать крупную птицу, но взлохмаченная сова не давала преследовательнице такой возможности, ловко уворачиваясь от тянувшихся к ней пальцев. Раздосадованная горгулья наседала все сильнее, окончательно перестав обращать внимание на окружающую обстановку, и крылатая парочка явно вознамерилась учинить в гостиной чародейки полнейший разгром. Когда Сирелина опомнилась, горгулья уже смахнула на пол тумбочку и две вазы, снесла этажерку с книгами и явно вознамерилась добраться до люстры. Сова не отставала, цепляя подворачивавшиеся на пути предметы и повергая вниз мелкие фарфоровые безделушки. Опешившая от творившегося безобразия Сирелина влепила разбуянившейся компании заклинание, но второпях промазала и лишь усилила воцарявшийся хаос, сбив полку с только и дожидавшимся этого момента хрупким барахлом. Рассерженная чародейка признала свою горгулью и пыталась осадить ее окриками, но та, видимо, уже ничего не воспринимала кроме пернатой цели. Разгром быстро усиливался, грозя превратить уютную гостиную в дешевый кабак, где только что приключилась безобразная пьяная свара. Разгневанная Сирелина зарядила в распоясавшуюся живность еще одно заклинание, намереваясь поубавить ей подвижности. Помешала означенная люстра. Горгулья не смогла записать ее на свой счет, поскольку с хрустальным убранством прекрасно справилась ее собственная хозяйка. Частично замороженный светильник грянулся на ковер, наполнив пространство жалобным звоном. Сова, ухнув, шарахнулась в сторону, не иначе как надеясь

укрыться в спальне, а избежавшая свидания с чарами Сирелины горгулья врезалась в потолок, оставив на нем своими крыльями две борозды. Затем кувырнулась в кресло и вместе с ним покатилась по полу, запутавшись в бархатном покрывале.

Послушницы пришли наставнице на помощь. Флея одним ловким движением пальцев захлопнула перед птицей дверь в спальню, в то время как Лада уже вовсю занималась горгульей. Она не старалась утихомирить отчаянно воевавшее с пленившим ее покрывалом существо. Сотворив колдовство, она лишь придавила толстый бархат к напольному ковру, не давая горгулье вновь оказаться на свободе. Помощь девушки оказалась весьма кстати и Сирелина наконец-то угостила хулиганку утихомиривающим средством, благо что это прекрасно позволяли торчавшие из-под покрывала конечности. Горгулья обратилась в камень. Чародейка переключила свое внимание на сову, но с той уже и без нее сладили. Ашира, мановением кисти смахнув со стены гобелен, ловко накинула его на птицу, а Флея живо применила успокаивающие чары. Сирелина глазом не успела моргнуть, как присмиревшая сова очутилась в руках рыженькой послушницы.

— Неплохо, — одобрительно изрекла чародейка, убеждаясь, что хаос остановлен. — Вижу что годы обучения не прошли для вас даром.

Вокруг творился внушительный бардак, так что еще предстояло как следует убраться, но его виновники наконец-то оказались пойманы.

— У нее на лапке тубус, — сообщила Флея, гладя немного дрожавшую крупную птицу.

— Это почтовая сова, — пояснила и без того ставший очевидным факт Сирелина. — Интересно только чья.

Оказалось, что самой Сирелины. Ну, не ее лично, но содержимое тубуса предназначалось именно ей. Собственно, приведенная в чувство и хорошенько допрошенная горгулья и объяснила столь необычное появление. Зная о томительном ожидании своей хозяйки, она регулярно наведывалась в почтовую службу справиться нет ли какого послания. Сделала она это и сегодня. Дежурная сестра отлучилась и полуночная корреспонденция преспокойно ухала себе на насестах, дожидаясь когда за ней кто-нибудь явится. Явилась горгулья. Не привыкшая к назойливому вниманию со стороны подобных существ сова воспротивилась самым решительным образом, в то время как разглядевшая адресата горгулья отступать уже не собиралась. Непродолжительная свара между ними закончилась победой прислужницы Сирелины, которая, донельзя гордая собой, потащила вырывавшуюся добычу хозяйке.

Снять тубус сама она не могла, поскольку такие вещи были зачарованы и предназначались лишь для чародеек. В результате то ли размечтавшаяся о награде горгулья утратила бдительность, то ли сова изловчилась и клюнула ее особо чувствительно, но пернатой удалось вырваться на свободу. Горгулья пустилась в погоню и чем дольше ей не удавалось схватить птицу, тем больше она распалялась не в последнюю очередь благодаря ставшему притчей во языцех характеру своего рода. Некоторое время они носились по коридорам и переходам жилой башни, прежде чем горгулье удалось если хоть и не поймать, то хотя бы загнать цель аккурат к апартаментам своей хозяйки. Она уже рассчитывала изловить постоянно ускользавшую от нее добычу, но плохо рассчитала маневр и вместо того чтобы схватить сову ударилась в незапертые двери. Правда и сове удалось удрать лишь частично. Увлекаемая горгульей, она вместе с ней вломилась в покои Сирелины, где и произошла завершительная часть возмутительного действа.

Рассказ донельзя смущенной горгульи подтвердился едва она успела закончить. В приоткрытую дверь постучали, и в проеме показалась голова дежурной почтальонши.

— Тут почта не пролетала? — поинтересовалась эта сестра. — Этажом выше такой бедлам…

Окинув взглядом гостиную, она осеклась и присвистнула.

— Пролетала, — подтвердила Сирелина, указывая пальцем на сову. — Разгромила все до чего дотянулась.

Послушницы хихикнули, а нашкодившая горгулья бочком-бочком спряталась за спину хозяйки. Сидевшая на руке у Флеи птица встрепенулась и зашевелила крыльями.

— Забери это чудо в перьях, — предложила Сирелина. — Только почту мне оставь.

— А что, собственно, случилось? — спросила почтальонша, с нескрываемым подозрением поглядывая на осторожно высовывавшуюся горгулью.

— Да так, дело житейское, — пожала плечами чародейка. — Я сейчас поднимусь и помогу с уборкой.

Оставив послание, почтальонша удалилась, прихватив таращившую круглые желтые глаза сову, а Сирелина, наказав горгулье сидеть смирно, поспешила ликвидировать следы ее преступления. Впрочем, ни ее помощь, ни помощь послушниц особо не понадобилась. Появившиеся на шум сестры прекрасно управлялись и сами, и лишь поинтересовались деталями происшествия. Сирелина, не вдаваясь в подробности, коротко объяснила суть дела маленьким недоразумением с совой, оказавшейся в небольшом конфликте с ее горгульей. Когда с уборкой было покончено, чародейка и

троица девушек вернулись обратно в ее покои. Гостиная выглядела так себе, но Сирелину сейчас это волновало мало. Все ее внимание приковывал к себе тубус. Послушницы, угадав мысли чародейки, вызвались ликвидировать беспорядок самостоятельно и благодарная Сирелина не заставила себя упрашивать. Покуда девушки решали как лучше всего поступить с поверженной люстрой она извлекла из тубуса аккуратно вложенные туда листки бумаги и погрузилась в чтение.

Бэйл устроился при дворце и виделся с Илианой почти каждый день. Это потрясающее, замечательное известие заставило чародейку вскочить с кресла и с радостными возгласами забегать по комнате аки маленький ребенок, получивший ко дню рождения долгожданную лошадку. Колдовавшие над люстрой послушницы отвлеклись и провожали ее удивленными, но вполне понимающими взглядами. Завидев приступ бурных эмоций хозяйки, получившая хороший нагоняй горгулья приободрилась, ибо дело вполне могло закончиться не только прощением, но и поощрением. Напрыгавшись вволю, Сирелина, закончив выражать восторг небольшим чародейским фейерверком, вернулась к креслу у камина и вновь жадно зашелестела драгоценными листками. Их было много и написаны они оказались достаточно скрупулезно. Бэйл не мог передать подруге свои похождения дословно, но он постарался изложить повествование как можно подробнее, дабы передать все детали. И в этих деталях содержалось такое, что у Сирелины глаза на лоб полезли, и она даже была вынуждена перечитать строки несколько раз чтобы убедиться что ей не мерещится.

* * *

— Слушай, Иля, а давай выкрадем эту девчонку! — горячим шепотом предложил Бэйл, когда Талара оказалась несколько поодаль.

Гладиатор и Илиана покамест нечасто оставались наедине, но имевшихся возможностей вполне хватало как понять друг друга в общих чертах, так и прояснить некоторые вопросы. Сейчас они пробирались по темному коридору подземного этажа, куда дневной свет проникал лишь через специально пробитые вверх скважины. Потрескивавшие факелы отбрасывали вокруг замысловатые тени, вполне способные нагнать на девчонок страху кабы не присутствие крепкого мужчины. Талара, остановившись, с любопытством изучала на стене какой-то узор, а спутники поджидали ее чуть впереди, делая вид что оглядываются по сторонам. Впрочем, Илиана действительно оглядывалась в то время как гладиа-

тора занимали совсем другие мысли.
— Ты о чем, дядя Бэйл? — не на шутку опешила девочка.
— Ну посуди сама: хан вроде как обожает свою младшую дочку. И наверняка пойдет на переговоры, если ту захватят в плен. Это ж какой невероятно удачный случай! Возможно, с помощью этой принцессы можно одним махом решить все наши проблемы, — пояснил гладиатор свою мысль, показавшуюся ему очень даже недурной и вполне осуществимой.
Иля сначала ничего не отвечала, но Бэйл ошибочно истолковал ее молчание за раздумье. На деле та лишь даже слов не могла найти от возмущения.
— Как ты вообще мог такое подумать! — наконец произнесла Илиана, гневно блеснув глазами. — Она же мне доверяет! Я не могу поступить с ней подобным образом!
— Она дочь ад-Сейдина, — напомнил гладиатор. — Того, кто напал на ваш оазис и пленил тебя и твою семью.
— И моя лучшая подруга! — топнула Илиана. — Она же ни в чем не виновата, и я никогда не пойду на такое предательство!
Растерянный Бэйл, никак не ожидавший подобной реакции, попытался мягко растолковать девочке все плюсы своей идеи другими словами, надеясь убедить ее в своей правоте. Добился он строго обратного результата. Вконец рассердившаяся Иля заявила, что больше не хочет слышать ничего подобного. Сирелина никогда бы не предложила такую гнусность, и она уже сомневается что дядю Бэйла послала именно чародейка. Если дядя Бэйл продолжит в том же духе, то они сильно поссорятся, поэтому лучше ему впредь никогда не думать о Таларе плохо и не замышлять против нее ничего дурного. Если что, она, Илиана, никогда ему этого не простит.
Окончательно ошеломленный от такой отповеди гладиатор уже здорово пожалел о своем предложении и теперь старался утихомирить расходившуюся девочку. Похоже, для начала как минимум стоит посоветоваться с Сирелиной, пока он не потерял находившееся еще в самом зародыше доверие ее воспитанницы.
— О чем это вы там спорите? — поинтересовалась Талара, привлеченная становившимся все более ожесточенным шепотом.
— О том, куда идти дальше, — поспешил ответить гладиатор, пока Иля, чего доброго, не сдала его коварный замысел высокородной подруге.
— Идите сюда, — позвала принцесса. — Мне кажется, здесь есть что-то интересное.
Бэйл, шепотом пообещав не обижать Талару, поспешил подойти, а следом за ним приблизилась и сердитая, надувшаяся Илиана. В неровном отблеске факелов эмоции на ее лице читались не так яв-

но, как при хорошем освещении. Впрочем, принцесса ничего не заметила, поглощенная своими комментариями к настенному рисунку. Она тыкала куда-то пальцем, показывая что именно привлекло ее особое внимание. Гладиатор действительно слушал, пока Иля пребывала под воздействием настоящей бури охвативших ее чувств.

— По-моему, этот рисунок что-то означает, — подытожила принцесса, оборачиваясь к спутникам. — Может быть, это какая-то подсказка?

— Трудно сказать, — задумчиво отозвался Бэйл, поднося факел поближе и изучая затейливую вязь, в которой виделись не то растения, не то мифические существа, не то все сразу. — Похоже на самое обычное украшение.

Он потрогал руками несколько осыпавшуюся кирпичную кладку, провел пальцем по линиям узора и поскреб ногтем окрашенную поверхность. Илиана же до сих пор никак не могла успокоиться. Слова дяди Бэйла возмутили ее до глубины души. Она была честной девочкой и не смогла бы так плохо поступить с подругой даже ради собственного спасения. При мысли о том какой подлостью оказался бы подобный поступок по отношению к Таларе ее эмоции просто зашкаливали. Она прямо-таки чувствовала как ничего не подозревавшая о состоявшемся разговоре принцесса с живейшим любопытством дискутирует с Бэйлом касательно рисунка. Талара, поглощенная исследованием Абериджа, излучала лишь присущие ей живейший интерес и доброжелательность. Гладиатор, стоило отдать ему должное, вроде бы действительно оставил в покое некрасивый замысел и мысли его явно посветлели, занятые диалогом с принцессой. Он вроде бы в самом деле не желал Таларе зла, и если уж и хотел ее украсть, то совсем не из дурных побуждений. Илиане малость полегчало. Ее эмоциональный фон стал более ровным, и она обратила внимание на предмет беседы компаньонов. Настенный узор оказался и в самом деле любопытен, но взбудораженная кровь все еще бурлила в ее венах. Должно быть, именно поэтому Иля видела его словно в некотором тумане, что, учитывая вечный полумрак подземелья и чадившие факелы, в общем-то было немудрено. Только странный это был туман. Помимо принцессы и гладиатора в нем будто бы появлялись и исчезали еще какие-то люди. Их невозможно было толком разглядеть, ибо появлялись они лишь в виде едва уловимого, нечеткого силуэта, сродни расплывчатым клубам поднимающихся над болотами испарений. Они возникали возле рисунка, ненадолго останавливались перед ним, двигая призрачными руками, а затем вновь пропадали, уходя прямо в стену. Это было очень необычно, и Илиана некоторое время стояла

совершенно неподвижно, созерцая открывавшееся перед ней дрожавшее как мираж зрелище. Затем видение исчезло. Бурлившая в жилах кровь окончательно успокоилась, легкий шум в ушах прошел, и девочка вновь почувствовала себя совершенно обычно, полностью вернувшись к действительности. Должно быть, просто померещилось. Талара и Бэйл все еще обсуждали узор, водя вдоль него факелами.
— Это не подсказка, это дверь, — сказала вдруг Иля, оторопев от собственных слов.
— Что?! — хором изумились принцесса и гладиатор, вытаращившись на спутницу круглыми глазами.
Приблизившись, Илиана приложила руку к стене и принялась водить ей в той области что и призрачные контуры. Кончики пальцев при этом будто пощипывало, где-то слабее, а где-то сильнее. Это место, как бы это ни казалось невероятным, словно хранило на себе какой-то отпечаток. Будто оставленные кем-то следы, и они кое-где еще излучали тепло, что заставляло пальцы нащупывать его самым ощутимым образом. Илиане вдруг вспомнилась панорама во дворце, хранившая в себе секрет тайного прохода. И примерно как в тот раз она вдруг одновременно нажала на три ничем не примечательных элемента узора, утопив их внутрь общего рисунка. В следующее мгновение где-то в стене послышался тихий скрежет и перед троицей вконец пораженных искателей приключений, уйдя внутрь, открылся темный проем.
— Ущипните меня… — пробормотала, открыв рот, Талара.
Бэйл был того же мнения, выразив согласие с принцессой обычно не произносимым при детях выражением.
— Иля, как ты догадалась?! — воскликнула Талара, не сводя глаз с потайной двери и от избытка чувств схватив подругу за руку.
Илиана вздрогнула. Затем не на шутку испугалась. Она сама не поняла что произошло и теперь боялась признаться даже самой себе в том, что сейчас видела и сделала. Такие вещи оказывались за гранью ее понимания и спутники, чего доброго, действительно решат что она настоящая ведьма. Особенно Талара, ибо про один ее секрет она уже в курсе.
— Я не знаю, честно! — ответила Илиана, отступая на шаг назад и глядя жалобными глазами. — Это вышло случайно… Мне просто показалось… Ох, как мне страшно.
— Иля, да что ты, не бойся! Это же просто изумительно! — затормошила ее принцесса, неверно истолковав охватившие подругу чувства. — Там давно никого нет и с нами дядя Бэйл! Тут нечего бояться! Ух… Наконец-то Аберидж открывает нам свои тайны. Я знала! Я всегда знала что они здесь есть!

Гладиатор ободряюще похлопал Илиану по плечу, также имея совсем далекое от истины представление касательно ее состояния. Он, безусловно, изумился проделанному воспитанницей чародейки, но приписал это ее выдающимся способностям, неоднократно воспетым самой Сирелиной. Конечно было бы неплохо расспросить Илю как она разглядела то, что укрылось от остальных, включая многих прежде обитавших в Аберидже людей, но это можно было сделать и после. Девочка, видимо, напугана собственным открытием, и не стоит наседать на нее с расспросами. Такого же мнения была и Талара, тем более что принцессу уже охватила неукротимая жажда познания неизведанного.

— За мной! — скомандовала она, делая шаг к проходу.

— Стой! Лучше за мной, — предложил Бэйл, делая упреждающий жест. — На всякий случай, — добавил он, следуя вопросительному взгляду принцессы и давая понять что никоим образом не собирается оспаривать ее лидерство.

— Пусть лучше Бус, — насилу выдавила из себя Иля.

Кот, уходивший на разведку, только что нарисовался из темноты и теперь вовсю семенил к новому лазу, усиленно принюхиваясь и всем своим видом выражая живейшее оживление. Истинно кошачье любопытство не требовало особого приглашения. Со всеобщего одобрения он осторожно прошествовал вперед. Следом за ним с мечом наизготовку двинулся Бэйл, за спиной которого пристроились Талара и Илиана.

Ввиду неумолимого времени от былого великолепия мало что осталось. Видимо, некогда здесь был чей-то рабочий кабинет, причем очень, очень давно. Об этом говорил не только соответствующий слой пыли, но и попадавшиеся в разных местах надписи. Их язык принадлежал к одной из самых ранних эпох Солтенстила и не был известен никому из присутствующих. Таинственное помещение оказалось довольно большим, но при этом, как и ожидалось, совершенно безжизненным. Здесь не было даже вездесущих крыс, к великому разочарованию полосатого Буса. Зато освободившиеся из-под опеки гладиатора девочки деятельно принялись шнырять взад и вперед, наперебой подзывая друг друга дрожавшими от возбуждения возгласами. Гладиатор же, вложив меч в ножны, степенно осматривался, дивясь неожиданной находке. Профессия налагала свой отпечаток и его, в отличие от девчонок, первым делом заинтересовали совсем другие вещи. В углу, в большом стеклянном шкафу, стояли латные доспехи, а на стене кто-то в лучших традициях разместил несколько различных клинков вкупе со щитом. Убедившись что его спутницам ничего не угрожает, Бэйл направился прямиком к означенной стене и принял-

ся тщательно рассматривать висевшее оружие. Он знал в нем толк, и один лишь внешний вид ножен и рукоятей приковал к себе его пристальное внимание. Это была древняя работа. Настолько древняя, что владеть подобными образчиками мастерства оружейника могли позволить себе лишь немногие избранные. Гладиатору за свою жизнь доводилось видеть похожий узор и клейма, но обладать — никогда. Большинство таких раритетов попросту не сохранилось до наших дней ввиду естественного течения времени, и если сейчас перед глазами у гладиатора находилась не подделка, то он наткнулся на настоящее сокровище. Сунув факел в оказавшееся поблизости подходящее крепление, Бэйл протянул дрогнувшую руку и замиранием сердца коснулся рукояти меча. Он только что видел как от прикосновения девочек рассыпались в прах давно истлевшие книги и ткани, и сейчас ожидал увидеть нечто подобное. Пальцы ощутили твердый холодный металл. Меч и не подумал обратиться в мельчайшую крошку и преспокойно продолжал себе висеть как ни в чем не бывало. У гладиатора захватило дух. Не в силах более сдерживаться, он схватил оружие со стены и не без внутреннего напряжения вынул клинок из ножен. Блеснула голубоватая сталь. В свете факела она отливала абсолютно гладкой поверхностью с тончайшей серебристой насечкой и выгравированными у рукояти непонятными знаками. Неужели действительно не подделка?! Просто немыслимо! Держа меч в правой руке, Бэйл сунул ножны за пояс и левой осторожно проверил кромку лезвия. К счастью он сделал это не пальцем, а имевшейся на такие случаи специальной щепкой. Касания он даже не почувствовал. Щепка просто распалась, рассеченная в том месте, где ее приложили к клинку. По сравнению с остротой этого меча наточенная бритва казалась тупым колуном для колки дров. Потрясающе! От изумления и восторга гладиатор практически решился дара речи. Схватив меч поудобнее, он, убедившись что девочек нет рядом, покрутил им в воздухе, сделав несколько упражнений. О стоимости изделия он даже не думал. Как бойца и специалиста его волновали лишь качественные характеристики оружия, и, судя по всему, у этого они были просто изумительные, если не сказать больше. Кстати о девочках! Интересно, принцесса собирается присвоить себе все находки или же у нее хватит совести честно поделиться ими со спутниками? Сунув меч обратно в ножны, Бэйл, еле пересилив себя, с трудом вернул его на стену и с энтузиазмом принялся изучать что там имеется еще.

Иля и Талара тоже времени даром не теряли. Разместив три факела в крепления так, чтобы в достаточной мере осветить помещение, они, взяв еще один, вовсю шустрили по его убранству.

Оружие их действительно особо не интересовало, зато содержимое всяких шкафчиков, ларчиков и полочек — очень даже. Книжные стеллажи, увы, пришли в полную непригодность, и стоило прикоснуться к корешкам уцелевших фолиантов, как они осыпались прямо на глазах. Возможно среди них и нашлось бы что-нибудь более прочное, но подобные поиски можно было отложить на потом. А вот всякие вещицы — другое дело. Часть мебели также не выдержала испытание временем, но часть и уцелела, и в ней стоило как следует покопаться. Быстро стало понятно, что найти в потайном помещении груды сокровищ не удастся, однако какие-нибудь ценности и сувениры авось да сыщутся. Принцесса не ошиблась. Внутри небольшого секретера она обнаружила карманные часы искусной работы, украшенные драгоценными камнями, и солидную кучку старинных золотых монет. Илиана же не обошла своим вниманием несколько мастерски отлитых статуэток из неизвестного сплава. Изделия из серебра никак не могли сохранить презентабельный вид. Окисляясь, оно темнело чем дальше, тем больше, точно так же как зеленела медь. Эти же выглядели просто отлично, что наводило на мысль о благородных металлах. Подошедшая Талара согласилась с догадкой подруги, хотя Илю больше интересовала художественная ценность находки, чем материал ее изготовления. Впрочем, принцесса заявила, что даже если статуэтки сделаны из чего-то недорогого, то возраст делает их настоящим раритетом и желанным приобретением для ценителей и коллекционеров.

К стоявшему в конце помещения большому столу подруги подошли практически одновременно. Как и все остальное, он был покрыт толстым слоем пыли вперемешку с паутиной. На нем стоял письменный прибор и лежали какие-то бумаги, свитки и несколько предметов непонятного назначения. Впрочем, в одном из них нетрудно было угадать печать, сохранившуюся так же хорошо, как и статуэтки. Бумажные документы постигла незавидная судьба, а вот выполненные на коже свитки все еще не рассыпались при касании. Правда Илиана попросила подругу больше не трогать что-нибудь подобное. От чародейки она уже была наслышана про старинные рукописи, которые хороший специалист может спасти от уничтожения при помощи специальных средств. Именно поэтому она перестала интересоваться остававшимися книгами, дабы своими руками не губить их понапрасну. Принцесса не возражала. К книгам и прочему в том же духе она относилась куда менее трепетно чем ее подруга, хоть и признавала их несомненную пользу.

— Печать тоже надо прихватить, — сказала Талара, сунув вещицу

в подставленный Илианой мешок.
Мешок, кстати, принцесса прихватила собственноручно, рассчитывая поживиться в Аберидже, и теперь была просто на седьмом небе от того, что ее ожидания оправдались. Мешок потихоньку наполнялся находками, а принцесса старательно искала чего бы еще в него упрятать.
— Интересно, что тут в ящиках? — ни к кому особенно не обращаясь спросила Талара.
Она попыталась открыть самый верхний, но у нее ничего не вышло. Нахмурившись, она потрясла его сильнее, но результат от этого лучше не стал. Талара перешла к следующему. К ее негодованию он также отказался поддаваться, игнорируя все потуги принцессы.
— Здесь тоже заперто, — сказала Илиана, попробовав ящики с другой стороны стола, коих итого имелось три справа и столько же слева.
— Надо их чем-нибудь взломать, — отозвалась раздосадованная Талара, ища глазами чем бы осуществить означенное насилие.
— Тебе не кажется странным что здесь нигде не видно замочной скважины? — заметила Илиана. — Если они заперты, то как?
— Да какая разница? Может их просто заело, — пожала плечами Талара, продолжая искать подходящий инструмент. Как назло ей упорно ничего не попадалось. Кроме, разве что, интересовавшимся развешенным на стене оружием гладиатора. У него имелись меч, кинжал, да и вообще недюжинная сила, так что крепкий мужчина вполне мог поработать отмычкой.
— Эй, дядя Бэйл, иди сюда! Помоги открыть эти дурацкие ящики! — воскликнула Талара.
Со вздохом прервав свое занятие, Бэйл пошел на зов принцессы. Там ему коротко объяснили суть возникшей проблемы.
— Столик-то не жалко? — спросил гладиатор. — Я слыхал, старинная мебель стоит кучу денег, а этому, поди, тысячи лет, как и всему остальному, если верить определенным признакам. Просто удивительно что здесь вообще сохранилась какая-то мебель.
— Так ты его и не ломай в щепки, — подумав, сказала принцесса. — Открой как-нибудь аккуратненько.
Бэйл с сомнением хмыкнул, изучая ящики и высматривая за что бы зацепиться. Они выглядели довольно монолитно, если не считать небольшого зазора. Потянув за ручку и убедившись, что та не поддается даже ему, гладиатор вытащил кинжал и попробовал орудовать им как рычагом в надежде сдвинуть ящик с мертвой точки.
— Ломик бы… — пробормотал он, осторожно орудуя лезвием.

— Иля, ты у нас теперь специалист по всяким открывашкам. Что скажешь? — спросила Талара, с любопытством вертясь у Бэйла под рукой и разглядывая чего он там поделывает.
Не выдержав, тот отогнал принцессу в сторонку, пояснив, что боится случайно задеть ее прилагая силу.
— Не знаю, — покачала головой Илиана. — Стол как стол.
— Давай, поводи руками, как ты это давеча делала. Может нащупаешь какую-нибудь кнопку, — предложила Талара.
Вздохнув, Илиана послушалась, двигая ладошкой вдоль столешницы и собирая на руку пласты пыли. Толку из этого не вышло, разве что поверхность стола основательно очистилась, а девочка наоборот — перепачкалась. Она и сама почему-то была уверена, что ничего не выйдет. Откуда бралось это чувство Илиана не знала. Отряхиваясь и отирая от пальцев грязь, она лишь недовольно фыркнула как бы констатируя: ну я же говорила!
— Кажется, получается! — оживленно воскликнул Бэйл.
Видимо, годы все-таки сказались на прочности дерева. Гладиатору, раскачивая клинок, постепенно удалось вогнать тонкое лезвие на целый дюйм между ящиками. Теперь один из них линия за линией подавался под его усилиями, пока Бэйл одновременно что есть мочи тянул за ручку и орудовал импровизированным рычагом. Сдавал ли запирающий механизм, либо же расклинивало разрушавшуюся древесину, но дело очевидно шло на лад, давая надежду наконец-то сладить с упиравшейся преградой. Девочки, сгорая от любопытства, с нетерпением следили как Бэйл вот-вот раскачает ящик настолько, что сумеет его выдвинуть. И у Бэйла действительно получилось. Найти феноменальные неприятности.

Слух резанул протяжный скрип, будто где-то потревожили давно не смазываемые дверные петли. Вздрогнул даже Бэйл, поскольку в этих обстоятельствах услышать нечто подобное было весьма неприятно. На крутившегося поблизости кота грешить не приходилось. Издав яростное шипение он вдруг забился под секретер и замерцал оттуда зелеными глазищами. Троица повернула головы туда, откуда раздался скрип. Стоявший в углу стеклянный шкаф с доспехами был открыт нараспашку. У гладиатора почему-то внезапно пересохло во рту. Сглотнув, он так и застыл у ящика, не сводя глаз со шкафа. Девочки, тихонько взвизгнув, испуганно таращились туда же. Теоретически стеклянная конструкция вполне могла распахнуться самостоятельно, потревоженная образовавшимся из-за открытой входной двери сквозняком. Бэйл, Талара и Илиана, не сговариваясь, машинально перевели взор на вход. Прямо у них на глазах тот бесшумно сомкнулся со стеной, вновь превратившись с ней в единый монолит. Всем как-то сразу стало

жутко. Только дальше оказалось еще страшнее. Со стороны стеклянного шкафа послышался тихий скрежет, будто некто запустил пружину хитроумного изобретения механика. Как во сне, трое искателей приключений вновь посмотрели на источник шума и по спине у них побежали мурашки. Покинув шкаф, доспехи шагнули на пол.

— Мамочки, — тихо выдохнула ужаснувшаяся Талара, вцепившись в стоявшую рядом подругу.

— Санктур, — произнесла не менее потрясенная Иля какое-то неведомое слово, но этого никто даже не заметил.

Доспехи медленно развернулись и забрало шлема обратилось к застывшим на месте незваным гостям. Правая пластинчатая перчатка потянулась к поясу и легла на рукоять висевшего у пояса меча. Девочки шумно задышали. Со звоном вылетел выхваченный из ножен клинок. Держа меч наизготовку, доспехи качнулись вперед.

— Под стол! — рявкнул Бэйл, толкнув шокированных происходящим юных подопечных. — Живо!

Гладиатор имел богатый опыт общения с чародейками и сейчас, несмотря на очевидную оторопь и, положа руку на сердце, подлинный испуг, сохранил самообладание. Придя в себя от раскатившегося под замкнутыми сводами окрика девчонки нырнули куда было велено как раз в тот момент, когда ожившие доспехи ринулись в атаку.

Бэйл тоже был вооружен. Обнажив свой меч он постарался успеть преодолеть как можно больше ярдов, дабы занять уверенную позицию между немыслимым противником и столом, превратившимся сейчас в охраняемую крепость. О природе противника он старался не думать. Гладиатор был бойцом и сейчас, постаравшись изгнать из души все страхи, он пытался сосредоточиться исключительно на поставленной задаче. А именно любыми средствами защитить насмерть перепуганных девчонок.

С яростным лязгом скрестились клинки. Бэйлу удалость остановить доспехи и навязать им бой, не давая сделать в направлении стола ни единого шагу. Сейчас ему бы очень пригодился щит, но на худой конец сойдет и кинжал, который он успел вытащить из расшатанного ящика. Гладиатор бросил взгляд на тот щит, что висел на стене, но до него еще надо было добраться, а он не мог покинуть свою позицию не опасаясь за жизнь девочек. Впрочем, ему приходилось сражаться и в худших условиях. Первый натиск Бэйла увенчался успехом. Он серьезно потеснил взбесившиеся доспехи, выиграв несколько ярдов и вернув их ближе к стеклянному шкафу. Но гладиатор не только рубился, вздымая и опуская

меч, парируя удары и ловко блокируя атаки противника. Он так же думал, и думал весьма спешно. Что, собственно, теперь? Он же не может продолжать так бесконечно. Нужно срочно понять с чем он имеет дело, дабы сразить неведомого врага до того, как иссякнут силы. Он уже успел нанести несколько скользящих попаданий, но всерьез подозревал, что от них не будет толку даже если ему удастся пронзить доспехи насквозь. Напрягая память, что было весьма непросто в таких условиях, Бэйл постарался припомнить все слышанное от чародеек.

С размышлениями, видимо, стоило поторапливаться. Поначалу Бэйл полагал, что ему просто кажется будто доспехи начинают двигаться все быстрее. Какое-то время он продолжал вести бой в заданном ритме, но вскоре выяснилось что ему отнюдь не померещилось. Латный противник явно прибавил в скорости и отмахиваться от него становилось все труднее. Изначальная вялость улетучивалась, сменяясь агрессивным напором. Похоже, что первым удачным натиском гладиатор был обязан не столько своим умениям, сколько недостаточной подвижности врага. Чем это было вызвано — гадать некогда. Застоялись, заржавели, пробуждались от долгого сна — какая разница? Сейчас было важно то, что ожившая железяка медленно, но верно наращивала темп, и ничего хорошего это не сулило. Бэйл все еще удерживал преимущество, навязывая противнику стиль боя, но уже осознал что долго так продолжаться не будет.

Нечего было и надеяться пробить латы прямым ударом, ибо их явно изготавливали дабы не допустить ничего подобного. Меч гладиатора бессильно скользил по панцирю, никоим образом не влияя на противника. Вместе с тем у него все же имелось уязвимое место, и Бэйл был просто обязан проверить свою догадку нанеся в него контрольный удар. Сделать это было, мягко говоря, непросто, но доспехам подвернулся серьезный противник, способный на задачи и посложнее. Поймав нужный момент, гладиатор изловчился и выполнил невероятно опасный прием. Скользнув по его оружию, клинок врага прошел мимо Бэйла вплотную, слегка царапнув кожу, но в то же время меч опытного воина вонзился прямо в щель забрала врага, уйдя в него на несколько дюймов. Человек бы умер на месте. Доспехи, к сожалению, человеком не были. Результат рискованной атаки оказался наихудшим. Враг едва не сразил его в ответ, и гладиатор вынужден был отскочить в сторону. Застрявший в забрале меч покинул руку и секунду-другую торчал из шлема, после чего со звоном упал на каменный пол. Из оружия у Бэйла остался только кинжал, которым нечего было и думать противостоять такому противнику. Доспехи переступили

через меч гладиатора и явно усилили натиск. Положение стало едва ли не критическим, но вместе с тем Бэйл сделал очень важное открытие. Злобная железяка атаковала только его, хотя путь к укрывшимся под столом девочкам ей сейчас никто не загораживал. То ли она выбирала наиболее опасную цель, то ли просто ближайшую. Так или иначе, но дай небо чтобы так оставалось и дальше. Ведь в таком случае гладиатор мог позволить себе куда большую маневренность. Поднырнув под мелькнувший наискось клинок врага, Бэйл сделал кувырок и подхватил лежавший на полу меч. Развернувшиеся доспехи атаковали уже не безоружного человека. Впрочем, особо легче от этого не стало. С оружием или без, а понимания как совладать с неведомым противником не появилось. Эх, сюда бы сейчас Сирелину!.. Увы, чародейка находилась за тридевять земель и следовало выпутываться самому. Причем не затягивая, поскольку доспехи продолжали ускоряться и Бэйл почувствовал, что начинает терять инициативу. Бой перешел в стадию ожесточенной рубки и теперь уже гладиатор потихоньку пятился под натиском пока что неуязвимой железяки.

В обычных условиях гладиатор попросту проигнорировал бы такого противника и отступил, не считая это зазорным. Сейчас сие оказалось невозможным. И дело было не столько в закрытой двери, сколько в двух беззащитных девочках. Хочешь не хочешь, а придется доводить бой до победного конца, ибо мысль о другом исходе схватки гладиатор даже не допускал. Так с кем же или чем он имел дело? Доспехи самым очевидным образом были пусты, поскольку гремели от каждого попадавшего по ним удара как жестяной жбан. Неприкаянный дух, поставленный на страже этого места? Возможно. Тогда доспехи надо любым способом расчленить, ибо оставшийся без цельной оболочки бесплотный противник станет небоеспособен.

— Дядя Бэйл, у него на затылке что-то светится! — подала из-под стола голос Илиана.

Несмотря на сильный испуг, девочки осторожно высовывались из укрытия и с замиранием сердца следили за ходом схватки. К Бэйлу мгновенно пришло понимание. Чародейка наверняка уже давно бы догадалась что к чему, но Бэйл хорошо хоть вообще знал о ком теперь идет речь.

— Иля, это не призрак и не кукла! Это голем! — воскликнул гладиатор, озвучив свою мысль вслух.

Теперь он знал что делать. Не сам по себе, разумеется, а наслушавшись различных сведений от сестер в обители. Кто бы знал что однажды они так пригодятся!

Знать было мало, это еще следовало осуществить. Доспехи

расходились все сильнее, и Бэйл всерьез начинал побаиваться что вскоре перестанет успевать парировать сыпавшиеся на него удары. Пока что он получил лишь несколько незначительных царапин, но положение явно склонялось не в его пользу. Гладиатор довольно быстро придумал каким образом он мог бы попытаться осуществить нужный выпад, но это была довольно плохая идея. Груда железа — не человек, и в результате можно не только не преуспеть, но и получить такую травму, что исход боя сразу станет очевиден. Собственно, именно поэтому Бэйл до сих пор ни разу не применил подсечку. Устойчивость доспехов была ему неизвестна, а вот вероятность сильно ушибить себе ногу, а то и вовсе получить перелом выглядела весьма многообещающе. Тем не менее проклЯтое пугало требовалось кувырнуть на пол, дабы хотя бы ненадолго оказаться у него за спиной. Гладиатор знал подходящий прием, вот только в подобных условиях его ни разу применять не приходилось. Вместе с тем, видимо, придется рискнуть. Промедление в этой невероятной дуэли играло не на пользу человеку. Он постепенно уставал, в то время как железяка продолжала прибавлять в темпе. В результате получалось двойное ускорение в разрыве преимущества. Выждав подходящий момент, Бэйл, мысленно скрестив пальцы, приступил к реализации замысла. Это были считанные секунды. Доспехи наносили удар за ударом, а он пятился, будто сдавая и позволяя им наращивать напор. Потом пошатнулся, словно оступившись, и упал на одно колено, отклоняясь назад. Удар врага он блокировал прямо перед своей головой, и этот удар уже вовсю опрокидывал его навзничь. Казалось, гладиатор сейчас упадет на спину, но как раз к этому он и был готов. Доспехи по инерции клонились на него и Бэйл использовал их собственный вес. Он действительно упал на спину, едва удержав перед лицом клинок врага, но согнутой в колене ногой поддел и перешвырнул через себя валившуюся следом железяку. Весило это чудище знатно, а уж поднятый им при падении грохот и тем более впечатлял. Не теряя ни мгновения, Бэйл уже пружиной взлетал на ноги, заканчивая опасный для жизни бросок кувырком через голову. Распластавшиеся на полу беспорядочной грудой доспехи пытались подняться, но гладиатор коршуном налетел сверху. Иля оказалась права. На затылке шлема сиял рунический знак. Гладиатор, в отличие от чародеек, не мог наверняка сказать что он означает и как действует, но общий смысл был ему вполне понятен. Крутанув в руке меч, он со всего маху всадил его в руну.

Голем был жив пока вычерченная на нем руна пребывала неповрежденной, либо не кончалась наполнявшая его колдовская сила. Каким образом эта древняя железяка сейчас вообще хоть

как-то шевелилась против всех известных законов волшебства — вопрос отдельный, но это уж пусть Сирелина потом гадает как и что. Ведь чары просто обязаны были выветриться в кратчайшие сроки, если их постоянно не подпитывал живой чародей, и Бэйл прекрасно об этом знал. Тем не менее, голем прекрасно себя чувствовал и издыхать явно не собирался. Удар гладиатора оказался роковым. Увы, не для доспехов. На какой-то миг руна вспыхнула так ярко, что ее свет едва не ослепил. С резким звоном меч Бэйла сломался, переломившись недалеко от рукояти. Львиная часть клинка откатилась в сторону, а гладиатор остался с бесполезным куском железа против поднимавшегося врага. И тому подобное обращение явно не понравилось. Бэйл еле успел отпрыгнуть и спрятаться за ветхое кресло, которое разозлившиеся доспехи живо изрубили в щепки, пытаясь добраться до человека напрямую. Мозгов у них, видимо, было хоть отбавляй, и возможно именно это до сих пор помогало гладиатору оставаться более-менее невредимым, хотя обычно бой насмерть длился в несколько раз меньше по времени. Положение Бэйла вновь стало критическим, но он справился с ошеломлением, быстро оценив диспозицию. Стол с девочками теперь находился довольно далеко, а вот стена с висевшим на ней оружием — нет. И если прежде гладиатор боялся рисковать метнуться к ней хотя бы за щитом, то теперь у него все равно не оставалось другого выбора. Доспехи уже почти добрались до него, когда Бэйл, сделав очередной кувырок практически под врага, опрометью рванулся к заветному месту. Больше всего сейчас он боялся услышать тяжелый металлический топот. Не позади, а в сторону. К счастью, голем не отставал, а пустился следом. Вихрем подлетев к стене, гладиатор выхватил найденный первым меч, а заодно сумел сорвать с крепления и щит. И уже в следующее мгновение подставил его под удар наскочившего противника. Древнее изделие не подвело, и Бэйл тут же почувствовал себя в относительной безопасности. Со щитом его уверенность выросла настолько, что он тут же сам ринулся в атаку. Усталость нарастала, однако в нем еще оставалось много сил дабы продолжать борьбу достаточно долго. Большинство обычных воинов скорее всего уже проиграли бы эту схватку не на жизнь, а насмерть, но Бэйл был настоящим ветераном. Подлинным мастером, которого не случайно призвали к себе на службу чародейки.

Стиснув зубы, гладиатор рубился с упорным ожесточением. И на этот раз что-то изменилось. Древний меч, ударяясь о неутомимые доспехи, стал сыпать искрами, а враг, кажется, вдруг замедлил темп и начал пятиться, переходя от атаки к обороне. Через некоторое время Бэйл уже почти не пользовался щитом, нанося удар

за ударом, и голем еле успевал отбивать их, пропуская скользящие касания все чаще. Потом гладиатор изловчился и нанес прямой удар по предплечью, гулко грохнувший по пустому панцирю. Искранyло так, что Бэйл сам чуть не испугался. Доспехи вдруг пошатнулись, но устояли. Их короткое замешательство быстро закончилось, но гладиатор понял, что враг слабеет. Причина этого была ему неизвестна, как, впрочем, и все остальное, но зримый эффект выглядел очевидно. Собрав воедино все остававшиеся силы, воодушевленный Бэйл выдал все на что только был способен.

В помещении творилось такое, что до жути завораживающее зрелище окончательно пересилило страх. Девочки выбрались из-под стола и теперь, стоя за ним, во все глаза следили за разворачивавшимся действом. Преимущество голема окончательно сошло на нет. Яростная схватка вышибала такие снопы искр, что в просторной подземной комнате в этот момент становилось светло почти как днем. Скрещивавшиеся клинки оглушительно звенели, а противники непрерывно кружили в пространстве, стараясь перехитрить друг друга ложными выпадами. На латных доспехах стали появляться царапины. Прежде они оставались гладкие как зеркало, в котором разве что не было видно собственное отражение. Теперь они все больше покрывались шрамами. Бэйл, который и сам получил пару небольших ранений, наконец-то ответил врагу взаимностью. И он бы откровенно солгал кабы заявил, что это не доставляет ему удовольствие. Вместе с тем голем сдавал все же довольно медленно. Неистово наседавший гладиатор беспокоился, что он все же выдохнется раньше, чем в схватке наступит решающий перелом. Он все тяжелее дышал, а по его лицу и спине вовсю катился пот. Очередной мощный удар заставил доспехи покачнуться и отступить, поворачиваясь спиной к девчонкам.

— Дядя Бэйл, знак! Он очень тусклый! — крикнула глазастая Иля.

— Едва светится! — подтвердила Талара.

Новость была очень кстати. И, учитывая все обстоятельства, вторая попытка должна увенчаться успехом. Иллюзий себе Бэйл особенно не строил: судя по всему, решающую роль сыграл древний меч, символы у рукояти которого слегка мерцали после очередного выброса искр из колдовских доспехов. Кто бы ни сделал это оружие, он обладал поистине невероятным мастерством. Быстро сориентировавшись в пространстве, гладиатор сделал обманный финт, после чего, разминувшись с доспехами, пустился бегом по кругу, искоса наблюдая за врагом. Голем ринулся к нему по кратчайшей траектории. Подпустив его к себе поближе, Бэйл подскочил к ближайшей стене, с налету напрыгнул на нее, оттолкнулся ногами и кувырком назад перемахнул через следовавшего за ним

по пятам голема. В следующую секунду жало клинка со всего маху вонзилось в потускневшую колдовскую метку. Меч пробил прежде неуязвимый шлем насквозь. Доспехи замерли на месте, слегка подрагивая латными конечностями. Затем перчатка разжалась, выронив загремевшее по каменному полу оружие. Руки голема опустились и Бэйл почувствовал на клинке стремительно нараставшую тяжесть. Резким движением он выдернул меч из шлема и ничем более не удерживаемые доспехи рухнули на пол. Отделившись друг от друга, их части раскатились в стороны и замерли совершенно неподвижно. Остатки покореженной руны на шлеме в последний раз вспыхнули и с тихим треском рассыпались на множество мелких искорок. Затем исчезли насовсем. Голем был уничтожен.

Приблизившись, гладиатор осторожно потрогал теперь раздельно валявшиеся элементы доспехов ногой. Кажется, действительно все. Опустив меч, он облегченно вздохнул так, будто только что сбросил с плеч целую гору. Позади послышался частый топот. Обернувшись, Бэйл увидел подбегавших к нему девочек. Гладиатор всякого наслушался в своей жизни и одобрительный рев заходившихся от восторга зрителей был ему вполне привычен. Однако слова восхищения Или и Талары тронули его сердце так, что он аж зарделся от смущения и удовольствия.

— Да ладно, ничего особенного, — пробормотал Бэйл, хотя на самом деле схватка была из ряда вон.

Кажется, это прекрасно поняла и Талара.

— Дядя Бэйл, а кто ты на самом деле? — спросила вдруг она очень серьезно, внимательно глядя мужчине прямо в глаза. — Только не говори что каменщик и вообще простой работяга. В жизни не поверю! Я росла в окружении гвардии моего отца и воинов повидала немало. То что я сейчас видела… Лучше даже не заливай! Признавайся.

В ее голосе не было ни подозрительности, ни угрозы. Принцесса просто спрашивала, но по всему было видно что она намерена получить ответ. Бэйл сообразил, что отпираться не имеет смысла.

— Когда-то я был бойцом арены, — сказал он, водя пальцами по рукояти меча. — Видно, не все еще позабыл.

— Когда-то? — усомнилась Талара. — Всем бы так не забывать.

— Я больше не хочу никаких драк, — пояснил Бэйл. — С меня довольно. Я намереваюсь начать спокойную жизнь и приглядывать за племянницей.

— Что ж, у нее будет достойный защитник, — констатировала принцесса, прищуриваясь с легкой хитрецой. — А вообще, если честно, очень кстати что мы давеча так удачно встретились, дядя

Бэйл. Иначе…
Голос Талары дрогнул. Да, Бэйлу тоже стало не по себе, когда он подумал что могло быть иначе.
— Дядя Бэйл, ты же ранен! — спохватилась Иля. — Сейчас мы тебя перевяжем!
Гладиатор, из которого действительно кое-где сочилась кровь, пытался уверить что это сущие пустяки, но на следующие полчаса ему пришлось доверить себя заботам двух юных спутниц.

Неунывающей Таларе обычно было море по колено, но на сей раз произошедшее даже на нее произвело должное впечатление. Она несколько притихла и больше не носилась как преследующая добычу гончая. Разбросанные по полу доспехи собрали и отнесли в сторонку. Забирать их с собой никому в голову не пришло, хотя броню сработали на славу, а золотая насечка придавала ей изящества. Впрочем, она была заметно велика даже для Бэйла, так что гладиатор и не претендовал. Но без награды он не остался. Помимо щита на стене было четыре клинка, один из которых сейчас находился у гладиатора.
— Любые два из них твои, дядя Бэйл. Выбирай сам. И щит бери, если хочешь, — сказала принцесса, делая приглашающий жест рукой.
Такое предложение пришлось гладиатору весьма по сердцу. Недолго думая, он оставил себе уже сослуживший ему отличную службу меч и добавил к нему замечательный палаш. Щит же закинул за спину, тут же обретя сходство со странствующим воином. На долю Талары остались другой меч и сабля, и они последовали к остальной добыче в мешок, становившийся что-то уж больно тяжелым. Пока покинувший укрытие Бус с нескрываемым подозрением обнюхивал поверженные доспехи, принцесса вернулась к все еще запертым ящикам стола.
— Мы что же, так и уйдем не узнав что внутри? — возмущенно спросила она.
— Когда мы в прошлый раз пытались это сделать, дверь закрылась, а на нас накинулось вон то чучело, — напомнил гладиатор, кивая головой в сторону железяки и крутившегося вокруг нее полосатого кота.
— Я согласна с дядей Бэйлом, — подала голос Иля. — Мне кажется, это были защитные чары. Видите — дверь открылась снова как только дядя Бэйл сразил голема.
— Если вы правы, то внутри тем более что-то ценное! — заметила принцесса, не желавшая просто так сдаваться.
— Тали, послушай, это может быть очень опасно, — мягко сказала Иля. — Мне тоже очень интересно что же там спрятано. Только

сейчас нам лучше уйти. Это место оставалось никем не открытым долгие века. Думаю, оно вполне нас дождется.
— Недурные слова для девятилетней девочки, — пробормотал гладиатор, косясь на Илиану.
— Ты тоже заметил, дядя Бэйл? — живо вскинулась принцесса. — Я бы в жизни ей столько не дала! Когда мы познакомились, я думала что ей около двенадцати. Сейчас я уже и в этом не уверена. Мне самой почти пятнадцать. Никогда бы не подумала что могу дружить на равных с девятилеткой! По-моему, ей гораздо больше, чем все думают. Иля рассказала мне о своей жизни, и я просто уверена что год ее рождения определили неправильно. Кстати, подруга, мне кажется или ты действительно стала выше на полдюйма за то время что мы знакомы?
Илиана не знала куда деваться от смущения, потому что спутники бесцеремонно уставились на нее во все глаза словно на какой-то редкий экспонат вроде поющего павлина. Отойдя в сторонку, она присела возле Буса и принялась его гладить, нашептывая что-то на ухо. Кот мурлыкнув, потерся о ее колени и отвечал в усы забавными звуками. Бэйл с удивлением наблюдал эту картину, дивясь присутствию столь умного дрессированного кота. Вообще, по большому счету, вновь изумляясь компании столь неподходящего для сопровождения в предпринятой экспедиции животного. Ведь девочки не открыли ему тайну Илианы, а посему гладиатор пребывал одновременно и в неведении, и во вполне понятном из-за этого недоумении.
— Откуда у вас этот мохнатый разбойник? — тихонько спросил Бэйл принцессу. — Просто феноменально сообразительная зверюга. Да и Иля с ним просто на ты.
— Долго объяснять, — неопределенно отозвалась Талара. — Эй, дядя Бэйл, раз уж вы оставили меня без содержимого ящиков, помоги еще раз все обойти — вдруг я что-то пропустила? — добавила она, решив побыстрее переключить растущее внимание мужчины с подруги куда-нибудь еще.

Заперев потайную дверь и убедившись, что ту по-прежнему невозможно отыскать заведомо не зная ее секрета, искатели приключений отправились на выход. Принцесса несколько раз оглядывалась и вздыхала, сожалея об оставшихся неизведанными закутках, но все же позволила вывести себя обратно к дневному свету.
— Мы ведь сюда еще вернемся, — не то спросила, не то потребовала она, ни к кому особенно не обращаясь.
— Разумеется, — улыбнулась Иля, ободряюще тормоша подругу за плечо. — Но на сегодня все-таки хватит. У нас и так мешок добы-

чи. Тяжелый, кстати. Как мы его вдвоем-то потащим?
Вопрос был отнюдь не праздный. Если часы принцесса сунула в кармашек поясной сумочки, то статуэтки, золото, оружие и прочая найденная мелочевка весили весьма прилично. Сейчас мешок взял гладиатор, для которого такая ноша являлась сущим пустяком, но на подходах к дворцу им придется расстаться.
— Вдвоем донесем как-нибудь, — подумав, отозвалась Талара.
Поскольку подруга не поняла, принцесса шепнула ей на ухо, что донести надо лишь до тайного хода, а оттуда вполне можно утащить трофеи частями. До него, конечно, придется обходиться своими силами, ибо они не могут взять с собой Бэйла, но долго потеть не придется.

Заперев Аберидж, маленькая компания искателей приключений направилась к дворцу. Бус проводил их до ворот. Из-за сегодняшнего происшествия кот здорово переволновался, но все же решил остаться, хотя Иля предложила ему пойти жить с ними. Лишь попросил Илиану навещать его почаще и приносить что-нибудь вкусненькое.

Награбленное, как в шутку называла плоды состоявшегося похода Талара, она разделила вполне честно. Гладиатор, как уже упоминалось, получил два клинка и щит. Статуэтки, золото и безделушки достались поровну ей и Иле. Себе же, как постоянному предводителю и командиру экспедиции, принцесса взяла карманные часы и два других клинка, тем более что подругу они совершенно не интересовали. При этом никто свою добычу продавать не собирался. Талара, будучи ханской дочерью, и так ни в чем не нуждалась, Бэйл скорее остался бы без руки, чем избавился от такого изумительного оружия, а у Илианы в этом отсутствовал всякий смысл. Поэтому она просто отнесла свою долю к себе в убежище, украсив его древними реликвиями. Правда, теперь она бывала там гораздо реже из-за компании подруги, все еще пребывавшей в неведении относительно этого места. Иля до сих пор не показала ей чердак, памятуя о Сирелине. Вдруг она однажды появится вновь, на что девочка, безусловно, очень рассчитывала. Как тогда поступить? Чародейка — не Бэйл, и к такой компании принцесса могла отнестись непредсказуемо. Вместе с тем, если Талара однажды узнает об утаенном от нее секретном убежище, она наверняка обидится, поскольку сама доверила подруге очень серьезную дворцовую тайну. А уж об ее хорошем отношении и говорить не приходилось.

День рождения Талары приходился на конец октября и до него оставалось две недели. Хан Гийюр вряд ли пропустит такое событие, поэтому почти наверняка покинет Аяз Мол, где он сейчас

находился с частью войск, и вернется во дворец, дабы самолично поздравить любимую дочку. Для подружек это означало, что Талара должна вовремя вернуть отцовский ключ на место. Тот самый, с помощью которого она могла отмыкать в секретных ходах особо защищенные двери, что и позволило девочкам незаметно улизнуть из дворца. Без этого ключа проделать нечто подобное было просто невозможно, ибо область личных покоев хана и его родных, а так же известный принцессе потайной выход в Солтенстил охранялись очень тщательно. Возможно, что-то еще, ибо система ходов была весьма обширной, но Талара старалась далеко не забредать. Дело было даже не в отцовском запрете, ибо он сам некогда познакомил дочь с частью скрытых проходов и объяснил где она может бывать, а где нет, а в том что ей не нравились обитавшие в подземельях люди. Отцу они были нужны для разных дел, ведь помимо прочего один из них регулярно обновлял те же защитные чары потайных дверей, но принцесса их старательно избегала. Так она сказала и Илиане, когда они еще в самый первый раз выбрались в город, а затем напомнила и теперь. Ключ лучше всего положить обратно заранее, на случай если хан Гийюр вернется обратно раньше чем предполагалось. У Талары был и свой, ведь именно так она скрытно попадала в отцовские покои, причем с его официального разрешения, но его возможности были существенно ограничены. Ханский же ключ отпирал все и вся, и повелителю было невдомек, что пронырливая дочурка в курсе где он его прячет. В итоге у девочек оставалось всего несколько дней свободы, после чего придется выдержать длинную паузу. И они не теряли времени даром, к бессильному негодованию статс-воспитательницы. Ведь последнее время у принцессы вошло в привычку до вечера запираться в своих покоях с подругой, и без ад-Сейдина попасть туда никому другому становилось невозможно. А его-то как раз и не было.

В сопровождении Бэйла девочки гуляли по Солтенстилу сколько душе угодно. Талара прямо-таки наслаждалась свободой, причем наслаждалась совершенно безопасно. В компании столь серьезного бойца, который, к тому же, следует ее воле, а не приставлен к ней заботливым папочкой, она чувствовала себя просто великолепно. Илиана вполне разделяла ее радости, ибо жизнь в Нирелине да за дворцовыми стенами не изобиловала таким количеством развлечений. А поскольку у принцессы денег куры не клевали, то и недостатка в них не имелось. К тому же Талара позаботилась и о прикрытии. Было бы крайне неприятно какой-нибудь нелепой случайностью раскрыть свое инкогнито, что вполне могло поставить крест на подобных вылазках. Пара девочек в сопрово-

ждении широкоплечего мужчины с мечом на поясе и щитом на спине — никого в Солтенстиле таким зрелищем не удивишь, но приключиться могло всякое. Поэтому когда в порту их однажды остановила стража, оцепившая несколько причалов в поисках каких-то жуликов, Бэйл показал бумагу с печатью и их беспрепятственно пропустили. В бумаге значилось, что предъявитель и его спутницы являются уважаемыми гражданами столицы, и им не следует чинить никаких препятствий. Текст Талара написала самостоятельно, но печать была самая настоящая. Принцесса поставила ее собственноручно, явившись к визирю по какому-то пустяковому делу. Когда визирь ненадолго вышел, не отказав в любезности любимой дочери повелителя, она влепила печать и преспокойно дождалась его возвращения, не забыв как следует поблагодарить верного папиного слугу. В результате получилась очень солидная охранная грамота. Даже если когда-нибудь подлог всплывет наружу, что представлялось крайне маловероятным, то принцессе ввиду ее статуса ровным счетом ничего не грозило.

При этом развлекавшиеся девчонки не забыли и про Буса. Компания посетила сначала одну из ближайших к Абериджу рыбных, а затем и мясных лавок. Там Талара сделала необычный заказ, но заплатила за него достаточно щедро, чтобы лавочники охотно согласились выполнять поручение. Когда девочки затем навестили кота, Иля сообщила ему, что через каждые два дня под ворота Абериджа будут поочередно класть то рыбину, то кусок мяса. Таким образом, жить впроголодь Бус больше не будет и сможет посвятить свое время не только добыче пропитания, но и собственным развлечениям. Донельзя довольный таким поворотом дела кот рассыпался в благодарностях, выразившихся в мурлыкании и усиленном потирании о ноги. Получив сегодняшнюю рыбину, он, приветственно подняв хвост, удалился трапезничать.

Вместе с тем кое у кого назревал вопрос что будет дальше. Ведь предположения принцессы о Бэйле и гильдии каменщиков подтвердились. Господин Доуж выразил сожаление, что после приключившегося инцидента взять соискателя они не могут. Соискателя, разумеется, ни в чем не обвиняют, ибо не он спровоцировал потасовку, но и место ему предоставить не получится. Второй мастер каменщик честно вернул полученный от Бэйла изумруд, после чего совершенно искренне пожелал гладиатору удачи, ибо лично ему сильный и крепкий претендент пришелся по душе. Увы, в коллективе гильдии свои порядки и обычаи. День шел за днем и Бэйл все больше задумывался о своих дальнейших действиях. Кто знает как долго протянут неожиданные взаимоотношения троицы в текущем формате. Хотелось бы иметь куда большую уверенность

в завтрашнем дне и возможности общаться с воспитанницей Сирелины на постоянной основе. Принцесса вроде бы обещала подыскать ему подходящее место, если он окажется хорошей компанией для нее и подруги, но напомнить ей об этом гладиатор пока не решался. С Илей на сей счет он тоже не советовался. Предполагалось, что это Бэйл должен опекать девочку, а не она его. Практически непрерывное присутствие Талары все-таки накладывало определенные ограничения на их общение, поэтому до сих пор гладиатор в основном играл роль верного родственника в роли охраны. Он лишь спросил не может ли Иля поинтересоваться у принцессы насчет его трудоустройства. Талара, махнув рукой, сказала чтобы они оба не беспокоились, и больше никто к этому вопросу не возвращался. Бэйл уже начал подумывать, что ханской дочке просто не до его забот. У нее явно доброе сердце, но и характер каких поискать. Вместе с тем, как оказалось, принцесса отнюдь не забыла о своем обещании, а после происшествия в Абериджe еще и сделала для себя кое-какие выводы.

Однажды утром, незадолго до дня рождения Талары, в дверь домика, где жили нирелинки, постучали. Открыла Далина. Перекинувшись несколькими словами с посетителем, она обернулась и крикнула внутрь:

— Иля, тебя тут спрашивают!

Быстро закончив переодеваться в своей комнатке, девочка выпорхнула на порог и к своему глубочайшему изумлению узрела широкоплечую фигуру Бэйла.

— Привет, Иля! — улыбнулся гладиатор.

— Дядя Бэйл! — воскликнула девочка, широко распахнув сиреневые глаза. — Что ты здесь делаешь?!

— Заскочил поздороваться. Теперь я работаю при дворце садовником, — объяснил гладиатор.

Это была чистейшая правда. И подобное событие произошло не само по себе. Расстаралась, разумеется, Талара. Причем сделала это так, чтобы устроить подруге приятный сюрприз, да и самого гладиатора известила о своем замысле едва ли не в последний момент. Выбравшись в город в одиночестве, она встретила Бэйла и сообщила, чтобы тот спозаранку явился во дворец. У ворот его встретят и проведут куда надо. На вопрос зачем Талара сунула ему бумагу за своей личной печатью. Ее следовало показать главному придворному садовнику, которому требовался еще один помощник. Это была ее личная рекомендация. Удивленный Бэйл пустился было в расспросы, но принцесса убежала так же быстро, как и появилась. В том же что она нашла гладиатора не было ничего удивительного. По заведенной договоренности он каждый

день поджидал девочек в условленной чайхане неподалеку от дворца. Если они не приходили, гладиатор мог преспокойно заниматься своими делами, хотя такое случалось достаточно редко.

В назначенный час Бэйл пришел к воротам и назвал стражникам цель своего визита. Те проводили его под арку, где к гладиатору приблизился низенький пожилой человек с мозолистыми руками, но в приличной одежде.

— У вас для меня должно быть сообщение, — сказал он, ответив на приветствие представившегося гостя и окидывая его внушительную фигуру любопытным взором.

Бэйл протянул ему грамоту принцессы. Изучив листок и печать, низенький человек кивнул и вернул бумагу посетителю.

— Я — Карим, главный садовник при дворе Гийюра ад-Сейдина, властелина Железных земель и наследного хана Ста городов. Идемте за мной, — сказал он, поманив за собой гладиатора.

Дальше последовали формальности. Главный садовник привел Бэйла к управляющему, командовавшему всеми служащими вне непосредственно дворца. Там состоялось небольшое собеседование, причем говорил в основном Карим, а гладиатор молча переминался с ноги на ногу и лишь несколько раз ответил "да". В процессе разговора Бэйл догадался почему собеседование проходит в таком русле. Для любого желающего наняться во дворец рекомендация кого-то из уже состоящих при нем являлась обязательной. И сейчас именно эту рекомендацию он и получал, причем нетрудно было догадаться кто именно заранее проинструктировал главного садовника. Записав все полученные сведения в какую-то книгу, управляющий поинтересовался у Бэйла, желает ли он жить в доме для слуг или предпочитает ходить на работу из города. Гладиатор рассчитывал на последнее. Кивнув, управляющий сделал какую-то пометку, после чего в комнату неожиданно вошел какой-то человек в черном балахоне. Главный садовник и управляющий, казалось, не обратили на него никакого внимания, но лица их слегка помрачнели. Управляющий лишь велел Бэйлу подчиниться всем требованиям этого типа. Тот, впрочем, никаких диких или несуразных запросов не выдвигал, начиная от приказа встать вверх тормашками и заканчивая предложением поведать о своем нелегком детстве. Сунув в руки гладиатора какой-то кристалл, мужик в черном побубнил что-то себе под нос. Затем походил кругами вокруг, сыпанул на Бэйла мелким порошком и под занавес попросил сказать три непонятных слова. Гладиатор повторил, хотя точность произношения оставляла желать лучшего. Человек в черном забрал кристалл, молча кивнул управляющему и удалился. Управляющий, просветлев, заявил что Бэйл принят и отныне по-

ступает в распоряжение главного садовника. Тот, похлопав новичка по плечу, вновь пригласил его следовать за собой.

Насчет умений гладиатора в садовом искусстве Карим себе иллюзий не строил. Об этом он прямо и заявил, когда показывал Бэйлу обширное хозяйство и объяснял его обязанности. Однако кому-то надо и копать, возить тачки с песком, галькой и мраморной крошкой, дробить камни, посыпать дорожки и делать просто уйму всякой всячины. Пускай новичок не настоящий садовник, но его сила вполне пригодится, помогая мастерам не отвлекаться от куда более сложных занятий. И если не без пользы для дела он, Карим, может оказать некой особе такую пустяковую услугу, то лично он, Карим, ничего не имеет против.

Имени этой особы главный садовник ни разу не назвал, но Бэйл был не полным идиотом, дабы не сообразить о ком идет речь. Карим получил от Талары ценный подарок и любезно согласился принять на работу ее негласного протеже, дивясь лишь некоторым обстоятельствам. Впрочем, не иначе это очередная блажь принцессы. Своенравная ханская дочка выкидывала номера и похлеще. Уж лучше поддерживать с ней хорошие отношения, чем впасть в немилость. А Талара явилась лично поприветствовать нового работника, едва Карим закончил вводить того в курс дела. Следуя многозначительному взгляду принцессы, главный садовник тактично удалился.

— Идем, я покажу где живет Иля, — сказала Талара, потянув гладиатора за руку.

Гвардейцам у дома подруги принцесса заявила, что этот человек, новый садовник, ее собственный посыльный к подруге, так что если он будет тут появляться — пусть не удивляются. Ей самой недосуг каждый раз ходить, особенно по всяким пустякам, и он будет у нее порученцем. Собственно, именно поэтому Бэйл совершенно беспрепятственно очутился на пороге Илианы, и следом за ним из-за угла вынырнула донельзя довольная собой Талара.

— Ну что, хорошо я все устроила? — спросила она, вталкивая Бэйла в дом.

Гладиатор совершенно искренне рассыпался в благодарностях. Рада была и Илиана. Ведь теперь у нее рядом будет постоянно находиться присланный лично Сирелиной опекун, и от ее имени он станет передавать разные посылки и пожелания. Иля же в свою очередь сможет общаться с любимой фири, пускай и только по переписке. Об этом она, разумеется, не упомянула, но ее восторг выражался весьма красноречиво.

— Ну вот и отлично, — подытожила Талара. — Теперь у Или будет заботливый родственник, а дядя Бэйл, как и хотел, сможет при-

глядывать за племянницей. Лучшего стража и желать нельзя. И мне, между прочим, тоже.
Ее мысль была совершенно проста, и она тут же открыто объяснила что имеет в виду. К доверенной подруге прибавился еще и надежный воин. Свита пусть и небольшая, зато собственная, и несравнимо лучше той, что имеется у принцессы при дворце. Ибо с ней она может такое, о чем раньше могла только мечтать. Между прочим, у ее собственного отца с молодости тоже были близкие люди, и когда он вырос и взошел на трон именно им он и доверял больше всего. Так что если никто не против, отныне она зачисляет обоих в свою личную свиту со всеми привилегиями и обязанностями. Ну, пока неофициально, учитывая определенные сложности в положении Илианы, но со временем, как она надеется, все разрешится наилучшим образом. А еще дядя Бэйл научит ее обращаться с клинком. Придворные учителя приходят в ужас от ее желания и не хотят делать ничего подобного, а отец только журит дочь и не отдает им нужного приказа. Такое занятие, видите ли, не для принцесс!

Талара говорила полушутя, полусерьезно, но Бэйл вдруг заподозрил что та, возможно, во дворце гораздо более одинока, чем могло показаться со стороны. Любящий отец постоянно в разъездах, а с большей частью окружения она не в ладах из-за своего характера и темперамента, отказывавшихся мириться с закоснелой действительностью. Благодаря отцу ее поведение терпят, но сам хан не может непрерывно участвовать в жизни дочери, а придворные и приставленная свита ее мечты и желания особо не разделяют. И уж тем более в них не участвуют. Неужели действительно можно оказаться в полном одиночестве в месте сосредоточения такой могущественной власти, утопая в окружающей роскоши? Думая так, гладиатор не знал первопричину знакомства Талары с Илей, но он также не знал, что воспитанница чародейки пришла к похожему умозаключению.
— А вам не откажешь в расчетливости, ваше высочество, — церемонно поклонился Бэйл, улыбаясь.
— А то! — кивнула принцесса на тот же лад. — И вам хорошо, и мне еще лучше. Довольные подданные — счастливый правитель.

После короткого совещания в комнатке Илианы компания разбежалась кто куда. Бэйл приступил к своим новым обязанностям, Талара отправилась во дворец навестить вконец удрученную статс-воспитательницу, а Иля в зверинец. Троица условилась встретиться вечером, словно невзначай, в одной из беседок дворцового парка, где гладиатор до вечера будет заниматься укладкой обновленного бордюра у дорожек. Илиана ушла последней, по-

прощавшись с Далиной. Со времени первого появления принцессы добрая женщина давно уже ничему не удивлялась. Она лишь ворчала что девочка мало ест и слишком много времени тратит на всякие глупости. И то и другое мнение являлось ошибочным, но Далине же было невдомек.

Гвардейцы тоже решили относиться ко всему достаточно флегматично. Раз сам хан не вмешивается, то им уж точно не стоит. У них было указание не обращать внимания на то, что исходит от принцессы. Чудно! Вот пусть сами и разбираются!

* * *

Когда Сирелина все-таки закончила чтение, у нее глаза на лоб полезли. Такого развития событий предвидеть было попросту невозможно. Илиана подружилась с дочерью ад-Сейдина! Бэйл действительно устроился во дворец и видится с Илианой! Принцесса покровительствует им обоим! Мистика да и только. Отложив драгоценные листки, принесшие столь невероятные вести, чародейка встала с кресла, проследовала к буфету и налила себе бокал красного вина. Осушив его до дна, она попыталась собрать воедино бешено разбегавшиеся мысли. Получалось у нее так себе, поскольку поступившей информации было слишком много, и она оказалась не только удивительной, но и разнородной по содержанию. Ведь помимо основных событий в послании упоминалось и множество косвенных. Девочки беспрепятственно гуляют по городу… Бэйл учит принцессу Талару владению клинком… Таинственный Аберидж и сражение с големом… Да голем вообще давным-давно должен был утратить все свои колдовские свойства! А новый меч гладиатора? Судя по тому что сообщает Бэйл, тот до сих пор зачарован, что просто невозможно так же, как и случай с ожившими доспехами. Святые небеса, даже кота приплели! Что за чертовщина вообще творится в этом Солтенстиле?! Сирелина, как последняя дура, торчит в обители, в то время как там разворачиваются столь умопомрачительные события! Чародейка поймала себя на мысли, что, будь ее воля, она прямо сейчас сорвалась бы и поехала прямо среди ночи. Впрочем, об этом она мечтала давно. Сирелина поняла, что в подсознание вновь закрадываются мысли о побеге.

— Мы закончили! — послышался вдруг чей-то голос, прервав хоровод кипевших в ее голове страстей.

Встрепенувшись, чародейка вернулась к действительности. Гостиная выглядела практически так, как и прежде, если не считать незначительных косметических изменений и слегка неточного расположения мелких предметов. Послушницы потрудились на славу

и Сирелина, окинув взором ликвидированный погром, искренне похвалила их за проделанную работу.
— Отлично, девочки, просто отлично! — изрекла она, одобрительно кивая. — Что бы вам ни говорили, из вас выйдут хорошие чародейки.
Послушницы зарделись. Комплимент пришелся им по душе. Кто-то потянул Сирелину сзади за платье. Обернувшись, она увидела проштрафившуюся горгулью.
— Тебе чего? — спросила чародейка миролюбивым тоном.
Горгулья жаждала вволю прошвырнуться за пределы обители. На это она надеялась, проявив инициативу с почтовой совой, и едва не достигла строго обратного результата.
— Лети! — милостиво разрешила Сирелина. — На ближайшие трое суток даю тебе выходной.
Издав восторженный вопль, горгулья подскочила к потолку, отчего окружающие испугались как бы она вновь не перевернула все вверх дном, а затем исчезла в боковой комнате. Судя по звуку, там она распахнула окно и немедленно упорхнула прочь. Спасибо что хоть не выбила на радостях — с нее сегодня станется.
— Уже поздно. Нам пора, — сказала Флея.
Девушки засобирались.
— А от кого письмо? — полюбопытствовала рыжеволосая послушница. — Я уж и не припомню когда последний раз видела тебя такой радостной и возбужденной.
— Да так, от одного друга, — уклончиво ответила Сирелина. — Сообщает что у него все в порядке.
— От Бэйла? — невинно спросила Флея.
Чародейка порозовела.
— А при чем тут Бэйл? — отозвалась она, отводя глаза в сторону.
— Да ладно, я же не совсем глупая, — улыбнулась послушница. — Кто помогал тебе с побегом? А кто исчез неизвестно куда, едва от тебя пришли вести из Солтенстила? Нетрудно сложить два и два.
Лица ее подруг приняли заговорщицки-хитрые выражения, и уж как-то больно скромно они потупили глаза.
— Слышь, догадливая, ну-ка живо спать! — с притворной сердитостью заявила Сирелина, выпроваживая девушек. — Потом поговорим. Может быть.

Оставшись одна, чародейка притушила свет. Затем, выпив еще вина, забралась в постель и вновь зашелестела листками письма. Перечитывая его снова, она мысленно пыталась представить себе как и что происходило и происходит в далеком Солтенстиле. Илиану, Бэйла, их новую знакомую… Кстати, чародейка поступила весьма осмотрительно что не сунулась во дворец под ви-

дом служанки! Судя по сообщенному гладиатором, все новые лица подвергаются проверке со стороны колдунов. Ведь о смысле действий типа в черном балахоне, совершившего над ним ряд манипуляций, догадаться нетрудно. Также Бэйл пишет, что, со слов Илианы, с нирелинцами все в порядке, хотя видеться теперь они стали реже, и рядом всегда присутствует стражник. Это хорошо, что с ними не случилось ничего дурного. Своим провалом Сирелина здорово боялась навредить им. Кажется, обошлось, хотя хан теперь, безусловно, будет держать ухо остро, не говоря уже об обитателях Нижних подземелий. Интересно, ханская дочь в курсе? Судя по всему, вряд ли. Она просто дружит с Илей, приняв ее положение как данность, и, возможно, сама не знает что будет дальше. Да-а-а, вопрос, кстати, более чем актуальный. Для всех, не только для юной принцессы Талары. Для Илианы, Бэйла и нирелинцев, не говоря уже про саму Сирелину. Так что же будет дальше?

– 14 –

Когда придворные удалились, в комнате из голубого мрамора неслышно появился Баратис.
— Я к твоим услугам, повелитель, — негромко сказал он, отвесив небольшой поклон.
— Я скоро опять отбываю и у меня мало времени, — отозвался хан, не поворачивая головы. — Как дела у Дегониса? Он обещал, что сумеет выведать секрет Липкого огня. Я не могу позволить себе постоянно оставаться в столь рискованной зависимости от кучки упрямых старцев.
— Учитель денно и нощно занят этим делом, повелитель, — пояснил колдун. — Это очень кропотливый и непростой процесс. Для его реализации требуется значительное время. В его оправдание смею упомянуть, что подобное вообще мало кому под силу.
— Я знаю. Поэтому и не беспокою его лишний раз, хотя мог бы спуститься и узнать лично, — заметил хан. — Но я должен быть в курсе как обстоят дела. К весне у меня будет новый флот. Он должен выполнить поставленную задачу.
— Мы работаем над этим, — сообщил Баратис. — Опытная партия будет готова точно в срок. У нас есть претензии к техническому исполнению носителей, но мы уже передали их кому следует.
— Что-нибудь серьезное? — нахмурился ад-Сейдин.
— Их требуется доработать. На данный момент нет уверенности что носители достаточно надежно справляются с доставкой заряда к цели, — ответил колдун.

— Как это понимать? — поднял брови хан.
— Даже преждевременная активация не так страшна, как если снаряд и вовсе не успеет покинуть орудие. Мы провели множество испытаний на основе фосфорной смеси и несколько раз, увы, носители приводились в действие неправильно. В том числе практически на месте. Догадываетесь о чем я, повелитель? — осторожно сказал Баратис.
— Более чем! — обеспокоился хан. — Вместо того чтобы спалить врага мои воины рискуют уничтожить сами себя. Подобных осечек быть не должно!
— Именно поэтому мы очень тщательно тестируем все образцы, — кивнул колдун. — И обо всех найденных недочетах уже сообщили инженерам. Мы ожидаем скорую поставку новых носителей, и если в них внесли необходимые конструктивные изменения, то проблема станет исчерпана и никак не скажется на изготовлении опытной партии.
— Ты в этом уверен? — уточнил ад-Сейдин.
— Так говорит Дегонис, — ответил колдун.
— Дегонис как-то заверял меня в надежности дворцовых подземелий, а туда как к себе домой наведывалась чародейка! — язвительно напомнил ад-Сейдин. — Которую, между прочим, вновь упустили, хотя он лично принимал участие в ее поимке. Что скажешь на это?
— Были приняты необходимые меры. Впредь ей больше не удастся проделать нечто подобное, — невозмутимо сказал Баратис. — А сбежала она по недосмотру стражи, а не ошибки учителя. Он как раз справился с ней должным образом. Чародейку ищут, но она, должно быть, уже далеко, ибо с тех пор о ней ни слуху, ни духу.
— Поверить не могу, что какая-то еще вполне молодая баба едва не обвела вас всех вокруг пальца! — воскликнул хан, впервые посмотрев на придворного специалиста по алхимии и колдовству.
— Я бы не стал ее так недооценивать, повелитель, — покачал головой колдун. — Насколько нам известно, этой молодой бабе, как ты изволил выразиться, больше ста лет. Точнее мы не знаем. У чародеек совсем другой срок жизни.
Хан Гийюр неопределенно хмыкнул, но ничего не сказал. Замолчал и Баратис, ожидая когда повелитель вновь заговорит. Тот, видимо, обдумывал услышанное, делая для себя какие-то выводы.
— Нашли ее сообщников? — нарушил молчание ад-Сейдин. — Когда я у вас интересовался в прошлый раз, вы попросили еще немного времени.
— Того кто помог ей бежать опознать не удалось, — развел руками колдун. — Среди гвардейцев ловко затесался чужак и из-за боль-

шого скопления солдат он остался незамеченным.
— Ясно, — раздраженно отозвался хан. — А при дворце?
— Судя по всему, она действовала одна. Возможно, попросила внучку шейха передать дедушке зачарованные камни, — осторожно сказал Баратис.
— Девчонка в сговоре с чародейкой?! Не смешите! — фыркнул ад-Сейдин. — Или вы предлагаете мне арестовать ребенка на радость моей собственной дочери?
— Разумеется ничего такого я не имел в виду, — поспешно заявил колдун. — Тем более ее действительно все чаще видят в обществе принцессы. Я лишь осмелюсь заметить, что, учитывая обстоятельства, быть может это не слишком подходящее знакомство.
При мысли о Таларе лицо хана посветлело. На днях ей исполнилось пятнадцать лет. Ради этого события он ненадолго оставил Аяз Мол и вернулся в столицу дабы лично присутствовать на торжествах. Дочь была несомненно рада его видеть, и в отцовском сердце воспоминание об этой встрече разливалось непривычной для сурового завоевателя теплотой. Возможно, он иной раз действительно слишком ее баловал, позволяя много такого, о чем кто-нибудь другой и подумать не смел, но хан ничего не мог с собой поделать. Талара была любимым ребенком и ад-Сейдин не желал огорчать ее без действительно веской причины. Раз ее дружба с этой девочкой из Нирелина не несет в себе ничего плохого — пускай общаются на здоровье. Ведь дочь до сих пор даже ни разу не заикнулась о своей подруге и не просила отца ни о чем с ней связанном, хотя воспитательница сообщила что они много времени проводили вместе и даже частенько закрывались в личных покоях Талары. Так что было бы весьма немилосердно просто взять и лишить ее выбранной компании без всяких на то оснований. Ей и так непросто приходится с ее-то характером. Вся в отца — такая же своенравная и непокорная. Не то что ее сестры. Из них, конечно, выйдут хорошие жены тем партиям, что подыщет им хан, но подлинный дух ад-Сейдинов, видимо, унаследовала одна лишь Талара. И лишь Талара с радостью воспринимает отцовские перемены, постепенно затеянные еще его дедом, в то время остальные скорее их просто терпят. А ведь без них прочную новую империю не построишь… К тому же выходило, как бы ни странно это казалось, что Талара, проводя время с юной нирелинкой, таким образом за ней же и приглядывала.
— Моя дочь вольна сама выбирать себе компанию, — заявил хан. — Я не собираюсь лишать ее этой привилегии, которой, увы, иногда бываю лишен сам.
— Понимаю, повелитель, — склонил голову Баратис. — Внучка

шейха, несомненно, милая девочка и не дает повода усомниться в выборе своей высокой покровительницы. Скорее, она ему все больше соответствует.
— Что ты имеешь в виду? — удивился ад-Сейдин.
— Вашей дочери исполнилось пятнадцать. Считается что внучке ан-Бакира нет и десяти. Между тем непосвященный человек решит, что между ними не более пары лет разницы. Удивительно, не так ли? — вкрадчиво заметил Баратис.
— Это будет не первый ребенок, который развивается намного быстрее своего возраста, — усмехнулся ад-Сейдин. — Если же ты намекаешь на колдовство…
— Никоим образом, — живо отозвался Баратис. — Девочка излучает чары не больше чем я умею летать. Просто мы находим сие обстоятельство довольно любопытным, ибо кажется, что за последние месяцы ее рост заметно ускорился. Мне доводилось краем уха слышать ее разговоры. На девятилетнего ребенка совсем не похоже.
— Ловили бы вы лучше чародейку, а не гонялись за детьми, — поморщившись, сказал хан Гийюр, который собирался говорить совсем не об этом.
— Безусловно, повелитель, — согласился колдун. — Но осторожность не помешает. Ничто не должно омрачать благополучия принцессы.
— Где была ваша осторожность, когда я потерял старшего сына и наследника? — хмуро произнес ад-Сейдин, глядя в сторону.
— Несомненно, это настоящая трагедия, но в жизни случается всякое, — развел руками Баратис.
— Только не надо мне об этом снова! Я никогда не поверю в простое стечение обстоятельств! — резко сказал хан. — Кто-то хочет ослабить династию. И я должен выяснить кто. Я собираюсь построить могущественную империю, но может так статься, что ее некому будет передать. Ведь у меня остался только один сын, а новых детей так и нет. И от всех ваших стараний до сих пор нет ни малейшего толку!
— Повелителю следует взять еще одну жену, — убежденно заявил колдун. — Тогда все решится само собой.
— Я не для того следую изменениям своего деда, чтобы завести более трех жен. Хорош правитель не соблюдающий собственные законы! Это исключено, — отрезал ад-Сейдин. — Перемены в стране и так происходят слишком медленно. Нельзя допустить даже малейшего повода поставить их под сомнение.
— Да, эти перемены нравятся не всем, — согласился Баратис.
— Меня самого не все устраивает, — усмехнулся хан. — Но с эти-

ми переменами я смогу собрать все южные земли в единую империю. Без них же монолит нового государства невозможен. Что толку завоевать всех, если добиться повиновения можно будет лишь силой? А после моей смерти эти земли распадутся как высохший песчаный замок, особенно если у меня не окажется кровного преемника. Нет, земли должно объединять нечто большее, чем одно лишь мое желание.
— Но у повелителя есть преемник, — возразил колдун.
— За чью жизнь он опасается столь сильно, что даже не держит при дворце, — заметил ад-Сейдин. — Для такой династии как моя один наследник — это слишком опасно. Впрочем, назло неведомому врагу у меня есть запасной план. Если что-нибудь случится с моим вторым сыном, империя не останется обезглавленной.
Баратис тактично промолчал. Вопрос для повелителя был достаточно болезненным, чтобы он позволил себе развить тему сверх того, что хан посчитал нужным сказать. Особенности престолонаследия можно будет затронуть и в другой раз, а сейчас лучше бы сконцентрироваться на текущих делах, о которых, собственно, ад-Сейдин и желал поговорить изначально. Только вот слово за слово разговор ушел в другую сторону.

Теперь Илиана могла совершенно не сомневаться, что Бэйла прислала именно Сирелина. Через гладиатора девочка наконец-то получила от чародейки адресованное персонально ей послание вкупе с несколькими учебниками и длиннющим рядом наставлений по обучению. Кроме этого, разумеется, Сирелина написала воспитаннице очень трогательное письмо. Помимо прочего она сообщала, что пока не может приехать навестить ее лично, но сделает это сразу же как позволят обстоятельства. Бэйлу чародейка передала соответствующие инструкции, так что гладиатор по мере сил организует занятия девочки в соответствии с пожеланиями наставницы.

Обучение действительно сдвинулось с мертвой точки, хотя на укромный чердак Иле удавалось выбраться реже чем хотелось бы. Впрочем, многие книжки она могла читать и дома, пряча их в сундучок под половицей. Талара об этом знала и ничего не имела против. Илиана держала на чердаке лишь нечто такое, что могло вызвать у той вопросы касательно своего происхождения и содержания. В остальном же принцесса не возражала против ее начитанности, правда сама увлечения учебниками особо не разделяла. При этом считала очень полезным держать при себе толковую и образованную подругу, и с некоторых пор Иля могла попросить у нее любую книгу из ханской библиотеки. Серьезное женское образование не только не приветствовалось, но даже ограничивалось.

Талара постоянно бросала таким ограничениям вызов и наперекор им могла просидеть с подругой в библиотеке хоть весь день, лишь бы всем своим видом показать чего она о таких порядках думает. Служители, разумеется, не осмеливались каким-либо образом препятствовать дочери повелителя, и в ее копании возможности Или существенно возрастали. Девочке больше не приходилось украдкой пробираться в книгохранилище, а достаточно было обратиться к своей высокородной подруге. Таким образом к присланному Сирелиной прибавилось практически неограниченное чтиво на собственный выбор, и почти все свободное время Илиана посвящала книжкам, проглатываемым ей с неимоверной жадностью и скоростью. А его почти не оставалось. Присмотр за животными, общество Талары и занятия с Бэйлом занимали практически весь ее распорядок дня, но она была вполне довольна таким положением дел. Кстати, занятия с гладиатором носили двоякий характер. Помимо непосредственного курирования воспитанницы Сирелины, обычно происходившего в доме у нирелинок, где он старался следовать указаниям чародейки, Бэйл также взял на себя труд заняться физической подготовкой девочек. Разумеется он не подвергал их столь же интенсивным нагрузкам как чародеек в обители, составив программу попроще, но и спустя рукава тоже не работал. Тем более что принцесса изъявила желание освоить обращение с оружием и, видимо, отступать от своего намерения не собиралась. Бэйл ясно дал понять, что усвоить пару-тройку приемчиков, мягко говоря, недостаточно, и к делу нужно подходить куда серьезнее. Талара согласилась, и гладиатор, пораскинув мозгами, принялся за дело. С тех пор подружек периодически можно было наблюдать за пробежкой в парке, которую Бэйл считал обязательной для общего поддержания тонуса. Для гимнастических же упражнений компания облюбовала подходящую полянку подальше от любопытных глаз, где Талара и Илиана могли спокойно тренироваться не находясь на виду у всех кому не лень. Там же гладиатор знакомил их с базовыми навыками владения оружием. Для этой цели он раздобыл в городе несколько подходящих деревянных мечей, ибо даже тупые клинки ученицам доверять еще слишком рано. С деревяшками они и занимались, повторяя движения за гладиатором, а затем устраивая шуточные бои.

Поначалу Талара капризничала. Во многих физических упражнениях она не видела ровно никакого смысла, да и ежедневные пробежки ей тоже быстро надоели. Принцессе хотелось как можно скорее приступить непосредственно к искусству боя, дабы орудовать клинком не хуже заправского воина. Бэйл терпеливо объяснил что так не бывает. У него за плечами достаточно богатый

опыт дабы он хорошо понимал как развиваются соответствующие навыки и что для чего нужно. Невозможно хорошо обращаться с мечом не научившись владеть собственным телом. А оно должно стать не только гибким и проворным, но и выносливым, уметь делать многое быстрее чем сработает сознательная реакция и не подводить своего обладателя в трудную минуту. Талара было заупрямилась, но гладиатор напрямик спросил чего она, собственно, хочет. Он может обучить ее всему, что знает, но если принцесса желает освоить все всерьез и надолго, то ей придется слушаться своего наставника. Она, конечно, может и приказать, и делать лишь то что пожелает, но тогда и результат будет соответствующий. Выбор исключительно за ней: для баловства или по-настоящему. Бэйл подчинится ее решению. Талара дулась три дня, а на четвертый явилась и сообщила что готова выполнять все инструкции тренера на его усмотрение.

Лучше всего, разумеется, подошел бы дворцовый гимнастический зал, но маленькая компания решила обойтись своими силами, чтобы не маячить как бельмо на глазу. Получив разрешение от главного садовника, с которым, разумеется, предварительно побеседовала принцесса, Бэйл собственноручно обустроил на облюбованной полянке набор гимнастических снарядов. К ним он добавил несколько чучел для отработки ударов и даже небольшую полосу препятствий. Пришлось основательно попотеть, мастеря все необходимое, но результат выглядел вполне недурно. Теперь девочкам действительно было где тренироваться, а не импровизировать каждый раз с подручными приспособлениями. Илиана, правда, не особо интересовалась данной тематикой и принимала участие скорее до кучи, дабы составить общество подруге. Впрочем, хорошая физическая подготовка еще никому не мешала, если уж сама Сирелина тоже выполняла все указания гладиатора. Талара же, сделав выбор, подошла к делу серьезнее. Ни много ни мало, она притащила для себя и Или два комплекта снаряжения, состоявших из легких кольчуг, шлемов и кольчужных перчаток. В ханских кладовых подобное добро сыскалось без особых хлопот, поскольку некогда было изготовлено для юных принцев, и выбор типов и размеров брони имелся весьма богатый. Гладиатор невольно улыбался, глядя на двух наряженных в доспехи девчонок, но честно признавал, что это лишь идет на пользу делу. И безопаснее, и к весу привыкнут. Чай не латы.

Подобные забавы не остались без внимания, но апеллировать придворным было особо не к кому. Хан, пробыв в столице неделю, отбыл, а более никто не имел на Талару достаточного влияния. У визиря хватало дел и без капризов принцессы, а статс-

воспитательница ввиду взросления подопечной окончательно утрачивала на нее влияние. Кроме того, физические упражнения небезосновательно считались полезными для здоровья, и упрекать ханскую дочь в том что она ими увлекается было бы по меньшей мере странно. Вопросы вызывали разве что занятия с деревянным оружием. Вид принцессы, напялившей на себя кольчугу и усердно дубасящей чучело учебным мечом, многих приводил в смятение. Однако и здесь урезонить ее никому не удалось. Воспитательница даже отписала хану, изложив суть новой забавы принцессы. Надежды ее не оправдались. Ад-Сейдин коротко ответил, что не видит ничего плохого в новом развлечении дочери, если она счастлива, а само развлечение никому не причиняет вреда. И если для ее увеселения какой-то служащий добровольно и бескорыстно жертвует своим временем, то лично он, хан, ничего не имеет против. Под служащим подразумевался Бэйл, охарактеризованный отправительницей как "какой-то новый садовник". Приунывшая статс-воспитательница сдалась и махнула на все рукой, стараясь сохранить хотя бы остававшиеся в ее ведении уроки этикета, манер и женского воспитания. Мнение повелителя стало известно и остальным, после чего вопрос с затеями любимой ханской дочери в очередной раз был закрыт. Больше никто Талару и ее маленькую компанию не беспокоил, к вящему удовольствию принцессы. Разве что временами кто-нибудь из проходивших мимо придворных ненадолго останавливался посмотреть на необычные игры ханской дочери, и то старался держаться подальше. Включая иногда появлявшегося типа в черном балахоне. Баратис отбыл вместе с повелителем, но не иначе ввиду состоявшегося между ними разговора поручил кому-то из помощников приглядывать за девочками. С какой целью это делалось — оставалось неизвестным, ибо этот тип никогда не приближался и не тревожил ни принцессу, ни ее подругу, а лишь будто невзначай иной раз мелькал неподалеку. Возможно, обитатели Нижних подземелий просто хотели убедиться, что с внучкой шейха все в порядке, ибо она имела на старика самое прямое влияние. Случись с ней что — и изготовление Липкого огня окажется на грани катастрофы. Либо же достаточно серьезно отнеслись к словам ад-Сейдина о безопасности представителей его рода.

Непосредственно к Бэйлу нареканий тоже не имелось. Гладиатор успевал справляться со своей основной работой, честно исполняя что было велено, так что принцессе даже не приходилось вмешиваться дабы забрать его по собственному желанию. Исключая, разумеется, периодические вылазки в Солтенстил, если таковые приходились на будний день. Хан благополучно не заметил что

дочь вовсю пользуется его личным ключом, и с его отъездом Талара вновь обрела возможность незаметно покидать дворец. Только теперь троица делала это гораздо реже. В таких случаях принцесса, как обычно, якобы запиралась с подругой до вечера, а гладиатор открыто отправлялся в город по ее личному поручению. В отличие от Или ему Талара все-таки не могла доверить столь важную тайну, как дворцовая система секретных ходов. По крайней мере, на данный момент. Выходили они порознь, а затем встречались в условленном месте. И один-два раза в неделю принцесса и ее маленькая свита гуляли по столице, с головой окунаясь в кипевшую жизнь большого города и радуясь всем изобиловавшим в ней развлечениям. Талара даже хотела чтобы Бэйл перебрался жить поближе к дворцу, ибо так им станет удобнее собираться вместе, но тот под благовидным предлогом отказался. Ведь тогда можно даже не сомневаться, что принцесса при случае нагрянет с неожиданным визитом, и будет крайне некстати, если она застанет там вернувшуюся чародейку. А на ее возвращение рассчитывал не только гладиатор, но и Илиана. Не навечно же она застряла в обители. Меж тем время шло, дни складывались в недели, а Сирелина все еще не могла сообщить когда сможет хотя бы ненадолго прибыть в Солтенстил.

— Я неуклюжая как корова! — воскликнула Талара, с досадой швыряя шлем о землю.

У нее никак не получался прыжок через голову, необходимый для освоения нескольких непростых приемов. Гладиатор, дав ученицам самые базовые вещи, сочетал постоянные тренировки с освоением нового. Это новое он давал небольшими порциями, чередуя простое со сложным. Осваивать сложное немедленно и идеально Бэйл не требовал, но забегая вперед таким образом показывал к чему надо стремиться. Здесь Талара на наглядном примере поняла для чего нужна хорошая физическая подготовка. Следовало не только подпрыгнуть достаточно высоко, но и обладать точной координацией движений в совокупности с ощущением собственного тела в пространстве. Прыгучесть у принцессы существенно улучшилась, и для обычного ребенка стала просто отличной, но до заданного тренером уровня еще не дотягивала. У Талары недоставало высоты прыжка, а когда она пыталась компенсировать ее ловкостью, сокращая пик, то не успевала правильно сгруппироваться и валилась на землю в разных неловких позах. В усердии, частично порожденным упрямством, принцессе не откажешь, поэтому она продолжительное время старательно пыталась добиться результата, но в один прекрасный момент не выдержала и сильно расстроилась. Отойдя в сторонку, Талара уселась на беговое брев-

но и отвернулась, подозрительно шмыгая носом. Бэйл, сообразив в чем дело, объявил перерыв и под благовидным предлогом удалился, а Илиана живо подошла к подруге.
— Брось, Тали, ну какая же ты корова, — ласково сказала она, усаживаясь рядышком.
— Тебе легко говорить. Прыгаешь как кузнечик! — все так же шмыгая отозвалась принцесса. — А я стараюсь, стараюсь, а выходит шиш с маслом!
Илиана действительно скакала как заведенная, выделывая такие прыжки и пируэты что Бэйл только диву давался, а Талара изо всех сил старалась следовать примеру подруги, отчаянно завидуя ей по-доброму.
— Раз стараешься — значит получится! — убежденно заявила Иля, обнимая Талару за плечи. — Вон как ты с мечом управляешься! Мне до тебя далеко. А поначалу и держать-то его толком не умела.
— Это другое, — уныло отозвалась принцесса. — Иля, ты же и сама прекрасно видишь что прыжки — не моя сильная сторона. Здесь я заметно от тебя отстаю. На тебя посмотреть — аж завидки берут, а я как ни пытаюсь — ничегошеньки не выходит. Мне кажется это просто невозможно!
Талара расстроилась окончательно, сбросив кольчужные перчатки и спрятав лицо в ладони. Иля, искренне огорченная состоянием павшей духом подруги, принялась ее заботливо успокаивать. Стоило отметить, что у нее всегда неплохо это получалось. Принцесса иногда хандрила по какому-нибудь поводу, и если рядом оказывалась Илиана, то ей удавалось вернуть Талару в обычное беззаботно-веселое состояние. Вот и сейчас она принялась убалтывать подругу, отвлекая от мрачных мыслей. Заостряя внимание на ее сильных сторонах, она преподносила слабые совсем в ином свете, а потом и вовсе плавно переключала ход невеселых размышлений совсем на другую тему. Чувствуя эмоциональный настрой Талары, Иля, мягко увещевая, будто направляла русло ее дум и эмоций в иную сторону, умело огибая подводные камни и возвращая душевному потоку присущие ему живость и журчание.

Талара заметно повеселела. Тепло лежавших на плечах рук подруги ощущалось даже сквозь кольца кольчуги, и от него струилась прямо-таки бодрящая сила, придававшая ей уверенности в себе. Илиана на разные лады успела столько раз заверить "у тебя все получится", что принцесса и сама начинала в это верить. А Иля действительно старалась на совесть. Успокоительно водя пальчиками, она практически вживую представляла как Талара прыгает все выше и выше, искренне желая ей преуспеть, и ее уверенность вместе с воодушевляющими образами теплыми волнами

передавалась принцессе. Иля была глубоко убеждена что достаточно просто поверить в себя, поверить в свои возможности, и усердно подталкивала подругу в нужном направлении. Исходившее от нее душевное и физическое тепло окончательно развеяло уныние Талары, и она наконец-то вновь обрела привычное настроение.

— Умеешь ты успокоить, ничего не скажешь, — улыбнулась она, стряхивая последнюю слезинку.

— Дело нехитрое, если расстраиваться по всякой ерунде, — подмигнула Илиана. — Знаешь что, — добавила она. — Давай-ка здесь на сегодня закончим. Полагаю, дядя Бэйл не будет возражать. Пойдем лучше во что-нибудь поиграем!

Гладиатор действительно ничего не имел против. Даже с чародейками он иной раз проявлял определенную тактичность, а уж детей и подавно не собирался тиранить. Пускай лишний раз передохнут и отвлекутся. Успеют еще стать великими воительницами.

Остаток вечера девчонки провели играя в мяч, который кидали то в кегли, то друг в друга, сопровождая последнее действо жизнерадостным визгом. А перед сном успели посидеть часок у пруда, кормя водоплавающих птиц и пуская по воде блинчики мелкими плоскими камешками. Состязание в блинчики принцесса выиграла и донельзя довольная собой отправилась спать, чувствуя неимоверную усталость. Явившись в свою опочивальню, она упала на подушки и заснула даже не раздеваясь.

На следующий день Талара насилу проснулась лишь к полудню, когда декабрьское солнце уже давным-давно вскарабкалось на небосвод и его лучи вовсю согревали несколько остывшую за ночь землю. Все-таки наступило холодное время года и до летней жары было далеко, хотя северные морозы этим южным землям даже и не снились. Принцесса видела сугробы лишь на картинках, а на ее памяти такое невероятное явление как снег было от силы несколько раз, да и то достаточно эпизодически. Талара мечтала однажды отправиться за пределы Железных земель и побывать в далеких краях, где трескучие зимы рисуют на окнах затейливые узоры, а пушистый белый покров иногда достигает уровня груди. Увы, пока что такие желания не выходили за пределы фантазий юной принцессы, но с наступлением совершеннолетия Талара рассчитывала обрести значительную свободу передвижений. По крайней мере, отец обещал перестать опекать ее как малое дитя, едва дочери исполнится заветные восемнадцать. В прежние времена совершеннолетие наступило бы на четыре года быстрее, но еще дед Гийюра ад-Сейдина сдвинул эту планку вверх, а хан Гийюр и вовсе ужесточил ее, категорически запретив распространенные

прежде ранние браки. Он, как и его дед, справедливо считал более юный возраст детским со всеми вытекающими, а его эксплуатацию — вредной для развития государства. Принятые нововведения до стран Запада еще не дотягивали, где по закону зрелость наступала только в двадцать один год, но это все равно был настоящий прорыв. Не обошлось и без недовольных, отчаянно цеплявшихся за архаичную старину, порой доходящую по подлинного мракобесия, но хан железной рукой пресекал возмущения на корню. Авторитет его власти был незыблем, покоясь на преданной армии и тщательно выстроенной государственной машине. Кроме того, подданные Железных земель на собственном опыте видели пользу многих затеянных правителями преобразований, а там где в итоге растет благосостояние жителей возмущенных крикунов особо никто и не слушает.

Талара чувствовала себя очень вяло и с трудом смогла сползти с постели. Декабрьский вечер выдался прохладным и ее, должно быть, давеча где-то просквозило. Кое-как умывшись, принцесса взглянула на принесенный поднос с завтраком, подозревая, что вид съестного отнюдь не вызовет у нее энтузиазма. Произошло с точностью до наоборот. Забыв про манеры, Талара с каким-то поистине волчьим аппетитом умяла содержимое подноса до последней крошки, после чего позвонила в колокольчик и попросила еще. Удивленная служанка сбегала на дворцовую кухню и притащила что было велено. Куда в принцессу влезло — оставалось только удивляться, но она слопала все, а затем, отдуваясь, вновь забралась в постель и благополучно уснула.

Ночью Талара ненадолго пробудилась, открыв глаза и спросонья плохо соображая где она и какое сейчас время суток. Впрочем, проникавший в окно лунный свет сориентировал ее достаточно быстро. Принцесса ощутила сильный приступ голода. Добравшись до колокольчика, она позвала не менее заспанную прислугу и вновь запросила еды, да побольше. Дивясь неожиданной прожорливости госпожи, служанка удалилась, а спустя полчаса насилу притащила уставленный горячей провизией поднос. Талара ела так, будто ее несколько месяцев держали впроголодь. Она сама не понимала причину своего непривычного состояния, но разум был слишком затуманен для того, чтобы принцесса заострял на этом внимание. Покончив с двойным ночным обедом прямо на кровати, объевшаяся Талара откинулась на спину и моментально заснула.

На следующий день все повторилось. Встревоженная свита решила, что любимая ханская дочка захворала. Явившаяся статс-воспитательница лично притащила придворного врача. Недоволь-

ная тем, что ей мешают спать, Талара вяло отбрыкивалась и отругивалась, попытавшись изгнать посетителей подушкой. Тем не менее доктору удалось установить отсутствие температуры и вообще каких-либо признаков заболевания. Видимо, у принцессы наблюдался упадок сил ввиду ее слишком активного образа жизни. Волчий аппетит никак не характерен для недуга, а вот как раз в случае переутомления имеет место быть. Растущий организм восполняет дефицит питательных веществ и требует отдыха. В итоге придворный врач успокоил воспитательницу и прописал пациентке отдых и усиленное питание, что, собственно, Таларе и было надобно. Ее наконец-то оставили в покое, а заодно загромоздили стол огромным количеством самого разнообразного съестного. Периодически просыпаясь, Талара накидывалась на еду с неослабевающим энтузиазмом, после чего по-прежнему отправлялась в постель, утруждая себя лишь самой необходимой личной гигиеной.

К вечеру третьего дня в опочивальню к подруге заглянула обеспокоенная Иля. Стоявшие у дверей гвардейцы пропустили ее беспрекословно. Подойдя к кровати с зарывшейся в подушки Таларой, Илиана остановилась, внимательно приглядываясь к лицу безмятежно сопевшей принцессы, а потом стала негромко звать ее по имени. Подруга не реагировала, и присевшая на краешек обширного спального лежбища Иля принялась легонько тормошить ее за плечо.

— Ну чего надобно? Отвяжитесь уже, — пробормотала принцесса не поднимая век и демонстративно поворачиваясь на другой бок.

— Тали, это я, Иля, — снова позвала гостья, мягко расталкивая вконец разоспавшуюся подругу.

— А? А-а, это ты, — отозвалась та, приоткрыв один глаз и признав знакомое лицо. — Что-нибудь случилось?

— Ты мне скажи, — предложила Илиана. — Я волнуюсь. Сначала я думала что ты просто чем-то занята, но потом узнала что ты уже трое суток не встаешь с постели. Ты не заболела?

— Я ни разу не заболела с тех пор, как мы познакомились, — ответила принцесса, сладко потягиваясь как пригревшаяся на лежанке кошка. — Со мной все нормально. Просто жутко хочется спать. И есть. И спать.

Похлопав глазами, Талара уселась на постели, подложив под спину несколько подушек. Илиана, как учили ее нирелинские целители, привычными движениями ощупала лоб и шею подруги, взяла за запястье дабы смерить пульс, изучила глаза и веки, и попросила показать язык. Принцесса не возражала, поскольку относилась к Иле с полнейшим доверием.

— Ты прямо как врач, — усмехнулась она, наблюдая за манипуля-

циями гостьи.
— В Нирелине меня учили знахари. Кое-что я успела усвоить, — пояснила Илиана, убеждаясь что с подругой действительно все в порядке. — Дедушка Арбах даже говорил что из меня может выйти хороший целитель. Разве я об этом не упоминала?
— Вроде нет, — мотнула головой принцесса. — Но если так, то я только рада многообразию твоих талантов. Если ты собираешься выучиться еще и на знахаря, то я уж точно не буду против. Будешь моим лейб-медиком.
— Ты точно хорошо себя чувствуешь? — сочла нужным уточнить Илиана. — Ничего не болит?
Талара сначала кивнула, а потом мотнула головой, последовательно отвечая таким образом на оба вопроса. Она широко зевнула как тигрица Зара, благодаря которой девочки некогда познакомились, и еще раз хорошенько потянулась.
— Должно быть, действительно просто переутомилась, — вдумчиво пояснила принцесса свое состояние. — Кажется, твое появление придает мне немного бодрости. Опять есть хочется. Поужинаешь со мной?..
Иля не была голодна, но стол ломился от всяческих угощений, да и не составить компанию подруге было бы невежливо. В итоге она не стала отказываться и присоединилась к трапезе, хотя ела, разумеется, в несколько раз меньше чем принцесса. Та продолжала налегать на съестное, вовсю работая челюстями и прерываясь лишь на то чтобы запить пережевываемую еду и сказать что-нибудь с набитым ртом.
— Смотри не лопни, — обеспокоенно произнесла Илиана, глядя как подруга глотает пищу будто прожорливый птенец.
Талара хотела что-то ответить, но поперхнулась и закашлялась, отчего ее лицо покраснело, а глаза заслезились. Отдышавшись, она произнесла парочку слов, которые в лексикон благородных девиц обычно не входят.
— В порту нахваталась? — прыснув в кулак, поинтересовалась Илиана.
— Чего именно? — не поняла принцесса, разом осушая полбокала прохладительного напитка.
— Таких словечек, — пояснила Иля. — Тамошние грузчики этикет особо не соблюдают.
— Хочешь сказать, что ты меня поняла? — спросила Талара, забыв про еду и с немалым удивлением воззрившись на подругу.
— А не должна была? — переспросила та. — Я и похлеще слыхала, мы же все-таки не в монастыре росли.
Талара промолчала, поглядывая на собеседницу с каким-то стран-

ным выражением. Затем, немного подумав, словно невзначай поинтересовалась:
— Как там дядя Бэйл поживает? Ничего про меня не говорил?
— Он думал что ты расстроилась из-за неудачи, потому и не появляешься. Лично я так не считала. Мало ли какие у тебя дела, — без всякой задней мысли сообщила Иля, ковыряя золотой ложечкой кусок пышного торта.
— Ага, попалась! — воскликнула принцесса, окончательно забывая про навязчивое желание проглотить как можно больше содержимого вазочек, блюд и тарелок.
— Тали, ты о чем? — подняла брови Илиана, не на шутку изумленная неожиданной репликой подруги.
— О чем? О том самом! Ну-ка, дорогая моя, признавайся откуда ты знаешь наш старинный язык! У нас на нем нынче в основном только знать говорит! — заявила Талара, пристально уставившись на опешившую собеседницу.
Ведь та не только поняла заданный вопрос, а поглощенная схваткой с тортом еще и ответила на том же языке, на котором ее спрашивали. Илиана откровенно растерялась, не зная что и сказать. По всему было видно что ситуация застала ее врасплох.
— У тебя даже акцент правильный. Давай выкладывай где научилась! И только не говори что в своем всеми забытом оазисе! — допытывалась всерьез заинтригованная принцесса.
— Я не знаю. Правда! — произнесла вконец смутившаяся Иля. — Я просто понимаю что ты говоришь и точно также отвечаю. Я не знаю как это получается.
— А я знаю, — сообщила Талара, внимательно изучив подругу и придя к выводу что та, видимо, действительно не лжет. — Этому может быть только одно разумное объяснение.
Илиана, опешив от серьезности ее голоса, испуганно воззрилась на принцессу.
— Твои настоящие отец и мать были родом из Железных земель. Ты научилась нашему языку в раннем детстве, о котором ничего не помнишь, но он остался у тебя в памяти и проявляется сам собой когда рядом кто-нибудь на нем говорит! Весьма вероятно, что они были знатного рода, а вся эта история с твоим удочерением попахивает какой-то тайной! — выпалила принцесса, донельзя довольная своей романтической теорией.
Ей уже мерещились приключения и заговоры, и сонливость Талары как рукой сняло.
— Ты считаешь? — с сомнением спросила Иля, облегченно переводя дух. — Я уже испугалась что ты подумаешь обо мне что-нибудь плохое.

— Глупышка! — рассмеялась принцесса. — Что же плохого в том, чтобы знать языки? Удивительно — да, учитывая о каком из них идет речь, но плохо? Я тебя умоляю… Я уже поняла твой главный страх. Из-за своего дара ты постоянно боишься что тебя сочтут ведьмой, и поэтому шарахаешься от любого публичного проявления своих талантов. Не переживай, со мной тебе нечего бояться. Мы же лучшие подруги!

У Илианы действительно отлегло от сердца. Ее очень томила невозможность поделиться с Таларой всем, что она знала, и не в последнюю очередь из-за Сирелины. Поэтому Иля не могла рассказать подруге все, хотя иной раз ей очень хотелось это сделать. Она боялась последствий, боялась навредить не только себе, но и другим. Талара, вне всяких сомнений, была хорошей девочкой, но даже ее реакцию предсказать было невозможно.

— А покажи-ка мне еще раз свой медальон, — сказала принцесса, протягивая руку. — Теперь я просто уверена что он имеет самое прямое отношение к твоему происхождению. Вот будет здорово если ты окажешься из какого-нибудь древнего рода Железных земель! Тогда даже отец не сможет отказать мне назначить тебя своей придворной дамой.

О существовании платинового медальона с рубином Талара, разумеется, давно знала, и еще прежде удивлялась откуда у простой девчонки подобная штуковина. Теперь же она взглянула на ситуацию по-новому, и глаза ее загорелись. Расстегнув шнурок, Иля протянула вещицу принцессе. Та жадно схватила ее и принялась изучать так, будто никогда прежде не видела.

— Знаешь что мы сделаем? — задумчиво сказала она. — Надо будет как следует покопаться в геральдических книгах. У нас по этой части есть отдельный специалист. Возможно, он сумеет помочь.

На следующее утро принцесса проснулась в прекрасном расположении духа, преисполненная бьющей ключом бодрости. Невероятная сонливость испарилась так же внезапно, как и появилась. Вскочив на ноги, Талара ускакала в ванную, а затем, традиционно одевшись без всякой помощи прислуги, пружинистым шагом отправилась к Илиане.

Ставшая традиционной пробежка удалась на славу. Как следует отдохнувшая принцесса носилась как молодая лань, то и дело предлагая прибавить скорости. Она прямо-таки лучилась энергией и искала ей подходящий выход. Талара нарезала круги вокруг двигавшейся в привычном ритме подруги, забегала вперед и предлагала поиграть в догонялки. Иля улыбалась, радуясь явно отличному самочувствию принцессы, но усердствовать не спешила,

напоминая для чего им вообще нужна эта ежедневная пробежка. Если Талара жаждет как следует поднапрячься, то это можно будет сделать вечером. Принцесса фыркала, морща нос, и ненадолго утихомиривала энтузиазм, но вскоре неудержимая живость вновь брала верх, и все начиналось сызнова. Эта живость, заметная невооруженному глазу, удивляла Илиану, но, как выяснилось, настоящий сюрприз был еще впереди.

Вечером девочки явились на тренировочную площадку, где их уже поджидал закончивший работу Бэйл. После разминки он приступил к повторению практического материала, и вот тут-то Талара и отличилась. Злополучный прыжок через голову, да еще в обратную сторону, нервировал ее дальше некуда. Памятуя о предыдущих неудачах, она с выражением глубочайшего напряжения на лице встала на изготовку, а затем изо всех сил оттолкнулась ногами. Результат превзошел все ожидания. Принцессу подбросило будто сжатой пружиной. К ее собственной полнейшей неожиданности прыжок вышел настолько высоким, что Талара, кувырнувшись в воздухе, не смогла правильно сгруппироваться и плюхнулась на толстый соломенный матрац едва не свернув себе шею. Бэйл от удивления аж рот разинул, а Илиана испуганно бросилась к подруге дабы убедиться не пострадала ли та при столь неловком падении. Обошлось. Приняв сидячую позу, Талара изумленно хлопала глазами, отплевываясь от попавшей в рот соломы.

— Тали, ты в порядке? Ничего не ушибла? — обеспокоенно спросила Иля, ища глазами возможные повреждения.

— В порядке? Да лучше не бывает! — воскликнула принцесса, вскакивая на ноги. — А ну-ка повторим!..

В следующие несколько минут выяснилось, что прыгучесть Талары резко и серьезно увеличилась. Должно быть, сказались регулярные тренировки, хотя изумленный гладиатор на своей памяти видел такой невероятный скачок в развитии лишь у Сирелины. Принцесса же, открыв свои новые возможности, пришла в буйный восторг, и гладиатору пришлось ее урезонивать, пока она на радостях действительно не навредила себе самым плачевным образом. Поначалу он даже ловил все еще плохо контролировавшую свою усилившуюся подвижность Талару, но мало-помалу та обрела уверенность в своих движениях. Каких-нибудь полчаса — и окрыленная принцесса наконец-то освоила злополучное упражнение, причем освоила просто блестяще, демонстрируя поистине удивительные результаты.

— Я же говорила что у тебя получится! — воскликнула Иля, обнимая донельзя счастливую подругу.

— Ты оказалась права, — улыбнулась Талара. — Как, впрочем, и

всегда. Так, а попробую-ка я вот что!..

Дальнейшее занятие пошло наперекосяк. Окончательно осознавшая прилив улучшенных возможностей принцесса целый час бесилась на тренировочной площадке, выделывая на разные лады прыжки и кульбиты. Все уже известные ей приемы и упражнения с прыжками она повторяла один за другим, нащупывая свой предел возможностей, отныне оказавшийся на некогда недосягаемой высоте. Бэйл с Илианой решили ей не мешать, и лишь подстраховывали ее выкрутасы, дабы разошедшаяся Талара не набила себе синяков и шишек. А она еще как пыталась, и едва в этом не преуспела, когда, распрыгавшись по бревну и колесом и через голову, оступилась и свалилась прямо на гладиатора. Лишь когда Талара основательно выдохлась и, тяжело дыша, уселась на том же бревне отдыхать, ее спутники перестали беспокоиться за неугомонную принцессу.

— Ух как ноги гудят, — сообщила довольная собой Талара, потягивая из бутылки фруктовый сок.

— Как бы ты себе чего не растянула! Давай посмотрю на всякий случай? — предложил гладиатор.

Принцесса протянула ему ногу. Опустившись на колено, Бэйл осторожно ощупал лодыжку, щиколотку и голень целиком. Затем проделал тоже самое с другой ногой.

— Все в порядке, — подытожил он, поднимаясь. — Если не считать того, что я до крайности удивлен. Мышечный тонус серьезно увеличился. Изменились масса и упругость. Как результат, гибкость и подвижность. В общем, налицо серьезный прорыв в физическом развитии, и я, признаться, не знаю чем его можно объяснить.

— Тали три дня отсыпалась и отъедалась, — пояснила Илиана продолжительное отсутствие подруги.

— Было дело, — кивнула принцесса.

Бэйла кратко ввели в курс нехитрых последних событий.

— Понятно, — задумчиво произнес гладиатор. — Но это все-таки следствие, а не причина. Сном и усиленным питанием тело компенсировало резкий уровень происходящих изменений, а вот что его вызвало… Ладно, спишем на тренировки. Случай редкий, но не невозможный, особенно в юном возрасте. Колдунов среди нас нет, а такое все равно не под силу нашаманить даже чародеям. Пожалуй, на ближайшие дни мы внесем в комплекс упражнений некоторые изменения. Надо заново определить текущий уровень физического развития Талары, дабы скорректировать программу занятий.

— Вот теперь я точно не жалею что пошла к тебе в ученицы, дядя

Бэйл, — потянулась принцесса с наслаждением разминая мышцы. — Ну, кто хочет со мной наперегонки?..

В течение последующих нескольких дней энергия буквально била из принцессы ключом и Бэйл постарался не упустить это чудодейственное время, активно закрепляя достигнутый успех. И когда Талара наконец-то успокоилась и вошла в норму, перестав беситься и ходить на голове словно маленький растущий ребенок, она уверенно стала улучшать полученные навыки. Не только прыгучесть — все ее движения стали более быстрыми, а стремительные финты и выпады теперь следовало тщательно оттачивать, дабы полностью раскрыть весь их потенциал. Тренируя принцессу, Бэйл постоянно ловил себя на мысли что эта ситуация необыкновенным образом и практически полностью соответствует недавнему случаю с Сирелиной. Чародейка тоже совершенно неожиданно серьезно прибавила в физических возможностях, из-за чего гладиатор едва справлялся с ней в поединках, да и то не каждый раз, а в чем-то так и вовсе стал проигрывать. Разумного объяснения такому столь скоро повторившемуся феномену у гладиатора не имелось. Он лишь мог констатировать результат, ибо попытки нащупать его предпосылки терялись в бесплодных догадках. Более того, Бэйл также заметил, что Талара стала намного лучше и быстрее усваивать уроки, демонстрируя заметный рост мастерства. Она схватывала практически налету, и гладиатор заподозрил, что если так пойдет и дальше, то через годик-другой он воспитает настоящую амазонку. То-то ее царственный папаня обрадуется…

Сама-то принцесса была счастлива по уши. Теперь она явственно ощущала собственный прогресс и пребывала практически на седьмом небе, все более уверенно овладевая преподаваемой наукой, причем в невероятно сжатые сроки. Воодушевившись, Талара явилась к придворному оружейнику и вручила ему запасную кольчугу, пожелав сделать в ней необходимые изменения. Все-таки изначально доспех изготавливался на юношу и пятнадцатилетней принцессе для полноты удобства требовались кое-какие преобразования. Оружейник выразил известное сомнение по поводу запроса Талары, но та пригрозила написать отцу, если уж придворному мастеру столь не терпится получить приказ лично от хана. Пораскинув мозгами, придворный решил обойтись без вмешательства повелителя. Все-таки Талара не оружие же с него требует, так что ее каприз более чем безопасен.

Новый год промелькнул как-то быстро и незаметно, оставшись позади в череде сменявшихся один за другим дней. Ад-Сейдин остался в Аяз Моле, полностью поглощенный работами по созданию нового флота, и в столицу не приехал. Принцесса неко-

торое время посвятила празднику и сопутствующим ему развлечениям. При этом не забыла она и про Илиану. Во дворце подруги по-прежнему не появлялись вместе в обществе придворных, сохраняя существующий статус-кво, но зато вне его они могли вести себя совершенно свободно. И почти целую неделю, посвященную новогодним гуляниям, девочки пропадали в Солтенстиле в неизменной компании дяди Бэйла. А когда праздничные деньки подошли к концу, принцесса вернулась к идее с медальоном.

В одно прекрасное январское утро Талара заявилась в кабинет к специалисту по геральдике и прочим родовым премудростям, таща за руку слегка упиравшуюся Илиану. Этот специалист, тот еще педант, дни напролет безвылазно просиживал на своем рабочем месте, основательно запрятанном в настоящем лабиринте шкафов, стеллажей и этажерок. Все они были завалены старинными фолиантами, пожелтевшими свитками, стопками бумаги и иными вместилищами сведений обо всех когда-либо существовавших родовитых семьях Железных земель. Здесь, записанные в той или иной форме, должны были храниться упоминания о любых связанных с ними событиях, даже самых незначительных. Ханская библиотека по праву считалась одной из лучших в южных землях, а ее летописи — наиболее полными и достоверными. И если уж кто и мог помочь отыскать хоть что-нибудь указывавшее на родство с одной из знатных семей, то это придворный специалист по геральдике. Или, на худой конец, хотя бы какое-нибудь об этом родстве упоминание.

— Чем могу служить, ваше высочество? — поинтересовался сухопарый старичок в просторной коричневой с золотым мантии, которого обычно звали мастер Хольд.

— Мне нужны сведения об одной вещице. Есть ли о ней какие-либо записи в хрониках родовитых семей. О ней, или о том что на этой вещице изображено, — деловито сообщила принцесса.

— Могу я увидеть о чем идет речь? — задал старик вполне естественный вопрос.

Талара повернулась к подруге и сделала соответствующий жест. Иля, покопавшись под воротником, сняла с шеи медальон на цепочке и положила его на протянутую ладонь. Шагнув к геральдисту, принцесса вручила ему искомый предмет. Тот, немедленно вооружившись глазным увеличительным стеклом, которым обычно пользуются ювелиры, принялся рассматривать изящную безделушку. Принцесса его не торопила. Усевшись на краешек заваленного разными документами стола она молча оглядывалась по сторонам, совсем по-ребячьи побалтывая ногами. Иля, решив не следовать слишком вольному примеру подруги, тихонько устроилась

рядышком на простом добротном табурете.

Старик провозился с полчаса. Подкрутив поярче лампу, он старательно разглядывал медальон, то и дело меняя увеличительные приборы с разными особенностями линз. В какой-то момент он даже достал из стола набор небольших цветастых бутылочек и, осторожно капнув из пары флаконов на медальон, потер его мягкой тряпочкой. Талара, та еще непоседа, на сей раз проявила похвальное терпение, не отвлекая мастера Хольда ни единым звуком. Возможно, худой безобидный старичок относился к тем, кому принцесса симпатизировала, или, как минимум, не испытывала неприязни. Хотя не исключено что она просто благоразумно решила не мешать придворному мастеру заниматься ей же самой порученным делом.

— Гм, несомненно, любопытная вещица, — изрек, наконец, мастер Хольд, откладывая в сторону увеличительные инструменты и оставляя в покое бутылочки с их разноцветным содержимым. — Но с чего вы взяли, ваше высочество, что именно я могу помочь вам со сведениями о ней?

— Это медальон моей подруги, — сказала Талара, кивнув в сторону Илианы. — И, судя по всему, он при ней с самого рождения. При этом ее настоящие родители неизвестны — с малолетства она приемный ребенок.

— И что с того? — пожал плечами старик. — Вещь действительно примечательная, но и мир огромен. Надо быть более конкретными в области предположений, иначе можно искать вечно.

— Она знает старинный язык Железных земель, — пояснила Талара, делая заволновавшейся подруге знак "все, мол, в порядке". — Видимо, тоже с раннего детства, о котором ничего не помнит.

— Это правда, дитя? — подняв брови, спросил мастер Хольд. — Тебе действительно известен наш старинный язык?

— Я не уверена что я его знаю, — смущенно произнесла Иля. — Но я действительно понимаю вашу речь, и могу ответить вам точно также.

Свой вопрос старик, разумеется, задал на означенном языке, и на нем же услышал адресованные ему слова девочки.

— Ну! Что я говорила! — воскликнула принцесса, делая открытой ладонью подтверждающий жест.

Все больше удивлявшийся геральдист обменялся с Илей несколькими фразами, будто пытался подловить ее на заранее заученных ответах.

— Гм. Действительно любопытно, — наконец заключил он, вновь переходя на общепринятый диалект. — Больше всего меня поражает акцент. Он почти идеален. Чужаки обычно не могут овладеть

им до конца жизни, а эта девочка произносит слова так, будто я сам ее учил. Да, теперь я понимаю почему ваше высочество пришли именно ко мне. Не могу тут же услужить вам готовым ответом, но случай, бесспорно, занятный, и заслуживающий внимания.
— Так вы поможете? — живо спросила Талара.
— Чем смогу, — кивнул старик. — Сейчас мне на ум не приходит ничего похожего, но я попробую что-нибудь разузнать. И поскольку, как я полагаю, медальон вы мне не оставите, то позвольте хотя бы снять с него копию. Она понадобится, когда я буду изучать архивные записи. Да и сам рисунок, признаться, требует отдельного внимания. Мне отчего-то кажется, что это нечто большее, чем простой узор, но прямо сейчас я не готов выдвинуть какую-либо внятную версию.
Немного пошептавшись, девочки согласились. Весь необходимый инструментарий оказался у старика под рукой. Для начала он аккуратно перевел узор с обратной стороны медальона на бумагу, причем воспользовался разными методами, чтобы получить несколько вариантов отличительных особенностей и качества. Затем сделал восковой слепок, позволяющий в дальнейшем отлить гипсовую копию для большей визуальной точности. Мастер Хольд действовал очень умело, несмотря на возраст выполняя работу ловкими отточенными движениями. Ничего удивительного в этом не было. По роду своей деятельности геральдист частенько имел дело с различными фамильными принадлежностями, начиная от перстней и вензелей и заканчивая печатями и нагрудными знаками. Даже доспехи предков иногда подвергались его пристальному изучению, а их гербовый узор перекочевывал на бумагу и разбирался буквально по точкам. И алхимические принадлежности в наборе флакончиков играли свою прямую роль. С их помощью старик проверял суть металла и его качество, искал следы пайки, переплавки и иного подозрительного вмешательства. За свою многолетнюю практику мастер Хольд разоблачил множество подделок, но также определил и немало подлинников. Одним это стоило карьеры, свободы и даже жизни, а другим — наоборот, возвращало полагающиеся от рождения привилегии.

Когда старик закончил, он протянул Иле ее собственность. Медальон живо оказался на своем законном месте, а немного волновавшаяся девочка заметно успокоилась.
— Как скоро будут новости, мастер Хольд? — поинтересовалась Талара, наконец-то слезая со стола.
— Сразу трудно сказать, — отозвался старик, озабоченно почесывая в затылке. — Случай необычный, да и дел у меня немало. Но

ради вашего высочества я постараюсь выкроить часок-другой и навести справки побыстрее. Загляните ко мне через недельку, авось к тому времени я что-нибудь да выясню.
Талара, вежливо поблагодарив старика, удалилась, не забыв прихватить несколько смущенную всем произошедшим Илиану. Старик, пожелав девочкам всяческих благ, вновь уткнулся в свои бумаги. И лишь несколько позже озадаченно подумал, что принцесса, кажется, была в кольчуге поверх походного наряда.

Несмотря на то, что мастер Хольд периодически прибегал к алхимическим средствам, самих алхимиков он при этом недолюбливал. Впрочем, его неприязнь могла происходить и не непосредственно из-за их профессии. Слишком часто алхимия сочеталась с колдовством, а вот уже колдунов придворный специалист по геральдике не любил однозначно, как и большинство сограждан. Поэтому при виде типа в черной рясе, расшитой серебряными узорами, он не пришел в буйный восторг, а, поджав губы, поднял на посетителя нахмуренное лицо.
— Чем обязан? — коротко поинтересовался старик у посетителя.
— Мастер просил передать это, — сказал высокий плешивый тип, кладя на стол небольшую коробочку.
— А! Премного благодарен, — оживился геральдист, уяснив суть визита.
На днях он запросил у обитателей Нижних подземелий кое-что для своего нового задания. Раз уж сам повелитель держит эту сомнительную компанию на разные случаи жизни, то и ему, заслуженному придворному специалисту, не зазорно воспользоваться ее услугами. Особенно если речь идет о заинтересовавшей его лично просьбе любимой ханской дочери. Открыв коробочку, старик погрузился в изучение ее содержимого, к которому прилагалась небольшая инструкция на сложенном в несколько раз листке бумаги.
— Для чего вам это, мастер Хольд? Если не секрет, конечно, — поинтересовался алхимик.
Огладив седую бороду, старик решил, что будет попросту невежливо, если он проигнорирует вполне безобидный вопрос того, кто принес ему его собственный заказ.
— Хочу узнать примерный возраст одной вещицы. Так мне станет куда проще определить ее возможное происхождение, — сказал он, закрывая коробочку и убирая ее в ящик стола.
— Я думал, обычно для этого обходятся более простыми средствами, — удивился алхимик.
— Как правило — да, — подтвердил старик. — Но на этот раз я в некотором замешательстве. Ни внешний вид, ни форма, ни изображение, ни какие-либо иные признаки не сообщают мне хотя

бы приблизительной картины. Более того, они начинают вступать друг с другом в противоречия, особенно когда я как раз и пытаюсь использовать привычные алхимические инструменты.
— Это как это? — снова удивился посетитель.
— Что ж, не вижу ничего зазорного, если поделюсь своими наблюдениями, раз уж ты все равно здесь, Хиль, — подумав, сказал старик. — Может быть именно ты, как алхимик, сумеешь мне что-нибудь подсказать.

Мастер Хольд не называл имени никого из девочек. Талара попросила его никому об ее просьбе не говорить, да геральдист и сам без необходимости не привык выкладывать все направо и налево. Он беседовал лишь о технической стороне дела. А та действительно представляла собой известный интерес, ведь ради нее он даже попросил принцессу еще разок прийти со своей подругой и позволить ему провести ряд желанных опытов.

После тщательного изучения можно было сделать вывод, что медальон изготовлен вроде бы совсем недавно. Дело было не в материале — благородные сплавы не подвергались окислению даже по прошествии многих веков. Просто он слишком хорошо выглядел. Практически идеально! Ни единой царапины, скола, трещины или вмятины. Вообще какого-либо дефекта. Обнаруженные крохотные углубления оказывались задуманной частью узора, придававшие ему рельефность, а шероховатость обратной стороны также не являлась следствием потрепанности. Либо с вещицей очень хорошо обращались, прямо-таки заботливо лелеяли, либо она просто пролежала где-то в целости и сохранности. Предположение, в целом, несложное и вполне заслуживающее право на существование. Вот только дальше как раз и начинались несоответствия.

Первым из них оказался тест обычными алхимическими реагентами. Они вообще отказывались вступать с медальоном в какую-либо реакцию, а когда все-таки вступали, то постоянно давали разный результат. Один из немногих удавшихся опытов показывал, что предмет исследований действительно сделан не так давно, буквально в последние годы, а другой упорно свидетельствовал, что его возраст в силу древности вообще не поддается исчислению. Неоднократное повторение экспериментов результата не меняло — тесты упорно противоречили друг другу самым кардинальным образом.

Дальше оказалось только хуже. Вопросы стал вызывать уже сам сплав медальона, когда мастер Хольд решил оперировать с его компонентами. Наличие платины подтверждалось безусловно, но к ней примешивался еще какой-то металл, и вот его природу старику установить так и не удалось. Как он ни старался, а сущность

этого загадочного металла оставалась для него загадкой. Впрочем, он все-таки не был алхимиком, а всего лишь практиковал известные ему способы достижения результата. Поэтому, оставив в покое сплав, старик занялся камнем. Как и в случае с алхимией, он не являлся настоящим ювелиром, однако за свою долгую жизнь привык иметь дело с ценностями, и в результате довольно неплохо разбирался в драгоценных камнях. В сложных случаях он ходил советоваться с профессионалами, но обычно ему самому удавалось установить подлинность и основные особенности того или иного фамильного украшения. Вот только в данном случае мастер Хольд опять сел в лужу. Каплевидный рубин в центре медальона из белого сплава не был похож ни на один из виденных им прежде. Как и общее состояние медальона, он был идеален. В прямом смысле — через самое мощное увеличительное стекло нельзя было разглядеть в камне ни единого изъяна. Если по аналогии использовать шкалу оценки тех же бриллиантов, то чистота этого рубина... даже не единица, а круглый ноль. То есть едва ли существующий в природе благодаря своему совершенному строению. А его цвет при тщательном рассмотрении просто завораживал. При взгляде на него словосочетание "кроваво-красный" обретало свою подлинную характеристику, и все остальные камни с таким цветовым обозначением начинали казаться бледной подделкой. Возраст изготовления рубина также установить не удалось. Огранка же соответствовала его физическим качествам, и здесь чувствовалась рука великого мастера. Возможно, величайшего. Правда легче от таких открытий старику геральдисту не стало, ибо никак не выводило хоть на какой-нибудь след. С другой стороны, прибавилось и энтузиазма. Хольд пришел к выводу, что такая уникальная вещица вряд ли могла принадлежать простолюдину, а значит его, Хольда, профессия просто обязывает разобраться в этом интересном случае. К сожалению, и все остальные эксперименты с медальоном ни к чему толковому не привели. Имея на руках совершенно противоречивые результаты, старик окончательно запутался и решил прибегнуть к помощи куда более серьезной алхимии.

— Где эта вещица сейчас? — полюбопытствовал Хиль.

— У меня ее нет. Только гипсовый слепок, — качнул головой старик. — Позже надо будет пригласить владельца для нового опыта с принесенным тобой средством.

— А слепок не покажешь? — видимо заинтересовался алхимик.

Открыв ящик стола, Хольд выудил оттуда отлитую из восковой формы гипсовую копию. Он сделал ее весьма неплохо, хотя вязь на обратной стороне оставляла желать лучшего. Рисунок был настолько сложен и тонок, что ему не удалось передать всей его глу-

бины и особенностей исполнения. Впрочем, для сравнения с какими либо иллюстрациями в книгах этого казалось вполне достаточно. Приняв в руки слепок, плешивый алхимик повертел его в пальцах, присматриваясь к деталям.
— Должно быть, красивая штуковина, если она выглядит так как ты описал, — заметил он, не отрываясь от созерцания. — Не возражаешь, если возьму его с собой и дам взглянуть мастеру?
— Это еще зачем? — вновь нахмурился старик.
Под этим мастером подразумевался тип, которого Хольд уж точно не горел желанием видеть. Он редко показывался на людях, а когда порой все же выходил из Нижних подземелий, то его лицо всегда скрывал низко опущенный капюшон, под которым ни зги было не видно. Видимо, не просто так.
— Возможно, он сумеет помочь, — пояснил Хиль. — Мастер, разумеется, не такой спец по геральдике как ты, но если эта вещица имеет хоть какое-то отношение к колдовству, то его мнение может оказаться весьма полезным. А если нет, то ты, по крайней мере, будешь твердо об этом знать. Возможно слепок напомнит ему что-нибудь из виденного прежде.
— А при чем тут колдовство? — мрачно поинтересовался Хольд.
— Если медальон, как ты говоришь, слишком идеален, то не исключено что его изготовили при помощи чар, даже если он сам в себе их не несет, — глубокомысленно изрек алхимик. — Мастер повидал всякого. Его опыт может оказаться полезен.
— Да какое ему дело до моих забот? — все еще сомневался геральдист, пристально поглядывая на собеседника.
— Формально никакого, — согласился Хиль. — Но мастер всегда учил нас: никогда не проходи мимо чего-то необычного. Игнорируя нестандартные вещи ты либо упускаешь возможность познать что-то новое, либо не замечаешь опасность. Особенно он любит повторять это последнее время, после того как…
Тут алхимику вдруг пришло в голову, что распространяться придворному геральдисту по поводу щекотливых подробностей недавнего визита чародейки, пожалуй, не стоит. Об этом инциденте знали лишь обитатели Нижних подземелий, гвардейцы, да сам хан Гийюр. Хиль умолк, придя в некоторое замешательство, но ловко вывернулся, сочинив на лету подходящую историю. Затем вновь предложил обратиться за консультацией к мастеру. Хольд согласился не сразу, но алхимик убедил его, что просит не настоящую вещицу, обладателя которой он даже не знает, а всего лишь ее гипсовую копию. Вреда от этого не будет никакого, включая сглаз и наговоры, а вот польза не исключена. Так чем же геральдист рискует? Хорошенько подумав, старик нашел приведенные дово-

ды вполне разумными. В ином случае он предпочел обойтись бы без таких помощников, но на сей раз его терзало серьезное сомнение не преуспеть. И принцессу огорчит, и сам потерпит неудачу, ведь запрошенная неделя была на исходе. Да что там неделя? Хорошо если хватит месяца. Хиль же тоже не стал бы стараться почем зря ради чужих дел, но после разноса Дегониса, учиненного из-за вопиющих появлений Сирелины в святая святых, все подчиненные колдуна держали ухо востро. Обжегшись на молоке дули на воду. В результате алхимик унес гипсовую копию, пообещав сообщить какие-либо новости на следующий день, а запасливый мастер Хольд продолжил свои изыскания с другой. Листая пыльные фолианты и просматривая старинные иллюстрации он вовсю прикидывал когда бы попросить Талару ненадолго заскочить к нему вместе с подругой и ее интригующим медальоном.

В пригнанной по фигуре кольчуге принцесса чувствовала себя куда увереннее и действовала еще проворнее. Бэйл искренне радовался успехам ученицы, все чаще забывая что перед ним не простая девчонка, а ханская дочь. Причем не кого-нибудь, а самого Гийюра ад-Сейдина, развязавшего войну с доброй третью южных земель и явно не собиравшегося на этом останавливаться. Непосредственно с ханом Бэйл не враждовал, но технически он был на стороне своей подруги чародейки, а ведь та являлась властелину Железных земель настоящим и убежденным противником. Да и теперь уже их общая подопечная, девочка Илиана, также пострадала от рук хана Гийюра вместе со всем своим приемным народом. И ситуация в результате складывалась весьма запутанная, в которой, по правде говоря, гладиатору даже разбираться не хотелось. А именно кто кому кем приходится и что, собственно, со всем этим делать, особенно в перспективе. Здесь, пожалуй, в затруднении оказалась бы даже Сирелина, что, видимо, и происходило. Она присылала весьма подробные инструкции касательно Илианы, но шпиона из Бэйла до сих пор не делала, а насчет Талары ничего толком не сообщала. То ли боялась впутывать гладиатора из опасений навредить воспитаннице и ему самому, то ли никак не могла решить как поступить. Одно из немногих четких указаний, полученных Бэйлом, гласило никоим образом не злоумышлять против принцессы и всячески поощрять ее дружбу с Илей. Возможно у Сирелины имелся какой-то свой расчет, а возможно она никак не могла определиться, либо же просто считала морально неприемлемым вовлекать ни в чем не повинную Талару в международные распри. В итоге гладиатор просто принял по отношению к принцессе такой же статус-кво, как она сама к своей подруге Илиане: текущая ситуация воспринимается как должное, а

остальное не имеет значения. Поэтому, почти каждый день тренируя ханскую дочь, Бэйл все чаще видел перед собой лишь задорную и напористую девчонку, обладающую непростым, но явно добрым характером, и хорошо относящуюся к близким ей людям. А уж в напоре у Талары точно недостатка не было, и она с одинаковым упорством как добивалась своего у окружающих, так и наседала на учителя. Гладиатор ставил ее и на пару с Илей, но воспитанница чародейки имела куда более мирный настрой и не усердствовала так, как высокородная подруга. В результате обычно все заканчивалось одинаково: Талара отводила душу на Бэйле, старательно перенимая у учителя все больше нетрадиционных для принцессы знаний и навыков. Причем настолько неплохо, что тот всерьез начинал подумывать доверить ей тупой клинок. И однажды сие знаменательное событие действительно свершилось, после чего Талара, и без того все чаще разгуливавшая по дворцу в кольчуге, получила настоящий приступ эйфории. Меч, конечно, был тренировочным, но опытная рука и им могла натворить дел. Или неопытная, поэтому Бэйл строго-настрого запретил принцессе орудовать им где-либо самостоятельно. Рано еще. Но вот в упражнениях с ним лично — другое дело. Пусть рука привыкает к настоящему оружию, тем более что формально учебный клинок им и являлся, просто был туп дальше некуда. Друг с другом девочки по-прежнему упражнялись деревянными копиями, но на гладиатора Талара с превеликим удовольствием набрасывалась с новой полновесной игрушкой. Привыкла она к ней очень быстро, и с каждым днем управлялась мечом все более умело. Успехам принцессы радовались все трое, и подобные взлеты восторга ее словно окрыляли. После каждого подбадривания Илианы глаза у Талары просто горели. Наконец-то у нее в жизни по-настоящему что-то получалось! Что-то серьезное, что-то некогда совершенно недоступное! И окружавшие ее доверенные люди не только не мешают заниматься своими интересами, но и всячески в них участвуют. Это несомненно придавало принцессе новых сил, вызывало всплеск желания и энергии. И после каждого такого всплеска ее способности заметно шли в гору под удивленное одобрение учителя. Звон клинка, скрещивавшегося с клинком Бэйла, мелодично пел переполнявшим Талару энтузиазмом, а последовательность проигрываемых им боевых нот с каждым разом исполнялась все искуснее.

В отличие от подруги, Иля не щеголяла в кольчуге, которую принцесса также заказала подогнать и ей по фигуре. Поэтому когда очередная тренировка подошла к концу и запыхавшаяся Талара получила очередную порцию похвалы от тренера, не забывшего также указать над чем ей еще надо поработать, она стянула

доспех и аккуратно сложила его в сумку. Принцесса же снова осталась в боевом одеянии, разве что сняла шлем, высвободив хвост густых и черных как вороново крыло волос.
— Ты сейчас куда? — спросила она у собиравшейся подруги.
— Домой. А что, есть предложения? — отозвалась Иля.
— Да. Надо бы наведаться к мастеру Хольду. Он давеча просил нас еще разок к нему заглянуть. Говорит, хочет попробовать кое-что новенькое, — пояснила принцесса.
— Ну не знаю… — колебалась Илиана. — Тетя Далина хотела чтобы я немного помогла ей по хозяйству.
— Да мы ненадолго. Всего на часок, — уверенно сообщила Талара.
— Даже не надейся — я ведь так просто затею с твоим медальоном не оставлю, — добавила она, лукаво улыбаясь.
Вздохнув, Иля взвалила на плечо сумку и поплелась вслед за подругой. Бэйл, помахав им на прощание рукой, собрал тренировочный инвентарь и отправился своей дорогой.

— Здрасьте, мастер Хольд! — жизнерадостно воскликнула Талара, выруливая из-за книжных шкафов. — Как поживаете?
— А, ваше высочество! И вам добрый вечер. Очень рад вашему очередному визиту, — приветливо отозвался обычно невозмутимый старик. — Но позвольте, вы, кажется, как-то странно одеты, — присовокупил он, водружая на нос очки и с удивлением рассматривая посетительницу.
— Да, только что немного баловались на мечах. Так, ничего особенного, — невозмутимо бросила принцесса.
Заняв непринужденную позу, она положила руку в кольчужной перчатке на рукоять покоившегося в ножнах оружия.
— Гх-х-хм, — протяжно кашлянул геральдист, убедившись, что ему отнюдь не мерещится. — А разве это не опасно для столь юной и благородной дамы?
— Только для тех, кто не умеет обращаться с клинком, — усмехнулась Талара, окончательно повергая старика в замешательство.
Краем уха он был наслышан о причудах своенравной ханской дочери, но редко покидал свою часть библиотеки и лично похождения Талары не наблюдал. Вид наряженной как воин принцессы был его старомодному взору, мягко говоря, непривычен, и вызывал оторопь с примесью растерянности.
— А что ваша подруга? — робко спросил старик. — Она тоже?..
— Подруга со мной, — сказала Талара, вытягивая из-за ближайшего шкафа Илиану.
При виде куда более обыденно одетой второй девочки геральдист облегченно вздохнул. Двоих юных амазонок его привыкший к традициям разум мог бы не выдержать.

— Мастер Хольд, мы будем делом заниматься или обсуждать мои развлечения? — подмигнула старику Талара, поняв ход его смятенных мыслей.
— Что? А, да-да, конечно, извините, ваше высочество, — встрепенулся старик. — Просто я слегка удивился. Обычно юные особы, знаете ли… Тьфу ты, о чем это я? Медальон при вас?
Получив от Илианы вещицу, придворный специалист немедленно приступил к делу. Освободив на столе место, он открыл ящик стола, достал из него какую-то коробочку и аккуратно разложил перед собой ее содержимое. В центре стола мастер Хольд водрузил квадратную зеленоватую пластину, окаймленную сложным узором из слов, рунических символов и алхимических знаков. В ее центре, протерев поверхность неким прозрачным составом из маленькой бутылочки, он положил медальон с каплевидным рубином. Затем по углам квадрата разместил четыре небольших предмета, происхождением и нанесенными на них обозначениями символизировавших четыре стихии. Каждый из них он прикрепил к основанию особым воском, а затем также смочил их из еще одного стеклянного пузырька.
— Ну-с, приступим, — бодрым голосом сказал он неотрывно следившим за его манипуляциями девочкам.
— Что это, мастер Хольд? — с нескрываемым любопытством поинтересовалась Талара, задавая вопрос и от себя, и от машинально кивнувшей Илианы.
— Алхимический Плинт, — важно объяснил геральдист. — Смотрите, сейчас я…
И все свои дальнейшие неторопливые действия старик комментировал вслух, давая пояснения двум юным зрительницам.

Достав из коробочки флакон побольше, мастер Хольд вылил немного его содержимого на специальную ложечку, нагрел ее на пламени свечи, а затем выплеснул жидкость на лежавший по центру затейливой конструкции медальон. Та частично испарилась, испустив клубы красноватого цвета. Коснувшись пальцем выгравированного на пластине внешнего круга, старик потянул его в сторону и тот неожиданно стал поворачиваться, занимая требуемую позицию. Оказалось, что все четыре вложенных друг в друга кольца подвижны. Каждый соответствовал своей стихии, и каждый надо было подкрутить так, как подсказывал цвет образовавшегося облачка испарений, дабы начертанные на них символы заняли нужное положение. Из четырех флаконов мастер Хольд проливал нагретую жидкость на медальон, каждый раз насухо протирая его специальной тряпочкой, и четыре раза цвет получавшегося облачка сообщал ему как передвинуть очередное коль-

цо. Когда он закончил, высеченные на них знаки сложились в определенную, соответствующую проводимому опыту комбинацию. Именно это и требовалось перед тем, как выполнить заключительную и самую главную часть. Из последнего, пятого пузырька старик налил полную ложечку содержимого и нагрел ее так, что оно закипело.

— Сейчас, девочки, смотрите внимательно, — предупредил он, поднося ложечку к медальону. — Цвет испарения подскажет нам возраст испытываемого изделия. В прилагаемой к Плинту инструкции нарисована соответствующая таблица, по которой можно будет установить его приблизительное количество лет в пределах одного века. Не очень точно, но точнее нам сейчас и не надо. Самый незначительный проявит себя наиболее темным и холодным тоном, но чем больше будет возраст изделия, тем теплее и светлее окажется цвет.

Присутствующие затаили дыхание. Закончив пояснения, мастер Хольд вылил содержимое ложечки на медальон.

Радугу обычно наблюдают в другом месте: на небе после дождя, сквозь стекло на полу, в насыщенном влагой воздухе у водопада или в калейдоскопе. Никто не ожидал увидеть ее сейчас. Жидкость бурно испарялась. В считанные секунды она последовательно прошла все цветовые спектры, шедшие один за другим волнистыми полосами. Зрелище было невероятным и завораживающим, будто над медальоном протянулся радужный шлейф, или кто-то вытягивал из него раскрашенную в яркие сливающиеся друг с другом сегменты тонкотканую вуаль. Затем испарение налилось сиянием. Цвета сливались, становясь все ярче и ярче, и вдруг в один миг образовали единое пространство. Оно больше не имело какой-либо специфической гаммы. Оно было белым. Ослепительно белым. Белым как пламя горящего фосфора, как чистейшие горные снега, как оперение полярной совы. Потом полыхнула короткая сильная вспышка, резанувшая глаза удивленных наблюдателей. Свет от окончательно испарившейся жидкости напоследок достиг своего апогея, словно ударив к потолку плотным молниеносным лучом. Затем все исчезло. Алхимический Плинт вновь принял привычный безжизненный вид без малейшего намека на только что разыгравшееся видение.

— Ого! — воскликнула, моргая, Талара, как следует потерев пальцами веки. — Вот это представление! И что сие означает, мастер Хольд? Кажется, вы не упоминали такую иллюминацию!

— Понятия не имею! — отозвался не менее пораженный геральдист, растерянно изучая цветовую таблицу в инструкции. — Тут ни о чем подобном не говорится!

— Ну-ка дайте взглянуть! — скинув кольчужные перчатки протянула ладонь принцесса.
Отобрав у озадаченного старика потертый лист бумаги с потрепанными краями, она внимательно его изучила и пришла к выводу, что ничего даже отдаленно похожего на только что увиденное в нем действительно не описано.
— Должен был появиться какой-то один цвет, — растерянно сказал мастер Хольд. — А вместо этого они радугой пошли один за другим. От самого молодого, до самого старого.
— А про белый что-нибудь упоминается? — подала голос Иля.
— Белого в таблице нет, — мотнул головой геральдист. — А при чем тут он?
— Мы его тоже видели. В конце. Его составляют все цвета вместе. Они раскладываются из белого ввиду явления, которое называют дисперсией. Пройдя чередой, они слились в единое целое. Если каждый из цветов по отдельности означает какой-то возраст, то в совокупности они… его не имеют, — пояснила свою мысль Илиана.
При дисперсию девочка слыхала от Сирелины, а также неоднократно встречала ее упоминание в различных книгах, так что для нее такое предположение не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Она лишь позабыла что окружающие ее осведомленности могут и не знать.
— Сколько, говоришь, тебе лет? — похлопав глазами, машинально спросил старик.
— Весной будет десять, — смутилась Иля.
— Сколько?! — ахнул почтенный геральдист отваливши челюсть.
— Во-во! И я о том же, — подтвердила Талара.
Для нее-то, впрочем, начитанность и сообразительность подруги особым сюрпризом не являлись, но в данном случае она эмоции старика вполне понимала.
— Я думал тебе лет тринадцать, и то сомневался, — произнес до глубины души изумленный старик. — По виду ты не сильно отличаешься от ее высочества. Но даже для тринадцати лет такие речи — это слишком! Ты где-нибудь училась?
— А вот об ее прошлом мы и пытаемся с вашей помощью разузнать, — поспешно сказала Талара, придя на выручку подруге. — Давайте лучше сосредоточимся на этом, а не станем допрашивать бедную девочку откуда она нахваталась иной раз полезных, надо сказать, сведений.
— Безусловно вы правы, ваше высочество, — вздохнул геральдист. — Вот только мои надежды на Алхимический Плинт не оправдались. Возможно, я просто где-то ошибся в процессе проведения

опыта. Давайте повторим? На всякий случай.
Девочки не возражали. Старик быстренько привел в порядок пластину со всеми компонентами и аккуратно, постоянно сверяясь с инструкцией, проделал эксперимент заново. Результат не изменился. Блестя глазами, девочки не без удовольствия вновь наблюдали красивую, плывущую всеми цветами радугу, а под конец заранее прищурились от белоснежного света.
— Ерунда какая-то, — удрученно подытожил старик. — Что ж, извините, ваше высочество, не вышло. Буду дальше копаться в записях о фамильных символах. Их много, и работа довольно кропотливая, но авось и найду что-нибудь похожее. В любом случае сейчас мне остается только перелистывать многочисленные фолианты. Ну, заодно поинтересуюсь у владельца Плинта насчет этих радужных фокусов. Может просто прибор неисправен или компоненты просрочены.

Когда Талара и Иля удалились, старик еще долго сидел на своем стуле, покряхтывая и озадаченно поглаживая бороду. Злополучный Плинт, правда без медальона, так и красовался посреди стола, и мастер Хольд то и дело вызывал в памяти недавнее цветастое видение. Да и слова этой развитой не по годам девочки до сих пор звучали у него в ушах. Не то чтобы старик всерьез воспринимал мнение ребенка, хотя, признаться, находил его довольно оригинальным и даже не лишенным логики. Сказанное наводило геральдиста на мысль, что увиденное явление все-таки что-то означает. Уж слишком примечателен был эффект, и если он действительно не вызван какой-то ошибкой, то ему должно быть разумное объяснение.

* * *

Далеко на востоке, за тысячи миль правее Калихари и южнее диких дремучих лесов раскинулись бесплодные серые земли. Некогда вулканическая активность выжгла до пепла весь плодородный слой, и теперь поверх застывшего базальта и бурых отложений можно было наблюдать лишь неприглядный песок да острые осколки камней. Здесь попахивало серой и прочими характерными запахами, особенно когда ветер дул со стороны бескрайнего горного хребта, среди которого все еще курились большие и малые сопки. Хребет был могучим, необъятным и полностью безжизненным. Ни единой травинки не росло на склонах каменных громад, а их подножие не окружали леса и кустарники. В этих краях не водились даже грызуны, а птицы не парили в небе, оглашая просторы протяжными криками. На юг эти горы тянулись до самого

океана, а как далеко простирались они на восток было и вовсе неизвестно. Это были мертвые горы, и никто не рисковал забредать в них слишком далеко. Да и вообще забредать, ибо делать там человеку было решительно нечего, а флора и фауна более чем наглядно избегали селиться в мрачном и неприветливом месте. Раковой опухолью оно торчало из земли, и даже пустыня Калихари на его фоне казалась куда более приятной и дружелюбной. Скалы, глубокие разломы, ущелья, пропасти, отвесные стены и острые пики чередовались с дремлющими огнедышащими вершинами и каменистыми плато. Последние носили самый разнообразный характер: узкие и широкие, высокие и низкие, зажатые меж горных вершин и свободно протирающиеся к горизонту. Вид и форма у них сильно разнились, и только одно объединяло непременно — полнейшее отсутствие любых форм жизни. Почва была отравлена химическими соединениями, а чем дальше, тем больше воздух оказывался насыщен ядовитыми испарениями земных недр, поднимавшихся из бесчисленных трещин и разломов. Где-то там, в глубине, вовсю бурлили древние процессы, некогда и породившие эту громадную горную цепь. И некогда она, судя по всему, непрерывно извергалась, принося хаос и разрушения, затягивая небо черным дымом и уничтожая все живое на сотни миль вокруг. Извержения давно улеглись, а вулканы дремали, лишь изредка ворча и покряхтывая спросонья, но бескрайняя местность так и оставалась необитаемой. И кто знает сколько еще пройдет веков или даже тысячелетий прежде чем жизнь однажды возьмет свое и заселит эту чуждую ей обитель камней и пепла. С незапамятных времен известно было лишь одно: мертвые горы оставались мертвыми. Ни одна нога не ступала туда без крайней необходимости, а изредка забиравшиеся далеко вглубь смельчаки никогда не возвращались. Находили ли они свою смерть на дне коварной расселины или оказывались отравлены ядовитыми выбросами — этого никто не знал. Как до сих пор не знал и истинной протяженности зловещих серых земель. На картах их обозначали Dead End — Мертвый Конец, — и за ним не было ничего. Совсем.

Учитывая неприглядное соседство, края вблизи от этих гор не пользовались популярностью. Вместе с тем и совсем безжизненными как серые пустоши они не были. Здесь селились люди. Не слишком плодородная почва все-таки давала пускай и скудный, но урожай, в редких водоемах водилась рыба, а прерии и перелески населяла разная живность. Но люди эти, как правило, оказывались здесь не от хорошей жизни. Изгои, переселенцы, изгнанники, преступники, беглые рабы… Кого здесь только не было. Единожды попав сюда, они обычно уже никогда не уезжали обратно, оседая

на новом месте. Порой отдельно стоящие домики срастались в поселки, а иногда даже в небольшие городки. В них царили свои порядки, где закон поддерживался лишь на самом минимальном уровне, дабы не допускать откровенного беспредела. В остальном же люди жили как есть, и полагались лишь на себя, выживая в неприветливом окружающем мире. Торговые караваны сюда по большей части не забредали, но ради прибыли иногда все-таки захаживали, не скупясь на усиленную охрану. С ними порой прибывали желающие по каким-либо причинам удалиться подальше от цивилизации. Отшельники, потерянные души, одинокие странники… Они составляли незначительную часть остального весьма сомнительного контингента, но с ними, на удивление, и обращались несколько лучше. Добровольно, в отличие от многих других, выбравшие такую жизнь пользовались определенной долей уважения, и без веской причины их обыкновенно никто не трогал. С представителями же каких-либо властей наоборот — особо не церемонились. Во внешнем мире это прекрасно было известно, поэтому беглые каторжники, преступники, рабы и должники чувствовали себя здесь в относительной безопасности. Никто за ними не приезжал и облав не устраивал. Ведь при попытке подобного вторжения местные жители могли проявить редкое единодушие и сплоченно напасть на незваных гостей. Прежде такие прецеденты случались неоднократно, но со временем пошли на убыль и ныне происходили крайне редко. Урок был усвоен. Ради разного отребья рисковать своими людьми никому из правителей не хотелось, и лишь что-то поистине серьезное могло заставить некие власти сунуться на недружелюбную территорию. Носила она презрительное название Диртленд.

Заслышав чьи-то шаги, пожилой сутулый человек выпрямился и, приложив ладонь козырьком, беспокойно глянул в направлении источника звука. Видавшая виды мотыга, которой он только что копал неподатливую землю, качнулась в руке, перемещаясь так, чтобы из орудия труда при первой же необходимости послужить оружием. Зрением пожилой мужчина обладал неважным, поэтому ему понадобилось некоторое время прежде чем он признал объявившуюся фигуру и упокоился. К нему неторопливой походкой приближался такой же оборванец в потрепанных штанах и основательно прохудившейся куртке. Впрочем, этот наряд вполне подходил для работ на земле, да и красоваться тут особо не перед кем. Это был сосед. Небольшие и немногочисленные простенькие домики располагались друг от друга на расстоянии нескольких миль. Их низкие, покрытые лишайниками крыши смотрели в небо закопченными печными трубами, а стены, казалось, вросли в по-

крытую стелящейся бурой травой почву, и медленно, но верно погружались в нее все глубже. Окружающие хозяйственные постройки, приземистые и скособоченные, привлекательности также не добавляли, но для здешних условий и это было вполне неплохо. Ведь они находились прямо у Мертвого Конца, и местные жители ежедневно могли наблюдать один и тот же привычный пейзаж — возвышавшиеся поодаль горы, от которых почти до самой границы обработанной земли тянулась безжизненная серая почва. Даже по меркам Диртленда эти края пользовались дурной славой, но вместе с тем их несомненным преимуществом являлись удаленность и уединение.

— Здравствуй, Жиль, — поприветствовал гость, смуглый худощавый мужчина с бойкими темными глазами, подходя вплотную к хозяину небогатого надела.

— И тебе, Прус, не хворать, — отозвался сутулый. — С чем пожаловал?

— Да так, просто зашел тебя проведать. В твоих окошках света уж два дня не наблюдалось. Я подумал — мало ли чего случилось? — пояснил худощавый.

— А то меня издаля не видать, когда я с утра до ночи долбаю мотыгой эту неподатливую твердыню? — усмехнулся пожилой Жиль.

— Так и говори — поболтать зашел.

— Есть маленько, — не стал отпираться более молодой, лет на десять, Прус. — Тревожно мне что-то последнее время.

— А что так? — насторожился сутулый. — Видел кого не из наших?

— Нет, с этим все в порядке, — мотнул головой гость. — С людьми-то мы как-нибудь управимся, а вот с природой — нет.

— О чем это ты? — удивился Жиль.

— О земле. За последние полтора года ее уже дважды тряхануло. Гул из этих проклятых гор даже до нас докатился, — пояснил Прус, мотнув головой в сторону неприветливой гряды. — В прошлом августе это произошло первый раз, а недавно вот снова. В декабре то бишь, незадолго до нового года. И провалиться мне на месте, если один из этих больших разломов каждый раз не выбрасывал пепла и испарений! Мне даже кажется, что там, у подножия хребта, зазмеилась парочка новых. Только вот идти и проверять свою догадку уж больно неохота. Старый Граник вон пошел, да только его и видели!

— По-моему, волноваться не о чем, — хмыкнул сутулый. — Дело житейское. Потрясло и успокоилось. Эка невидаль.

— В том-то и дело что невидаль, — убежденно подчеркнул собеседник. — Старожилы говорят, никто такого и не припомнит. Эти

серые горы спят уже долгие века, и ни разу оттуда не доносилось никаких раскатов. А тут аж дважды за полтора года. Первый раз и я не придал этому особое значение, но второй раз громыхнуло так, что у меня аж посуда побилась. Задрожала сама земля, будто в ней зашевелился древний великан. Если эти горы пробудятся…
— То что? — нахмурился пожилой земледелец.
— А ты оглянись вокруг, — пригласил Прус. — Я кое-что слыхал по части геоморфологии, так как сам некогда был геологом, пока… пока… ну ты знаешь. Некогда этот хребет породила сильнейшая вулканическая активность. Если она осталась в прошлом, то и волноваться не о чем, а если нет, то предыдущим выбросам мы обязаны появлению серых земель. Даже если подобное повторится лишь отчасти, все живое на сотни миль вокруг погибнет. В почве Диртленда повсюду встречаются следы вулканического пепла и отложений. Они могли быть выброшены только действующим вулканом. А их тут много. И они не потухли — они лишь спят.
— Сам забрался к черту за пазуху, а теперь сам же и стращаешь? — усмехнулся сутулый.
— Старина, я серьезно, — нахмурился тощий. — Когда ветер дует с востока, тебе случалось видеть над горизонтом дымок? Жиль, это закурилась какая-то гора! Закурилась, понимаешь! Она спала тысячи лет и вдруг стала пробуждаться. Упаси небо, если я прав.
Гость говорил весьма убежденно, а его лицо выражало подлинное волнение. Мужчина с мотыгой помрачнел и внимательно оглядел означенную гряду, стараясь проникнуть взором за горизонт. Он и впрямь иной раз видал какую-то далекую дымку, но никогда не придавал ей особенного значения. Только Прус, видимо, знал о чем говорил, ибо некогда имел знакомых в научном сообществе.
— Да не, ты преувеличиваешь, — неуверенно сказал он, так и не углядев ничего подозрительного. — Но даже если твои предположения хотя бы отчасти верны, то что прикажешь делать?
— Гм. Ну так сразу и не скажешь, — несколько растерялся тощий. — Поверь, если вдруг одна из этих вершин взорвется и начнется полномасштабное извержение — бежать будет поздно. А если несколько, то и подавно. Но обычно такое не случается на раз-два. Я просто поделился с тобой своим беспокойством. Ибо если толчки будут продолжаться, а дымки усиливаться, то нам стоит быть наготове. В случае прямой опасности — собирать пожитки и делать ноги, а не дожидаться пока с неба посыплется пепел.
— Нам и идти-то некуда, — напомнил Жиль.
— Надеюсь, до этого вообще не дойдет, — честно сказал Прус. — Но если что, сбежим на другую границу Диртленда. Семьи у нас с тобой маленькие, так что управимся быстро.

Жиль заметно заволновался и вновь стал оглядывать вдруг показавшиеся как-то слишком враждебными горы. Вот еще не было печали. Будто и без того их жизнь не изобилует трудностями. Прус же, поделившись соображениями с приятелем, наоборот, почувствовал некоторое облегчение. Однако, заметив по лицу соседа какую он нечаянно посеял тревогу, тощий почувствовал укол совести. Кажется, перестарался.

— Да ладно, старина, я же ничего такого не имел в виду, — успокаивающе сказал он, похлопав товарища по плечу. — Не бери в голову. Я ж сказал: просто поделился с тобой своим беспокойством. Это только предположения. Возможно, я несколько преувеличил и сгустил краски.

— А, чтоб тебя! Умеешь же жути нагнать, — проворчал Жиль. — В следующий раз потрудись обойтись без своих диких фантазий. После твоих фирменных баек я потом ночами не сплю.

— Извини, — честно сказал Прус.

У него действительно с души отлегло. Должно быть, сказывалась простая человеческая психология: выговоришься — и собственные страхи отступают, будто посмотрел на них со стороны, вытащив на свет, и убедился, что ничего такого особенного в них и не было. В конце концов, парочка толчков действительно еще ничего не означает, а какая-то курящаяся сопка преспокойно может дымиться долгие годы, иной раз даже по мелочам попыхивая и поплевывая. Мертвые горы тихо стояли тысячи лет с тех пор, как улеглась бушевавшая в них демоническая стихия. Так с чего бы им вновь пуститься во все тяжкие?

— Ты бы еще моей старухе такое наплел. Вот уж кто бы по-настоящему оценил! — продолжал ворчать сутулый.

— Да ладно, старина, не серчай. Надо нам почаще общаться. Когда долго ни с кем не говоришь по душам — вот в голову и лезет всякое. С моими-то особо не поболтаешь, — посетовал Прус. — Знаешь что? Давай-ка я тебе помогу, а потом мы с тобой перекинемся в картишки да треснем немного моего фирменного пойла.

— А ты принес? — мигом оживился Жиль.

— А то! — довольно прищурился тощий, приподняв всю в заплатках куртку и похлопав по висевшей на поясе фляге.

— Ну это же совсем другое дело! — умиротворенно заявил пожилой мужчина. — При таком раскладе я согласен хоть всю ночь слушать про ревущие горы и прочие страшилки. Уж не знаю какой ты там гео... фром... фромолог, а самогонщик ты знатный. Все-таки научные знания приносят и настоящую пользу.

Прус рассмеялся, польщенный похвалой товарища. По местным меркам у него действительно получалось недурное варево, и иной

раз можно было неплохо скоротать вечерок, расслабившись под звездным небом и придаваясь далеким воспоминаниям о прошлой жизни. Жиль выдал ему вторую кирку, и они вдвоем с энтузиазмом принялись за дело. Земля действительно была как камень, но работа шла веселее, да и спорилась лучше, поэтому парочка закончила намеченный хозяином план еще задолго до наступления темноты.

Сумерки застали приятелей на лавочке возле дома. Негромко переговариваясь, они неторопливо потягивали перелитое в более удобную посудину содержимое фляги и с азартом шлепали по грубо сколоченному столу засаленными картами. Про серые горы уже никто и не вспоминал. Те же привычно маячили вдали, храня традиционное безмолвие и постепенно скрываясь в накатывающей с востока тьме.

– 15 –

— А не пора ли нам снова наведаться в Аберидж? — осведомилась Талара, воинственно размахивая воображаемым мечом.
Бэйл, мирно потягивавший душистый эль из большой глиняной кружки, поперхнулся и закашлялся. Стоял конец января. Маленькая компания устроилась на набережной, где за низким парапетом плескались волны Идлиса, а мимо проходили гордые парусные корабли и небольшие лодочки. Девочки угощались охлажденной смесью фруктовых соков, а гладиатор отдавал должное продукту одной из местных пивоварен. Ни пива, ни иже с ним он своим подопечным никогда не предлагал. В разных землях царили разные нравы. Где-то пятнадцатилетняя принцесса уже вовсю могла пить вино, а где-то даже девятилетней Илиане предложили бы глоток эля, да только Бэйл считал это категорически неприемлемым. Теперь уже трудно точно сказать было ли это его собственным мнением или продуктом влияния Сирелины, однако лет так до семнадцати выпить в присутствии гладиатора чего-нибудь алкогольного можно было даже и не мечтать. Принцесса, бесспорно, вольна делать что угодно, особенно у себя во дворце, но Бэйл подобное уж точно поощрять не станет.
— Чего это тебе вдруг вспомнилось? — отдышавшись, спросил покрасневший от натуги мужчина.
Вопрос застал его врасплох. Еще совсем недавно он радовался что Талара вроде бы оставила свою опасную затею, а тут на тебе! Ей ведь и не скажешь, что у гладиатора на руках имелось четкое указание чародейки: никогда и ни при каких обстоятельствах не соваться в Аберидж! Произошедшее там вызывало у нее самую серь-

езную озабоченность по целому ряду вопросов, и их обязательно стоило прояснить до того, как приключится что-нибудь еще. Возможно, куда более страшное.
— Да пора бы уже, — заметила Талара. — А то мы только Буса навещаем, а дальше ни ногой. Мне жутко хочется узнать что же спрятано в том запертом столе. К тому же я просто уверена, что там сыщутся и другие тайные места!
— А мне жутко хочется, чтобы вы остались целыми и невредимыми, — серьезно заметил Бэйл. — В прошлый раз нам очень повезло. В следующий удача может оказаться не на нашей стороне. За себя-то я не боюсь, а вот за вас, юные дамы, еще как!
— Но теперь я тоже умею держать меч! Теперь нас двое, — воинственно сказала принцесса, обрушивая воображаемый клинок на голову воображаемого врага.
Гладиатор невольно улыбнулся. Ученица, бесспорно, делала успехи и он всерьез начинал ей гордиться. Но надо чтобы она и не переоценивала собственные возможности.
— Талара, я даже не сомневаюсь что теперь, если тебе повстречается какой-нибудь обычный грабитель, то ты сумеешь дать ему достойный отпор, — честно сказал Бэйл. — Однако не забывай: тогда даже я сам едва управился с той взбесившейся железякой. К тому же мы понятия не имеем с чем там можно столкнуться еще. Против могущественного колдовства мы, скорее всего, окажемся бессильны.
— Это верно, — кивнула принцесса с типичной для нее хитрой физиономией.
— Да? Ты действительно со мной согласна? — с подозрением произнес гладиатор, которому это выражение ее лица становилось хорошо знакомо.
— Угу. Мы правда не знаем с чем там можно столкнуться, — подтвердила Талара. — Возможно, что и ни с чем. Совсем. И там валяется уйма всякого добра, которое никто и ничто не охраняет.
Нет, ну вот ведь неугомонная девчонка, а! Гладиатор проворчал что-то в кружку, а потом залпом опорожнил ее до дна. Умение настоять на своем, безусловно, пригодится ей как принцессе, но с таким упрямством и до беды недалеко.
— Так что? — переспросила Талара.
— По-моему, это плохая идея, — нахмурился Бэйл, отчаянно придумывая серьезный повод для отказа.
Если высокородная особа прямо сейчас надумает пуститься во все тяжкие, удержать ее будет крайне непросто. И одного лишь "нет" для ее увещевания явно не хватит.
— А ты что скажешь, Иля? — обратилась Талара к подруге.

— По-моему, дядя Бэйл прав, — заметила та, отрываясь от созерцания величественного брига, за которым гуськом плыли вверх по течению три каравеллы. — Возвращаться в Аберидж не зная с чем мы имеем дело слишком рискованно. Если на нем лежат злые чары, то мы можем попасть в большую беду. А то что там не без колдовства — это мы уже хорошо знаем.
— И как же мы что-нибудь выясним, ежели ничего не делаем? — возмущенно поинтересовалась принцесса. — В прошлый раз вы меня убедили. Давайте убеждайте и теперь. Какие конкретные шаги вы предлагаете, мои осторожные друзья?
Бэйл слегка растерялся, хотя пытался сохранить невозмутимый и даже суровый вид. Ведь если напористая девчонка узреет его замешательство, то ей вполне по силам продавить гладиатора до нужного результата — с нее станется. Он уже вовсю корил себя за то, что заранее не удосужился подготовить подходящий ответ, позволяющий отсрочить исполнение данного желания. При этом стоило отметить, что формально сейчас Талара была совершенно права. Ведь гладиатор не сообщил ей, что провел консультацию с чародейкой и теперь ждет от нее сведений. Иле-то он сказал, а вот принцессе…
— Тали, это не так просто, — мягко сказала Илиана, приходя на выручку дяде Бэйлу. — Без помощи специалиста нам самим очень трудно разобраться. Я читаю кое-какие книжки, но и по ним выходит так, что в Абериджке может быть опасно.
— Какие такие книжки? — удивилась принцесса. — Разве мы брали нечто подходящее в дворцовой библиотеке?
— Нет. Я просила купить их дядю Бэйла. Там много полезных сведений о разного рода колдовстве. Просто я не хотела тебе говорить, ведь это почти запретная тема. Надеюсь, ты не рассердишься, — пояснила Иля.
В такой откровенности у нее имелся и свой небольшой расчет. У Илианы становилось все больше присланной Сирелиной литературы, где, помимо прочего, имелся и общеобразовательный курс основ чародейства, который в обители преподавали даже простым ученицам. Хотя девочка до сих пор ловко прятала книги в тайнике и на чердаке, однажды Талара могла застукать ее с подобным чтивом. Лучше уж придумать ему подходящую легенду заранее. Особенно теперь, раз уж всплыла тема Абериджа. В письме чародейка просила свою воспитанницу быть осторожнее с этим местом, поскольку даже ей пока непонятны таящиеся там силы.
— Рассержусь? Конечно рассержусь! — сделала большие глаза принцесса. — Если ты мне их не покажешь. Жуть как интересно! — добавила она, наслаждаясь появившимся на лице подруги ис-

пуганным выражением.
Некоторое время девочки шутливо препирались, пихая друг друга локтями и выясняя кто там кому чего должен. Затем, вскочив со стульев, помчались к ближайшему пирсу. Бэйл, радуясь что его временно оставили в покое, вновь наполнил свою кружку из запотевшего кувшина. Кажется, на сей раз обошлось. Однако к следующему лучше быть готовым удержать принцессу от сумасбродной затеи, пока она не наломала дров. Приглядывая за видневшейся неподалеку беззаботной парочкой, гладиатор с наслаждением потягивал пенистый эль и находил все-таки вполне приемлемой степень послушания неугомонной Талары. Ух как он ошибался!..

В последний день января троица наведалась навестить Буса. Иля, памятуя данное ему обещание, старалась не забывать ластившееся к ней животное, а против таких визитов не возражала и Талара. Она-то знала о способности подруги, и, в отличие от гладиатора, видела в этих встречах нечто большее. А сегодня даже сама предложила сходить проведать полосатого отшельника. Илиана охотно согласилась.

Кота было не узнать. На регулярно приносимых ему харчах он отъелся так, что еле пролезал в привычные лазы и щели, и даже ходить стал вразвалочку как заправский вельможа. Шерсть его блестела и пушилась, голодные зеленые глаза сыто пожелтели, а хвост теперь поднимался трубой только при виде знакомых людей. Всех остальных он по-прежнему избегал и игнорировал, однако известную ему троицу занес в исключения и всячески выказывал ей свое расположение. Бус и Таларе дал себя погладить, но в основном крутился вокруг присевшей рядом с ним Илианы, беседуя с девочкой на лишь им двоим понятном языке. Тактично не мешая подруге общаться с четвероногим приятелем, принцесса тихонько отошла в сторонку, а потом медленно пошла вглубь правой части двора, рассеянно поглядывая по сторонам.
— Ты куда это? — осведомился Бэйл.
— Пойду гляну на старый фонтан. Мне он кажется довольно интересным. Жаль только сильно захламлен. Отчистить бы... — невозмутимо отозвалась Талара, шаг за шагом продвигаясь по заросшему двору.
— Я с тобой, — озаботился гладиатор.
— Да ладно, дядя Бэйл, в самом-то деле! Здесь же не дремучий лес и не трущобы с грабителями. Вон он виднеется — и двух сотен ярдов нет. Что там со мной случится? Не надо уж совсем ходить следом как нянька — я этим и во дворце сыта по горло, покорнейше благодарю, — сказала принцесса не без обиды в голосе.

Гладиатор почувствовал укол совести, особенно когда заметил обозначившееся на лице Талары красноречивое выражение. Возможно, он и в самом деле перебарщивает. Девочке это может быть неприятно, ведь только в их с Илианой обществе она чувствует себя по-настоящему свободной.
— Хорошо. Просто я за тебя беспокоюсь. Мало ли что, — ласково пояснил Бэйл. — Прогуляйся, конечно. Только будь осторожна.
— Само собой, — кивнула Талара, и, поправив рюкзак, неторопливым шагом продолжила путь к проглядывавшему сквозь разросшиеся заросли сооружению.
Время на осмотр у нее точно было. Илиана провозится с котом еще не менее четверти часа, поскольку общение с ним носило достаточно специфический характер. Принцесса же все равно ничего не понимала без перевода подруги, а делать его при Бэйле было бы довольно неосмотрительно.

Посолидневший Бус подумывал завести семейство. Раз уж у него все так удачненько складывалось, кот вполне мог пригласить к себе пару кошек и основать небольшую колонию. До сих пор он ревниво оберегал свои владения от чьего-либо проникновения, но сейчас, когда ежедневные заботы о насущном пропитании отпали, мог позволить себе подумать о чем-нибудь еще. Илиана, почесывая и поглаживая кота, коротко рассказывала ему об увиденном в городе. Больше всего Буса интересовал речной порт. Сам он там не бывал, но чувствительное кошачье обоняние улавливало доносившиеся оттуда запахи, и они дразнили животное своей насыщенностью и разнообразием. Вот уж где точно всегда есть чем заняться! Со слов девочки Бус уже знал, что там обитают самые настоящие портовые коты, числившиеся в штате служащими. Обилие крыс делало такую меру отнюдь не лишней, и мохнатые сторожа бдительно несли свою вахту, состоя при каждом складе, пирсе и пакгаузе. Впрочем, сам Бус туда отнюдь не рвался, хотя и хотел бы при случае побывать. Все-таки он недолюбливал людей, и непрерывно находиться в их сутолоке ему придется не по нраву. Дворцовый комплекс в этом плане подошел бы ему куда больше. Кошачье племя там тоже уважали и ценили, хотя и условия существования отличались. Иля в очередной раз предложила коту перебраться во дворец, но он, подумав, отказался и теперь. Там он станет "одним из", а здесь, если все сложится хорошо, родоначальником и предводителем новой колонии. А таким могли похвастаться крайне немногие.

Закончив общение с котом, Илиана, скормив ему последнюю порцию вкусняшек, слопанных им, несмотря на общую сытость, с превеликим удовольствием, выпрямилась и поискала глазами

спутников. Бэйл обнаружился неподалеку, с удивленным любопытством посматривавший как она возится с полосатым котярой, издавая забавные звуки и оживленно жестикулируя. Поскольку животное отвечало ей полнейшей взаимностью, то и зрелище оказывалось весьма занимательным. Гладиатор и предположить не мог что происходило на самом деле, полагая, что речь идет о дрессировке и без того на редкость смышленого Буса. Поняв что представление окончено, он встал с обросшей мхами и травой каменной скамьи и приблизился к девочке.

— А где Тали? — спросила Илиана, покрутив головой по сторонам и не обнаружив подругу.

— Там. Фонтан рассматривает, — вытянул руку гладиатор.

Иля глянула в указанном направлении, но, как не силилась, принцессу не увидала.

— Талара! — крикнула она, и эхо ее звонкого голоса прокатилось меж стен безмолвного Абериджа. — Талара, иди сюда!

В ответ ей была одна лишь тишина. Девочка вопросительно взглянула на Бэйла. Тот в свою очередь позвал принцессу, но она не отзывалась. Бормоча себе под нос что-то про несносную девчонку, гладиатор широким шагом направился вглубь правой части двора. Илиана припустила следом.

Талары нигде не было. Местность вокруг фонтана пустовала, хотя по примятой траве можно было догадаться, что она действительно какое-то время бродила вокруг. Собственно, здесь ее и видел Бэйл, пока его внимание окончательно не переключилось на Илиану с ее питомцем.

— Куда же она подевалась?! — воскликнул Бэйл, чье беспокойство стремительно росло с каждой секундой.

— Подругу ищете? — поинтересовался прибежавший следом Бус, ткнувшись Илиане в ноги. — Она прошла вон в ту дверь. Я чую ее запах.

Для гладиатора, разумеется, все это выглядело затейливым мяканьем теревшегося о девочку полосатыми боками кота.

— Бус думает, что она пошла туда, — заявила вдруг Иля, тыкая пальцем в видневшуюся неподалеку приоткрытую дверь.

Огорошенный гладиатор похлопал глазами, соображая откуда вдруг такие догадки, но следующая фраза окончательно вывела его из душевного равновесия.

— Но ее запах теперь идет оттуда, — добавила девочка, не спуская глаз с крутившегося рядышком мякающего Буса.

До сих пор можно было предположить, что Талара удалилась с глаз по вполне естественным причинам. Теперь это предположение рассыпалось на глазах, поскольку не имело ни малейшего смысла

уходить в развалины здесь, а затем отправляться в противоположное крыло, ибо именно туда сейчас указывала Илиана. Если только…
— Проклятье! Я знаю куда понесло эту девчонку! — воскликнул гладиатор.

Талара обнаружилась ровно там, где и предполагалось. Зная как отпирается секретная дверь, она проникла внутрь потайного помещения и деловито вскрывала запертые ящики стола. Когда на пороге объявился сердитый и донельзя взволнованный Бэйл, она уже успешно выпотрошила всю левую секцию и приступила к правой. Орудуя ломиком и фомкой, она образовала между ящиком и столешницей небольшой зазор, куда тут же приладила похожий на тиски механизм. Теперь можно было крутить специальный вентиль, а вставленные в зазор металлические губы начнут отдалятся друг от друга, таким образом вытягивая упиравшийся ящик из стола. Что ж, в сообразительности принцессе не откажешь, чего никак нельзя было сказать о послушании.
— Ну знаете, ваше высочество! Будь вы моей дочерью, я бы вам как следует всыпал! — сердито заявил гладиатор, гулкими шагами приближаясь к Таларе.
Его голос громыхнул под сводами подземелья и унесся в коридор. Следом за стремительно идущим гладиатором поспешала Иля, а у входа, не решаясь переступить порог, виднелся мохнатый Бус. С кота вполне хватило прошлого раза и он успел сообщить Иле, что не горит желанием соваться в это помещение снова.
— Принцесс бить нельзя, — невозмутимо отозвалась Талара, поднимая на Бэйла озорной взгляд. — Поглядите лучше как у меня хорошо получается!
— Таких коварных, своевольных и непослушных — можно! — убежденно заявил гладиатор, подходя к столу. — Чем ты вообще думала, несносная девчонка?!
На всякий случай Талара, оставив в покое приоткрытый ящик, бочком-бочком отодвинулась в сторону. Уж больно рассерженным выглядел Бэйл, буравивший ее нахмуренным взором.
— Тали, ну разве так можно?! — огорченно воскликнула Илиана, подбегая к подруге. — Мы за тебя так испугались! Ведь это же очень опасно!
— Но ведь со мной ничего не случилось, — отозвалась принцесса, чувствуя себя гораздо спокойнее в объятиях повисшей на ней подруги. — Видите, все хорошо.
— А если бы нет? — мрачно спросил Бэйл. — Талара, честное слово, неужели ты не понимаешь что так делать нельзя? Мы бы с Илей никогда себе не простили, если бы с тобой что-нибудь про-

изошло!
— Вы не хотели со мной идти, — надулась принцесса. — Что мне оставалось делать?
— И поэтому ты обманом заманила нас в Аберидж, а затем, усыпив мою бдительность, отправилась прямиком сюда? Судя по набору инструментов, как я погляжу, ты затеяла это загодя и воспользовалась нашим доверием, — сурово констатировал Бэйл.
— В ваших устах это звучит как-то уж слишком дурно, — опешила Талара. — Не все же так плохо, а?
Однако на лице ее помаленьку появилась растерянность, поскольку прозвучавшие слова заставили ее взглянуть на произошедшее с другой стороны.
— Я обещал тебя сопровождать и охранять. Я не обещал помогать твоему самоубийству, — веско напомнил гладиатор.
— Я могла бы и приказать, — отозвалась принцесса.
Повисла небольшая пауза. Вздрогнув, Иля чуть отстранилась от подруги, внимательно посмотрев на нее большими влажными глазами.
— Но тогда я потеряю друзей. Я это прекрасно понимаю, поэтому никому из вас и не приказываю, — продолжила, нарушив неловкое молчание, Талара. — Но и от своего мне отказываться, знаете ли, очень не хотелось. Поэтому я и придумала вот такой выход. Возможно, я несколько погорячилась. Мне жаль, если я доставила вам несколько неприятных минут. Правда.
Илиана улыбнулась, и промелькнувшая в ее сиреневом взоре болезненная грусть бесследно испарилась.
— Надеюсь, что в следующий раз ты будешь действовать осмотрительнее и не станешь нас так дурачить. С друзьями принято считаться, — неожиданно куда более миролюбиво произнес Бэйл.
Он оценил сказанное Таларой. Пятнадцатилетняя ханская дочь четко сознавала грань, по другую сторону которой находятся пусть даже и верные, но слуги. Это было важное открытие, и пренебрегать им не стоило. Заодно гладиатор сообразил, что она, судя по всему, только что извинилась. Просто по-своему, поскольку, будучи принцессой, за всю свою жизнь делать этого вообще не привыкла.
— Будете дальше меня пилить, или посмотрите что я нашла и поможете мне? — спросила Талара примирительным тоном.
— Ой, покажи, покажи! — оживленно воскликнула Иля, отпуская подругу и ища глазами.
— Ладно, после поговорим, — проворчал оттаявший Бэйл. — Показывай.

Помимо всяких непонятных бумаг на невесть каких языках,

в левых ящиках обнаружилось несколько отличных находок одна лучше другой. Большое малахитовое пресс-папье, инкрустированное золотом и жемчугом с золотой же ручкой, составило компанию ларчику красного дерева с узором из слоновой кости, полному золотых и серебряных монет, и небольшому бархатному мешочку, в котором сыскалась целая пригоршня драгоценных камней. Правда огранка у них была очень странной ромбической формы, будто их предполагалось использовать совсем не как украшение. Впрочем очевидной ценности находки это ничуть не умаляло.

— Ух ты! — восторженно приговаривала Иля, рассматривая добычу, поглаживая пальчиком ларец и перебирая камни.

Впечатлило даже Бэйла. Алчностью гладиатор не страдал, но найденное в столе понравилось и ему.

— Ну вот, а вы были против! — торжествующе заметила принцесса, продемонстрировав извлеченное из ящиков. — Я еще подумаю делиться с вами ли нет. Как ругаться — так все горазды, а пожинать плоды, небось, тоже всем охота. Только без меня бы ничего этого вы не нашли.

— Без Или мы вообще бы не попали в этот тайник, — добродушно напомнил Бэйл.

— Что правда, то правда, — вздохнула Талара. — Что ж, я не жадина. Здесь на всех хватит. Только теперь давайте посмотрим что в правых ящиках.

Азартное, что и говори, занятие — искать сокровища. Особенно когда они действительно нашлись, и теперь каждый новый объект потенциально таит в себе еще какие-нибудь ценности. Изначально казавшаяся не слишком примечательной комната все-таки преподнесла несколько приятных сюрпризов, и даже охочая до кладов Талара была теперь вполне довольна. Уступив инструменты гладиатору, она отодвинулась на шаг от стола и, сгорая от нетерпения, следила как мускулистый мужчина осваивает придуманный ей способ взлома. Поскольку руки у Бэйла были несравнимо сильнее, то и результата он достиг оперативнее. Один за другим ящики подались, являя глазам охотников до приключений свое содержимое. Здесь обнаружились находки иного рода. В первом сыскалась большая массивная печать из белого металла, сродни той, что в прошлый раз лежала прямо на столе, но с совершенно другим оттиском. Во втором, в изящно украшенных ножнах, кинжал искусной работы с крупным драгоценным камнем на рукоятке и узорными разводами на лезвии, среди которых читались какие-то письмена. В третьем покоилась продетая в золотое кольцо связка ключей.

— Что скажешь, дядя Бэйл? Стоящая штука? — спросила прин-

цесса, протягивая гладиатору оружие.
Тот внимательно осмотрел кинжал, и, имея прошлый опыт, крайне осторожно попробовал остроту лезвия. Она оказалась ничуть не хуже уже висевшего на его поясе древнего меча.
— Изумительный клинок, — резюмировал Бэйл, возвращая находку принцессе. — Под стать тому, что мы уже заполучили. Будь осторожна, Талара, он невероятно остер! Запросто можно остаться без пальцев.
— Я же не совсем дура, — усмехнулась принцесса. — Даже до того как ты стал учить меня обращаться с оружием я и то понимала, что не стоит почем зря хвататься за лезвие. И я помню твое предупреждение: те клинки и правда острее бритвы.
Печать, выполненная не то из платины, не то из белого золота, привлекала своим очевидным весом. Более склонная к художественной части Илиана изучила оттиск, где была изображена сеть замысловато скрещенных линий и какие-то крупные буквы, а по периметру змеилась непонятная надпись. В ее ладошке массивная штуковина казалась не то молотком, не то дробилкой.
— Будет чем орехи колоть, — сказала Талара, оценив массу и габариты находки. — В любом случае такой кусок платины стоит о-го-го и на дороге не валяется. Даже фамильная печать моего отца и то меньше по размерам.
— Хорошо бы узнать кому она принадлежала, — робко сказала Илиана, откровенно жалея старинную вещь и явно не желая пускать ее на переплавку. — Возможно, это важная историческая реликвия.
— Хорошо бы, — кивнула принцесса. — Так она будет стоить еще больше. Ладно, разберемся. Клади пока в рюкзак.
Туда уже отправились все предыдущие находки, и теперь к ним, аккуратно уложенная Илей, добавилась и тяжелая печать. Оставалась лишь связка ключей. Повертев ее в руках, принцесса показала позвякивавший набор Бэйлу, но тот только пожал плечами. Ключи перекочевали к Илиане.
— Я вот что думаю, подруга, — глубокомысленно изрекла Талара. — Если есть ключи, должны быть и замки. Как считаешь?
Иля кивнула, старательно ощупывая пальчиками связку. В их кончиках ощущалось легкое знакомое покалывание. Похожее с ней уже происходило при изучении панорамы и узора на стене, и каждый раз заканчивалось удивительным открытием. Девочка еще не понимала что это значит, но, подозревая какую-то до сих пор ускользавшую от нее связь, невольно затаила дыхание. Только сейчас она уж точно не могла сообразить в чем может заключаться секрет. Ключи как ключи. Золотые с белым, со сложным рельефом

бородки и крупными дужками разной формы. Что-то они, безусловно, открывали, но как узнать что именно?
— Я тоже думаю, что они не просто так, — протянула Илиана, не переставая перебирать ключи. — Но мы с тобой до сих пор не видели ни одного подходящего замка.
— Значит, все самое интересное еще впереди! — воскликнула принцесса с мигом загоревшимися глазами. — Надо только как следует поискать!
— Не знаю. Возможно на них самих есть подсказка, — предположила Иля. — Посмотри, на каждом из ключей в основании дужки есть плоскость с рисунком. И все они разные.
Живо приникшая принцесса впилась взглядом куда было предложено и пришла к выводу, что подруга совершенно права.
— Взгляни! — воскликнула она, тыкая пальцем. — А вот на этом такой же узор как и на ведущей сюда потайной двери!
Означенный ключ был одним из трех самых крупных. Глазастая Талара не ошиблась — рисунок на круглом пятачке дужки был точь-в-точь как на стене в коридоре, таившей в себе проход в секретное помещение.
— Что бы это могло значить? — пробормотала принцесса ни к кому особенно не обращаясь.
Выбрав означенный ключ из связки, Илиана принялась пристально его рассматривать, поглаживая пальчиками по толстому гладкому стержню. Дверь открывалась с помощью скрытого механизма, так при чем же здесь эта штуковина с бородкой? Такой же хитрой, как и остальные, с одним опоясывающим кольцом под самой дужкой с узором и одним прямо посередине стрежня. Положив большие пальцы каждый по свою сторону центрального кольца, Иля задумчиво двигала их туда-сюда, будто протирала гладкую, без единого изъяна поверхность. Она делала это скорее машинально, в такт плывущим в голове мыслям, но вдруг в какой-то момент осознала, что одна часть ключа немного сдвигается относительно другой аккурат вокруг означенного центра. Проверяя свое открытие, Иля перехватила ключ поудобнее и, взявшись за бородку, приложила целенаправленное усилие. Поддавшись велению ее пальцев, та легко провернулась вокруг своей оси.

Дверь в помещение закрылась. Совсем как в прошлый раз, когда вслед за тем взбесились мирно покоившиеся в стеклянном шкафу доспехи. Теперь они валялись в сторонке безжизненной грудой, но лица всех присутствующих невольно обратились к ним, ожидая нового нападения.
— Что, опять начинается?! — воскликнул враз посерьезневший гладиатор, кладя ладонь на рукоять меча.

— Я ничего не трогала! Честно! — пискнула струхнувшая Талара.
Ответить ей никто не успел. Каменные плиты под ногами троицы искателей приключений вздрогнули. В следующее мгновение потолок быстро стал уходить вверх, а они неожиданно почувствовали какую-то странную легкость в теле. Вместе с потолком туда же почему-то отправилась и входная дверь, да и вообще все, что имело отношение к стенам тем или иным образом. И лишь когда подрагивавший пол снова замер, до троицы дошло, что это не комната самым непостижимым образом унеслась куда-то ввысь, а опустились они сами. Опустились стоя там, где стояли, вместе со столом и всем тем, что оказалось не прикручено к стенам. Весь пол помещения целиком самым загадочным образом ушел в разверзшуюся под ним глубину.
— Вот говорил я!.. — в сердцах воскликнул Бэйл, выхватывая меч, но тут же сдержал свой громкий голос.
— Я не при чем! Я пальцем ничего не тронула! — оправдывалась не на шутку перепуганная принцесса.
— Т-с-с-с! — зашипел, приложив палец к губам, гладиатор. — Тихо. Ни звука.
Девочки поняли его с полуслова. Прежде чем орать и выяснять отношения следовало для начала разобраться куда они попали, пока кто-нибудь им не помог самым нелицеприятным образом. Первое замешательство исчезло, на смену которому тут же пришло жутковатое изумление.

Вокруг царил полумрак. Зажженные факелы остались в оказавшейся наверху комнате, и теперь их неясный отблеск виднелся в верхней части глубокого прямоугольного колодца, на дне которого маленькая компания имела удовольствие очутиться. Ни у кого из троицы света с собой не было, и вместе с тем все видели более-менее сносно, хотя и не настолько хорошо, чтобы тут же разглядеть где оказались. Поэтому и не сразу стало понятно: призрачное освещение исходит от того, что поначалу можно было принять за темные стены. Вместо них по периметру колебалась полупрозрачная дымка, за которой клубилась непроглядная тьма. Однако никто еще не успел как следует ужаснуться, как вдруг впереди, там где некогда был выход из помещения, зажегся белый плафон, осветив своим рассеянным светом обнаружившуюся под ним большую закрытую дверь.
— Что бы это значило? — пробормотал Бэйл, держа клинок наизготовку и не переставая озираться, ежесекундно ожидая нападения.
Вокруг все было спокойно, и никто не изъявлял желания учинить незваным гостям какую-нибудь пакость. Впрочем, по этому пово-

ду гладиатор уж точно не расстраивался.
— Интересно, а что будет, если сунуть туда руку? — с невольным интересом спросила Талара, кивая в призрачную занавесь.
— Я тебе сейчас суну! Тебе заняться нечем? — мрачно осведомился гладиатор. — Завязывай уже с экспериментами. И так втянула нас в очередную историю.
— Да я-то тут при чем? — фыркнула принцесса. — Никто ничего не трогал. Я не знаю что случилось. Но ты прав.
— В чем? — невольно переспросил Бэйл.
Вместо ответа Талара скатала лежавший на столе лист бумаги и подошла к маячившей в трех ярдах позади стола призрачной стене. Бэйл и охнуть не успел как она сунула скрученный лист прямо через барьер. Эффект получился удивительным. Оказавшаяся по другую сторону часть бумаги озарилась голубоватым светом, засияв в клубах тьмы будто маяк в штормовую ночь. Принцесса, подивившись на примечательное зрелище, осторожно вынула бумагу назад и изумилась еще больше. Побывавшая за стеной часть продолжала сиять, распространяя вокруг свет куда более яркий, нежели у какой-нибудь переносной лампы.
— Кажется, я только что изобрела бесплатный факел, — констатировала Талара, удовлетворенно изучая творение своих рук.
Чертыхнувшийся Бэйл вынужден был признать, что очередная выходка принцессы на деле обернулась существенной пользой. На пару с Таларой они сообразили, что отнюдь не сторона тьмы заставляет светиться оказавшуюся в ней поверхность. Это делал призрачно колеблющийся барьер. В него, как в смолу или воду, можно было окунуть любой предмет, и он тут же начинал испускать мерный голубоватый свет.
— Иля, держи, — сказала Талара, протягивая подруге импровизированный факел.
Оставив в покое ключ, Илиана приняла скрученный пергамент, конец которого превратился в недурной осветительный прибор. Пока пришедшие в себя спутники осматривались и изобретали волшебные лампы, она, опомнившись, пробовала вернуть бородку обратно. Иля не знала имел ли ее поворот отношение к тому что произошло или нет — она просто пыталась сопоставить между собой хоть какие-то действия. Увы, дурацкий ключ сидел как влитой, и более поворачиваться явно не собирался ни в ту, ни в другую сторону. В нем заключалась причина внезапно уехавшего вниз пола или нет — установить это никак не получалось.
— Интересно, а что будет, если уронить что-нибудь в темноту? — снова поинтересовалась неугомонная принцесса.
Зажегшийся белый плафон каким-то загадочным образом разо-

гнал все окутавшие было троицу страхи. Беспокойство, разумеется, осталось, но накатывавшая жуть отступила. На смену им к спутникам быстро вернулись присущие черты характера.
— Прыгни туда сама, — посоветовал Бэйл. — Авось избавишь нас от еще больших неприятностей.
Принцесса не обиделась, оценив шутку по достоинству. Показав гладиатору язык, она тихой сапой направилась к видневшейся двери. Та выглядела поистине мистически, поскольку прямо-таки выступала своей рамой из призрачного барьера на фоне разливавшейся за ним непроглядной тьмы.
— Ты куда это? — опешил Бэйл.
— Мы можем стоять здесь столбами в надежде что пол сам собой поднимется вверх, а можем пойти и глянуть куда ведет эта дверь. Учитывая что мы понятия не имеем как управлять подъемом, я выбираю второе, — заявила Талара.
— То есть тебя даже не смущает окружающая обстановка? — поразился гладиатор.
Принцесса объяснила. Конечно она, как и спутники, находится под серьезным впечатлением от этого места. Одни стены чего стоят! Но это все-таки не повод ударяться в панику и бездействовать. Ждать у моря погоды или хорошенько осмотреться — для нее выбор очевиден. Не исключено, что именно за этой дверью они разберутся как попасть обратно наверх. Альтернатива — не покидать опустившейся вниз комнаты, причем неизвестно как долго. Может быть, еще пару тысяч лет.
— Тали права, — неожиданно поддержала подругу Илиана. — Мне тоже очень не по себе, но стоит посмотреть что там дальше. Хотя бы одним глазком. Быть может, мы найдем какой-нибудь другой выход.
Выслушав аргументы юных компаньонок, Бэйл вынужден был признать, что они не лишены логики. Да и храбрости девчонкам не занимать. Принцесса только что жалась к нему испуганным котенком, а вот уже с любопытством оглядывается по сторонам и преспокойно намерена впутаться в новые неприятности. Даже обычно куда более рассудительная Иля с ней согласна! Нет, решительно эта парочка друг друга стоит. Колдовство, видимо, не пугает их, а тянет как мотыльков на огонь. А оно здесь есть! Зримое и незримое одновременно; безмолвное и пугающее.
— Шут с вами, бесенята. Только я пойду первым, — смирился Бэйл, осторожно проследовав к двери.
Что-то ему это все очень сильно напоминало, но что именно он все еще не мог сформулировать. Ответ, впрочем, не заставил себя ждать. Красивая лакированная дверь черного дерева, вся в сереб-

ряных узорах и с красивой витиеватой ручкой была не заперта. Бэйл осторожно потянул ее на себя, а когда та бесшумно приоткрылась сунулся в образовавшийся проем. Затем, пораженный увиденным, распахнул ее настежь и шагнул внутрь. Следом за ним юркнули сгоравшие от любопытства девочки.
— Колдовские сады! — выдохнул пораженный гладиатор.
Ошибки быть не могло. Нечто подобное ему доводилось наблюдать в обители, когда по разным причинам он оказывался в обширных оранжереях чародеек. Там, помимо самых обычных растений, пусть и собранных со всех концов света, располагались и особые залы, поддерживавшиеся исключительно за счет волшебного искусства сестер. Это место не принадлежало только одному, привычному для людей миру. Чары пронизывали его насквозь, вплетая сокрытую ткань мироздания в живую материю, позволяя создавать немыслимой красоты и свойств творения, воплощая то, что в естественных условиях существовать попросту не способно. Виденное им сейчас отличалось по форме и содержанию, но это несомненно были колдовские сады.

Сразу после комнаты с подъемником раскинулась огромная зала, наполненная множеством самых разнообразных растений. Меж огромных клумб и отдельно стоящих кадок от центральной аллеи протянулись выложенные кирпичом дорожки. Каждый клочок земли устилал растительный ковер, из которого вверх и вширь тянулись травы, кустарники и даже деревья. В воздухе стоял густой аромат цветов, а плодоносные ветви протягивали вызревшие благоухающие плоды. Полупрозрачные лепестки неземных соцветий светились призрачным светом, а над обширными зарослями порхали огоньки светлячков. Благодаря такой необычной и красивой подсветке здесь уже не царил полумрак, хотя и до полноценного освещения тоже было далековато. По виду здесь утвердились сумерки, какие бывают в густом цветущем саду когда солнце только что скрылось за горизонтом. Этот эффект давал льющийся с потолка свет. Вместо привычной каменной кладки здесь тихо светилась окрашенная в цвета алеющего заката поверхность, похожая на призрачный барьер из предыдущей комнаты. Казалось, у нее отсутствовала какая-либо плотность, и из неопределенной дымки, похожей на утренний туман в лощине, равномерно струились мягкие живительные лучи, насыщавшие раскинувшиеся под ним буйно разросшиеся посадки. Неискушенному глазу могло даже почудиться, что дело происходит под открытым небом, затянутым слишком низко опустившейся пеленой — из-за оптического эффекта расстояние выглядело очень обманчивым и потолок казался гораздо выше чем он был на самом деле. Стены выглядели

под стать потолку: их зачарованная поверхность прямо-таки олицетворяла вплетение иной сущности. Пропуская ее порождающий волшебство поток, они чуть подрагивали, колеблясь как пустынный мираж. Вместо мрачных унылых камней, тронутых сыростью и плесенью, глазам наблюдателей представали нерукотворные непрерывно менявшиеся узоры, где сами волны доселе незримого эфира на мгновение обретали видимые очертания. По ту сторону лазуритового видения, казалось, находится сама первозданная бесконечность.

— Ух ты-ы-ы!.. — восторженно протянула Талара с вытаращенными глазами.

— Как красиво… — прошептала восхищенная Илиана. — Но откуда здесь все это? Я думала, такое может быть только…

Не договорив, она озадаченно взглянула на Бэйла. Тот понял незаконченный вопрос. В отличие от гладиатора, Илиана сама не видела творения сестер обители, но Сирелина успела ей многое порассказать, и про оранжереи не забыла. Некогда подаренную девочке розу с голубоватыми лепестками чародейка призывала как раз из похожего места.

— Иля, я не знаю, — честно ответил гладиатор. — Понятия не имею откуда это взялось и как такое вообще возможно, — добавил он, поймав вопросительный взгляд принцессы.

Окончательно забыв про все свои страхи, троица принялась бродить среди чудесного сада, рассматривая его фантастическое изобилие. Гладиатор, впрочем, относился к открывшемуся зрелищу спокойнее, поскольку ему уже доводилось видеть подобное прежде. К тому же оранжерея чародеек была намного обширнее и красивее. Подземный оазис Абериджа тоже был хорош, но Бэйл быстро стал подозревать, что это скорее аптекарский сад, нежели приют флориста. В посадках чувствовалась очевидная практичность, цветов было намного меньше чем у сестер, а многие растения так и вовсе носили слишком специфический характер, призванные не столько радовать глаз, сколько служить какой-то иной цели. Чародейки, понятное дело, тоже многое выращивали не просто так, но творения их рук носили куда более эстетический характер, в которые умелые мастерицы вкладывали душу. Розы с голубыми лепестками, к примеру, и вовсе не несли никакой полезной нагрузки кроме откровенной красоты, полюбоваться которой, увы, за пределами колдовских садов можно было не более суток.

— Я хочу вырастить такое во дворце! — заявила Талара, в очередной раз жадно оглядываясь по сторонам. — Надо нарвать здешних цветов, набрать плодов. Должны быть семена. Когда я выращу такую красоту, все от зависти почернеют.

— Прости, Тали, но ничего не выйдет, — покачала головой Илиана. — Ничто из этого не сможет находиться в обычных условиях. Не рви, пусть себе растут. Они могут жить только здесь.
Илиана вкратце объяснила подруге суть колдовских садов, сославшись на очередную книжку, когда раздосадованная принцесса осведомилась откуда ей это известно.
— Ладно, верю, — разочарованно вздохнула Талара, оставляя мысли прихватить с собой часть местной флоры. — Ты у меня ходячая энциклопедия. Уж не знаю где только успела нахвататься. Даже в колдовстве начинаешь соображать. С другими же советую не откровенничать. Со мной ты в полной безопасности, но далеко не все оценят твои знания по достоинству. Кстати, дядя Бэйл им ничуть не удивлен, из чего я делаю вывод что для него это не новость. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но тебя наверняка учил не только твой дедушка, но и тетушка, которая и прислала дядюшку позаботиться о племяннице. Я права?
Бэйл только крякнул. Принцесса оказалась настолько недалеко от истины, что такими темпами и до разоблачения недалеко. Вот ведь догадливая девчонка! Еще несколько таких проколов и она, чего доброго, сообразит кем является эта самая тетя.
— Отчасти, — уклончиво ответила Иля, не желая лгать подруге, но и не имея возможности сказать правду. — Она помогала мне с некоторыми науками.
— Познакомишь меня при случае, — без всякой задней мысли бросила принцесса, исчезая за ближайшими зарослями.
Бэйл и Илиана озадаченно переглянулись.

Подруги довольно долго бродили по чудесному саду, не в силах оторваться от его созерцания. С упиравшихся в потолок древесных стволов свисали целые гирлянды флюоресцирующих лиан и мха, среди которых порхали крохотные волшебные мотыльки. Облачка круживших над кустами светлячков, ничуть не потревоженных неожиданными гостями, неторопливо вились в воздухе, позволяя оказываться прямо в их удивительном рое и едва не прикасаться руками. От душистых и терпких ароматов растений слегка кружилась голова. Легкие наполнялись пьянящими запахами. Их многообразие будило разыгравшееся воображение, соблазнительно нашептывая о неких иных мирах, куда более чудесных чем унылая обыденная действительность. Они не дурманили — нет, но манили, звали куда-то за собой, и, казалось, стоит остаться здесь, в этом волшебном саду, и завеса реальности действительно отдернется, уступив место чему-то поистине фантастичному и давно желанному. Так проявлялось воздействие скрытой ткани мироздания, к которому были восприимчивы лишь обладавшие

чародейским даром, и которая здесь вплеталась в каждую частичку пространства колдовского сада. Проявлялось настолько сильно, что даже простые смертные могли ощутить его прекрасные отголоски.

Все растения живые, хотя к сожалению не все люди об этом помнят. В колдовском же саду это зачастую становилось особенно заметно. От прикосновения пальцев некоторые цветки еще сильнее озарялись чарующим светом, испуская поистине упоительное сияние. Другие наоборот — отдергивали лепестки, закрывая раскрытые чашечки с блестевшими внутри каплями нектара. Внутри полупрозрачных стеблей пульсировала сама жизнь, и можно было воочию наблюдать как струится, течет по ним волшебный живительный сок. Даже грибы, многие из которых флюоресцировали также как лианы и свисающий с веток мох, вели себя по-разному при приближении людей. Одни спокойно давали себя потрогать, другие, как и цветы, отзывались игрой огоньков, а находились и такие что, сложив шляпку как зонтик, испуганно прятались в землю самым неожиданным образом. Деревья же, как наиболее развитые из представителей флоры, казалось, тихо перешептываются между собой, дивясь на объявившихся в их убежище посетителей. Их ветки тихонько покачивались при видимом отсутствии ветра, а шелестевшие листья и иголки вызывали тот самый шепчущий эффект, причем даже чародейки не могли сказать наверняка действительно ли это какой-то способ общения, либо же просто чистейшая игра воображения.

Неотступно следовавший подле девочек Бэйл и сам невольно любовался открывавшимися красотами, однако его, в отличие от непрерывно восторгавшихся спутниц, ненадолго забывших про все на свете, волновали куда более насущные заботы. Он-то как раз ничего не забыл, и в частности то, куда они угодили. Покуда Талара и Илиана во все глаза рассматривали чудесные растения, дивясь на их потрясающие краски, свет и разнообразие, отдавали должное мистическому потолку и стенам, и то и дело позволяли себе что-нибудь потрогать, гладиатор прикидывал как они будут отсюда выбираться. Сможет ли он, если что, вскарабкаться наверх по отвесной стене? Ее кладка не выглядела цельным монолитом, и в ней оставалось достаточно прорех и зазоров чтобы цепкому скалолазу было за что зацепиться. Какой-нибудь профессионал почти наверняка осилил бы такое препятствие, хотя до верхнего края, кажись, взбираться было ярдов сто, но Бэйл, к сожалению, таким мастером не был. Он мог лишь рассчитывать на свою физическую силу и ловкость — достоинства, бесспорно, полезные, да вот только хватит ли их для выполнения столь трудной и ответственной

задачи? Если он полезет вверх и, не рассчитав имеющихся возможностей, сорвется, то может таким образом лишить девочек последнего шанса на спасение. Ведь нет никакой гарантии что они узнают как подъемный механизм запускается в обратную сторону. Если вообще запускается, а не является очередной ловушкой. И другого выхода может и не быть, а если даже таковой некогда и существовал, то не факт что в силу разных причин он все еще доступен. В общем, та еще проблема, и если девочки в силу своего юного возраста и неопытности еще не до конца осознали всю серьезность их положения, то Бэйл на сей счет переживал куда больше. До поры он почем зря решил не расстраивать своих спутниц, но сам отдавал себе отчет, что они рискуют застрять здесь на неопределенное время. С колдовскими садами смерть ни от голода, ни от жажды им не грозила, но даже такое прекрасное узилище вряд ли является предметом мечтаний. А искать их будет попросту некому. Разве только Сирелина догадается о возможном местонахождении маленькой компании, но к тому времени как она объявится в Аберидже и обнаружит разверзшийся колодец могут пройти годы. И то при условии что чародейка найдет потайную дверь и сообразит как ее открыть.

Из чародейских садов выводила только одна дверь помимо той, через которую пришла маленькая компания. Обе они находились по разные концы центральной аллеи и теперь, закончив обход чудесной оранжереи, девочки вернулись прямиком к ее розовым кирпичам. Ввиду зачарованных стен какие-либо потайные проходы представлялись крайне маловероятными, а посему искатели приключений в итоге подошли к единственно возможному дальнейшему пути. Вторая дверь была под стать первой, разве что серебряный узор на ней выглядел иначе. Вновь обнажив клинок, Бэйл, отогнав девочек в сторону, осторожно потянул ручку. Дверь беспрекословно подалась. То ли внутренние перегородки здесь принципиально не запирались, то ли в этом не было ни малейшего смысла. Открывшийся взору вытянутый зал напоминал по виду нечто среднее между холлом какого-нибудь сельского замка и обеденной комнатой одновременно. В противоположной его части виднелась другая дверь, которых слева и справа оказалось еще по две штуки. В центре же размещался довольно длинный стол с придвинутыми к нему стульями. Толстенный слой пыли свидетельствовал о том, что за него давным-давно никто не садился, не занимая ни одно из добрых двух дюжин посадочных мест. Ничуть не более ухоженно выглядевшие канделябры еще хранили в себе огарки свечей, а мраморная поверхность столешницы — следы какой-то давно истлевшей тканой утвари. Высокий, с узорной рез-

ной спинкой стул во главе стола явно предполагал хозяйское место, кем бы он ни был, а остальные ничем друг от друга не отличались. Сработанные добротно, из массивного мореного дуба, они до сих пор не рассыпались в прах при неосторожном прикосновении. Увы, нельзя было сказать тоже самое о некогда украшавших стены гобеленах. Об их былом присутствии теперь оставалось лишь догадываться по металлическим креплениям, сохранившим обрывки потерявшей какую-либо структуру ткани. Остальное безвозвратно оказалось уничтожено безжалостным течением времени. Света в открывшемся глазам спутников помещении не было, но у них в руках по-прежнему ярко светились скрученные листы бумаги, побывавшие в призрачном барьере. Впрочем, в рюкзаке запасливой Талары помимо инструментов имелось и несколько факелов, поэтому очутиться в полной темноте никому не грозило. Стоявшие на столе канделябры, похоже, были золотыми, но сейчас даже принцесса поумерила свой пыл искательницы сокровищ, ограничиваясь исключительно осмотром.

Путешественники неторопливо обошли залу, а затем осмотрели прилегающие к ней комнаты. Похоже, это было убежище какого-то колдуна или алхимика, а скорее всего все сразу, причем в первую очередь рабочее, а потом уже жилое. Во всяком случае, расположение комнат и их видимое назначение указывали в пользу этой версии. Небольшая спальня без особых изысков соседствовала с библиотекой, а та, в свою очередь, граничила с лабораторией, до отказа набитой различными техническими приспособлениями. Здесь же имелась и кладовая, в которой некогда хранились запасы провианты. От снеди, понятное дело, ничего не осталось, но вот содержимое банок и бутылок никуда не делось. Правда и пользы от него не было, поскольку еда пришла в полнейшую негодность, а вино превратилось в уксус. Последнее Бэйл рискнул проверить, откупорив одну из бутылок и осторожно пригубив содержимое.

Чем дольше троица бродила в давно забытом подземелье, тем больше сходилась во мнении о его предназначении. Кому бы оно некогда ни принадлежало, этот человек уединялся здесь для работы и проведения экспериментов, но порой приглашал и гостей, о чем подсказывал стол с большим количеством стульев. Встречи, скорее всего, носили деловой характер, поскольку угощение для посетителей имелось, а спальные места — нет. При этом лаборатория вмещала несколько рабочих мест, а это предполагало наличие группы помощников. Убежище колдуна-отшельника или же приют безумного ученого — кто знает какие цели и задачи некогда преследовались канувшими в лету обитателями. Ответ на этот вопрос,

возможно, могли бы дать имеющиеся записи, но их язык никому из присутствующих не был понятен, и слишком многие документы обращались в пыль стоило их только потревожить.

— Занятное местечко, — подытожила Талара, когда осмотр оказался закончен. — Ценностей, правда, маловато, зато здесь можно устроить отличное тайное логово! Можно сказать, на всем готовом. Только хлам выкинуть да прибраться.

— Было бы неплохо для начала уяснить как из этого логова выбраться, — заметил Бэйл. — Потом хоть свою резиденцию сюда переноси.

Здесь он был совершенно прав: сколько троица не искала, а к понимаю как им попасть обратно до сих пор не приблизилась. Не слишком-то воодушевляющее обстоятельство.

— Не забыли? Тут есть еще одна дверь, — напомнила Иля.

Зала заканчивалась внушительной аркой, внутри которой имелся последний неисследованный проход, перекрытый мощной створкой выполненной из металлических листов и стянутой металлическими же скрепами. Это была первая не деревянная дверь, встреченная на пути, и ее внешний вид наводил на известные размышления.

— Заперто! — констатировал гладиатор, потянув гладкую полированную ручку.

— Причем непонятно на что, — подчеркнула Талара. — Смотрите, замка-то нет!

Оспорить ее реплику не получилось. Сколько троица не искала, а никаких признаков внешнего или внутреннего запора не имелось. Возможно, дверь отпиралась приведением в действие скрытого механизма, если только вообще не была закрыта изнутри. Последнее навевало довольно мрачные мысли.

— Если она открывается не отсюда — это неспроста, — пробормотал гладиатор.

— Кто бы там ни заперся, он давно уже преставился, если ты об этом. Бояться нечего, — неуверенно сказала Талара.

— Бояться надо не тех, кто заперся, а того, из-за чего запиралось, — нравоучительно изрек Бэйл не слишком-то веселым тоном. — Однако нам, видимо, не удастся заглянуть внутрь. Не зная как отпирается эта дверь за нее не попасть. Это железо даже тараном не выбьешь.

Тут, словно в насмешку над гладиатором где-то внутри могучей створы послышался негромкий щелчок. Стоявшая позади спутников Иля шагнула вперед и потянула ручку. Тяжелая дверь медленно стала подаваться. Талара и Бэйл, поглощенные изучением препятствия, не видели, как Илиана, задумчиво потирая лоб, разгля-

дывала начертанный в верхней части дверной панели символ. Затем, выудив из наплечной сумки связку загадочных ключей, поочередно перебрала их, и в основании одной из дужек обнаружила точно такое же изображение. Ухватившись за бородку ключа, Иля быстро повернула ее вокруг своей оси. В следующую секунду раздался означенный щелчок, увенчавший собой короткий монолог опешившего гладиатора. Выйдя вперед и взявшись за ручку, Иля лишь последним штрихом проверяла мелькнувшую у нее догадку. И, судя по всему, она оказалась более чем верна.

Объяснить что произошло девочка толком не успела. Теперь между ключами и последующим действием для нее прослеживалась очевидная связь, хотя в ней имелся и непонятный прокол. А именно, если подъемник действительно сработал от поворота соответствующей бородки, то почему он точно таким же образом не включился в обратную сторону? Может быть, ключи задействуют механизмы лишь однократно? Включить могут, а вернуть в прежнее состояние — нет? Иля могла бы изложить спутникам свою теорию, но им в данный момент оказалось не до этого. Живо оттеснив девочку, Бэйл уже вовсю занимался дверью, а рядом, сгорая от любопытства, крутилась неугомонная Талара. Гладиатор, видимо, решил, что с расспросами с чего это вдруг подалось непреодолимое препятствие можно и обождать. По крайней мере до тех пор, пока не выяснится что творится по другую сторону. Принцесса, похоже, оказалась с ним солидарна. Илиана же, раз уж такое дело, решила привести в порядок собственные мысли, прежде чем поделиться со спутниками своим открытием. К тому же дурацкий подъемник на ключ все равно не реагировал, а значит и спешить с признанием особо некуда.

— Ну, что там? — нетерпеливо спрашивала Талара, еле удерживаясь от того, чтобы не шмыгнуть гладиатору под локоть.

Вместо ответа, поднатужившись, Бэйл приналег на тяжелую дверь и распахнул ее полностью.

Внутри было светло, даже светлее чем в колдовском саду. Прямо от входа и на полсотни ярдов вперед протянулись белые мраморные плиты сводчатого зала, потолок которого тонул в витавшем под ним полумраке. Высокие арочные проемы боковых стен, стрелообразно сходясь в вышине, поддерживали каменную кладку. Внутри арки заполняла густая непроглядная тьма. Это было неестественно и удивительно, поскольку в относительной близости от них тянулись ряды мраморных постаментов, всей своей поверхностью испускавших ясное свечение. На большей их части покоился какой-нибудь предмет, будь то книга или хитроумный инструмент неизвестного предназначения. Свет от постаментов

уверенно озарял всю залу, и на этом фоне наблюдать завесу кромешной тьмы было весьма необычно. По всей вероятности она тоже имела колдовское происхождение, иначе объяснить наблюдаемый эффект с разумной точки зрения не получалось. Выглядели эти арки тьмы довольно зловеще, но более ничто не свидетельствовало даже о малейшей опасности. Если не считать означенных мраморных постаментов, зала была абсолютно пуста. Убедившись в этом, Бэйл осторожно шагнул внутрь, а следом за ним вошли и девочки.

Первым попавшимся на глаза предметом оказалась детская игрушка. Кукла, если точнее. Фарфоровая голова, длинные светлые волосы, красное шелковое платье, нарядные башмачки и искусно выполненные пальчики — она блистала новизной и казалась только что вышедшей из рук умелого мастера. Талара, не удержавшись, протянула было к ней руку, но неожиданно наткнулась на невидимый барьер. Следующие несколько попыток также не увенчались успехом, зато позволили сделать быстро подтвердившееся заключение. Каждый предмет, словно куполом, оказался окружен незримой преградой, не желавшей пропускать через себя ни пальцы непрошенных гостей, ни что-либо еще. Все что оставалось делать застрявшей в подземелье троице — это рассматривать выложенные как в музее экспонаты. Какой-либо связи между ними не прослеживалось. Они были совершенно разного вида, состояния и предназначения, и единственное что их объединяло — полная недоступность прикосновений.

В самом конце залы, в кругу голубоватого света виднелся еще один постамент. В отличие от остальных, двумя рядами выстроившихся неподалеку от стен, он находился строго по центру. В нескольких ярдах за ним зала заканчивалась, и иного выхода из нее не наблюдалось. На означенном постаменте оказалось что-то поистине странное. Не успели искатели приключений пройти и полпути, как то, что смахивало на большой стеклянный шар, неожиданно осветилось. Внутри, переливаясь всеми красками, забурлила, заходила ходуном какая-то неведомая субстанция. Она то выглядела густой как кисель, то будто становилась бесплотной, превращаясь в чистую энергию света. Не будучи, по всей видимости, ни тем, ни другим, субстанция колыхалась внутри шара в каком-то непрерывном, необъяснимом движении, невозможном с точки зрения своего вместилища и каким-то бесконечным по сути. Проплывавшие за выпуклым стеклом волны испускали разноцветные колебания, и они то будто выливались изнутри, из некоего центра, а то вихрились по окружности, периодически пульсируя усиливающимся светом. Залу наполнил шепот. Сначала едва уловимый,

он становился все громче по мере того, как все ближе подходили к нему люди и все ярче разгорался загадочный шар. Не прошло и минуты как он наполнил собой все пространство, отражаясь от камней и мрамора, незримо витая в воздухе и проникая в уши шуршащими звуками. Это был не простой шелест, каковой сопровождает потревоженные ветром ветви или полотна скользящей ткани, это был именно шепот. Слов никто не понимал, но вместе с тем отчетливо ощущалось что это именно слова и исходят они от наполнившейся мистическим свечением сферы. Впрочем, не совсем никто. Пока Бэйл и Талара усиленно старались разобрать неведомую речь, Илиана вдруг смертельно побледнела. Замерев на месте, девочка впилась взором в переливавшийся шар, зрачки ее расширились, а дыхание затрепетало.

— Он говорит ужасные вещи, — выдавила Иля, преисполненная нахлынувшими на нее эмоциями.

Передать их она не могла, ибо связывавшийся в слова шепот поражал сразу все чувства, будоражил сознание и далекие закоулки памяти, вызывал к жизни все отчетливее накатывавшие один за другим образы, сложные, яркие, реалистичные видения. Во всяком случае, не успела.

Бэйл вошел в круг. Странный это был круг, под стать, впрочем, всему остальному. Очерчивавший его свет ни откуда не исходил. Он там просто был. На несколько ярдов освещенная область возвышалась от пола, а затем просто растворялась в полумраке. Четко обведенную границу ничто не формировало, и вместе с тем она была, окруженная выведенной на белых мраморных плитах красной замкнутой в кольцо линией, испещренной неизвестными письменами. Едва гладиатор оказался внутри наполненного светом круга, как шепот стих. Установилась абсолютная тишина, настолько глубокая, что спутники могли слышать свое дыхание. Невольно сдержав шаг, Бэйл замер неподалеку от сферы, машинально оглядываясь по сторонам. Перестав испускать шепот, та как-то вдруг поблекла и потускнела. В воцарившейся тишине раздались негромкие, но отчетливые звуки. Их природа не поддавалась определению, поскольку и охарактеризовать услышанное толком не получалось. Не то цоканье, не то потрескивание, скрип проржавевшей дверной пружины и шелест рвущейся бумаги — похоже было на все сразу и ни на что по отдельности. Звук резал слух, проникал в подсознание, заставлял беспокойно осматриваться вокруг и внушал чувство необъяснимой тревоги. Плохой это был звук, пугающий, непонятный, и оттого еще более зловещий. Что бы его ни издавало, оно вызывало к жизни самые потаенные страхи, отчего кожа покрывалась мелкими мурашками, а похолодев-

шие пальцы — испариной. Или это в самом деле похолодало? Поежившемуся гладиатору на мгновение показалось, что сейчас из его рта вырвется облачко пара. Судя по выражению лица Талары ее обуревали точно такие же чувства, но лишь теперь Бэйл заметил в каком глубоком ужасе пребывает застывшая как изваяние Илиана. Пораженный ее реакцией, он хотел было узнать в чем дело, но в следующую секунду им всем стало не до этого.

Звук шел из арок. Не из какой-то одной — разом изо всех. Его испускала заполнявшая их непроглядная тьма, но не она сама, а нечто в ней. Нечто, что появилось где-то в глубине и теперь быстро приближалось, поскольку звуки становились все громче и отчетливее, по мере того как их источник сокращал невидимое расстояние. Теперь уже всем спутникам стало по-настоящему жутко, и еще до того как неведомая опасность появилась зримо они уже поняли что сейчас произойдет нечто очень плохое.

Из арок, покинув плотную завесу мрака, показались твари. Из сгустков тьмы, заменявшей им тело, исходило восемь расплывчатых конечностей, которые, тем не менее, не были совсем бесплотными. Будто выполненные из черной ваты и казавшиеся такими же мягкими и податливыми, они щупальцами осьминога скользили в пространстве, а их нечеткие контуры испускали множественные сполохи. Цоканье издавали торчащие из щупалец крюкообразные когти на тех местах, где у осьминога были бы присоски. Присоски же тварям заменяла их липкая бездонно-черная сущность. Выбираясь из арок, порождения тьмы с одинаковой легкостью перемещались как по полу, так и по стенам, без видимых усилий удерживаясь на вертикальной поверхности. Треск и скрип испускали чрева самих существ. Кем бы ни были эти чудовища, явились они явно не с добром и теперь, хлынув разом со всех сторон, стремительно преодолевали разделявшие их с обомлевшей троицей ярды.

Оставалось только бежать. Схватив девчонок за шкирку, Бэйл потащил их за собой, а когда те, преодолев замешательство, самостоятельно бросились во всю прыть, припустил рядом. Твари уже нападали. Ближайшая, разразившись громким клекотом, кинулась прямо на находившуюся в центре Талару. Взмолившись кому только можно, гладиатор махнул мечом, ведь предсказать эффективность оружия против столь немыслимого противника он был не в состоянии. Древний и явно непростой клинок не подвел. Резкая яростная вспышка осветила окружающее пространство. Клинок прорезал бесплотную сущность мерзкой гадины, выплеснул, как кровь из раны, часть ее тьмы прочь и рассек щупальца. Истошно заверещав, чудовище отлетело в сторону, но ему на сме-

ну со всех сторон поспешали другие. Зал был широким, ярдов двадцать пять, тридцать, но монстры перемещались весьма шустро, захватывая свободную зону, которая быстро уменьшалась. Их было много, и каждая злобная тварь оказалась размером со взрослого человека. Только вместо человеческих лиц у них имелись лишь какие-то бесформенные наросты, в глубине которых холодной яростью горело нечто отдаленно напоминавшее глаза.

Прямо на ходу принцесса умудрилась извлечь из рюкзака кинжал, и не успела она это сделать, как ему тут же нашлось применение. С потолка на нее ринулось вскарабкавшееся туда чудовище. Гладиатор в этот момент взмахом меча отшвырнул прочь двоих других и не успел вовремя прийти ей на помощь. Рухнув на Талару, гадина едва не достала ее своими отвратительными когтями, усеивавшими непрерывно елозившие щупальца, но принцесса в последний момент выставила перед собой кинжал. Напоровшись на голубоватое лезвие тварь завизжала как свинья и, дергаясь будто в эпилептическом припадке, развеялась прочь. Лишь ее мерзкие останки в виде когтей и ошметков плоти осыпались вокруг распластавшейся на полу Талары. Рывком подняв ее на ноги, Бэйл толкнул девочку вперед к остановившейся Илиане.

Драгоценные секунды были потеряны. Твари смыкали окружение и путь к отступлению оказался отрезан. Гладиатор не считал сколько их было, но, к сожалению, гораздо больше чем хотелось. От нескольких он еще мог бы без труда отбиться, но разом от такого количества... Положение серьезно осложняла способность немыслимых существ перемещаться по любой плоскости, что они с успехом и осуществляли. Теперь уже сразу два чудища ринулись сверху, расставив в полете свои гнусные конечности. Бэйл встретил их ударами меча, успев сделать подсечку зазевавшейся Илиане, в результате чего прыгнувшая на нее тварь промахнулась и проскочила мимо. Развернуться для новой атаки гладиатор ей уже не дал, и промелькнувший клинок резанул по бесплотной сущности. Никому из присутствующих до сих пор не приходилось слышать крик Банши, но, видимо, это было нечто похожее. Пораженная тварь рванулась прочь, истекая сочившейся из нее тьмой, но ее вопли поразили слух не хуже вонзенных в уши тупых игл.

Положение стало критическим. Бэйл уже успел пожалеть, что они покинули дальний конец залы, попытавшись добраться до двери. Выход оказался заблокирован, а безопасный угол — недоступен. В центре же залы никакого убежища попросту не имелось. Проворные твари взяли троицу в кольцо, а с потолка непрерывно грозила опасность новой атаки. Гладиатор никак не мог взять в толк почему они до сих пор не ринулись все разом, сделав бы лю-

бое сопротивление бесполезным, но ответ пришел сам собой. Очередная вырвавшаяся дальше других гадина кинулась на Талару. Принцесса этого не видела, а дотянуться до цели мечом не задев девчонок Бэйл не мог. Иля среагировала мгновенно. Толкнув подругу, она оказалась на ее месте, невольно закрываясь рукой со скатанной в рулон бумагой. Эти импровизированные факелы по-прежнему уверенно работали, испуская ровное голубоватое свечение. Произошло нечто неожиданное. Налетевшая на столь смехотворное оружие тварь заверещала так, будто ее, как минимум, рвали на части каленым железом. И в самом деле — в том месте где тьма ее призрачной плоти напоролась на светильник образовались глубокие пламенеющие язвы, обильно сыпавшие каплями оранжевых искр. Твари боялись колдовского света! Не настолько, чтобы совсем не атаковать своих жертв, но достаточно для того, дабы не бросаться на них очертя голову.

Держать оборону будучи окруженным со всем сторон множеством врагов — задача едва ли посильная даже могучему воину из сказочных легенд. Гладиатору было по плечу многое, но закрыть своих подопечных разом отовсюду он не мог. Они же в свою очередь лишь отчасти прикрывали его тыл, и при этом сами лишали Бэйла возможности быстрого маневра. Становясь объектом защиты, девочки одновременно воздвигали собой непреодолимую преграду. Догадка гладиатора позволила несколько исправить такое положение дел. Вняв его окрику, Илиана и Талара выставили перед собой мистические факелы, непрерывно водя ими перед собой и осаживая рвущихся к ним существ. Тем же вполне хватило двух наглядных примеров, и вой пораженных соплеменников несколько охладил их боевой пыл. Впрочем, надолго ли? Каким-то неистовым блеском горели подобия их глаз, впиваясь в маячившую в нескольких футах добычу, и помимо откровенной ненависти было в этом что-то неутолимое, что-то мучительно жестокое. По команде Бэйла сжавшаяся в единое целое троица бочком-бочком двинулась к выходу из превратившейся в ловушку залы. До него оставалось ярдов пятнадцать, и ввиду открывшегося чудодейственного свойства факелов шансы добраться до него благополучно теперь не равнялись абсолютному нулю. Там, возможно, нечисть удастся остановить в узком проходе, а то и вовсе заблокировать его неспроста установленной железной дверью. К сожалению, поняли это и твари. Они всеми силами избегали чародейского света, но и отпускать уже практически находившихся в их щупальцах жертв не собирались. Перемещаясь медленно, но верно, маленькая компания успела преодолеть около пяти ярдов, когда чудовища пришли в движение. Окружавшее людей кольцо сплотилось теснее, а затем

стало двойным. Первый ряд закружился по часовой стрелке, непрерывно наращивая скорость, а второй — против. Твари как будто стали еще более расплывчатыми, сочась колеблющейся тьмой, утрачивая четкие очертания, сливаясь друг с другом единой неясной завесой. В глазах у троицы замельтешило. Вертящийся вокруг хоровод мрака и когтистых щупалец окончательно обезличивал врага, скрывал отдельно находящиеся цели, сбивал с толку и ориентира. Впрочем, один ориентир все же оставался — дверь. Взмахнув факелами, троица попробовала нажать на беснующееся кольцо, но стоило им сделать шаг в направлении выхода, как с обратной стороны незамедлительно последовало несколько бросков. Бэйл, Илиана и Талара едва успели отмахнуться факелами, как в следующее мгновение атака повторилась с противоположной стороны. Твари не преуспели и тут, но буквально чуть-чуть, а уже следующие выскакивали из кружащего кольца, причем сразу по нескольку и друг противоположно другу. Твари хитрили. Одна из них бросалась держась ниже к полу, а другая, следуя из двигавшегося навстречу круга — выше. Они атаковали не только в диаметрально расходящихся направлениях, но и на разной высоте. Водить факелом настолько быстро не представлялось возможным. Талара вскрикнула, отдернув руку. Промелькнувшая мимо гадина достала ее своим щупальцем, и рассеченная кисть обагрилась кровью. Этого оказалось достаточно чтобы следующее чудовище нырнуло в образовавшуюся прореху и резануло когтями по ногам. Подставленный в последний момент колдовской огонь оставил на ней ожег и отбросил прочь, но на голени Илианы остался глубокий порез, а края ткани стали быстро пропитываться кровью. Девочка вскрикнула, еле удержавшись от желания схватиться за пораженное место. Таларе повезло больше, и она отделалась лишь куском порванной штанины, но ненадолго. Очередная вынырнувшая из карусели тварь оставила новый порез уже на другой руке, еще глубже и еще болезненнее. В воздухе стал разливаться характерный запах крови. Учуяв его, мерзкие чудища, аж захолонувшись от пьянящего аромата, окончательно взбесились.

Бэйл, в отличие от девочек, был один, но его вооружение состояло не только из факела, но и меча, и касания этого меча гадины старались избегать с не меньшим усердием, чем колдовского света. Видимо, клинок обладал каким-то неизвестным простому смертному свойством, которое этим тварям было слишком хорошо знакомо. Он, правда, не наносил такого убийственного как кинжал Талары эффекта, но гладиатор до сих пор и не разил им нападавших в самый центр бесплотной сущности. Большая часть попаданий оказывалась скользящей, осаживающей монстров, но

не слишком надолго. От незначительного ущерба твари, видимо, быстро восстанавливались, ибо Бэйл краем глаза успел заметить как образовывавшиеся на их отвратительных контурах разрезы затягивались быстрее, чем можно было надеяться. О людях, к сожалению, того же утверждать не приходилось. Девочки получили уже несколько ранений, и силы их были на исходе. Для гладиатора самым ужасным в складывающемся положении было осознание факта невозможности им чем-либо помочь. Он удерживал свой фланг, и в силу природной ловкости и невероятно развитой реакции даже успевал отбивать боковые атаки, являвшиеся для всех них наиболее опасными, но это был предел его возможностей. Малейшая потеря внимания на охраняемой им зоне тут же чревата критическими последствиями, а действовать через находившихся к нему спина к спине девочек он все равно не мог. Бэйл чувствовал, как в нем растет, поднимается безнадежное отчаяние и, стиснув зубы, что есть мочи разил ненавистных, невесть чем порожденных тварей. Увы, его усилия приносили слишком незначительный эффект, в то время как гнусные отродья все больше преуспевали. Они уже тоже поняли что фланг прижавшейся друг к другу троице ее наиболее уязвимое место. Исходившие из кружившихся в противоположные стороны колец атаки становились все более быстрыми и ритмичными. Твари кидались не просто так — они оттачивали тактику. Им следовало напасть одновременно с шести сторон, дабы как минимум в двух направлениях гарантированно лишить обороняющихся возможности защитить себя. И с каждым разом их атаки становились все более слаженными, очевидным образом успешно идя к намеченной цели. Бэйл раскусил их маневр, но мало что мог ему противопоставить. По его команде маленький отряд медленно поворачивался, дабы осложнить чудовищам их задачу, но те постепенно приноровились и к дополнительному движению жертв. Запах крови сводил их с ума, они шипели, трещали и клокотали, а угольки глаз в бесформенных лицах горели неистовым огнем ненависти и неукротимой жажды живой плоти.

Несмотря ни на что, Бэйлу и его юным спутницам удалось проделать еще несколько ярдов, и заветная дверь оказалась совсем близка, когда наступило самое страшное. Взгромоздившиеся на потолок твари как по команде ринулись вниз. Все разом. Похоже, их выбрали своеобразным тараном, назначенными принять удар на себя смертниками. Напоровшись на взметнувшееся оружие они дико взвыли, озарившись огненными струпьями, пылая и разваливаясь на части, но в тот же самый миг оба кружащихся кольца сжались будто пальцы в кулак. Отразить такой натиск обо-

роняющиеся были не в силах. Налетевшие со всех сторон твари, уже невзирая на удары колдовских факелов, меча и кинжала, тянули щупальца к людям, окутывали заходившейся от злобы тьмой. Они сбивали их на пол, обвивали омерзительными конечностями, вонзались в плоть острыми крючьями когтей. Каким-то неимоверным усилием Бэйлу удалось вскочить на ноги. Он даже не пытался стряхнуть с себя рвавших его чудовищ. С отчаянием обреченного гладиатор разил огнем и мечом, расшвыривая гнусную нечисть с упавших девочек. Они еще отбивались, и на пару секунд Бэйлу удалось избавить их от плотной массы наседающего дьявольского отродья. Облепившие его щупальца приникших гадин причиняли неимоверную боль, но он не обращал на это ни малейшего внимания. Бросив оружие, гладиатор левой рукой схватил Талару, а правой Илиану и приподнял будто два невесомых перышка. Затем, в каком-то поистине титаническом усилии, поднатужился и что есть мочи швырнул их вперед по направлению к двери. В следующее мгновение он упал под налетевшей на него чудовищной массой чтобы больше уже никогда не подняться. Визг омерзительных гадин достиг апогея. Вихрь замельтешивших крючьев острых когтей стремительно превращал плоть в кровавый фарш.

Выброшенные из облака тварей, неистово накинувшихся на самую опасную жертву, девочки ненадолго выпали из их убийственного внимания. Поглощенные расправой с Бэйлом, чудовища замешкались, подарив им драгоценные секунды. Терять их было недопустимо. Помочь гладиатору они уже ничем не могли, как не могли и бездарно обойтись с подаренным им шансом на спасение. Вскочив на ноги, израненные, кровоточащие подруги во весь опор рванулись к железной двери. Они достигли ее раньше, нежели опомнившиеся твари, сообразив что две жертвы поменьше намереваются ускользнуть, ринулись в погоню. Здесь девочек ждал еще один роковой удар. Железная дверь обладала слишком большой массой, и они мгновенно поняли, что не успеют ее закрыть до того, как их настигнет гнусно пировавший растерзанным человеком враг. Переглянувшись, девочки во весь дух понеслись дальше. Колдовские факелы все еще были при них — они не выпускали их из рук даже тогда, когда оказались придавлены к полу омерзительной кровожадной массой, разогнанной принесшим себя в жертву Бэйлом. Отбрасываемые чародейским светом пляшущие тени метались по вытянутой зале с длинным, обставленным стульями столом, словно вызванные из небытия призраки некогда обитавших здесь людей. И сейчас среди них двое забредших сюда современников отчаянно боролись за свои жизни, а за ними по пятам уже спешили, издавая скрип, треск и клекот, отвратительные

отродья тьмы.

Стрелой проскочив через выходившую в чудесную оранжерею дверь, девочки развернулись и захлопнули украшенную серебром створку из черного дерева. Замка на ней не имелось, равно как и понимания сумеет ли эта преграда удержать уже подлетавших с другой стороны чудовищ или нет.

— Беги! — громовым голосом рявкнула Талара.

— Я тебя не оставлю! — в отчаянии крикнула Иля.

— Беги! Я приказываю!

Оторвав одну руку от двери, принцесса толкнула подругу вглубь оранжереи. Илиана мучительно замерла на месте. В ее душе творился настоящий ад.

— Беги, — шепнула, чуть улыбнувшись, Талара.

Их взгляды встретились. Принцесса была старше и сильнее. Она втянула подругу в это злополучное приключение, и она собиралась теперь заплатить за это самую высокую цену. Вдвоем погибать не имело смысла: Талара либо управится сама, либо Илиана ей все равно не поможет. Этот безмолвный, ментальный диалог не требовал дополнительных разъяснений. Принцесса впервые приказала подруге. Приказала как друг. Всхлипнув, Иля развернулась и бросилась бежать. Комната с подъемником оставалась ее последней надеждой.

Талара оказалась права, но лишь в том, что обоим погибать почем зря не стоило. Дверь не являлась для гнусных чудовищ препятствием, и за это открытие принцесса расплатилась собственной жизнью. Опьяненные кровью и плотью твари просачивались прямо сквозь деревянную створку, лишь ненадолго задерживаясь при ее пересечении. Принцесса разила их факелом, колола кинжалом, но даже несмотря на узкое для обороны место не смогла сдержать ринувшийся на нее поток. Мерзкие чудища облепили ее столь стремительно, будто вырвавшийся из улья пчелиный рой. Талара яростно отбивалась, вкладывая в удары все остававшиеся у нее силы, борясь уже не столько за себя, сколько за подругу, за ее последний шанс достичь возможно безопасного укрытия. Осатаневшие, хлебнувшие торжества расправы гадины не церемонились. Они облепили несчастную разом со всех сторон, и их мерзкие щупальца заглушили последний отчаянный крик, отдавшийся далеко под сводами волшебного, безучастного ко всему колдовского сада.

Последняя дверь была уже совсем близко. Окончательно сломленная душераздирающим криком погибающей подруги Илиана больше ничего не видела кроме видневшегося в ее проеме призрачного барьера. Да, на него была вся надежда, когда ма-

ленькая компания искала путь к спасению. Если их общая догадка верна, то породив смертельно опасный для чудовищ свет он не пропустит их внутрь, испепелив на месте. Илиана летела по розовым кирпичам центральной аллеи так, будто у нее выросли крылья. Она не знала как будет дальше жить с уже родившимся, но еще неосознанным чувством тяжелой утраты и невыносимой вины, но она обязана была выжить дабы жертва ее друзей не осталась бесплодной. С каждой секундой она сокращала остававшиеся до заветной границы ярды, неотрывно впившись взором в колыхавшуюся призрачную завесу.

Твари настигли ее буквально в нескольких футах. Лишь какое-то мгновение отделяло Илю от потенциально спасительной гавани, но хлебнувшие крови чудовища двигались с неимоверной быстротой. Второй раз они не сделали той же ошибки, и пока часть из них расправлялась с бесстрашной принцессой другая, не мешкая, ринулась в погоню за ускользавшей добычей. Каким бы темным, ограниченным и ужасающим не был у этих отродий разум, он у них все-таки присутствовал, хоть и служил столь дьявольским помыслам. Протянувшиеся щупальца схватили уже практически спасшуюся девочку за ноги и опрокинули ее навзничь. Закричав от боли из-за вонзившихся в тело когтей, грянувшаяся о дорожку Илиана успела увидеть, как по инерции пронесшиеся над ее головой твари врезались в призрачный барьер. Прорезавшая полумрак яркая вспышка обратила колыхавшуюся тьмой сущность в пепел, сжигая мерзкие конечности, плавя острые крючья когтей. Дико заверещав, двое из чудовищ мгновенно сгорели в охватившем их колдовском пламени, обращаясь в дым и микроскопические угольки. Остальные едва сумели избежать губительной для них встречи с неумолимой преградой, отделавшись ожогами и потерей частей полуреального тела. Это было последнее что увидела Илиана. В следующий миг обвившиеся щупальца рванули ее назад, в самую гущу навалившихся, алчущих живой плоти и крови ужасающих существ. Ее крика уже никто не услышал. Наступила кромешная тьма.

Бэйл уже как раз подходил к красному кругу, готовясь вступить в освещенную вокруг загадочной сферы область, когда Илиана очнулась от навалившегося наваждения. Похлопав глазами, она вдруг осознала что все еще жива, что ее спутники целы и невредимы, и что все эти ужасы ей только привиделись. Вместе с тем Иля мгновенно поняла что сейчас произойдет.

— Не-е-е-е-е-е-ет! — завопила она так громко и страшно, что испугалась не только Талара, а и гладиатор.

Вздрогнув всем телом, он обернулся на поразивший слух отчаян-

ный призыв.
— Бежим! Скорее! Бежим! — кричала, заходилась от ужасного осознания грядущей непоправимой беды бледная как смерть Илиана.
— Иля, ты в себе? — опешила не на шутку струхнувшая принцесса, вторя похожему вопросу Бэйла.
— Бежим! Они сейчас придут! Прошу! Умоляю! Верьте мне! — взывала Иля, вцепившись обеими руками в спутников и пытаясь тянуть их за собой в направлении выхода. — Этот шепот!.. Нас всех разорвут на части! Бежи-и-и-и-им!
Гладиатор изменился в лице, переглянувшись с застывшей на месте Таларой.
— Бежим за призрачный барьер! Скорее! Умоля-я-яю! Верьте мне! — надрывалась Илиана.
Отпустив руки спутников она бросилась бежать, но лишь затем, чтобы показать им пример, ибо спустя несколько ярдов остановилась и вновь обратилась к растерявшейся парочке. И в этот момент где-то в глубине заполонявшей арки тьмы послышались зловещие звуки неопределенной природы, уже столь хорошо знакомые Илиане и пока неизвестные Бэйлу и Таларе. Это приближалась смерть.
— Пожалуйста! — в ужасе всхлипнула Иля, не в силах бросить друзей и пуститься наутек одна. — Они разорвут нас!
Это стало последней каплей. Гладиатор и принцесса понятия не имели что нашло на самую младшую в их маленькой компании, но решили больше не испытывать судьбу. Переглянувшись еще раз и предчувствуя недоброе, они как по команде наконец-то последовали истошному призыву Илианы.

Остальное девочка бросала урывками уже на ходу: из арок приближаются ужасные чудовища; остановить их может только окружающий комнату с подъемником барьер; если они туда доберутся, то окажутся в безопасности; иначе — страшная смерть.
— С чего ты это взяла? — улучив момент, точно также в движении спросил Бэйл.
Они как раз подбегали к концу залы со столом и стульями, когда словно ему в ответ позади послышался треск, хрип и клекот. Обернувшись, гладиатор, похолодев, увидел, как в оставленном позади дверном проеме показалось какое-то поистине немыслимое чудовище за которым вовсю поспешали другие.
— Снимаю вопрос. Бежи-и-и-им! — заорал гладиатор.
Обернувшаяся Талара тоже поняла что дело дрянь, и дважды упрашивать себя не заставила.

Вот и пригодились регулярные пробежки и хорошая физиче-

ская форма. Девочки не бегали так никогда в жизни. Пол прямотаки летел у них под ногами, а за спиной будто выросли крылья. Гладиатор был более развитым и тренированным, но они — куда легче и проворнее. Никто никого не задерживал, и маленький отряд пронесшимся по оранжерее вихрем ворвался в то помещение, откуда не так давно пустился изучать невольно открывшееся его взорам подземелье. Твари не поспели совсем чуть-чуть, но на сей раз, в отличие от ужасающего видения Илианы, это чуть-чуть оказалось не в их пользу. Столпившись по другую сторону непреодолимого барьера, они дико шипели, трещали, хрипели и клокотали, обуянные безумной злобой и неутолимой жаждой крови, однако поделать ничего не могли. Любое касание чародейской завесы развеивало тьму их полубесплотных тел, сжигало щупальца, испепеляло дьявольскую сущность. Остановившись по безопасную сторону, Талара и Бэйл, не в силах вымолвить ни слова, во все глаза таращились на кошмарное зрелище, холодея при мысли что было бы, если бы они не послушались зова Илианы.

— А теперь давай-ка рассказывай откуда ты это узнала, — насилу стряхнув оцепенение, произнес обретший дар речи гладиатор.

Сфера. Она не пугала, она предупреждала. Ужасные вещи, которые внушал наполнявший мраморный зал шепот, были лишь предостережением. Кем бы или чем бы ни была эта сфера, она старалась известить явившихся к ней людей о том, что сейчас произойдет. У нее недоставало времени что-либо объяснять, поэтому своей непостижимой речью она показала как будут развиваться дальнейшие события и как пришельцы могут избежать страшной участи. Илиана, единственная из всех троих внимавшая льющемуся из сферы шепоту, на несколько секунд оказалась в своеобразном трансе, увидев вероятное будущее. Казалось, для нее прошла целая вечность, полномасштабно развернулась настоящая драма, в то время как в глазах спутников девочка лишь ненадолго застыла на месте с исказившимся лицом. Почему понимала только Иля — ответа у нее не имелось, но стоило возблагодарить судьбу что сфера сумела установить контакт хотя бы с кем-то одним. В противном случае навеянное загадочным шаром видение так и осталось бы невнятным шепотом, и вскоре воплотилось бы в жизнь самым плачевным образом.

— Что же это такое? — поразился Бэйл, услышав невероятный эмоциональный рассказ Илианы. — Кто тебя известил?

— Я не знаю, — развела руками девочка. — Сфера не сказала. Все что она успела — это внушить предупреждение.

— Иля, ты меня пугаешь, — сказала Талара, но не отодвинулась от подруги, а ровно наоборот — взяла ее за руку. — Чем больше мы

знакомы, тем чаще я вижу как с тобой происходят на редкость странные и необъяснимые вещи. Ты понимаешь о чем я.
Да, Илиана понимала, и понимала очень хорошо, гораздо больше, чем подруга. От происходящего с ней ей самой иной раз становилось страшно. Неизвестность страшила ее, неспособность объяснить собственную природу заставляла ее бояться, скрывать чувства от окружающих, уединяться и замыкаться в себе. Таларе она могла поведать многое, но, тем не менее, далеко не все. Еще меньше, значительно меньше, Бэйлу. Сирелина, возможно, была той единственной, кому Илиана способна полностью довериться не опасаясь последствий, но чародейка находилась далеко.
— Ты очень необычная девочка, — подтвердил гладиатор.
— Я плохая? Вы меня боитесь? — расстроилась Иля, глаза которой стали подозрительно влажными.
— Да как ты вообще могла такое подумать! — воскликнула Талара, заключая подругу в объятия. — Между прочим, ведь именно тебе мы сейчас обязаны своим спасением!
— Факт, — подтвердил Бэйл, кладя руку на плечо воспитаннице чародейки.
Он так и не понял из-за чего вдруг расчувствовалась Иля и списал это на стрессовую ситуацию и девичью природу. Илиане снова полегчало. Шмыгнув носом, она вытерла ладошкой глаза и более-менее успокоилась.
— Ну не мне, а сфере, — уточнила она, слабо улыбнувшись.
— Которую поняла только ты. Так что не преуменьшай своей заслуги, — заметила принцесса.
— Честное слово, вначале я подумал что ты рехнулась, — усмехнулся Бэйл. — Да уж, замешкайся мы там подольше…
— Не напоминай, — прервала его принцесса, мотнув головой в сторону барьера, за которым бесновались гнусные твари. — Кстати, я, безусловно, весьма признательна тому разноцветному шару за наше спасение, только жаль он не поведал как отсюда выбраться. Сейчас бы нам это знание очень пригодилось.
— Вообще-то поведал, — сказала вдруг Иля к глубочайшему изумлению спутников.
На мгновение умолкнув, они прямо-таки вцепились в нее, вытрясывая подробности.

Ключи. Поскольку непосредственная опасность им больше не грозила, Илиана рассказала Таларе и Бэйлу о связке загадочных ключей, начиная с того времени как она повернула первый из них еще там, наверху, и заканчивая текущим моментом. Это были зачарованные ключи. Их не надо было вставлять в какой-либо замок, ибо такие замки попросту не существовали. Они приводили в

действие соответствующие им механизмы. Кому бы эта связка некогда ни принадлежала, она до сих пор исправно функционировала, и поворот бородки в нужном месте активировал привязанный к ней эффект. Маленький отряд вовсе не застрял в этом подземелье; стоит лишь задействовать нужный ключ — и подъемник вернет их всех в комнату наверху.
— Минуточку! — воскликнул Бэйл. — А почему ты сразу об этом не сказала?!
— Потому что ключ не поворачивался, — извиняющимся тоном пояснила Иля.
— А с чего бы тогда ему сейчас повернуться? — вставила свое слово принцесса.
— Видите плафон над дверью? — спросила Илиана. — Когда мы опустились сюда, он зажегся белым светом. Теперь он зеленый. Это значит что подъемник перезарядился и готов вернуть нас обратно. По правде говоря, нам надо было лишь немного подождать, а мы отправились поглядеть куда нас занесло.
— Чего? Опять меня обвинять будем? — насупилась Талара.
— Если кто и виноват, то это я. Пошел на поводу у двух сумасбродных девчонок, из которых даже не знаю кто меня больше поражает, — проворчал гладиатор. — Это тебе сфера наболтала? — добавил он, возвращаясь к конкретике.
— Нет, я сама догадалась, — скромно потупилась Иля. — Сфера лишь подтвердила мою догадку, когда мы бросились бежать, и подсказала про плафон.
— Она еще что-нибудь говорила? — живо осведомилась полностью вернувшая себе самообладание Талара.
Неугомонная принцесса уже взяла себя в руки и на полном серьезе подумывала не ткнуть ли, пользуясь неуязвимостью барьера, кинжалом в морду какой-нибудь маячившей по другую сторону твари. Ее сильно подмывало проверить достоверность видения подруги, в котором, между прочим, обнаруженный в столе кинжал обладал весьма примечательными свойствами. К тому же нечасто выпадает возможность поквитаться за собственную смерть.
— Нет, — мотнула головой Иля. — Связь прервалась сразу как только мы обратились в бегство.
— Давайте-ка отсюда выбираться! — предложил Бэйл, которого обеспокоил появившийся в глазах Талары знакомый блеск, а ее излишнее внимание к дверному проему и вовсе не понравилось.
В процессе только что прозвучавшего повествования зачарованные ключи перекочевали к гладиатору, и теперь он сжимал кольцо позвякивающей связки в кулаке. Следуя указанию Илианы, Бэйл схватился за нужный ключ и попробовал повернуть бородку. Не

тут-то было! Сколь он ни старался, а видимого результата не наблюдалось, и мало-помалу на его лице появилась растерянность.
— Не работает! — озабоченно воскликнул он.
— Дай сюда! — нетерпеливо сказала Талара.
Отобрав у Бэйла связку, она вцепилась пальцами в ключ и предприняла попытку привести его в действие самостоятельно. Вышло у нее ничуть не лучше. Сердито пыхтя, принцесса вертела зловредную железяку то так, то эдак, но ничего кроме становившегося раздражающим звона из нее не извлекла.
— Наврала твоя сфера! — в сердцах воскликнула она, еле удерживаясь от того, чтобы не швырнуть окаянную связку на пол.
Растерянная Илиана протянула руку и взяла у подруги злополучный ребус. Затем, невольно затаив дыхание и не понимая почему ничего не работает, ухватилась за нужный ключ и… легко повернула бородку вокруг своей оси. Пол под ногами вздрогнул. В следующее мгновение троица ощутила усилившуюся тяжесть, прижимающую ее к земле. Подъемник быстро устремился вверх.
— Иля, ты меня пугаешь, — покачав головой, повторила Талара.

Наверху их встретил переволновавшийся Бус. Не сговариваясь, троица немедленно покинула секретное помещение, и сразу за порогом к Илиане подбежал поджидавший ее кот. После случая с доспехами он не заходил внутрь, предпочитая оставаться снаружи, а посему и не ухнул вместе с людьми в глубокий колодец. Оставшись у самого края, он беспокойно глядел вниз и не убегал, дожидаясь возвращения полюбившейся девочки, хотя ему было основательно не по себе. Теперь же, видя что с Илей все в порядке, он семенил рядом и громко мяукал, выражая живейшую симпатию и радуясь что все закончилось благополучно. Илиана в общих чертах объяснила коту что внизу очень опасно и ему туда ни в коем случае нельзя. Бус ответил в том духе, что он и прежде не сильно-то рвался, а теперь и вовсе будет держаться подальше от этого места.
— Что он говорит? — без обиняков спросила Талара.
— Он напуган. Я велела ему ни при каких обстоятельствах не отправляться в подземелье, — пояснила Иля.
— Я тоже, — сухо заявил Бэйл. — Давай сюда ключи.
Забрав у Или зачарованную связку, он сунул ее к себе в карман.
— Вот что дорогие мои, — серьезным тоном продолжил он, — с этого момента сюда ни ногой! Ваше высочество, тебя это тоже касается! Если еще хоть раз тебя здесь увижу или даже просто пойму что ты замышляешь — свяжу по рукам и ногам и отправлю твоему отцу с надлежащим посланием. Пусть поступает как знает, а я ответственность за твою безвременную гибель на себя не возьму!

— Ладно, ладно, — проворчала Талара, поправляя за плечами тяжелую поклажу.
Принцесса не была бы собой, если бы забыла прихватить рюкзак с доставшейся столь отчаянными рисками добычей.
— Ключи останутся у меня. С Абериджем пусть разбираются кому положено. Кстати, я бы на всякий случай вообще не брал отсюда каких-либо вещей, — сказал гладиатор, с сомнением поглядывая на битком набитый рюкзак Талары.
— Вот уж дудки! — отошла от него подальше принцесса, не собираясь расставаться с ценной добычей. — Насчет Абериджа вообще считай, так и быть, уговорил. Но не для того я рисковала своей шкурой, чтобы уйти с пустыми руками! Можете отказаться от своей доли — дело ваше, но бросать честно награбленное я не собираюсь!
Бэйл хотел было забрать у Талары и ключ от ворот, но сообразил, что толку от этого все равно не будет. Если принцессе приспичит, она раздобудет еще одну копию там же, где и предыдущую, а он об этом даже не узнает. Поэтому, ограничившись еще одним внушением, гладиатор самолично запер Аберидж, и маленькая компания отправилась восвояси. На сегодня с них приключений было более чем достаточно.

* * *

Первая половина февраля выдалась ничем не примечательной. Впрочем, после развернувшихся событий в древних развалинах все могло показаться обыденным и житейским. Сразу по возвращении Бэйл немедленно отписал Сирелине, постаравшись изложить увиденное и услышанное как можно тщательнее, и теперь с нетерпением ожидал ответа чародейки. По его просьбе Иля выпросила у Талары найденную в столе большую печать, присоединив ее к горстке драгоценных камней ромбовидной огранки и своей доли золотых и серебряных монет из ларчика красного дерева. У гладиатора были все основания подозревать как минимум печать в сокрытых чародейских свойствах, и он решил приберечь ее для Сирелины, а заодно и избавить неосторожную принцессу от потенциальной опасности. После истории с ключами кто знает на какие фокусы способны другие предметы из стола, некогда охраняемого заколдованными доспехами. Тем не менее, малахитовое пресс-папье и кинжал Талара оставила себе. Первое она с удовольствием приспособила по прямому назначению, хотя не слишком-то часто брала перо в руки, а второе стала всегда таскать с собой вне зависимости от наряда. Платье ли, блузка с шароварами, до-

рожная куртка или кольчуга — с кинжалом принцесса не расставалась. Она бы и отнюдь не учебный меч к поясу прицепила, благо что у нее имелся прекрасный образчик древнего мастерства, но Бэйл все еще не разрешал ей самостоятельно пользоваться таким серьезным и очень опасным оружием. Впрочем, высокородная ученица продолжала делать успехи, и гладиатор подозревал, что уже не за горами тот день, когда он вынужден будет признать право Талары на владение боевым клинком. На его долю тоже досталось монет и драгоценных камней, но с некоторых пор Бэйла куда более интересовало и беспокоило происхождение найденных вещей, нежели их стоимость. Не будучи в силах самостоятельно найти ответы на теснившиеся в голове вопросы, он считал дни до очередного послания Сирелины и никак не мог взять в толк почему оно задерживается. В отличие от путешественников, письма и маленькие посылки доставлялись организованной чародейками пернатой почтой в несколько раз быстрее. Вылетев из отправной точки, сова либо ворон добирались до другой, где доверенное лицо организовывало дальнейшую пересылку. От четырех до пяти суток требовалось для того, чтобы письмо из пригорода Солтенстила попало в далекую северную обитель и столько же уходило на прибытие ответа. Грузы передавались с разного рода посыльными, и время их получения зависело от множества сопутствующих факторов, но письма как правило не задерживались. Гладиатор мог целый месяц ждать учебника для Илианы, но сообщение от чародейки обычно появлялось без опозданий. Он уже пятый вечер кряду наведывался в ничем не примечательный пригород, посещая условный дом на лесистом холме, но тамошняя хозяйка и по совместительству практикующая колдовство южанка встречала его отрицательным покачиванием головы. Для Бэйла от ее северных коллег по ремеслу вестей не имелось.

Солнце уже садилось, когда гладиатор переступил порог своего дома в не самом лучшем расположении духа. Почему молчит Сирелина? Что-нибудь случилось или она просто очень занята? А может быть она взяла паузу, дабы составить очередную подробную инструкцию? Возможно, но даже в этом случае чародейка обычно сразу же посылала весточку: письмо, мол, получено, жди развернутого ответа. Видимо, все-таки что-то случилось. Если еще дня два-три от нее не будет письма, надо отправить новое сообщение с запросом пришло ли предыдущее, и если пришло, то почему на него до сих пор не последовало никакой реакции. Бэйл увещевал себя, что после приключений в Аберидже он стал слишком мнительным и все принимает близко к сердцу, но поделать с собой ничего не мог. Его обуревали слишком беспокойные мысли,

он волновался за вверенных ему девочек, уже подсознательно перестав разделять Илиану и Талару, и ему срочно требовались указания и поддержка многоопытной и могущественной подруги.

У пылающего очага кто-то сидел. Задумавшийся Бэйл даже не сразу осознал присутствие в комнате постороннего человека. Он арендовал укромное жилье один, и посетителей у него попросту не бывало. Лишь когда неизвестная фигура зашевелилась при его появлении, гладиатор опомнился и схватился за меч. В следующую секунду закутанный в накидку незваный гость налетел на него одним прыжком и в нос гладиатору ударил невероятно знакомый пьянящий запах. У него на шее собственной персоной повисла Сирелина.

– 16 –

Позднее утро следующего дня застало чародейку блаженно растянувшейся на постели, где поверх спального комплекта была расстелена большая медвежья шкура которой она частично и прикрывалась. Огонь в очаге давно погас, оставив лишь подернутые седой золой угли, но для южной зимы и этого было вполне достаточно. Ночная прохлада улетучилась, уступив место приятному солнечному теплу, наполнявшему уединенную комнату и столь разительно контрастировавшему с суровыми северными зимами. Ведь там, откуда накануне прибыла Сирелина, властвовал трескучий мороз и господствовали метели. Снегу намело футов на пять, а печи в домах топились днем и ночью, дабы сильная стужа не пробралась в жилища и не расписала их изнутри точно также, как украшала заиндевевшие оконные стекла снаружи. Обители сестер, разумеется, подобные погодные испытания были нипочем, но за пределами чародейских стен суровая природа давала себя знать, и горе тому путнику что без должной сноровки выйдет в ночную пургу, когда от холода аж деревья потрескивают.

Бэйл ушел, поднявшись еще спозаранку. Гладиатору удалось поспать от силы часа три, ибо все остальное время он посвятил своей долгожданной подруге, отвечавшей ему полной взаимностью, однако на нем не было заметно и следа усталости. Эта встреча придала ему сил больше, чем взяла, и он с превеликим удовольствием вообще никуда бы не уходил, но его звало чувство долга. К тому же гладиатору следовало выполнить поручение Сирелины и любым способом доставить к ней Илиану. Ведь чародейка не могла явиться во дворец, а для девочки выбраться в город с некоторых пор не представляло особого труда. Разумеется, всегда в компании Талары, от которой на сей раз по вполне понятным

причинам следовало отделаться, ну да они что-нибудь придумают. Бэйл успел сообщить чародейке новости лишь к середине ночи, поскольку поначалу им обоим было несколько не до того. Даже деятельная и целеустремленная Сирелина на первые часы оставила за дверью все насущные заботы и посвятила долгожданный момент исключительно им двоим. Теперь же, нежась в постели под лучами проникавшего из небольшого окна солнца, чародейка, не открывая глаз, лениво и неспешно обдумывала план дальнейших действий. С одной стороны, времени на их реализацию у нее хватало, с другой — следовало и поторапливаться, ибо следующий раз теперь наступит очень и очень нескоро. За этот свой визит в Солтенстил она должна успеть как можно больше.

На сей раз чародейка отнюдь не сбежала, как вначале убоялся было Бэйл, едва только разжал крепкие горячие объятия. Неожиданный визит подруги немедленно вызвал соответствующие вопросы, но объяснение им нашлось вполне исчерпывающее. На письмо гладиатора Сирелина не ответила просто потому, что ее уже не было в обители — она держала путь в столицу Железных земель. Единственное, в чем ее можно было упрекнуть, что чародейка не известила Бэйла о своих намерениях. Однако она просто хотела сделать приятный сюрприз, и, надо сказать, это ей более чем удалось. Сама же поездка происходила с ведома и Арадоры, и Изабеллы. Старшие чародейки лишь взяли с сестры торжественное обещание не ввязываться по своему обыкновению в интриги, а посвятить все отпущенное время исключительно общению с воспитанницей. По зрелому размышлению, наставница и Настоятельница сжалились над Сирелиной и позволили провести им некоторое время вместе в преддверии продолжительной разлуки. Ведь ближайшие два года чародейке предстоит неотлучно провести в обители.

Ни о каком очередном наказании речь не шла. Причиной тому послужили куда более весомые обстоятельства. Начало им положила Немезия. Как-то вечером она явилась к Изабелле и имела с ней продолжительный разговор, сутью которого являлось будущее вверенной ей новой ученицы. Наставницу Запретного чертога терзали сомнения. Она считала Сирелину слишком легкомысленной и не готовой ступить на ответственный путь и принять его непростую ношу. Одновременно, отбросив личную предвзятость, Немезия отдавала себе отчет, что колдовская сила странствующей сестры приблизилась к старшим чародейкам и достигла необходимого уровня. Того, который позволяет подняться на следующую и обязательную для дальнейшего развития ступень обучения в Запретном чертоге. Сирелина еще далеко не полностью освоила ба-

зовый курс, но Немезия находила возможным приступить к следующему этапу параллельно с предыдущим. Несомненные успехи ученицы в чародейском искусстве нельзя было сбрасывать со счетов, разбазаривая ценные кадры. Сирелина демонстрировала недурные результаты, и будь она более серьезной и ответственной, Немезия без колебаний взялась бы обучать ее также, как обучала всех сестер Гексенхаммера. Более того, молодой, по чародейским меркам, возраст Сирелины являлся очень важным обстоятельством: чем раньше тело и разум обретали сопротивление, тем мощнее оно становилось. Случай Сирелины был достаточно редким, чтобы Немезия просто так от него отмахнулась. По зрелому размышлению, она, сама не слишком-то довольная своими выводами, рекомендовала Настоятельнице включить Сирелину в программу Имьюнитас. Решение Немезия оставляла за Изабеллой. Настоятельница обещала подумать и сообщить свой вердикт наставнице Запретного чертога не позднее чем через три дня.

Подумать было над чем. Изабелла долго колебалась, а на второй день отправилась к Арадоре и коротко передала ей суть предложения Немезии. Обе старшие сестры долго совещались, взвешивая все за и против, а затем пришли к единому мнению. Изабелла удалилась, а Арадора пригласила к себе Сирелину.

— Чем я опять провинилась? — еще с порога осведомилась чародейка. — Подобным образом ты зовешь меня всякий раз когда собираешься прочитать очередную порцию нотаций.

— Не на этот раз, — поморщилась наставница. — У меня к тебе очень серьезный разговор. Что ты думаешь об Имьюнитас?

Не поняв сути вопроса, Сирелина, решив что ее каким-то странным образом экзаменуют, коротко пересказала то что знала. Это был специальный курс Запретного чертога, после которого начиналось полноценное обучение его адептов. Теории там не было, как не было и практики. Фактически, это был не курс, а одно большое и непрерывное испытание. Будущего адепта ежесуточно подвергали воздействию темного колдовства, а его исполненное чародейской силы тело вырабатывало защитную реакцию. Допускались до него немногие, и даже из них не все проходили его до конца. Завершившие же обретали пожизненную устойчивость к воздействию темных чар, существенно ослаблявшую направленное на них злое колдовство, а то и вовсе сводя его на нет. Только таких счастливчиков было немного, и значительную их часть составляла группа Гексенхаммер.

— Я не об этом, — заметила Арадора, хотя дала воспитаннице договорить. — Что ты думаешь о том, чтобы самой пройти Имьюнитас?

Сирелина опешила, никак не ожидав такого поворота. Озадаченно уставившись на наставницу, она быстро прикидывала в уме что к чему, и что бы это все вообще могло значить.
— Ты это просто так спрашиваешь, или есть какое-то конкретное предложение? — наконец вымолвила она, решив прояснить чем вызван такой внезапный интерес Арадоры.
— Да, считай что это предложение, — кивнула та с самым серьезным видом. — Немезия считает это возможным. Изабелла и я в итоге оставили право выбора за тобой.
Сирелина основательно растерялась. Наставница ее не торопила, давая возможность как следует поразмыслить. Приглашение, безусловно, почетное, но вместе с тем накладывающее и очень серьезные ограничения, не говоря уже о том, что не в последнюю очередь и опасное.

К курсу Имьюнитас мало кого допускали не просто так. Не обладающего должным уровнем чародейского мастерства это испытание не закаляло, а губило. Темное колдовство сушило тело, подрывало жизненные силы, мутило рассудок и превращало существование в настоящий кошмар. Более слабых убивало, умеренно сильных подтачивало своим проникающим в каждую клетку тела незримым ядом. Лишь достаточно могущественные преодолевали тот порог, после которого начинало развиваться устойчивое сопротивление. Сопротивление, обладанием которым могли по праву гордиться весьма немногие. Казалось бы, что мешает дать незамедлительное согласие, если уж сами старшие сестры решили что кандидат вполне соответствует? Тут было два немаловажных обстоятельства. Во-первых, Имьюнитас длился не менее двух лет, а иногда и дольше. Последнее зависело от разных вторичных факторов, но первое являлось однозначным. Два года, разумеется, не такой уж большой срок для наделенных даром долгой жизни чародеек, только вся беда была в том, что это время испытуемый должен непрерывно находиться в обители и регулярно посещать Запретный чертог. Один незначительный перерыв — и весь курс летел насмарку, и в лучшем случае его приходилось начинать с нуля, а в худшем он наносил непоправимый вред. Он же, вред, являлся и вторым обстоятельством. Нужный уровень чародейской силы — обязательное, но отнюдь не дающее гарантий условие. Иными словами, без этого уровня до Имьюнитас вообще не допускали, но даже с ним никто не мог заранее утверждать справится ли испытуемый или нет. Видимые результаты появлялись лишь примерно через полгода, а за это время будущий адепт успевал получить достаточно темного воздействия, дабы оно сказалось на нем весьма неприятным образом. Реакция была строго индивидуальной, и

в один прекрасный момент могло прийти как долгожданное сопротивление, так и понимание его отсутствия. Первое означало успех и возможность иди до конца, второе — немедленное прекращение курса и последующее долгое восстановление от полученного ущерба. Обрести серьезную устойчивость к злому колдовству, несомненно, весьма полезно и очень соблазнительно, но от опасности неудачи, на годы выбивающей из полноценной жизни, не был застрахован никто.

Сирелина колебалась. Ей, безусловно, хотелось стать одной из тех немногих избранных, кто успешно развил в себе устойчивость к темным чарам. При этом торчать в обители еще целых два года ей ничуть не улыбалось. Арадора по секрету не так давно дала ей понять, что наказание домашним арестом близится к концу, и к лету Сирелина вновь обретет свободу передвижения. Чародейка уже вовсю строила планы, собираясь первым делом отправиться в Солтенстил к Илиане. На сей раз она действительно будет куда осторожнее, посвящая время в первую очередь воспитаннице, а уж потом всему остальному, благо что любезный ее сердцу Бэйл подготовил столь замечательный плацдарм. Если же она застрянет тут еще на два года, то разлука с Илей станет слишком долгой, прямотаки критичной, учитывая юный возраст растущей девочки. И это еще в том случае, если Имьюнитас закончится благополучно.

— Я не уверена что хочу этого, — пребывая в глубоком раздумье, наконец произнесла Сирелина.

Взглянув на часы над камином она с удивлением обнаружила что просидела подле пляшущего огня почти два часа. Устроившаяся в соседнем кресле Арадора все это время не проронила ни слова, не мешая воспитаннице размышлять.

— Ты желаешь побыстрее уехать в Солтенстил к своей Илиане, так ведь? — мягко спросила наставница. — Можешь не отвечать, я тебя вполне понимаю. Но позволь напомнить тебе о встрече с Дегонисом: как она происходила и чем закончилась.

— Если ты хочешь меня отговорить, то лучше и не пытайся, — нахмурилась Сирелина. — Я не откажусь от Илианы и при первой возможности отправлюсь к ней.

— А я совсем и не об этом, — качнула головой Арадора. — Я даже не сомневаюсь что ты вернешься к девочке, как, увы, не сомневаюсь и в том, что рано или поздно ты вновь столкнешься либо с Дегонисом, либо с кем-то из его приспешников. Молю небо чтобы не со всеми сразу. И вот тогда…

— Что — тогда? — напряженно спросила Сирелина не понимая куда клонит собеседница.

— Тогда бы тебе очень пригодилось то, что дает лишь Имьюнитас,

— выразительно отчеканила Арадора. — Помнишь змей, которыми обездвижил тебя Дегонис?
— Н-ну? — буркнула светловолосая чародейка, поежившись при этом не самом приятном воспоминании.
— Даже при умеренной сопротивляемости они оказались бы мало эффективны и ты легко сбросила бы их с себя простым движением тела. При сильной — и вовсе бесполезны, а их колдовской яд для тебя стал бы не вреднее ромашкового чая, — все так же неторопливо, но с чувством произнесла наставница.
Сирелина невольно оживилась, а в глазах ее замерцал задиристый огонек. Она поняла куда клонит Арадора.
— Вот оно что… — протянула она многозначительно, посмотрев на старшую сестру совсем по-другому.
Наставница знала к чему апеллировать. К тому же она действительно желала Сирелине только добра и, чувствуя, что явно не в силах уберечь ее от опасности, желала ее к этой опасности как можно серьезнее подготовить. Сирелина поняла, что Арадора вовсе не стремится удержать ее в обители как можно дольше — она старается ей помочь.
— Я думала, что ты всегда была против моих затей, — смущенно пробормотала чародейка.
— Никогда я не была против, — слабо улыбнулась наставница. — Я лишь старалась не допустить чтобы ты угробила сама себя из-за своей поспешной горячности и излишней неосмотрительности. Тебе еще действительно многому предстоит научиться, но ты всегда была одной из моих лучших учениц, которой, надеюсь, однажды я буду очень гордиться.
— Тогда какой ты мне дашь совет? — спросила Сирелина.
— Не могу. Но я сказала тебе все, что посчитала нужным сказать, — негромко отозвалась Арадора. — Выбор за тобой.

Перед тем как приступить к испытанию Имьюнитас Сирелина выпросила себе отпуск. Перед столь долгой разлукой она просто обязана была повидать Илю, лично объяснить ей причину своего отсутствия и постараться сделать как можно больше за те две недели, что они проведут вместе. Мысль о том, что она вновь окажется разлучена с воспитанницей болезненно отзывалась в груди ноющим чувством, но Сирелина утешала себя планами на будущее. Пускай сейчас она опять становится заложницей обстоятельств, зато позднее наверстает потраченное время с лихвой. Она обязательно вырвет Илиану из этого змеиного гнезда, и тогда горе будет тому черному колдуну, который осмелится встать на ее пути!

Нежась под медвежьей шкурой, Сирелина невольно припомнила приведшие ее в Солтенстил события. Отпущенные две недели

начались, ибо старшие сестры были не столь жестокосердны чтобы включить в них и дни потраченные на дорогу. Стало быть, время у нее еще есть. Осталось лишь распорядиться им максимально эффективно.

Бэйл выполнил поручение на редкость удачно и быстро. Позевывавшая Сирелина едва успела одеться, как дверь распахнулась и в нее вихрем ворвалась сияющая восторгом Илиана. Она очень ждала этой встречи и теперь прямо-таки напрыгнула на чародейку, повиснув на ней всем телом. От неожиданности та даже пошатнулась, заключая воспитанницу в ответные объятия.

— Как же ты выросла! — невольно вырвалось у изумленной до глубины души Сирелины.

Из писем гладиатора она знала об изменениях в развитии воспитанницы, но теперь убедилась в них воочию. Судя по внешности, ее обвивал руками минимум тринадцатилетний подросток, а по речам — и того старше. Немногим более полугода прошло с тех пор, как они виделись последний раз, и произошедшая за минувшие месяцы перемена казалась просто поразительной. Для тех кто встречал Илиану регулярно эти изменения проходили куда более сглажено, ибо они не имели возможности сравнения. Живущие бок о бок люди всегда растут и старятся незаметно, и иной раз глазом не успеешь моргнуть, как двадцатилетний юноша превращается в полувекового мужчину, а ты смотришь на него все такими же глазами, будто и не минуло с тех пор три десятка лет. И то люди все чаще примечали как быстро стала расти некогда маленькая девочка, а уж Сирелина и вовсе поразилась произошедшей перемене.

— Да, мне это говорили, — смущенно улыбнулась Иля, отпуская любимую фири. — И дедушка Арбах, и тетя Далина, и дядя Бэйл. А Талара говорит, что вскоре нас станут принимать за одногодок.

— Я наслышана о твоей новой знакомой, — сказала чародейка, погладив девочку по голове. — Если я правильно поняла, вы с принцессой очень сблизились.

— Мы лучшие подруги, она меня очень ценит и доверяет! — горячо отозвалась Иля, желая представить Талару с самой лучшей стороны. — Она честная, храбрая, добрая и очень любит приключения! С ней весело. С ней я забываю обо всем плохом.

— Тебя послушать, так она просто образец для подражания. Крайне редкое качество для принцессы крови, — хитро прищурилась Сирелина. — Кстати, а про меня ты ей случайно не разболтала? Я ведь несколько не в ладах с ее отцом, если не сказать больше.

— Нет, — мотнула головой девочка, и ее сиреневые глаза посерьезнели. — Но мне очень непросто держать ее в неведении. Я не

могу поделиться с ней всем, а мне из-за этого кажется что я ее обманываю.
Вместо ответа чародейка вновь обняла воспитанницу. Она невольно почувствовала себя виноватой за то, что Иля в некотором роде оказалась меж двух огней, разрывалась сразу на два фронта. Ведь Талара, как ни крути, дочь своего отца, а Сирелина находилась с ним в прямом противостоянии. И их обоих сводила Илиана, которая дружила с принцессой и одновременно была тесно связана с чародейкой. М-да, положеньице. Тут и взрослому есть чем озадачиться, а что уж говорить про ребенка.
— Дядя Бэйл поначалу хотел похитить Талару, и я на него тогда очень обиделась, — сообщила вдруг Иля, хотя этот инцидент, казалось, давно был исчерпан.
Сирелина быстро сообразила с чего вдруг воспитанница сейчас об этом вспомнила.
— Я запретила ему даже думать об этом. Не волнуйся, твоей подруге никто не причинит зла. И я тоже, — сказала она, сделав особенно выразительный акцент на последних словах.
Чародейка угадала. Сиреневые глаза Илианы засияли, и по всему было видать что ей оказалось важно получить подобное заверение из уст самой наставницы. Письма письмами, а ничто и никогда не заменит живого общения.
— Кстати о твоей Таларе, — сказала Сирелина, усаживая девочку за стол у окна и устраиваясь рядом. — А ну-ка поведай мне о ваших похождениях в Аберидже, куда я, между прочим, строго-настрого запретила вам соваться!
— А дядя Бэйл тебе разве не рассказал? — порозовела Иля.
— В общих чертах. К тому же он заявил, что у тебя, ввиду некоторых событий, получится гораздо лучше, — пояснила чародейка. — Так что давай, милая моя, выкладывай как дело было.
Она говорила сущую правду: гладиатор действительно упомянул о недавнем приключении лишь вкратце. Его подробный отчет Сирелина так и не увидела, разминувшись с ним в пути, а сейчас, по зрелому размышлению, Бэйл решил что лучше ей все узнать от самой Илианы. И теперь чародейка сгорала от нетерпения услышать повествование целиком, поскольку Бэйл успел упомянуть такое, во что она попросту отказывалась верить.

Иля передала все события очень подробно, старательно описывая детали и собственные ощущения. Она начала несколько издалека, упомянув первый поход в Аберидж, а затем, проведя очевидную связь между столом и взбесившимися доспехами, приступила ко второму. Скучать Сирелине не пришлось. Давненько чародейка не слыхала что-либо подобное. Слова девочки приводили

ее в глубочайшее изумление, смешанное с откровенной растерянностью. В процессе изложения затеянной принцессой авантюры чародейка несколько раз вскакивала и принималась ходить по комнате в сильнейшем возбуждении. Затем усаживалась обратно и вновь внимала речам воспитанницы, вытаращившись на нее во все глаза.
— Невероятно... Не может быть... Это невозможно! — то и дело срывались с ее губ негромкие восклицания.
Илиана не прерывалась, следуя ее знаку в духе "продолжай, это я так, не обращай внимания". Когда девочка дошла до красочного описания привидевшегося ей кошмара, от которого и сама невольно содрогнулась, Сирелина в третий раз глотнула доброго красного вина, заботливо оставленного гладиатором. Когда же Иля закончила, то и вовсе едва удержалась от того, чтобы не прикончить все содержимое графина.
— Немыслимо... — пробормотала она, подперев пальцами виски. — Это просто немыслимо.
В отличие от Илианы чародейка рассматривала приключившиеся события с иной точки зрения. Девочка, в известном смысле, была просто наблюдателем и принимала все как должное, пусть и находилась от этого под глубоким впечатлением. Сирелина являлась специалистом, и специалистом неплохим. Это ее задача — разбираться в чарах и объяснять происходящее. Вот только с объяснениями у нее выходило весьма туго!
— Вот те две печати, что мы нашли в столе, — сказала Иля, выкладывая на стол перед чародейкой увесистые вещицы из белого металла, одну поменьше, другую значительно побольше.
Талара не возражала чтобы обе этих находки перекочевали к подруге. Сама она не слишком ценила подобные штуковины, не придавая им особенного значения. Взяв ту что поменьше, чародейка покрутила ее в руках, внимательно разглядывая со всех сторон. Ее губы тихо шевелились, а с кончиков пальцев слетали красивые искорки.
— Не хочу тебя разочаровывать, но, видимо, это просто чей-то личный оттиск, каковой обычно используют должностные лица либо люди благородного происхождения, — заключила она, отставляя малую печать в сторону. — Небезынтересно будет узнать ее владельца по вензелю и окантовке, только боюсь что теперь это крайне маловероятно. Возможно, представляет известную ценность как исторический раритет, что напрямую зависит от того чья она.
Сказав так, Сирелина взяла со стола большую печать. При первом же взгляде на рисунок ее брови немедленно поползли вверх, а на

лице появилось ошеломленное выражение. Видимо, в замысловато скрещенных линиях и буквах с надписью по периметру она узрела нечто очень необычное. Иля, заинтригованная игрой ее лица, от нетерпения даже засопела. Чародейка дрогнувшим голосом вновь едва слышно зашептала заклинания, но на сей раз предмет не остался к ним безучастен. Едва с ее пальцев снова посыпались искорки, как заискрил и сам исследуемый артефакт. Вздрогнувшая Сирелина вполголоса произнесла какое-то особое заклятье. В ответ печать покрылась сеточкой сухо затрещавших молний, которые, зазмеившись по ее поверхности, охватили кисть чародейки до запястья и довольно чувствительно долбанули ее проскочившим разрядом. Вскрикнув, Сирелина отдернула руку, но тут же снова ухватилась за оброненную на стол печать.

— Да этого просто не может быть! — воскликнула она, пораженная до глубины души.

— Что это?! Ну скажи — что?! — не выдержала Иля, подозревая, что происходит нечто очень и очень любопытное.

Наставница перевела на нее озадаченный взор.

— А вот сейчас и проверим, — вдруг сказала она, как ужаленная срываясь с места.

Илиана никак не ожидала что ей вдруг на кой-то ляд понадобится письменный прибор с листами чистой бумаги. Этого добра у Бэйла хватало, поскольку последние месяцы он частенько работал летописцем своего житья-бытья при дворце ад-Сейдина, досконально описывая похождения вверенной ему парочки. Не говоря ни слова, Иля молча следила как озабоченная фири набросала несколько строк, после чего сложила бумагу особым образом и что-то написала сверху. Затем, накапав разогретого на свече синего воска, приложила к ней большую печать.

— Держи, — сказала чародейка, протягивая девочке запечатанный лист. — Открой и прочти.

Илиана взяла только что изготовленное при ней послание, на лицевой стороне которого значилось ее имя. Ничего не понимая, она сломала печать и пробежала глазами пару ничего не значащих предложений.

— Это какая-то шутка? — спросила она, подняв на Сирелину недоуменный взгляд.

Загадочно улыбнувшись, чародейка взяла еще один лист и опять что-то начертала на его девственной поверхности. Затем вновь сложила, надписала и запечатала все таким же нехитрым образом.

— Теперь попробуй это, — предложила она, вручая воспитаннице второе послание.

Приняв сложенный лист Иля заметила, что на сей раз он был адре-

сован Бэйлу. Пожав плечами, девочка привычным движением попыталась сломать печать, но неожиданно у нее ничего не вышло. Удивленно сдвинув брови, она попробовала снова — и снова безрезультатно. Некоторое время Илиана сосредоточенно воевала с письмом, водя по воску срывающимися пальцами и на разные лады сгибая бумагу в надежде переломить неподдающийся воск. Бесполезно. Он намертво сидел как влитой и даже не думал поддаваться, будто был отлит из прочнейшей стали и составлял с листом единое целое.

— Я не могу его открыть! — воскликнула Иля, впиваясь в чародейку озадаченным взором.

— Никто не сможет, — каким-то торжественным тоном изрекла Сирелина. — Никто кроме адресата.

— Но как такое возможно?! — изумилась охочая до волшебства воспитанница.

— Никак, — неожиданно согласилась чародейка. — До сего момента я тоже так полагала. Милые мои, вы даже не представляете что нашли! Это же Рефендари!

Издав громкий возглас, она вскочила из-за стола и снова забегала по комнате, то и дело оглашая ее звонкими восклицаниями. Глаза Сирелины восторженно блестели как у ребенка, узревшего богато украшенную новогоднюю ель.

О подобных артефактах даже чародейкам доводилось лишь слыхать и видеть их изображения в древних манускриптах, дошедших до современной эпохи. Отголоски давно минувших дней, свидетельства некогда почти неограниченного могущества чародеев, ныне они считались безвозвратно утраченными и даже само их существование подвергалось сомнению. Последние века среди сестер и иных адептов колдовского искусства все чаще стали появляться научные труды, в которых аргументировано опровергалась возможность наличия таких вещей. Еще несколько сотен лет, и такие предметы окончательно перешли бы в разряд мифов; легенд, которыми окружают волнующие и манящие, трагические и сказочно таинственные перипетии прошлого. Рефендари. Хранители печати — так они назывались. Это была и печать и заклинание одновременно. Единое целое, созданное запредельно могущественным чародеем. Единожды поставленный оттиск был нерушимым, и лишь тот, кому он предназначался мог вскрыть его так же легко как яичную скорлупу. Всем остальным подобное оказывалось не под силу. Могущество Рефендари не брали ни огонь, ни железо. Ее отпечаток бесполезно было ломать, бессмысленно плавить, стараться расколдовать или уничтожить каким-либо иным способом. При этом следовало отметить, что разорвать саму бума-

гу того же письма, дабы хоть так ознакомиться с его содержимым, труда не составляло, но вот о том чтобы избавиться от наложенного на него знака можно было даже не мечтать. Сохранность послания от постороннего взора в случае его очевидной целостности гарантировалась. Свиток, запечатанный по краям Рефендари, открыть не повредив было невозможно. Исходя из свойства нерушимости разрабатывались особые способы как защитить содержимое какого-либо хранилища, дабы полностью исключить к нему доступ третьих лиц или хотя бы осложнить его как можно больше.

Все это Сирелина, разумеется, почерпнула из соответствующих источников за долгие годы пребывания в обители. И вот теперь такой легендарный артефакт, в который она и сама, честно признаться, почти не верила, непостижимой игрой судьбы оказался у нее в руках. Он до сих пор сохранял свое потрясающее свойство, хотя по всем законам современного чародейства его сила давным-давно должна была иссякнуть.

— Иля, я должна увидеть Аберидж! — воскликнула Сирелина, в горячем порыве хватая воспитанницу за руки.

Чародейка, безусловно, и так собиралась наведаться в столь любопытное место, но теперь оно захватило ее целиком и полностью.

— А ты возьмешь меня с собой? Я надеялась что мы будем проводить время вместе, — невольно огорчилась девочка.

— Ну что ты! Конечно будем! — порывисто обняла ее Сирелина. — Я займусь им когда ты вернешься во дворец. Кстати, как вы договорились с Таларой?

Принцесса без лишних вопросов пошла подруге навстречу. Они почти всегда отправлялись в город вместе за очень редким исключением, когда выходила одна Талара, да и то ненадолго. Сейчас же складывалась ситуация, когда выйти требовалось только Илиане. В этом вопросе она целиком и полностью зависела от принцессы, от которой требовалось каким-то образом отделаться, да еще на продолжительное время. Иле очень не хотелось обманывать подругу, поэтому она просто не сказала всей правды. К ней, мол, приехала тетушка, жена дяди Бэйла, и им несколько дней очень нужно по-родственному побыть наедине. Визит тетушки проходит в тайне, поскольку родные Илианы подвергаются известной опасности, и они могут встречаться лишь в укромном месте. Илиана очень волновалась, когда просила Талару, и у нее был такой жалобный вид, что принцесса растрогалась и заверила в своем безграничном покровительстве. Против своего обыкновения она даже и не подумала присоседиться за компанию, навязывая свое общество, а проводила Илю до секретного выхода, где благополучно отпустила восвояси, условившись встретиться на

этом же месте в восемь часов вечера. Учитывая, что выход в город состоялся в двенадцать часов дня, времени у Илианы было довольно много. По всей вероятности, принцесса отнеслась с пониманием к родственным чувствам, которые у нее самой были в большом дефиците. Ведь кроме отца она почти ни с кем не общалась, а тот наезжал во дворец достаточно редко и по большей части был занят государственными делами. Пожелав подруге удачи, Талара удалилась, заперев потайной ход, а Иля со всех ног помчалась к дому Бэйла, благо что тот заранее показал на карте где его найти.

Сирелина не была уверена что стоило посвящать принцессу в ее визит, пусть она и не знала кто такая тетушка Илианы на самом деле, но чародейка понимала почему воспитанница поступила именно так. Ложь во спасение — скользкий путь, на котором очень легко оступиться. Им злоупотребляют все кому не лень, зачастую прикрываясь красивыми словами для оправдания вполне себе низменных устремлений. Обдурить врага и обмануть друга — абсолютно не одно и тоже. Илиана росла честным человеком, и доверявшим ей близким людям старалась не лгать, по возможности лишь частично умалчивая о правде, а это было иное. Старый шейх добросовестно потрудился над ее воспитанием, да и Сирелина успела прибавить к нему свою толику, так что теперь ставить девочке в упрек ее желание поступать по совести было бы мягко говоря несправедливо.

Имелся в этой ситуации и еще один непростой аспект. Прежний путь во дворец чародейке был недоступен, хотя убежище на чердаке все еще оставалось нераскрытым, и при случае она вполне могла там снова окопаться. Выходило так, что с некоторых пор Илиане был известен еще один, которым пользовалась Талара, позаимствовав его в некотором роде у своего отца. Даже Бэйл до сих пор точно не знал где находится потайной ход, ибо Иля попросила за ними не следить, и у гладиатора не хватило духу обмануть ребенка. Это было где-то в прилегающем к дворцу с юга старинном квартале, в районе старой гостиницы, но на этом представления Бэйла о секрете девочек заканчивались. Сирелина же, по вполне понятным причинам, могла пожелать куда больше сведений, и Илиана очень боялась ее расспросов. Талара взяла с нее клятву молчать, и девочка оказалась бы просто в ужасном положении, если бы любимая фири настаивала выдать ей столь желанную тайну. К счастью, чародейка оказалась достаточно мудра, дабы обойти сей сложный вопрос стороной. Только помимо этических соображений руководствовалась она и парой куда более прозаичных. Илиана упоминала ключ, который принцесса втихаря брала у са-

мого хана Гийюра, пользуясь отсутствием последнего, поскольку ее собственный такими возможностями не обладал. Это означало, что на открываемые им двери наложены мощные чары, преодолеть которые у Сирелины в прошлый раз не получилось. Ведь она так и не смогла проникнуть в ту часть дворца, где, по всей видимости, находились личные покои представителей правящей династии. С другой стороны, Сирелина тогда особо и не старалась, сосредоточившись на подземельях. Там с заколдованными дверями дела обстояли попроще. Тем путем постоянно ходили гвардейцы и прочие посвященные люди, и запоры подобные тем, что охраняли ханские покои, из надежной защиты превратились бы в серьезную помеху. А раздавать ключи всем направо и налево означало полностью дискредитировать всю систему, ибо рано или поздно один из них окажется в ненадлежащих руках или будет банально утерян. Что тогда прикажете делать? Всякий раз выдавать всем новые, исчисляемые сотнями, а заодно с нуля накладывать чары на каждый замок? Очаровательная перспектива. Поэтому старания колдунов не распространялись на все запоры поголовно, что, между прочим, основательно прибавило бы им мороки, обычно ограничиваясь лишь безопасностью самого повелителя и его родных. Сюда явно относился и потайной ход, которым пользовался лично ад-Сейдин, ведь на всем его протяжении нельзя было встретить ни одного гвардейца. Его двери охраняли чары, распознававшие ключ и беспрепятственно пропускавшие лишь его обладателя. Всем остальным путь был заказан. Стало быть, даже знай чародейка точно где находится вход, ей придется иметь дело с очень сильным колдовством, а Дегонис наверняка приложил максимум усилий дабы преодолеть его оказалось очень непросто. При этом даже в случае успеха разбитое колдовство очевидным образом выдаст вмешательство чародейки со всеми вытекающими, что годилось для одной вылазки, но никак не для регулярных. Сирелина за ближайшие две недели просто не в состоянии осуществить какой-либо грандиозный план, честно решив сосредоточиться исключительно на своей воспитаннице и изучении Абериджа. Стало быть, с визитом в ханский дворец можно и обождать, и почем зря не ставить Илиану перед сложным моральным выбором. Конечно существовал вариант с похищением Талары: схватить ее и запереть где-нибудь в надежном месте, отобрав столь ценный ключ, не составило бы особого труда. Затем, пользуясь его неограниченными возможностями, беспрепятственно проникнуть во дворец и вывести всех нирелинцев через никем не охраняемый подземный ход. Затея, имеющая огромные шансы на успех. Только вот Илиана, скорее всего, никогда Сирелине этого не простит, поэтому ча-

родейка нечто подобное, как бы соблазнительно оно ни выглядело, всерьез даже не рассматривала. Сама же принцесса вряд ли добровольно пойдет на такой шаг, если ей как снег на голову свалится чародейка и предложит принять участие в диверсии против собственного отца. "М-да, положеньице", — в очередной раз думалось Сирелине. Что ж, время покажет.

Перед прогулкой в Аберидж Илиана успела показать наставнице образцы и другой найденной там добычи. Статуэтка и монеты по мнению чародейки оказались именно тем, чем и выглядели — статуэткой и монетами. Никакого колдовства. Художественная работа заслуживала известного внимания, да и по чеканке денег можно попробовать определить их происхождение и эпоху, только с этим спешить совершенно не обязательно. А вот драгоценные камни ромбовидной огранки заинтересовали Сирелину куда больше. Не настолько, как чудесная печать, но глаза у чародейки вновь зажглись особым огоньком. Прямо сейчас она не могла точно сказать с чем именно они имели дело, но предварительные выводы уже впечатляли. Это были не драгоценные камни! Они лишь так выглядели, но на деле их природа имела совершенно иную сущность. Какую? Сирелина не знала ответа на этот вопрос. Требовалось серьезное исследование, которое она полноценно способна провести лишь в обители. Но от этих камней однозначно исходила некая сила, и у чародейка никак не получалось ее идентифицировать. Она была какая-то безликая. Никуда не приложенная, ничего не выражавшая, не имевшая ни цели, ни даже полярности. Она просто была, сама по себе и без какого-либо внятного смысла.
— Я определенно должна попасть в Аберидж! — в очередной раз заключила чародейка. — Иля, проводишь меня? Кстати, давай поменяемся. Я тебе дам несколько настоящих драгоценных камней, а ты мне отдай пожалуйста все эти. И Талару попроси чтобы она их никуда не задевала. Я пока не знаю что это, но может статься нечто очень важное.

Замок на воротах Абериджа для чародейки препятствием не являлся. Она лишь прикоснулась к холодному, подернутому ржавчиной железу, почти беззвучно шевельнув губами, и под слегка осветившейся ладонью запор тут же сдался. Едва Сирелина за руку с воспитанницей прошла под аркой, как им навстречу выбежал упитанный полосатый котяра. Завидев незнакомую женщину, он сбавил ход и остановился в нескольких ярдах поодаль, недоверчиво подергивая хвостом и принюхиваясь. На его короткое мяуканье Иля неожиданно для спутницы ответила несколькими смешными звуками. Затем на глазах у заинтригованной чародейки подошла к коту и принялась его гладить, продолжая ворковать с ним на ка-

ком-то птичьем языке. Хвостатый, на удивление, что-то мякал в ответ, а затем важно прошествовал к безмолвно наблюдавшей за этой сценой женщине и издал звонкое протяжное "мяу".
— Его зовут Бус. Он с тобой здоровается, — пояснила Иля.
— Надо же какие мы воспитанные, — усмехнулась чародейка, присев и в свою очередь погладив позволившего такую вольность кота. — Бэйл упоминал вашего дрессированного питомца. Я помню как ты управлялась с животными в Нирелине и помню Дирха. Признаться, уже тогда я была очень удивлена. Здравствуй, здравствуй, мой мохнатый друг. Значит, ты Бус? А меня зовут Сирелина, и я чародейка.
— Он уже знает. Я ему только что сказала, — скромно потупилась девочка.
— В самом деле? — улыбнулась светловолосая женщина. — А что ты еще ему сказала?
— Что я очень тебя люблю, что ты умеешь творить чудеса и что тебе вполне можно доверять. Ведь он избегает людей и старается не иметь с ними дел, — невозмутимо ответила Илиана.
— И он все это понял? — рассмеялась Сирелина.
— Да, — просто сказала девочка. — Я умею понимать животных и говорить с ними.
Чародейка подняла на нее весело блестевшие глаза. Ее встретил спокойный и серьезный взгляд воспитанницы. Сирелине вдруг стало не до смеха. Она неожиданно осознала, что Иля ничуть не шутит. Нахмурившись, она внимательно вгляделась в знакомые черты лица, ища какой-то подвох.
— Ты меня разыгрываешь? — спросила чародейка.
— Нет, — мотнула головой девочка. — Я хотела тебе сказать в прошлый раз. Там, на чердаке. Но ты ушла и не вернулась.
— Да, меня тогда задержали… — машинально согласилась Сирелина. — Э, постой, о чем это я?! Так это ты взаправду?!

Следующие четверть часа оказались для чародейки весьма нетривиальными. Воспитанница поведала ей такое, от чего у нее аж рот открылся. Поначалу она Илиане попросту не верила, но рядом находилось живое доказательство. По просьбе девочки Бус проделал несколько таких вещей, после которых уличить его даже в самой изощренной дрессировке не представлялось возможным. Испытание со спрятанным предметом и вовсе поразило Сирелину до глубины души. Для чистоты эксперимента она велела Иле отвернуться, а сама завела кулаки за спину, спрятав в одном из них небольшой кусочек душистой смолы из имевшихся под рукой реагентов. Внешне кулаки выглядели совершенно одинаково, и лишь кот, в отличие от человека, своим чутким обонянием мог распо-

знать где находится искомое, узнавать которое его никто не учил. Методика определения знакомых запахов по типу собак на таможне таким образом исключалась. Трижды чародейка, присев рядом с животным, меняла руку, и трижды Бус, следуя щебету Илианы, заходил ей за спину, принюхивался и клал лапу на правильный кулак. Натасканное животное могло выполнить команду дрессировщика. Вот только сам дрессировщик заведомо не знал что и где искать.

Когда Сирелина вновь обрела дар речи, она посмотрела на девочку так, будто видела ее впервые.

— Со многими ты так можешь? — спросила чародейка, испытующе глядя на воспитанницу.

— Со всеми, — негромко отозвалась та.

Сирелина ахнула. Некоторые люди действительно обладали способностью в определенной степени понимать братьев наших меньше, но обычно это не выходило за пределы пары-тройки видов и носило куда более ограниченный характер. Не говоря уже об огромной редкости такого таланта, который обычно совершенствовался десятилетиями. Если Илиана не переоценивала собственные возможности, то ее случай был фантастически уникален. Однако теперь, когда Сирелина узнала о ее невероятном даре, все предыдущие эпизоды моментально сложились для нее в одну гармоничную картину, получив простое и в то же время феноменальное объяснение. Так вот почему девочка так ладила с животными в Нирелине! Вот чем были вызваны ее удивительные отношения с Дирхом! Выходит, она действительно с ним говорила! Невероятно…

— Почему же ты мне сказала об этом только сейчас? — пораженно прошептала Сирелина.

— Я сама осознала это не так давно. К тому же я боялась, — потупилась Илиана.

— Кого? Меня? — невольно удивилась чародейка.

— Ты рассказывала мне о ведьмах. И среди прочего — о такой особенности, присущей многим из них. Я боялась что меня примут за ведьму, — грустно сказала Иля. — И до сих пор боюсь.

Сирелина чертыхнулась на колдовском наречии, от чего ее пальцы заискрили. Это была сущая правда. Многие ведьмы, пойдя своим путем, действительно обладали подобными навыками. Выходит, она самолично сбила с толку бедного ребенка, внушив ему страх перед собственной натурой. Ну молодец, Сирелина, хорошая из тебя вышла наставница!

Следующий час, устроившись с Илей на обросшей зарослями скамейке, чародейка, ласково обнимая ее за плечи, потратила на

восстановление душевного равновесия девочки. Аберидж со всеми своими тайнами ненадолго перестал для нее существовать. Полосатый Бус не прислушивался к их негромким речам — он с удовольствием гонялся за видением сотворенной чародейкой мышки.

До потайной двери дошли втроем. Бус не горел желанием приближаться к подозрительному месту, набитому всякой чертовщиной, но Иля для пущей убедительности попросила его поработать проводником. Чародейка только диву давалась, быстро соображая какие фантастические возможности можно обрести с таким поразительным даром. На этом фоне даже необъяснимая способность Илианы находить тщательно замаскированные секреты отходила на второй план, хотя и это Сирелина отнюдь не пропустила мимо ушей. Девочка показала как открывается дверь и поведала о странном ощущении в кончиках пальцев, все чаще приводившем к таким вот открытиям.

— Ты кому-нибудь еще об этом рассказывала? — очень серьезно спросила чародейка.

— Только Таларе и только про животных, — не стала скрывать Илиана и вкратце поведала наставнице обстоятельства знакомства с принцессой.

— Больше никому не говори! — одобрила такую скрытность Сирелина. — Даже Бэйлу. Раз Талара думает, что этот секрет известен лишь вам обоим, пусть так и остается. Его я подготовлю сама, чтобы он увидел все в нужном свете и случайно не выдал при принцессе своей осведомленности. Что же касается твоей подруги, то она, если я правильно понимаю, сама заинтересована хранить твою тайну, и в этом вопросе на нее вполне можно положиться. По крайней мере, до поры.

Внутрь потайного помещения чародейка не пошла. Ведь она не могла оставить Илю в одиночестве, а брать ее с собой в это наполненное неизвестными опасностями логово она уж точно не собиралась. Отложив изучение Абериджа на потом, Сирелина все так же за руку с воспитанницей покинула развалины, не забыв их запереть обратно, а заодно и попрощаться с ластившимся Бусом. Она, конечно, не обладала достоинствами Илианы, но кошки, как правило, чуяли носителей колдовского дара и относились к ним в соответствии с тем, в какую именно сторону этот дар был направлен. На злую ведьму шипели, на черного колдуна рысились, к не замешанной в темном искусстве чародейке испытывали самое доброе расположение.

Сирелина рассталась с воспитанницей лишь незадолго до восьми вечера, честно посвятив ей все свое время до последней минуты. Им было о чем поговорить, особенно после потрясших ча-

родейку признаний Илианы. Коснулись они и знания языков. Случай в Нирелине до сих пор не шел у Сирелины из головы и теперь настало подходящее время кое-что прояснить.
— Я понятия не имею как это получается, — развела руками девочка. — Мне кажется, я не знаю ни одного слова на старинном языке Железных земель, но стоит Таларе или кому-нибудь другому заговорить на нем, как я понимаю все до последней интонации. И могу ответить. Раньше я даже не замечала что люди говорят на разных наречиях, и до сих пор это часто проходит вне моего внимания, если кто-нибудь не заметит.
— Я полагаю, это подсознательное, — подумав, заключила чародейка. — Ты ровным счетом ничего не помнишь о первых годах своей жизни, но ответ скрыт именно там. Хотелось бы мне знать причины такой забывчивости, как хотелось бы выяснить и детали твоей биографии. Уже не первый раз я говорю себе: будь моя воля, я немедленно забрала бы ее в обитель, но на сей раз меня подмывает отчаянное желание тебя попросту выкрасть, а там будь что будет.
Лицо Или приняло неоднозначное выражение и Сирелина, улыбнувшись, пояснила что, разумеется, шутит, хотя безусловно и опечалена невозможностью взять девочку с собой. В свете всех открывшихся обстоятельств ее место именно там, и теперь это вынуждены будут признать все сестры без исключения. Когда Илиана упорхнула, торопясь к поджидавшей ее принцессе, чародейка еще некоторое время размышляла в одиночестве, обдумывая все свалившиеся на нее поразительные события сегодняшнего дня. Помимо прочего воспитанница сообщила, что Талара предприняла попытку отыскать ее кровную родню среди благородных семей Железных земель. По мнению Сирелины круг можно было существенно сузить, если принять во внимание знакомство одаренного дитя с колдовским наречием. Увы, такие сведения не стоило сообщать даже принцессе, не то что кому-то еще, так что в данном случае толку от такого соображения было немного. Кроме того, чародейка подозревала что здесь кроется нечто совсем иное, и Талара ищет совсем не там.

Уходившее за горизонт солнце застало Сирелину в развалинах Абериджа. Помахав рукой ненадолго показавшемуся Бусу, она прошествовала к заветной двери, открыла потайной механизм и приступила к исследованию.

Несколько дней насчет загадочного места из нее и слова нельзя было вытянуть. Чародейка отмалчивалась, заявляя не что хочет делать поспешных выводов. С утра и до вечера она проводила время с воспитанницей, а сразу после этого отправлялась в разва-

лины и торчала там до глубокой ночи. По возвращении Сирелина уделяла пару часов внимания Бэйлу, а затем забывалась глубоким сном до очередного прихода Илианы. Последней неизменно помогала выбираться за пределы дворца великодушная Талара. Всем кому следовало она безапелляционно заявила, что забирает девочку к себе в покои для выполнения ее личного поручения. Какого именно — никого не касается. Отдуваться за двоих приходилось Бэйлу. Оставшись без привычного общества подруги, принцесса насела на него с тройным усердием, и гладиатор как мог пытался скрасить образовавшийся в ее жизни пробел, решив в качестве поощрения научить подопечную парочке очень сложных приемов. А заодно позволил начать отрабатывать удары доставшимся ей древним клинком, хотя с этим возникли известные сложности. Почти любую цель меч рассекал как подтаявшее масло и гладиатору спешно пришлось переоборудовать тренировочное чучело, снабдив его старыми, но крепкими латными доспехами. При контакте с толстой сталью клинок искрил и оставлял на броне заметные полосы, постепенно приводя ее в негодность. Сам при этом непостижимым образом не тупился, повергая Бэйла в полнейшее недоумение. Он не преминул показать свой собственный меч Сирелине, но та, осмотрев великолепный образчик ремесла древних оружейников, только неопределенно хмыкнула и продолжала хранить загадочное молчание.

Прорвало чародейку лишь с наступлением выходных. Бэйл как раз сопровождал принцессу в ее прогулке по Солтенстилу, когда прибывшая Илиана застала Сирелину за какой-то внушительного размера книгой, которую та с энтузиазмом листала. Рядышком была разложена целая стопка фолиантов поменьше, где женщина, судя по множеству закладок, тоже успела покопаться. Все это добро она раздобыла при помощи проживавшей на холме южной сестры, к которой гладиатор наведывался по почтовой надобности.

— У меня просто слов нет чтобы описать все свои впечатления! — воскликнула чародейка, завидев появившуюся на пороге Илю. — Дорогая моя, ты себе не представляешь насколько я поражена и озадачена! Я даже не знаю с чего начать.

Заинтригованная таким вступлением девочка засыпала наставницу вопросами, и та, собравшись с мыслями, кратко посвятила воспитанницу в курс дела.

В Аберидже творилось нечто необъяснимое, что, помимо прочего, касалось и некоторых позаимствованных там предметов. Все было связано одним очевидным парадоксом: что в развалинах, что на тамошних вещах до сих пор лежали могущественные чары,

которые по всем нынешним законам колдовства попросту не могли существовать самостоятельно столь долгий временной промежуток. Клинки, вне всяких сомнений, были зачарованы. Более того, их зачаровали не после, а во время изготовления, что Сирелина установила по ряду косвенных признаков, и создавший их человек был не просто высококлассным мастером — он был могущественным волшебником. Таким, в сравнении с которым любая нынешняя чародейка казалась лишь бледной тенью. Это пугало и восхищало одновременно, а заодно предоставляло Сирелине громадный пласт для кропотливых исследований, способных привести ее к небывалым открытиям. Найденная Рефендари в прояснявшейся общей картине теперь не казалась каким-то непостижимым исключением — она ей соответствовала. По всей вероятности, на заре существования Абериджа в нем обитал некий великий колдун либо чародейка, а возможно все сразу. Было это задолго до Великого Упадка, если Сирелине удалось хотя бы приблизительно оценить возраст сохранившихся текстов, которые она до сих пор не могла прочесть. Возможно в обители найдутся те, кто сможет вникнуть в их содержимое, но лично Сирелине этот древний и, видимо, мертвый язык был неизвестен. Кем бы ни был загадочный владелец Абериджа, он почти наверняка являлся выдающейся личностью даже для своего времени, ибо использовал это укромное место дабы без помех придаваться работе. Наличие потайных и защитных механизмов косвенно свидетельствовало в пользу этой версии.

Здесь Сирелина неожиданным образом прервалась.

— Иля, дай мне, пожалуйста, свою руку, — сказала вдруг она жадно внимавшей ее речам воспитаннице.

Девочка вложила ладошку ей в пальцы. Чародейка, прикрыв глаза, зашептала на колдовском наречии, и ее кисть осветилась голубоватым светом. Илиана сидела смирно, заинтригованно наблюдая за наставницей, проделывавшей с ее запястьем загадочные манипуляции. Девочка понимала слова, но непосвященному человеку плетение заклинания обычно кажется каким-то сущим бредом, поэтому она никак не могла взять толк чего Сирелина добивается. Чародейка старалась минут пять, затем отпустила руку воспитанницы и резким движением запустила пальцы себе в шевелюру, взлохматив ее так что искры посыпались.

— Ничего не понимаю! — с досадой воскликнула она, еле удерживаясь от желания треснуться лбом о столешницу.

— Что-нибудь не так? — обеспокоенно спросила Иля.

— Что-нибудь?! Да все не так! — с каким-то даже отчаянием произнесла Сирелина. — Я прямо-таки теряю веру в то, что до сих

пор знала и учила. Я чувствую себя идиоткой! Клинической идиоткой, не способной разобраться в сути вещей, хотя моя прямая обязанность быть экспертом в подобных делах! Как я ни лезу из кожи вон, а никак не могу обнаружить в тебе даже малейшего признака предрасположенности к колдовству!
— Это плохо? — осторожно уточнила девочка. — Конечно мне очень хотелось бы быть такой же как ты, но это ведь не повод убиваться, разве нет?
— Да дело совсем не в этом! — отмахнулась Сирелина. — Дело в том, что ты просто ОБЯЗАНА владеть чародейским даром.
— Хочешь сказать, что я тоже могу быть чародейкой?! — обрадовано воскликнула Илиана. — Но ведь ты сама говорила, что это может проявиться не сразу, а через какое-то время.
— Угу. Говорила, — с какой-то самоиронией заявила Сирелина. — Проблема в том, что ввиду некоторых обстоятельств ты УЖЕ должна ей быть, так или иначе! Вольно или невольно, но ты УЖЕ должна хоть что-нибудь колдовать, пусть даже случайно и неосознанно, а я не могу обнаружить ни капли текущего через тебя волшебства.
— Но я не умею колдовать! — растерялась Иля.
— Тогда объясни мне каким образом ты смогла привести в действие ключи из Абериджа, будь они неладны! — воскликнула пребывавшая в изрядном смятении чародейка.
— Я их просто повернула, что тут такого? — недоуменно возразила воспитанница.
— Правда? — осведомилась Сирелина. — А ну-ка напомни мне насколько на этом же поприще преуспели Бэйл и Талара. Если мне не изменяет память, то по твоим же словам у них с ключами ничего не вышло.
— М-м-м… Да, верно, — задумчиво кивнула девочка, припоминая это странное обстоятельство. — И что с того?
— Да ничего. Это меня как раз таки не удивляет. Меня удивляет как ТЫ смогла заставить ключи сработать. Ведь они подчиняются только чародеям! — заявила Сирелина, испытующе глядя на воспитанницу и окончательно потеряв способность что-либо понимать.
Некоторое время Илиана молча хлопала ресницами, озадаченно глядя на не менее сбитую с толку фири. Казалось, они искали ответа в глазах друг у друга, но найти его удавалось столько же, сколько дневного света в глубокой подземной пещере. Затем Илиана протяжно вздохнула.
— Значит, я все-таки ведьма, — унылым голосом сделала она неожиданно прозвучавший вывод.

— Я тебя сейчас покусаю! — рассердилась Сирелина. — Чтобы я больше этих глупостей не слышала! К твоему сведению, моя самозваная ведьма, в таком случае я бы это уже поняла, о чем тебе упорно и толкую! Ведьма — та же чародейка, только на иной лад. Видимо, мне следует хорошенько растолковать тебе эту разницу, особенно теперь, когда я становлюсь адептом Запретного чертога. Хотя такими темпами я могу и передумать…
— Из-за меня? Не надо! — огорчилась Иля. — Мне очень не хочется вновь с тобой расставаться, да еще так надолго, но я понимаю что это очень важно.
— Ох, ну почему я не в силах взять тебя с собой?!. — с примесью неподдельного отчаяния взмолилась Сирелина, поднимая глаза к небу, роль которого исполнял потрескавшийся закопченный потолок.
При всех своих способностях чародейка не имеет возможности забрать на воспитание одного-единственного ребенка! Хорошо могущество, ничего не скажешь! Настоящая гримаса судьбы.

Вернувшись к прерванной теме, Сирелина продолжила рассказывать Илиане о своих открытиях в Аберидже. Все досконально девочка еще понять не могла, не обладая достаточным запасом специфических знаний, поэтому наставница старалась обходиться без излишних премудростей, ограничиваясь словами попроще. Проникнуть в дальнюю комнату ей не удалось, поскольку за призрачным барьером до сих пор шныряли выбравшиеся из тьмы твари. Почуяв чародейку, они стали стекаться из глубины подземелья, но вели себя куда осторожнее, нежели с чудом избежавшей гибели троицей. Видимо, ощущали исходившую от Сирелины опасность и на рожон не лезли. Разумеется, нападни они всем скопом, чародейке пришлось бы туго, ибо она еще не стала полноправным адептом Запретного чертога, хотя даже сейчас вполне могла отправить пару-тройку этих чудищ обратно в то небытие из которого они вылезли.

Девастаторы — так они назывались. Опустошенные души, из которых злыми чарами необратимо удалили все человеческое; пленники, обреченные существовать между мирами. Они не знали ничего кроме вечного ничто, во мраке которого обитали, и неугасимой ненависти ко всему живому. Прикованные к какому-либо месту, они становились его бессменными стражами, нападавшими на всех кто осмеливался пересекать установленную границу. Чистый сгусток злобы, одержимый желанием растерзать, поглотить, уничтожить все то, чем некогда был и он сам — чувствами, мыслями, горячим телом из плоти и крови, — вот что представлял собой Девастатор. Бесконечно печальное и одновременно смертель-

но опасное явление. Не существо и не призрак, не живой и не мертвый. Опустошенный.

Из-за притаившихся за барьером Девастаторов сама Сирелина оказалась не в состоянии добраться до последующих за колдовским садом комнат, но из описаний Бэйла и Илианы могла в общих чертах предположить суть их появления. Предметы на постаментах, окруженные невидимыми колпаками, по всей видимости привязывали Девастаторов к этому месту. Каждый предмет был чем-то очень важным для несчастной души при жизни и теперь удерживал ее поблизости в нынешнем обличье. Надежное, но ужасающе безжалостное средство. Чем бы ни была загадочная сфера, Девастаторов заставили охранять именно ее. И, судя потому, как сфера старалась спасти явившихся к ней гостей, сама она вряд ли этому поспособствовала. Скорее наоборот — некто приложил как можно больше усилий, дабы навсегда изолировать ее от внешнего мира. Увы, чародейка не имела ни малейших представлений о сущности таинственного шара. Гадание на кофейной гуще не по ее части, а Девастаторы напрочь лишали возможности изучить сферу лично. К счастью, они не могли выбраться слишком далеко. От проникновения за отведенные им пределы подземелья их удерживал барьер, по периметру окружавший нижнюю часть колодца с подъемником. Колдовской свет, столь удачно использованный Таларой для изготовления импровизированных факелов, являлся для них непреодолимой преградой.

Чародейские сады Сирелина рассматривала лишь стоя у призрачной границы. Она бы с превеликим удовольствием прогулялась по их аллеям, ничего не оставляя без должного внимания. Ведь даже издали чародейка заприметила доселе неизвестных ей представителей флоры, и жаждала познакомиться с ними поближе. Увы, окаянные Девастаторы не давали ей такой возможности, а к схватке с ними в одиночку Сирелина была не готова. Тут требовалась либо помощь сестер, либо куда более серьезная подготовка самой чародейки. Запретный чертог в этом отношении сулил весьма привлекательную перспективу: всего одна из сестер Гексенхаммера вполне могла разогнать всю эту нечисть, а от целой группы разбежались бы в панике сами Девастаторы. Пожалуй все-таки стоит пройти испытание Имьюнитас, а там, глядишь, Сирелину допустят до изучения очень серьезных вещей, безусловно пригодящихся ей в последующих странствиях. Жаль только что придется долго ждать. До тех пор колдовские сады и все что сокрыто за ними останутся недоступными.

Здесь следовало сделать первую оговорку. Сирелина все еще понятия не имела каким образом обеспечивалось устойчивое су-

ществование этого удивительного места, как и свойств найденных в нем вещей. Ни о садах, ни о барьере, ни о чем-либо вообще никто не заботился. Никто не наполнял их силой, не накладывал чары и не следил за надлежащим состоянием заклинаний. Вместе с тем, против всех законов логики, сокрытые в недрах Абериджа секреты прекрасно воплощались сами по себе, и этот очевидный факт ничем не удавалось объяснить. Ответ, возможно, найдется где-то там, в глубине подземелья, но до поры придется принимать происходящее как данность. А это в свою очередь порождало и вторую оговорку.

Сирелина не собиралась делиться своим потрясающим открытием. Ну, не своим, если уж быть до конца честной, а Талары и Илианы. Уж коль скоро ее заточили в обители за похождения в Солтенстиле, то и тайны ханской столицы она будет исследовать единолично. Когда придет время, чародейка, безусловно, поделится с сестрами результатами проделанной работы, однако сейчас она уж точно никому не уступит лавры первооткрывательницы, особенно когда речь идет о таких чудесах. Стало быть, Аберидж будет безмолвно ждать ее возвращения, когда подготовленная, обретшая новые возможности Сирелина явится раскрывать его тайны. Пусть это и будет несколько эгоистично, но она находила такой расклад вполне справедливым.

Когда пришел Бэйл, Илиана сообразила что ей пора уходить. Талара уже поджидала ее в условленном месте и нехорошо было заставлять ждать оказывавшую ей столь немаловажную любезность подругу.

— Ну что, заговорщицы, наболтались? — добродушно спросил гладиатор, скидывая кожаный, в заклепках, доспех и снимая пояс с оружием.

Наставница и воспитанница обменялись понимающим взглядом. Для непосвященных их беседа могла показаться очень даже нудной, преисполненной заумных и неинтересных деталей. Бэйл предпочитал иметь дело с куда более материальными вещами, а возню со сверхъестественным оставлял на долю чародеек. Даже Талара, если отбросить всю приключенческую составляющую, запросто могла заскучать.

— Беги скорее, — улыбнулась Сирелина. — А я как раз переговорю с дядей Бэйлом.

Тепло распрощавшись с чародейкой и помахав гладиатору, Иля со всех ног припустила к потайному ходу. Первая неделя была почти на исходе и девочка старалась не думать о том, что еще каких-то восемь дней — и она не увидит Сирелину целых два года.

Принцессы на месте не оказалось. Удивленная Илиана не-

сколько раз постучала по замаскированной в нише двери, а затем, отойдя от нее на несколько шагов, недоуменно огляделась по сторонам. Вот еще незадача! Куда ж подевалась Талара? Пора возвращаться во дворец, а без подруги это попросту невозможно. Беспокойство девочки усиливалось с каждой минутой, однако оно не успело достичь критического уровня — поблизости раздались чьи-то быстрые шаги и из-за угла объявилась немного запыхавшаяся принцесса.

— Тали, ты где была? — спросила облегченно выдохнувшая Илиана.

— Да так, глазела на всякое разное, — невозмутимо ответила порозовевшая от быстрой ходьбы Талара. — Бэйл ушел, а я еще немного побродила по округе. Ты-то как? Как тетушка?

Услышав, что день прошел замечательно, принцесса удовлетворенно кивнула. Отперев потайную дверь отцовским ключом, она пропустила вперед Илиану, а затем юркнула в проход сама. Стена сомкнулась и запыленный, забитый всяческим хламом и заросший бурьяном проулок опустел.

Разговор с гладиатором у Сирелины вышел весьма короткий.

— Прости, мой верный воин, но у меня для тебя есть важное задание, — сказала она, не успел Бэйл как следует развалиться на широкой постели.

— М-м? — поинтересовался тот, поглядев на чародейку приоткрытым глазом.

— Я отправляюсь в Аберидж и мне нужна охрана. Не все же тебе только девочек сопровождать, — огорошила его Сирелина. — Без твоей помощи это может быть очень рискованно.

— Ты знаешь, я для тебя на все готов. Но почему сразу не сказала? Я уже и вещи сложил, — проворчал гладиатор, которому вместо уютного вечера в обществе привлекательной женщины только что посулили неведомые опасности.

— Из-за Или. Она могла напроситься за компанию. Девочка проявляет подлинный интерес к чародейству, и у меня есть все основания не ограничивать ее в этих знаниях, — пояснила Сирелина. — Даже не сомневаюсь что она вполне способна договориться о такой отлучке с принцессой, а я не намерена подвергать ее излишнему риску.

— Ну ладно, как скажешь, — вздохнул, поднимаясь, Бэйл. — Что от меня потребуется?

Затея Сирелины разонравилась ему едва чародейка обрисовала свой замысел. Его бы воля, так он и вовсе не ставил подобные эксперименты, но эта светловолосая колдунья не принцесса Талара — рисковать ей не запретишь и в охапку не схватишь. Он,

конечно, может демонстративно отказаться, всячески выказывая свое неодобрение, но тогда Сирелина отправится одна, а лучше уж с ним, чем без него. Поэтому когда чародейка приготовилась приоткрыть защитный барьер, он занял позицию рядом с ней, держа древний клинок наизготовку.

Первая часть плана удалась. Выделывая пассы плавно двигавшимися руками, чародейка, оглашая пространство колдовским наречием, мало-помалу добилась нужного эффекта. В перекрытом барьером дверном проеме появилась небольшая сквозная прореха, а затем, повинуясь чарам Сирелины, стала медленно увеличиваться в диаметре. Кружившие неподалеку Девастаторы замерли на месте, покачиваясь в воздухе и впиваясь угольками глаз в образовавшийся проход. Затем мало-помалу стали приближаться, издавая потрескивающие и клокочущие звуки. Чародейка постепенно раздвигала призрачную стену, созданное ей кольцо пустоты дюйм за дюймом ширилось. Давалось это намного тяжелее, чем она рассчитывала изначально. Мощь защитного барьера откликалась неохотно, едва уступая невероятным усилиям Сирелины и то на грани фола. Кто бы некогда ни создал эту колдовскую завесу, он был невероятно силен. Когда кольцо расширилось на достаточный размер, в него, откуда ни возьмись, нырнула первая подкравшаяся сбоку тварь.

Вторая часть плана заключалась в желании проверить способности Сирелины в противостоянии с Опустошенным. Прорвавшийся через барьер сгусток тьмы на всех парах устремился к светловолосой женщине, занятой удерживанием прохода через колдовской свет, и здесь-то и требовалась помощь Бэйла. Чародейка сейчас была наиболее уязвима, и у Девастатора имелись неплохие шансы до нее добраться, если она не успеет остановить его должным образом. Крутанув в воздухе клинком, гладиатор приготовился достойно встретить злобную тварь. Она подлетела в мгновение ока. Бэйл, не дожидаясь атаки врага, сделал несколько быстрых выпадов, не позволяя ей приблизиться. Завидев перед собой разящий клинок, от которого веяло колдовской силой, Девастатор заметался, стараясь избежать знакомства с зачарованной сталью. В этот момент в схватку как раз и должна была вступить Сирелина, успевшая переключить внимание с барьера на проникшего визитера. Вот тут-то вторая часть плана основательно забуксовала, и забуксовала крайне паршивым образом.

Проход не закрывался. Чародейка полагала, что стоит ей прекратить расширять проделанную брешь, как барьер тут же сомкнется обратно, приняв прежний вид. Не тут-то было! Она даже не успела сообразить насколько вдруг все стало плохо, как в

продолжавший оставаться открытым проем скользнула еще одна тварь и с хищным клекотом ринулась на двух неосмотрительно выпустивших ее людей. Бэйл, продолжая отгонять первого злобного гостя, как раз собирался поинтересоваться у подруги как долго она намерена тянуть кота за хвост, как громкий крик Сирелины мигом дал ему понять, что дело пошло не так.
— Руби их! Я закрою барьер! — крикнула чародейка, сгоряча решив как можно быстрее исправить свою ошибку.
Оставив на долю гладиатора два наседавших на него чудовища, Сирелина вновь обратила внимание на злополучное кольцо в защитной стене, на сей раз вознамерившись сузить его обратно, а потом и вовсе закрыть. Уловив плавным движением руки нужную незримую волну, она доступным лишь чародеям чутьем ощутила границы образованного ей сквозного прохода, взяла их под контроль, и снова меж призрачных стен, отделявших реальность от витавшей за ними беспроглядной тьмы зазвучало колдовское наречие. К счастью, барьер не остался безучастен к ее очередному вмешательству и отреагировал должным образом. Теперь Сирелина управлялась несколько быстрее, но и гнусные твари, сообразив что происходит, тоже не дремали. Чародейка старалась изо всех сил, но уже осознала что ситуация стремительно выходит из-под контроля. Она не успевала. Сразу три Девастатора оказались в опасной близости от слишком медленно смыкавшегося прохода, а из глубины колдовского сада к дверям, треща и пощелкивая, поспешало еще около десятка.
— Бэйл! — отчаянно воскликнула Сирелина.
Блестяще удерживавший двух противников гладиатор бросил быстрый взгляд на дверной проем. Сейчас он нос к носу окажется сразу с пятью злобными тварями.
— Закрывай! Я справлюсь! — бросил он, искренне надеясь что правильно рассчитал свои силы.
Повинуясь его окрику, чародейка напряглась так, что у нее аж в глазах потемнело. Вся ее фигура осветилась голубоватым светом, а от раскатов ставшего вдруг низким и громогласным голоса содрогнулись камни глубокого колодца подъемника. Трое ближайших чудовищ скользнуло через барьер. Гладиатор, сменив стойку и продолжая прикрывать Сирелину, напряженно ожидал нападения. Казалось бы, что хуже уже некуда, однако в следующее мгновение ситуация окончательно стала критической. Проникшие в остававшийся достаточно широким проход Девастаторы неожиданно устремились вверх. Нет, они не собирались облететь людей над головами, рассчитывая обойти чародейку сзади — они целенаправленно поднимались в верхнюю часть Абериджа. Сирелина с

ужасом осознала, что своими руками вот-вот выпустит на волю целую свору ненавидящих все живое тварей, и кто знает как далеко они смогут забраться от удерживавшего их места. С каждой секундой страшная тройка взмывала все выше, а связанная наложением чар Сирелина лишь бессильно смотрела им вслед словно в каком-то замедленном кошмаре.
— Сбей их! — привел ее в чувство громовой окрик гладиатора.
— Барьер! — отчаянно выкрикнула чародейка.
— СБЕЙ ИХ! — взревел Бэйл.
Ринувшись прямо в не ожидавших настолько наглого маневра метавшихся перед ним монстров, он прочертил мечом молниеносный зигзаг. Зачарованная сталь рассекла сполохи тьмы и Девастаторы заверещали, шарахнувшись прочь от болезненно поразившего их человека. Забыв про защитный рубеж, Сирелина переключилась на ускользавших в вышине чудовищ. Вот и пригодился ей базовый курс Запретного чертога! Только бы не оплошать… Лицо чародейки озарилось каким-то неземным светом, а глаза подернулись белой дымкой, будто в них вдруг стал разливаться густой утренний туман. Выброшенные вверх руки испустили длинный ветвистый разряд. Достигнув одного из взмывавших Девастаторов он швырнул его о стену, опутав чем-то похожим на цепи, и завизжавшая тварь, мигом утратив летучесть, беспорядочно кувыркаясь обрушилась вниз. Трижды прогремел голос Сирелины, и трижды заклинание достигло своей цели, поразив последнюю в тот самый момент, когда она уже собиралась перемахнуть через верхний край колодца.

Не менее восьми заходившихся от злобы сгустков от бреши в барьере отделяли считанные ярды. Через какую-то секунду они проникнут внутрь ничем не защищенной территории, и тогда их численное преимущество будет не остановить. За ними, следуя прокатившемуся под сводами подземелья зову, стекались, поспешали и все остальные. Бэйл появился практически в последний миг. Очертя голову подскочив к сквозному кольцу, он окунул свой щит в призрачную стену так, как некогда Талара свернутый лист бумаги, а затем выставил его в проход. Не успевшие затормозить Девастаторы со всего маху ударились о неожиданно появившуюся, сияющую колдовским светом преграду и с дикими воплями отпрянули в стороны, тряся обожженными щупальцами и разбрасывая искры из язвившихся тел. В уши ударил их пронзительный крик, от которого находившийся рядом Бэйл едва не оглох. Стоило порадоваться что Девастаторы не используют такой ор в духе Банши во время атаки, иначе схватка с ними превратилась бы в непереносимый кошмар. Видимо, особым умом все-таки эти чу-

дища не отличались, ведомые лишь одной неистовой ненавистью.

Родившаяся экспромтом задумка гладиатора удалась. Сирелина успела сузить проход до такой степени, что львиную его часть воин перекрыл щитом, после свидания с колдовской стеной превратившимся для гнусных тварей в жгучее непреодолимое препятствие. Особо ретивых врагов, пытавшихся протиснуться в остававшееся пространство Бэйл немедленно угостил жалом древнего меча, и визг пораженных Девастаторов возвестил о том, что это угощение пришлось им весьма не по сердцу. Вот только на оба фронта гладиатор воевать не мог. Успев ненадолго внести смятение в двух прежних врагов, он добрался до призрачного барьера прежде чем стало слишком поздно, но сами враги все же никуда не делись. Опомнившись, они уже подлетали к Бэйлу со спины, протянув хищно извивавшиеся от жажды крови и плоти щупальца. Тут бы гладиатору и несдобровать, но на помощь ему вовремя пришла остановившая побег Девастаторов Сирелина. Вложив в голос всю свою мощь новоявленная воительница с темными силами всадила в ближайшую к другу тварь заклинание. Она не пыталась испепелить ее на месте — с этим прекрасно справился неумолимый барьер. Сильнейшим толчком Девастатора швырнуло прямо в колдовскую преграду и в мгновение ока сожгло на месте. Пользуясь тем, что получившие горячий прием твари по ту сторону защитной стены ненадолго угомонились, Бэйл обернулся и взмахом меча встретил второе чудовище, замешкавшееся при виде сгинувшего в колдовском огне сородича. Рассеченный Девастатор испустил такой визг, что у гладиатора аж в глазах потемнело, а барабанные перепонки едва не лопнули. Теряя и без того не слишком внятные очертания тела, гадина стала оседать на пол какими-то бесформенными кусками. Вновь ударил порыв колдовской волны от применявший почерпнутые знания на практике Сирелины. Поверженного Бэйлом Девастатора смело в барьер и сожгло дотла точно также, как и предыдущего.

— Осторожно! — крикнул гладиатор.

Три свалившиеся с вышины твари пришли в крайне дурное расположение духа из-за сорвавшегося бегства, о котором они мечтали тысячелетиями, и теперь собирались жестоко отомстить помешавшей им женщине. Сирелина была еще слишком слаба и неопытна в искусствах Запретного чертога, а посему ее заклятья не держались долго. Цепи спали, и Девастаторы ринулись на нее разом со всех сторон. Двоих из них, находившихся перед ней по широкой дуге чародейка успела отбросить взмахом рук, но третья уже заносила шипастые щупальца над ее беззащитной спиной. На одних лишь рефлексах Бэйл что есть силы метнул в озверевшего

Девастатора меч даже не думая, что остался без оружия. Со свистом перевернувшись в воздухе, клинок вошел прямо в заходившийся злобой сгусток тьмы, вонзившись глубоко в полубесплотную сущность. Истошно заверещав, чудовище рухнуло на пол, конвульсивно дергаясь всеми конечностями. Обернувшаяся Сирелина выдернула из нее меч гладиатора и двумя разящими ударами разрубила гадину на части. Сгусток тьмы развеялся, обращаясь в прах. На полу остался лежать лишь тонкий слой пепла да осыпавшиеся крючья когтей. В следующую секунду театрально крутанувшая клинком чародейка бросила оружие обратно Бэйлу. Вовремя. Завидев что человек отвлекся, осмелевшие Девастаторы уже собирались добраться до него своими щупальцами, надеясь вырвать ненавистный щит и искромсать плоть стража в клочья. Меч вернулся хозяину как нельзя вовремя. Ловко поймав оружие, гладиатор немедленно пустил его в ход, лишив нападавших пары-тройки извивающихся конечностей.

Два остававшихся Девастатора для Сирелины уже не представляли угрозы. Выброшенные из рук призрачные цепи опутали непримиримых врагов, по одной на каждую цель. Заклинание не держалось долго и было неспособно уничтожить тварь, лишь ограничивая ее подвижность, но в данных обстоятельствах это и не требовалось. Чародейка просто столкнула чудовищ в барьер.

— Держись, я иду! — воскликнула она когда последний находившийся по эту сторону Девастатор обратился в пепел.

— Да я тут и сам прекрасно справляюсь, — бодрым голосом отозвался гладиатор.

Подбежав к державшему оборону Бэйлу, чародейка покружила ладонями возле кольцеобразного прохода и, снова нащупав колебания его контуров, продолжила творить закрывающее заклинание. Никто из них двоих не считал сколько на это ушло времени — секунды или минуты, — но лишь когда призрачная стена вновь сомкнулась они оба почувствовали безмерную усталость. У Сирелины от перенесенного напряжения прямо-таки ноги подгибались, и она без лишних церемоний плюхнулась на пол, едва не грохнувшись в обморок. Усевшийся рядом гладиатор притянул ее к себе, устроив ей руками и корпусом подобие кресла.

— А я еще девчонок ругал! — нравоучительным тоном заявил он, более не обращая внимания на шипевших и клокотавших за защитным барьером Девастаторов. — Ну да что с них взять? У принцессы так вообще шило в одном месте.

— Даже думать не хочется что бы я без тебя делала, — виновато отозвалась приходившая в себя Сирелина. — Что ж, будем считать что я усвоила урок.

— Да? Неужели ты оставишь этот гадюшник в покое? — откровенно усомнился Бэйл.
— Разумеется нет! — усмехнулась чародейка. — Просто в следующий раз меня уже врасплох не застанут. Не волнуйся, теперь он будет нескоро, но когда я вернусь сюда снова лучше бы Опустошенным держаться от меня подальше.
— Иной раз мне кажется, что старшие сестры запирают тебя в обители совершенно обоснованно, — вздохнул гладиатор.

Пока они отдыхали, собираясь с силами, Бэйлу, щит которого продолжал светиться голубоватым светом, пришла в голову мысль, которую он немедленно озвучил своей подруге. Если помещенный в призрачный барьер предмет вел себя таким образом, то почему он никак не сказывался на проходивших через дверной проем людях? Ведь следуя той же логике их лица, руки и одежда должны были покрываться точно таким же колдовским слоем. В отличие от многого остального, это Сирелина объяснила без труда. Барьер не действовал на живых существ, не накладывая на них ни полезных, ни вредных эффектов. Облегавшие же тело вещи технически являлись для него единым с носителем целым. Защитная стена разграничивала свое воздействие не преднамеренно — просто такова была ее природа. Висевший на спине щит представлялся барьеру частью хозяина, а выставленный перед собой — уже нет, по крайней мере с внешней стороны. Сирелина добавила, что она давно бы сама использовала полезные свойства колдовского света кабы он мог удерживаться прямо на теле. Увы, не поможет и снять доспехи, окунуть их в барьер и облачиться вновь. Едва оказавшись вплотную к живому телу, чары быстро развеются и свечение исчезнет. Кстати, как исчезнет оно и под открытым дневным небом.
— Досадно, — проворчал Бэйл. — Что ж, по крайней мере мы все-таки грохнули пяток этих тварей.
— Я бы на это не рассчитывала, — отозвалась Сирелина.
Она быстро пояснила что имеет в виду. Уничтожить Девастатора навсегда было весьма непросто. Зачарованное оружие, равно как и колдовская стена, лишь повреждали, сжигали их полуреальную оболочку, изгоняя существо обратно во тьму. Через какое-то время оно вернется, будучи привязано к своему предмету. Необходимо не только сразить Девастатора, но и прервать установленную связь, разрушив притягивающие его чары. Тогда он не сможет отыскать путь обратно, так как предмет перестанет служить для него маяком в бесконечном мраке. Только этот способ не слишком-то гуманен, поскольку несчастная душа обречена на непрекращающиеся страдания. Для того чтобы избавиться от Девеста-

тора по-настоящему, прервав его ужасное существование, требуются навыки, которых у Сирелины пока что нет. Необратимой ликвидацией темных сил занимаются сестры Гексенхаммера.
— Серьезные, должно быть, дамы, — заметил Бэйл. — За все время в обители я видел их всего несколько раз.
— Да, они не любят показываться на глаза, — подтвердила чародейка. — К тому же часто в разъездах. Путь, который они избрали, почетен, но тяжел. Это большая ответственность и довольно значительные ограничения.
— А ты хочешь стать одной из них? В Запретный чертог просто так не рвутся, — подчеркнул гладиатор.
— Не знаю, — задумчиво отозвалась Сирелина. — Но времени поразмыслить у меня будет предостаточно. Не все адепты Запретного чертога зачисляются в Гексенхаммер даже после полного курса обучения. Решение чародейки принимают самостоятельно, хотя Немезия говорит, что судьба выбирает служительниц Гексенхаммера, а не они его. В моем случае я могу так и остаться странствующей сестрой. Я ни за что не расстанусь с Илианой… И с тобой тоже, — добавила она, помолчав.
Бэйла очень тронуло это оброненное будто вскользь замечание, сообщившее ему о многом. В том числе и о каких ограничениях в жизни сестер Гексенхаммера может идти речь.
— Иле расскажешь? — поинтересовался продолжавший служить креслом гладиатор.
— Об чем именно? — осведомилась Сирелина. — Про Запретный чертог я ей уже поведала все что сейчас могла.
— О своих сегодняшних похождениях, — усмехнулся Бэйл.
— Спятил что ли?! Не для того я ее учу уму-разуму дабы на собственном примере показывать совершенно обратное, — возмутилась чародейка.
Впрочем, она живо поняла что верный спутник имел ввиду, и ее щеки слегка порозовели.
— Признаю что оплошала. Доволен? — добавила она смущенно. — Давай уже выбираться отсюда.

О своей опрометчивой выходке Сирелина действительно распространяться не собиралась. Дурной пример заразителен. Чародейка посвятит воспитанницу в результат эксперимента, но умолчит о том каким образом он оказался поставлен. За этими двумя девчонками и без того глаз да глаз нужен чтобы они не натворили дел. Бэйлу и так досталось за ту смертельную опасность, которой в прошлый раз подвергли себя Илиана и Талара, а Сирелина сегодня повела себя ничуть не лучше. Она, конечно, не две неопытные подружки, но соображать-то тоже надо! И уж всяко не лезть на

рожон, вмешиваясь в знакомое и вместе с тем неведомое колдовство с непредсказуемым результатом. Раз чары Абериджа изначально обладали необъяснимой с точки зрения самого своего существования природой, то можно было заподозрить и о каких-то иных отклонениях.

Как оказалось, принцесса тоже занималась изысканиями. Правда с не столь значительным риском для жизни как Сирелина, однако же и хлопот с ней оказалось едва ли меньше. Впрочем, первая часть ее поисков носила вполне полезный и безобидный характер. Талара не оставляла надежды прояснить что-либо о медальоне подруги и покамест та гостила у тетушки регулярно наведывалась к мастеру Хольду, который основательно затянул с результатами. Она даже пробовала самостоятельно копаться в указанных геральдистом фолиантах, но ничего кроме оглушительного чиха из-за поднятой с потревоженных страниц пыли не достигла. Вот и сегодня, когда они с Илианой вернулись во дворец, принцесса вместе с ней заглянула узнать как дела.

— Может вам нанять кого-нибудь в помощники, мастер Хольд? — спросила Талара, выслушав короткий и все еще неутешительный отчет.

Старик замялся, отводя глаза. Он объяснил, что старается не вмешивать в свою работу посторонних, да и вообще его хозяйство любит одни руки. Лучше уж он сам: так и результат окажется достовернее, и посвященных в него будет меньше. Многие тайны проходили через его рабочий кабинет, и многие из них только потому и остались тайнами, что никто кроме него к ним не прикасался.

У мастера Хольда имелись основания так говорить, хотя он и не уточнил что именно послужило тому причиной. Не так давно он все-таки прибег к помощи алхимиков, а в результате вместо подсказок и инструментов старик имел удовольствие столкнуться с самым неприятным из них. Тем самым, что заправлял Нижними подземельями. Он как раз собирался при случае осведомиться у Хиля где обещанное мнение его господина и наставника, а то уж сколько времени прошло, как вдруг тот сам заявился к нему за полночь в рабочий кабинет. Ни малейший шорох, ни даже легкое дуновение свечи не возвестили о появлении фигуры в черном одеянии с неизменно надвинутым капюшоном, из-под которого еще никому не удавалось рассмотреть сокрытого там лица.

— Доброй ночи, мастер Хольд, — негромко возвестила эта фигура, когда старик поднял глаза и неожиданно узрел перед собой ее невесть откуда взявшиеся очертания.

Так и до инфаркта недалеко! Побледнев, геральдист схватился за

сердце и поискал глазами пузырек с целебной настойкой на травах.
— Прошу прощения, я не хотел вас напугать, — ровным тоном добавил Дегонис. — Я привык не создавать лишнего шума и ждал когда вы закончите.
Старик действительно увлеченно что-то писал, с энтузиазмом макая перо в наполовину опустошенную чернильницу, а вокруг него были разложены бумаги, которые он то и дело изучал вооружившись увеличительным стеклом. Копаясь в архивах по просьбе принцессы он случайно наткнулся на один интересный факт, поймал его, что называется, за хвост, вытащил на свет и теперь собрал по нему доселе сокрытые частями сведения, склеивая их в единую картину. К заданию Талары, увы, открытие не имело ни малейшего отношения, но само по себе оно представляло известную ценность для заинтересованных лиц.
— Чем обязан? — осведомился старик, глотнув настойки и почувствовав как та уверенно успокаивает сердцебиение.
На приветствие он, разумеется, ответил, но без очевидной радости в голосе.
— Не так давно мой помощник принес одну вещь. Некий гипсовый слепок, — пояснил Дегонис. — Признаться, поначалу у меня попросту не было времени заниматься всякой ерундой, что и послужило причиной столь длительной задержки. Позже, однако, данный вопрос меня заинтересовал, когда от вас поступила жалоба на Алхимический Плинт. Описанные вами в записке необъяснимые эффекты заставили меня лично проверить инструмент и убедиться что с ним все в порядке. А раз так, то причина могла оказаться как в правильности проведения эксперимента, так и в том, на чем этот эксперимент проводился. Я наконец-то взглянул на гипсовый слепок, что принес Хиль, и, признаться, теперь хотел бы познакомиться с оригиналом.
— Это невозможно, — сухо отозвался старик.
— Почему? — ничуть не меняя эмоций, точнее, полное их отсутствие вопросил колдун.
— Мой клиент выразил пожелание сохранить все в тайне. Моя работа напрямую связана с самыми известными и влиятельными семьями в государстве, и, клянусь своей честью, — у них нет оснований мне не доверять! Надеюсь, вы понимаете, — не без гордости заявил геральдист. — Кроме того, оригинала у меня все равно нет. Он остался у клиента, — добавил он чуть погодя.
Дегонис даже не шелохнулся. Казалось, этот тип в черном вообще не испытывает эмоций и урони прямо сейчас у него за спиной ящик с железными болтами — и то не пошевелится.

— Досадно, — только и сказал он после некоторого молчания. — Вещица, возможно, представляет некоторый интерес.
— Да? А что именно вас там заинтересовало? — не удержавшись, полюбопытствовал мастер Хольд.
— Разве это так важно? Раз я не могу увидеть медальон, то и подтвердить свои предположения мне не удастся, — по-прежнему бесцветно отозвался колдун.
— Я мог бы передать ваши соображения клиенту. Ему и решать как поступить, — невольно нахмурился старик.
— Вязь на обратной стороне медальона. Мне она кое-что напомнила, — сообщил, помедлив, Дегонис. — Гипсовый слепок слишком груб, дабы передать все ее тонкости, а посему не исключено что это сходство мне лишь почудилось. Оригинал, возможно, развеет все мои сомнения, и я надеялся найти его у вас.
— Сожалею, ибо у меня, как я уже упоминал, его нет, — развел руками мастер Хольд. — Вместе с тем я обязательно передам сказанное вами клиенту.
И интонацией, и всем своим видом старик дал понять, что данный разговор считает оконченным. Фигура в черном проявила понятливость. Чуть кивнув головой в низко опущенном капюшоне (и как этот тип в нем вообще что-либо видит?) она пожелала геральдисту доброго здравия и удалилась также беззвучно, как и пришла.

О визите Дегониса мастер Хольд принцессе не сказал и до сих пор раздумывал правильно ли сделал. С одной стороны не исключено что он умолчал о какой-то важной информации. С другой, старик не желал впутывать ни Талару ни ее подругу в личное знакомство с этим крайне подозрительным типом. От него за версту разило темным колдуном, а от таких людей лучше держаться подальше. Тем не менее слова ночного посетителя он отнюдь не пропустил мимо ушей и, по здравому размышлению, переключил свое внимание на означенную вязь. Возможно, он до сих пор попросту не там искал, и стоит принципиально изменить подход к делу. То, что он прежде воспринимал как затейливый узор на деле могло оказаться одной из форм стеганографии, где смысл начертанного надежно сокрыт от непосвященного взора. Теперь же, пользуясь совместным появлением девочек, мастер Хольд вновь попросил взглянуть на медальон и старательно изучал его оборотную сторону в настольный оптический прибор, мысленно сравнивая с тем что удалось накопать. Увы, ему не удавалось проследить в рисунке ничего похожего на какой-либо из известных ему элементов. Сам же рисунок будто мешал проникнуть в свою тайну. Чем больше геральдист напрягал зрение, тем сильнее ускользало от

его внимания сложное переплетение множества тончайших линий; чем упорнее старался проникнуть в глубину узора, тем хуже понимал даже отдельные его части. Взор мастера Хольда туманился, и вот уже неуловимая вязь вовсю расплывается в стариковских глазах неясной дымкой, окончательно лишая его возможности распознать какой-либо скрытый смысл.

— Боюсь, мне все еще нечем порадовать вас, ваше высочество, — в очередной раз со вздохом подытожил мастер Хольд. — Но не сомневайтесь, я делаю все от меня зависящее.

При этом, провожая принцессу и ее спутницу, в очередной раз вспомнил о Дегонисе.

Вторая часть изысканий Талары носила несколько иной характер, хотя тоже напрямую оказалась связана с Илианой. Ее суть прояснилась несколько позже.

— Ты завтра опять к тетушке? — спросила принцесса, расставаясь с подругой.

— Да, если ты не против. У дяди Бэйла завтра выходной и мы решили провести его все вместе, — кивнула Иля.

— Валяйте, — любезно согласилась Талара. — А я тогда пройдусь по лавкам одна, раз уж мой тренер отдыхает. Только ему не говори, а то он слишком рьяно исполняет возложенные на него обязанности телохранителя. Чего доброго, вместо вашей компании предпочтет увязаться за мной следом. Тебе что-нибудь купить?..

Назавтра липовые родственники действительно собрались дома у гладиатора. Липовые — потому что ни в каком родстве они, разумеется, не состояли. Впрочем, жизнь такая штука, что все трое в известном смысле стали друг другу ближе нежели предполагают иные кровные узы. Даже гладиатор, приняв от своей могущественной подруги эстафету по опеке над девочкой, постепенно втянулся в новую роль и перестал быть для нее посторонним. Сама же Сирелина всячески это дело поощряла, постоянно наставляя Бэйла и убеждая Илю слушаться его во всем, особенно если принять во внимание что действует он по ее личному поручению. Ведь ближайшие два года именно ему предстоит заниматься воспитанием Илианы. Старый шейх теперь виделся с ней всего дважды в месяц и всегда в присутствии лейтенанта гвардии, а Далина при всех своих положительных качествах неспособна дать необходимое столь стремительно и неординарно развивающемуся ребенку. Кстати, насчет своего места тренера при обители Бэйл мог не беспокоиться. Сирелина успела все уладить и гладиатору оформили бессрочный отпуск. Он может вернуться и вновь приступить к своим обязанностям когда сам того пожелает. Интересно, догадалась Арадора или нет? Ведь не просто же так перед са-

мым отъездом Сирелины она будто невзначай упомянула о том, как короток людской век в отличие от отпущенного чародейкам. О последнем, кстати, Сирелина вообще старалась не думать. От одной только мысли что через пятьдесят лет Бэйлу будет не намного меньше, чем ныне ан-Бакиру, а она даже не постареет, ее сердце болезненно сжималось. Дар долгой жизни имел и обратную сторону, и не случайно сестрам рекомендовалось ни к кому особенно не привязываться. Когда юная девочка на твоих глазах постепенно превращается в столетнюю старуху, а затем уходит навсегда, надо быть крайне черствым человеком дабы отнестись к подобному достаточно безразлично. Будем надеяться, у Илианы проснется чародейский талант. Предпосылок к этому более чем достаточно.

День выдался разгрузочный. С самого утра Сирелина ни словом не обмолвилась с воспитанницей о делах, отложив все серьезное на завтра. Сегодня они посвящали время исключительно досужим разговорам, оставляя в стороне все тяготы и заботы. Украшенную цветами комнату наполнял приятный аромат, смешивавшийся с запахами разнообразной снеди. Сирелина расстаралась. Благодаря подруге Иля последнее время часто баловалась изысками дворцовой кухни, но и чародейке было что предъявить. В поварихи она не нанималась, однако богатый жизненный опыт, порожденный длительными странствиями и проведенными в обители годами кое-чему ее научил. Едва с рынка явился Бэйл, груженый продуктами как ломовая лошадь, Сирелина развела кипучую деятельность. Гладиатор арендовал довольно скромное жилище, однако в нем имелась и отдельная гостиная, приспособленная сейчас под кухню и столовую одновременно. Повинуясь взмахам искрящихся пальцев чародейки застучали ножи, засновали мешалки; посуда, будто живая, передвигалась туда-сюда, вбирая в себя ловко и быстро обрабатываемые ингредиенты. Сразу два молотка, один побольше, а другой поменьше, мелькали над нарезаемыми кусками мяса, вторя друг другу гулкими пружинящими ударами; над тщательно промытыми овощами трудились резки и терки. В сторонке нещадной обработке подвергалась здоровенная головка сыра, а в ступках толклось что-то очень вязкое и чмокающее. Отбитые молотками, обработанные солью и специями куски мяса совершенно самостоятельно бухались в подставленные тарелки с мукой и смесью для обжарки и запекания. Казалось, на временно превратившейся в кухню гостиной работает сразу с полдюжины поваров, однако на деле почти все подчинялось умелому колдовству Сирелины. Впрочем, кое-что она делала и руками. Например, лично натирала мясо и рыбу солью и специями, нашпиговывала колбасы и курицу и присыпала подготовленные к термиче-

ской обработке блюда, укладывая на них овощи, слой тертого сыра и прочие ингредиенты. Кстати, термическую обработку стоило упомянуть отдельно. За неимением полноценной кухни с множеством печей чародейка устроила готовку прямо на месте. В воздухе витали противни с пламенеющими углями, на которых вовсю шипели маслом сковородки, бурлили кастрюли и красовались плотно закрытые крышками горшки. Теперь Сирелине было вполне по силам поддерживать на весу такое значительное количество довольно тяжелых предметов одновременно, найдя своим возросшим способностям столь необычное применение. Параллельно с обрабатывавшим пищу жарким огнем в угловой бочке охлаждались напитки. Чародейка быстренько наколдовала стихию холода, образовавшую в дубовом вместилище настоящий ледник, куда Бэйл немедленно загрузил амфоры с вином и прочими напитками. Находившаяся поблизости Сирелина не выпускала холод из-под контроля, поддерживая должный уровень стужи и не давая льду банально растаять. Чародейка мастерски дирижировала всем этим деятельным ансамблем, и гладиатор с Илей только диву давались глядя на творения ее волшебных рук. Им, впрочем, тоже нашлась работенка. Девочка украшала столовую цветами, составленными как в букеты, так и сплетенными в гирлянды, а Бэйл то и дело таскал Сирелине то что требовалось, заодно унося продукты и предметы в коих отпала надобность. Пару раз он едва не споткнулся о гулявший по полу веник, заботливо сметавший на лету крошки и мелкий мусор. Ворча, гладиатор пихнул его ногой, после чего веник, выждав момент, подскочил и мстительно треснул его пониже спины. Не сам, понятное дело, а науськанный озорничающей Сирелиной. Управляясь с огромным количеством процессов одновременно, она еще умудрялась и подшучивать, и посылать к цветам Илианы столь любимых ей разноцветных бабочек. Колдовская сила струилась через Сирелину как никогда прежде, и она прямо-таки наслаждалась моментом, выжимая из него как можно больше.

— Ты свой ресторан открыть не думала? — поинтересовался Бэйл наблюдая, как у него на глазах готовится уйма соблазнительно пахнущих блюд. — Этот ж какая продуктивная работа, и все сама! Публика будет довольна.

— Публика будет просто счастлива, когда меня за такие дела спалят вместе с рестораном! — расхохоталась Сирелина. — К тому же чародейский дар не для таких прозаичных вещей. Впрочем, иной раз можно сделать и исключение.

— Хотела бы и я так уметь, — мечтательно сказала Иля, восторженно наблюдая за развернувшимся в гостиной действом.

— Надеюсь, однажды так и будет, — искренне ответила Сирелина.

Наготовила она столько, что им троим, наверное, и за неделю не съесть. С другой стороны, пока чародейка здесь, то и снедь не испортится. Когда простой деревянный стол покрылся тонкой белоснежной скатертью, а на ней объявились серебряные и золотые приборы, готовые блюда заняли свои места на подставках поодаль. Накрытые крышками горшки, кастрюли и сковородки источали целый сонм ароматнейших запахов, а Сирелина без особого труда поддерживала в них нужный температурный режим. Вся снедь попадет на тарелки прямо с пылу с жару, а потом, охлажденная стараниями чародейки, сохранится так же хорошо, как и в глубоком погребе.

— Ну-с, прошу к столу, — пригласила Сирелина, когда настал долгожданный момент. — Сегодня, дорогие мои, мы с вами отдыхаем. Бэйл и Иля не заставили себя упрашивать и наконец-то смогли воздать должное кулинарному искусству чародейки.

За столом сидели долго. Следуя плану Сирелины вся компания сначала выпила бокальчик какого-то душистого настоя, а затем потихоньку пробовала всего понемногу. Настой должен был разжечь и без того основательный аппетит, но самое главное — хорошенько расширить желудок. Дорвись Бэйл с Илианой до выставленного угощения самостоятельно — и уже через полчаса они вповалку отправились бы спать не в силах слопать ни кусочка. Сирелина же хотела устроить культурное продолжительное застолье, а посему блюда и напитки подавались исключительно по ее усмотрению.

— Сложно так колдовать? — не удержавшись, спросила Иля с набитым ртом.

— Смотря что под этим подразумевать, — отозвалась чародейка, потягивая рубиновое вино из пузатого тонкостенного бокала. — Каждый процесс по отдельности легко поддается даже начинающей послушнице, но чем больше их одновременно, тем становится сложнее. Это как при игре на музыкальном инструменте: наловчиться нажимать на клавиши нехитрую последовательность одной рукой не так уж и проблематично. Намного труднее сделать это сразу двумя. А если, предположим, их три? Четыре? Десять? Едва колдующий утратит контроль над каким-либо процессом, как он в лучшем случае прекратится. В худшем — пойдет вразнос. Неопытные чародейки порой призывают какую-либо стихию, с которой не могут справиться. Вырвавшееся на вольные хлеба облачко превращается в небольшую бурю, а неопытную дуреху не шибко довольное этим обстоятельством местное население благополучно принимает за вредную ведьму. Последние месяцы Арадора посто-

янно занималась со мной упражнениями на контроль. В этом она, что и говори, мастерица. Недаром считается одной из самых спокойных и рассудительных старших сестер.
Из многочисленных рассказов чародейки девочка уже знала кто такая Арадора и вообще очень многое про обитель, поэтому в очередной раз слушала во все уши не перебивая, при этом не забывая уплетать угощение.
— Поддерживать на весу стоящий на углях горшок уже сложнее, поскольку чары левитации требуют более серьезного мастерства. При этом мы имеем дело с комбинацией, — степенно продолжала Сирелина. — Конструкция висит в воздухе, на этой конструкции горит контролируемый огонь, а на огне стоит посуда с периодически сдвигаемой крышкой и помешивающей содержимое ложкой. Когда объектов для левитации много, задача серьезно усложняется, предъявляя требования к уровню развития самой колдуньи. Без ложной скромности скажу, что еще несколько лет назад проделать все это одновременно мне было не по силам. Могущество чародеек постепенно растет с годами, но порой случаются и резкие прорывы. Мой произошел когда я первый раз побывала в Нирелине. Должно быть, меня знатно шиндарахнули по голове, однако удар не отправил на тот свет, а спровоцировал в борющемся со смертью теле прилив жизненной энергии. Вместо того чтобы врезать дуба я обрела новые возможности, по своему уровню приближающиеся к старшим сестрам. Мне до сих пор еще учиться и учиться просто потому, что теперь мне по плечу такое, чего я прежде вообще не могла. Кстати, после моего прошлого посещения Солтенстила и позорно проигранной схватки с черным колдуном мои способности лишь усилились. Арадора даже сказала что это довольно редкое явление. Мало кому в моем возрасте удавалось достичь такого уровня. Это, по всей видимости, не в последнюю очередь повлияло на мое направление в Запретный чертог.
С означенным чертогом тема была новой и Иля постоянно приставала к Сирелине с вопросами. Ту же связывал обет молчания, поэтому удовлетворить любопытство воспитанницы она иной раз оказывалась просто не в состоянии, хотя как могла вводила ее в курс дела. Только вот для застолья темы про гниющую, но все еще шевелящуюся плоть и моровые язвы чародейка считала неподходящими. Запретный чертог — средоточие зла разного уровня, содержащегося и изучаемого в строго контролируемых лабораторных условиях, но неизменно опасного и ядовитого по сути.
— А что сегодня поделывает твоя закадычная подруга? — поинтересовался Бэйл, отвлекая девочку от расспросов про всяческие ужасы.

— Собиралась сходить в гимнастический зал, а затем покататься верхом, — сообщила Илиана, умалчивая о планах принцессы наведаться в город в одиночку.
В конце концов она сейчас сказала чистейшую правду, так что и упрекнуть ее было не в чем.
— Я уже упоминал что эта сорви-голова делает поразительные успехи? — спросил гладиатор у чародейки. — Юный бесенок овладевает преподаваемой техникой с невероятной быстротой. Сказать по правде, она уже вполне способна справиться с обычным солдатом и показать неплохое выступление на арене. Я пока умалчиваю об этом, дабы Талара на радостях не потеряла голову и не натворила дел, но скоро она это и сама поймет. Ей еще многому предстоит научиться, но уже сейчас она может постоять за себя, случись паре горе-разбойников попробовать поживиться столь легкой с виду добычей.
Потягивая привезенное чародейкой вино из амфоры с загнутыми ручками, Бэйл ощущал себя на вершине блаженства. Отличная еда и великолепный выдержанный напиток привели его в превосходное расположение духа. И у него, черт побери, есть ученица успехами которой можно похвастаться! Илиана, конечно, тоже неплохо справляется, но в принцессе намного сильнее боевой задор, присущий настоящим воинам. Если воспитанница Сирелины пошла по ученой части, уподобляясь сестрам в обители, то Талара явно дочь своего отца, хоть и не такая жесткая и неумолимая. Последнее, безусловно, только радует. Обычно не слишком щедрый на похвалу Бэйл словоохотливо расточал высокородной ученице комплименты.

С порога послышался подозрительный шум. Все сидевшие за столом невольно обернулись в сторону входа. Дверь неожиданно приоткрылась.
— А здорово все-таки иногда подслушивать! Особенно когда о тебе за глаза говорят не гадости, а такие замечательные вещи! — воскликнула просунувшаяся голову в образовавшийся проем Талара.
— Всем здрасьте. Извините за вторжение, но я не могла не познакомиться с тетушкой моей лучшей подруги.

– 17 –

Вторая часть изысканий принцессы заключалась в том, что она выследила Бэйла и теперь, точно зная что вся компания собралась вместе, явилась в гости не особо смущаясь отсутствием специального приглашения. Сирелина среагировала молниеносно. Мгновение назад она сидела на стуле в расслабленной позе, а вот

уже скрылась под скатертью, погнавшись за укатившейся со звоном серебряной ложкой. Бэйл, вытаращившись на нежданно-негаданно объявившуюся посетительницу, ненадолго потерял дар речи, не зная что и делать. Даже Илиана оторопела, не в силах сообразить как следует поступить. Принцесса застала всех врасплох. Разоблачение чародейки повисло на волоске. Из-под стола донеслись какие-то неразборчивые звуки, а полы скатерти осветились голубоватым светом.

— Вот же ж непоседа, лежи где положено, — добродушно проворчала Сирелина, появляясь на прежнем месте и кладя ложку на стол. — Здравствуй, здравствуй. Ты, должно быть, и есть принцесса Талара, о которой я столько наслышана от моей племянницы? Проходи же, не стой в дверях.

Илиана и Бэйл молча перевели взгляд с представлявшейся гостьи на чародейку и облегченно выдохнули. Вместо довольно молодой голубоглазой женщины со светло-русыми вьющимися волосами за столом сидела брюнетка лет сорока пяти с карими глазами и уложенной на затылке косой. Лицо все еще оставалось привлекательным, но не имело ничего общего с привычными чертами Сирелины, делая ее совершенно неузнаваемой. Чары изменения внешности сработали без осечки. Создать вводящий в заблуждение облик на раз-два было попросту невозможно, но Сирелина приготовила его заранее, тщательно наведя маскировку на всякий пожарный случай. Теперь же, нырнув под стол, быстро вызвала его по заранее присвоенному кодовому имени. Длинная скатерть укрыла ее колдовские манипуляции, а заклинание вовсе не обязательно было орать во всю глотку, ограничившись негромким бормотанием. Словом, чародейка проявила образец расторопности. Теперь оставалось надеяться что нестабильные чары изменения внешности не подведут. Как и на то, что принцесса не успела подслушать слишком много.

— Ох, надо было мне догадаться, — крякнул Бэйл. — То-то неугомонная девчонка последнее время вела себя столь покладисто.

— Я знаю, я плохая, — обезоруживающе сказала подошедшая Талара самым простодушным голосом. — Выследила вас и явилась в гости без приглашения. Но я не могла устоять.

— Факт. По части что-нибудь отколоть и ввязаться в очередную историю тебе просто нет равных, — подтвердил гладиатор.

Впрочем, по его мнению Сирелина могла бы эту пальму первенства оспорить.

— Ладно тебе ворчать, дядя Бэйл, — потупилась принцесса, озорной вид которой совершенно не вязался с напускным раскаянием. — Ты сейчас наговорил обо мне столько замечательных вещей. Не

порти впечатление!
— Не сердись на девочку, Бэйл, — улыбнулась чародейка. — Присаживайся, Талара. Присоединяйся к нам.
— А неплохо вы здесь устроились, тетя?.. Я ведь до сих пор не знаю как тебя зовут, — сказала принцесса, подтянув лишний стул и устраиваясь рядом с Илианой напротив ее родственников.
— Лина. Тетушка Лина, — мурлыкнула чародейка.
— Рада наконец познакомиться, — кивнула Талара. — Если не возражаешь, я так и буду тебя звать: тетя Лина. По аналогии с дядей Бэйлом. Так уж у нас с Илей повелось.
Тетя Лина ничего не имела против. Ласково воркуя, она окружила подругу своей любимой племянницы неподдельным вниманием. Таларе поставили еще один прибор и наполнили ее бокал прохладительным напитком, предлагая отведать разные блюда. Правда Сирелине теперь приходилось осуществлять все манипуляции вручную, не прибегая к чарам. При этом стоило порадоваться что с появлением принцессы не приключилось никакого разгрома. Готовая снедь покоилась в сторонке на заранее отведенном ей месте, а по комнате не летали разнообразные предметы. В противном случае все это немедленно грянулось бы на пол, иначе у Талары возник бы ряд вполне естественных вопросов.
— Какая вкуснятина! — воскликнула принцесса, отведав выбранное угощение и залпом проглотив содержимое бокала. — А я уж никак не могу пожаловаться что меня плохо кормят.
Комплименту следовало отдать должное. Избалованная дворцовой кухней Талара нашла еду и питье очень даже стоящими. Особенно питье, которое показалось ей поистине изумительным и она заявила что прежде ничего подобного не пробовала. Удивляться этому не приходилось, поскольку означенный безалкогольный напиток готовили в обители, и чародейка прихватила большой серебряный сосуд специально для Илианы. Сервировку стола, помимо изобилия снеди, принцесса тоже приметила.
— Похоже, тетя Лина довольно состоятельная женщина, — сказала она с аппетитом уплетая угощение и с интересом оглядываясь по сторонам. — Для простого дома выглядит очень даже недурно! Кстати, а как вы умудрились все это приготовить? Неужели на одном лишь очаге? Если так, то наши повара явно чего-то не знают.
Тема была довольно скользкой и Сирелина поспешила увести с нее свалившуюся как снег на голову сотрапезницу, упомянув что большая часть еды куплена уже готовой, а посуду она привезла с собой, прихватив ее из семейных запасов. Это оказалось нетрудно, вот только быстро выяснилось, что о чем ни заговори, как тут же возникает ряд определенных сложностей. Ханская дочь, девочка

сама по себе вполне неплохая, без всякой задней мысли сыпала вопросами, ответить на которые иной раз было очень и очень непросто. Сирелина выкручивалась как могла, прибегая к придуманной биографии. Хорошо что ее хотя бы частично сочинили заблаговременно, дабы Илиана при случае могла сообщить любопытной принцессе интересующие ее сведения о тетушке. Но одно дело слышать через третьи уста, а другое — беседовать лицом к лицу.

Тетя Лина состояла астрономом при одном далеком университете, а заодно преподавала студентам всякие премудрости. Она, как и Бэйл, не проживала в Нирелине, наведываясь туда лишь в гости, и это позволило им обоим избежать общей участи. Вопрос с судьбой оазиса и его жителей был, пожалуй, единственным, который и Талара старалась обходить стороной, а посему она проявляла понимание в том что дядя Бэйл и тетя Лина тщательно хранят инкогнито.

— Так вот откуда Иля так много знает! Я давно нечто такое и подозревала, — сказала принцесса, не почуяв никакого подвоха.

Знание астрономии и работа при университете вполне оправдывали множество незаурядных качеств тетушки Лины, самым прямым образом сказываясь и на ее племяннице.

— Это же ты передаешь для нее учебники? Иля ведь не с потолка такая образованная, — добавила Талара, бросив на темноволосую женщину хитрый взгляд. — Мне можешь сказать. Я видела как она их прячет и даже знаю где они лежат. Не бойтесь, я никого не выдам. Вполне могу понять почему столь ученая женщина предпочитает держаться в тени, но при этом и не забывает про племянницу. И почему Иля прячет то, что присылает ей тетушка. Не будь я принцессой — сама бы столкнулась с ненавистными ограничениями. Мне-то никто и слова не скажет, а вот остальным повезло меньше.

От принцессы не укрылся быстрый взгляд, которым обменялись Сирелина и ее воспитанница, но она истолковала его по-своему.

— Да, это правда, — осторожно молвила чародейка. — Я стараюсь чтобы моя племянница выросла умным и образованным человеком. Признаться, я очень рада что у нее есть такая серьезная покровительница, которой она может доверять.

— Может, может, — кивнула Талара. — Ты же даже не представляешь насколько и мне бывает непросто.

Принцесса, найдя с кем поделиться, с удовольствием поведала как она всю дорогу сопротивляется навязываемому ей образу жизни. Без Бэйла, к примеру, ее упражнения в боевых искусствах были бы попросту невозможны. Запретить ей, разумеется, никто не мог, но и помогать желающих тоже не имелось. А много ли тогда будет

толку? Зато теперь, исходя из только что подслушанного, она хорошо управляется мечом и на достигнутом останавливаться не собирается. А в верховой езде ей удалось немало преуспеть благодаря Илиане. Подруга вообще разделяет с ней все забавы и начинания, чего прежде в жизни Талары попросту никогда не было.

На мгновение смутившись, принцесса поняла что чуть не проболталась о чудесном даре Илианы, поэтому после упоминания верховой езды тут же переключилась на их совместные похождения, становившиеся чем дальше, тем интереснее. Талара настолько красочно расписывала иной раз даже самые невинные развлечения, что тут и Сирелина заподозрила насколько принцессе прежде было одиноко в огромном и одновременно таком пустом дворце. Ей стало искренне жаль эту девочку: в силу своего высокого положения она обладала свободой, о которой кто-либо иной и мечтать не смел, и вместе с тем не имела возможности найти ей применение. Оставалось лишь подивиться силе ее характера, со временем так и не смирившегося с окружающей обыденностью и закоснелыми стереотипами. Если уж целая орава нянек и воспитательниц с раннего детства так и не сломила эту упрямую натуру, не желавшую от чего-либо отказываться лишь на том основании, что "это не для принцесс", то сие вообще вряд ли кому-нибудь по плечу.

— Скажи, а почему именно Аберидж? — спросила Сирелина, когда Талара оживленно поведала свою версию событий.

Последнее время этот вопрос занимал чародейку все больше. Из всего огромного Солтенстила принцесса умудрилась выбрать поистине удивительное место, где небольшая компания практически сразу столкнулась с хранившимися там тысячелетиями тайнами.

— Я часто наблюдала его в подзорную трубу, — пояснила Талара. — Вообще я частенько забиралась куда-нибудь повыше и рассматривала город, мечтая окунуться в его жизнь с головой. Старинные постройки всегда манили меня своей таинственностью, будили жажду приключений. Аберидж выглядел таким красивым! Особенно на закате, когда садящееся солнце подсвечивало его особым светом и на его стенах и башнях будто просыпались горящие огнем древние руны. Я даже бывала поблизости в сопровождении своей свиты, но с этими нудными надоедами разве что сделаешь?..

— Хочешь поделюсь своими соображениями насчет этого места? При моем университете изучают в том числе и подобные вещи. С научной, конечно, точки зрения, — предложила вдруг Сирелина.

— Только взамен ты дашь обещание больше туда не соваться без согласования с нами. Талара, я хочу чтобы ты поняла: там смер-

тельно опасно, и это отнюдь не пустые слова, — добавила она, испытующе глядя на собеседницу.
Той неожиданное предложение понравилось, но хитрая и практичная принцесса сообщила что ее обещание будет зависеть от поведанных ей сведений.
— У тебя с собой тот кинжал что ты нашла в Аберидже? — поинтересовалась чародейка. — Иля сказала что ты постоянно таскаешь его с собой. Могу я взглянуть?
Талара, кивнув, выудила откуда-то упомянутое оружие и протянула тете Лине.
— М-да, так я и думала, — пробормотала тетушка, внимательно изучив клинок и вернув его владелице.
Колдовать чародейка не могла, но ее пальцы по-прежнему ощущали струившееся волшебство. Клинок был им прямо-таки наполнен и излучал его куда сильнее нежели древний меч Бэйла. В рассказе о своем видении Илиана упоминала что он одним ударом развеял Девастатора, и это наводило ее на определенные мысли. Похоже, что этот кинжал был создан для того чтобы поражать природу духов. Эти письмена на лезвии у рукоятки…
— Что ж, слушай, я расскажу тебе кое-что интересное. Только убедительно тебя прошу об этом никому не болтать. Не думаю что вам с Илей захочется оказаться замешанными в колдовстве, а им Аберидж просто набит, — с расстановкой сказала Сирелина.

Следующие полчаса принцесса внимала ей во все уши, то и дело задавая сыпавшиеся из нее вопросы. Немало удивленные решением чародейки, Бэйл и Илиана помалкивали, прислушиваясь к столь необычному разговору. По всей вероятности Сирелина знала что делает, но ходила она буквально по краю. Совершенно спокойно чародейка излагала такие вещи, о которых были осведомлены довольно немногие. Она, разумеется, не раскрывала перед принцессой всей полноты картины, стараясь не выходить из сугубо научного взгляда, основанного на собственной легенде, но это было то еще повествование. Глаза Талары горели. Ничего подобного ей прежде слыхать не доводилось, и она оказалась прямо-таки поглощена фантастической трактовкой истории, в которой сама недавно принимала самое непосредственное участие.

Про печать Рефендари чародейка, разумеется, умолчала. Во-первых принцесса, узнай она о таком невероятном артефакте, вполне могла пожалеть что отдала его Илиане. Во-вторых у нее наверняка возник бы вполне справедливый вопрос откуда об этой штуковине, раз уж она настолько уникальная, знает сама тетушка Лина. Это касалось и многого другого, поэтому Сирелина старательно обходила крайне специфические знания, доступные лишь

немногим посвященным. Даже если и не сразу, то позже Талара так или иначе поймет что обычная женщина, пусть даже и очень образованная, просто не могла такого знать. Не стала Сирелина заострять внимание и на зачарованных ключах, ограничившись согласием с уже и без того известной принцессе теорией. Зато про колдовские сады и Девастаторов на слова она не скупилась. Красочное повествование о жутких монстрах произвело на Талару должный эффект, на который, видимо, и рассчитывала Сирелина. Сады же в любом случае требовали обязательного упоминания. Еще там, в присутствии принцессы, Бэйл неосторожным восклицанием дал понять, что видел такое и прежде. Находясь под сильнейшим впечатлением она, видимо, сразу этого не сообразила, но впоследствии вполне могла сделать соответствующие выводы. Их стоило упредить, дабы развеять у Талары любые нежелательные сомнения. Сирелине удалось сочинить достаточно правдоподобную версию, примешав ее к своей общей осведомленности о многих сверхъестественных вещах.

— Теперь, надеюсь, ты еще больше понимаешь, почему я стараюсь не афишировать свой род занятий, — сказала тетушка Лина, закончив увлекательное повествование. — Многие люди вообще не видят разницу между астрономией и астрологией, а когда дело касается колдовства, то для них любые отличия вообще стираются.

При чем тут вообще астрономия Талара уже знала из пояснений Сирелины. Данная наука обладала достаточно широким профилем, и изучавшие движения небесных светил иной раз неплохо разбирались в том, на что они могли бы влиять. В том числе и на сверхъестественные явления. Сами по себе ученые чародеями не являлись, но по научной деятельности частенько сталкивались с проявлениями колдовства и исследовали его должным образом.

— Понимаю. Иля тоже боится что ее примут за ведьму, — ляпнула, не подумав, принцесса. — Ну, она очень смышленая и очень много всего знает. Для уймы народу даже этого вполне достаточно, — быстро добавила она смущенно, почувствовав щипок сидевшей рядом подруги.

Принцесса откланялась ближе к вечеру. Она бы и вовсе не уходила, но и у нее имелась какая-никакая совесть. Своим вторжением Талара нарушила родственное уединение и честно решила это компенсировать.

— Сегодня ты спишь в моих покоях, — сообщила она подруге. — Это означает, что сегодня ты можешь никуда не уходить и остаться здесь до следующего вечера, — добавила она улыбнувшись, встретив непонимающий взгляд Илианы. — Не беспокойся, я все улажу. К тому же, если что, я теперь знаю где тебя искать.

Когда наевшаяся до отвала принцесса ушла, мечтая о свидании с подушкой, некоторые объяснения пришлось давать самой Сирелине. Наконец-то развеяв наложенную иллюзию и вернув себе прежний облик, она не без удовлетворения развалилась на стуле. За время проведенное с гостьей чародейка, улучив момент, трижды наколдовывала маскирующее заклинание, и оно ни разу не подвело. Ставить такие эксперименты было довольно опасно, но и особого выбора у Сирелины не имелось.

— Теперь, дорогие мои, принцесса не выдаст вас даже если застукает Илиану с одной из тех книг, что вообще нельзя кому-нибудь показывать, — подытожила она достигнутый результат. — Если я правильно понимаю эту юную особу, то она предпочтет умолчать о нашей теплой компании даже в экстренном случае, стремясь сохранить то что можем ей дать только мы. Злоупотреблять этим обстоятельством ни в коем случае не стоит, равно как и посвящать ее высочество в излишне щекотливые подробности, но по крайней мере с этой стороны нам пока ничего не грозит. Вы знаете, столь неожиданный визит Талары в конечном счете пошел лишь на пользу. Кстати интересно, что бы сказал хан Гийюр, если бы узнал, что его собственная дочь сейчас как ни в чем не бывало разговаривала с той самой чародейкой, которую он столь усердно пытался изловить на протяжении последних лет?..

Обещание не соваться в Аберидж Талара действительно дала, оказавшись под глубоким впечатлением от рассказов тетушки Лины. Вот только зароков насчет посещений дома Бэйла это не касалось. Наступившую ночь и весь следующий день она позволила подруге спокойно побыть со своей родственницей, а на другие сутки напросилась в гости. Хотя бы на пару часиков. У принцессы накопилось множество вопросов и было удивительно что она вообще утерпела до послезавтра, не нагрянув с очередным неожиданным визитом. Неосмотрительно оставленную незапертой дверь теперь закрывали изнутри, но ведь она может и в окно пролезть — с нее станется. Илиана с порога догадалась известить чародейку что пришла не одна, и та благополучно приняла меры предосторожности до того, как распахнуть дверь с самой доброжелательной улыбкой.

Отъезд Сирелины состоялся в последний день февраля. Иля не могла сдержать слез, хотя крепилась изо всех сил. Предстоящая долгая разлука казалась просто ужасной, и обещания часто ей писать выглядели довольно слабым утешением. Чародейка сама расчувствовалась дальше некуда, и была прямо-таки на волоске от того, чтобы не махнуть на все рукой и не остаться в Солтенстиле. Если бы Иля окликнула ее и попросила не уезжать, она бы не вы-

держала и развернула коня. Девочка сдержалась, подбадриваемая положившим ей руку на плечо Бэйлом, и долго махала в след удалявшейся по дороге фири, пока та сначала не превратилась в маленькую точку, а потом и вовсе не скрылась за поворотом. Солнце уже садилось, когда гладиатор и Илиана вернулись в город.

Первые дни марта Талара тактично не наседала на подругу, стараясь развеять ее неподдельную грусть простыми, но милыми средствами. Даже Бэйл выглядел не слишком-то веселым, хотя ему в известной степени было полегче. Он в любой момент мог отправиться повидать Сирелину, а вот для Илианы такое путешествие представлялось невозможным, и у девочки глаза были на мокром месте.

— Да ладно тебе, Иля, не вешай нос, — увещевала Талара. — Все образуется. Мне тоже жаль что она уехала. Интересная у тебя тетушка, что и говори. Такой толковый ученый и при дворце бы не помешал, да только не при наших порядках. Местное старичье предпочтет отправиться на тот свет, но не пустить женщину в свою вотчину. Зато теперь нам хоть есть к кому обратиться за советом по разным делам. Согласись, что даже мне не стоит озадачивать придворных мудрецов вопросами из наших похождений. А с обитателями Нижних подземелий я вообще связываться не желаю… Кстати, тетя Лина обещала прислать мне книжку!

— Да? Какую же? — невольно удивилась Илиана, поскольку любовью к чтению подруга отнюдь не страдала.

— Азы темного колдовства или как распознать ведьму! Так она называется, — едва ли не мечтательно сообщила принцесса. — Там простым и доступным языком излагаются многие полезные вещи, которые могут нам пригодиться, если мы и дальше продолжим искать приключения. С картинками. Чтобы при случае у нас было больше шансов распознать опасность, если она нам попадется. Посылка, разумеется, придет дяде Бэйлу, но вы уж не забудьте отдать эту книгу мне.

— Неужели и правда будешь читать? — подняла брови Иля.

— ТАКОЕ? Разумеется! — с жаром заявила Талара. — Тем более что у меня теперь есть чем угостить всякую нечисть.

Она подразумевала не только кинжал, но и меч. Подслушанная похвала гладиатора вышла Бэйлу боком. Коли уж он сам признал, что принцесса подготовлена не хуже обычного солдата, то она имеет полное право на ношение боевого оружия. Отказать ей в этом означало нарушить прямую причинно-следственную связь и погрешить против собственного же утверждения. Как результат, на поясе Талары теперь был подвешен древний клинок, который достался ей при первом дележе добычи. Гладиатор, скрепя сердце,

вынужден был согласиться. Заявил лишь, что если хоть раз увидит ученицу обращающуюся со столь серьезным мечом неподобающим образом, то их уговору конец. Талара, стоило отдать ей должное, почем зря оружием не размахивала, но и расставаться с ним, по всей видимости, не собиралась. Даже сейчас, когда они с Илианой устроились в парке подле небольшого заросшего кувшинками пруда, принцесса не забыла нацепить клинок, и теперь он благополучно покоился в ножнах у нее под рукой.

— Ты только не показывай книгу всем подряд, — предупредила Иля. — Не поймут.

— Да мне особо и некому, — отозвалась Талара, подбрасывая круглый упругий мяч, которым девочки играли до того, как устроить привал на расстеленном покрывале.

Разговаривая с подругой, она ловила его на указательный палец и наблюдала как тот быстро вертится на самом кончике вокруг своей оси. Бэйл научил ее множеству упражнений на ловкость и координацию, и вскоре собирался приступить к освоению метания ножей.

— Твоя тетя говорила что это вполне безобидная книга, рассчитанная на самого обычного человека. Впрочем, я все равно уберу ее в тайник подальше от посторонних глаз, — согласилась принцесса.

— Ой! — сказала вдруг Илиана.

Удивленная этим восклицанием Талара, поймав мяч, воззрилась на подругу, пытаясь сообразить чем оно было вызвано. Прошуршав по траве, к ней, откуда ни возьмись, подкатился белый шар с два кулака в диаметре и легонько ткнулся в спину. Его поверхность состояла из сложного узора сеточкой с затейливыми впадинами и выступами, внутри которой просматривалась еще одна. Казалось, внутренний шар был вложен во внешний, а что находилось еще глубже и вовсе нельзя было понять.

— Это еще откуда? — озадаченно спросила Иля, поискав глазами вокруг.

В парке не было видно ни души. Лишь тихо шелестела листва раскидистых деревьев, сень которых падала на зеркально гладкую воду, а в усыпанном цветами кустарнике чирикали мелкие пичуги. Ближайшая песчаная дорожка пустовала, и травяной ковер также не тревожила поступь чьих-либо шагов.

— Занятная штука, — сказала Талара, живо сцапав загадочный предмет. — Надо же какая искусная резьба! Похоже на слоновую кость. Да, точно, это она. Очень тонкая работа.

— Но не с неба же эта штука свалилась, — заметила Илиана. — Эй, кто здесь?! — воскликнула она звонким голосом. — Чьи это

шутки?!
Поднявшись на ноги, Иля внимательно осмотрелась по сторонам, но парк по-прежнему выглядел абсолютно безлюдным. Талару же явно занимала сама находка, а не то откуда она взялась. Принцесса с любопытством вертела точеный шар, изучая хитрый узор и стараясь разглядеть что там у него внутри. Через вырезы внутренней поверхности ничего толком не просматривалось, но в глубине явно что-то было, раз шар не казался слишком легким. Талара даже потрясла его, надеясь уловить какие-нибудь звуки, но ничего не добилась. Подбросив находку, она поймала ее так же, как только что мяч, и шар послушно завертелся, повинуясь ее ловким движениям.
— Возможно, это чья-то игрушка. Или украшение, — предположила она, останавливая вращение и перекатывая его по плечам с руки на руку.
— Материализовалось из ниоткуда? — с сомнением спросила Иля.
— Он подкатился ко мне сзади, а вокруг ни души.
— Птица уронила, — выдвинула версию Талара. — Пролетала в вышине и выронила из лап. Скатился по веткам дерева, а оттуда — на траву и сюда.
Илиана задумчиво потерла висок. Такое вполне могло быть. Морские чайки, обитавшие в речном порту, еще и не такое таскали, да и без них хватало охочих до всего что плохо лежит пернатых. Странно только что не было слышно ни треска в кроне дерева, ни шума падения на землю. Впрочем, девочки могли этого и не заметить. С какого-нибудь дуба иной раз так гулко падали желуди, что подобные звуки становились попросту привычными.
— Иля, у тебя после Абериджа не на шутку разыгралось воображение, — усмехнулась Талара. — Так и до мании преследования недалеко. Мы же не в подземелье с монстрами. Чего ты всполошилась?
Илиана растерянно улыбнулась, находя, что подруга, возможно, не так уж и не права.
— Это у тебя на нервной почве. Перенервничала, — убежденно кивнула принцесса. — Давай прекращай уже хандрить. У тебя все еще есть я, а это, при всей моей скромности, не так уж и плохо! На, взгляни лучше какая симпатичная штуковина.
С этими словами Талара подкинула резной шар из слоновой кости прямо в руки Илианы. Та машинально поймала его и бросила беглый взгляд. Да, действительно. Что и говори, а такие предметы на деревьях не растут и в дешевых лавках не обретаются. Резьба по слоновьей кости была весьма искусна, и Иля невольно залюбовалась творением неведомого мастера, всматриваясь в кружева узо-

ра. Интересно, а каким образом был вырезан внутренний шар, если внешний кажется сплошным монолитом? Талара права: занятная штука. Просветлев в лице, Иля обхватив ладонями показавшийся вдруг теплым белый шар, медленно поворачивала его перед глазами.
— Ай! — вдруг громко вскрикнула она, роняя находку на землю.
— Что такое? — обеспокоилась Талара.
— Он меня уколол! — пожаловалась Илиана, приложив к губам правую ладошку.
— Не может быть! Он же гладкий как полированный паркет! — усомнилась поднявшаяся на ноги принцесса. — Дай посмотрю.
Иля протянула руку и принцесса убедилась, что на бугорке под указательным пальцем действительно имеется небольшой прокол, из которого тут же выступила капелька крови. Белый шар Таларе живо разонравился. Нахмурившись, она осторожно подняла его с травы и еще раз внимательно осмотрела со всех сторон. Вещица выглядела совершенно безобидно, мирно белея резными боками. Принцесса немного поколебалась, затем бросила его обратно в траву. После чего размахнулась и пнула кусачее изделие так, что оно пролетело добрых два десятка ярдов и плюхнулось в пруд, распугав плававших там цветастых уток мандаринок. Негромкое бульканье, несколько пузырей — и шар канул на дно.
— Вот тебе! — мстительно сказала Талара. — Ну-ка дай лапку.
Последнее адресовалось подруге. Выудив откуда-то небольшой флакончик, она обработала пострадавшее место, отчего Илиана тихонько пискнула. Густая жидкость щипалась не хуже заправского гуся.
— Дядя Бэйл научил. Мало ли какая зараза, — пояснила принцесса, убирая флакончик обратно. — Наказал всегда таскать с собой, учитывая мою страсть к колюще-режущим предметам.
— Знаю. Знакомое снадобье, — кивнула Иля.

Девочки просидели на берегу пруда до заката. Странное происшествие тем не менее отвлекло Илиану от мрачных мыслей, чем принцесса тут же воспользовалась, разговорив ее своей оживленной болтовней. Поскольку Аберидж в ближайшей перспективе накрылся медным тазом, ибо даже у неугомонной Талары не возникало большого желания возобновить знакомство с Девастаторами, следовало найти себе иное занятие. Принцесса предлагала ходить под парусом. Обзавестись на Идлисе хорошей лодкой и освоить это преинтереснейшее удовольствие. Вообще ее бы воля, и Талара прикупила бы целый корвет, на котором, наняв команду, отправилась в далекое путешествие к странам Запада, но в такую авантюру даже ей лучше не ввязываться. Отец наверняка снарядит за

ней целую армию — хлопот потом не оберешься. Илиане, в принципе, идея с парусной лодкой вполне нравилась, если только подруга по своему обыкновению не пустится во все тяжкие. Как именно — кто ж ее знает, но она вполне способна превратить самое невинное развлечение в совершенно бесшабашное мероприятие. Подруги оживленно обсуждали возможные прелести и сложности предполагаемой затеи и даже не заметили как пролетело время.

Наступили сумерки. В парке установилась полнейшая тишина, которую нарушали только перекликавшиеся вдали стражи да изредка доносившиеся звуки засыпавшего за дворцовыми стенами города. Неторопливо плававшие в пруду птицы вовсю дремали, кто выбравшись на берег, а кто прямо на воде. Девочек давно и след простыл и казалось что вокруг нет ни души, не считая пернатых да мелкой живности в густых, но ухоженных зарослях. Тем не менее откуда-то из глубины кустов послышался негромкий шорох, а затем звук приближающихся шагов. В неясном свете поднимавшейся луны показалась фигура в черном балахоне, на котором тускло отливали серебром вышитые узоры. Подойдя к берегу пруда, человек остановился и внимательно посмотрел куда-то в темную воду, будто силился проникнуть взором через ее недвижную гладь. Луна освещала ничем не примечательные черты мужчины среднего роста с густой седеющей бородой, однако будь здесь Сирелина, она бы непременно узнала того колдуна, который устроил охоту на крыс в то самое время, когда она притаилась за бочками в какой-то паре ярдов. Колдун медленно вытянул вперед правую руку и с уст его приглушенно зазвучало колдовское наречие. Поднятая кисть осветилась зеленоватым свечением. Казалось, некоторое время ничего не происходило. Затем где-то в недрах пруда вдруг показался, замерцал ответный зеленый огонек. Становясь все ярче и отчетливее, он словно приближался с каждой секундой, поднимаясь из толщи воды, а потом на поверхность пруда неожиданно вынырнул белый шар. Колдун сделал короткий жест запястьем, развернув его пальцами вверх, и шар, оторвавшись от пошедшей кругами воды, скользнул ему прямо в подставленную ладонь. Колдун умолк, зеленое свечение тут же погасло. Обернув резную поделку из слоновой кости куском материи, он спрятал ее в широком рукаве. Затем развернулся и исчез в темной глубине парка.

* * *

Мастер Хольд не забыл про визит подозрительного шефа ал-

химиков, как не забыл про него и сам Дегонис. Геральдиста больше никто не тревожил, однако это отнюдь не означало что колдун совсем выпустил его из поля зрения. Докучать почтенному старику, пользующемуся при дворце заслуженным уважением он не осмелился, поскольку вообще старался не привлекать к обитателям Нижних подземелий излишнего внимания. Тем не менее интерес свой не оставил и решил зайти с иной стороны. Мастер Хольд даже не подозревал что за ним и его посетителями незаметно присматривает соглядатай. Отчет отправлялся на стол лично Дегонису, который просматривал его вместе с остальными поступавшими бумагами.

— Принцесса Талара? Любопытно, — пробормотал колдун, когда имя дочери повелителя в очередной раз оказалось в списке. — А этой-то девчонке что там понадобилось?

Появление Илианы он оставил без внимания. Ханскую дочь давно уже привыкли видеть в обществе этой иноземной девочки и об их совместном времяпрепровождении во дворце не знал разве что последний осел. Дегонису как никому другому был хорошо известен особый статус внучки Арбаха ан-Бакира, но хан запретил вмешиваться в забавы его любимой дочери если от них нет никакого вреда. Немного поразмыслив, колдун черкнул короткую записку для соглядатая, веля осторожно разузнать зачем принцесса навещает геральдиста.

Ответ пришел спустя несколько дней.

— Вот оно что! — удивился Дегонис, когда из очередного отчета выяснилось происхождение гипсового слепка. — Так это исходит от Талары… Черт, это существенно осложняет дело! Попробуй к ней сунься — тут же наябедничает отцу. Когда речь идет о его любимице гнев повелителя лучше не испытывать. Что ж, будем действовать предельно аккуратно.

Вызвав к себе одного из помощников, Дегонис изложил суть необычного и довольно щекотливого поручения. Спешить с ним не обязательно, ибо оно носит исключительно ознакомительный характер, но и слишком затягивать не стоит.

Несмотря на кажущуюся легкость задания выполнить его оказалось совсем непросто. Постоянно следовать за принцессой не было ни малейшей возможности, а если слишком часто попадаться ей на глаза, то легко возбудить вполне справедливые подозрения. Талара ревностно следила чтобы никто не ходил за ней хвостом, с некоторых пор полностью избавляясь от опеки нянек и воспитательниц, и это здорово мешало за ней приглядывать. В карманы к принцессе тем более не залезешь и в покоях не пошаришь. Последнее, впрочем, вполне осуществимо, ибо собственные чары для

колдунов не были препятствием, но лучше обойтись без обыска. Если глазастая Талара поймет что в ее вещах кто-то рылся, она поднимет такой скандал, что полетят головы. Оставалось уповать на удачу и что в процессе наблюдения принцесса так или иначе подскажет где надо искать.

Приставленному к ней колдуну действительно помог счастливый случай. Когда Талара со своей фавориткой устраивалась где-нибудь на видном месте, он занимал подходящую обзорную точку и оттуда наблюдал за девочками в подзорную трубу. Занятие, прямо скажем, так себе, особенно когда те, несмотря на пониженную в холодное время года температуру воды купались, но ничего не поделаешь. Главное чтобы с этой трубой никто не застукал, потому что какой-нибудь бдительный гвардеец, уяснив чем соглядатай занимается, вполне мог записать его в извращенцы со всеми вытекающими. Однако именно во время водных забав на глаза колдуну вдруг и попался искомый предмет, ненадолго выскользнувший из-под купальной рубашки Илианы. Девочки как раз плескались в канале, плавая наперегонки к островку, а когда барахтались на мелководье, то медальон выбился из отведенного ему места и закачался на цепочке. Ошибки быть не могло: в мощную оптику колдун живо распознал ту вещицу, гипсовый слепок которой ему дали как следует рассмотреть. Вне себя от радости соглядатай быстро сложил подзорную трубу и отправился с докладом в Нижние подземелья.

— Внучка шейха? Уверен? — переспросил Дегонис.

— Абсолютно, — кивнул Алепид, ибо именно ему было поручено означенное щекотливое поручение. — Видел собственными глазами как тебя сейчас.

— Да что ж за невезение такое, — вздохнул верховный колдун.

— Почему? — удивился Алепид. — Кто-нибудь вполне может заполучить у нее медальон хотя бы на время. Ведь это простая девчонка, а не принцесса!

— Легче от этого не становится! Она расскажет принцессе, принцесса, которая всякий раз кривит физиономию при виде кого-нибудь из нас, наверняка пожалуется отцу. Хан разгневается что мы лезем туда куда совсем не просят. Круг замкнулся, — наставительно произнес Дегонис.

— А если кто-нибудь просто попросит ее дать посмотреть на медальон? — озадаченно почесал бороду Алепид.

— Толку выйдет не больше чем от слепка. Увидеть его должен именно я, — мотнул головой Дегонис. — Если это то, что я думаю, то и распознать это никто другой кроме меня не сможет. Только вероятность правдивости моей догадки где-то около нуля. Будь я

уверен в своих подозрениях, я бы пошел почти на любой риск дабы заполучить эту вещицу. Но поскольку я почти наверняка ошибаюсь, то не очень-то и спешу, ибо у меня предостаточно и других куда более важных дел. Око, Кристальный Каскад… Повелитель скоро прибудет, и нельзя подвести его ожиданий. Поэтому я еще успею убедиться что ошибался, ибо именно на такой результат я и рассчитываю. А проверку я затеял просто на всякий случай, из чистого любопытства. И уж поверь, ради одного лишь любопытства у меня нет ни малейшего желания влезать в неприятности с принцессой. Эта вздорная девчонка вполне способна нам их доставить. Повелитель потакает ей во всем и лучше никогда не ставить его перед выбором мы или она. К тому же не забывай: внучка ан-Бакира может нажаловаться на меня не только принцессе, но и деду, а старый хрыч из-за этого вполне способен заартачиться. Как ты думаешь, к кому будет склонен прислушиваться хан, если благодаря моему несвоевременному интересу он останется без Липкого огня?

— Зачаруй ее, — подумав, предложил Алепид. — С твоим мастерством, учитель, это не составит большого труда.

— Ты меня слушаешь вообще? — с ноткой неудовольствия осведомился Дегонис. — А если меня кто-нибудь увидит? А если разум девчонки окажется достаточно крепким и в нем сохранится хотя бы частичка воспоминаний обо мне? Зачем мне такой риск? Оно того не стоит! Зато следует учесть, что пока ее дед в наших руках, внучка шейха никуда из дворца не денется, и однажды мне подвернется благоприятный случай. Я никуда не спешу.

— Разве не досадно что мы, обладая такими возможностями, вынуждены мириться с текущим положением вещей! Плясать под дудку тех, кого можем скрутить в бараний рог, только из-за их якобы высокого положения! — с досадой заявил Алепид.

— Однажды все будет иначе, — негромко сказал Дегонис. — Это я тебе обещаю. Тебе и всем кто будет со мной. Только чтобы я от тебя таких речей более не слышал, понял?

По лицу почтительно склонившего голову помощника скользнула змеиная улыбка. Он понял учителя очень даже хорошо.

Алепид совсем уж собрался уходить, но в последний момент остановился в дверях рабочего кабинета хозяина Нижних подземелий. Дни, проведенные с подзорной трубой, навели его на одно соображение.

— А за внучкой шейха я бы все-таки присмотрел, — сказал он как бы одновременно размышляя.

— Зачем? — коротко вопросил Дегонис.

— Прости, учитель, но когда ты ее видел последний раз? — осве-

домился младший колдун.
— Не помню. Довольно давно. Ты же знаешь, я редко выхожу, — поразмыслив, сообщил старший. — А что?
— Говорят, ей нет и десяти. Выглядит она при этом так, что по виду уже не сильно отличается от Талары. Вымахала за год как на дрожжах. Кроме того, краем уха мне доводилось слышать их болтовню. Обрейте меня налысо, если дети так разговаривают! Во многом она еще действительно ребенок, но если закрыть глаза, то иной раз кажется что ты слышишь речь умной взрослой женщины, — сообщил Алепид.
— Ты это к чему? — поинтересовался Дегонис.
— Мы оба знаем о чем это может свидетельствовать, — заметил седеющий бородач. — Возможно ли, что тебе вовсе ни к чему пытаться заполучить живую чародейку, если одна из них…
— …растет у меня под носом, — закончил мысль помощника старший колдун. — Да, это было бы… любопытно. Возможно, даже лучше моего изначального замысла. Намного, намного лучше.
Дегонис замолчал. Алепид недвижно стоял в дверях, не мешая учителю размышлять. Из-за вечно опущенного капюшона читать по лицу становилось невозможно, но раз тот не велел помощнику удалиться, значит высказанное соображение его действительно заинтересовало. Среди обитателей Нижних подземелий ходили разнообразные слухи почему их мастер и наставник всегда скрывается за надвинутым капюшоном даже находясь глубоко под землей. Самого Дегониса никто спросить не осмеливался, а посему версии выдвигались самые разные. Большинство сходилось в том, что на нем лежит печать некоего уродства, но разнилось чем именно оно было вызвано. Одни говорили про врожденный дефект, другие про последствия колдовства, самостоятельного либо чужого, а третьи уверяли что мастер носит следы пыток, которым его подвергли за запрещенное ремесло. Так или иначе, но лица Дегониса никто никогда не видел, и эта его загадочная черта лишь прибавляла ему веса в глазах подчиненных.
— Было бы неплохо чтобы твоя догадка оказалась верной, — изрек, наконец, старший колдун. — Мы могли бы извлечь из этого большую пользу.
— Ее можно проверить, — заявил Алепид.
Он быстро пояснил. Колдовать непосредственно над девчонкой не надо: достаточно взять у нее капельку крови и провести с ней ряд экспериментов, которых так чураются чародейки. Даже если сейчас внучка шейха не источает волшебство, такой опыт все равно будет не лишним. К тому же он с определенной вероятностью может сообщить о ее предрасположенности к колдовству и уровне

жизненной силы. С учетом быстрого роста ребенка даже только это само по себе представляет известный интерес.
— Достаточно, говоришь? — усмехнулся Дегонис. — Я тебе только что толковал про сложности с каким-то несчастным медальоном, а ты собираешься ей кровь пускать? Как, скажи на милость?
— Шип мертвеца, — ответил младший колдун.
— Он создавался чтобы убивать, не забыл? — едко сообщил наставник, постукивая пальцами по столу, что в данном случае означало у него раздражение.

Шип мертвеца представлял собой весьма искусную поделку, способную своим внешним видом ввести в заблуждение практически кого угодно. Обнаружив у себя под носом изящное изделие из белой кости со сложной и великолепной резьбой, где внутри внешнего, с полфута, шара имелся внутренний, не пойми как туда засунутый, жертва, не в силах преодолеть любопытство, брала его в руки. В процессе изучения и неминуемого переворачивания изнутри шара выскакивали острые, снаряженные отравой иглы. Жертва умирала той смертью, какую нес находившийся в них яд. Хитроумное устройство действовало безотказно. Только кто сказал что Шип мертвеца может только убивать? Если слегка изменить его конструкцию, то при проколе плоти он вполне может забрать из нее образец крови. Иглу же достаточно сделать всего одну, дабы пострадавший человек даже не понял что его укололо. Внешне все будет выглядеть совершенно безобидно: в подходящий момент жертве подбрасывается означенный шар, та удивленно его берет и получает слегка болезненный, но более ничем не опасный укол. Дефект конструкции, простая случайность — ничего больше. После этого жертва, скорее всего, оставит шар там же, где на него и наткнулась, а если против всех ожиданий все же решит прихватить его с собой, то колдун быстро сделает так, чтобы находка ей сразу разонравилась. В результате он получает искомый образец, а уколотый человек даже не догадывается что произошло.
— Любопытно, — произнес Дегонис, перестав недовольно перебирать пальцами. — Неплохо придумано. Что ж, приятно убедиться что я набрал себе толковых помощников.
— Так я могу попробовать? — осторожно уточнил Алепид.
— Приступай, — милостиво разрешил старший колдун. — Но только не вздумай засветиться, понял? Я лично спущу с тебя шкуру, если что-нибудь пойдет не так.
— Я все сделаю быстро и незаметно, мастер, — заверил бородач.
— Хорошо, — кивнул Дегонис. — Кстати, это не помешает тебе с твоими изысканиями взрывчатой смеси? Ты и так пару раз напортачил, так что стоит ли лишний раз отвлекаться? Я послал тебя

следить за принцессой чтобы ты развеялся и передохнул, а вовсе не для того чтобы делал два дела сразу.
— Не помешает, мастер. Я справлюсь, — приложил руку к груди Алепид.
— Хорошо, — еще раз сказал Дегонис. — Ступай. О результатах доложишь мне лично.

Младший колдун выполнил свою задачу вполне успешно. Правда реакция принцессы оказалась несколько не по плану, когда она одним хорошим пинком отправила Шип мертвеца в пруд, но тот успел сделать свое коварное дело. Достать же небольшой шар со дна пруда точно зная где он утонул для Алепида особых хлопот не составило. Парящее колдовство быстро подняло Шип из воды, благо что за поздним часом вокруг не было ни души, и белая резная кость, кстати отнюдь не слоновая, благополучно вернулась обратно к своему владельцу.

Талара и Илиана уже спали, когда Алепид заперся у себя в лаборатории. Такие имелись у всех ведущих помощников Дегониса. Младшими колдунами они наименовались достаточно условно, поскольку старший был только один — сам мастер и наставник. После Баратиса, его правой руки и личного представителя при ад-Сейдине следующим в иерархии был Пириаст. Затем шло несколько младших колдунов, часть из которых по совместительству являлась и алхимиками. Они вели какие-либо проекты, как порученные Дегонисом, так и собственные, и уровень их владения чарами был вполне неплох. Основную же массу составляли подмастерья. Эти как правило колдовали весьма посредственно, если вообще колдовали, но каждого из них Дегонис в свое время выбрал не просто так. Имелись в Нижних подземельях и обычные алхимики, от природы вообще не владевшие чарами, но притом весьма искусные в своем ремесле. И каждый из упомянутых подчиненных выполнял свою задачу, но иной раз никто из них не знал всего замысла целиком. Это было ведомо одному лишь Дегонису. Равно как и только ему оказывались по силам такие колдовские инструменты как Кристальный каскад и Око. Могущество старшего колдуна многократно превосходило возможности любого из приспешников, они уважали его и трепетали перед ним. Взамен за преданность и беспрекословное повиновение Дегонис помогал им постигать запретное искусство, совершенствовал их навыки, взращивал их силу и давал защиту и покровительство. Алепид, как и остальные, слушался учителя без оглядки и теперь был счастлив выделиться и лишний раз доказать свою несомненную пользу и превосходство над многими остальными. Освободив один из лабораторных столов от принадлежностей для создания взрывчатой

смеси, колдун водрузил на специальную подставку Шип мертвеца. Затем, в легком волнении полюбовавшись на резную поверхность белого шара и как бы предвкушая грядущий эксперимент, приступил к работе.

Одно нажатие — и хитроумный механизм подставки запустил в недра Шипа тонкие щупы. Повинуясь их точному воздействию шар вдруг приоткрылся по сложной линии, разделившись каждой из своих поверхностей где-то посередине. Алепид поочередно снял элементы оболочки и бережно отложил в сторону. Внутри показалась весьма хитрая конструкция, некогда содержавшая в себе яд и средства его введения. Теперь же в маленьком прозрачном контейнере алело немного свежей крови. Буквально пара капель, но колдуну больше и не нужно. Вооружившись специальной пипеткой, он достал контейнер, вскрыл его и тщательно вобрал в пипетку всю кровь до последней частички. Затем быстро, но аккуратно подготовил все необходимое для предстоящих опытов оборудование.

Исходного вещества в таких случаях лучше иметь побольше, но колдун, понятное дело, не мог нацедить для собственных нужд небольшой тазик, как делают иные лекари-коновалы. При дворце же таких умельцев не имелось, дабы подослать к девочке мастера кровопускания. За подобные методы лечения хан Гийюр устраивал кровопускание самим врачевателям. Как-то он обнаружил что его раненым воинам лекари отворяли кровь, будто они ее и без того мало потеряли в бою. Разгневанный хан приказал поступить с вредителями соответствующим образом. Им вскрыли вены и выпускали их содержимое до тех пор, пока горе-эскулапы не испустили дух. Там бы Алепиду нашлось чем поживиться, но умелый колдун и алхимик мог обойтись и парой капель. Вооружившись небольшой колбочкой с какой-то бесцветной жидкостью, он растворил в ней большую часть скудных запасов, сохранив немного содержимого пипетки для другой посудины. Знатоку своего дела работать с концентрированной кровью было совершенно не обязательно. Все химические и колдовские манипуляции вполне можно осуществлять со специальной основой, содержащей даже самое незначительное количество исследуемого образца. Распределив жидкость из колбы в ряд больших и маленьких пробирок, Алепид также пропитал им с дюжину небольших шариков из мягкого материала, а затем приступил непосредственно к изучению.

Подробно описывать непосвященному человеку все его манипуляции, иной раз казавшиеся совершенно бессмысленными, не имело ни малейшего толку. Бурлили колбы и реторты, огонь нагревал пробирки и где-то их содержимое испарялось и отправлялось в

длительное путешествие по перегонным кубам, а где-то смешивалось с другими составами и подвергалось дальнейшей температурной обработке, причем не только огнем, но и холодом. Алепид сновал вокруг лабораторных столов как заправский повар по кухне, все время что-нибудь помешивая, поправляя, подкладывая и подкручивая. Иной раз, вооружившись глазным оптическим прибором, он подолгу всматривался в недра очередной пробирки или старательно изучал разложенный перед ним на стекле результат химической реакции. Порой, взяв щепотку некоего порошка, посыпал им поверхность находившегося в стеклянной посудине состава, осторожно его взбалтывал и бдительно наблюдал за малейшими изменениями. Для каждого пропитанного специальной основой шарика у него находилась своя пипетка. Получив нужную смесь, он капал из нее на очередной шарик, старательно занося достигнутый результат в особый журнал. Тот менял цвет, разбухал, съеживался, твердел, обмякал или разваливался. Или вовсе не реагировал на воздействие, но отсутствие реакции — тоже реакция, и Алепид старательно делал соответствующую пометку.

Не забывал он и про колдовство. По его мнению, по-настоящему высококлассным алхимиком мог быть только колдун, потому что он способен использовать недоступные простому смертному технику и средства, как бы опытен и образован тот ни был. Часть пробирок, колбочек и шариков, как обработанных так и нет, подвергалась его особому воздействию. Алепид бормотал заклинания, его кружившие над объектом эксперимента руки источали зеленый свет, а голос порой становился низким до такой жути, будто целью колдуна было не получение сведений, а призыв архидемона. Применял он и инструменты, как алхимические, так и колдовские, и порой их внешний вид для неискушенного наблюдателя вполне мог сойти за приспособления для пыток.

Работа спорилась, результат — нет. Точнее, все результаты по-прежнему оказывались самыми обычными, отличавшимися от соответствующих среднестатистическому человеку в пределах нормальных отклонений. Раздосадованный Алепид все больше ворчал. Похоже, в девчонке все-таки не зреет чародейка. Во всяком случае обнаружить этому какие-либо признаки не удавалось. Если так, то жаль. Такой подарок для Дегониса стал бы весьма ценным. Если учителю удастся его смелый замысел, то плоды уникальной работы перепадут и верным последователям. Колдуны завидовали дару долгой жизни чародеек смертельной завистью и иные готовы были на что угодно лишь бы открыть его секрет. Вопрос продления собственных лет всегда волновал умы как ученых мужей, так и простых обывателей, но в отличие от них колдуны

полагали что имеют куда больше шансов обрести искомое. Вот правда до сих пор особо никто на этом поприще не преуспел, но кто ищет, тот обрящет. Хорошо бы это оказался Дегонис.

Хлоп! С гулким звуком, брызнув вокруг мелкими осколками, разлетелась подогреваемая на огне зачарованная пробирка. Колдун чертыхнулся. Должно быть, переборщил с подогревом либо же где-то ошибся в пропорциях компонентов. Наскоро прибравшись, он оставил опустевший стенд, погасив пламя, и вернулся к прерванному занятию.

— Что ж, посмотрим, по крайней мере, сколько в тебе жизненной силы, — пробормотал Алепид, вновь расставляя ладони с широко раскрытыми пальцами вокруг одинокой выставленной колбы.

Руки его вновь озарились и от них, следуя раздавшемуся из уст зловещему монотонному речитативу, залучился волнистый зеленый свет. Растекаясь от ладоней, он пронизывал пространство, наполняя его сочившимся колдовством. Большая его часть концентрировалась строго в заданном направлении, остальная же слабой неясной дымкой вилась вокруг.

По-своему опыт был весьма прост. Следовало замерить как долго содержимое колбы из прозрачного и бесцветного станет меняться вплоть до тех пор, пока не станет непроглядно черным. Сначала жидкость помутнеет, затем в ней появятся облачка зеленоватых сгустков — первые признаки губительного влияния колдовства. Затем позеленеет все содержимое, знаменуя собой действие колдовского яда. В последней стадии все внутри колбы обретет гнилостную бурную окраску, демонстрируя поражение и распад живых клеток. Глубокий черный цвет означает полную и необратимую смерть. Запущенные водяные часы с мерно журчавшими каплями должны были показать продолжительность всей метаморфозы очень точно. Сама же метаморфоза вызывалась злым волшебством. Его направленное пагубное влияние на что-либо живое сказывалось тем сильнее, чем меньше был объект. Прикладывая значительную мощь к незначительному по количеству образцу колдун добивался наиболее ускоренной реакции, визуально наблюдаемой в специальной основе. Нечто подобное использовалось в Запретном чертоге при прохождении курса Имьюнитас, только там означенное воздействие предполагало постепенную выработку устойчивости. Здесь же злые чары применялись по прямому назначению — нанести максимальный вред вплоть до смерти.

Бах! Еще один стеклянный сосуд шумно разлетелся вдребезги, заставив колдуна вздрогнуть от неожиданности. Прошипев проклятье, он бросил раздраженный взгляд на второй опустевший

стенд, где доселе взбалтывалась хитроумная смесь. Сейчас эта густая жижа расплескалась по столу, распространяя вокруг резкий и не слишком приятный запах. Да чтоб ты провалилась! Толку от опыта оказалось никакого, зато убирай теперь эту въедливую гадость. Хорошо что Алепид может проделать сие куда проще, нежели какая-нибудь простолюдинка с тряпкой. Ладно, навести чистоту можно потом. Колдун вновь обратил взор на стоявшую перед ним колбу и продолжал источать злые чары с неослабевающим усилием. Что-то реакция запаздывает. Должно быть, эта девчонка обладает недурным жизненным потенциалом, недаром она такая акселератка. Мало кто сопротивляется сильному вредоносному излучению столь долго.

Ба-бах! На сей раз грохот был такой, что Алепид невольно шарахнулся в сторону и даже немного присел. Заклятье прервалось. Ладони колдуна погасли, испустив напоследок хаотично выплеснувшиеся из них лучистые волны. Один из больших перегонных кубов разворотило так, что от всей системы остались лишь невразумительные покореженные фрагменты. Торчали осколки трубок, сочились зияющими ранами некогда гармонично сложные, а теперь разорванные в клочья завитушки. Остатки стекла и металла раскидало далеко вокруг, а подле самого разнесенного куба невооруженным глазом были заметны следы ожогов. Колдун изрыгнул приличествующее случаю отборное ругательство.

— Да что за дерьмо здесь творится?! — гневно воскликнул он, осерчав на собственное оборудование.

— Бах! Хлоп! Хлоп! Бах! — бойко отозвалось оборудование сразу со всех сторон.

У Алепида от злости аж лицо побагровело. Всклокоченная борода заходила ходуном, что являлось у него признаком крайнего раздражения.

— Хлоп! Хлоп! Ш-ш-ш-ш… — продолжали раздаваться характерные звуки.

Сосуды с экспериментальными образцами один за другим лопались, кто с наименьшим уроном, а кто куда более эффектно. Стенды быстро пустели. На ближайшем из них появилось и бодро лизнуло соседние объекты в поисках подходящей пищи желтое пламя. Вне себя от ярости колдун ринулся к занимавшемуся пожару. Сбив пламя заклинанием, он плеснул на пораженный стенд заранее припасенной на такие случаи огнегасящей жидкостью на основе углекислоты. Пойдя пеной, жидкость полностью погасила огонь, стекая на стол такими хлопьями будто здесь кто-то принимал мыльную ванну.

Второй перегонный куб, неожиданно вспучившись самым

неестественным образом, последовал примеру первого, разлетевшись в клочья еще мощнее. В его грохоте ненадолго утонули продолжавшие лопаться колбы, пробирки и реторты. Где-то неподалеку, судя по подозрительным звукам и едкому запаху, пролившаяся активная смесь с энтузиазмом проедала все что только могла. Потянуло удушливым дымом; еще на одном стенде показалось пламя. Лаборатория неожиданно погрузилась в невообразимый хаос. Гнев сменился оторопью. Растерявшись, Алепид даже застыл на месте, обводя взбесившиеся владения недоуменным взором. Да что же это такое? Порчу что ли кто-нибудь навел? Самое время срочно обезвреживать все оборудование пока оно не выкинуло номер похлеще. Тут имеется уйма всякого опасного добра, так недолго и до беды. Шаривший вокруг взгляд колдуна мимоходом скользнул по столу с оставленной на нем колбой, над которой он только что трудился злым заклятьем. Алепид обомлел. Ее содержимое было ярко красным. Не веря своим глазам, он, забыв про ширившийся хаос, медленно подошел поближе, остановившись буквально в паре ярдов.

— Что за чертовщина?.. — ошарашено прошептал колдун.

На его памяти ничего подобного никогда не было, да и быть не могло. Красный цвет, цвет самой крови и самой жизни, ну никак не должен был появиться при таком воздействии. Злое колдовство причиняет вред и губит, но даже если ему это не удается оно уж точно не стимулирует прилив жизненных сил. То чему стал свидетелем Алепид шло вразрез со всеми существующими принципами.

Жидкость в колбе изменилась. Насыщенно красный цвет стал алым. Он быстро светлел, будто изнутри наполняясь каким-то сильным неведомым светом. Вытаращившись во все глаза, колдун, потеряв дар речи, безмолвно наблюдал за нарушавшей все законы логики метаморфозой. Колба засияла. Наполнявшее ее вещество, окончательно утрачивая уже и алый спектр, стремительно становилось белым. Ослепительно белым. От самого обычного стеклянного сосуда полилось мощное свечение. Испустив ударившие из недр лучи, выхватившие из полумрака даже самые дальние углы лаборатории, колба налилась таким сиянием, что стало больно глазам. Пол под ногами вдруг мелко задрожал, столы и стенды завибрировали, стеклянные и металлические предметы зазвенели. Почуяв неладное, Алепид попятился. Из-за хлынувшего потока света самой колбы уже не было видно. Вместо нее на столе будто зажглась маленькая лучистая звезда. Повеяло теплом, в считанные секунды становившимся жаром. Дерево под металлической поверхностью стола обугливалось, сам металл становился сизым. Воздух наполнился какой-то неведомой неукротимой энерги-

ей. Колдуна вдруг обуял страх. Слишком поздно он понял, что во время эксперимента упустил нечто очень и очень важное. Оборудование здесь было совершенно ни при чем, как ни при чем было его качество или чужие козни с порчей и тому подобным. Это были последствия самого эксперимента, и по всей видимости он стремительно шел к своему финалу. Не надо было обладать шестым чувством дабы заподозрить, что сейчас произойдет нечто очень и очень страшное. Развернувшись, колдун бросился бежать.

Сияние достигло своего апогея. Безумный жар пожрал стол, но за мгновение до того как он испарился лопнула сдерживавшая концентрированный свет колба. Ударная волна в мгновение ока настигла не успевшего добраться до выхода Алепида и обратила его в пепел, как обратила в пепел и все остальное внутри лаборатории. Толстые каменные стены глубоко залегавшего помещения выдержали удар, но через выбитую входную дверь вырвался в коридор неукротимо бушующий поток чистого жгучего света. Вместе с ним вырвался и чудовищный грохот, от которого содрогнулись не только Нижние подземелья, но чуть качнулся и сам находившийся над ними дворец. Опалив каменную кладку следами своей неудержимой мощи сияющая вспышка исчезла.

* * *

— Ты ночью ничего не слышала? — спросила Талара, явившись к подруге сразу после завтрака.

Обязанности Илианы в зверинце ввиду ее постоянной востребованности принцессой существенно сократились, а посему такой визит давно вошел в привычку. Теперь она ходила туда лишь по своей воле, поскольку любила животных и не хотела уж совсем перестать их навещать. Талара не возражала и иной раз они отправлялись вместе. Принцесса смотрела как подруга управляется со всякой живностью и только диву давалась, хотя казалось бы давно уже привыкла к ее чудесному дару. Заодно и на ее долю перепадало удовольствия, когда звери, следуя пожеланию Илианы, позволяли принцессе себя погладить или делали что-нибудь такое, что в обычных обстоятельствах не представлялось возможным. Способности Или ограничивались лишь уровнем восприятия самих животных. Если слон обладал весьма развитым умом, то птичке колибри было до него как до луны. Иными словами, будь вы хоть семи пядей во лбу, но разговорить инфузорию-туфельку или побеседовать с мышкой полевкой об устройстве мира вам не удастся, как не удастся научить крокодила свистеть, а страуса летать.

— Я спала как убитая, — ответила, позевывая, Илиана. — А что?

— Не знаю, у тебя хотела спросить, — пожала плечами Талара. — Спросонья мне показалось что где-то что-то бумкнуло. Я даже вскочила с кровати и схватилась за меч, но все было тихо. Впрочем, мне снилась чудная батальная сцена, так что возможно мне все это привиделось.
— Ты с ним еще и спишь что ли? С мечом, — осведомилась Иля.
— Разумеется, — невозмутимо ответила принцесса как нечто само собой разумеющееся.
— Еще снесешь сдуру кому-нибудь голову, — укоризненно сказала Илиана. — Вдруг подойдет какая-нибудь служанка, а ты ее…
— Во-первых, незачем ко мне шастать без приглашения, и особенно ночью, — заявила Талара. — Во-вторых, я не чокнутая и не истеричка. Схватиться за меч не означает обнажить его и начать махать им направо и налево. Иля, ну хоть ты меня не доставай нотациями! Хватит с меня одного твоего дяди Бэйла. Кстати, давай уже поторапливайся, соня.
— Одну минутку, — отозвалась Илиана.
Шмыгнув к себе в комнату, она наскоро переоделась в более подходящий наряд. Предстояла очередная вылазка в город, ибо неугомонная Талара быстро взяла быка за рога и решила прогуляться по многочисленным пристаням Солтенстила, дабы присмотреть хорошую лодку. Впрочем, ее спешка оправдывалась и иными обстоятельствами: во дворце ожидали прибытия хана. Не со дня на день, но до конца марта властелин Железных земель собирался посетить свою столицу. Как надолго — никто не знал, ибо в преддверии продолжения кампании такие сведения оказались тайной за семью печатями. Не знала даже Талара, а посему до прибытия отца она хотела успеть как можно больше, поскольку ей придется расстаться с заветным ключом на неопределенное время.

Сложив и убрав лишние вещи, Иля шагнула было к двери. Затем, мгновение поколебавшись, подошла к постели и вытащила из-под подушки крайне примечательную вещицу. Это были наручные солнечные часы прекрасной работы на тонком кожаном ремешке с золотой застежкой. На позолоченном диске играли искусно ограненные драгоценные камни, вплетенные в затейливую гравировку вместе с выпуклыми цифрами. В центре располагался пирамидальный кристалл, то и дело загадочно менявший цвет. Эти часы при расставании подарила своей воспитаннице Сирелина. Тонкий образчик чародейского искусства не сможет служить ей по назначению, ибо только владеющий колдовским даром способен заставить их работать, но будет напоминать о ней всякий раз, как девочка бросит на них взгляд. Первые дни наполнявшие часы чары еще будут держаться, но потом развеются, превратив

циферблатный диск в красивую безделушку. Пусть так, но для Илианы этот подарок все равно был невероятно дорог. Она клала часы под подушку, да так с ними и спала, отправляясь в мир грез с чудесными воспоминаниями. Иля и носила бы их не снимая, но столь примечательная вещица окажется слишком заметна. К тому же мало ли что может случиться. Украдут еще. Потерять или повредить подарок будет просто ужасно. Именно поэтому Иля взяла часы и сунула их в тайник под половицей, о котором знали только она и с некоторых пор Талара, причем последняя отнюдь не потому что ее посвящали. По ее собственному признанию еще в гостях у тетушки Лины, она случайно подсмотрела где Илиана прячет свои книжки. Сирелина тогда посоветовала воспитаннице быть осторожнее, а в домашний тайник не убирать ничего такого, о чем не стоило бы знать принцессе. Часов это все-таки не касалось, и они благополучно отправились в небольшой зев тайника, присоединившись к другим сокровищам девочки. Тускло блеснув напоследок золотом и камнями, они исчезли под опустившейся половицей вместе с отбрасывавшим тень на циферблат пирамидальным стержнем. Хотя в комнате сейчас отсутствовал прямой солнечный свет, это не мешало кристаллу как ни в чем не бывало выполнять свое предназначение. Часы показывали четверть десятого. Ничего удивительного для чародейского изделия, ибо именно так оно и должно было работать. Удивительным было то, что оно работало до сих пор. Наверное, некогда поддерживаемые Сирелиной чары до сих пор не развеялись.

Однако десятый час! Заколдованный подарок любезно подсказал сколько сейчас времени. Талара имеет полное право ворчать, ведь они собирались выйти в девять. Ох Иля и разоспалась. Поднявшись на ноги, девочка еще раз широко зевнула, отряхивая коленки. Давненько она не припоминала за собой такой сонливости. Помотав головой, словно разгоняя остатки сна, Илиана поспешила к подруге.

Девочка, разумеется, не знала, что у ее состояния имелась прямая причина. Уколовший ее накануне белый костяной шар ввел в ранку сильный анестетик, дабы проникновение иглы не было столь болезненным. У этого анестетика имелся побочный эффект, действие которого спустя несколько часов Иля на себе и испытала. Сама же ранка ее совсем не беспокоила, и девочка начисто о ней забыла. То ли Талара хорошо и вовремя ее обработала, то ли у Илианы просто все очень быстро заживало. Деталей этого происшествия раскрыть все равно никто не мог: минувшей ночью подсунувший ей коварное устройство колдун Алепид взорвался в своей лаборатории и в Нижних подземельях до сих пор осторожно

разбирались что произошло.

Кстати интересно, что сказала бы Сирелина кабы проведала, что подаренные ей колдовские часы до сих пор работают? Вряд ли восприняла все как должное, как это без всякой задней мысли делала Илиана. Только чародейка была сейчас на пути в обитель. Она уже проделала большую часть дороги, поспешая так быстро, как только могла. Особых причин торопиться у нее не было, но она летела во весь опор, покрывая двадцатидневный путь почти вдвое быстрее. Первая декада марта подходила к концу, и чародейка уже въезжала в большое северное королевство, граничившее с Южными землями. Еще дня три, и она переступит порог обители, которую не сможет покинуть ближайшие два года. Быстрая езда несколько отвлекала Сирелину от печальных дум. Помимо расставания с воспитанницей, из-за чего приунывшая женщина откровенно терзалась, ее угнетали и другие мысли. Бей ан-Нуадон все еще томился в особой ханской тюрьме и положение его ничуть не улучшилось. Находясь в Солтенстиле чародейка успела навести кое-какие справки. Семейство бея по-прежнему содержалось во вполне приличных условиях, но никаких перемен в его судьбе не предвиделось. Поговаривали даже, что ад-Сейдин запер их там пожизненно, а это неоднократно случалось с высокородными особами, которых казнить нежелательно, а отпустить нельзя. Кабы не Илиана, чародейка, вполне возможно, все-таки нашла способ вызволить ан-Нуадона из темницы и вывезти далеко за пределы Железных земель, но успеть сразу все она попросту не могла. К тому же, помогая бею, Сирелина рисковала наделать такой переполох, что возвращение в Солтенстил надолго стало бы для нее невозможным. Ее там и так только что не с фонарями разыскивают. Приходилось выбирать, и чародейка безоговорочно выбрала свою воспитанницу. Вот только совесть, увы, не хотела мириться с суровой логикой и томила Сирелину назойливым тягучим чувством. Не хотела она мириться и с тем, что нирелинцы до сих пор остаются заложниками хана, а сам ад-Сейдин вскоре собирается обрушить мощь нового оружия на очередное сопредельное государство. А ведь чародейку, помимо прочего, сдерживало данное старшим сестрам обещание ограничить посещение Солтенстила общением с воспитанницей и ни во что более не вмешиваться. Совести было все равно. Она упирала на слово "могла бы" и не желала слушать никаких разумных увещеваний. Сирелина, видимо, была из тех людей, что хотят помочь сразу всем и очень страдают от того, что сделать это как правило попросту невозможно.

Пришпоривая коня, чародейка летела вперед, подставляя разгоряченное лицо набегавшему мартовскому ветру, будто стара-

лась убежать от преследующих ее невеселых мыслей. Она давным-давно сбросила маскирующие чары и пребывала в своем истинном облике. Слегка вьющиеся светло-русые волосы свободно развевались за спиной, белея поверх темно-синего плаща, придавая ей некоторое сходство с мчащейся по небу валькирией. Руки в тонких кожаных перчатках то и дело теребили поводья, но конь и так поспешал со всех ног, не нуждаясь в дополнительных понуканиях. Голубые глаза неотрывно смотрели вперед, но не видели ни талого снега наступившей оттепели, ни просыпавшихся от зимнего сна прогалин, пускавших первые зеленые стрелки подснежников, ни дорожной грязи, ни клочьев низкого серого неба. Перед внутренним взором Сирелины все еще были теплые южные края со всеми своими тайнами и интригами, она до сих пор мысленно обращалась к оставленным там людям. Талара… Какую роль сыграет дочь ад-Сейдина, урожденная принцесса крови в судьбе ее воспитанницы? Суждено ли им навсегда остаться друзьями или же однажды они разойдутся по разные стороны, превратившись из бывших подруг в непримиримых врагов? Текущее положение вещей было настолько хрупким и непредсказуемым, что ни один мудрец не взялся бы делать сколько-нибудь долгосрочных прогнозов. А что бы сделала сама Талара кабы узнала, что тетушка Илианы на самом деле враждующая с ее отцом чародейка? Это сейчас она с самым открытым и искренним лицом выкладывала перед тетей Линой добытые в Абериджe сокровища: карманные часы, пресс-папье, кинжал… Была бы она столь же расположена или хотя бы нейтральна к Илиане и ее лже-родным, знай она всю правду? В часах и письменной принадлежности, кстати сказать, никаких чар не наблюдалось, и они были самыми обычными вещами, разве что очень древними и весьма искусно выполненными. Карманные же часы сами по себе являлись большой роскошью. Обычно они имели достаточно крупные габариты и лишь одну часовую стрелку. Находка Талары существенно отличалась в лучшую сторону как размерами, так и наличием поминутного измерения. Учитывая отделку, с такими и принцессе не стыдно показаться. Сирелина, осторожно изучив вещицу, заверила подругу своей воспитанницы в полной безопасности ее добычи, что было немаловажно, учитывая сомнительную репутацию Абериджа. Сама же увозила в обитель бесценную Рефендари и мешочек ромбовидных якобы драгоценных камней. Талара, кстати, пообещала никуда их не разбазаривать до тех пор, пока ученая тетушка не прояснит что это такое.

Ученой тетушке было что прояснять. Она везла из Солтенстила такой внушительный ворох загадок, что распутывать их хвати-

ло бы на целую обитель. Неестественность колдовства в Аберидже, загадочные таланты Илианы — все это отказывалось укладываться в голове хоть и молодой, но опытной чародейки, и вместе с тем безапелляционно заявляло о себе неумолимыми фактами. Временами Сирелина ощупывала спрятанную в потайном кармане Рефендари словно хотела убедиться, что ей отнюдь не привиделось. Одно лишь обнаружение подобного артефакта само по себе могло вписать ее в историю обители, а она надеялась раскрыть тайну как его появления, так и нынешнего благополучного существования вне известных законов чародейства. А Илиана? Каким образом девочка могла без всяких усилий заставить работать колдовской инструмент, если он подчинялся лишь обладавшим соответствующим даром? Чем больше Сирелина старалась во всем разобраться, тем больше запутывалась. И тем больше злилась сама на себя лишь за то, что едет сейчас совершенно одна, хотя вместе с ней должна скакать и воспитанница, ибо ее место при таких удивительных талантах именно в обители. Там и только там! Она должна, она обязана быть будущей чародейкой! Сирелине так бы этого хотелось… Возможно, старшие сестры сумеют разобраться в том, что постоянно ускользало от Сирелины, хотя она прилагала все усилия дабы постичь непостижимое. Возможно, и сейчас ей стоит посвятить во все Арадору, ведь помощь наставницы оказалась бы неоценима. Вдвоем им было бы намного легче докопаться до сути, отдернуть завесу таинственности и постичь природу загадочных вещей. Знай Сирелина что Арадора не проговорится из чувства долга, она непременно обратилась бы к ней за советом, поведала обо всех удивительных открытиях. Увы, гарантии не было. Сирелина могла безбоязненно довериться лишь Флее и ее подругам, но в таких вопросах от юных послушниц толку будет маловато.

Миля продолжала лететь за милей, обитель становилась все ближе, а чародейка вместе с тем все дальше от дорогих ей людей и от понимания своих последующих шагов. Не имея возможности проникнуть взглядом в прошлое, не в силах предвидеть будущее Сирелине оставалось лишь положиться на настоящее, сулившее впереди одну лишь неопределенность. И кто знает что произойдет за грядущие два года, особенно теперь, когда многочисленные армейские соединения держат путь на Аяз Мол.

– 18 –

В Аяз Моле собиралась великая сила. Стоя у высокого башенного окна Гийюр Ад-Сейдин наблюдал за покачивавшимся на вол-

нах флотом, появившимся всего за год по его воле. Еще совсем недавно эти блестевшие новизной гладкие борта были простыми деревьями, нетронутыми топором дровосека, а ныне они готовятся принять лучших на свете солдат и мощнейшее же оружие. Последние корабли еще достраивались, но главный распорядитель верфей и комендант города-крепости заверили его, что они будут готовы точно в срок. Сейчас шелковые паруса были убраны, но скоро, совсем скоро наступит тот день, когда ветер наполнит их до отказа и понесет навстречу грядущим битвам. Битвам, которые принесут неслыханную славу и отзвук которых сотрясет все Южные земли. Под гордо реющими стягами и вымпелами Железных земель пройдут они по водам Шиалы, заходя все озера, проникая во впадающие в нее притоки, и их берега падут под натиском Красной саламандры, склонятся перед владычеством новой империи.

Хан созывал войска. Река Шиала открывала перед ним обширные новые возможности, ведь не случайно он столь долго и упорно осаживал Аяз Мол и сохранил его в целости вместе с верфями и умелыми корабелами. В отличие от Идлиса, бравшего свое начало в горах на северо-западе, проходившего через Солтенстил и впадавшего в необъятный Дарнейский океан на юге, Шиала предоставляла огромный стратегический интерес. Ее водная система вмещала в себя множество озер и притоков, проходя не только через весь центр Южных земель, но и охватывая своими рукавами множество прилегающих территорий. Полноводная уже подле Аяз Мола, дальше она становилась лишь шире и глубже, неспешно перекатывая волны вплоть до северных морей, в одном из которых и заканчивался ее величественный бег. Впрочем, те дикие края ад-Сейдина сейчас не интересовали, зато все что было до них так или иначе привлекало к себе его пристальный взор. И первым среди этой необъятной водной системы оказывались обширные владения шаха Гелетбея, располагавшиеся выше эмирата Дирзун.

Расквартированная подле Аяз Мола армия пребывала там на ротационной основе, составляя четверть от общей численности солдат кампании. Хан Гийюр позволил своим воинам хорошенько отдохнуть перед продолжением похода, справедливо полагая что никто из сопредельных правителей не осмелится напасть даже когда большая часть сил отпущена по домам. Он бы оставил подле крепости и меньшее число людей, но у него имелись некоторые опасения насчет эмира Бушерского. Сепаратный мир был заключен, но все еще не смирившийся с таким положением дел Уль Дион вполне способен попытаться отбить Аяз Мол обратно. Вряд ли

бы ему это удалось, но вот строящийся флот окажется уязвим, чего ад-Сейдин допустить никак не мог. Для Уль Диона у хана имелся особый план, предполагавший как минимум смену власти в эмирате на куда более лояльную властелину Железных земель. Кажется, племянник эмира был бы непрочь разделить с Великим ханом всю выгоду предстоящей кампании, получив свою долю богатств и почестей. Иметь под рукой верную марионетку, получившую власть благодаря тебе куда лучше, чем затаившегося усмиренного врага. Но этой задачей хан вовсе не обязан заниматься сам. Для подобных вещей у него имелись соответствующие люди. Ад-Сейдин многое предпочитал делать лично, но при всей своей энергии поспеть одновременно везде оказывался физически не в состоянии. Ему помогали преданные военачальники и облаченные доверием вельможи. Как раз сейчас одни собирали отдохнувшую армию обратно, призывая ее со всех краев под Аяз Мол, а другие возвращались из экспедиций, спеша сообщить повелителю о достигнутых результатах. С момента начала вторжения союзной армады Красной Саламандры и Желтой Пумы утаить подобные войсковые перемещения возможным не представлялось, но теперь сие и не требовалось. Ад-Сейдин собирался нанести удар совсем не там, где все ожидают, а посему хранил лишь видимость секретности, дабы еще больше ввести в заблуждение будущего противника. Для этого даже разыгрывались особые спектакли, а чем не лучшее доказательство его следующей цели как приводящиеся в полную боевую готовность войска эмира Дирзунского? Вот только мало кто знал в какую именно сторону обратят свои стрелы прославленные лучники Зеленой ящерицы. После полного сбора часть армии ад-Сейдина погрузится на корабли и отплывет вниз по Шиале, а часть выступит прямиком на эмират Дирзун. Сам Аяз Мол, оставшийся под охраной надежного гарнизона, продолжит строить все новые корабли, наращивая ударную мощь второго флота, ибо первый находился на Идлисе. И эти корабли, заплывая все дальше, будут занимать все новые и новые гавани, повергать с воды бастионы, высаживать десант за десантом, в то время как сухопутные войска станут уверенно расширять рождавшуюся империю. И когда придет время…

Позади послышались чьи-то негромкие шаги.

— В чем дело? — ровным голосом осведомился хан.

— Прибыл Тигран ди-Орт. Он просит немедленной аудиенции, — сообщил бессменно пребывавший у покоев повелителя секретарь.

— Мог бы и не просить. Ему позволено входить ко мне в любое время дня и ночи, — усмехнулся ад-Сейдин. — Впустить! — коротко добавил он напоследок.

В открытой двери появилась невысокая фигура военачальника. Пригласив полководца, секретарь закрыл дверь и дал знак гвардейцам на входе в приемную никого не впускать, дабы не отвлекать беседующих от важного разговора.

Ди-Орту действительно было что сообщить повелителю. Именно он командовал отправленной в эмират Дирзун экспедицией, которая должна была выполнить двоякую роль: нарочито пошуметь, а заодно разведать как обстоят дела на северной границе владений Хасана аль-Дани. Хан Гийюр очень ждал возвращения благородного воина, но тот по обыкновению не вломился к нему без приглашения, хотя имел на это полное право, а из великого почтения к хану сначала известил о своем появлении. Поприветствовав властелина Железных земель должным образом, Тигран ди-Орт сразу приступил к делу. Точнее, попытался приступить, но хан остановил его жестом руки.

— Я с нетерпением ждал от тебя вестей, Тигран, но сейчас будет лучше обождать еще немного. Я прикажу собрать Военный совет, в котором недоставало только тебя. Идем в зал для совещаний, туда сейчас прибудут и все остальные. Заслушаем всех докладчиков по очереди, а по окончании примем соответствующие решения, — сказал ад-Сейдин.

Военачальник кивнул. Открыв только что захлопнувшуюся дверь в приемную, хан приказал секретарю немедленно собрать в нижней зале членов Военного совета. Затем вместе с Ди-Ортом скрылся на боковой лестнице.

Ставка ад-Сейдина размещалась в высившейся над Шиалой цитадели. Некогда именно здесь пребывало командование Аяз Молом, пока назначенный Уль Дионом правитель города-крепости не выбросил белый флаг. Недолго думая, хан Гийюр сам обосновался в столь примечательном и хорошо укрепленном месте, заодно переведя туда и собственную администрацию в лице коменданта с его управленческим аппаратом и высших сановников. Не из столицы, разумеется, где в отсутствие повелителя всеми делами ведал визирь, а ту что состояла при армии с самого начала кампании. Могучие стены цитадели, под стать всему Аяз Молу, возвышались над крутыми непреступными берегами выдававшегося в реку широкого мыса. Отсюда Шиала просматривалась далеко во все стороны и отсюда, со стен и башен, во время осады осуществлялась ее бомбардировка многочисленными баллистами и катапультами. Даже после падения города цитадель могла продержаться еще какое-то время, но прежний комендант, впечатленный устрашающим оружием ад-Сейдина, внял голосу разума и решил избежать дальнейшей бессмысленной бойни. Хан оценил его поступок по

достоинству и никаких репрессий в захваченном Аяз Моле не проводилось. Более того, коменданту и его приближенным позволили покинуть крепость и отпустили на все четыре стороны вместе с семьями и частью сложившего оружие гарнизона. Впрочем, диктовалось это скорее не гуманностью хана, не столь давно сравнявшего с землей прекрасный Хал-Амин до последнего камня и жителя, а его текущими интересами: сохранению стратегического города и его трудоспособного населения.

Одну из угловых башен ад-Сейдин облюбовал под личную резиденцию. Отсюда открывался великолепный вид, в красотах которого он прежде всего видел раскрывавшиеся перед ним перспективы, только не пейзажа, а грядущих завоеваний. Окна сего могучего строения никак не могли тягаться с присущими дворцу, иной раз начинавшихся от самого пола и являвших собой настоящую застекленную арку, но от серьезного фортификационного сооружения этого и не требовалось. Узких бойниц хану Гийюру было вполне достаточно, а для более полноценного обзора он вполне мог подняться по винтовой лестнице на вершину башни, либо же выйти на обращенную к реке лоджию, сделанную в виде небольшого вытянутого углубления. В роскоши эта башня не утопала, как, впрочем, не изобиловала ей и вся цитадель. Кругом царили военная строгость и порядок. Немногочисленная массивная и практичная мебель сочеталась с самыми простыми, но надежными светильниками и необходимым набором удобств. Излишества вроде ковров, гобеленов, широких кроватей с балдахинами, мягких кожаных кресел, фарфоровых и хрустальных безделушек напрочь отсутствовали, зато продуманная система внутренних сообщений вызывала уважение к архитектору. Кем бы он ни был, но задачу обеспечить гарнизону неприхотливые, но эффективные и безопасные условия для несения службы он выполнил, включая отлично работавшее отопление. В иных постройках сколько камины ни топи, а все тепло уходит невесть куда, да только не туда куда надо. Здесь же все обстояло иначе, и самое последнее караульное помещение имело вполне сносные условия проживания. Поскольку Аяз Мол располагался намного севернее Железных земель, без учета значительного отклонения на восток, то и холодное время года здесь было не столь благоприятным. Приходивший с юга теплый воздух постепенно начинал остывать, хотя полностью утрачивал свой пыл лишь у далеких границ северных королевств, где зима уже по-настоящему вступала в свои права. Январскими и февральскими ночами на улице становилось весьма прохладно, но весело трещавший в очагах огонь разгонял подступавший холод, наполняя помещения цитадели приятным теплом. Хан Гийюр только

приветствовал подобную обстановку и устройство крепости в целом, позволявшее воинам без помех выполнять свои обязанности и одновременно сохранять себя в должной форме, не изнеживаясь в излишнем комфорте.

В одном из залов, находившемся на нижнем этаже и вплотную примыкавшем к башне ад-Сейдина как раз сейчас и полыхал большой камин, отблески которого неспешно играли по голым каменным стенам с единственным украшением в виде гербовых полотнищ Красной саламандры. Этот зал предназначался для Военного совета. Последнее слово всегда было за ханом и никто не осмеливался перечить его воле, однако это отнюдь не означало что он не прислушивался к мнению доверенного окружения и не позволял ему высказаться. Усевшись во главе длинного стола, ад-Сейдин указал ди-Орту на место справа от себя. В строгом, но вполне светлом помещении еще никого не было, поскольку повелитель и его самый доверенный военачальник прибыли первыми. Высланные секретарем гонцы со всех ног поспешали известить членов Совета, по большей части пребывавших здесь же в цитадели. Не говоря ни слова, хан недвижно сидел, чувствуя за спиной струящееся тепло от весело потрескивавшего камина, где яркое пламя с аппетитом облизывало едва ли не целое бревно. Его обращенный в никуда взгляд, казалось, ничего не замечал, смотрел, но не видел. Впрочем, в практически пустой зале и глядеть-то было особо не на что. Простой, но крепко сколоченный дубовый стол окружало с две дюжины тяжелых стульев, способных выдержать даже бочку дегтя. В традиционно узкие окна струился дневной свет, падавший на каменные плиты пола желтоватыми рукавами, в которых кружились мелкие пылинки. После промозглых дождей, ознаменовавших приход весны, наконец-то выглянуло солнце и теперь оно вовсю подсушивало изрядно отсыревшую почву, испускавшую вьющийся поземкой пар. Две подвешенные под потолком большие кованые железом люстры сейчас не светились огнями, равно как не горели и установленные в металлические крепления факелы. В зале стояла тишина, нарушаемая только пламенем камина да едва доносившимися извне звуками, насилу проникавшими через толстые каменные стены. Ди-Орт тоже молчал, следуя примеру повелителя и в последний раз прокручивая в голове все что собирался сказать.

Один за другим стали появляться торопившиеся на сбор сановники. Большинство из них составляли военачальники, однако имелись среди них и гражданские лица, например главный распорядитель верфей и специалист по алхимии и колдовству. Интендант также был не военным человеком. По зрелому размышлению

ад-Сейдин назначил на эту должность состоятельного торговца, нажившего себе большое состояние на крупных оптовых делах. Такой человек гораздо лучше разберется в поставках для нужд огромной армии, не без выгоды, разумеется, для себя, но и с большой пользой для казны. Даже самого лучшего полководца обычные торгаши могли ободрать как липку, а такой специалист сам обманет кого хочешь. Столь ответственный пост предполагал и серьезную ответственность, поскольку за хищения у армии хан карал жестоко и беспощадно, но взамен давал и известные преимущества. Собственное торговое предприятие интенданта получало патент, дающий определенные привилегии и снижавший налоги. Не рискуя забираться в казну, чиновник с лихвой окупал все свои заботы на благо государства выгодной коммерцией. Именно он и пришел первым, запыхавшись от быстрой ходьбы. Подойдя к повелителю, он почтительно, но с чувством собственного достоинства поклонился, после чего занял третье место слева.

Напротив него вскоре оказался главный распорядитель верфей, вызванный ад-Сейдином в Аяз Мол из столицы сразу после захвата города-крепости. В Солтенстиле имелось свое кораблестроение, но тамошнего мастера хан оставил при своих делах. Для новой и крайне ответственной должности он взял его самого одаренного помощника. Этому молодому мужчине еще не было и тридцати, но дело он свое знал на отлично, успев получить серьезный опыт не только в Южных землях, но и странах Запада. Возглавив мастеровых Аяз Мола, он в кратчайшие сроки обеспечил повелителю появление нового боевого флота, за что был им лично приближен и отмечен. Помимо великолепного знания своего ремесла умел он и управляться с рабочими. Не в последнюю очередь благодаря ему умелые корабелы города не только не разбежались кто куда, но и добросовестно трудились на благо нового властелина. Все-таки воинскую присягу прежнему правителю они не приносили, а новый обходился с ними не только милостиво, но даже заботливо. Хан, разумеется, лелеял корабелов отнюдь не по доброте душевной. Ради скорой и качественной постройки флота он согласен быть и великодушным и щедрым, и даже пожертвовать собственной сокровищницей буде в этом возникнет такая необходимость.

Когда входили прочие военачальники, явившиеся почти одновременно, тихо и незаметно появился Баратис. Никто даже не понял откуда он вдруг вынырнул, неслышной крадущейся походкой пройдя на свое место. Устроился колдун сразу за ди-Ортом, единственным военачальником относившимся к нему без видимого предубеждения. Впрочем, что на самом деле думал ди-Орт касательно личности Баратиса оставалось тайной, но он следовал

интересам повелителя и обращался с ценными для него людьми должным образом.

Собравшиеся негромко переговаривались, разложив перед собой книги и бумаги в ожидании пока хан откроет Военный совет. Тот все еще молчал с таким бесстрастным лицом, будто происходящее его и вовсе не касалось и присутствующие явились сами по себе, а не на его зов. Приближенные к этому давно привыкли. Находясь ли в стременах, сидя ли за столом, стоя ли где-нибудь на холме или у пристани Ад-Сейдин ожидал нужного момента, а что это за момент ему было виднее.

В зал вошел секретарь. Пройдя спокойным, но скорым шагом прямиком к повелителю, он наклонился и что-то недолго шептал ему на ухо. Хан кивнул. Секретарь удалился. Хан поднял руку, призывая собравшихся к вниманию. Разговоры тут же смокли и все взоры обратились во главу стола. Ад-Сейдин открыл Военный совет.

На повестке дня имелось несколько основных вопросов и все они так или иначе касались самого главного: продолжения кампании. Точная дата выступления собиравшейся армии еще не была установлена и теперь пришло время ее определить. Нынешний Военный совет должен расставить все точки над i.

Первым докладывал Тигран ди-Орт. Его экспедиционный корпус вернулся из земель эмира Дирзунского, находившихся восточнее Аяз Мола всего в трех днях пути для крупных воинских соединений. На границе с эмиратом Бушер, захваченном Красной саламандрой чуть менее чем наполовину, расположилось несколько внушительных крепостей, контролировавших все водные и сухопутные маршруты. Далее похожие крепости были разбросаны по всей территории владений аль-Дани, представляя собой основной оплот войск эмира. В случае прямого противостояния солдатам ад-Сейдина пришлось бы потратить уйму времени, поочередно осаживая крепость за крепостью, бастион за бастионом. Вторгшаяся армия надолго увязла бы в этой сети укреплений, постоянно подвергаясь со всех сторон быстрым набегам мобильных групп Зеленой ящерицы и обстрелу их прославленных лучников. Однако никому и в голову не приходило, что двигавшаяся к границам эмирата армада и не подумает там задерживаться, а походным маршем пройдет прямо через эмират Дирзун и сметет ничего не подозревающие форпосты шаха Гелетбея. Когда последний опомнится и выставит достойную сопротивления армию, как минимум треть его территории уже окажется захваченной, включая несколько важных укреплений. В отличие от предыдущих противников, шах — весьма крепкий орешек. Сладить с ним будет куда

сложнее, и победа станет решающим переломом во всех замыслах ад-Сейдина. Земли Гелетбея обширны, армия сильна, твердыни крепки, а флот велик. Лишь теперь, обладая не только огромными и вышколенными войсками, но и страшным оружием, хан Гийюр имел основания рассчитывать на победу, прежде вполне обоснованно вызывавшую известные сомнения. Ди-Орт доложил, что гарнизон означенных пограничных форпостов несколько усилен и находится в состоянии повышенной готовности, однако, судя по ряду признаков, скорого нападения там никто не ожидает. Как и весь остальной мир, шах уверен что ад-Сейдин сцепится с эмиром Дирзунским и потратит на эту войну еще пару-тройку лет, что несомненно скажется на состоянии его дел. И для него станет крайне неприятным сюрпризом весть о том, что армия Красной саламандры беспрепятственно прошла через земли эмира, а солдаты Зеленой ящерицы покинули крепости не для того, чтобы атаковать пришельцев, а чтобы к ним присоединиться. Подкреплением этой уверенности в нем и занимался экспедиционный корпус ди-Орта, устроивший несколько ловко срежиссированных постановочных стычек с гарнизонами аль-Дани. Эмир, разумеется, был заранее предупрежден и отлично сыграл свою роль в лице подходящего военачальника. Со стороны выглядело так, будто разведкорпус ад-Сейдина случайно напоролся на мобильное воинское соединение Зеленой ящерицы аккурат возле крупного торгового тракта. У этой стычки была уйма свидетелей, которые, надо сказать, по факту толком ничего и не видели, зато очень много слышали. Особенно в той трактовке, которую прямо на месте им озвучивали многочисленные "очевидцы", заранее подосланные обеими сторонами. Корпус ди-Орта даже не успел вернуться к своим, а по всем Южным землям уже поползли слухи о близящемся вторжении орд Красной саламандры в эмират Дирзун. Ведь помимо прочего якобы отступавшие разведчики ад-Сейдина вышли на берег Шиалы и попытались с налету отбить речную крепость и несколько кораблей, дабы на них спешно отплыть восвояси. Доблестный гарнизон крепости дал незваным гостям бой и те еле ноги унесли, преследуемые по пятам стягиваемыми силами эмира. Внешне, разумеется, так оно и было, но корпус возвращался к Аяз Молу полностью выполнив свою задачу, включая разведку вдоль северных границ эмирата. Отправленная туда группа сопровождалась лучшими проводниками эмира и выглядела воинским дозором самого Хасана аль-Дани, в то время как на деле это были переодетые воины хана Гийюра, бдительно изучавшие состояние пограничных застав. Итоговый вывод таков: шах Гелетбей не готов к внезапному нападению, в то время как войска эмира, следуя уговору, в назначенный час при-

соединятся к армии ад-Сейдина.

В заключении своего доклада Тигран ди-Орт передал повелителю письмо от аль-Дани. Сломав печать, хан быстро пробежал текст глазами, а потом познакомил с его содержанием членов Военного совета. В этом послании эмир заверял хана в полном соблюдении прежних договоренностей и просил сообщить ему дату прибытия войск и предполагаемый маршрут их следования. Последнее — отнюдь не из праздного любопытства, поскольку его собственным солдатам следует знать когда и в каком месте вливаться в союзную армию. Войска эмира должны были составить четверть имевшихся в распоряжении ад-Сейдина людей, но значительную часть этой четверти представляли отменные стрелки, в умелых руках являвшиеся очень грозной силой. В случае конфликта с эмиром они вполне способны нанести Красной саламандре весьма чувствительный урон, а при заключении союза — хорошо усилить ее и без того значительную ударную мощь. Конфликт, однако, не предвиделся. Конечно в теории существовала вероятность что эмир Дирзунский втайне сговорился с шахом и заманивает солдат хана Гийюра в ловушку, но свидетельств в подтверждение этой версии не имелось. Напротив, до сих пор трусоватый эмир честно исполнял все взятые на себя обязательства, после падения Аяз Мола окончательно перейдя на сторону ад-Сейдина. Именно эта крепость фигурировала в некогда установленной договоренности и захватив ее хан таким образом подтвердил негласному союзнику свои планы и возможности. Аль-Дани должен был хорошо понимать против кого обернется новый флот хана и его страшное оружие, в случае если он проявит вероломство и выступит заодно с шахом. Наступление ад-Сейдина, безусловно, сорвется, и он будет вынужден с большими потерями отступить к Аяз Молу, но на пути сожжет все до чего только дотянется, включая порты, города и крепости. Такая перспектива эмира вряд ли устраивала: шах-то окажется в несомненном выигрыше, а вот самый тяжелый ущерб понесет аль-Дани, не говоря уже о том что в грядущей жестокой мести властелина Железных земель можно даже не сомневаться. Какой-то иной правитель, возможно, не только придумал бы подходящую хитрую комбинацию, но и осмелился ее осуществить, однако к эмиру Дирзунскому это не относилось. Он был из тех кто до последнего станет отсиживаться в стороне, но если уж придется вступать в войну, то предпочтет принять в ней участие на стороне победителя. А после падения Аяз Мола, поверженного новым невесть откуда взявшимся оружием хана у него вряд ли остались какие-либо сомнения. Красная саламандра неожиданно задышала страшным огнем, и молва о нем

уже пронеслась по всему цивилизованному миру, достигнув даже самых дальних его закоулков и заставив множество правителей всерьез забеспокоиться.

Разумеется, нетрудно было предвидеть что вскоре объявятся и желающие всеми правдами и неправдами раздобыть образец этого оружия. Следующий доклад был посвящен именно этому вопросу: поставкам Липкого огня и обеспечению его надлежащей охраны. Хивран, командующий легкой кавалерией, быстро ввел членов Военного совета в курс дела. Последние партии смертоносных снарядов ожидаются точно в срок. За прошедшие месяцы на конвои сопровождения было предпринято несколько нападений, но все они оказались безуспешными. Подлинного места изготовления Липкого огня никто не знал. Сразу множество совершенно одинаковых экипажей отправлялось из различных укрепленных мест, но лишь один был подлинным. Каждый из таких обозов незамедлительно брался под охрану значительным числом солдат, а по мере их продвижения и слияния количество задействованных воинов превращалось в полноценный корпус. Атаковать его было по силам лишь как минимум небольшой армии, перемещение которой по Железным землям и присоединенным к ним оккупированным территориям заранее не заметить попросту невозможно. Все предпринятые попытки захвата обоза осуществлялись как раз на начальной стадии, но бдительно организованное сопровождение позволило пресечь их на корню. К сожалению, допрос пленных мало что дал. Имена непосредственных заказчиков были им неизвестны и лишь по косвенным признакам можно судить кто именно за этим стоял. Фактически, это не обязательно должен быть правитель какого-либо государства. Соблазн завладеть подобным образцом способен обуревать многих. Любой предприимчивый и влиятельный делец, не брезговавший пользоваться услугами разбойников и поставлявший оружие обеим воюющим сторонам, мог рассчитывать поистине на баснословную сумму, продай он такой образец кому-нибудь из сильных мира сего.

Свой доклад Хивран закончил заверением, что он со своей стороны полностью гарантирует своевременное прибытие последней партии Липкого огня точно в срок, равно как и то, что до сих пор ни один снаряд не попал в посторонние руки.

Здесь свое негромкое слово вставил Баратис, присоединившись к сказанному командующим легкой кавалерией. Ханские алхимики исправно выполняют взятые на себя обязательства, и каких-либо задержек не предвидится. Последняя партия без проволочек будет передана под опеку солдат Хиврана согласно имеющейся договоренности.

Мастер Тиль, главный распорядитель верфей, в свою очередь доложил о готовности нового флота на восемьдесят пять процентов. На оставшихся пятнадцати работы вступили в завершающую фазу и корабли будут готовы принять войска уже в конце марта, то есть примерно через три недели. Недавнее происшествие удалось предотвратить и ни один из них не пострадал, за исключением того судна, что приняло на себя удар.

В этом месте в доклад автоматически вмешался комендант Аяз Мола, крепкий мужчина лет сорока с короткой черной бородой и пронзительным взором. Суровый и немногословный воин начинал простым солдатом еще во времена молодости самого повелителя и за свои заслуги постепенно продвигался по служебной лестнице. Организация и эффективный контроль деятельности вверенного ему гарнизона крепости или города являлись его несомненными талантами. Выходец из простой крестьянской семьи переселенцев, комендант Шталь привлек к себе внимание самого хана Гийюра, лично инспектировавшего гарнизоны, и с тех пор то и дело переезжал с места на место, дабы обустроить очередной важный оплот. Ныне ад-Сейдин доверил ему Аяз Мол, и комендант полностью оправдывал свое назначение.

— Караулы на причалах удвоены. Береговая линия на много миль охраняется нашими дозорами. На реке увеличено число патрульных судов, — коротко доложил он уверенным ровным голосом.

Речь шла о произошедшей накануне дерзкой попытке поджечь стоявшие на якоре корабли. Быстроходный брандер попытался приблизиться к тесно сгрудившейся флотилии, и если бы его рейд удался, то дующий в благоприятном направлении ветер мог бы причинить непредсказуемый урон, вплоть до критического. К счастью, этого удалось избежать. Вовремя распознав угрозу, один из сторожевых кораблей пошел на перехват и взял брандер на таран. Вспыхнувший пожар в считанные минуты уничтожил оба судна вместе с частью не успевшей выпрыгнуть за борт командой, но огонь не смог добраться до беззащитного флота, остановленный буквально в какой-то паре сотен ярдов. Впрочем, счастье тут было особо не при чем. Налаженная комендантом система охраны полностью себя оправдала, а теперь он ее еще больше усовершенствовал, отдав соответствующие распоряжения.

— Что удалось установить? — осведомился хан.

— После захода в последний порт корабль был захвачен прямо на реке людьми Уль Диона, — сообщил комендант. — Его груз заменили на горючие материалы, превратив судно в легковоспламеняющийся брандер. Диверсионная группа, сменившая изначальный экипаж, представилась тем кем и выглядела — торговым суд-

ном, направлявшимся в воды Гелетбея. Их пропустили без всякого досмотра, поскольку останавливаться в порту Аяз Мола коммерческая посудина не планировала. Пользуясь темнотой, она неожиданно сменила курс и направилась прямиком к стоявшему на якоре флоту. Капитан ближайшего дозорного корабля своевременно заметил этот маневр, так как быстроходное судно успело привлечь внимание опытного моряка своим подозрительным курсом, выбившимся за границу привычного судоходства. Оценив обстановку и заподозрив неладное, он приказал подчиненным немедленно идти на таран и поспел вовремя, предотвратив потенциальную катастрофу. Будь Шиала в этом месте поуже, события могли развернуться совершенно иначе, но трехмильный разлив у берегов Аяз Мола хорошо сочетает проходной фарватер и безопасную гавань. Вот только она не была рассчитана на единовременное присутствие такого значительного количества кораблей, а посему дерзкий замысел диверсантов имел недурные шансы на успех.

Эти сведения комендант почерпнул у выловленных из воды пленников. Стоически молчали не все, и писари исписали не один пергамент вслед за мастерами допроса. Судя по всему, Уль Дион действовал не один, хотя захватить живым никого из чужих эмиссаров не удалось. Об их присутствии на борту лишь упоминалось. Видимо, эти люди погибли в огне, либо утонули после столкновения и последовавшего за ним мощного пожара. В худшем варианте — под прикрытием темноты ускользнули по течению вплавь. Вероятно, инициатором атаки был шах Гелетбей, хорошо понимавший против кого рано или поздно обратится новый флот ад-Сейдина. Он лишь воспользовался враждебными чувствами эмира Бушерского, после заключения сепаратного мира пребывавшего в отвратительном расположении духа. Науськивая его на хана Гийюра, шах предложил подходящий план для мщения и Уль Дион с готовностью его принял. Прямых доказательств этому не имелось, но Совет в итоге сошелся во мнении что все обстояло именно так.

— Какие будут предложения касательно участи пойманных диверсантов? — обратился хан к приближенным. — Их, и их сообщников, схваченных в Аяз Моле после полученных показаний.

— Смертная казнь, иначе и быть не может, — на разные голоса отозвались присутствующие, удивленные вопросом повелителя.

За диверсионные действия, равно как и за шпионаж полагалась виселица, и подобные вопросы казались не по существу. Вместе с тем хан просто так их не задавал.

— Это и так понятно, — чуть поморщился ад-Сейдин. — Вопрос в том какая именно казнь. Случай вопиющий и требует нестандартного возмездия. Устрашение должно быть показательным.

Уловив мысль повелителя, советники замолчали, погрузившись в размышления. Нарушил молчание ди-Орт.
— Я не сторонник бессмысленной жестокости, но без колебаний иду на крайние меры, если они оправданы обстоятельствами, — сообщил он в качестве вступления, после чего коротко озвучил свое предложение. — Они посягали огнем на корабли Великого хана, так пусть от огня и умрут. Хотели сгореть вместе с брандером — мы предоставим им такую возможность.
Военачальник ничуть не кривил душой, и в свое время сказал плененному ан-Бакиру чистейшую правду. Несмотря на чудовищную гибель солдат, сгоревших заживо в адском пекле Липкого огня, он даже не подумал заниматься мщением и не тронул без прямой нужды никого из нирелинцев. В этом не было ни малейшего смысла, в противовес несчастным жителям Хал-Амина. В случае же с брандером ди-Орт усматривал ситуацию требующую соответствующей реакции. Советники переглянулись, осмысливая сказанное. Сожжение заживо в законе Железных земель не практиковалось, являясь по большей части уделом религиозных фанатиков. Мнения разделились.
— Набить старую посудину горючим материалом, приковать диверсантов к ее палубе, вывести на середину реки, поставить на якорь и спалить дотла на глазах всего города. Полагаю, так, если я правильно понял предложение ди-Орта, — изрек комендант.
Фактически, он поддержал прозвучавшую идею, коротко сообщив как именно следует ее осуществить.
— Подобное наказание уже очень давно не практиковалось, — возразил интендант. — Преступление, бесспорно, тяжкое, но поймет ли народ оправданность его применения? В законе на сей счет нет однозначного соответствия.
— Мы на военном положении, — напомнил комендант Шталь. — На его период гражданские законы не действуют, либо действуют с ограничениями.
— Народ как раз все поймет правильно, — заметил ди-Орт. — Особенно смутьяны и бунтовщики, коих в нашей части этого эмирата сейчас предостаточно.
— Можно устроить публичный суд, — высказался распорядитель верфей.
— Тогда уж публичный трибунал. Акция была направлена против армии, — машинально поправил его Саламай Гурдон — военачальник, в чьем ведении находились все боевые орудия.
Грузный как его метательные машины, он с безусловным трепетом относился к своему хозяйству и ревниво берег как зеницу ока.
— Саламай, так ты все-таки за или против? — спросил Хивран,

поскольку из реплики соратника было совершенно неясно его мнение. — Я все не возьму в толк.
— Если бы эти вредители посягнули на мои катапульты, я лично содрал бы с них кожу живьем, — хмуро отозвался Гурдон. — Но поскольку мне не предлагают сие удовольствие, то я отвечу так: ни малейшего снисхождения они не заслуживают.
Начальник легкой кавалерии озадаченно почесал в затылке, соображая было ли это все-таки согласием с предложением ди-Орта или же Саламай по своему обыкновению занял нейтральную позицию.
— Если бы речь шла про жизнь повелителя, я без колебаний подверг бы преступников самой суровой каре. Однако в данном случае мы имеем дело лишь с имуществом, пусть и армейским, и самыми обычными диверсантами. В законе по этому поводу ясно предусмотрена виселица, — подал голос Аладон ди-Шерриф, командующий гвардией.
Выходец из почти столь же благородного рода как и Тигран ди-Орт, высокий худощавый гвардеец свято чтил воинский кодекс чести, выше которого для него была одна лишь воля повелителя. Шпионы и диверсанты, разумеется, не имели права на столь же уважительное обращение как плененный на поле боя враг, однако ди-Шерриф все же не видел необходимости в подобной жуткой казни.

В итоге мнения членов Совета разделились примерно поровну, но явным большинством голосов было решено отказаться не только от публичного, но и вообще какого бы то ни было процесса. И без того хватает забот, чтобы растрачивать время и ресурсы на подобные представления, так что вердикт надо выносить здесь и сейчас. Последнее слово оставалось за ханом. Тот услышал все что хотел.
— Завтра в полдень в полумиле от берега огонь воздаст диверсантам по заслугам. Коменданту Шталю поручается организовать все необходимое, — бесстрастно изрек ад-Сейдин свой приговор.
Советники склонили головы, приняв ханскую волю.
— Однако недостаточно наказать исполнителей. Самое время решить что делать с зачинщиком, — продолжил вдруг повелитель. — Опасно оставлять Уль Диона в нашем тылу, когда он в любой момент способен на любые выходки. Если уже сейчас эмир осмеливается засылать сюда диверсантов, хотя наши силы стоят прямо в Аяз Моле, то что будет когда армия отправится в поход и вступит в войну с регулярными войсками шаха? Я не строил иллюзий насчет сепаратного мира, заключая его в первую очередь ради быстрого строительства флота. Увы, эмира он тоже не устраивает. Ста-

ло быть, с ним надо что-то делать, поскольку вместо похода на Гелетбея возиться с разбегающимися как тараканы бушерскими отрядами — непозволительная роскошь. Засим заслушаем Мухарраф. Полагаю, ему есть что сказать.

Означенный советник возглавлял Особую канцелярию, а попросту говоря руководил всеми шпионами и эмиссарами, осуществлял тайную слежку и подрывную разведдеятельность. Армейские чины его недолюбливали, но очевидную эффективность признавали. Мухарраф не носил доспехов и не бряцал саблей, но своими интригами был защищен получше любой брони, а пером и бумагой иной раз разил почище любого клинка. Сутулый и близорукий, не иначе как от продолжительного сидения за бесчисленными доносами от своих соглядатаев, он постоянно кутался в теплые одежды и покашливал, казался больным и даже немощным. Тем не менее, у военачальников имелись основания подозревать его в притворстве, ибо годы шли, а начальнику Особой канцелярии ничего не делалось, зато подобный внешний вид многих вводил в весьма опасное заблуждение.

— Племянник Уль Диона полностью на нашей стороне, — сообщил Мухарраф, пошелестев перед собой какими-то бумагами. — При обычной передаче власти шансов занять трон эмира у него практически нет. Тем не менее, по праву крови он может на него претендовать, если не останется других наследников. Этот честолюбивый молодой человек по имени Рахман, носящий фамилию дяди, но по младшей семейной ветви, обзавелся достаточным количеством сторонников, однако осмелится на переворот не раньше чем мы пообещаем поддержать его начинание.

Занять трон племяннику мешал не только сам Уль Дион, но и двое его сыновей. В таком случае он становился лишь третьим претендентом, что делало его шансы весьма призрачными. В случае безвременной кончины эмира и его детей знать и без всяких дополнительных уговоров поддержала бы Рахмана, но эмир жив и здравствовал. А заодно и злобствовал, плетя козни против завоевателей, которых он, по всей видимости, ненавидел целиком и полностью. Власть может перейти к племяннику и в результате переворота, как, впрочем, и к любому другому лицу, если речь идет о силовом способе ее захвата, только здесь возникают известные сложности. Если законный правитель будет пленен, то эмирату Бушер обеспечена смута, поскольку значительная часть знати и подданных нового правителя не признает. Тогда в этой стране надолго завязнет некоторое количество войск Красной саламандры или, в лучшем случае, Желтой пумы, ввиду необходимого поддержания порядка и недопущения междоусобных распрей.

Такая язва на теле империи может дать губительные метастазы, распространяя вокруг недовольных и вооруженных бунтовщиков. На период проведения военной кампании подобный очаг смуты в тылу попросту неприемлем. Если же Уль Дион будет убит в ходе переворота вместе с наследниками, то Рахману все равно понадобится поддержка для усмирения несогласных. Даже тех, кто сам прочил бы его на трон в случае естественной смерти эмира и его сыновей. Бегство дяди, судя по высказываниям племянника, представляет худший вариант, поскольку эмир будет руководить непрекращающимся сопротивлением откуда-нибудь из-за границы, и постоянные вспышки междоусобной войны в регионе обеспечены. Рахман сообщал что у него все готово для захвата власти, если Великий хан окажет ему необходимую помощь при вступлении на престол. В противном случае, даже если племянник рискнет отважиться на мятеж самостоятельно, он может не преуспеть, и тогда эмират окончательно окажется без лояльного Красной саламандре правителя.

— Какие будут предложения? — осведомился хан, когда начальник Особой канцелярии закончил доклад. — Не поддержав переворот мы гарантированно оставляем в тылу человека, который не упустит удобного случая нанести нам удар в спину. Поддержав, рискуем еще больше усугубить ситуацию вплоть до откровенного хаоса, грозящего перекинуться на соседние до сих пор благополучные земли. Однако в случае благоприятного исхода империя получит полноценного вассала, способного решить проблему расколотого эмирата и уже в свою очередь оказать нам полезную поддержку.

Дебаты вышли бурными. Советники сходились во мнении что действовать, а не сидеть сложа руки, безусловно, просто необходимо, однако им непросто оказалось решить что именно следует предпринять. Жаль не удалось сразу избавить эмират от какого бы то ни было правителя и присоединить его к своим землям, как произошло с владениями бея ан-Нуадона. Тогда Тал Дауд, согласно уговору, получил их львиную долю, но он верный вассал, чья выгода проистекает из лояльности Великому хану. При этом часть юго-западных территорий, необходимых для прямой связи с дальнейшими завоеваниями кампании, все равно перешла во владение Красной саламандры. Увы, после заключения сепаратного мира этими планами пришлось поступиться. Оптимальнее сейчас атаковать шаха, а из эмирата Бушер сделать входящего в империю вассала, особенно если ему удастся усмирить разделенное в данный момент государство и обеспечить в нем должный порядок. Только Аяз Мол и соединявшиеся с ним юго-восточные районы

Красная саламандра оставит себе, дабы иметь собственный земельный кордон от самых Железных земель до краев Зеленой ящерицы. Рахмана устраивало даже это, а ему вдобавок намекнули на возможную передачу некоторых владений на западном берегу Шиалы, если кампания увенчается успехом. Вопрос заключался в том насколько Красную саламандру будет устраивать сам Рахман. Если Уль Дион останется жив, то царствование племянника станет весьма шатким, и вместо решения своих проблем люди ад-Сейдина вынуждены будут распутывать чужие. Убийство же особ правящих династий претило властелину Железных земель, и советники прекрасно об этом знали. Вот только заточить эмира в темницу, как некогда ан-Нуадона, на сей раз оказывалось весьма чревато. Государство бея более не существовало, чего никак не скажешь об эмирате Бушер. Немалая часть его знати и народа нового правителя попросту не примет до тех пор, пока жив старый.

Советники спорили часа два. Хан традиционно не вмешивался в дебаты, а лишь слушал, переводя внимательный взгляд с одного оратора на другого. Характеры сановников сейчас проявлялись во всей своей красе, со всеми своими присущими им чертами, достоинствами и недостатками. В пылу дебатов приближенные вполне могли разгорячиться и сменить светский тон на куда более прозаичный. Ад-Сейдин не возражал. В его присутствии и особенно на таких совещаниях было запрещено выяснять между собой отношения и устраивать свару исключительно из личных интересов. Какие бы то ни было оскорбления по рангу, возрасту или происхождению также не допускались, поскольку это автоматически приравнивалось к неуважению сделанного повелителем выбора. В остальном же советники могли спорить хоть до хрипоты, до чего иногда и в самом деле доходило. Тогда объявлялся перерыв, и осипшие приближенные отпивались поданными напитками. Вопрос эмирата Бушер поднимался и прежде, так что он не свалился членам Военного совета как снег на голову. Просто теперь надлежало принять по нему окончательное решение, а посему его уже никак не получалось отложить на потом, ограничившись временными полумерами.

Принесенные слугами графины с питьем оказались наполовину пусты, когда советники наконец выработали единое мнение. Переворот Рахмана следует поддержать. В процессе переворота Уль Дион и его прямые наследники должны быть физически устранены, но таким образом, чтобы властелин Железных земель оказался к этому никоим образом не причастен. Более того, подобное не должно свершиться на публике либо же людьми простого происхождения. Ад-Сейдину претит посягательство на жизнь царст-

вующих особ, но кровавые выяснения отношений между родственниками отнюдь не редкость, и если одна часть элитной верхушки перережет другую, это все-таки их внутреннее дело. Для обеспечения надлежащего порядка на время смены власти на помощь Рахману следует послать армейский корпус. Если племянник преуспеет, воины Красной саламандры помогут ему закрепиться на троне вместе со своими сторонниками. Если же что-то пойдет не так, либо же он нарушит поставленные условия, тот же самый корпус примет сторону Уль Диона. Лояльности эмира это особо не прибавит, зато и ситуацию в государстве не усугубит.

Внимательно выслушав решение Военного совета, ад-Сейдин коротко кивнул.

— Да будет так, — изрек он ровным голосом. — Командование означенным армейским корпусом поручается ди-Орту. Начальнику Особой канцелярии следует известить принца Рахмана о нашем плане, сопроводив его соответствующими пояснениями. Пусть знает что ди-Орт может как поддержать его, так и выступить против переворота, и это целиком и полностью зависит от действий самого принца. Столь крупное воинское соединение, безусловно, не может приблизиться к столице эмира незаметно, но, полагаю, мне удастся уладить сей вопрос с Уль Дионом под предлогом прохода моих людей через его земли к северному хребту. Эмир, разумеется, не пустит наших воинов в столицу, но это уже задача Рахмана открыть для них ворота когда придет время. Захватив власть должным образом, принц автоматически заручится нашей поддержкой. Высадившийся в порту корпус ди-Орта и стяги Красной саламандры на стенах города поубавят желающих восстать против нового правителя. Вряд ли найдутся безумцы связываться с армией Железных земель, когда она в полном составе собирается подле Аяз Мола. Мы выиграем Рахману необходимое время, за которое он должен будет установить собственный контроль над всей страной. Сам же день переворота и отправки армейского корпуса зависит от того, когда мы определим день продолжения кампании.

Фактически, все предыдущие вопросы являлись необходимой прелюдией. По ним требовалось навести строгую ясность дабы понимать когда воины Красной саламандры выступят в поход, и без того отложенный ад-Сейдином на целый год из-за постройки нового флота. Хан предпочел удвоить свою ударную мощь, дабы иметь возможность одновременно атаковать и с суши и с воды, а заодно дал как следует отдохнуть своим утомленным в боях и осадах людям, позволив им провести время с семьями и потратить заработанное жалованье. Но дальнейшее промедление становилось

нежелательным: простаивающие войска все равно потребляли ресурсы, зато план кампании с течением времени мог стать известен до сих пор ничего не подозревавшему противнику. Касательно ресурсов Совет незамедлительно заслушал интенданта. Тот тоже оправдал возложенное на него доверие и его отчет, следовавший из строгих цифр прихваченных с собой объемных конторских книг, являл вполне благоприятную картину. Армия обеспечена всем необходимым, подходят последние обозы, а на складах Аяз Мола имеется достаточно припасов для ее последующего бесперебойного снабжения по реке и по суше. Командующий пехотой в свою очередь доложил, что воинские подразделения прибывают в строгом соответствии с графиком и располагаются в заранее подготовленных для них местах. Расширившиеся за год предместья окружают огромные палаточные лагеря, а топоры плотников стучат днем и ночью, обустраивая солдат нужными постройками и инфраструктурой. Убедившись, что все необходимые приготовления совершены, Военный совет приступил к назначению даты выступления.

Просовещались до позднего вечера. Следовало учесть все нюансы вплоть до самой последней мелочи, ибо как только армия двинется с места обратного пути уже не будет. Обсуждали все: точное время пересечения границ аль-Дани, день отплытия флота, момент соединения с людьми Зеленой ящерицы… Все эти элементы по отдельности поднимались и прежде, но сейчас требовалось окончательно выстроить их в единый утвержденный порядок и поставить, фигурально выражаясь, жирную точку, скрепленную большой красной печатью. Впрочем, все происходящее на Совете действительно фиксировалось сидевшим за тем же столом доверенным писцом, кропотливо записывавшим все принятые решения. Слуги давно зажгли факелы на стенах и поставили на стол массивные канделябры, света от которых присутствующим было вполне достаточно, дабы не прибегать к помощи огромных люстр. Свечной воск уже несколько часов плавился и капал, стекая по литым медным завитушкам, а сановники все совещались, стараясь не упустить ни малейшей детали.

Когда заседание наконец-то подошло к концу, хан все еще медлил, официально не закрывая Военный совет. Присутствующие молчали, ожидая заключительных слов повелителя.

— Наследный принц Камаль ад-Сейдин прибудет в Аяз Мол к началу кампании дабы принять в ней личное участие, — сообщил вдруг хан ни на кого особенно не глядя. — Коменданту Шталю следует подготовить для него покои на те несколько дней, что он пробудет в цитадели до выступления наших войск. Обеспечением его охраны займется начальник лейб-гвардии.

Несмотря на значительную усталость после многочасового совещания, присутствующие заметно оживились. Баратис, доселе хранивший достаточно бесстрастное выражение, бросил на повелителя быстрый внимательный взгляд. По его лицу проскользнуло неопределенное выражение, но тотчас бесследно испарилось, будто его там никогда и не было.

Новость была действительно неожиданной. В вопросе престолонаследия у хана Гийюра было не все так гладко, как хотелось бы. Его старший сын погиб в результате несчастного случая, а младший, как поговаривали, имел некоторые проблемы со здоровьем. По ряду причин, известных крайне немногим, ад-Сейдин отправил принца в отдаленную крепость, где его воспитанием и образованием занимались особо доверенные люди, а на страже стоял целый полк отборных воинов. Из других детей у властелина Железных земель имелось три дочери. Двух старших он намеревался выдать замуж за подходящих кандидатов, одним из которых был сын правителя восточного ханства. После победы над шахом Гелетбеем подобный альянс окончательно подмял бы под себя все Южные земли, и их полный переход в состав новой империи стал бы лишь вопросом времени. Ад-Сейдин предпочел бы договориться с восточным ханством по-хорошему, связав правящие семьи крепкими узами брака и обеспечив надежную имперскую опору сразу двумя династиями. Для второй дочери у него тоже наверняка имелись соответствующие замыслы, но хан Гийюр никого в них не посвящал, то ли еще не сделав соответствующий выбор, то ли имея основания держать его в секрете. Была у повелителя и младшая дочь, любимица Талара, но ее, судя по всему, отец не желал видеть разменной монетой в большой политике. Ад-Сейдин иногда вскользь упоминал, что хотел бы поставить во главе столицы собственную родню, когда в ней отсутствуют он сам и наследный принц. С одной стороны было крайне маловероятно что речь действительно шла о Таларе, особе женского пола. С другой — иных отпрысков у хана попросту не имелось. Воспитание же принцессы и уровень ее свободы делали такое смелое предположение достаточно обоснованным. Ад-Сейдин позволял дочери очень многое, в том числе и такое, на что могли бы рассчитывать лишь принцы. Это ли не лишнее свидетельство тому, что своенравная и настырная Талара однажды займет подобающее место подле трона своего отца, а впоследствии и брата? Что же касалось принца Камаля, то с момента начала кампании от Заячьего холма он в действующей армии не появлялся, и теперь весть о его прибытии вызвала у советников вполне понятный интерес. Однако это известие хан Гийюр обсуждать, как выяснилось, не собирался,

и не успели присутствующие осмелиться задать какие-нибудь вопросы, как повелитель закрыл заседание Военного совета.

Первым, поклонившись ад-Сейдину, удалился комендант Шталь. Ему еще предстояло организовать завтрашнюю экзекуцию, так что хлопот у него хватало. Следом ушли интендант и главный распорядитель верфей, которым также следовало отдать множество распоряжений. Оставшиеся расходиться не торопились, явно намереваясь обсудить кое-что строго между собой. Поднявшись из-за стола, хан коротко кивнул почтительно склонившимся сановникам и, поманив за собой ди-Орта, вышел из зала. Следом за ними отправился и стоявший все это время у входа Тимур да-Эрудан, начальник лейб-гвардии ад-Сейдина. Проводив повелителя взглядом, колдун Баратис исчез столь же незаметно, как и появился.

— Зачем ты позвал меня, мой хан? — спросил ди-Орт, когда все трое, включая командира личной гвардии, оказались в ханской башне в том самом покое, куда много часов назад секретарь впустил благородного военачальника. — Впрочем, ввиду присутствия да-Эрудана я догадываюсь.

— Ты правильно догадываешься, Тигран, — кивнул ад-Сейдин. — Речь пойдет о принце Камале. Лишь ты и Тимур знаете что я не считаю смерть его старшего брата несчастным случаем. И что именно из-за этого я отдалил от себя младшего сына в провинциальную, но зато неприступную крепость, поставив под охрану отборный полк гвардейцев. Я полагаю, что его жизни угрожает опасность. Слухи о пошатнувшемся здоровье принца были правдивы: у меня есть основания думать что его пытались отравить. Ныне он полностью поправился, хотя болезненная бледность напоминает о перенесенном испытании. И он не может постоянно пребывать вдали от света. Как наследный принц, Камаль обязан принимать участие в делах государства, и на сей раз я принял решение о его присутствии в грядущем походе. Вместе с тем я очень тревожусь о его безопасности, и положиться в этом вопросе могу лишь на вас двоих. Тимур сделает все от него зависящее, дабы непрерывно окружать принца верными лейб-гвардейцами, но я хочу чтобы остальные приближенные к нему воины находились под твоим командованием. И ты лично отберешь два полка, которые хотя бы формально станут под начало принца, а на деле будут подчиняться непосредственно тебе.

— Прости что спрашиваю, мой хан, но если кто-то желает зла твоему правлению, то разве не проще нанести удар непосредственно по тебе, а не изводить твоих детей? — аккуратно задал вопрос ди-Орт.

— Это зависит от конечной цели злоумышленника, — ответил ад-Сейдин. — А я, по зрелому размышлению, пришел вот к какому выводу: некто, кто бы он ни был, отнюдь не желает помешать мне создать новую могущественную империю. Не исключено, что он даже всячески этому способствует. Вот только после моей смерти рассчитывает прибрать ее к своим рукам, либо же к рукам какой-то марионетки. О моих подозрениях знаете только вы двое, и я равно рассчитываю как на вашу помощь, так и молчание.
Оба воина приложили сжатый кулак правой руки к сердцу, что означало заверение в преданности, в которой хан, впрочем, ничуть не сомневался.

Стояла глубокая ночь, когда ди-Орт и да-Эрудан покинули башню повелителя. От тепла солнечного дня не осталось и следа. С вновь набежавших туч мерзко моросил мелкий дождик. Даже не дождик, а так, взвесь. Порывы пронизывающего ветра налетали так же внезапно, как бретеры из-за угла, завывая в каминных трубах и норовя сорвать плохо прикрытые ставни. Далеко внизу с шумом разбивались о каменистый берег сердитые волны невидимой сейчас Шиалы.
— М-да, дела, — негромко произнес начальник лейб-гвардии, поплотнее запахиваясь в форменный плащ с эмблемой красной саламандры на черном молоте.
Воин имел в виду отнюдь не погоду.
— Угу, — мрачно подтвердил ди-Орт. — Честно тебе скажу: хочется верить, что хан ошибается, иначе все это выглядит просто прескверно. Мало что может быть хуже подозревать кого-то в подобном предательстве, особенно когда толком и не знаешь кого.

Оставшись один, ад-Сейдин все еще не ложился. Склонившись над большим столом с лежавшей на нем картой, он словно грезил наяву грядущими политическими изменениями. Фигурки крепостей, флотилий, армий, горстки разноцветных фишек и статуэтки, символизирующие различных людей делали ее частично интерактивной. Часть пути уже пройдена, самая, впрочем, небольшая, и об этом свидетельствовали соответствующие перестановки на карте. Впереди — самый важный этап, после которого открывается небывалый стратегический простор. Победа над шахом — ключ к полному объединению Южных земель под властью Красной саламандры. Рождается новая империя, ибо именно империей уже без всяких обиняков называли новообразование члены Военного совета и прочие сановники. Но сейчас хана Гийюра, глядевшего на искусно выполненную карту и видевшего не цветастые линии и надписи, а города и государства, корабли на волнах и армии, марширующие по дорогам, волновала не столько успеш-

ность реализации грандиозного замысла, а кому он его плоды оставит. Ему стало немного легче от того, что он поделился своими тягостными подозрениями с двумя наиболее верными ему людьми. Ди-Орт, потомок старинного благородного рода, всегда был опорой ад-Сейдина во всех трудных начинаниях, и ему поручались наиболее сложные и опасные задачи. Беззаветная преданность начальника лейб-гвардии также не вызывала сомнений. Для да-Эрудана на свете вообще не было иного закона кроме ханской воли. По происхождению этот воин был ненамного менее знатен чем ди-Орт, а приставку "да" имел потому, что родился в неравном браке от представителя своей знатной семьи и простолюдина. Это не позволяло ему становиться прямым потомком по мужской линии, но тем не менее подчеркивало присущее благородство. Ад-Сейдин назначал на должности за способности и преданность, а не за одну лишь родовитость, поэтому в его окружении хватало простых людей даже на самых высоких постах. Вместе с тем он понимал, что знать является очень важной опорой, а посему умело расположил к себе многие влиятельные семьи, стоявшие за него горой несмотря на все происходившие в государстве перемены. Означенные два благородных воина были как раз из таких семей, как бы олицетворяя собой безграничный кредит доверия повелителю. Лишь им хан Гийюр открыл свой запасной план касательно престолонаследия, если с его единственным оставшимся в живых сыном что-нибудь случится. Однако этот план надлежало хранить в строжайшей тайне, ибо лишь до тех пор пока он никому не известен, он и не является смертельной угрозой для возможного наследника. И пусть так остается и впредь до особых распоряжений, либо же безвременной кончины самого ад-Сейдина, когда ди-Орт и да-Эрудан выступят душеприказчиками его последней воли и защитниками назначенного им преемника. Им безоговорочно подчинялись элитные армейские подразделения, которые имели влияние на всю остальную армию, а кому предана армия тот владеет миром. Итак, с этой стороны тоже все улажено.

Очнувшись от раздумий, хан взглянул на большие настенные часы, громко тикавшие в установившейся ночной тишине. Однако как быстро летит время! Пожалуй, пора и ложиться. Простая солдатская кровать ждала его этажом выше, убранная обычным соломенным тюфяком с недорогим шерстяным одеялом, но он выспится на ней также прекрасно, как и в своей дворцовой опочивальне. А выспаться надо. Завтра будет трудный день. До отъезда предстоит еще многое успеть, а этот отъезд совершенно необходим, ибо перед продолжением кампании властелину Железных земель и наследному хану Ста городов предстояло еще одно важное

дело, требующее обязательного посещения столицы.

* * *

— Отец! — раздался от самого порога звонкий голос.
Беседовавший с визирем и первыми лицами государства хан поднял взор и лицо его просветлело. В тронный зал быстрым шагом вошла, точнее, вихрем ворвалась младшая дочь, за спиной которой с растерянными лицами маячили не осмелившиеся ей препятствовать гвардейцы. Ад-Сейдин сделал умолкшим сановникам короткий знак. Те, понимающе поклонившись, поспешили удалиться. Встав с трона, хан, расставив руки, сделал несколько шагов навстречу принцессе.

Суровому властелину было невыразимо приятно сознавать, что дочь действительно рада его видеть и скучала явно не меньше, чем об этом говорила вслух. Он прекрасно знал как Талара умела притворяться, равно как сейчас не видел в ее искренности даже малейшего обмана. Облобызав принцессу — выражение чувств, которые он более ни с кем себе не позволял, ад-Сейдин с легкой улыбкой осмотрел ее с головы до ног. Талара явилась в своем боевом наряде, звеня легкой кольчугой и бряцая висевшим на поясе мечом. Лишь шлем она не стала надевать, оставив непокрытыми длинные, забранные в тугую косу и черные как крыло ворона волосы.
— Ну и ну! — сказал хан, немало удивленный, но ничуть не рассерженный ее непривычным видом. — Мне докладывали что ты балуешься с оружием, но я не ожидал увидеть настоящую воительницу. Мне кажется, ты даже двигаешься иначе.
Это была сущая правда. Регулярные занятия с гладиатором и соответствующий образ жизни накладывали вполне естественный отпечаток и женственности в движениях принцессы основательно поубавилось. Впрочем, излишней жеманностью она и прежде не страдала, став лишь еще более резкой, быстрой и ловкой чем обычно. Вместе с тем природа тоже давала себя знать, и придворному оружейнику недавно пришлось еще немного подогнать кольчугу под ее изменившуюся фигуру.
— Да, ведь я теперь не только хорошо освоила верховую езду, но и отлично управляюсь с мечом! — сообщила гордившаяся своими необычными успехами Талара. — Парочка твоих доблестных воинов в этом сомневалась до тех пор, пока я не обезоружила их в тренировочном зале.
— Вот как? — поднял брови ад-Сейдин. — Ну-ка расскажи поподробнее.

Талара с удовольствием поведала детали. В частности как она опробовала преподанную гладиатором науку на двух тренировавшихся гвардейцах. Те поначалу наотрез отказывались скрестить оружие с ханской дочкой, но потом кое-как согласились на небольшой товарищеский поединок, рассчитывая преподать самонадеянной девчонке небольшой урок. Вышло с точностью до наоборот. Конечно стоило учесть, что воины никак не ожидали от принцессы подобной прыти и были попросту не готовы столкнуться с намного более серьезным противником, чем им казалось. Тем не менее Талара здорово их умыла, обезоружив блестяще выполненным приемом. Гвардейцы вынуждены были признать себя побежденными, подумав, что пресловутые забавы ханской дочери на деле оказываются не такими уж пустыми.

— Даже и не знаю наградить мне твоего учителя или наказать, — усмехнулся ад-Сейдин. — Мне докладывали что это простой садовник. Неплохо для простого садовника!

— Когда-то он зарабатывал себе на жизнь мечом, но теперь ищет спокойной жизни, — пояснила Талара. — Это хороший человек, что бы там тебе ни доносили наши местные соглядатаи. И уж он точно не желает мне зла, а наоборот, постоянно опекает… то есть напоминает, чтобы я обращалась с оружием с должной осторожностью и не наделала глупостей.

— Надо будет взглянуть на него при случае, раз уж моя дочь почтила его своим обществом, — отметил хан. — Если это достойный человек, возможно, он находится не на своем месте.

— Его устраивает быть садовником, — быстро сказала Талара, убоявшись что отец, чего доброго, из самых лучших побуждений переведет Бэйла на более видную должность и их тайным походам конец. — Он сам мне об этом говорил. Лучшая награда для него — позволить всему остаться как есть.

Принцесса сочинила все это на ходу, однако даже не подозревала насколько ее слова соответствовали помыслам самого гладиатора, за спиной которого стояла Сирелина.

— Ну, как скажешь, — кивнул ад-Сейдин. — Но я все равно должен на него взглянуть, хотя ничуть не сомневаюсь в правильности твоего выбора. Послушай, Талара, давай прогуляемся по парку? Чего тут торчать?..

Под руку с дочерью хан проследовал через вереницу дворцовых залов и вышел на улицу под лучи теплого южного солнца. Оно заметно контрастировало с мартовской прохладой Аяз Мола, где на волнах Шиалы колыхался готовившийся к отплытию флот. Пожалуй, не стоит забывать о перемене климата, когда однажды его империя разрастется до границ северных королевств. Ведь после

покорения обширных владений шаха Гелетбея до них останется не так уж и далеко.

На скамеечке подле пышного розового куста кто-то сидел. Завидев появившуюся пару, этот кто-то тихонько сдвинулся на самый край, постаравшись укрыться за густыми усыпанными цветами ветками. Хан бросил на это движение машинальный взгляд и заметил вполне прилично одетую девочку-подростка, по виду ненамного младше Талары. Ее лицо показалось ему очень знакомым, но ад-Сейдин, как не силился, так и не смог припомнить откуда.

— Это моя подруга. Я велела ждать меня здесь, — пояснила дочь, проследив направление взора отца.

— Это которая?.. — озадаченно произнес хан, невольно останавливаясь.

Вопрос был довольно риторическим, поскольку изобилием подруг Талара похвастаться не могла. Вместе с тем он просто не в силах бы сразу осознать, что эта большая девочка — та самая юная внучка шейха ан-Бакира. Тем не менее это и в самом деле была она. Вглядевшись в лицо, ад-Сейдин убедился в этом лично и без последовавшего уточнения дочери.

— Ей же вроде и десяти не было… — изумленно пробормотал хан становившуюся уже привычной в адрес Илианы фразу.

Не в силах сдержать невольно проснувшееся любопытство, он сделал ей знак подойти. Иля осторожно приблизилась, гадая что означает это внимание, и присела в глубоком реверансе.

— Да, теперь я вижу что это действительно ты, — сказал хан, припомнив сей образчик иноземных хороших манер, который, впрочем, ему всегда нравился. — Илиана, так тебя зовут? Я слышал, последние месяцы мою дочь постоянно видят в твоем обществе.

— Ее высочество оказала мне эту честь, — вежливо ответила девочка, подняв на ад-Сейдина ясные сиреневые глаза.

— Сомневаюсь что ты зовешь Талару "ее высочество" когда вы обе, судя по слухам, ходите на ушах как заведенные, — усмехнулся хан. — Но как же ты выросла!.. Тебя просто не узнать!

Он вновь окинул девочку внимательным взглядом, заодно решая как ему вообще следует поступить. Ад-Сейдин не забыл каким образом Илиана оказалась во дворце и какую именно роль она играла. Вместе с тем и от пожеланий собственной дочери он не мог просто так отмахнуться. Пожалуй, стоит оставить все как есть, особенно если учесть что Талара благоразумно не настаивает на чем-нибудь невозможном. Впрочем, если она захочет взять внучку шейха к себе, то это, пожалуй, можно будет устроить. С оговоркой, разумеется, что ей все равно нельзя будет покидать пределы двор-

ца.
— С тобой хорошо обращаются? Есть какие-нибудь жалобы или пожелания? — спросил хан. — Раз уж принцесса почтила тебя своим вниманием, то все должно быть на должном уровне.
— Благодарю за заботу, Великий хан, все хорошо, — отозвалась девочка. — Только мне теперь позволяют видеть дедушку не чаще двух раз в месяц…
Иля не договорила, но было и без того понятно что она имеет в виду. Ад-Сейдин чуть нахмурился, но естественное желание ребенка почаще видеть деда было ему вполне понятно. Девочка все-таки не виновата заложницей какой сложной игры она вдруг оказалась и какие в этой игре громадные ставки размером с целые государства.
— Я подумаю что можно сделать, — отозвался хан.
Он не покривил душой. Чародейки все равно давно и след простыл, а от общения старика и внучки вреда не будет. Пожалуй, действительно стоит отдать распоряжение позволить им встречаться почаще, но по-прежнему в присутствии лейтенанта гвардии.

Ад-Сейдин еще немного поговорил с Илианой, старательно обходя скользкие темы. Все-таки приближенная его дочери заслуживала такого внимания, да и произошедшая с девочкой метаморфоза приковывала к себе не только взор, но и слух. Речь Илианы претерпела существенные изменения и от прежнего ребячества в ней сохранились разве что все еще сквозившая детская наивность да забавные словечки. Неудивительно что Талара постоянно таскает эту девчонку с собой — по внешности и уровню развития они кажутся едва ли не одногодками. Теперь уже становилось совершенно очевидно, что Илиана не кровная родня племени ан-Бакира. Подросший приемыш разительно отличался внешностью и манерами, присущими скорее странам запада и севера одновременно. И если хан хотя бы что-нибудь понимал в человеческой породе, то он был почти готов поклясться что имеет дело с отпрыском аристократов. Что ж, так даже лучше. Принцессе крови подобает соответствующее окружение.

Закончив разговор, ад-Сейдин бросил красноречивый взгляд на дочь.
— Иля, иди домой. Я найду тебя сама, — сказала принцесса, сделав знак подруге.
Девочка еще раз присела в реверансе и упорхнула.
— Любопытное дитя, — заметил хан, когда они с дочерью продолжили прогулку, направляясь прямиком в дворцовый парк. — Как я погляжу, тебя все больше начинают окружать необычные люди и

события.
Ад-Сейдин в этот момент даже не подозревал насколько его слова оказались близки к истине.

К назначенному часу Кристальный Каскад был полностью готов. Дегонис заблаговременно известил повелителя через своего помощника и теперь собирался повторить состоявшийся несколько лет назад сеанс. Тогда хан Гийюр узнал все что хотел, но сейчас, после всех произошедших событий ему требовалось подтверждение.
— Я ждал тебя, повелитель, — произнес колдун ровно те же слова, что и в прошлый раз.
Окружающая обстановка ничуть не изменилась. В полумраке по-прежнему виднелись характерные приспособления для алхимии и колдовства, а помещение наполняли прежние не самые ароматные запахи, разбавляемые курившимися благовониями. Дегонис традиционно отослал всех своих помощников, дабы они своим присутствием не смущали хана и не отвлекали от того, зачем он пришел.
— Как обстоят дела? — поинтересовался ад-Сейдин, пока они подходили к Каскаду. — Есть что-то, что я должен знать?
— У нас все под контролем, повелитель, — отозвался Дегонис. — Если же ты подразумеваешь недавнее происшествие, то это была трагическая случайность.
Ад-Сейдину, безусловно, сообщили о тряхнувшем дворец толчке. Старший колдун предпочел известить его самостоятельно через Баратиса, не дожидаясь пока повелитель, сложив два и два, раздраженно поинтересуется какого черта они там внизу вытворяют.
— И это в том числе, — кивнул хан. — Расскажи мне что произошло.
Они остановились у Кристального Каскада, но ад-Сейдин, до того как приступить к сеансу, желал услышать доклад Дегониса.
— Да нечего особо рассказывать, — вздохнул колдун. — Алепид занимался исследованиями касательно взрывчатой смеси. По всей видимости, он явно преуспел в своих изысканиях, поскольку мощный взрыв уничтожил все что было в лаборатории. От бедняги осталась лишь горстка пепла. Я неоднократно предупреждал его быть осторожнее, но смелый алхимик иной раз шел на неоправданный риск. У него и прежде бывали осечки, но на сей раз он, очевидно, вплотную приблизился к истине и не сумел справиться с процессом. Реакция, какой бы она ни была, вышла из-под контроля. К великому сожалению, мы так и не узнаем какая именно, поскольку все записи Алепида оказались утрачены вместе со всем содержимым лаборатории. Теперь, как это ни прискорбно, мы вы-

нуждены будем начать все с нуля. Единственным утешением служит сознание того, что создание такой смеси все-таки возможно, ибо Алепид наглядно доказал это столь печальным примером.
— Больше никто не пострадал? — уточнил хан.
— Нет, — мотнул опущенным капюшоном Дегонис. — Но все же мы утратили хорошего специалиста и большую часть его записей. Восполнить такую потерю мне будет непросто. Впредь я постараюсь не допускать ничего подобного, но все же стопроцентной гарантии дать не могу. Колдовство и алхимия — небезопасные искусства.
— А как обстоят дела с Липким огнем? — помолчав, осведомился хан.
Не поняв вопроса, Дегонис заверил что там без каких-либо сюрпризов. Хранители исправно выполняют свои обязанности, а обитатели Нижних подземелий — свои. Здоровье нирелинцев не вызывает опасений, хотя тому же шейху шел девяносто второй год. Выглядел старик на удивление бодро, будто регулярно припадал к какому-то живительному источнику. Его, Дегониса, ничуть не удивит, если ан-Бакир преспокойно пересечет столетний рубеж.
— Я не собираюсь дожидаться пока этому упрямому старику стукнет целый век! — с ноткой неудовольствия произнес ад-Сейдин. — Меня интересует когда в хранителях отпадет всякая нужда. Ты обещал все устроить.
Вот сейчас колдун сообразил о чем именно толкует повелитель.
— Я вплотную приблизился к созданию Ока, — сообщил он. — Тем не менее, мне потребуется определенный период для воплощения малого образца и его испытаний. В случае успеха в нашем распоряжении окажется колдовской инструмент такого же высочайшего уровня, как и Кристальный Каскад. С его помощью твои возможности существенно расширятся, повелитель, и первым его плодом станет секрет изготовления адской смеси нирелинцев. В этом ты можешь не сомневаться.
— Сколько тебе еще потребуется времени? — осведомился хан.
Дегонис быстро прикинул. Сам он примерно понимал ход предстоящих работ и в чем именно они будут выражаться, но называть крайний срок исходя из таких предположений несколько неосмотрительно. В случае запоздания ад-Сейдин будет весьма недоволен. Лучше уж взять с запасом.
— Хотел бы я заверить, что всего несколько месяцев, но сие произойдет лишь при самом благоприятном развитии событий, — подумав, ответил колдун. — В среднем — около года. И почти точно в пределах двух.
Видя как нахмурился хан, Дегонис счел нужным пояснить. Он со-

жалеет что так долго, и приложит все зависящие от него усилия дабы никоим образом не затягивать столь важное дело, но просит повелителя войти в его положение. Создать Око вообще мало кому по силам. Это очень непростой и сложнейший инструмент, и с ним лучше не спешить. Ради достижения успеха стоит потратить лишние месяцы, но зато обрести желаемый результат, нежели закончить все потуги бесполезным пшиком. Дегонис уверен в своих силах. Теперь создание подобного инструмента ему по плечу, однако он может твердо обещать его появление только если ему позволят не торопиться и работать в соответствии с оптимальным графиком. Поведение хранителей не вызывает опасений, поставки Липкого огня осуществляются без перебоев, новый флот вооружен и преподнесет противнику ужасающий сюрприз, а на таком благоприятном фоне обождать год-два не такая уж и большая досада. Особенно если финал выглядит столь многообещающе.

Ад-Сейдин помолчал, обдумывая услышанное. По его лицу трудно было определить находит ли он слова колдуна оправданными, либо же произнесенный монолог его все же не убедил. Обычно хан прислушивался к мнению Дегониса, уж всяко лучше него разбиравшегося в колдовском ремесле, но на сей раз слишком многое зависело от реализации замысла. К тому же колдун при случае мог и поднажать, что прежде уже бывало.

— Чародейка не объявлялась? — спросил вдруг хан, и Дегонис понял, что тот принял его аргументы и по-прежнему предоставляет свободу действий на свое усмотрение.

— Нет, повелитель, — снова качнулся низко надвинутый капюшон. — И к сожалению, и к счастью. К счастью — потому что она не угрожает вмешаться в наши планы. К сожалению — ибо схватив ее мы могли бы узнать весьма много интересных и полезных сведений.

— Не говоря уже об очень ценной заложнице, — согласно кивнул ад-Сейдин. — Неслучайно я приказал взять ее живой. Хотели бы убить — давно бы убили. Особенно когда она, судя по прочтенным мной донесениям, карабкалась по стене в каких-то жалких ярдах от сотни моих лучников. К сожалению, тогда ты меня подвел.

— Еще раз признаю свою ошибку, повелитель, — виновато сказал Дегонис. — Мне следовало не спускать с нее глаз и не покидать пленницу ни на секунду. Но я доверился твоим гвардейцам, а в таких случаях доверять я все же могу только себе, в чем имел несчастье убедиться.

— Помяни мое слово — чародейки севера еще доставят нам неприятности, — мрачно заявил хан. — Это сейчас они делают вид что им до нас нет никакого дела. Я знаю что это не так, как знаю

и то, что они живо пересмотрят свои взгляды когда империя расширится до границ северных королевств. К тому времени я должен твердо знать что их прямое вмешательство в войну уже не сможет повлиять на ее исход.
— Можешь на меня положиться, повелитель, я сделаю все от меня зависящее, — заверил колдун. — Я помогу построить тебе империю твоей мечты, мечты твоего отца и твоего деда. Чародейки — очень опасный противник. Возможно, самый опасный из всех, кто окажется у тебя на пути. Но пока они не вступили в открытый союз с твоими врагами у нас есть отличные шансы победить всех по одиночке. Их политика невмешательства в данном случае является их слабым местом и сослужит нам добрую службу. Только для моих исследований мне очень желательно заполучить одну из них живой и невредимой.
— Сирелина теперь может и вовсе не появиться. Возможно мне стоит отправить на север экспедиционный корпус? — предложил ад-Сейдин.
— Ни в коем случае! — живо откликнулся Дегонис. — Одно дело поймать чертовку здесь как проникшего в дом воришку и совсем другое — похитить какую-нибудь чародейку в ее собственных краях. К такой откровенной агрессии ее сестры не останутся безучастны и полученные минусы перевесят все возможные плюсы. Всему свое время, повелитель, всему свое время.

Похоже, колдун хорошо знал о чем говорил. Ведь именно он до сих пор удерживал хана от излишне враждебных шагов, хотя заподозрить Дегониса в симпатии к чародейкам уж точно язык не поворачивался. Некогда он уже имел удовольствие столкнуться с некой группой сестер под названием Гексенхаммер и вынес из этого крайне неприятные воспоминания. Прибежище под крылом столь могущественного повелителя как властелин Железных земель оказалось для колдуна весьма кстати. За оказанное покровительство он верно платил ценными услугами и до сих пор не давал ад-Сейдину повода пожалеть о некогда заключенном договоре.
— Хорошо, — кивнул хан. — Но ты знаешь: я всегда готов выслушать твои предложения.
— Благодарю, повелитель. Баратис обязательно их передаст, если таковые будут, — отвесил колдун легкий поклон. — Надеюсь, ты им полностью доволен?
— Да. Очень полезный и исполнительный специалист. Его помощь в походе приходится весьма кстати, — не поскупился на лестный отзыв ад-Сейдин.
— Мой лучший ученик, — не без гордости заявил Дегонис. — Очень многообещающий. Кстати, осмелюсь спросить, повелитель…

Баратис, будучи законным членом состоявшегося Военного совета, известил меня о скором прибытии в Аяз Мол принца Камаля.
— И? — коротко осведомился хан.
— Следует ли ему принять какие-то меры предосторожности? — вкрадчиво спросил колдун. — Будучи допущен к особе принца он смог бы лучше выполнять свои обязанности. Заранее оговорюсь: я стараюсь исходить исключительно из интересов повелителя. Уж коли он сам имеет определенные подозрения касательно трагической судьбы старшего сына, то лучше подстраховаться с младшим. Я, признаться, этих подозрений все же не разделяю, но мой долг верой и правдой служить повелителю несмотря на собственные убеждения. Присмотр Баратиса в этом случае оказался бы весьма не лишним.
— Возможно, ты прав, — подумав, сказал ад-Сейдин. — Злой умысел может предполагать и использование колдовства, а подобные вещи даже самые лучшие гвардейцы предотвратить обычно не в силах. До отъезда я сообщу тебе свое решение. А сейчас давай приступать. Я услышал все что хотел.
Дегонис снова поклонился.

Игра колдовского света и теней Кристального Каскада завораживала. Это было одно из тех зрелищ на которые можно смотреть вечно, как на горящий огонь или текущую воду. Оно никогда не надоедало, не казалось пресным или однообразным. Подчиняясь пассам колдуна, оживший Каскад последовательно проходил стадию за стадией, и эта прелюдия с разгоравшимися огнями, переливавшимися кристаллами и волнующейся темной поверхностью приковывала жадный взор вершившимся чародейским таинством. Прогремевшее под сводами зала колдовское наречие вызвало удар ослепительной молнии, и большой бесцветный кристалл сразу пошел всеми цветами радуги. Заструившиеся из него тысячи электрических сполохов превращали сокрывшую ханскую печать поверхность в пар, быстро заволакивающий все внутреннее пространство плотным облаком. Выливаясь на пол, оно подступало к самым ногам, но не распространялось дальше некой незримой границы. Вскоре оно скрыло весь Каскад, превратившись в сплошную завесу серой мглы. Эта мгла не обладала какими-либо собственными свойствами, не имея ни веса, ни плотности, ни температуры. Перед глазами ад-Сейдина вновь расстилался Колдовской Туман.

Вопрос был тот же, но теперь видение изменилось. Оно больше не показывало тянувшиеся к небу пальмы далекого оазиса и его блестевшие под палящим солнцем пустыни прозрачные воды глубокого озера. Не было там ни построек живописного поселения,

ни гуртов скота, ни размытых словно под каплями дождя фигурок людей. Панорама по-прежнему то приближалась, то отдалялась, будто никак не могла сфокусироваться на каком-то объекте, но теперь она открывала совсем иное. Однако, как и в прошлый раз, Гийюр ад-Сейдин разгадал разворачивавшееся перед ним видение. И если прежде он никогда не видел Нирелин, а лишь сообразил что это может быть, то ныне какая-либо ошибка попросту исключалась. Хан просто не мог не узнать собственный дворец.

Когда Колдовской Туман развеялся, а Кристальный Каскад погас, у властелина Железных земель уже не оставалось ни малейших сомнений в дважды увиденном пророчестве. Появление дворца окончательно подтверждало его изначальное предположение. Помешать воплощению планов рождения новой империи мог только Липкий огонь, чья тайна была прежде сокрыта в далеком оазисе Нирелин, а ныне хранилась в глубине Нижних подземелий.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ